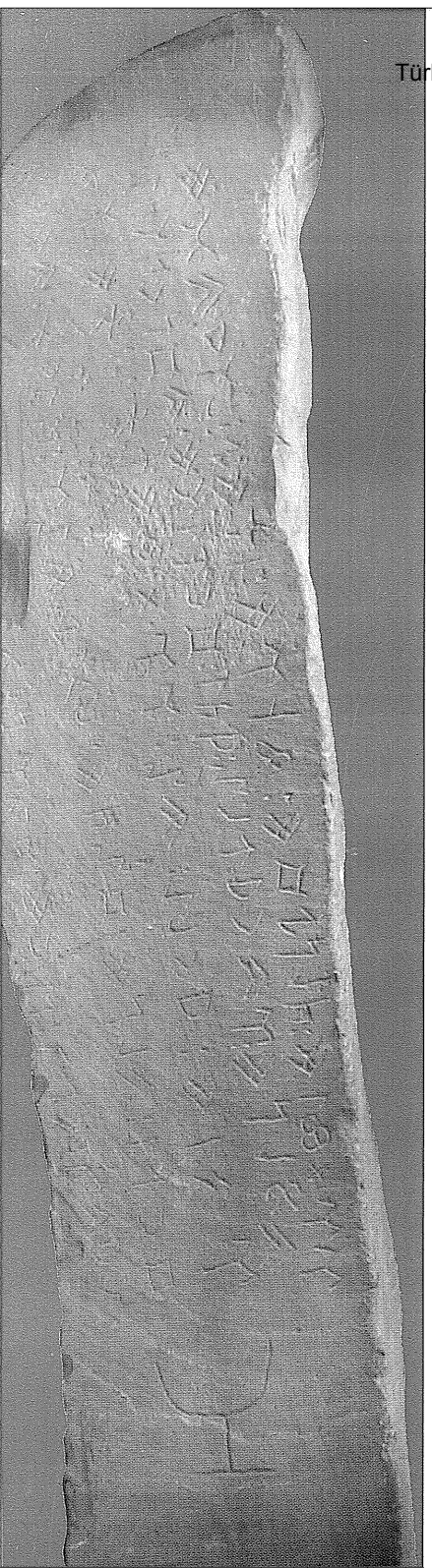
Türk Dilleri Kütüphanesi

И. В. Кормушин

ТЮРКСКИЕ ЕНИСЕЙСКИЕ ЭПИТАФИИ

Грамматика Текстология

НАУКА

Türk Dilleri Kütüphanesi

Türk Dilleri Kütüphanesi

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И. В. Кормушин

ТЮРКСКИЕ ЕНИСЕЙСКИЕ ЭПИТАФИИ

Грамматика Текстология

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 811.512.1
ББК 81.2
К66

Türk Dilleri Kütüphanesi

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-04-16243д

Ответственный редактор
доктор филологических наук Д.М. НАСИЛОВ

Рецензенты:
доктор филологических наук И.Г. ДОБРОДОМОВ,
доктор филологических наук О.А. МУДРАК

Кормушин И.В.

Тюркские енисейские эпитафии : грамматика, текстология / И.В. Кормушин ; [отв. ред. Д.М. Насилов] ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Наука, 2008. – 342 с. – ISBN 978-5-02-036260-4.

В книге продолжено исследование тюркских рунических надписей VIII–XI вв. с территорий Хакасии, Тувы, отчасти Монголии, составляющих письменное наследие государства древних кыркызов, в состав которого входили предки современных киргизов, алтайцев, хакасов, тувинцев и нек. др. народов. В отличие от первой части труда «Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования» (М.: Наука, 1997), в данной книге основное внимание уделено закономерностям организации эпитафийного содержания, знание которых позволяет глубже интерпретировать древние тексты. Критико-палеографическому обследованию подвергнуто около 20 надписей, не вошедших в первую книгу. В книге даны фотографии некоторых из рассмотренных памятников.

Для филологов и историков, специалистов по истории тюркских народов и языков.

Kormushin I.V.

Turkic Yenisey Epitaphs : Grammar and Textology. M. : Nauka, 2008. – 342 p.

The author continues studying the Old Turkic Runiform Inscriptions of the 8th–9th centuries left by the Old Kyrgyz in the basin of the Upper and Middle Yenisey and the North-Western part of Mongolia.

For linguists and historians, specialists in the history of the Turkic languages.

ISBN 978-5-02-036260-4

© Кормушин И.В., 2008
© Институт языкознания РАН, 2008
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2008

Türk Dilleri Kütüphanesi

Предисловие

Настоящая книга является продолжением вышедшей ранее монографии автора "Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования" (М.; "Наука", 1997; далее в сокращении – Корм.ТЕЭ-I). Если первая книга в основном была посвящена палеографическим проблемам установления аутентичных текстов надписей и лишь попутно содержала замечания лингвистического характера, то во второй книге – "Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология" (далее в сокращении: Корм.ТЕЭ-II), как видно из ее подзаголовка, проблемам грамматики и текстологии, уделяется основное внимание.

Вместе с тем, автор, регулярно посещая Туву и Хакасию, продолжал палеографические изыскания как в отношении уже исследованных и опубликованных им текстов, так и, особенно, в отношении памятников, не законченных исследованием к моменту публикации первой книги. Главная причина такой задержки – в исключительной трудности идентификации плохо сохранившихся, полустертых или стертых знаков, в невозможности сколько-нибудь удовлетворительной интерпретации слов, частей фраз или даже целых фраз. Иногда кажется, что исследование достигло своего естественного предела, однако настойчивое повторение попыток в ряде случаев дает результат, и дело сдвигается с мертвой точки.

Поэтому первая часть настоящей книги представляет собой анализ памятников, не вошедших в изданную ранее. Описание следует выработанной там стандартизованной схеме: краткий обзор нынешнего состояния памятника, его размеры, материал, географическое место первоначальной установки и место нынешнего нахождения, особенности первой и последующих публикаций. Затем в разделе "Коррекции состава знаков" дается подробный, часто побуквенный анализ палеографической стороны памятника, позволивший уточнить состав каждого слова в каждой строке и внести во многих случаях коррективы в чтение, в широком смысле, памятника, т.е. в его формальную и содержательную стороны. Далее в разделе "Текст" приводится текст памятника в трех видах – а) в оригинальной графике типизированными руническими буквами, не передающими многих палеографических особенностей (рассматриваемых в разделе "Коррекции"), б) в транслитерационной передаче специальными символами на латинско-греческой основе, однозначно соответствующими руническим знакам; в) в обычной

Türk Dilleri Kütüphanesi
латинско-греческой тюркологической транскрипции, в которой производится "интерпретационный крен" в отношении фонетического и морфологического облика получаемых цепочек слов. Заключают публикацию памятника "Примечания", содержащие лингвистический и экстралингвистический разбор отдельных слов и предложений надписи.

Вторая часть содержит тексты всех рассмотренных в обеих книгах памятников в их установленном на настоящий момент, но, думается, не окончательном виде, при этом даются добавления и исправления к памятникам, бывшим предметом анализа первой книги. По каждому из памятников приведены основные библиографические данные, а также составлена краткая характеристика содержания эпитафии.

Третья часть представляет собой очерк грамматики языка енисейских надписей. До сих пор все имеющиеся грамматики не дифференцировали языковой материал орхонских и енисейских памятников, давали грамматические квалификации нерасчлененно, манифестируя существование “языка «орхоно-енисейских» памятников”[1]. Этим понятием покрывались памятники трех родственных, прежде всего в языковом отношении, но все же самостоятельных этнополитических образований – древнетюркского (551–744 гг.), древнеуйгурского (744–840 гг.) и древнекыркызского (840–кон. X в.) каганатов, существовавших и оставивших свои памятники на землях Центральной Азии и Южной Сибири. Основанием для совместного рассмотрения указанных языков под единым лингвонимом служила их очевидная близость на всех уровнях структуры – в фонетике, грамматике, лексике, включая сюда фразеологию в широком смысле слова как манеру и тематику повествования, однотипность приемов выразительности и т.п. Вместе с тем, по мере углубления и расширения наших знаний о енисейских памятниках все больше открывалось признаков, по которым их язык отличался от языков орхонского и древнеуйгурско-рунического.

Подобная коллизия находит свое разрешение в теории литературных языков, получившей основательное развитие в русской лингвистике. Многое для ее адаптирования к истории тюркских языков было сделано в трудах редактора нашей первой книги члена-корреспондента РАН Э.Р.Тенишева (1921–2004). Согласно синтезирующему воззрению, в случае с “орхоно-енисейским” и подобными историко-филологическими образованиями, мы имеем дело с применением единого – непременно добавляем: **в своих структурно-генетических истоках формирования** – древнетюркского литературного языка в различной культурно-исторической и языковой (диалектной) среде. Близкие к такому пониманию идеи содержались в ряде работ академика А.Н.Самойловича в 20-х годах XX в. Примерно такие же подходы обозначил виднейший отечественный тюрколог-

[1] Включая автора этих строк, ср.: *Кормушин И.В.* Орхоно-енисейских надписей язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.352; *Он же.* Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С.89-106.

Türk Dilleri Kütüphanesi

древник член-корреспондент АН СССР С.Е.Малов в полемике о соотношении языка древних памятников бассейна Енисея, которые он считал киргизскими по государственной принадлежности, с возможно отличающимся от этого книжного письменного языка разговорным языком древних киргизов [Мал.ЕПТ, 7].

Применение теории литературных языков к материалам древнетюркских рунических памятников открывает возможности для разноплановых их использования и истолкования в рамках двух смежных, зависимых друг от друга, но отдельных историко-филологических дисциплин. С одной стороны, такие памятники – объект истории литературных языков / литературного языка. Памятники разных времен и этносов, например, орхонские, древнеуйгурско-рунические и енисейские, могут рассматриваться как варианты, этапы развития единого наддиалектного литературного языка. Подчеркнем, что соответствующие тюркоязычные этносы ко времени первых письменных памятников уже достаточно долгое время существовали отдельно друг от друга, что и заложило основы их языковой дивергенции, приведшей гораздо позже к сложению самостоятельных групп диалектов, из которых еще позже вышли самостоятельные тюркские языки. Само же понятие «развитие» в отношении наддиалектно-литературных языков применяется довольно специфически: наличие или отсутствие тех или иных фонетических, грамматических или лексических форм в одних или других памятниках часто обязано смене диалектной ориентации писцов и/или заказчиков текста, либо меняющимся внешним влияниям, но не обязательно естественноисторическим изменениям фонем, аффиксов и лексем.

С другой стороны, памятники могут быть объектом исторической грамматики, но только в определенной, иногда достаточно ограниченной мере, в которой данные тексты отражали, во-первых, те языковые формы, что были общими для литературного койне и диалектов, носители которых создавали эти памятники, а во-вторых, те формы живой речи этих носителей, что проникали в тексты так сказать "несанкционированно", не в соответствии с литературным стандартом, либо в нарушение его. Направление исследований енисейских надписей, затрагивающих последнюю из указанных языковых особенностей, – только в начале своего становления, поскольку представление о возможной амальгамированности в текстах разнодиалектных – разговорных и литературных – форм лишь недавно теоретически осознано и опирается на немногие случаи переосмысления малопонятных в прошлом фактов на новый лад. Здесь многое остается загадочным хотя бы потому, что наддиалектно-литературные формы узнаваемы благодаря многократной воспроизводимости (в том числе и за пределами текстов рунической традиции), тогда как отклонения от нормы всегда сомнительны, их можно отнести к ошибкам писца, плохой сохранности текста, неверной интерпретации и т.п. И все же крупицы фактов, добытые в преодоление этих сомнений, дорогого стоят, ибо они проливают хоть какой-то свет на состояние языков,

Türk Dilleri Kütüphanesi
первые фиксации которых появляются лишь в новое время – в XVIII–XIX вв. В этой книге мы представляем небольшой опыт подобного рода, полученный в основном после выхода в свет Корм.ТЕЭ-I.

Еще одна проблема, нашедшая новые подходы в данной книге по сравнению с предыдущей, это состав памятников, получивших наименование "енисейские". Бассейн Енисея как принадлежащий Северной Азии (Сибири) четко отделяется от Центральной Азии хребтами Западного и Восточного Танну-Ола и Сенгилен, что в основном совпадает с нынешними границами Монголии и России (на участке Республики Тыва). В 1894–1895 гг. В.В.Радлов опубликовал орхонские и другие памятники с территории современной Монголии и енисейские памятники с территорий нынешних республик Тыва и Хакасия (ныне – в составе России) как географически относящиеся к Монголии, озаглавив свой эпохальный труд как «Die Alttürkischen Ischriften der Mongolei» (Древнетюркские надписи Монголии). После революционных процессов начала XX в., когда Внешняя Монголия вышла из состава Китайской империи, а Тува отделилась от Монголии и в 1921г. образовала независимую Тувинскую народную республику, объединение древнетюркских памятников под названием "монгольские" перестало быть политкорректным. В свой классический труд "Енисейская письменность тюрков" С.Е.Малов включил надписи из бассейна Енисея (Тува и Хакасия) за единственным исключением: под номером 47 он опубликовал текст стелы из Суджи, Монголия, бассейн р. Селенги (невдалеке от нахождения памятника в честь уйгурского кагана Моюн-чура / Моян-чора).

При подготовке "Древнетюркского словаря", когда для краткости обозначения памятников решили перейти на буквенный сигл Е с номером (Е-1, Е-2 и т.д.), Суджинская надпись получила особое сокращение С, а 47-й номер в реестре енисейских остался незанятым (см. [ДТС, XXIV и XXIX]). Иными словами, она лишилась статуса "енисейской", поскольку начиная с ее первого издателя Г.И.Рамстедта надпись из Суджи относили к древнеуйгурско-руническим. И тем не менее у С.Е.Малова были весомые основания для рассмотрения ее в контексте древних рунических тувинско-хакасских эпитафийных текстов (см. об этом подробнее ниже).

В 2004 г. вместе с экспедицией Тывинского госуниверситета мне удалось побывать в сопредельных с Тувой районах Западной Монголии и исследовать давно уже открытую эпиграфистами надпись из Дарвь-сумона в 60 км юго-восточнее г.Ховда (Кобдо). Из полученного мной текста следовал ряд выводов (подробнее см. ниже), причем один из них состоял в том, что дарвьская надпись относится к кругу енисейских. Принципиальное значение этого свидетельства состоит в том, что следует допустить возможность нахождения памятников кыркызского каганата в областях Северной и особенно Западной (Приалтайской) Монголии. Следовательно, нерасчлененное понятие "древнетюркские рунические надписи Монголии"

Türk Dilleri Kütüphanesi

следует дифференцировать на три культурно-исторических этапа в соответствии с этнополитической историей этого региона.

Четвертая часть настоящей книги посвящена вопросам текстологии. В первую очередь речь идет об исследовании содержательной стороны текстов эпитафий в увязке с языковыми средствами их выражения. Далее, на основе закономерностей построения текстовых фраз и их вариативности, последовательности в подаче традиционно ожидаемых сведений и пропускам тех или иных ее элементов, в стилистической окрашенности различных пассажей и т.д. и т.п. – мы стремимся разглядеть, разгадать позиции и оценки участников того особого акта коммуникации, каким является текст эпитафии, – писавших, читателей и мемориата. Улавливаемые таким образом различные стороны этого трехстороннего взаимодействия необходимо эксплицировать в виде конкретной информации личностного, родственного, наследственного, служебного, социального, военного, политического, этнического и т.п. характера.

Указанные аспекты содержания речевых произведений рассматриваются в теории дискурса. Считается, что «дискурс – это речь, "погруженная в жизнь". Поэтому термин "дискурс", в отличие от термина "текст", – полагает Н.Д.Арутюнова, – не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно»[2]. Однако исследователи древних текстов вынуждены не соглашаться с такой трактовкой жанров застывшей речи. Эта коллизия имеет и теоретическую, и, в еще большей степени, практическую подоплеку. В теоретическом отношении зададимся вопросом: все то, что мы "додумываем", анализируя содержание обращенного к нам высказывания, – имеет объективный характер или не имеет? Если прагматические аспекты речевых произведений опираются на языковые структуры (а не являются "чистой" передачей мысли), то имеет, пусть даже между ними (языковыми и прагматическими значениями) и нет тех, более прозрачных и однозначных соответствий, что мы отмечаем в семантике языковых знаков. Если это так, если в прагматике иными, чем в семантике, способами объективировано некоторое личностно преломленное когнитивное, эмоциональное и т.п. содержание, то оно наличествует даже в мертвом тексте. Задача интерпретатора – сколь возможно оживить его и представить в виде реконструкций контекстуальных экстраполяций и эмендаций текста. Из мозаики практических решений такого рода частных задач, с которыми всегда связано толкование текстов, складываются если не картины, то по крайней мере какие-то фрагменты представлений о событиях прошлой жизни и через них – об устройстве этой прошлой жизни. Текстология конкретной историко-филологической отрасли стремится закрепить выводное знание в виде разного рода содержательных фреймов.

---

[2] *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.136-137.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Простейший пример: перечисление сановников при церемониях обычно отражает их иерархию в системе власти. Другой, не столь тривиальный пример. Упоминание супруги перед сыновьями в ряду тех, с кем прощается мемориант, связан, по-видимому, с желанием очертить и ограничить круг наследников, ибо, хотя собственные имена не называются, читатель-современник (в отличие от нынешнего) знает, о ком идет речь. С другой стороны, при таком порядке следования: «супруга – сыновья», речь, возможно, идет о несовершеннолетних детях (до 15 лет), тем самым вдова как бы определялась на роль регентши.

Еще один важный фрейм связан с отношениями вассалитета. Среди адресатов прощания после супруги и сыновей часто упоминается сюзерен покойного -- либо бек, либо хан (в зависимости от статуса правителя). Очевидно, что упоминание вышестоящего начальника в эпитафии было крайне желательно для наследников, как выражение их лояльности верховной власти и заявка на продолжение прежних вассальных отношений. Отсутствие такой фигуры среди адресатов вряд ли могло быть предметом недосмотра, временной обиды, нехватки места в тексте и т.п. Как представляется по совокупности данных в отношении некоторых текстов, отсутствие в них хана-бека определенно свидетельствует о самостоятельности, хотя бы временной, княжества (удела, области), которым руководил мемориант.

Изучение устойчивых и клишированных выражений, организующих эпитафийный канон енисейских поминальных памятников, экспликация из их текстов не только прямых и явных, но также косвенных, скрытых и попутных смыслов, – очерченная таким образом текстология енисеики может занять на ближайшее время приоритетное место в рунологических исследованиях. Нет смысла ждать разрешения палеографических проблем и установления “окончательных” текстов. После некоторого продвижения в этом вопросе нужно попытаться из имеющихся текстов “выжать” максимум возможной информации. В сочетании с достижениями этимологии, исторической лексикологии и сравнительно-исторической грамматики тюркских языков енисейская текстология может обеспечить и верификацию старых, и приращение новых исторических знаний.

Завершая работу над подготовкой данной рукописи к печати, хочу поблагодарить многих коллег, принимавших на разных этапах участие в обсуждении тех или иных вопросов, расматриваемых в книге, и среди них особенно ее ответственного редактора доктора филологических наук Д.М.Насилова и рецензента доктора филологических наук О.А.Мудрака, а также академика Ю.С.Степанова, прочитавших наш труд в рукописи и сделавших автору целый ряд ценных замечаний.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Часть I

КОРРЕКЦИИ ТЕКСТОВ РЯДА ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В данной части дается палеографо-текстологический анализ 18 енисейских надписей (две из них, 153 и 154 публикуются впервые), которые по разным причинам оказались за рамками рассмотрения в предыдущей книге – Корм.ТЕЭ-I[3].

Надписи из Хакасии: 26, 33, 34,134.

Надписи из Тувы: 4, 64, 13, 16, 18, 41, 60, 69, 73, 108.

Наскальные рунические надписи из Западной Тувы: 153, 154.

Надписи из Монголии: С, Дрв.

НАДПИСИ ИЗ ХАКАСИИ

Е-26 (Очуры)

Надпись на стеле из грязно-желтого (бурого) мелкозернистого песчаника, высотой 161 см от вкопанной части, не строго квадратной в сечении, со сторонами: лицевая грань – 28 см у основания, до 32 см в середине и до 27 см вверху; боковая грань – около 32 см у основания и до 27 см вверху. Происходит из местности в 20 км северо-западнее села Очуры (Ачура) в Койбальской степи (в 30 км южнее г.Абакана). Хранится в Минусинском музее, музейный номер 32. Сохранность надписи плохая, одна сторона практически полностью изглажена, в нижней части трех сохранившихся сторон – обширные сколы, правда неясно, на всем ли протяжении сколотая поверхность могла содержать знаки надписи, или же – как представляется более вероятным – большая часть скола образовалась еще до нанесения древнетюркской надписи, и тогда процент утрат в этих местах в действительности гораздо меньше пессимистически расчетного. Данное обстоятельство заставляет обсуждать вопросы законченности фраз в строках и связности строк между собой. Наряду с этим очевидны утраты немалого числа знаков и в других частях надписи. В связи с трудностями идентифи-

[3] Там было проанализировано 56 надписей, из них 3 – опубликовно впервые: Е-147, Е-149, Е-152.

Türk Dilleri Kütüphanesi
кации стершихся, плохо различимых знаков, между изданиями существуют немалые расхождения. Надпись впервые издана В.В.Радловым (1895), исправившим многие ошибочные идентификации знаков ФАтласа. Издания Х.Н.Оркуна (1940) и С.Е.Малов (1952) полностью базируются на чтениях В.В.Радлова, внося ряд новаций в осмысление (перевод) текста. Издание С.Е.Малова практически повторено в брошюре О.В.Субраковой и И.А.Батманова (1970) и в альбоме Д.Д.Васильева (1983).

На каждой стороне стелы, в том числе и на полностью стертой, было нанесено по четыре строки, они разлинованы, т.е. отделены друг от друга сплошной бороздой. Неоднократно применен обратный ход строк (бустрофедон), причем на каждой стороне по-разному. Теперь кажется очевидным, что основное направление строк (за исключением бустрофедонных) – сверху вниз (от неба к земле) и справа налево (тип I г, как в надписи Кюльтегина), по крайней мере, таковы начала на трех из четырех граней памятника. Лицевая грань никак не выделена, поэтому порядок сторон у издателей различен. В ФАтласе в условиях недешифрованности письма и по аналогии с другими надписями логично избран строго последовательный порядок: от широкой сохранившейся грани (ныне это правая сторона) справа налево вкруговую. Радлов, сообразуясь с полученным после дешифровки рунического письма содержанием, совершенно правильно, на наш взгляд, принял в качестве лицевой чуть более узкую грань, содержащую текст с титулатурой мемориантa, затем логично (исходя из следования строк справа налево) шла левая боковая сторона. После нее, в нарушение последовательности сторон, Радлов поставил строки правой стороны, а в конец отнес остатки (всего десяток рун из одной строки) задней стороны. Думается, правая сторона является все же заключительной частью текста: на это указывают такие особенности его содержания, как наличие общей сентенции и прощание мемориантa с дружинниками, которые в ряду деплоративных адресатов занимали далеко не первое место. Следование левой стороны за передней также подтверждается содержательно: на передней стороне, строка 2, говорится о рождении мемориантa, на левой стороне, строка 5, речь идет о начале службы мемориантa в 17 лет. Косвенное доказательство положения задней стороны как продолжения левой – в характере направления сохранившейся первой строки и особенности содержания, о чем см. ниже.

Направление строк на гранях следующее. Передняя сторона – 1, 2, 4 строки сверху вниз (от неба к земле), справа налево, вершинами букв налево (тип I г), 3 строка – бустрофедонное продолжение второй, – снизу вверх (от земли к небу), вершинами букв вправо, к вершинам букв строки 2. На левой стороне, в отличие от передней, только одна строка спускается сверху вниз (от неба к земле), остальные три строки идут снизу вверх. На правой стороне строки расположены последовательным бустрофедоном, т.е. первая строка размещена на правом краю, направлением сверху вниз, вершинами букв налево, вторая – бустрофедоном снизу вверх, вершинами букв

Türk Dilleri Kütüphanesi

направо, к вершинам букв предыдущей строки. Третья строка расположена аналогично первой, четвертая – аналогично второй. Единственная строка задней стороны, в которой остались читабельными несколько букв, – крайне правая строка на этой грани, имеет направление снизу вверх. В связи с вполне определенным характером строк, идущих снизу вверх, одинаковым на всех сторонах, представляется, что бустрофедонная строка задней стороны (как и, вероятно, весь несохранившийся текст) являются продолжением предшествующей, левой стороны.

Коррекции состава знаков

Передняя сторона. Состоит из четырех строк, в последовательности – справа налево; три строки, 1, 2 и 4, – сверху вниз, а третья – бустрофедоном ко второй строке – снизу вверх.

Первая строка (Мал.ЕПТ – строка 1; ФАтлас, табл. XIX, знаки №107–127). Она направлена сверху вниз (от неба к земле), буквы в строке вершинами смотрят влево. Хорошо идентифицируются первые 19 букв на протяжении 65 см, однако ФАтлас некоторые из них зафиксировал ошибочно, это знаки 1–2 (№107–108), 9 (№115), 12 (№118) и 16 (№122), которые все исправил Радлов, следует добавить лишь словоразделитель после второго знака. Радлов также исправил 20-й знак 𐰉 : l² (в ФАтласе №126 пунктиром 𐰋 : ü). Знаки конца строки на позициях 21–22 почти стерты, ФАтлас и Радлов определяли здесь и разные знаки, и даже разное их количество: на 21 позиции Радлов предположил 𐰍 : g (в ФАтласе №127 пунктиром 𐰏 : k, перевернутое слева направо). Далее в ФАтласе знаков определено не было, а Радлов с сомнением (в скобках) приводит еще две буквы: 𐰚𐰇 : r¹a, читая получившееся как irig ölüg ara, что в переводе Малова: "(*умерший*) среди тленных и покойников" [Мал.ЕПТ, 48]. Этот перевод, конечно, условен, вряд ли фраза заканчивалась послелогом. Кроме того, представляется, что слово irig входит в состав титулования мемориант. Окончание фразы все же удается рассмотреть в виде двух букв 𐰴 : t² и 𐰾 : M, т.е. финитное глагольное окончание в öltim, что грамматически значительно лучше. Уменьшенный и недостаточно пробитый характер знаков 21–22 показывает, что резчик старался уместить окончание слова и опасался новых повреждений. Начало данной строки также не утрачено, как полагал Радлов и другие издатели, ставя перед первым словом il отточие: скол угла камня, как можно судить по обходу этой выемки уменьшенными знаками строки 4 на смежной правой стооне, имелся к моменту нанесения надписи. Следовательно, данная строка, с учетом не вполне поддававшихся чтению знаков 21–22, сохранилась полностью, грамматически и текстологически она ясна: мемориант от 1-го лица сообщает о своей смерти, называя себя при этом по титулам и званиям.

Вторая строка (Мал.ЕПТ – строка 2; ФАтлас, табл. XIX, знаки №128–147). Начало и конец этой строки, как и предыдущей, не утрачены. 19 букв

Türk Dilleri Kütüphanesi
написаны до границы скола, а 20 и 21 процарапаны уже на сколе, почему последняя, 21-я, и не была никем опознана. В ФАтласе в начале строки прочитан лишний знак (№128), а остальные знаки почти все идентифицированы верно, за исключением трех – 15, 16, 18, точнее переданных у Радлова, который также давал с сомнением (в скобках) 20 знак 𐰴 : d[1]. Сейчас он виден по следам керна, как и следы следующей буквы, 𐰾 : M. Судя по незначительности расстояния между 4-м и 5-м знаками они, скорее всего, входят в одно слово, а фиксировавшиеся здесь две точки являются случайными выщерблинами, а не выбитым пунктуационным знаком, поэтому представляется возможным изменить синтаксическое понимание этой строки-предложения. Даже при трудностях перевода первой части фразы, ее вторая часть "я родился мальчиком", находящая аналогию в тексте E-29, 5, – коммуникативно хорошо согласуется с предыдущей, первой строкой, продолжая самопредставление мемориантa в 1-м л.ед.ч.

Третья строка (в Мал.ЕПТ – четвертая; ФАтлас, знаки №148-171). Ход строки – бустрофедоном, снизу вверх (от земли к небу), буквы в строке верхними концами смотрят вправо. Радлов отнес эту строку в конец текста на данной стороне. В ФАтласе приведены верно знаки 2–3 (№149–150), 10–15 (№157–162), 21–27 (№166–171); Радлов к этому прибавил правильное чтение знаков 4–9, все вместе дало: il(i)ŋ(i)z üčün q(a)zɣ(a)nu. Буквы следующего слова, знаки 15–19, из-за их стертости трудны для идентификации, кроме 15-го, определенного еще в ФАтласе как 𐰍 : ü (№ 162). Вместе с остальными знаками у меня получается 𐰍𐰚𐰚𐰆𐰍 : üg(i)r(ä)ri, и это чтение не вполне достоверно; во всяком случае в этом месте нет слов 𐰃...𐰋𐰏𐰍 : öz quj, которые получились у Радлова (ср., впрочем, следующую строку: не взяты ли эти слова по ошибке оттуда?), и тем более нет глагола adïrïldïŋïz, добавлявшегося Радловым в скобках, "по смыслу". Мои предложения ближе к тому, что было в ФАтласе. Тем не менее основная мысль перевода Радлова: "вы, ради своего (вашего) государства приобретая", – остается при любом последующем вспомогательном глаголе. Правда, отсутствие финитного окончания 2 л.мн.ч. вызывает вопросы.

В самом начале рассматриваемой строки (у земли) отбито несколько знаков, из них полностью уцелел последний (первый знак по наличному счету) 𐰚 : I (так в ФАтласе, № 158, но не 𐰀 : a/ä Радлова). Кажется, еще от предыдущей буквы остался левый зубчик, и это в целом могло быть частью слова 𐰚[𐰚𐰋] : täŋri. Ни одним издателем не было замечено, что деплоративная частица, читавшаяся всегда как jïta, здесь имеет начальное 𐰀 : a, что важно для коррекции чтения этого слова, впервые теоретически предложенной Дж.Клосоном как ajïta.

Четвертая строка. (в Мал.ЕПТ и др. – третья; ФАтлас, знаки №172–184). Ход строки, как у строк 1 и 2, сверху вниз (от неба к земле), буквы верхними концами смотрят влево. Сохранность букв очень плохая, к тому же после первых двух знаков образовалась лакуна не менее чем в 10 букв. Если в

Türk Dilleri Kütüphanesi

ФАтласе идентифицировано 13 букв, у Радлова – 16, у нас – 19, то конкретные отождествления очень разнятся и смысл фразы, заключенной в строке ни у кого не складывается. Судя по первым двум буквам r^2r^2 (вероятно, начало словосочетания (ä)r (ä)rd(ä)m ‘доблесть мужа[-воина]’) и слову äsiz ‘жаль’ после лакуны, здесь скорее всего была деплоративная текстема – фраза сожаления об утраченной воинской доблести. Знаки 9–19 в нашем прочтении, складываются во фразу назывного типа, где перечисляются связанные между собой и не противоречащие эпитафийному ранжированию понятия – бек, его сыновья и супруги.

Передняя сторона, заключение. Буквы всех строк передней стороны занимают чуть больше половины высоты стелы (первая строка – 76 см, вторая – 82 см, третья – 87 см, четвертая – 85 см), далее до низа – скол поверхности камня. Начала 1 и 2 строк находятся практически на одном уровне.

Левая сторона. Первая строка (по общему счету – пятая; в Мал.ЕПТ и др. – пятая; ФАтлас, знаки 185–207). Она расположена на правом краю грани, ход ее сверху вниз (от неба к земле), верхами букв влево. Радлов по 21 знак включительно улучшил записи ФАтласа, исправив буквы 1–4, 10, 19, и пытался прочитать отсутствующее в ФАтласе заключительное слово строки, однако вместо получившегося у него (ä)rd(ä)m ölti, – по нашей версии знаки 19–25 дают (ä)rd(ä)mi üč(ü)n. Характерно, что 22-й знак ᛚ : I, не принятый Радловым, давал предположительно еще ФАтлас (знак №207, пунктиром). В целом же после предлагаемых здесь поправок всего трех знаков (22, 24–25), не считая более кардинальных изменений следующей строки, направление перевода, данного Радловым: “На семнадцатом году его доблестных подвигов доблесть его (т.е. он сам) умерла”, – в нашем прочтении существенно меняется. Получается, что “семнадцать доблестных лет” – это возраст начала службы мемориата, и, следовательно речь не идет о его кончине, о которой было сказано в первой строке надписи.

Вторая строка (по общему счету – шестая; в Мал.ЕПТ и др. – седьмая; ФАтлас, знаки № 208–230). Она является бустрофедонным продолжением первой строки этой стороны и имеет направление снизу вверх (от земли к небу), вершинами букв направо, к вершинам букв предыдущей строки. После изменений в чтении предыдущей строки соподчиненность первой и второй строк левой грани Е-26, предполагаемая из их бустрофедонного характера, подтвердилась формально-синтаксически – причинно-целевым послелогом в конце первой строки. Состав знаков и интерпретация этой строки разделили наших классиков рунологии. В.В.Радлов читал на один знак больше в начале строки, и впереди у него получалось ᛚᚺ : ᛚᚻᚢᚻ : qabqï eti “находящееся в мешке имущество”. Х.Н.Оркун, принимая данный состав знаков, переводил это как “мясо глазного века”. В.Томсен в Turcica разбирал эту строку в связи с анализом примеров в этюде №6, посвященном слову buŋ; следуя за идентификацией знаков в ФАтласе, он оставлял первый знак ᛚ : ï без внимания и остальное читал как baqïrï “денег у него”.

С.Е.Малов, как он сам отметил в примечании [Мал.ЕПТ, 49, примеч. 7], читал и переводил по ФАтласу–В.Томсену. Следует признать, что состав знаков был довольно правильно определен в ФАтласе, и здесь мной предлагается исправление и дополнение всего нескольких букв.

Перед первой буквой 𐰉 : b нет никакого знака (ФАтлас, №208) – ни 𐰴 : q (как у Радлова), ни 𐰾 : ï (как у Томсена). 1-й знак (ФАтлас №209) не 𐰴, а 𐰽. 5-й знак (ФАтлас, №213) не 𐰾 : I, а 𐰺 : A (что как вариант допускалось первоначально в ФАтласе). 18-й знак (№226) не 𐰼 : s^2, а 𐰽 : l^1, и перед ним нет двоеточия-словоразделителя, 20-й знак (№229) не 𐰿 : j^2, а 𐰾 : n^1, и №228 по ФАтласу на стеле нет. В конце строки финские исследователи не опознали четыре еле видимых знака 23-26: 𐰋𐰇𐰚𐰾 : $ür^2t^2M$, давших к ранее установленному корню t(e)g хорошее глагольное окончание: tegürtim ‘я привозил (черных соколов)’. В силу найденного окончания нравившаяся многим метафора (не настораживала даже синтаксическая инверсия!) – baqïrï buŋsiz erti kara sačïn teg “денег у него было без числа, словно черных волос” (так в [ДТС, 124]), а также вариант Х.Н.Оркуна: “веки его (?) были беспечальны как его черные волосы” [Or.ETY, 544], – должны быть отвергнуты, поскольку, как оказалось, речь идет не о “черных волосах”, а о “черных соколах”, импортом которых мемориант явно гордился.

Третья строка (по общему счету – седьмая; в Мал.ЕПТ и др. – шестая; ФАтлас, знаки 231-242). Она совершенно нечитабельна, ФАтлас все знаки дал предположительно (пунктиром). Несколько опознанных нами знаков никак не складываются в слова. Ясно лишь, что направление строки, как и у второй на этой стороне, снизу вверх (от земли к небу).

Четвертая строка (по общему счету – восьмая; в Мал.ЕПТ и др. – восьмая; ФАтлас, знаки 243-259). Радлов значительно изменил идентификации ФАтласа, что наш анализ, к сожалению, не может подтвердить: ближе к началу строки нам удалось установить две глагольные формы с характерным окончанием 2 л.мн.ч. простого прошедшего, но являются ли установленные буквы законченными формами слов (соблазнительно видеть в öltiŋiz форму "вы умерли"), или же это сохранившиеся части каких-то других слов – не ясно, поскольку вокруг этих форм – ни в начале, ни в конце строки какие-либо слова не прочитываются.

Задняя сторона. Эта грань стелы значительно разрушена, от нее сохранилось, как уже сказано, несколько знаков в первой строке, но, судя по всему, как и на остальных гранях, здесь тоже было четыре строки. Конечно, нет никаких оснований ставить остатки текста на этой грани в конец надписи, как это сделал Радлов и следовавшие за ним издатели вопреки логике развертывания текста справа налево по часовой стрелке. В ФАтласе эта сторона оказалась заключительной по другой причине: поскольку за начальную сторону там была избрана нынешняя правая, то при следовании строк и сторон справа налево она и оказалась последней.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Первая строка (по общему счету – девятая; в Мал.ЕПТ и др. – тринадцатая; ФАтлас, знаки 260-270). Мое обследование этой стороны позволило увидеть совсем другие знаки, нежели даны в ФАтласе и у Радлова. Прочитывается всего два слова, но возможно, не из единой фразы: расстояние между ними приблизительно в 11 утраченных знаков.

Строки два – три – четыре. Чисто условно, лишь для понимания первоначальных структуры и размеров надписи, мы вставляем совершенно не прочитываемые ни единым знаком три остальные строки данной стороны – номера 2–3–4, по общему счету строк 10–11–12.

Что касается содержания текста в этой практически не сохранившейся части надписи, то оно предположительно, благодаря единственному прочитываемому слову jaɣïda 'на войне', угадывается как продолжение рассказов о военных походах, начатое в строках 5–6. Такому предположению соответствует характер заключительной части текста, у нас – строки 13–16, содержащей фразы прощания живых с покойным мемориантом и меморианта с живыми.

Правая сторона. В ФАтласе эта сторона избрана в качестве начальной, последовательность строк – справа налево, бустрофедоном: первая и третья строки сверху вниз, вторые и четвертые – снизу вверх; идентифицировано на этой стороне всего 106 рун, из них предположительно (передано пунктиром) – 31 знак. У Малова эта сторона третья по счету (после передней и левой), строки 9–12, причем порядок их таков: сначала идут обе строки, имеющие направление сверху вниз, а затем – обе строки, идущие снизу вверх; в текст включено 95 рун. Наш анализ устанавливает 110 рун.

Первая строка. (По общему счету – тринадцатая, в Мал.ЕПТ – девятая). Крайне правая на данной грани; как и на лицевой стороне, она направлена сверху вниз, от неба к земле, буквы в строке верхними концами знаков смотрят влево. Строка сохранилась полностью, хотя некоторые знаки полустерты, что и вызывало затруднения в их отождествлении. Все же подавляющее большинство из 26 знаков данной строки было верно определено уже в ФАтласе: знаки 1 и 4–21 (ФАтлас №№ 1, 4–21). Отступления последующих издателей от этих идентификаций следует признать ошибочными. В определении первого знака В.В.Радлов напрасно не последовал за ФАтласом, который давал его предположительно (пунктиром) как ᚴ : Z. Второй знак Радлов посчитал не определяющимся и поставил отточие; ошибочно (пунктиром) предполагал его ФАтлас как ᛞ : j[1], в действительности это ᛇ : ᚢq. Третий знак (у Радлова – первый) ни в коем случае не ᚴ, но ᛁ : s[2] (ФАтлас давал здесь пунктирное ᛏ : Р). Оркун и Малов напрасно "подправляли" первое словосочетание на [j]üz är, Клосон усомнился в эпитете к är и оставил его без перевода, см. ниже. Второе словосочетание с отступлением от четко установленного в ФАтласе biŋ är у Оркуна и Малова приняло вид слова bäglär: знаки 11 и 12 ᛋᚴ : Iŋ напрасно переправлены на ᛉᛕ. Третье словосочетание с его личной глагольной формой ни в ФАтласе,

Türk Dilleri Kütüphanesi
ни в последующих изданиях совсем не было установлено: буквы здесь значительно стерты, а последние два знака спускаются вниз, на уровень половины предшествующего знака, перед последующим сколом верхнего слоя камня. В связи с этим синтаксические связи слов данной строки были поняты неверно, например, слово bäglik – субъект третьего словосочетания воспринимали как предикат второго, ср. у Малова: "Лица ста мужей, взгляд князей (бегов); бровь [из-за неверно принятого у Малова слова qaši в знаках 22–24] правления" [Мал.ЕПТ, 50]. Клосон на основании издания Малова принимает эту фразу как «üz är jüzi bäglär beŋizi bäglik 'the face of the ..., and the comlexion of the begs is worthy of *begs* (?)' [лицо ..., а также внешний вид бегов есть бегское достоинство]» [Cl.EDT, 352].

Вторая строка. (По общему счету – четырнадцатая, в Мал.ЕПТ – 12). Строка левее первой, вероятно, ее бустрофедонное продолжение, поскольку направлена снизу вверх. Знаки сильно изглажены, опознаются с трудом, есть два совершенно не прочитываемых места – в начале строки (внизу), около 7 знаков, и в середине – около 5 знаков. Степень "разночтения" демонстрируют следующие цифры. В ФАтласе из 25 знаков, предлагаемых в состав букв строки, 15 даются предположительно (пунктиром) и только 4 (!) знака в разных частях строки определены верно. У Малова включено в текст 17 знаков, но и они, за исключением 4-5 букв разнятся с нашими идентификациями.

Третья строка. (По общему счету – пятнадцатая, в Мал.ЕПТ – 10). На данной стороне эта строка – третья справа, направление сверху вниз, как и у первой. Из-за сглаженности плохо различимы руны самого начала (знаки 1 и 2) и конца строки (внизу), начиная с 25-го. ФАтлас верно зафиксировал знаки 3–11, 13–17, 20–24 (в ФАтласе это №№ 50–58, 60–64, 66–70). Радлов добавил к этому прочтение знака 1 и исправил идентификацию знаков: 2 (ᛦ : t¹ вместо пунктирного ᛦ : b² ФАтласа), 12 (ᛉ : l² вместо ᛕ : k ФАтласа) и 18–19 (в ФАтласе это один знак – №65). К сожалению, неверное прочтение конца фразы не дало предиката и лишило фразу конкретного смысла. По сравнению с Радловым до 24 знака я вношу только одно исправление: 19 знак не ᚾ : Ŋ, а ᛚ : I, – однако в знаках 25–31 у меня читается глагол qïltïŋïz; характерно, что его окончание -ŋiz у Малова все же содержится – в одном из двух существительных – äčiŋiz iniŋiz, правда для одного из них на стеле совершенно нет места.

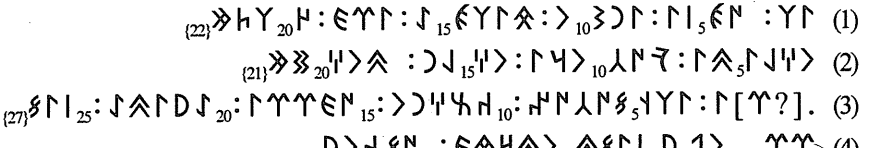
Четвертая строка. (По общему счету – шестнадцатая, в Мал.ЕПТ – 11). Трудно прочитываются самое начало и вторая половина строки. ФАтлас верно зафиксировал знаки 2 (78), 4–6 (80–82), 8 (84), 11–13 (86–88), 16–17 (91–92), 20 (95), 23–24 (97–98), 26–28 (101–103). В дополнение к этому у Радлова отождествлены 3, 9–10, 14–15 и 21–22 знаки; у Радлова нет окончания строки, которое почти все было намечено в ФАтласе. Малов выпустил первый зна ᛁ : s², давший в знаках 1–3 трафаретный деплоратив esiz.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Текст

Запись текста рунами

Передняя сторона

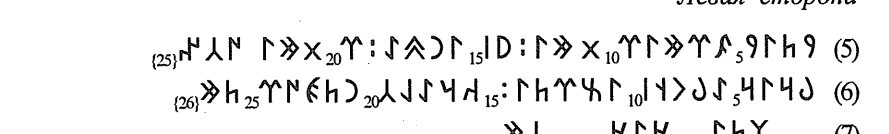

(1)

(2)

(3)

(4)

Левая сторона

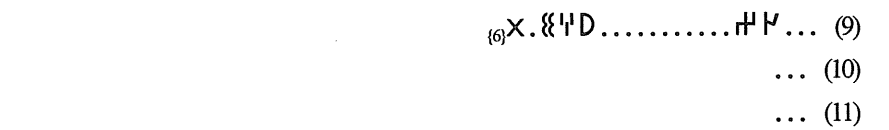

(5)

(6)

(7)

(8)

Задняя сторона

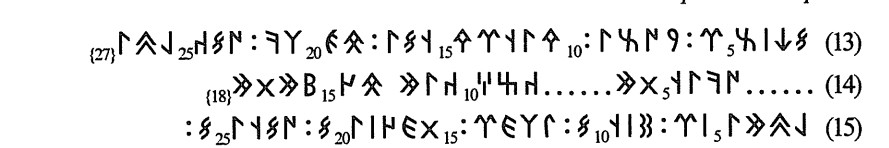

(9)

... (10)

... (11)

... (12)

Правая сторона

(13)

(14)

(15)

(16)

Транслитерация

(1) Il² : üg^{ä}s²I : In¹^{a}NČu b²Il²gä : Ir²^{I}g : ül²[t²^{I}M]...
(2) uγl¹It¹I : kü^{U}Č ur¹I : uγl¹an¹ : t¹uγ[d¹IM]...
(3) ...[t²^{ä}ŋr²]I Il²^{I}ŋ^{I}Z üČün² q^{a}Zγ^{a}n²u üg^{I}r²^{ä}r²I : Aj¹It¹A : ^{ä}s²Iz
(4) ^{ä}r²^{ä}r²...uPaj¹ ^{ä}s²IZ t¹ut¹ar¹ b²^{ä}g üZ quj¹
(5) j²^{ä}t²I j²^{ä}g^{I}r²MI : ^{ä}r²d²^{ä}MI j¹^{a}s²In¹t¹A : ^{ä}r²d²^{ä}MI üČ^{ü}n²
(6) b¹^{a}r¹Ir¹A b¹uŋs²IZ ^{ä}r²t²I : q^{a}r¹A l¹^{a}Č^{I}n¹ t²^{ä}gür²t²^{I}M

Türk Dilleri Kütüphanesi

(7) ... l²t²I ... üIü ... Č^{I}M
(8) ... ül²t²^{I}ŋIZ : Ir²üt²^{I}Ŋ^{I}Z
(9) ... üZ ... j¹aɣId¹. d²
(10) ...
(11) ...
(12) ...
(13) ^{a}ZᵘqS²^{I}Z ^{ä}r² : j²üZI : b²IŊ ^{ä}r² b²^{ä}ŊZI : b²^{ä}gl²^{I}k üZ q^{a}l¹t¹I
(14) ükIŊd²^{I}M q^{a}Zɣ^{a}qIM b²ü^{ü}kM^{ä}d²^{I}M
(15) ^{a}l¹t¹MIs² ^{ä}r¹: ^{a}d¹^{a}s²^{I}Ŋ^{I}Z : II²^{I}g ^{ä}r¹ : ^{ä}d²güs²Iz üZ^{I}ŋIZ qIl¹t¹ŊIZ
(16) s²IZ : küZ s²üs²I : ʊn¹ qar¹A : kü^{ü}kMüs²I ^{ä}r² ^{ä}r²d²^{I}ŊIZ IČɣn¹t¹M

Транскрипция

(1) il ögäsi ïnanču bilgä irig öltim
(2) oɣlïtï küč urï oɣlan toɣ[dïm]
(3) [täŋr]i iliŋiz üčün qazɣanu ügiräri ajït-a äsiz
(4) är är[d(ä)m]... äsiz tutar bäg öz quj
(5) jäti jägirmi ärdämi jašïnta ärdämi üčün
(6) barïra buŋsïz ärti qara lačïn tägürtim
(7) ... lti ölü ... čim
(8) ... öltiŋiz ir ötiŋiz
(9) ... öz ...(ок.11 знаков)... jaɣïd[a] äd...
(10–11–12) ...
(13) azuqsïz är jüzi biŋ är beŋzi bäglik öz qaltï
(14) ükiŋdim ... qazɣaqïm bökmädim
(15) altmiš är adašïŋïz ilig är ädgüsiz özïŋiz qïltïŋïz
(16) äsiz köz süsi on kara kökmüši är ärdiŋiz ïčɣïntïm

Перевод

(1) Премьер-министр (канцлер) государства, доверенный мудрый *ириг*, я умер.
(2) Сыновья – сильное мужское потомство, [и потому] я родился мальчиком.
(3) Он завоевывал и собирал ради своего (*букв.*: вашего) бого[хранимого] государства, а теперь – о, горе, жаль!
(4) [Доблесть мужа-воина], жаль! Властвующий бек, сыновья, супруги.
(5) С поры мужества – семнадцати лет, во имя доблести
(6) ходили походами. Это было беспечальное время. Я привозил черных кречетов!
(7) ... мой старший брат.
(8) ... вы умерли, ...
(9) ... от собственных врагов ... (?) ...
(10–12) ...

Türk Dilleri Kütüphanesi

(13) Лицо безупречного мужа-воина [олицетворяет] облик тысячи людей. Бекство осиротело.

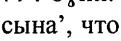
(14) ... Я накапливал ... Я не насладился тем, что добывал.

(15) Шестьдесят мужей-воинов своих (*букв.* ваших) соратников и пятьдесят мужей (своей дружины) Вы сами сделали безутешными.

(16) О, жаль, – любимое войско, Десять (племен) народа Кёкмюш, вы были мужами-воинами, – я лишился (вас)!

Примечания

$1_{1\text{-}22}$: il ögäsi ïnanču bilgä irig öltim – три слова, находящиеся между личной глагольной формой 1 л.ед.ч., сигнализирующей о прямой речи от имени покойного мемориантa, и названием субъекта этого действия, указывающим на его статус *оге* – канцлера (премьер-министра) государства, есть еще три слова, имеющие нарицательную семантику: ïnanču 'доверенный', bilgä 'мудрый', irig 'старательный'. Поскольку *доверенный* и *мудрый* выступают нередко почетными эпитетами при чинах и титулах, то и в этом случае ожидалось бы, что irig должно иметь значение какого-либо звания, иначе все указанные слова *доверенный, мудрый, старательный,* оказывались бы в позиции обособленных определений, что для тюркского синтаксиса не характерно. С другой стороны, irig в значении существительного с семантикой титула до сих пор не отмечено. Может быть, опираясь на семантику парного словосочетания öt erig 'советы' [ДТС, 391], допустимо предположить для erig/irig значение 'советник'?

$2_{1\text{-}6}$: : oγlïtï. Радлов и другие издатели читали здесь два слова: oγlï (a)tï 'имя сына', что неудовлетворительно по морфологии первого слова: здесь не нужна притяжательная форма, но желателен родительный, либо именительный падеж. Форма oγlïtï 'их сыновья' зафиксирована в рунике единственный раз: $КТ_5$. В рассматриваемом тексте притяжательный аффикс не находит денотативного объяснения и для него следует предположить опрощение.

$3_{15\text{-}19}$: : üg(i)r(ä)ri. Исходя из семантики предшествующего слова qazγan- 'добывать, завоевывать', ügirärі можно интерпретировать как форму глагола üg-/ük- 'собирать/складывать в кучу' [ЭСТЯ 1974, 620], предполагая ее морфемный состав в виде: каузатив на -r + причастие настоящее на -r + лично-притяж. афф. -i 3 л.ед.ч.

$3_{1\text{-}27}$: täŋri iliŋiz üčün qazγanu ügirärі ajït-a äsiz. Субъектные соотношения в данной фразе необычны в связи с тем, что агенс глагола, выраженный в глаголе 3-м лицом, денотативно совпадает с субъектом обладания, выраженным в глагольном объекте в форме 2-го лица множ. числа. Благодаря этому получается, что говорящий в одном и том же предложении сочетает два разных адресата обращения: к мемориантy надписи – опосредованно, в словах iliŋiz üčün 'ради Вашего государства', и к читателям/слушателям эпитафии, говоря о мемориантe в 3-м лице. Подобное синтаксическое по-

строение выявлено нами в другом памятнике из Хакасии – E-48$_7$: qunčujïŋïz bökmädi bägičäm ‘своей (букв.: Вашей) супругой не насладился, мой дорогой бек’ [Корм.ТЕЭ-I, 57].

(4) В этой строке перечисляются адресаты прощания покойного – воинская доблесть, бек, которому он служил, семья. Последний адресат принимает в надписи сокращенную форму выражения: вместо обычно более полного özdä oγlïm qujda qunčujïm ‘мои родные сыновья, мои супруги в женских покоях’ – здесь от каждого словосочетания взято слово в самой короткой – номинативной форме.

(5-6) Обе фразы данной строки синтаксически самостоятельны, вторая, насчет "черных соколов", определенно принадлежат мемориант. Выражение "была беспечальной" – сожаление о жизни, с которой расстается покойный, – тоже обычно вкладывается в уста мемориант. Поэтому первую, самую большую фразу можно понимать как сочетание описательной синтагмы в форме глагольного имени с оценочно-деплоративным предикатом: "хождение военными походами с возраста 17 лет, наступления поры доблести – такая жизнь [*моя*; скорее, чем *его*] была беспечальной". При этом морфологический состав формы barïra полностью не ясен.

(13) После коррекций состава знаков, приведших к установлению грамматически удовлетворительной фразы, становится понятным, что она относится к характеристике мемориант, даваемой в виде некоей общей сентенции, напоминающей манихейскую риторику.

(15) altmiš är adašïŋïz ilig är ädgüsiz. Как и в тексте E-11, речь явно – благодаря самостоятельному счету в каждом случае: 60 и 50, – о двух категориях соратников: в E-11 первая категория antlïγ adašïm "побратимы-*адаши*, связанные клятвой", – здесь, в E-26, это просто мужи-*адаши*. Вторая категория, которая там называется antsïzda ädgü äšim ‘мои добрые товарищи, не связанные клятвой’, – здесь, в E-26, трансформировалась в короткое är ädgüsiz, т.е. "мужи, не связанные добрыми (отношениями как *адаши*)". Данное сокращение перекликается с аналогичным приемом этой надписи в отношении краткого называнию категорий людей, как это мы видели выше, в строке 4.

(15) özïŋiz qïltïŋïz. Здесь özïŋiz не субъект глагольного действия, а характеризующее определение: "*таких-то людей* Вы сделали своими", т.е привязанными к Вам, но Вы умерли, поэтому эти люди понесли утрату.

(16) köz süsi on kara kökmüši. Впервые выявленный в E-50 этноним kökmüš [Корм.ТЕЭ-I, 278-279] в данном памятнике находит неожиданное подтверждение, причем сопровождающие слова – on "десять" и kara "народная масса, народ" – соответствуют этническому характеру слова. Возможно, что вся эта фраза указывает на то, что мемориант E-26 либо сам был из этнических *кёкмюшей*, либо он только управлял ими, но при обоих вариантах *кёкмюши* составляли основу подчиненной ему армии, с которой он, видимо, осуществлял свои военные экспедиции.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-33 (Уйбат IV, *или*: Узун-Оба I)

Надпись на ребре (боковой стороне) одной из плит, составляющих ограду кургана, по-видимому, более древней, чем эта надпись, эпохи (тагарской – ?, т.е. IV–III вв. до н.э.). Находится на месте первоначального расположения, в 5 км западнее от 35-го км автомагистрали Абакан – Аскиз. Мне этот памятник (как и некоторые другие надписи данного региона) любезно показал И.Л.Кызласов 9 августа 1989 г. Во время подготовки к печати своего атласа Д.Д.Васильев, как можно судить из текста его историко-архивной справки, даваемой к каждому памятнику, не располагал данными о местонахождении надписи Е-33. В.В.Радлов, как и позже С.Е.Малов, ссылается на финляндскую экспедицию И.Р.Аспелина. Однако Д.Д.Васильев (КЕР, 26) приводит более раннюю историю фиксаций памятника начиная с П.С.Палласа (1793), затем Г.И.Спасского (1818) и М.А.Кастрена (1847). В последние годы дважды надпись издавал И.Л.Кызласов [1985; 1994, 183-185], интерпретируя ее как "межевую" надпись.

По тому, что буквы надписи занимают лишь малую часть пригодного для письма пространства на верхнем конце ребра огромной плиты, можно заключить, что не планировалось создание эпитафии как таковой, но сделали надпись по случаю, как я предполагаю, чьего-то поминовения в подходящей для этого обстановке древнего кладбища.

Коррекции состава знаков

В качестве первой строки Радлов, а за ним и другие издатели приняли неясные очертания сверху над основным текстом. Из этих очертаний, по-видимому, просто для обозначения возможности факта наличия строки текста на памятнике, Радлов избрал лишь один знак – дугу, сходную с буквой ↄ : n¹, которую И.Л.Кызласов интерпретировал как "личную тамгу".

Первая строка (по Радлову – вторая). Знаки этой строки выбиты посередине реберной поверхности плиты, очень крупно, в технике выдалбливания острым керном глубоких и широких борозд, составляющих линии букв. Начало строки попало на гладкую поверхность камня, заизвесткованную и окрашенную железистыми окислами в светло-коричневый цвет, что сделало буквы очень контрастными и ясными для читателя. Первые три знака ᛦᛏᛦ : uku , особенно второй из них, выбиты очень крупно. Четвертый, ᛋ : Z, – с уменьшением пропорций относительно первых трех, после него двоеточие-словоразделитель. Идентификация первых четырех знаков несомненна, так они даны у Радлова и других издателей, хотя в прориси у Васильева 4-й знак изображен с ошибкой, в виде ᛋ [Вас.КЕР, 65].

Последующие знаки строки приходятся на не заизвесткованную рыхлоточечную поверхность камня темно-зеленого цвета. Пятый знак ᛚ : l¹ спущен наполовину по отношению к четвертому знаку, но его крайне нижняя точка находится на одном уровне с крайне нижней точкой третьего знака.

Türk Dilleri Kütüphanesi
Так же одинаковы по нижнему уровню последующие знаки, шестой 𐰴 : P и особенно крупный последний, восьмой 𐰽 : n¹. Увеличенный интервал между 6 и 8 знаками и накернивания на этом месте (плохо отличимые от точечной фактуры камня) позволяют неуверенно читать здесь 𐰾 : ʊ, но глубоких борозд у этой буквы, как у окружающих знаков, нет. Идентификация 5-го и 8-го знаков без сомнений, 6-го – с меньшей уверенностью, 7-го – очень и очень предположительна.

В целом же, можно сказать, выдерживается единый створ строки из 7-8 знаков. Именно эта выдержанность створа строки плюс крупные и ясные знаки в начале ее позволяют надежно верифицировать саму надпись, как бы предположительно ни открывалось нам ее содержание.

Вторая строка. Под основной строкой (первой, по-нашему, или второй – по Радлову) располагаются более мелкие и неглубокой выбивки – знаки, составляющие заглаженные временем остатки одной или, даже, двух строк. В.В.Радлов и С.Е.Малов читали здесь одну строку: 𐰋𐰃𐰚𐰇𐰴 : b²ä𐰓gü ä𐰉²t²I ‘был вечный памятник’, И.Л.Кызласов увидел 𐰚𐰋𐰚 : (e)r kör ‘витязь-эр, знай (повинуйся)’. Коррекции требует третий знак в идентификациях, которыми располагал Радлов: это не 𐰇 : g, а 𐰴 : k (что практически ничего не меняет). Четвертый знак верен, это 𐰺 : ü, но вот следующие за ним знаки не группа 𐰋𐰃 , что давало спокойное глагольное сказуемое (ä)rti, а 𐰚𐰉 : jär, что меняет характер предложения.

Текст

Запись текста рунами

{8}𐰽[𐰾]𐰴𐰼₅:𐰃𐰾𐰴𐰾 (1)

{6}𐰚𐰉₅𐰋𐰴𐰇𐰾 (2)

Транслитерация

(1) ʊkʊZ : ᵃl¹P[ʊ]n¹

(2) b²ä𐰓kü j²ä𐰉²

Транскрипция

(1) okuz alpun

(2) bäŋkü jär

Перевод

(1) О, несчастье, – с отважным (воином).

(2) Место памятника.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Примечания

$1_{1\text{-}4}$: okuz. Первое слово надписи E-33 ok^{2}uz (с нарушением рядности для k в окружении велярных гласных), как мы уже заявили в ТЕЭ-I, 260, возможно, не имя собственное (по В.В.Радлову; так же у И.Л.Кызласова, тогда как Х.Н.Оркун и С.Е.Малов не приняли по этому слову никакого решения, оставив его без перевода), а слово деплоративной семантики ‘о, несчастье’, ранее не фиксировавшееся в енисейских текстах. Очень крупная выбивка акцентирует это слово, подчеркивает его организующую смысловую роль. Остальные слова должны, по идее, раскрыть содержание того, по поводу кого/чего выражена скорбь.

$1_{5\text{-}8}$: alpun / alp(ï)n. Деплоративные слова-частицы обычно не требуют падежных форм, поэтому и инструменталис alp-un, и аккузатив от посессивной основы 3 л.ед.ч. alp-ï-n (что читал тут С.Е.Малов) – равно недостаточно мотивированы, хотя общая смысловая роль данного слова как объекта сожаления допустима.

Смысл всей фразы первой строки из двух слов: "скорбим по отважному воину".

$2_{1\text{-}6}$: bäŋkü jär. Назывное именное предложение, смысл которого: "здесь, на древнем кургане – место поминовения". Аналогичную фразу содержит другая, очень похожая по обстоятельствам создания, надпись на курганной плите из Усть-Соса, Хакасия (см. ниже: E-134).

В целом же смысл происходившего достаточно ясен: собрались в месте, подходящем для поминания – на древнем кладбище, родные и близкие покойного, о чем оставили краткую запись – четыре слова о двух фактах: 1) умер отважный воин, 2) здесь было место его поминовения.

E-34 (Уйбат V, *или:* Кара-курган)

Надпись на ребре (боковой стороне) огромной, свыше 3 м высотой, плите из ограды древнего кургана тагарской эпохи (IV–III вв. до н.э.), находится на месте первоначального расположения, невдалеке от памятника E-33. Около двух десятков крупных знаков, высотой 8-16 см, единственной строки, общей длиной до 2 м. Буквы не всегда надежно прочитываются из-за известковых отложений и поражения грибком поверхности камня. Как и памятник E-33 открыт еще П.С.Палласом в 1793 г., затем издан Г.И.Спасским в 1818 г., в 1847 г. исследовался М.А.Кастреном, вошел в публикации ФАтласа (1889), первого издания В.В.Радлова (1893), сводных изданий Х.Н.Оркуна (1939–1941), С.Е.Малова (1952). В последнее время надпись издавалась Л.Р. и И.Л.Кызласовыми (1974), Д.Д.Васильевым в КЕР (1983).

Türk Dilleri Kütüphanesi

Коррекции состава знаков

Правильность идентификации большинства знаков первыми издателями, дальнейшие неоднократные проверки, в том числе наша собственная, подтверждают. Внимательного анализа и коррекции требуют самое начало и самый конец строки, а также несколько знаков в середине. За основу сравнения как всегда берем состав знаков у В.В.Радлова – С.Е.Малова (AIM, 342; МЕПТ, 6). Первый из сохранившихся знаков, определенный издателями как 𐰴 : Č, плохо виден и недостоверен. Второй знак, принимаемый всеми за 𐰽 : t^2, возможно, не является им, поскольку у него слишком мелкий "стульчик", больше похожий на правое нижнее "колено" зеркально перевернутого 𐰾 : n^2, у которого левой части определенно нет; мне же кажется, что это 𐰺 : ӱk, с лишь намеченными, но плохо прорубленными закруглениями "очков". Третий и четвертый знаки также не видны отчетливо, их определения как 𐰋𐰃 : j^1b^1 (в КЕР – 𐰇 : g) недостоверны; у меня вместо них получались 𐰉𐰴 : Čŋ (что, может быть, неверно), И.Л.Кызласов предпочел оставить в прориси пустое место. Двоеточия-словоразделители, показанные издателями после 2, 4, 6, 10 и 15 знаков, определенно можно удостоверить только на позиции после 15-го. Достоверные идентификации начинаются с 5-го знака. 5-й знак – это 𐰾, от которого И.Л.Кызласов оставил лучше опознаваемую правую часть в виде 𐰾 : ü. Знаки 6–8 у всех издателей одинаковы. 9 знак определялся как 𐰖 : d^2, у Д.Д.Васильева в КЕР как 𐰾 : z, в действительности здесь оказались две "волны" велярного зубного – 𐰚 : d^1. Знак на 13 позиции, определявшийся всегда как 𐰑 :ұq, иногда видится как 𐰑 :r^2, что было принято И.Л.Кызласовым. Знаки 14–15, как определяют все издатели, действительно 𐰢𐰢 : t^1Ş. Идентификация нескольких последующих знаков, немного уменьшенных из-за сужения пригодного для письма пространства, затруднительна, здесь либо 𐰋𐰃 : b^1l^1 с сомнительным удвоением до (𐰋𐰃)𐰋𐰃 : $b^1l^1(b^1l^1)$, либо 𐰋𐰗 : ul^1, но о последующих знаках ничего определенного сказать нельзя.

Текст

Запись текста рунами

$_{\{17\}}$..𐰋𐰃:𐰢$_{15}$𐰑𐰑𐰍𐰾:𐰾$_{10}$𐰚𐰍𐰾𐰾𐰾$_{5}$[𐰉𐰴𐰺.]

Транслитерация

....n^2ŋ $j^{2a}r^2d^1$A q^aS^{u}ұq t^{1a}Ş : b^1l^1..

Транскрипция

... näŋ järd^{1}ä qašuq taš : bal (ol -?) ...

Türk Dilleri Kütüphanesi

Перевод

В какой-то (неведомой) земле камень Кашука (балбалом стоит - ?).

Примечания

$1_{5\text{-}6}$: $n^2Ⱨ$ – Радлов и другие принимали здесь родительный падеж имени собственного, заключенного в предшествующих знаках, которые достоверно пока идентифицировать не удается. Отсутствие в слове järdä посессивной морфологической связи с этим "родительным" делает сомнительным предложенное толкование и дает возможность посмотреть на näŋ как на адъективное слово ‘какой-нибудь, некий’ [ДТС, 386], в данном контексте: ‘неведомый’.

$1_{7\text{-}10}$: $j^{2ä}r^2d^1A$ – без посессивной изафетной связи с именным определением в род.п.

$1_{11\text{-}13}$: предпочтительнее традиционное: q^aS^Uq.

По поводу общего содержания надписи. В.В.Радлов осторожно перевел только основной костяк фразы как «Каменный памятник Кашука/Акшука в земле Йаба» [Radl.AIM, 342]. С.Е.Малов постарался включить в перевод все получавшиеся (как мы заметили выше, не вполне достоверно) слова в нарицательном ключе: «Камень–балбал Кашука пограничной земли тепла» [Мал.ЕПТ, 6]. И.Л.Кызласов, опираясь на перевод С.Е.Малова, говорит уже о серии “межевых” надписей в енисеике, к которым относит четыре памятника: Е-33, Е-34, Е-75, Е-134. Надпись Е-34 он прочитал следующим образом: (t^2?) öŋ j(e)rdä q(a)š (e)r t(a)š b(o)l-j(e) (i)j, что с большими языковыми натяжками (конечно, с нашей точки зрения) переводит как «Стань на восточной стороне межевым камнем витязя-эра! Следуй (этому) (прочитавший)!» (Кызласов И. 1994, 183). В этой связи выскажем сомнение: межевание земли на хозяйственные угодья всегда имело место в кочевых обществах, но оно вряд ли проходило и вряд ли маркировалось на местах древних захоронений, обычно эти земли были исключены из оборота.

Думается, мы имеем дело с надписью по случаю поминовения, но не с традиционной эпитафией. Следует вернуться к переводу Радлова, исправив имя собственное Йаба на нарицательное определение земли "некая, неведомая". Если последующее слово *балбал* в надписи все же было, смысл всей надписи можно интерпретировать следующим образом: "в какой-то земле, в которой погиб Кашук, сразивший его противник, воздвигнет (или уже воздвиг) балбал с его именем, похваляясь победой над ним. Но это одновременно и признание в Кашуке достойного соперника". Так, достаточно деликатно, соратники Кашука отметили его гибель в сражении в далекой от родных мест земле.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-134 (Усть-Сос)

Надпись из одной строки на ребре одной из курганных плит. Находится на месте первоначального сооружения в селе Усть-Сос, что на правом берегу р.Абакан, примерно в 20 км юго-западнее с. Бельтиры. Село Усть-Сос, которое автору удалось посетить 8 июня 1996 г., располагается прямо на месте обширного древнего могильника, не менее чем из нескольких десятков курганов, в трех км юго-восточнее оз.Алтын-Кёль, откуда происходят знаменитые алтын-кёльские стелы с надписями Е-28 и Е-29. Озеро ныне почти высохло, но еще лет тридцать назад, по свидетельству очевидцев, достигало в поперечнике более полукилометра. Осмотр местности с близлежащей возвышенности показал, что в более ранние времена акватория озера должна была быть гораздо больше, так что описываемый могильник находился, вероятно, на его прибрежной террасе. Поэтому можно сказать, что в принципе все упомянутые надписи – и Е-28, 29, и Е-134,– из одного места: с территории могильника (или: ряда смежных могильников) дотюркских эпох, использовавшегося древними тюрками и для своих ритуальных целей.

Курган, на котором фиксируется надпись Е-134, находится практически в центре села, в 20 м от дома местного жителя М.П.Тохтобина. По внешним характерным признакам курган – тагарского времени (IV – III вв. до н.э.): почти квадратный, 11×10,2 м, со сторонами, ориентированными по странам света; по периметру из земли немного выступают ребра прямоугольных плоских песчаниковых плит каменной ограды; по углам и в середине каждой стороны девять вертикально стоящих плит, тоже плоских и из песчаника, но не строго прямоугольных. Плиты ориентированы узкими гранями по оси восток–запад; на самой большой из них (210 см в высоту на 203 см в наиболее широкой части, толщина 16,5–18 см) в юго-восточном углу, на восточной грани тонкой гравировкой нанесена надпись орхоно-енисейским письмом.

Данная надпись, как сообщается в "Атласе" Д.Д.Васильева, была "отмечена в 1963 г. Кильчичаковым" и "через несколько лет ...скопирована Шером"; эту копию и опубликовал Д.Д.Васильев [КЕР 45, 79] в виде чертежа и транслитерации прочитанных им букв (без перевода) . Данный чертеж воспроизводит знаки надписи с большими неточностями, так что в транслитерации Д.Д.Васильева из 16 букв верно передано лишь 8, из них 4 приходятся на последнее слово. Более точно буквенный состав передан И.Л.Кызласовым [1994,185, рис.17, 2], однако его прочтение [там же, 183] текста вызывает возражения.

Надпись состоит из одной строки, повернутой вертикально, с началом у земли, и насчитывает, в действительности, 18 знаков. Знаки 3–4, 7–11 сильно изглажены и едва просматриваются, но лакун, как утверждает Д.Д.Васильев, нет. Уверенность в правильности нашей идентификации трудноразр-

Türk Dilleri Kütüphanesi

личимых знаков придало повторное посещение стелы утром 9 июня и осмотр надписи при прямом освещении букв солнцем с востока. Первый знак в строке не 𐰋 || Z (у Васильева) или 𐰃 (у Кызласова), а 𐰃 || j^2, у которого нижняя линия петли сильно зашла за вертикальный штамб (сбой руки резчика), что и позволило принять ее за Z. В то же время, смыкание петли j^2 прочерчено слабо и еле видно, более отчетливы образующие петлю параллельные косые линии, делающие эту букву похожей на 𐰃 || k. 2 знак 𐰚 || r^2, как и было в чертеже Я.А.Шера, но вместо лакуны на 3–4 позициях с трудом, но все же опознаются сильно сглаженные буквы 𐰉𐰺 || $b^2ŋ$, так же прочитанные у И.Л.Кызласова. Далее четыре буквы и словоразделитель (знаки 5-8), определение которых у Д.Д.Васильева по копии Я.А.Шера лишь схематично отражает оригинал: $b^2n^2r^2d^2$, – в действительности идентифицируются уверенно, это – 𐰀𐰺 : 𐰴𐰃 || kü : tŚ, что так же зафиксировано у И.Л.Кызласова. 9–10 знаки 𐰉𐰺 || $b^2ŋ$ правильно идентифицированы по прориси Я.А.Шера, но далее в этой прориси выпущен 11 и неправильно переданы 13–14 знаки. У И.Л.Кызласова 11 знак 𐰃 : k зафиксирован на прориси, а 12 внесен им в текст конъектурально, хотя этот знак тоже сохранился; 13-14 знаки И.Л.Кызласов верно читает как j^2r^2, но 13 знак он передает с петлей вправо: 𐰽, тогда как здесь рисунок буквы тот же, что и на первой позиции: 𐰃 || j^2. Знаки 15–18 – 𐰴𐰃𐰺 || $b^2ŋkû$, составляющие, по-видимому, последнее слово этой короткой надписи, верно представлено в транслитерации Д.Д.Васильева, хотя на прориси Я.А.Шера знак на 15 позиции не выглядит как 𐰺 || b^2. У И.Л.Кызласова 17-18 знаки 𐰴𐰃 || kû, но 15-16 знаки он принял за один знак 𐰇 || j^1 (почти треугольной формы: 𐰽).

Текст

Запись текста рунами

{18}𐰴𐰃𐰉𐰺$_{15}$𐰚𐰃 : 𐰴𐰃𐰉$_{10}$𐰺𐰀𐰺 : 𐰴𐰃$_5$𐰉𐰺𐰚𐰃

Транслитерация

$j^{2ä}r^2$ $b^{2ä}ŋ$ kü : $t^aŚ$ $b^{2ä}ŋ$kü : $j^{2ä}r^2$ $b^{2ä}ŋ$ kü

Транскрипция

jär bäŋ kü : taš bäŋ kü : jär bäŋ kü

Перевод

Земля – вечная, камень (этот) – вечный, земля – вечная.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Благодаря наличию выражения "вечный камень", данный текст может быть связан с поминальными обрядами по поводу смерти человека. Однако, как и целый ряд других кратких енисейских надписей (см. выше Е-33, Е-34), Е-134 не соответствует "полному" канону эпитафий с традиционными зачинами сообщения о смерти –"отделился", "умер", обращения к живым – "не насладился супругой, сыновьями" и т.п. Теоретически это – вполне ожидаемая вещь для "кратких" надписей каких-то иных, не эпитафийных текстов. Об этом давно уже пишут Л.Р. и И.Л.Кызласовы [Кызласовы 1976; Кызласов И. 1985]. Это делает весьма актуальным изучение диагностирующих примет кратких надписей, их внешних и содержательных признаков. Однако придание Л.Р. и И.Л.Кызласовыми перечисленным надписям какого-то иного характера – межевой, жертвоприносительной функции, – представляется нам ошибочным, сопряженным в первую очередь с большими натяжками собственно в чтении текстов.

Ввиду отсутствия какого-либо конкретного содержания в надписи Е-134, ее датирование может быть осуществлено только на основании палеографических признаков. Однако и здесь, краткость надписи, малочисленность примененных букв – всего 8 из алфавита в четыре десятка графем, а самое главное то, что большинство из них не входит в число "датирующих примет" орхоно-енисейского письма [Кормушин 1975, 36], не позволяет высказаться вполне определенно. И все же некоторые суждения можно привести.

Прежде всего, повторяемость рунических букв при тождественности повторяющихся начертаний говорит о том, что перед нами не случайные, а стандартные, традиционные для писца и его времени написания. Далее конкретно по буквам.

Начертания ᛣ || t^1 в виде двух "крыш" и ᚴ || Ś в виде одинарной "крыши", отличающиеся от орхонских аналогичных графем и типичные для енисейских памятников, определяют время создания надписи как "позднее орхонских и древнеуйгурских рунических", т.е. не ранее конца VIII в.

Такого же плана отличие ᛣ || b^2, с "крышей, спускающейся ниже крестовины, от орхонского ᛤ || b^2, с крышей, доходящей лишь до крестовины.

Облик рунических знаков в надписи в целом достаточно строг, здесь нет размашистости, свойственной начертаниям конца IX – начала X вв., но определенные тенденции к этому уже наблюдаются. В ᛩ || j^2 излишне длинная петля, да и вертикаль не изогнутая, как у классического ᛨ || j^2, а прямая и строго вертикальная. Столь же характерно в надписи ᛩ || k, с немного вытянутыми и запрокинутыми вверх двумя параллельными зубцами.

В целом, по имеющимся скупым данным, надпись можно датировать временем приблизительно не ранее середины IX в.

Türk Dilleri Kütüphanesi

НАДПИСИ ИЗ ТУВЫ

Две надписи – Е-4 и Е-64 однотипны с надписью Е-54, вошедшей в нашу ТЕЭ-I, поскольку Е-54 сопровождается тамгой "восточного" типа – "дуга на кресте": ☤, а в предыдущей книге рассматривались в первую очередь надписи с тамгами. В отличие от Е-54, надписи Е-4 и Е-64 бестамговые, но все три происходят из одного места, одинаковы по форме памятника, стилю и содержанию их текстов.

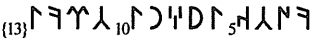
Е-4 (Оттук-Даш I)

Надпись на небольшой, 85x18x17см, стеле грязно-желтого песчаника. Находится в Минусинском музее, выставлена в экспозиционной витрине зала археологии, инв. № 39. Происходит из местности возле горы Оттук-Даш, на левом берегу Улуг-Хема (Верхнего Енисея), в 30 км ниже впадения в него р.Элегест, или 60 км западнее г.Кызыла.

Многократно публиковалась во всех основных изданиях енисеики, начиная с финского и радловского атласов. Знаки сохранились хорошо и устанавливаются без сомнений, это всего 13 букв без словоразделителей, в одну строку, занимающую всю высоту стелы. Встает вопрос: если памятник сохранился в первоначальном размере, тогда получается, что он был предназначен для горизонтального положения, – и это очень необычно; если же стела предназначалась для вкапывания в вертикальном положении, то можно думать, что до нас не дошла, как минимум, та часть стелы, что была вкопана. Что касается текстуальной части, то сопоставление всех трех надписей данной серии из одного места – Оттук-Даша, определенно указывает на их максимальную краткость: все эти эпитафии, как уже отмечено нами [Корм.ТЕЭ 1997, 212], состояли только из имен собственных и титулов их мемориантов.

Текст

Запись текста рунами

Транслитерация

küČ qIj¹ᵃγᵃn¹ IČr²ᵃ̈kI

Транскрипция

küč qïjaγan ičräki

Türk Dilleri Kütüphanesi

Перевод

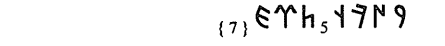
Кюч Кыяган-ичрэки (*или*: [Я –] ичреки (*название должности при дворе*) [по имени] Кюч Кыйаган[4].

E-64 (Оттук-Даш II)

Надпись на небольшой, 105x22x23 см, стеле темно-серого песчаника. Памятник, по сведениям источников, был направлен в 1915 г. в Минусинский музей, однако в настоящее время его нахождение там не подтверждается. Как и другие аналогичные памятники с Оттук-Даша, данная надпись однострочна и всего из семи рун, словоразделители отсутствуют.

Текст

Запись текста рунами

Транслитерация

j²ük^{I}ŋ t²^{I}r²^{I}g

Транскрипция

jükiŋ tirig

Перевод

Юкинг-тириг.

Примечания

Если надпись E-4 из числа первой публикации В.В.Радлова 1895г., то остальные две, E-54 и E-64, опубликованы впервые И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа и получили названия "Второй памятник с Оттук-Даша" [Батм.-Кунаа ПДПТ I, 23-25] и просто "Памятник Юкинг-Тирига" [Батм.-Кунаа ПДПТ II, 21-23], причем последний у них был без каких-либо паспортных данных, хотя и было указано в примечании: «По почерку этот памятник [Йюкинг-тирига – *И.К.*] очень похож на предыдущий, с Оттук-Даша [Кюч Кыйаган ичреки – *И.К.*]». Л.Р.Кызласов в своей статье [Кызласов 1965, 39] привел данные из источников, которые позволили установить происхождение "Памятника Юкинг-Тирига".

---

[4] Обращает на себя внимание наличие нарицательного значения у слова *кыяган* в современном турецком языке – "противостоящий, не уступающий силе, упорный, отстаивающий себя, свое", – которое служит характеристикой людей и может быть прозвищем и приниматься в качестве фамилии.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-13 (Чаа-Холь I)

Надпись на стеле из темно-серого сланца, высотой 140 см, узкая, со сторонами 20-21 см, происходит, как и №№16,18 (а в целом – как все надписи с Е-13 по Е-23) из местности вблизи впадения р.Чаа-Холь в Улуг-Хем (Верхний Енисей). Памятник находится в Минусинском музее, инв.№ 33. Строки передней стороны взяты в картуш абриса человека – круглая голова, глаза, нос, уши, головной убор, вместо тела – обвод обеих строк. Прочерченность букв конца первой строки по обводам картуши, показывают, что человеческая личина была нанесена прежде надписи. Возможно, мы имеем дело с изображением, замещавшим антропоморфное изваяние. Надпись впервые издана В.В.Радловым; у Х.Н.Оркуна и С.Е.Малова состав букв повторен по Радлову, а у И.А.Батманова – А.Ч.Кунаа чтение и перевод приведены по Малову и только одна буква была более правильно отражена в прориси (но не в чтении). Ряд поправок в текст по Радлову – Малову содержала статья Д.М.Насилова [1971, 208–209] по результатам его обследования стелы еще в 1962 г., когда эпиграфические памятники находились в неудобном для обозрения временном помещении музея. Некоторые (не все) из этих корреций учтены Д.Д.Васильевым в КЕР, добавившим также два знака в третьей строке. В настоящей публикации нами проверены как поправки предшественников, так и вносятся собственные исправления состава знаков в первой и четвертой строках и почти полностью перечитана пятая.

Коррекции состава знаков

Передняя сторона. Первая строка (Мал.ЕПТ – первая строка). Все знаки верно прочитаны у Радлова и Малова, за исключением 32-го, исправленного Насиловым (1974, 208) на 𐰼 : r¹, но читавшегося ранее как две буквы 𐰼𐰴 (это дает чтение данного слова как urïm, а не oγlïm, что практически не влияет на смысл).

Вторая строка (Мал.ЕПТ – вторая строка). Начало надписи было неверно и с лакунами прочитано у Радлова, Малова и Оркуна, его несколько подправил Насилов [1974, 208–209], установив совершенно не читавшиеся до него 1–2 знаки 𐰚𐰇 : Čʊ и 5–7 как 𐰃𐰣𐰼 : qd¹Š (а не 𐰣𐰚𐰼 : qn¹M, как у Малова). 4-й знак 𐰽 : Z Насилов увидел как два знака 𐰇𐰚 : n¹Č, а Васильев – как 𐰴𐰺 : ʊγ, к тому же оба они дали после 3-го знака словоразделитель из двух точек. К слову сказать, в этой строке словоразделитель проставлен четыре раза – после 7, 12, 22, 27 знаков, и все четыре раза используется троеточие – три удлиненные вертикальные палочки, расположенные друг над другом наискось по вертикали: ⁞. Во всех изданиях искаженно читается слово в знаках 17–20 как 𐰆𐰉𐰽𐰋 : b²I²gä, правильно 𐰃𐰇𐰽𐰃 : ª²Č²I. Остальные знаки, за исключением исправленных у Насилова, т.е. знаки 8–16, 21–40 правильно прочтены уже у Радлова и Малова. Васильев в КЕР прошел мимо важно-

Türk Dilleri Kütüphanesi

го добавления Насиловым первого знака, приняв исправление 6–7 знаков, но отразив 5-й ошибочно как ᛋ : ᛉ.

Задняя сторона. Третья строка (Мал.ЕПТ – четвертая строка). Знаки 22–23, представляющие падежное окончание в повторе слова elimkä, добавлены Васильевым в КЕР. Последнее слово, читавшееся у всех издателей как adïrïldim, в действительности часто повторяющийся в этом тексте глагол tabdïm, с несколько измененной фонетикой.

Четвертая строка. (Мал.ЕПТ – третья строка). К тексту, данному у Малова, первую поправку внесли (но только в прориси, не в чтении) Батманов и Кунаа, исправив 17 знак с ᚻ : n² на ᛚ : I. Это заметил Насилов, приведший данное слово к стандартному *čigši* в составе титулов хана. Насилов также добавил отсутствовавшее в конце строки слово ᛬ᚻᛁ : ᵃs²ᴵz²ᴵM. Теперь следует еще исправить второе слово строки, читавшееся во всех изданиях как ᚻᛚᚴᚾ : üČIn², на ᛫ᛚᛁᚾ : Is²Ig. Эта поправка позволяет скорректировать соотношение действующих лиц во фразе. У Малова было: “Ради моего отца хану Бильгя Чикшан я служил” [Мал.ЕПТ, 36]. Однако после предлагаемой коррекции получается, что имя Исиг Бильгя Чигши принадлежит отцу мемориата, а не хану: “я служил хану моего отца, [моего отца по имени] Исиг Бильгя-чигши”. И это единственно правильное понимание данного оборота, двусмысленность которого в русском переводе удается избежать только с помощью тавтологии, не нужной тюркскому тексту: если бы Исиг Бильгя-чигши было именем хана (а слово "мой отец" было бы приложением к слову "хан"), в слове хан не было бы притяжательного афф. 3 л. Второй момент: хан не может иметь ранга *чигши*, находящегося на третьей-четвертой ступенях иерархической лестницы, вслед за *огя, тутуком* и др., и гораздо ниже хана (см. подробнее ч.IV).

Боковая сторона. Единственная строка (по общему счету – пятая). У всех издателей она вся была идентифицирована неверно, кроме первых двух знаков.

Текст

Запись текста рунами

Передняя сторона

᛫᛬᛬ᛇ₂₅ᛋ᛬᛫᛬ᛞᛉ₂₀ᚻ᛫ᛏ᛬ᛞ₁₅ᚻ᛫ᚻᛞᛚ₁₀᛫᛬᛬ᛇᛋ᛬₅᛫᛬ᚸ᛬ᚻ (1)

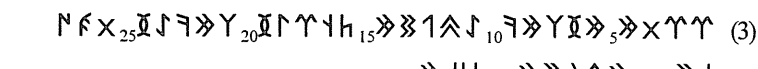
{41}ᚻᛞ₄₀ᛚ᛬᛬ᛇᛋ₃₅᛬᛫᛬ᛋᚻ₃₀ᚹᛁ

᛬᛬ᛏ₂₅ᛟ ᛫᛬ᚠᛗᛚ₂₀ᛦᛉᛝ᛬᛬₁₅ᛏᛟ᛫ᛇᚹ᛬₁₀ᛉᛝ᛫ᚸ᛬ᚻₕ₅ᚼ᛬᛬ᚻᛦ (2)

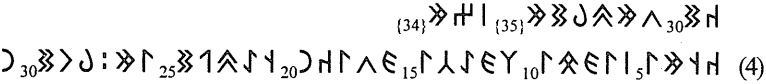
{40}᛬᛬ᛪᛉᛉ ᛬₃₅᛬ᛏᛟ᛬᛬ᚸᚻ᛫

Türk Dilleri Kütüphanesi

Задняя сторона

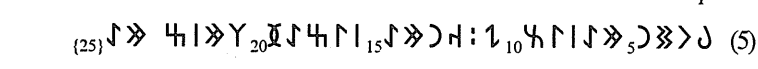

(3)

(4)

Левая боковая сторона

(5)

Транслитерация

(1) q^{a}d^{1a}Š^{ï}M :^{a}d^{1ï}r^{1ï}l^{1}d^{1ï}M : Ij^{1}υ: qυj^{1}d^{1}A : qυN$\overset{\smile}{\text{Č}}$^{υ}j^{1ï}M : ^{a}d^{1ï}r^{1ï}l^{1}d^{1ï}M : s^{2ä}k^{I}Z υr^{1ï}M: ^{a}d^{1ï}r^{1ï}l^{1}d^{1ï}M: Ij^{1}υ:

(2) ^{a}ČυM^{ï}Z q^{a}d^{1a}Š : el^{2I}MkÄ : t^{1a}Pd^{1ï}M el^{2}ČI üg^{ä}M : t^{1a}Pd^{1ï}M : q^{a}d^{1a}Š^{ï}M t^{1a}Pd^{1ï}M ^{ä}r^{2} ^{ä}r^{2}d^{2ä}M^{I}M

(3) ^{ä}r^{2} ^{ä}r^{2}d^{2ä}M^{I}M el^{2I}MkÄ : t^{1a}Pd^{1ï}M t^{2ä}Ŋr^{2}I el^{2I}MkÄ : ^{ä}d^{2}gü q^{a}d^{1a}Š^{ï}M t^{1a}b^{1}d^{1ï}M

(4) q^{a}Ŋ^{ï}M Is^{2}Ig b^{2}Il^{2}gÄ ČIgŠI q^{a}n^{2ï}ŊA : t^{1a}Pd^{1ï}M b^{2}υd^{1υ}n^{1ï}M ^{ä}s^{2I}Z^{I}M

(5) b^{1}υd^{1υ}n^{1ï}MA ^{ä}s^{2}IZÄ q^{a}n^{1ï}MA ^{ä}s^{2}IZÄ el^{2I}M ^{ä}s^{2I} Z^{I}MÄ

Транскрипция

(1) qadašïm adïrïldïm ïju qujda qunčujïm adïrïldïm säkiz urïm adïrïldïm ïju
(2) ačumïz qadaš elimkä tapdïm elči ögäm tapdïm qadašïm tapdïm är ärdämim
(3) är ärdämim elimkä tapdïm täŋri elimkä edgü qadašïm tabdïm
(4) qaŋïm isig bilgä čigši qanïŋa tapdïm bodunïm äsizim
(5) bodunum-a äsiz-ä qanïm-a äsiz-ä elim äsizim-ä

Перевод

(1) Мои сородичи, – я разлучился [с вами], о горе! Мои супруги в женских покоях, – я разлучился [с вами]! Восемь сыновей моих – я разлучился [с вами], о горе!
(2) Я служил моему государству сородичей – наших предков. Я служил моему Оге-правителю, посланцу [центральной власти]. Я служил [вместе с] сородичами своей воинской доблестью.
(3) Я служил моему государству своей воинской доблестью. Я служил моему богохранимому государству, добрым моим сородичам.
(4) Я служил хану моего отца, [моего отца по имени] Исиг Бильгя чигши, – жаль мне [расставаться]!
(5) О, мой народ, – о, жаль! О, мой хан, – о, жаль! Мое государство, – о, жаль мне!

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-16 (Чаа-Холь IV)

Надпись на небольшой стеле из мелкозернистого лилового песчаника, прямоугольной, в основном, вытянутой формы, с некоторыми отступлениями от строгих размеров прямоугольника, высотой 92 см, шириной 39 см внизу и 22 см вверху при толщине в 14 см. Происходит из левобережья Верхнего Енисея при впадении в него р.Чаа-Холь, в 6 км восточнее ее устья. Памятник располагался в непосредственной близости (в 20 м) от E-20. Стела с надписью E-16 Второй финляндской экспедицией в 1889 г. была вывезена в г.Хельсинки, где в прекрасном состоянии (не в пример многим памятникам в наших сибирских музеях) хранится ныне в запасниках Национального музея. В июле 2003 г. при содействии проф. Юха Янхунена (Juha Janhunen) я смог посетить это хранилище в г.Сеппи, близ Хельсинки, и благодаря любезной помощи хранителей г-жи Сирки Викстрём (Sirkka Vikström) и г-жи Лиисы Пажунен (Liisa Pajunen) несколько часов поработать с памятником, – за что всем указанным лицам приношу искреннюю благодарность.

Как я и предполагал относительно рисунка тамги при данной надписи [Корм.ТЕЭ-I, 136, примеч.1], она относится к разновидностям тамги первого типа – "дуга над крюком"; при визуальном осмотре выяснилось, что видимое на фотографии соединение крюка с дугой в тамге E-16 порождено оптической иллюзией отсвета маленькой выщерблинки камня на этом месте. Реальный чертеж тамги E-16 полностью повторяет рисунок тамги при надписи E-1: "дуга над крюком, повернутым влево и две вертикальные короткие черты внутри дуги" – .

Коррекции состава знаков

Первая и первая-*а* строки. Все знаки первой строки и приписанного к ней дополнения (а) – за исключением одного, были правильно отражены в публикациях Радлова, Малова и Оркуна: второй знак в строке 1а, ошибочно воспринятый как ᛇ : a, в действительности оказался ᛚ : l^{1}, что не изменило смысла слова, но улучшило его чтение: j^{a}l^{i}ŋus или j^{a}lŋus (формы, неоднократно фиксировавшиеся в древнеуйгурских памятниках и "Диване" Кашгари, см. [ДТС, 229]) – вместо прочитанной у Радлова и в последующих изданиях jaŋus, нигде в древних текстах не нашедшей подтверждения [ДТС, 235], что не укрылось от Дж.Клосона, конъектурно читавшего здесь jalŋus [Cl.EDT, 930]. Кроме этого, Малов также напрасно сомневался в наличии второго знака в первой строке, допуская чтение al uruŋu tutuq bän 'Я тутук алого знамени' [Мал.ЕПТ, 38].

Вторая строка (по другим изданиям – третья). Текстологически прощание с государством и его руководителем-беком оправданно следует после упоминания супруги и детей, но перед обращением к общей массе род-

Türk Dilleri Kütüphanesi

ственников, которое поэтому отнесено нами в конец эпитафии. Первые издатели сомневались в 10-м знаке 𐰉 : b¹ из-за его похожести при перевернутом начертании на 𐰃 : j¹ (но тогда, скорее, на 𐰉 : j²). Следующий знак у Малова и Оркуна в наборе воспроизводился как 𐰴 : r¹, хотя читался верно как 𐰚 : š. Следует изменить чтение числительного, заключенного в знаках 29–32, с qïrq – во всех изданиях, на tört. Собственно, первый и последний знаки (29 и 32) были правильно идентифицированы издателями как 𐰇, но против очевидного прочитаны как 𐰋; второй знак слова (30-й) – точно 𐰾 : ü, и он был у Малова, но как следующий, 31-й. В действительности поврежден именно этот, 31-й, знак, от него осталась лишь вертикальная черта, при которой можно предположить утраченные зубчики для 𐰼 : r². Окончание строки утрачено, из последнего слова осталось "полторы" буквы: 38-й знак несомненно 𐰋 : q, но вот сохранившаяся нижняя часть следующего знака не может быть идентифицирована с 𐰍 : č по Малову, но определенно составляет часть круга и точку от знака 𐰀 : ŋ, а все вместе не что иное, как часть слова qaŋ 'отец'.

Третья строка. Первый знак, читавшийся ранее как 𐰉 : j², в действительности перевернутое вверх ногами и написанное при этом с поворотом слева направо 𐰓 : b¹. В целом, первое слово строки не jïš 'черневой', а числительное bïŋ 'тысяча'. В знаках 4–8 Малов и Оркун имели неправильную идентификацию 8-го знака как 𐰣 : M, в то время как это определенно 𐰶 : z, и неправильное чтение 6-го знака как š, тогда как здесь это ŋ. У Малова и Оркуна эта группа букв составляла отдельные от следующего за нею общего адресата прощания qadašlarïm слова: äči išim. Однако такому пониманию препятствует прочтение слова bïŋ 'тысяча' в начале строки, которое безусловно относится к слову qadašlarïm 'мои сородичи', поэтому промежуточное слово, скорее всего, одно, а не два, как у Малова и Оркуна, как-то входит в это словосочетание. Конечно, грамматическая форма этого слова – äčiŋiz 'ваши старшие братья', – плохо согласуется с формой определяемого слова: 'тысяча моих сородичей – ваши старшие братья (?)'. Однако что-то похожее должно здесь читаться, поскольку текстологически сходное место мы имеем в другом чаа-хольском памятнике, E-13: ačumïz qadaš elimkä tapdïm – 'я служил моему государству сородичей – наших предков'. Может быть, оба похожих выражения отражают смену субъекта речи, как это мы отмечали в некоторых надписях из Хакасии (E-48, см. [ТЕЭ-I, 57, 60] и др.).

Последние знаки этой строки, 33 и 34, сильно уменьшены и вписаны явно, чтобы уложиться – друг над другом. Все слова этой части текста являются упоминанием еще одного особого родственника мемориата в дополнение к общему обращению "к сородичам" (см. ниже примеч.).

Türk Dilleri Kütüphanesi

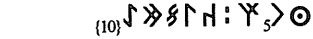
Текст

Запись текста рунами

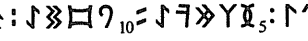

(1)

(1a)

(2)

(3)

Транслитерация

(1) ^{a}l^{1}P ʊr^{1ʊ}ŋʊ : t^{1}ʊt^{1ʊ}ɋ :b^{2}än^{2} : qʊj^{1}d^{1}a : qʊn^{1}čʊj^{2}ïM : äkI ʊɣl^{1}an^{1}ïMa : äs^{2}IzIMä
(1a) j^{1a}l^{1i}ŋʊs^{1} : qIz^{I}Ma
(2) t^{2ä}ŋr^{2}I el^{2I}Mkä b^{1a}šd^{1}a b^{2ä}g^{I}Mkä b^{2ü}ɋkM^{ä}d^{2I}M t^{2}ür^{2}t^{2} j^{1a}š^{I}Md^{1}a q^{a}ŋ ...
(3) b^{1}ïŋ : ^{ä}čIŋ^{I}z : q^{a}d^{1a}šl^{1a}r^{1I}M : ad^{1I}r^{1I}l^{1}ʊ b^{1a}r^{1}d^{1I}Ma q^{a}z^{I}ŋ ^{ä}r^{2I}Mä b^{2ü}ɋkM^{ä}d^{2I}M

Транскрипция

(1) alp uruŋu tutuq bän qujda qunčujïm äki oɣlanïma äsizimä
(1a) jalïŋus qïzïma
(2) täŋri elimkä bašda bägimkä bökmädim tört jašïmda qaŋ...
(3) bïŋ äčiŋiz qadašlarïm adïrïlu bardïma qazïŋ ärimä bökmädim

Перевод

(1) Я – отважный правитель области, военачальник (в ранге) *урунгу* (бунчужного). Мои супруги в женских покоях, два моих сына, – о жаль мне!
(1a) Моя единственная дочь!
(2) Я не насладился моим богохранимым государством и беком во главе. В четырехлетнем возрасте ... отец ...
(3) Тысяча моих сородичей – ваших старших братьев и дядьев, – я удалился. О, мой сват – муж-воин, – я не насладился (вами)!

Примечания

$1_{1\text{-}12}$: alp uruŋu tutuq bän ‘Я – отважный правитель области-*тутук* (в ранге) бунчужного’. – Прилагательное *алп* ‘доблестный, отважный’ объединяет следующие два слова как чины-титулы мемориала: *урунгу* + другой должностной чин и/или титул *тутук*.

Türk Dilleri Kütüphanesi

2_{30-39}: tört j(a)š(ï)mda q(a)ŋ... – исправление возраста с "сорока" на "четыре" позволяет связать его со словом "отец" только в одном возможном смысле: в четырехлетнем возрасте мемориант остался без отца.

3_{5-6}: q(a)z(ï)ŋ – для того значения, которое мы предполагаем у этого слова в данном тексте, его фонетический облик вызывает много вопросов: во-первых, qazïŋ является *z*-формой, вместо ожидаемой здесь d-формы, а во-вторых, зарегистрированные формы этого слова не имеют заднеязычного ŋ, но только переднеязычный n [ЭСТЯ V, 215]. И тем не менее, не покидает ощущение того, что упоминание "единственной дочери" в приписке к первой строке не случайно и служит лишь подготовкой к появлению в ряду родственных союзных сил "родственников мужа этой дочери" и, скорее всего – ее свекра, что, возможно, имело для мемориантa существенное значение. Если это наше предположение верно, то форму qazïŋ следует рассматривать как гиперкоррекцию: звук -z- употреблен в целях уважительного упоминания свекра дочери на диалекте, на котором, видимо, говорил этот свекор; конечное ŋ попало сюда, возможно, по неточному знанию чужого диалекта, а возможно, отражает фонетическое восприятие этого диалекта, поскольку это уже второе аналогичное немотивированное появление заднеязычного ŋ вместо переднеязычного n, как это зафиксировано нами ранее в другом слове – küŋ из парного küŋ aj 'солнце и луна', в Е-42 [Корм.ТЕЭ-I, 169]. Если приведенное рассуждение о нарочитом изображении произношения инодилектных слов верно, то это могло бы указывать на постоянно близкие, т.е. брачные отношения между представителями родов, которых можно обозначить, с известным приближением, как предков хакасов (по *z*-признаку, род тестя дочери) и тувинцев (род мемориантa).

Е-18 (Чаа-Холь VI)

Надпись на небольшой стеле из среднезернистого песчаника зеленовато-серого цвета, в форме сужающейся кверху прямоугольной плоской плиты, высотой 92 см, шириной 39 см внизу и 22 см вверху, при толщине в 14 см. Происходит из левобережья Верхнего Енисея при впадении в него р.Чаа-Холь, в 6 км восточнее ее устья. Согласно замечанию В.В.Радлова, памятник располагался в непосредственной близости от Е-14. Ныне находится в Тувинском музее.

Надпись прочитана впервые В.В.Радловым на основе данных Финского Атласа и эстампажа, предоставленного ему В.А.Ошурковым, и его прочтение – идентификации знаков с небольшими вариациями в переводе – повторено Х.Н.Оркуном и С.Е.Маловым. Знаки надписи нанесены в технике поверхностной гравировки, без прорезывания слоя камня, плохо различимы и поэтому читаются достаточно трудно. Настолько, что в издании Батманова–Кунаа в краткой справке сказано: памятник "сохранился очень плохо.

Türk Dilleri Kütüphanesi
Многие строки не просматриваются" [Батм.-Кунаа ПДПТ I, 18–20]. Поэтому собственное прочтение проф. И.А.Батманова ограничилось по десятку знаков в первых трех строках, для справки же приведен "перевод у С.Е.Малова" [там же, 20]. Так же поступил Д.Д.Васильев, указав, что ему "удалось зафиксировать лишь незначительный фрагмент надписи" [Вас.КЕР 1983, 22]. Он привел в своем альбоме два варианта прорисей [там же, 62] – одну, очень неточную, с меньшим количеством идентифицированных знаков, и другую, более полную и соответствующую составу знаков, установленных В.В.Радловым. Кроме того, в отделе фотографий альбома напечатаны два небольших снимка узкой и широкой сторон, ретуширование которых привело к пропускам знаков и неточностям в отображении их формы [Вас.КЕР 1983, 93–94]. Между тем, наше собственное обследование стелы позволило удостовериться, что подавляющее большинство знаков, которые идентифицировал здесь Радлов, хотя и очень плохо, с трудом, но до сих пор возможно разобрать почти во всех строках надписи. Еще один источник верификации состава знаков данного памятника – это опубликованные в 1991 г. П.Аалто старые рисунки и дневниковые записи И.Г.Грано, сделанные последним в экспедиции 1907 г.

Е-18 – это еще одна, как и Е-19 [Корм.ТЕЭ-I, 185[5]], надпись среди чаахольских, и даже более того – среди всех енисейских, со строками, с противоположным общепринятому направлением письма. При этом сами буквы в таких строках зеркально перевернуты для написания слева направо, что можно назвать правосторонним развертыванием букв (выражение Радлова: rechtsläufig geschrieben [Radl.AIM, 322]). Однако в отличие от Е-19 в рассматриваемой надписи строки правостороннего развертывания букв сочетаются со строками левостороннего развертывания, т.е. обычного для памятников орхоно-енисейского письма написания справа налево. При этом пространственная схема знака в некоторых случаях противоречит избранному направлению развертывания, что иногда запутывает исследователя.

Надпись содержится на двух сторонах: начало надписи в одну строку более крупными буквами на узкой стороне, остальные строки на широкой грани. К сожалению, ориентация на современное европейское представление текста горизонтальными строками сверху вниз привело к тому, что изображение надписи Е-18 руническими знаками у Радлова (и в скопировавших это изображение изданиях Оркуна и Малова) не всегда и не во всем отражает взаиморасположение строк и развертывание букв в реальности на стеле. В представленной ниже записи текста Е-18 рунами сделана попытка отразить наглядно положение строк и знаков на плоскости письма в мыс-

[5] В первой части нашей работы, во вводной главе [Корм.ТЕЭ-I, 31] указано, что Е-20 (неправильно! надо: Е-19, как и рассмотрено на с.185) "пока единственная надпись" с направлением письма слева направо. В действительности, в число подобных надписей следует включить и Е-18, а также Е-50, в которой в обратном направлении написана одна из пяти строк надписи [Корм.ТЕЭ-I, 276-277].

Türk Dilleri Kütüphanesi

ленной проекции, объединяющей узкую и широкую стороны, которая тоже, конечно, поворачивает вертикальные строки стелы горизонтально направо, так, что слева располагается основание стелы ("земля"), справа – "небо", но при этом соблюдается взаиморасположение строк: внизу в этой проекции оказывается начальная строка узкой стороны, а над ней в реверсивном порядке, друг над другом, расположены строки широкой грани.

Коррекции состава знаков

Узкая сторона, первая строка. Буквы этой строки крупнее букв в строках широкой стороны, поэтому ее слеует принять в качестве начальной, как это мы наблюдаем в ряде других чаа-хольских памятников. У Радлова установлено 12 знаков, которые он читает слева направо: 𐰚𐰇𐰃𐰍 :$_5$𐰍𐰃𐰉𐰍$_{10}$𐰍𐰇𐰍 : t čor apasï barur, в переводе Малова: «Отец ...т Чура идет (умирает?)» [Мал.ЕПТ, 40]. Между тем, тщательный анализ знака 8 показал, что это не 𐰉 (который Радлов идентифицировал как i), но у него есть зубчик: 𐰍. Верхняя часть знака не очень отчетлива, так что Грано зафиксировал здесь только штамб | : s^2. Слева (в сторону земли) во всех записях уверенно фиксируется знак 𐰴:s, а справа знак для b^1 с крупной головкой, наподобие 𐰺, но повернутым по вертикальной оси слева направо (в нашем фонте нет такого изображения). Таким образом, рассмотренные три знака при чтении справа налево образуют слово 𐰴𐰍𐰺 : b^{1a}r^{1}S, что может входить в состав имени мемориантa, как это есть в соседних чаа-хольских памятниках Е-14, Е-17.

Буквы до и после слова bars плохо различимы, и чтения, предложенные на основе их идентификации, не достоверны. На некотором расстоянии, через три, возможно, четыре знака влево еще видна буква b^2 особой палеографии:𐰽; здесь можно предполагать сказуемостное окончание bän.

Вторая строка (третья – у Радлова и Малова). Эта строка не смежная с рассмотренной выше первой, но следующая за смежной, принимается нами как вторая только на основании текстологического признака предшествования адресации мемориантa к супруге. Это – строка правостороннего развертывания букв, она направлена слева направо при горизонтальном расположении строк, или снизу вверх (от земли к небу) – при обычном вертикальном положении стелы. Все знаки строки установлены еще Радловым и Маловым, а также подтверждены нашим анализом, из которого обнаружилось, что начиная с 17 знака строка поворачивает в обратную сторону, так что знаки 19–23 располагаются уже справа налево, с обычным левосторонним развертыванием, за исключением знака 20 для r^1, написанного ошибочно в обратную сторону (как 𐰍 : ü). Теоретически возможна и иная разбивка на слова: qujdaki (ä)šim, – вместо принятого сейчас qujda kišim.

Третья строка (вторая – у Радлова и Малова). Это – также строка правостороннего развертывания и той же направленности – слева направо (от земли к небу); все знаки ее до сих пор, хоть и с трудом, просматриваются так, как они установлены у Радлова.

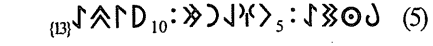
Türk Dilleri Kütüphanesi

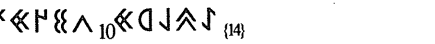
Четвертая строка. Она имеет направленность от земли к небу, или слева направо при общем перемещении строк в горизонтальное положение, но при этом данная строка написана в технике левостороннего развертывания букв, т.е. справа налево, для чего они повернуты на 180°, вершинами букв к вершинам букв предыдущей строки правостороннего развертывания (иными словами, резчик писал ее, зайдя с противоположного края плиты, хотя последняя, пятая строка написана из прежнего положения). Начальная часть строки в 14 знаков и сейчас уверенно читается, но вот окончание в 5 идентифицированных знаков с двумя лакунами – у Радлова, или 8 знаков – у Грано, мне установить не удалось. Это тем более жаль, что рисунок Грано в этом месте сильно отличается от радловского текста.

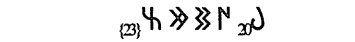
Пятая строка. Эту короткую, завершающую надпись, строку мне также установить на стеле не удалось. Судя по имеющемуся изображению [Вас.КЕР, 62], она написана выше (левее – при вертикальном положении надписи) всех строк, на верхнем краю, и имеет направление сверху вниз (от неба к земле), написание нормальное – справа налево, т.е. левостороннее развертывание букв. У Грано эта строка, видимо, при записи внесена не на свое место, между строками 3 и 4.

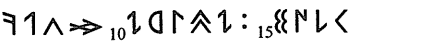
Текст

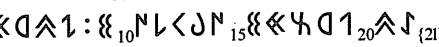
Запись текста рунами

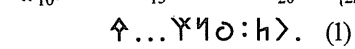

(4)

бустроф.оконч.стк.2

(2)

(3)

Примечание: в действительности знак 2_6 перевернут на 180° слева направо, а знаки 4-й строки: 1, 5, 9, 13, – перевернуты вверх ногами, как если бы были писаны с другой стороны стелы (при горизонтальном положении строк – сверху и нормально – справа налево).

Транслитерация

(1) . ʊt² b¹ᵃr¹S ... b²[ᵃn²]
(2) qʊj¹d¹A kIŚⁱMÄ ᵃj¹It¹A: ᵃd¹ⁱr¹ⁱl¹ʊb¹ᵃr¹d¹ⁱM¨Z
(3) In²ᴵM ᵃČᴵM ᵃj¹It¹A: ᵃd¹ⁱr¹ⁱl¹ʊb¹ᵃr¹d¹ⁱM¨Z
(4) b¹ʊŊA ᵃSⁱM qᵃd¹ᵃŚᴵM ᵃj¹It¹A
(5) b¹ᵘŊd¹A : ʊɣl¹ᵃn¹M : ᵃj¹It¹A

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) ... ut² bars ... b[än]
(2) qujda kišim-ä ajïta adïrïlu bardïmïz
(3) inim äčim ajïta adïrïlu bardïmïz
(4) buŋa äšiṁ qadašïm ajïta
(5) buŋda oγlanïm ajïta

Перевод

(1) [Я] – ... Барс ...
(2) Моя супруга в женских покоях, – прискорбно, (теперь) мы разлучены!
(3) Мои младшие братья, мои старшие (двоюродные) братья, – прискорбно, теперь мы разлучены!
(4) Печально! – мои товарищи и мои сородичи, – прискорбно!
(5) В печали мои сыновья, – прискорбно!

Е-41 (Хемчик-Чиргак)

Небольшая стела из зеленовато-серого сланца, высотой чуть менее метра – 95–97 см (до вкопанной части), почти треугольная в плане, со сторонами шириной 20–22 х 29–30 х 30–33 см. Хранится в Минусинском музее, инв. № 34. Две меньшие грани ровные, на них нанесена надпись, тыльная сторона чуть шире, гладкая, но неровная, с наплывами, которые в нижней части срублены книзу. Выбивка знаков очень четкая, с тщательным прочерчиванием канавок, фактура камня мелкозернистая, твердая и ровная. Есть четыре небольших "свежих" скола, два из которых незначительно повредили два-три знака в строках 3 и 5 (см.). В целом можно сказать, что надпись прекрасной сохранности. Отличается характерным начертанием целого ряда знаков, заметными новациями в орфографии, в том числе рядом фонетических и морфонологических особенностей использованных слов, определенным лексико-фразеологическим своеобразием построения текста. В силу указанных особенностей еще В.Томсен назвал этот памятник загадочным и трудным для дешифровки [Thomsen 1918, 68, not.1]. Он блестяще разгадал одно такое трудное место в 5-й строке. Некоторые из подобных трудностей были преодолены в публикации С.Е.Малова [1936, 259–267[и основанной на ней публикации Х.Н.Оркуна [1940, III, 79–85]. В [МЕПТ, 73–75], С.Е.Малов практически повторил свое первое чтение памятника, рассмотрев в некоторых примечаниях предложения Х.Н.Оркуна, либо попросту отослав к его тексту. Основной ключ к пониманию орфографии надписи Е-41, который дали нам Томсен, Малов и Оркун, – это признание фактов, во-первых, совмещения в одном слове твердорядных и мягкорядных согласных, во-вторых, невыписывания нешироких гласных в корневых слогах. Эти нарушения принципов традиционного правописания,

Türk Dilleri Kütüphanesi
являющегося фундаментом тюркского рунического письма, неоднократно встречаются и в других енисейских, а также алтайских и таласских надписях, до сих пор затрудняя их дешифровку. Однако в надписи Е-41 необычные явления на всех уровнях представления текста – в палеографии, орфографии, фонетике, грамматике и лексике, – проявились достаточно концентрированно, в результате чего довольно многие места в тексте не были узнаны. Насколько неожиданны здесь решения можно видеть по целому ряду впервые предлагаемых нами чтений. В целом, можно признать, что в своих текстообразующих, стилистических и палеографических чертах Е-41 обнаруживает очевидную преемственность с другим древнетувинским памятником – Е-11 (Бегре), и оба они представляют наиболее позднюю эпитафийную енисейскую рунику.

Коррекции состава знаков

Передняя (левая) сторона. То, что здесь начало надписи, определяется по тамге, которая выбита внизу (у земли), перед началом всех строк: ᛠ. Тамгу этого вида можно рассматривать как сочетающую в себе признаки тамг двух разных типов: западно-тувинского – "дуга над крюком" ᛉ, и восточно-тувинского – "дуга на кресте" ᛣ.

Первая строка. Всего в строке 30 знаков-букв[6] и 5 словоразделителей-двоеточий, из них в коррекции нуждаются всего три руны: 7, 22 и 23. Седьмой знак Малов воспринял в виде ᛩ : ŋ и видел в трех знаках 7–9 слово (a)ŋl(a)r, что Оркун предпочел прочесть как k(a)l(ı)r, имея в виду неполное написание колена у ᚺ : q. Однако в действительности здесь выбит знак ᚻ : t², с укороченной правой чертой, что хорошо видно на фотоснимке-вклейке у Малова [Мал.ЕПТ, 74а]. Получающееся в знаках 7–10: ᛇᛋᛇᚻ : t²l¹r¹A предлагаем читать как til ara, с предположительным истолкованием: это какой-то эпитет к äšim, вроде "любимые", "близкие". Само же äšim может быть и в значении ‘мои соратники’, так и, с большей вероятностью, ‘мои жены, супруги’, поскольку оно открывает ряд адресатов сожалений покойного, а на первом месте традиционно упоминаются супруги.

С.Е.Малову принадлежит практически ключевая догадка по поводу орфографии этого текста, когда он принял допустимость написания слова b(i)ŋ ‘тысяча’, знаки 13–14, вопреки традиционным правилам – без гласного.

Для дальнейшего понимания первой строки важна коррекция слова в знаках 21–23. Малов читал здесь ᚦᛊᛟ : basïq, а Оркун воспринял среднюю букву как ᛉ : l², видя здесь balïq ‘город’, против чего Малов в издании 1952 г. возражал. Между тем, в этом вопросе – в отношении средней буквы,

---

[6] С.Е.Малов и Х.Н.Оркун дали в своих изданиях (Малов – только в первом) сплошную нумерацию знаков (без словоразедлителей), как это было в ФАтласе; в издании Радлова [Radl.AIM] были пронумерированы слова. В настоящем разделе в скобках при фамилиях Малова и Оркуна иногда для справки приводим их нумерацию разбираемых нами знаков для строк начиная со второй.

Türk Dilleri Kütüphanesi

прав оказался Оркун. В последнём знаке слова, внешне близком к форме треугольника (из-за чего его читали как ᛑ : ï̥q), при внимательном осмотре можно обнаружить черточки, как бы намечающие разделение этой фигуры на три кружочка, т.е. близкое к форме треугольника написание для буквы ᛘ : i̥m. Именно эти разделяющие черточки отметил в своей прориси на с.67 и в целом знак как *m* (а все это слово как b^{1}l^{2}m) на с.29 зафиксировал в своем альбоме Д.Д.Васильев [Вас.КЕР, 29, 67]. Таким образом, в полученном слове все-таки совмещаются знаки твердорядных и мягкорядных согласных, что в свое время останавливало Малова [Мал.ЕПТ, 74, примеч.1]. Предлагаемая теперь интерпретация bälim как 'мои долины' дает хорошую парность с taγïm 'мои горы' в качестве обозначения "страны", "родных мест".

Заключительные два знака строки, 29 и 30, повернуты на 90° вправо, вбок по ходу строки, пропуская за собой окончание третьей строки, тоже повернутой вправо вбок.

Вторая строка. Из 29 знаков этой строки 27 были установлены всеми издателями верно и одинаково. Разногласия в фонетической идентификации вызывают всего три знака: 8, 20 и 27, – но в этих разногласиях отражаются разные подходы Малова, Оркуна и автора данных строк к разбивке на слова и вокализации консонантных букв, т.е. к получению текста из последовательностей в общем-то ясных рунических знаков.

8-й знак передан Маловым (у него №38) в его первом издании памятника, в статье 1936 г., как ᚢ : n^{1}, – в наборном тексте, но в примечании он фактически дезавуировал эту идентификацию, склонившись к тому, чтобы видеть вместо "дуги" "угол", и «считать здесь скорее букву ᚴ за недописание буквы ᛯ : (m), т.е. все было бы ^{ä}r ^{a}t^{y}m 'мое геройское имя'» [Малов 1936, 263, примеч. II 37–38]. Именно это понимание отражено в его переводе в статье 1936 г., которое повторено в сводном издании 1952 г., причем в последнем он вводит знак ᛯ : M уже в наборный текст. Полученное указанным образом в знаках 6-12 выражение (ä)r (a)t(ı)m joq (ü)č(ü)n интерпретируется Маловым "так как не было (сначала у меня) геройского имени". Добавленное в скобках "сначала" – это реакция на то, что в следующей строке мемориант сообщает свое "геройское имя", и без этого "сначала" мотивация к применению данного выражения дважды в тексте, практически рядом, отсутствует. Первое слово строки Малов понимал как "лагери" (ДТС, 572: ton – в др.-уйг., карах.-уйг. 'ставка, резиденция', '(укрепленный) лагерь', 'город'), но синтаксически оно у него оказывалось связанным не с последующим в этой же строке, а, скорее, входило в один ряд обращений предыдущей строки: "вам, мои челядинцы, вам, (2) мои лагери; ...". Теперь же, когда словечко s-z-m-ä читается не как "вам (моим)", а как "о, жаль мне", и синтаксически вполне может быть предикатом и заканчивать предложение, то допускавшаяся Маловым связка начала второй строки с первой выглядит искусственной. Принимая знаки 11–12 за причинный союз (ü)č(i)n

Türk Dilleri Kütüphanesi

~ (ü)č(ü)n Малов (№41–42) всю вторую строку (без первого слова) понимает как сложное предложение, в котором событие, выраженное словами после üčin, произошло по причине, излагаемой до этого слова. У Малова причина – выше упомянута: "так как не было (сначала у меня) геройского имени", – а следствие: jäti ašnuqï äšim tašru ätilti "то семь моих передовых дел были совершены в заграничных боях (вне)". А.Н.Кононов немного поправил этот перевод: "семь моих первых дел были совершены за пределами [моего юрта]" [Кононов 1980, 137]. В предложенной Маловым интерпретации вызывают сомнение два момента. Во-первых, применение пассивной конструкции в устах мемориантa: обычно, рассказывая о своих подвигах и деяниях, употребляют предложения активного залога, типа "я совершил ...". Во-вторых, в текстах иногда указывали счет сражениям, битвам, но делам счет не вели.

Оркун, явно неудовлетворенный получившимся у Малова переводом, переосмысливает почти каждое слово и всю фразу целиком: t^{a}y^{l}^{a}r^{ı}m ^{ä}r toy^{u}kčin j^{ä}ti ^{a}šn^{u}kï ^{ä}r^{i}m t^{a}š^{a}ru t^{i}^{l}^{ä}ti 'taylarımın nalbandı (?) yedi eski adamım taşra (gitmek) diledi' [кузнец моих жеребят (?) семь прежних моих людей пожелали (уйти) прочь]. У него tay не "лагерь", а "жеребенок"; (ä)r (a)t(ï)m joq (ü)č(ü)n (по Малову: "из-за отсутствия (геройского) имени") – у Оркуна читается как är toyukčin "кузнец", где (ü)čin теряет причинность, превращаясь в словообразовательный аффикс. Однако в такой морфологической форме слово toy(u)kč(i)n, с монгольским афф. деятеля, в тюркских языках нигде не зарегистрировано. Для слова "пожелали" лучше бы иметь форму со звонким *d* в аффиксе, т.е. t(i)l(e)di. В целом же первая часть фразы у Оркуна не связана с последующей, если только не считать, что "мужи-кузнецы" и есть те "прежние мужи, что пожелали уйти". При подобном осмыслении вся фраза плохо увязывается с эпитафийным характером текста.

20-й знак читался Оркуном (№50) как r², однако палеографически здесь определенно знак "перечеркнутой справа рогатины" (в типовом виде: ᛉ или ᚠ), у которой основание рогатины и левое ответвление составили единый полукруг, а дополнительная черта справа не перечеркивает правое ответвление рогатины, а проходит в ее конечной точке по касательной (почему, видимо, Оркун и воспринял ее за ᛘ : r², но без левого крайнего зубца). Получающееся в знаках 20–21 слово äšim, думается, правильнее понимать в согласии с Оркуном: здесь речь идет о "товарищах, сподвижниках", но не о "делах". Написание слов äšim "супруги" в 1-й строке и äšim "товарищи" – во второй с разными знаками для сибилянтов: "супруги" – с ᛯ, а "соратники" – с ᛉ, дает возможность "развести" эти одинаково звучащие слова-омонимы.

27-й знак воспринимался обоими издателями (№57) как ᛘ : l², но, на наш взгляд, должен быть переинтерпретирован в качестве ᛣ : k, у которого в сравнении с представленным типовым рисунком значительно укорочен (почти не заметен) верхний зубчик, значительно увеличен средний зубец, а

Türk Dilleri Kütüphanesi

штамб изогнут вправо, так что в целом рисунок знака имеет определенное сходство с "рогатиной" l^2. Аналогичное по типу начертание буквы *k* зафиксировано нами в другом тувинском памятнике – Е-92 (Демир-Суг), с той разницей, что там эта буква зеркально повернута зубцами вправо, верхний зубец тоже очень короток, будто это просто штамб имеет небольшую закругленность [Кормушин 1997, 157]. В силу предложенной интерпретации знака 27 содержащий его глагол должен быть прочитан не с l^2 ($t^2{}^I l^2 t^2 I$: ätilti – у Малова, $t^i l^e ti$: у Оркуна), а с k: $t^2 kt^2 I$.

Если в последнем слове строки видеть форму tikti 'водрузил(и)', тогда объектом действия этого глагола может быть taš '(мемориальный) камень, стела'. Какой-либо косвенный падеж переходному глаголу не нужен, поэтому очень предположительно мы предлагаем трактовать t^lšru $t^2 kt^2 I$ как три слова: t(a)š (u)ru t(i)kti "водрузили камень, выбив (на нем письмена)". Глагол tik- сочетается в орхонских и енисейских памятниках со словами balbal и beŋü ~ beŋü taš, тогда как глагол ur- в отношении камня означает "выбить слова, текст (на камне)". Поскольку в этом сочетании (u)ru t(i)kti главным для смысла эпитафии является "водрузить", то у слова "камень" оставлено управление этого глагола, а деепричастие "выбивая" приобретает наречный характер, указывая на дополнительный признак действия: "водрузили, выбивая (письмена)". Действующим лицом обоих глаголов естественным образом является тот, кто сооружает памятник; упоминание этого лица (~ лиц) в речи мемориантa в енисейских эпитафиях всегда носит благодарственный характер.

Смысловая конструкция всей разбираемой фразы-строки организуется вокруг благодарности лицам, соорудившим памятник, и эти лица – jäti ašnuqï äšim "семь моих ближайших соратников". Причинные отношения второй части фразы в том, что "памятник установили *именно* семь близких друзей из-за того, что кто-то, кто обозначен в первой части фразы, по какой-то причине не смог этого сделать". Повторяем, возможно, речь идет о сыновьях, поскольку именно этого адресата пока не хватает в тексте и этот адресат, думается, содержится в первой части фразы-строки.

Первая часть фразы состоит из действующего лица (~лиц) и предиката, выражающего свойства, особенности этих лиц, – свойства, в силу которых действие пришлось осуществить другим. Слово t-ñ-l-r-m из-за афф. множ.ч. -lar плохо подходит для неодушевленного t(o)n "лагери", предложенного Маловым. Для одушевленного t(a)y "жеребята", предложенного Оркуном, остаются в силе возражения Малова об отсутствии для слова tay в живых языках чередования n||y, которое позволило бы принять древнее среднеязычное ñ. Мы предлагаем третий вариант: t(u)nl(a)r(ï)m 'мои первенцы'. В обоих случаях – "жеребята" или "первенцы" – это слово служит, по нашему мнению, ласковым обозначением сыновей. Далее остается характеризующая часть: "из-за того, что мои первенцы (resp. жеребята) r^2-t^l-u-j^l-uq, – что не поддается однозначной интерпретации. Возможная разбивка на слова:

(ä)r (a)t ujuq, либо (ä)rt(ä)ujuq, или kötü(ä)n tasïuq; только для последнего условно можно предложить: tujuq ‘закрытый’, ‘печальный’ [ДТС, 585]. Может быть, все-таки речь идет о том, что старших взрослых сыновей мемориантa к моменту его смерти уже не было в живых, но для безутешного отца они навсегда остались маленькими – "первенцами", "жеребятами".

Несмотря на неполную ясность с лексическим и грамматическим наполнением рассматриваемой фразы, как в первой, так и во второй частях, ее общий смысл как будто бы в том, что она продолжает прощание мемориантa, начатое в первой строке.

Третья строка. Длина вертикальной части строки по 24 знак включительно 73 см, окончание строки в 7 знаков повернуто горизонтально направо, верхушками букв вниз. Сколом у верхнего края поврежден 24 знак, от которого остался только штамб. Все 31 знак этой строки не вызвали затруднений не только в идентификации (восприятии), но и в прочтении, – за небольшими исключениями. Неясным по смыслу было слово, заключавшееся в знаках 16–17: Малов и Оркун (№76–77) пропускали его, ставя в переводе отточие. Еще в первой книге нам удалось интерпретировать его как деплоративную частицу oquz ~ aquz ‘о, несчастье’ [Корм.ТЕЭ-I, 260]. Все еще непонятным остается ясное по знакам слово (ä)lg(i)n – эпитет к родственному термину qaγadaš (< qa qadaš, см. [ДТС, 405]), если только это не комитативная форма числительного älig ‘пятьдесят’. Малов и Оркун видели в (ä)lg(i)n огузскую форму слова ‘путник; гость’ (< yelgin). Малов понимал älgin qaγadašïm как "мои спутники и родственники", хотя для сочинительной связи необходима принадлежность и в älgin. Оркун, заметив этот недочет в переводе Малова, сделал первое слово приложением ко второму: "мои гости-родственники".

Четвертая строка. Она доходит до скругленного верхнего края стелы, достигая длины в 72 см. Все ее 26 знаков установлены издателями без разногласий и верно, чего нельзя сказать о чтении и понимании записанных этими знаками слов.

Прежние толкования слова ašnuqï, знаки 1–4, базировались на хорошо подтвержденных значениях производящей основы ašnu как адъектива – наречия и прилагательного – ‘раньше, сперва, вначале’, ‘прежний ранний, первый’ [ДТС, 63–64], подлаживаясь под которые, Малов переводил всю фразу немного искусственно: ‘я ездил на опережающих конях’ [Мал.ЕПТ, 74]. Между тем во фрагментах «Биографии Сюань-цзана», опубликованных Л.Ю.Тугушевой, зафиксировано несколько морфологически близких форм в подходящих к нашему случаю значениях: ašnu ‘скоро, быстро’, ašnuča ‘скоро, быстро; тотчас’, ašnuqan ‘быстро, скоро’ [Тугушева 1991, 312]. Следующее слово верно прочитал Малов (напрасно Оркун не принял этого чтения): глагол äš- он взял по османским материалам ‘идти иноходью, делать большие шаги’ [Малов 1936, 236, примеч. III 100–103]. Сюда лучше подходит совр. тур. eşmek ‘галопировать (о лошади)’, но наш текст дает

Türk Dilleri Kütüphanesi

возвратную форму "для себя, в своих интересах", которая в современном турецком имеет иную лексикализацию: "бить (копытом о землю)". Наш перевод следующей фразы, во второй части строки, объединяет интерпретации Малова и Оркуна. Два слова, знаки 13–18, то что Малов (№104–109) предлагал как b(a)ɣa b(e)n (ä)r "Я муж высокого чина (бага)", лучше взять по Оркуну: (a)bɣa b(i)n(ä)r 'на охоту верхом садиться', сделав их определением к последующим словам, в отношении которых (знаки 19–26) следует вернуться к Малову (№110–117): (a)ltï j(ü)z t(a)mq(a) (a)t 'шесть сотен клейменых коней' (у Оркуна последние знаки, 23–26 (№114–117): (a)t(ï)m (a)q (a)t – "мои кони, [на которых я ездил на охоте,] – белые кони"). В целом предлагается назывное, неглагольное предложение – второе в серии таких предложений, но первое назывное, в которых мемориант представляет себя – свои занятия и свои богатства: 'на (ханскую) охоту [бывало снаряжали до] шести сотен верховых клейменых коней'.

Пятая строка. Буквы этой, последней строки лицевой стороны чуть мельче букв остальных строк, 25 знаков идут вдоль левого края грани доходя на высоте 70 см длины написанного до верхней кромки стелы, а окончание строки в 7 крупных знаков написано на плоско-закругленной макушке стелы, повторяя поворот окончаний первой и третьей строк на лицевой стороне направо верхушками букв навстречу читающему. Это – короткая приписка из двух слов, все 7 знаков которых читаются ясно. Малов выделил эту приписку в качестве отдельной, 11-й строки, т.е. воспринял как окончание второй части и всей надписи в целом. Думается, по содержанию, да и палеографически эта приписка близка 5-й строке.

Начало дешифровки 5-й строки, да и всей надписи, как уже сказано, было положено В.Томсеном, прочитавшим второе и третье слова, знаки 5–10, как sarig altunïm 'мое желтое золото' [Thomsen 1918, 68]. Но кроме этих двух, ни одно слово из остающихся восьми, включая два слова из приписной строки (у Малова – одиннадцатой) последующими издателями, т.е. Маловым и Оркуном, правильно идентифицировано, на наш взгляд, не было. Правда, Малов совершенно правильно интерпретировал общий смысл: «Пятая строчка содержит перечисление благ жизни, которыми пользовался и с которыми расстается теперь умерший» [Малов 1936, 264, примеч. V 118–144]. Знаки 1–4 у Малова (№118–121) составили три слова: (ä)s j(a)t (ä)g, – в его переводе: 'добытое оружие и (защитная) одежда', который получился следующим образом: (ä)s – "добыча хищных животных" (слово из DLT Кашгари), j(a)t – "оружие, средство защиты" (из Словаря Радлова [РСл. III, 190]), äg – сопоставлено с тур. ek 'воротник', 'ошейник' (тоже по Словарю Радлова [РСл. I, 674]). Оркун, выражая сомнение знаком вопроса, прочел указанные четыре буквы как s(a)yt(i)g (№118–121), интерпретировав полученное как "saydık" [мы (со)считали].

Если Оркун безоговорочно принял чтение Томсена "желтое золото", то Малов колебался, рассмотрев несколько вариантов в больших примечаниях

своего первого издания. В Türkische Bibliothek на компромиссном "блестящее золото", для которого взял слово s(ä)r(ä)g, предложенное Радловым в качестве глоссы к слову saqïγ ‘мираж’, полагая при этом возможным семантический сдвиг: ‘мираж’ ~ *блеск, *сверкание (подробнее: [Малов 193б, 264–265]). Нами предлагается чтение этих знаков как s(a)y t(ä)g, где s(a)y – в значении ‘галька’ характерно прежде всего для языков саяно-алтайского региона: алт., хак., тув., тоф. [Левитская и др. ЭСТЯ 2003, 150–152], а t(ä)g – частица уподобления. В этой последней нарушена сочетаемость согласных букв по ряду (t^1-g^2), почему, возможно, она и не была узнана. Думается, сравнение с галькой основано не только на многочисленности и доступности этого предмета, но, не исключено, и на форме древних слитков золота не в виде брусков, но в виде округлых плоских плюшек, похожих по форме на речную гальку: "золота у меня, словно речной гальки".

Следующие два слова, знаки 11–16 (в этот счет не входят два стертых знака –15а и 15б – между знаком 15 и знаком, получившим при счете только сохранившихся знаков номер 16), не получают должной интерпретации не только в силу стертости знаков 15а и 15б, но и из-за невозможности реально интерпретировать первое слово, знаки 11–14. Знак 11: 𐰯 : s – редкая буква, впервые интерпретированная О.Н.Туна [1966, 260], она из поздней енисейской руники; Малов (№128) воспроизвел этот знак в наборном тексте обычной руной 𐰴 : A. Знак 14 (№131) вообще уникальная буква, представляет собой явное соединение двух знаков: внизу "шапка" 𐰆 : S, а из ее вершины выходит 𐰃 : r^1 (в енисейском варианте: с коленом отходящим из вершины); из-за отсутствия в фонте специальной графемы мы передаем его условно: {𐰆+𐰃}, а в транслитерации как {S+R}. Но и этот знак Малов воспроизвел в наборном тексте обычным 𐰉 : t^2. Так же в отношении фонетического значения этих двух знаков поступил и Оркун. В примечании Малов указал, что знаки №128, 131 являются «двумя редкими буквами», и поставил над ними знаки вопроса [Малов 1936, примеч. V 128–131]. Оба указанных знака хорошо видны на снимке-вклейке в издании Малова 1952 г. Они же правильно и точно переданы Васильевым в его альбоме – и в прориси, на с.67, и в транслитерации, на с.29, где эти знаки среди латинских букв приведены в оригинальном начертании, т.е. не получили буквенного эквивалента. Последнее неверно после работы Туна в отношении знака 𐰯 : s (см. [Корм ТЕЭ-I, 173–174]), но справедливо по поводу знака {𐰆+𐰃}.

Таким образом, в нашем распоряжении буквенный костяк двух слов со словоразделителем между ними и двумя утраченными буквами во втором слове: s-g^2-r^2-S+R : g^2-?-?-m. При полной неясности конкретного значения данных слов, сохранившееся окончание второго слова -m, с большой вероятностью указывает на то, что все словосочетание грамматически однотипно с предыдущим и последующим словосочетаниями, содержащими, по приведенному выше выражению Малова, «перечисление благ жизни», принадлежавших мемориантуˑ

Türk Dilleri Kütüphanesi

Знаки 17–24 одинаково идентифицированы всеми издателями, сомнение вызывает знак 19, который, мне кажется, не 𐰴 : j^2, а 𐰃 : j^1 (Малов даже предлагал читать его как 𐰃 : ïq). Второе слово, знаки 22–23 данного словосочетания, Малов и Оркун (№142–144) читали одинаково как t(o)n(ï)m 'мои одежды'. Из двух предыдущих слов в знаках 17–21 (№137–141) первое, в их чтении, не было связано с "одеждами" и стояло в ряду перечислений – (a)ɣï 'казна', а другое – было связано: j^2(ä)d^2(ä)r^2 'приготовленный, снаряженный' (об одежде).

Наши предложения основаны на том, что вместо t(o)n(ï)m "одежды" мы видим здесь слово (a)t(a)n(ï)m 'мой верблюд (холощеный)', а предыдущие знаки: ɣïj^1d^2(ä)r^2 передают какое-то определение к этому слову. Может быть, это – фонетическое видоизменение причастной формы *qaj-ït-ar от основы *qaj(ï)t- 'поворачивать, менять направление движения (коня и т.п.)', т.е. в данном случае "управляемый, ездовой (верблюд)"?

Как уже сказано выше, два слова на макушке стелы скорее всего, являются продолжением этой строки. Малов перевел их, сомневаясь в первом слове, как (a)ɣ(ï)šɣa t(o)n(ï)m 'для восхождения (?) одежда моя'. Оркун сохранил чтение Малова, но совершенно отказался от перевода, поставив многоточие. Наша интерпретация этих двух слов: ɣ(a)šɣa (a)t(a)n(ï)m 'мой холощеный верблюд с белым пятном на голове'. Предполагаем, что предыдущее словосочетание ɣïjdär atanïm имеет в виду несколько ездовых верблюдов, тогда как ɣašɣa atanïm – особое упоминание любимого животного (может быть, нескольких любимых животных). Подобные упоминания домашних животных есть в E-45, строка 8 [Корм.ТЕЭ-I, 213-215], в E-55 [там же, 228], – в обоих случаях в особых приписках упоминаются лошади. Что касается белых отметин на голове домашних животных, Махмуд Кашгари привел этот признак для трех видов – овцы, лошади и нехолощеного верблюда buɣra [DLT, 214]; очевидно, что данная примета красоты и определенной избранности животного отмечалась и у ездовых особей холощеных самцов.

Задняя сторона. Шестая строка (на данной стороне – первая). Все 23 знака были верно установлены еще у Малова, однако его разбивка на слова и их осмысление (перевод) представляются весьма сомнительными: är ärdämim adaqï ägäčimä ana ägmäč ägät järiltim "моя геройская доблесть, батюшка (мой), от моей тетки, мать, супруга, служанки (со всеми вами) я разлучился (*т.е.* умер)" [Малов 1936, 266; 1952, 75]. Оркун полностью повторяет текст и перевод Малова: "er erdemim babacığım, teyzemden, annemden, karımdan, hizmetçilerimden ayrıldım (?)" [Or.ETY III, 81].

Начнем анализ предложенного перевода со сказуемого. Малов, принимая значение слова yeriltim как "отделился", опирался на появление мягкорядной формы в Словаре Кашгари: bu butïq ol tutčï järilgän 'эта ветка, которая всегда откалывается' [DLT, 468], butïq järildi 'ветка откололась (от дерева)' [DLT, 477]. Как признал издатель "Дивана" Р.Данков, это слово вос-

Türk Dilleri Kütüphanesi
ходит к велярному общетюркскому корню jar- ‘рассекать, расщеплять’ [Dankoff, Kelly 1985, III, 215], но очевидная мягкорядность первой формы (у второй – может быть оспорена) пока не нашла удовлетворительного объяснения. Тем не менее распространять частный случай опереднения основы (в которой есть i) на другие памятники было бы рискованно. Другие же лексемные идентификации Малова без семантики "отделения" в сказуемом просто повисают в воздухе.

Текстологически такой пассаж здесь тоже недостоверен, поскольку о смерти мемориант говорит позже, в девятой строке надписи, и обычным глаголом: öltim ‘я умер’. Представляется, что знаки 20–23 надо читать либо как jer altïm ‘я завоевал место’, либо, с некоторой натяжкой, jereltim ‘я разместился’ (надо бы: jerledim, – но тогда не подходит написание с лигатурой l+t). Первое предпочтительнее не только из-за правописания, но и в силу того, что в последней строке присутствует данное слово в аналогичном написании: altïm, через лигатуру. Фраза о размещении начинается с ясного словосочетания (ä)r (ä)rd(ä)m(i)m, знаки 1–5. Следующие буквы d^{l}qï, знаки 6–8, которые Малов семантизирует как уменьшительную форму на -qï от основы ada (вместо более приемлемого ata) ‘отец’ > "батюшка мой", – представляют собой, по нашему мнению, адъективное окончание -d(a)qï предыдущего слова. Далее. Психологическая неготовность к звонкому анлауту и пропуску в первом слоге тех гласных, которые по руническому правописанию не должны быть пропущены, не позволила узнать в рунах 𐰴𐰍𐰀 слово g(ü)č(i)m ‘моя сила’, а в рунах 𐰀𐰍𐰉𐰀 слово gimč(i)g ‘Кемчик’ – название левого крупного притока Кема, или Енисея, – совр. Хемчик. Выше, в пятой строке, а также ниже, в седьмой, предоставляются неоспоримые доказательства наличия звонкого анлаута в тюркском диалекте, на котором говорили создатели этого памятника: $5_{25\text{-}28}$: ɣašɣa = qašqa, $7_{24\text{-}26}$: gäjik = käjik. Проблематично окончание слова "моя сила": либо это, как обычно, вокативное -a, либо аффикс дательного падежа. Орфография местного падежа в слове gimč(i)gt(e) не выдержана: нет обязательного гласного в абсолютном конце слова. В целом, данное высказывание мемориантa о том, что он "разместил" (а фактически – завоевал, поскольку "благодаря силе") свой юрт – на Хемчике, соответствует реальности, ибо камень, на котором был выбит его посмертный рассказ о своей жизни, достигнутом положении, богатстве, найден здесь же, вблизи Хемчика.

Седьмая строка (на данной стороне – вторая). Из 33 знаков строки коррекции требуют только два – 5 и 26, остальные идентифицированы верно. 5-й знак действительно несколько углом и заворот небольшой, что в целом напоминает 𐰋 : l^{1}, но это все-таки 𐰆 : b^{1}. В такой же манере этот знак выбит в этой же строке на позиции 21, где был идентифицирован Маловым верно, как b^{1}. Знак 26, принимавшийся всеми за 𐰇 : ŋ, следует идентифицировать как 𐰚 : k, с раскрытым вверх верхним зубцом, – очень близко к тому начертанию, с которым мы столкнулись выше, на позиции 2_{27}.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Что касается лексематизации, т.е. воплощения идентифицированных знаков в слова, то здесь из нижеследующего перевода Малова: "старшие родственники, младшая родня, белизна грив (?), вам на охоте (или: с охоты) ... стрелять ..." [Малов 1936, 266], – в нашем переводе остаются два слова: "на охоте" и "стрелять". В своем переводе Оркун: "... silah, yılkı sizlere; avda kurban ettiğim atım ak ..." [Orkun III, 80–81], – отказался от удачной находки Малова "стрелять", но, последовав предложению Томсена, поддержанного Мелиоранским, прибавил правильное чтение четвертого слова в строке, знаки 13–16, как j²(i)l²q̈I. Малов указал на это предложение Томсена в сводном издании в примечании, но сам напрасно не последовал ему: судя из примечания, его смущало совмещение в слове знаков мягкого и твердого рядов [Малов 1952, 75, примеч.7]. Однако, как видим, подобные явления, нарушающие традиционную орфографию, в этом памятнике носят нередкий характер.

Пятое слово в строке, знаки 17–20, как теперь, после труда Т.Текина, знаем, не "вам, моим", а деплоративное слово-частица "о, жаль мне!". Предыдущие 16 знаков отражают два словосочетания из четырех слов – объекты сожаления мемориантa, люди из его окружения или предметы его обладания. После коррекции 5-го знака получается слово в знаках 5–8: barïm, но не "имущество" (значение, которое действительно реализуется в памятниках, представляющих древнеуйгурскую традицию), но "дом с надворными постройками", а также просто "дом, разборная юрта". Это последнее значение мы вывели, переосмыслив выражение sekiz adaqlïγ barïm как "юрты, устанавливаемые на восьми опорах, восьмистенные юрты" [Корм.ТЕЭ-I, 275–276]. Восьмиопорные, или восьмистенные, юрты – большие разборные дома кочевника-, а лучше сказать, сезонника-скотовода; величина дома – признак состоятельности, богатства, другой составляющей которого является скот. Поэтому слова barïm и jïlqï образуют устойчивую пару (но не парное слово!), проходящую по целому ряду древнейших памятников разных эпох (см. [ДТС, 84; Cl.EDT, 366], каждое слово из пары может иметь свои определения.

Определения к barïm и jïlqï читаются абсолютно надежно, это грамматически однотипные формы экватива bašča и jašča. Первое из них – уподобление округлых юрт человеческой голове: юрты, как головы. Второе определение, по нашему мнению, продолжает этот поэтический образ, сравнивая пасущиеся по лощинам косяки коней или отары овец с волосами. Фонетическую форму второго определения yaš я предлагаю рассматривать как гиперкоррекцию слова čaš~šaš 'волосы' в облике, свойственном некоторым алтайским и уйгурским диалектам. Зная о правиле "диалектное начальное *č* в стандартном койне должно быть представлено *j*", но, возможно, не зная, что слово čaš~šaš~saš~sač 'волосы' не входит в альтернацию начального йота, писец изобрел псевдоформу с начальным *j*.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Вторая часть строки представляет собой не связанную с первой частью самостоятельную фразу об охоте, практически разгаданную Маловым: "на охоте ... стрелять", не хватало только объекта стрельбы, который появляется благодаря введенной нами коррекции 26 знака: теперь это – слово gäjik ‘косули’ (вместо читавшегося gäjiŋ – ?).

Заключают седьмую, так же как и следующую, восьмую строку выражение, разгаданное Т.Текином: nä ärgäj ‘что будет’. Неодушевленность nä позволяет изобразить вопрос в обобщенном виде и со смысловым уклоном в сторону мемориата: "с делом стрельбы по ланям что теперь будет", что необходимо понимать как иносказание "такой замечательный стрелок умер, теперь некому или трудно будет его заменить". Аналогичная фигура речи встречается в двух больших памятниках из Хакасии – E-48$_{12\text{-}13}$, E-28$_{9}$, (см.: [Корм.ТЕЭ-I, 58–59, 89–90]).

Восьмая строка (на данной стороне – третья). Только в одном знаке из 35 следует сделать поправку: знак 16 определяли как ᚴ : I, в действительности он оказался ↑ : 𐰺q. Однако разбивка на слова и их лексематическая интерпретация требуют более существенных коррекций. Первые два слова, знаки 1–6, Малов читал как (ä)l č(ä)r(i)g(i)ŋä "государственному войску" (Оркун отказался от их перевода). Учитывая фонетическое значение знака ᛉ : i̯č, второе слово можно прочитать и как ičrägiŋä, т.е. как форму слова ičräk – название придворного титула, которое единственный раз встретилось в "Кутадгу билиг" и несколько раз в енисейских памятниках (см. [Корм.ТЕЭ-I, 27]. Форма датива на -ŋä (< -n "прономинальное" + дат.пад. -gä) в этом слове указывает на то, что в нем произошло морфологическое развитие (переразложение), т.к. здесь -i – афф. принадлежности 3 л., а потому основа – уже ičräk из более раннего ičräki (ičrä + -ki > ičrägi > ičräk/g-i), как это вытекало из анализа данного слова Радловым (см. подробнее ниже, ч.IV). Третье слово, объединив сомнительные и для Малова ägdim äšim "мои поля сражений" и "моя добыча" (?), мы предлагаем читать как (i)g(i)dm(i)š(i)m ‘я вскормил(ся), я воспитывал(ся)’.

Слова в знаках 12–16 с выявившимся (после коррекции 16-го знака) предикативом joq составляют, скорее всего, определительное словосочетание к следующему адресату (знаки 17–22), но интерпретировать это словосочетание: r^{2}-š-n^{2} j^{1}-𐰺q → (ä)rš(i)n (?) joq, – в отношении первого слова пока не удается. В следующем (определяемом?) словосочетании (знаки 17–22) второе слово Оркун читал как suŋurum, сближая с совр. тур. sungur ‘сокол’, источником которого он видел форму, зафиксированную у Кашгари (а также в "Кутадгу билиг"): suŋqur ~ soŋqur. Вместо этого мы предлагаем читать здесь s(ä)ŋ(i)r ‘горная круча, мыс’ → s(ä)ŋ(i)r(i)m ‘мои кручи’, а парное слово с ним š-m, возможно, составляет фонетически редуцированная форма (a)š(a)m (< *ašām < *ašagï-m) ‘мои низины’.

Знаки 23–35, составляющие вторую часть строки, ни у Малова, ни у Оркуна не сложились в осмысленную фразу, хотя все буквы были идентифи-

Türk Dilleri Kütüphanesi

цированы ими верно. Из-за несоответствия рядности букв не было узнано слово q(a)n^2 ‘хан’, у которого (местн.пад. -t^{1}a) покойный исполнял функцию är sañmaq – "подсчета мужей". По-видимому, в обязанности мемориантa входило заботиться о кадровом пополнении либо войска, либо ханского двора; скорее все же – первое, т.к. штат двора неизмеримо меньше численности армии, поэтому глагол "считать", т.е. "трудности счета" более подходят для больших масс людей. Заключительное выражение nä ärgäj ‘что будет’, как уже рассмотрено для предыдущей строки, превращает фразу в риторический вопрос: "с делом подсчета мужей на ханской службе что теперь будет", т.е. читателю со слов авторов надписи преподносится мысль, что умерший был лучшим исполнителем этой служебной функции, – ораторский прием, прослеживаемый теперь в целом ряде енисейских надписей (Е-28, Е-48 и др.).

Написание глагола "считать" со среднеязычным 𐰋 : ñ в корне в данном тексте, видимо, способно повлиять на изменение распространенных представлений о соотношении тюркских форм san- и say-, как восходящих к корню *sa: [Cl.EDT, 781; ЭСТЯ 2003, 124, 187]. Архетип глагола с классической структурой СГС и со среднеязычным носовым в качестве замыкающего согласного без труда объединяет оба типа рефлексов: *sañ- > san- ~ say-, – при этом, не надо мучительно искать объяснения, почему "рефлексивная" форма sa- + -n- "считать себя; быть сосчитанным" после XI в. десемантизуется, "приобретая активный характер": > ‘считать’ [Cl.EDT, 833]. Другое объяснение: от глагола образовалось имя действия на -n: *sa- + -n > san ‘счет’, от которого возник второобразный глагол sana- ‘считать’, – здесь трудно истолковать предпочтительное бытование формы san- в юго-восточных языках, если не видеть за этим историко-фонетических причин, а не избирательности морфологического порядка.

Девятая строка (на данной стороне – четвертая). Все 30 знаков строки установлены верно, и чтение всех слов теперь можно считать бесспорным, не вызывает возражений даже зеркальная перевернутость 11 знака: выбито 𐰼 : r^1, но читать надо, бесспорно, 𐰾 : ü. В первой фразе обращает на себя внимание отсутствие местного падежа у слова "мой возраст", что делает это и два следующих слова формально независимыми друг от друга: "мой возраст 68 лет, я умер, о, жаль мне!", т.е. цепочка квалификативно-назывных предложений, связанных общим субъектом, он же – общая тема всех высказываний. Заметим, что Малов и Оркун переводили “более грамматично” – "в мои 68 лет". Кстати, Оркун воспринял 2-й знак в качестве ŋ, а не k (об особенностях начертания знака k в этой надписи, иногда напоминающего ŋ, уже сказано выше – см. о знаках 2_{27} и 7_{26}), поэтому возраст мемориантa у Оркуна остался неопределенным: "семьдесят ...".

Большая часть второй фразы девятой строки читается очевидным образом: altmïš at bintim ‘я ездил верхом на шестидесяти лошадях’. Так понимали и Малов, и Оркун. Малов был близок к разгадке первого слова этой

Türk Dilleri Kütüphanesi
фразы – aγïmγa, но в примечании, как возможный вариант чтения. В основном же тексте и Малов, и вслед за ним Оркун остановились на aγï 'казна', причем Малов подтягивал это слово к первой фразе строки: "В мои шестьдесят восемь лет я умер для вас и для моей казны". Оркун включал и "вас", и "казну" во вторую фразу: Sizlerime : hazinemde altmış ata bindim. В примечании Малов предлагал видеть в этой форме слово aγ в значении 'ширинка', со ссылкой на «Опыт словаря тюркских наречий» В.В.Радлова: "aw ~ aγ ... 4) средняя часть (ширинка) штанов" [РСл I, 67]. Но, конечно, окончательную разгадку этого слова и всей фразы дает обращение к материалам Словаря Махмуда Кашгарского, где приведено слово āγ (с двумя алифами), но не в значении "ляжка", как это дано в «Древнетюркском словаре» в переводе Т.А.Боровковой ([ДТС, 16]; так же, в качестве особого значения у этого слова, процитировано в [ЭСТЯ I, 68]), а в значении 'промежуток между ляжками (промежность)'. То, что слово aγ не связано с обозначением "ляжки как верхней части ноги от таза до колена", свидетельствует примечание Кашгари к этому слову: «Оно означает и промежуток между двумя пальцами» [DLT, 53_5]. Иллюстративная фраза у Кашгари как нельзя лучше соответствует разбираемому пассажу: yüz at mäniŋ aγdïn käčti 'сто коней прошло у меня между ног (*букв.*: через промежность моих ног'). Ясно, что данное выражение, во-первых, устойчиво в восточно-тюркской традиции и, в-вторых, не связано с "расходованием (*чего-л.*)" (ср.: [ДТС, 16], но несет образ долгой жизни, прошедшей в трудах и военных походах, ибо в мирное время ездовые кони так часто не меняются. С другой стороны, сложение данного устойчивого выражения на основе слова "промежность (ног)" (вместо, например, более подходящего для русского языка выражения "под седлом у меня") характеризует обычную манеру передвижения степняков не садясь на круп лошади, так что лошадь действительно находится промеж ног у всадника. В грамматическом отношении у слова at в надписи лучше бы стоял дательный падеж: *atqa – ?

Десятая строка (на задней стороне – пятая). Все 21 знак прочерчены довольно четко, хотя в идентификации отдельных рун возникают некоторые сомнения. Знаки первого слова Малов читал как 𐰚𐰴𐰴 : $d^2d^2r^2$, Оркун как 𐰚𐰽𐰴 : d^2Zl^2 (меняя в чтении r^2 на l^2), однако эта группа верно отражена у Васильева как 𐰚𐰾𐰾 : ZZl^2 [Вас.КЕР, 29 и 67]. Не очевидна фонетическая идентификация знаков 7 и 14 в одном и том же повторяющемся слове: на 14 позиции этот знак ближе к 𐰽 : u, а на 7 – к 𐰾 : n^1. Из сопоставления с начертаниями аналогичных знаков в других местах этой надписи мы все же склоняемся к признанию здесь n^1.

Из шести слов этой строки только два последних читаются достаточно очевидным образом: artïmγa altïm. Малов интерпретировал это в вещественном смысле, как "взял вслед за собой" предметы, обозначенные в первых четырех словах фразы. Оркун, видимо, смутившись соположением на 15–16 позициях велярного r^1 рядом с палатальным t^2, принял 15 знак за

Türk Dilleri Kütüphanesi

перевернутое ᚿ : ӱ, аналогично знаку 9_{11}, и читал здесь два слова: (ö)t (a)mɣa, – без видимых успехов на осмысленность. Ключевой вопрос для понимания смысла этой строки-фразы имеет интерпретация повторяющегося в знаках 4–7 и 11–14 слова: o/u-r^{1}-ɣ-n^{1}. В стоящем за этим написанием слове Малов видел форму винительного посессивного на -ï-n от oraɣ, которое он в первом издании надписи сопоставил с шорским *ораг* ‘обвертка, пеленка’. Из прочтения первых трех знаков как слов (ä)d (ä)d(ä)r – "имущество, богатство" и "седло", а знаков 8–10 как q(a)b(a)y "колыбель" (с опорой на алт. и телеутск.) общий смысл в переводе Малова складывался так: "материи дорогого седла и пеленки колыбели я взял вслед за собой". Основанием для такого понимания являются, по-видимому, известные обычаи снаряжать умершего при захоронении разного рода бытовыми предметами.

Начертание o/u-r^{1}-ɣ-n^{1} мы предлагаем интерпретировать как форму ед.ч. к более известной форме uraɣut ‘женщина’ – *uraɣïn ~ *uraɣun. Подобная форма нигде не зафиксирована, и ее можно постулировать только теоретически. Семасиологически она могла бы оправдать заключительное выражение фразы "брать за собой" в переносном смысле: "жениться, взять в жены". Повторение эпитетов при слове "женщина" – если только наше предположение верно – наводит на мысль о противопоставленности этих определений по смыслу, исходя из чего, чисто умозрительно предлагаем в качестве их значений: z(e)z(i)l (<*sezil - ?) "утонченная, изысканная" и, напротив, qabaj "простая, грубая".

Одиннадцатая строка, по Малову и Оркуну, у нас вошла в состав пятой строки.

Текст

Запись текста рунами

Передняя сторона

(1) 𐰾𐰺$_{25}$𐰾 : 𐰃𐰺𐰉 : 𐰉$_{20}$𐰾𐰖𐰇 : 𐰾𐰺$_{15}$𐰼𐰾 : 𐰾𐰓𐰽$_{10}$𐰼𐰋𐰲 : 𐰾𐰇$_{5}$𐰃𐰴𐰺𐰺

(2) $_{30}$𐰉𐰾𐰖𐰇

$_{29}$𐰇𐰲𐰽𐰲 : 𐰆$_{25}$𐰼𐰓𐰾 : 𐰾𐰺$_{20}$𐰇𐰾𐰉𐰓 : 𐰇$_{15}$𐰲𐰘 : 𐰋𐰚𐰾$_{10}$𐰃𐰆𐰾𐰺 : 𐰾$_{5}$𐰼𐰋✂𐰾

(3) 𐰾𐰓𐰗𐰺$_{25}$𐰲𐰋𐰍𐰀 : 𐰾$_{20}$𐰖𐰇 : 𐰴𐰾𐰾$_{15}$𐰃𐰴𐰺𐰺 : 𐰋$_{10}$𐰾 : 𐰉𐰋𐰆𐰃$_{5}$: 𐰾𐰇𐰾𐰺

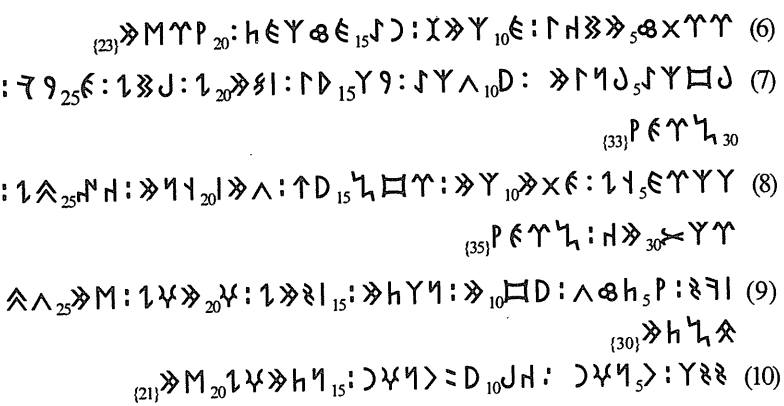
(4) $_{31}$𐰾𐰖$_{30}$| :

$_{26}$𐰾𐰲$_{25}$𐰾𐰾 : 𐰴𐰘𐰇$_{20}$𐰃 : 𐰺𐰋𐰾 : 𐰽$_{15}$𐰀𐰃 : 𐰾𐰲𐰋$_{10}$𐰓 : 𐰾𐰼𐰋𐰾$_{5}$𐰇𐰉𐰓

(5) 𐰾𐰆𐰾 : 𐰺𐰴$_{20}$𐰃𐰇𐰀 : 𐰾..𐰖$_{15}${𐰴+𐰼} · 𐰺𐰖𐰭 : 𐰾$_{10}$𐰆𐰃 : 𐰖𐰼𐰲$_{5}$: 𐰖𐰾𐰃𐰺

$_{31}$𐰾𐰆$_{30}$𐰾 : 𐰽𐰀𐰓𐰀$_{25}$

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транслитерация

(1) ä r² ä r² d² ä m̱ i IM : t² l¹ a r¹ A : ä š¹ i m : b² l ŋ ä r² l M : ä s² l z² l Mä : b¹ l² i m: t¹ ɣ ¹M: ä s² l z² l Mä
(2) t¹ ᵘ ñl¹ a r¹M : ä r² t¹ ʊ j¹ ᵘ q : ᵘ č ¹n² : j² ä t² I : ašn¹ ᵘ qI ä š¹M : t¹ a š ᵘ r¹ ʊ : t² kt² I
(3) ä r² a t¹IM: j¹ ʊl² a: b² ä n²: ä r² ä r² d² ä m̱ i M ᵘ q ᵘ Z s² l Z¹M: ä l² g¹ n² q a ɣ a d¹ a š¹M: ä s² l z² l M
(4) a šn¹ ᵘ qI : a t¹ l¹ a r² l M : ä š¹ n² t² l M : a b² ɣa : b² i n² ä r² : a L̲T̲I j² ü z : t¹ a Mq a a t¹
(5) S a j¹ t¹ ä g : S a r¹ i g : a L̲T̲ ᵘ n¹ l M : s³ ä g¹ i r² {S+R}: g ä . .M : ɣIj¹ d² a r² : a t¹ a n¹ l M : ɣ a šɣa: a t¹ a n¹ l M
(6) ä r² ä r² d² ä m̱ i Md¹ a qI : g ü č̱ i Mə: a n¹a g i m̱ č̱ i gt² ä : j² ä r² a L̲T̲ l M
(7) b¹ a š¹ i č̱a b¹ a r¹IM: j¹ a š¹ i č̱a: j² l² ï q I : ä s² ZMä: a b¹ d¹a : g ä j² l k : a t¹ M a q : n² ä ä r² g ä j²
(8) ä l² i č̱r² ä g¹ i ŋä : i g¹ d² M¹ S¹M : r² šn² j¹ ᵘ q : a š a M s² ä ŋ¹ r¹M : q a n² t¹A : r² S a ñM a q : n² ä ä r² g ä j²
(9) s² ä k¹ i z : j² ä t² m̱ i š : j¹ a š¹ l M : ül² t² i M : ä s² i z¹ i Mä : a ɣ¹ i MɣA : a L̲T̲ M¹ š a t¹ : b² i n² t² i M
(10) Zzl² : ʊr¹ a ɣ¹ ï n¹ : q a b² a j¹ : ʊr¹ a ɣ¹ ï n¹ : ar¹ t² i MɣA a L̲T̲ ïM

Транскрипция

(1) är ärdämim til ara äšim biŋ ärim äsizim-ä bälim tayïm äsizim-ä
(2) tañlarïm är at ujuq üčin jäti ašnuqï äšim taš uru tikti
(3) är atïm jola bän är ärdäm oquz äsizim älgin qaɣadašïm äsizim
(4) ašnuqï atlarïm äšintim abɣa binär altï jüz tamqa at
(5) saj t¹äg sar¹ig altunïm sägir {S+R} k..m ɣïjdar atanïm ɣašɣa atanïm
(6) är ärdämimdaqï güčimə ana gimčigtä jär altim
(7) bašča barïm jašča jilqï äsizim-ä abda gäjik atmaq nä ärgäj
(8) äl ičrägiŋä igidmišim äršin joq ašam säŋirim qanta är sañmaq nä ärgäj
(9) säkiz jätmiš jašïm öltim äsizim-ä ayïmɣa altmïš at bintim
(10) zezel uraɣïn qabaj uraɣïn artïmɣa altïm

Türk Dilleri Kütüphanesi

Перевод

(1) Моя доблесть мужа-воина, мои любимые жены, тысяча моих мужей-воинов, – о жаль мне! Мои долины и горы, – о жаль мне!
(2) Из-за того что мои первенцы-мужчины печальны (покинули этот мир?), семь первых моих товарищей выбили на камне [эту надпись]
(3) Мое имя мужа-воина – Юла. Моя доблесть мужа-воина, – о, горе, о, жаль мне! Мои родственники по крови ..., о, жаль мне!
(4) Я скакал на быстрых конях. На охоту верхом [снаряжали] по шесть сотен клейменых коней.
(5) Словно галечных камней у меня желтого золота. О, мои ездовые (?) верблюды, мой верблюд с белой отметиной на голове!
(6) О, сила моя в пору моей доблести мужа-воина! Я разместился на главном Хемчике (*либо*: Благодаря моей силе в пору моей доблести мужа-воина я разместился на главном Хемчике).
(7) Головы юрт с прядями [пасущихся] косяков коней, – о, жаль мне! На облавной охоте стрелять ланей, – кто будет!
(8) Я воспитывался, чтобы стать ичреком государства. ... мои низины, мои кручи. У хана считать мужей, – кто будет!
(9) Мой возраст – шестьдесят восемь лет, я умер, – о жаль мне! Подо мной (*букв.*: между ног у меня) перебывало 60 коней.
(10) Я брал в жены утонченных женщин и простых женщин.

Можно подвести некоторый итог изучению этого, как очевидно, трудного для интерпретации енисейского текста. В десяти строках выписано 289 рун, в них содержится 93 слова, из которых достоверно интерпретируется 73, а 20 либо не читается вовсе, либо не поддается достоверной интерпретации. Вот какова раскладка этого соотношения по строкам.

Номер строки	Количество рун	Количество слов	Из них достоверно прочитанных слов	Недостаточно надежно читаемых слов
1.	30	11	9	2
2.	29	10	3	7
3.	31	11	10	1
4.	26	9	9	-
5.	31	8	5	3
6.	23	7	7	-
7.	33	10	9	1
8.	35	12	10	2
9.	30	9	9	-
10.	21	6	2	4
Итого:	289	93	73	20

Türk Dil Kurumu Kütüphanesi

Надпись на двух сторонах очень массивной стелы из темно-серого (темно-лилового) гравилита, сопровождающей курган. Памятник находится на месте первоначального сооружения на левобережной террасе Каа-Хема, в 60 км восточнее-юго-восточнее Кызыла. Практически самая крайняя на восток Тувы эпитафия. Мне удалось всего лишь дважды, каждый раз в течение части светового дня – по нескольку часов, изучать надпись: однодневные поездки состоялись в июле 1987 г. – при содействии Д.А.Монгуша и З.Б.Чадамба, и 17 августа 1999 г. – в сопровождении З.Б.Чадамба и Л.И.Кормушиной. Только при вторичном обследовании памятника после небольшого отäкапывания заглубленной части стелы выяснилось, что на ней содержится тамга восточно-тувинского типа 𐰴, какие-либо дополнительные диакритические черточки у нее отсутствуют.

Памятник издавна известен исследователям: по сведениям, содержащимся у З.Б.Арагачи и Д.Д.Васильева, его открытие принадлежит еще Г.Н.Потанину (1879), о чем предположительно упоминает в своем путевом дневнике И.Грано.[Aalto – Granö 1991, 18], но в чем все же сомневается И.Л.Кызласов [1993, 221, примеч.]. Уже в новое время стелу обследовала и впервые опубликовала З.Б.Чадамба в содружестве с И.А.Батмановым [Батманов–Арагачи–Бабушкин 1962; Арагачи 1963]. Надпись вошла также в свод Васильева [КЕР, 34, 71, 112], а позже ее по-своему читал и толковал И.Л.Кызласов [1993]. Все современные публикации содержат чтение трех строк передней стороны, только И.Л.Кызласов обратился к записям И.Грано сейчас практически неразличимых знаков задней стороны.

В 1961 г. курган раскопан археологом М.Х.Маннай-оолом [1963], по сообщению которого на небольшом расстоянии от стелы были обнаружены сожженные остатки пиршественной пищи, без человеческих костей, что, конечно, указывает на поминальный характер данного памятника. Датируется курган "кыргызским" временем, около второй половины X в., которое уже можно называть "позднекыргызским".

Коррекции состава знаков

Передняя сторона. Первая строка. Пятый знак 𐰇 : e, его верно определяли Батманов и Арагачи, хотя читали как отдельное слово eb "дом" (этому способствовало двоеточие-словоразделитель, имевшееся в их прориси, но отсутствующее в действительности на стеле). И в записях Грано, и у Васильева этот знак представлен как кружок для ŋ, против чего возражал Кызласов, принимая его за полумесяц для j[1]. Отсюда и различия в чтениях: Батманов с коллегами понимали ökünč äb как "печальный дом", которым не насладился мемориант; Кызласов принимал объектом сожаления kün aj, предлагая на месте достаточно определенного 4-го знака 𐰽 : NČ видеть знак 𐰋 : n[2]. В настоящей книге, см. ниже, ч.IV, собраны примеры, удостове-

Türk Dilleri Kütüphanesi

ряющие употребление слова ökünč в енисейских текстах в значении деплоративной частицы, на что, в частности, указывает в данном тексте его совместное употребление с очевидно деплоративным словом: esiz ökünče 'жаль, о горе'. Разногласий по слову bökmädim, знаки 6–11, нет. В конце строки остались незамеченными две буквы еще одного деплоратива (e)s(i)z.

Вторая строка. Первыми издателями были правильно идентифицированы все знаки строки (так же у Кызласова), отступления в знаках 14–15 и 19 у Васильева – ошибочны. Практически точен и перевод, за исключением грамматического нюанса в выражении возраста: как теперь ясно из ряда аналогичных случаев, местный падеж здесь имеет аблативное значение "с *такого-то* возраста", а не *в таком-то*. Близок к такому пониманию перевод Кызласова. Он же хочет видеть в заключительном слове глагол er- 'следовать' (в его переводе: я служил ...хану и следовал [за ним]), что сомнительно семантически и грамматически: следовать можно "своему" (дат. падеж и по-тюркски), а преследовать – "чужого" (винит. падеж).

Третья строка. Знаки 11–12 прочитаны у Арагачи и Батманова, а затем и Васильевым как ᛋᛋ:un[1], что довольно близко к реальному ᛋᚢ:bu и что исправил Кызласов, однако его интерпретация фразы опять основана на глаголе "преследовать": "Я не знал печали. Она [же] шла по пятам". Первая часть строки "я не знал печали", конечно, реально значит "у меня не было печалей", но этому противоречит вторая часть. На наш взгляд, вся фраза хорошо осмысливается в сравнении с аналогичной фразой из надписи E-7 (с той же, что и у E-60, тамгой): buŋusuz ulγat[t]ïm buŋ bu ärmiš täŋridäki künkä järdäki elimkä bökmädim 'Я вырос беспечальным, печаль (моя) оказалась вот это: солнцем на небе, моим государством на земле – я не насладился!' (см.: [Корм.ТЕЭ-I, 208]). Иными словами, в текстах с мотивом печали/отсутствия печали (E-6, E-7, E-60) беспечальной у мемориантов была жизнь, печалью же стала смерть. Рассматриваемая фраза из E-60 интересна стремлением избежать тавтологии, т.к. синтаксически полный ее вид мог быть таким: bilmädim [buŋ] buŋum bu ärmiš 'я не знал [печали], печалью моей стало это (смерть)'.

Текст

Запись текста рунами

Передняя сторона

ᛁᛁ:ᛋ+ᛁᛁᛋᛋᛁ:ᛋᛁᛋ:ᛋᛁᛋᛁᛋᛁᛋ:ᛋᛁᛋᛁᛋ (1)

ᛋᛁᛁᛋ+ᛋᛋᛋᛁᛁᛋ:ᛋᛁᛋᛁᛋᛁᛋᛁᛋ:ᛋᛁᛋᛁᛋ (2)

:ᛁᛁᛋᛋᛋᛋ :ᛋᛁᛁᛋᛋ:ᛋ+ᛁᛁᛋᛋᛋ (3)

Транслитерация

(1) ä s²ᴵz ü̈k ü̈ NČe b²ükMäd²ᴵM ä s²ᴵz

(2) ...t¹υqᵘz : j¹ᵃšd¹a : t¹υγl¹ᵘγ qʰᵃʳᵏᵃ.tepᵈᵏᵘM
(3) b²Il²Mᵃd²ᴵM : b¹υŋᵘM : b²υ ᵃr²Mᴵs²

Türk Dil Kurumu Kütüphanesi

Транскрипция

(1) äsiz ökünčä bökmädim äsiz
(2) ...toquz jašda tuγluγ qanqa tapdïm
(3) bilmädim buŋum bu ärmiš

Перевод

(1) Жаль, о, горе, я не насладился!
(2) С девят(надцати -?) лет я служил бунчужному хану.
(3) Я не знал (печали), печалью моей стало вот это (смерть).

Е-69 (Чер-Чарык)

Надпись на небольшой, высотой 90 см, при ширине граней 12,5 и 11 см, стеле из зеленоватого сланца. Происходит с верховьев р. Хемчик. Характеризуется поздней палеографией, главным образом, зеркальной перевернутостью рун, и поздней орфографией с характерным смешением знаков переднего и заднего ряда. Несмотря на то, что памятник был найден и доставлен в Минусинский музей еще в 1903 г. Ф.Я.Коном, впервые он был опубликован лишь в 1963 г. Д.М.Насиловым, затем повторен И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа в ПДПТ-III, с несколько отличающимся переводом, и Д.Д.Васильевым в КЕР (без перевода), с небольшой разницей в идентификации знаков между издателями. Надпись из двух строк на одной из граней, всего 40 или чуть больше знаков. В отличие от других издателей, Васильев утверждает, что и «на соседней плоскости ... прослеживаются следы нескольких графем» [Вас.КЕР, с.36], – мне же кажется, что это какие-то небуквенные знаки. Предлагаемые нами поправки букв к опубликованной двустрочной надписи немногочисленны, однако осмысление этого краткого текста значительно меняют.

Коррекции состава знаков

Первая строка. Из 19 знаков строки практически все верно определил еще первый издатель надписи Насилов. 14-15 знаки он дал как не вполне достоверные пунктиром, но они полностью подтверждены уже в издании Батманов – Кунаа, а далее у Васильева и теперь нами: это действительно зеркально перевернутые ꓤꓶ : ŊÄ, ни одна черточка из их состава не относится к предшествующему, 13-му, знаку, который верно определен как Y : l². Так же в ПДПТ, но здесь Батманов и Кунаа сомневались в 11-м знаке (не принимая правого зубчика для знака "стрелы" ᵘq), и все слово у них

Türk Dilleri Kütüphanesi

выходило как имя собственное Püliŋä. У Васильева в прориси, на с.72, 13-й знак изображен в виде рогатины ᛉ, т.е. l², а в транслитерации, на с. 36 передан как r², а все слово в знаках 11-15 как pör²ŋä. Это колебание Васильева между l² и r², т.е. между ᛉ и ᛘ, вызвано тем, что за зубчик r² слева принят зубчик следующей руны ŋ, прочерченный справа от штамба: ᚹ.

Получающееся в реальности в знаках 11-15 слово q-ü-l²-ŋ-a/ä содержит смешение велярных и палатальных знаков q-ü-l², как и близкое по звучанию слово во второй строке q-u-l².

Содержание первой строки Насилов оценивал как "не совсем понятное". Дав в качестве основного перевод: «(С) Алп Юракинг [мужественное сердце твое?], (с) моим конем (?) ...», – Насилов допускал иное их толкование: «Может быть, – писал он, – следует переводить 'Алп Юракинг – мое имя', а последующие два слова относить по содержанию ко второй строке. Тогда при чтении *кӱ(ӱ)[r]:[ä]ч(i)мä* перевод этих слов будет 'именитые, славные старшие родичи'» [Насилов 1963, 129].

Батманов и Кунаа по-иному и своеобразно трактовали рассматриваемую связь первых четырех слов. У них эти слова относились к одному человеку, видимо, сочетаясь как прозвище и имя: «Силач Йиркине, мое имя – Пюлине» [ПДПТ-III, 26].

Думается, содержание первой строки E-69 проясняется на фоне близкого словоупотребления: alp qolïm ärdäm jüräkim "мои могучие руки, мое доблестное сердце", – вскрывшегося не так давно в надписи E-45 (см.: [Корм.ТЕЭ-I, 221-223]). В надписи E-69 берется та же пара "руки – сердце", но с другими прилагательными: alp jüräki atïm qolï. Адъектив во втором словосочетнии связан, по-видимому, с глаголом at- 'стрелять, пускать стрелы': atïm '(меткое) стреляние, стрельба' > "меткие руки".

Словосочетания alp jüräkiŋä atïm qüliŋä 'его отважному сердцу, его метким рукам' составляют незаконченное (в первую очередь, из-за малых размеров самой стелы) предложение, предикат которого подразумевается – "вот этот памятник". Обращение "о, мой дорогой старший брат", судя по 3-му лицу предшествующих словосочетаний, говорится устроителем памятника – младшим братом мемориантa, хотя по канону эпитафий прощально-благодарственное обращение обычно вкладывается в уста покойного. Связь этих двух лиц – мемориантa–старшего родственника и его младшего брата–устроителя памятника, – показывает множ.ч. глагола во второй строке: "мы разлучились". Семантико-морфологическая особенность употребления дательного падежа имени вместо привычной причинной конструкции с послелогом üčün "для, ради, во имя" составляет некоторую инновацию в текстах енисейских эпитафий.

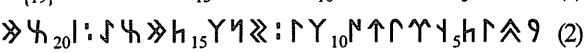
Вторая строка. Затруднение вызвали первые три знака строки (до слова täŋri). У Насилова и Батманова – Кунаа здесь идентифицировано три знака: ᛇᛯᚹ : j²t¹A в значении 'увы'. Небольшое сомнение в том, что первый знак не очень достоверен как j² с правосторонним начертанием петли (недаром

Türk Dilleri Kütüphanesi
Васильев дал здесь отточие), а третий знак достаточно определенно ᛚ, а не ᛇ. Пожалуй, вводный характер этого выражения подчеркнут писцом, выведшим следующие слова, связанные с Богом – täŋri quli, крупными буквами.

В täŋri quli adïrïltïmïz Насилов переводил первые два слова именем собственным, и получалось, что мемориант называл себя "мы": «мы, Тенгри Кулы, разлучились». С другой стороны, у Батманова и Кунаа, правильно понявших нарицательно-метафорический характер первых двух слов, выходило, что умерших – несколько: «небесные рабы, мы отделились». Наш перевод исходит из того, что в глагольном "мы разлучились" объединены живые (устроитель памятника) и мертвые (мемориант), как это неоднократно фиксировалось в енисейских эпитафиях. Еще одну новацию в содержании данной эпитафии можно видеть в том, что повествовательные элементы о доблестях мемориана все сведены к одному его качеству – принадлежности к определенному вероисповеданию (какому?).

Текст

Запись текста рунами

(1)

(2)

Транслитерация

(1) ^{a}l^{1}P j^{2}ür^{2ä}k^{I}ŋÄ : ^{a}t^{1}M q^{ʊ}ül^{2}ŋÄ : ^{ä}Č^{I}Č^{ä}MÄ
(2) ^{a}j^{2}t^{1}I t^{2ä}ŋr^{2}I q^{ʊ}ul^{2}I : ^{a}d^{1}r^{1}t^{2}M^{I}z : ^{ä}s^{2}IZIMÄ

Транскрипция

(1) alp jüräkiŋä atïm qöliŋä äčičäm-ä
(2) aj(ï)tï täŋri quli adïrïltïmïz äsizim-ä

Перевод

(1) Ради его отважного сердца, ради его рук, привыкших к стрельбе, – о мой дорогой старший брат, [мы/я водрузили ему памятник]!
(2) Прискорбно! Рабы Бога – мы разлучились, о жаль мне!

Примечания

$1_{15\text{-}19}$: (ä)č(i)č(ä)m-ä. Два č в слове никак не объяснены Насиловым, у него просто: (ä)č(i)mä. Батманов и Кунаа дали два повторяющихся слова: äči äčimä 'моим старшим братьям'. Второе č мы рассматриваем как аффикс почтительно-ласкательного значения, формы с которым неоднократно фиксировались нами в енисейских текстах, рассмотренных в первой книге [Корм.ТЕЭ-I, 60, 116-117]

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-73 (Ийме)

Надпись из 7 строк на плоской плите темно-лилового песчаника, высотой 140 см без вкопанной части, шириной 33-35 см и толщиной в пределах 11–13 см. Происходит из правобережья р.Хемчик в Юго-Западной Туве, из местности в 10 км южнее пос. Ийме. Опубликован в 1964-65 гг. И.А.Батмановым и А.Ч.Кунаа [1964, 92-94; ПДПТ-III, 21-22]. Д.Д.Васильев в своем альбоме 1983 г. воспроизвел надпись по Батманову–Кунаа, т.к. в тот момент стела в музее отсутствовала.

Начало надписи едва ли приходилось на широкую грань, где нанесено 5 разной протяженности строк, причем первая – бустрофедоном сверху вниз, остальные строки памятника, в том числе на боковой стороне – снизу вверх (от земли к небу). Из-за слоисто-шелушистой фактуры поверхности камня на широкой стороне буквы надписи, прорезанные (не выбитые) на памятнике тонкими линиями, опознаются с большим трудом, во всяком случае первые издатели памятника И.А.Батманов и А.Ч.Кунаа смогли идентифицировать здесь менее половины знаков, да и начала 2, 3 и 4-й строк оказались неверно совмещенными с их концами. Боковая сторона плиты гладко отшлифована, знаки выгравированы совершенно отчетливо. К большому сожалению, от верхушки стелы отбит и утрачен небольшой фрагмент, уничтоживший самый конец боковых строк и столь необходимые в этих случаях грамматические, в первую очередь – субъектные, окончания.

Узкая боковая сторона. Первая строка. В имени мемориантa из 6 знаков Батманову и Кунаа не удалось идентифицировать первые четыре, хотя они в той же степени отчетливы, что и остальные буквы этой строки, с 5 по 29, отождествленные издателями верно. Первые три знака обнаруживают имя č(a)b(ï)š, которое встречается в енисейских текстах уже во второй раз, первый раз – в надписи E-30$_2$: čabïš ton tarqan. Оба енисейских мемориантa являются тезками кагана I Восточнотюркского каганата Чабыша (годы правления 647-650). Вторая часть имени мемориантa E-73: oγuš – имеет нарицательное значение ‘род, племя’ [ДТС, 365], а в целом композита čabïš oγuš может отражать смысл называния в честь какого-то знаменитого соплеменника по имени Чабыш.

В чертеже надписи у Батманова и Кунаа [ПДПТ-III, 21] есть штрихи еще для одной-двух букв, однако к настоящему времени, вероятно, откололся еще небольшой кусочек верхушки стелы (см. также след. строку), так что следов этих букв не осталось совсем, а линия скола проходит уже по верхней черте 29 знака.

Вторая строка. Совершенно очевидна утрата самого конца этой строки еще до первой фиксации надписи, поскольку последнее слово оказывается грамматически незавершенным. Все знаки, определенные Батмановым и Кунаа, отчетливо сохраняются до сих пор, но их перевод "Для моего небесного народа ради геройской доблести у уйгурского хана (было) доставле-

Türk Dilleri Kütüphanesi
но", – хотя и передает формально все слова строки, но реального смысла не несет. Этот смысл подсказывают аналогии из текстов E-29$_8$ и E-30$_5$, когда памятник ставился послам, не вернувшимся от иностранных ханов.

Широкая левая сторона. Третья строка. Выгравирована бустрофедоном, сверху вниз, впритык к краю, смежному справа со строками боковой стороны. Батманов и Кунаа определили здесь только два знака, из них верно только один – отчетливый 3-й знак 𐰚 : t^1, и, вероятно, из-за краткости полученного материала эту строку, как и следующую, в текст не включали. Д.Д.Васильев, основываясь на неопределенных штрихах рисунка Батманова–Кунаа, просто обозначавших наличие в этом месте каких-то знаков, вывел еще три буквы: l^{1}Pn^1, что не имеет ничего общего с реальностью.

Четвертая строка. Батманов и Кунаа и эту строку не включили в текст надписи, распознав в ней всего два знака. Она начинается со значительным отступом снизу – около 58 см от земли, тогда как строки 6-8 имеют начало гораздо раньше, на уровне 32-33 см от земли. Можно предполагать, что данная строка составляет смысловое завершение предыдущей бустрофедонной строки, поскольку начинается и завершается в ее пределах.

Пятая строка. Это – короткая приписка из 7 знаков на краю (вверху) стелы, у Батманова и Кунаа она вообще не определяется, если только она не совмещена с началом следующей строки.

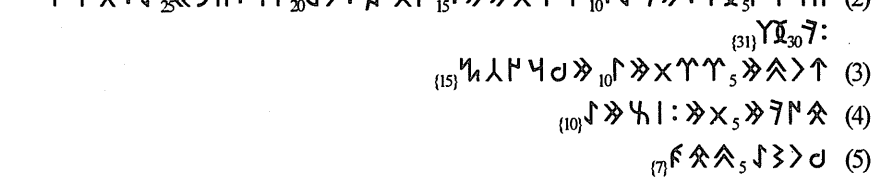
Шестая строка. Вероятно, первые три буквы этой строки Батманов и Кунаа прочитали как 𐰋𐰚 : b^{2}ük и определили их началом третьей строки данной стороны, игнорировав приписную (в действительности – третью на этой стороне) строку из 7 знаков. Но это – самая большая по протяженности, наряду с последней, восьмой, строка на боковой стороне. Впрочем, обе они заметно короче инициальных строк на узкой боковой грани. На данной строке в двух местах буквы стерты, вероятно, два и три знака в каждом случае (предположительно, это были знаки на 4-5 и 12-14 позициях).

Седьмая строка. Это – снова короткая приписная строка, смысл второго слова непонятен.

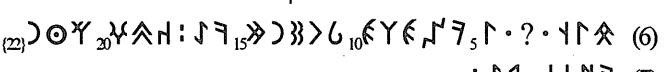
Восьмая строка. В середине строки, после 10-го знака разрушено 4-5 букв, в конце строки полустертым оказался 21-й знак.

Текст

Запись текста рунами

Türk Dilleri Kütüphanesi

(6)

(7)

(8)

Транслитерация

(1) Č^{a}b^{1I}Ś υγ^{υ}Ś : b^{2ä}n^{2I}Ŋ b^{2I}t^{2I}g^{I}M: ekI b^{1a}γl^{1I}γqA ;b^{2ä}g^{I}M-Ä; Ij^{1}υ <...>
(2) t^{2ä}Ŋr^{2}I el^{2} : ^{I}MkÄ : ^{ä}r^{2ä}r^{2}d^{2ä}MIM üČ^{ü}n^{2} υj^{1}γ^{υ}r^{1} q^{a}n^{1}d^{1}A : ^{ä}b^{2I}r^{2}ü kel^{2} <...>
(3) qυυt^{1}M ^{ä}r^{2}d^{2ä}MIM b^{1a}r^{1} üČ^{ü}n^{2}
(4) b^{2}ükM^{ä}d^{2I}M : ^{ä}s^{2I}z^{I}M-Ä
(5) b^{1}υN̆A ^{a}t^{1} b^{2ä}g
(6) b^{2}IŊ . . I k^{ä}n^{2}g^{ü}l^{2ü}g b^{1}υd^{2υ}n^{1I}MkÄ : qat^{1I}γ S^{a}Nυn^{1}
(7) küČ q^{a}PA
(8) t^{2ä}Ŋr^{2}I el^{2} : t^{2}ür^{2ä}M^{I}Ś^{I}M .?. el^{2I}Md^{2}Ä : küt^{2}r^{2ü}l^{2}d^{2I}M

Транскрипция

(1) čabïš oγuš beniŋ bitigim eki baγlïγqa begim-ä ïju <...>
(2) täŋri elimkä är ärdämim üčün ujγur qanda äbirü kel <...>
(3) qutïm ärdämim bar üčün
(4) bökmädim äsizim-ä
(5) bunča at bäg
(6) biŋ ..i kängülüg bodunïmkä qatïγ saŋun
(7) küč qapa
(8) täŋri el törümišim ... elimdä kötrüldim

Перевод

(1) [Я] – Чабыш Огуш, [это] – моя надпись. О, мой бек, [правитель] двух багов, – печально!
(2) Во имя моей доблести мужа-воина по отношению к моему бого[хранимому] государству, [я ходил и не] вернулся от уйгурского хана.
(3) По причине [отпущенных] мне благодати и доблести (мужа-воина)
(4) я не насладился (этой жизнью), – о, жаль мне.
(5) Бек стольких званий (?)
(6) Тысяча ... , моему народу, способному расширяться, [я был] твердым военачальником.
(7) Сильный *капа* (?)
(8) Рожденный бого[хранимым] государством, я был возвышен в моем бого[храимом] государстве.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-108 (Уюк-Оорзак I)

Надпись на очень большом оленном камне из светло-лилового среднезернистого песчаника, высотой 283 см от вкопанной части (а всего, по сведениям, длина камня – свыше 360 см), в форме сужающегося кверху четырехугольника (усеченной пирамиды), не вполне правильного, со сторонами 36x42 см внизу и 22x23 см вверху. Четыре строки, повернутые вертикально, от земли к небу, нанесены на заднюю сторону оленного камня (на "затылок"), начинаясь на высоте 97 см от земли, выше желоба, отделяющего нижнюю треть оленного камня от его средней части. В нижней части следы сильно стершейся тамги 𐰴, чистого типа, без диакритических черт; но относится ли эта тамга к данному тексту не вполне ясно, по некоторым языковым особенностям – относится. Памятник происходит из урочища Оорзак в Уюкской долине, в северной части Тувы. Открыт археологами в 1974 г. в числе трех надписей, кодифицированных в енисеике под сиглами E-108, E-109 и E-110 (Уюк-Оорзак I-III). Ныне находится в Тувинском музее. В отличие от надписей E-109 и E-110, сопровождаемых тамгой «птичья лапа» 𐰺, чей ареал распространения ограничен территорией Уюкской долины, надпись E-108 сопровождается тамгой (если это действительно "ее" тамга), более характерной для центрально-восточной Тувы "дуга на кресте": 𐰴.

Как и остальные уюк-оорзакские надписи, E-108 неоднократно была издана З.Б.Чадамба и Д.Д.Васильевым [Чадамба 1975; Чадамба, Васильев 1980; Васильев, Чадамба 1981; КЕР, 15, 77, 85], и как и они – с большими и существенными неточностями в части идентификации знаков и получаемых на этой основе языковых форм, а по смыслу (в переводе) – достаточно далеко от того, что выходит на поверку при внимательном изучении состава знаков.

Коррекции состава знаков

Первая строка. Пятый знак не 𐰚 : M, как определили издатели, а 𐰃 : I, и шестой знак не 𐰆 : ü, а 𐰍 : g. Поправка последнего знака очень существенна. Знаки 13–14, не 𐰇𐰴 : r²d², а 𐰚𐰉 : l²M, знаки 15–16 не 𐰃𐰏, а 𐰋𐰆: q, что в целом в знаках 13–17 дает трафаретное elim qanïm. На месте знака 18 показана лакуна, но там читается 𐰃 : I. На 22–24 позициях в КЕР 𐰑𐰃 : j¹ᵘq, в действительности там три знака 𐰲𐰆𐰃 : s²IZ. Конец строки, знаки 25–34, с большим трудом, но прочитываются. В КЕР здесь обозначены три лакуны, вместо 𐰚𐰇𐰣 : ed²M, следует читать 𐰚𐰉𐰣 : el²M, а вместо 𐰃𐰚𐰤𐰃.𐰋: NČ j¹šMs² (anča jašamïš), в тексте 𐰆𐰋𐰃𐰤𐰲𐰆𐰃 : s²IZ j¹ur¹I.

В интерпретации Чадамба – Васильева, связавших joq со следующим словом, которое они ошибочно прочитали как erdim (вместо elim), сделано большое насилие над грамматикой постулируемого словосочетания joq erdim, принимающего неожиданно переходный характер: «я сделал (вместо:

Türk Dilleri Kütüphanesi

был! – *И.К.*) несуществующим (погубил) мою воинскую доблесть (обычно, воинская доблесть проявляется, служит причиной жизненных достижений и т.п. – *И.К.*) ... погубил свои сокровища, пятьдесят воинов (обычно, эти компоненты в активе, а не в пассиве морианта. – *И.К.*)» [Васильев, Чадамба 1981, 67].

Вторая строка. Все знаки, за исключением одного – на 10 позиции указана лакуна, но там определенно ᛯ : M, верно идентифицированы Чадамба – Васильевым, однако общий перевод ушел в сторону, ср.: «моему народу [завещаю] мою воинскую доблесть, мою военную добычу. Я убил пятнадцать воинов» [Васильев, Чадамба 1981, 67].

Третья строка. В результате многократных обращений к тексту памятника мне удалось дешифровать 19 знаков, каким образом у Чадамба и Васильева оказалось 38 рунических знаков, для меня остается загадкой. У нас совпадает только несколько знаков, по которым я могу догадаться, что издатели имели дело как будто бы с той же самой строкой. В моем прочтении 6 слов, последнее – неполное. Если третье и четвертое вполне приемлемы и по смыслу, и грамматически, то грамматика первых двух слов не очень убедительна. Оставшаяся часть шестого слова не дает возможности догадаться, о чем идет речь. Числительное "пятьдесят" может относиться к возрасту морианта (хотя предполагаю, что он был гораздо моложе), а может снова отсылать к его дружинникам, упомянутым в первой строке.

Четвертая строка. Здесь между моими идентификациями знаков и тем, что предлагали издатели, общими являются только два слова: знаки 8-11 – ʊɣlᴵI, и знаки 16-18 – atᴵIM. Имя батюшки морианта никак не *Алтай*, по Чадамба – Васильеву, но звучит совершенно по-другому. Самое же важное, что последнее слово строки у нас очень хорошо прочиталось и лексически, и грамматически, и весьма подходит по смыслу.

Текст

Запись текста рунами

Передняя сторона

ᛯᛉᛝ$_{25}$:ᛒᚱᛁ:ᛘᚠ$_{20}$ᛉᚴᛯᚢᚺ$_{15}$ᛯᛉᛝ:ᛏᛞ$_{10}$:ᚴᛒᛁᚠ:ᚴ$_{5}$ᛯᚷᛘᛘ (1)

{29}ᛯᚬᛯᛘᛉ$_{25}$ᚼ ᛘ ᚴᛯᛘ$_{20}$ᚱᚿ ᚬᛝᛟ$_{15}$ᛯᛯᚷᛘᛯ$_{10}$ᚺᚹᛒᚺ ᛇ$_{5}$ᚿᛯᛉᛝ: (2)

{34} ᚴᚼᚢᛞᛒᛒ$_{30}$ᚴᛁ

{19} ᛝᚢᚺ:ᚠᛉ$_{15}$ᚻᛟᚻᛞᚢ$_{10}$:ᚠᛁᛖᚴᚺᚻ$_{5}$ᛝᚠᛝᛟ (3)

{23} ᚴᚷᛉᚿ$_{20}$ᚴ:ᛯᚴᛟ :ᚴ$_{15}$ᚴᚻᚿ :ᚴᛇ$_{10}$ᚼᚢ :ᛇᛟᛒ$_{5}$ᛇ ᚻᚴᛒ (4)

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транслитерация

(1) ᵃr²ᵃr²d²ᵃMI : ᵃgs²ÜkI : j¹Uq : el²IM qᵃn¹ⁱM : Il²Ig ᵃr² : ᵃs²IZ el²IM ᵃs²Iz j¹ur¹I

(2) el²IMkÄ qᵃzγᵃqIM ᵃr²d²ᵃMIM b²eš j²ᵃgIr²MI ᵃr² ül²ür²MIŚIM

(3) b²egen² t²gPg : uj¹ar¹ b²än² äl²Ig qud¹

(4) kün² čÜkb²Ä : uγl¹I : küt²ü : at¹IM t²Ikl²d²I

Транскрипция

(1) är ärdämi ägsüki joq elim qanïm ilig är äsiz elim äsiz joγï
(2) elimkä qazγaqïm ärdämim beš jägirmi är ölürmišim
(3) begen tägpäg ujar bän älig qod...
(4) kün čökbä oγlï kötü atïm tikildim

Перевод

(1) У доблести мужа-воина нет изъяна! Мое государство, мой хан, пятьдесят моих мужей-[дружинников], – жаль! Мое государство, – жаль, поминки ... (?).
(2) Для моего государства добытое мной (благодаря) моей доблести – пятнадцать убитых (лично) мной врагов.
(3) Я – благородный (человек), достигший бекского (достоинства). ...
(4) Сын Кюн Чёкбе – мое "верхнее" имя, (ради этого моего имени) мне поставили памятник.

Примечания

(1) är ärdämi ägsüki joq. Сходное выражение присутствует в E-44$_5$ [ДТС, 167; ТЕЭ I, 221-223]. Но здесь, как будто бы, недостает личного оформления, поскольку последующие слова в личном отношении определенны.

(2) Обычно qazγaqïm "добытое мной, моя добыча" раскрывается в контексте как некие материальные блага, включая взятых в полон людей, наложниц, но не убитые на поле боя враги. Здесь слова qazγaqïm и ärdämim выступают у автора надписи как синонимы, однако чаще между ними выдерживаются причинные отношения: "благодаря моей доблести ... *то-то* я добыл".

(3) Предложенный перевод очень условен и не вполне достоверен.

(4) kün čökbä oγlï kötü atïm tikildim. Опираясь на нарицательное значение kötü ‘крыша’, мы семантизируем имя отца как "верхнее, внешнее" имя. Поскольку в других случаях имя отца подобным образом еще не характеризовалось, наше предположение нуждается в дальнейших подтверждениях.

Выделение tikildim в отдельное предложение вызвано грамматической и лексической “негладкостью” его сочетания с atïm: водружают камень,

Türk Dilleri Kütüphanesi
памятник, но не имя. С другой стороны, получается, что именно принадлежность к имени отца, наряду с личными заслугами, является причиной того, что покойному установили памятник, т.е. внутренне эти предложения связаны.

В целом, по надписи E-108 можно сказать, что синтаксис многих словосочетаний не только не идеальный, но часто шероховатый, негладкий, с пропуском некторых логических взаимосвязей.

НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ ЗАПАДНОЙ ТУВЫ

Ранее обследованные рунические надписи в Туве позволяли говорить, о том, что памятники орхоно-енисейского письма располагались главным образом в центрально-тувинской (верхнеенисейской) котловине, в гораздо меньшем числе – в северно-тувинской (уюкско-туранской) котловине, и еще меньше – в западно-тувинской (хемчикской) котловине. Фактически вся Западная Тува (включая юго-западную часть республики – верхнее и среднее течение Хемчика) считалась вне зоны тюркской руники.

В сентябре 1990 г. тувинский ученый-этнограф и писатель М.Б.Кенин-Лопсан указал мне на наличие рунической надписи вблизи с.Кара-Холь (местное название: Тапсы-Аксы), что в долине р.Алаш в Западной Туве. Тогда же я в течение непродолжительного времени рассматривал и зарисовывал этот трудный для чтения памятник. Памятник "обследовали и взяли на охранный учет 19 мая 1994 г. Ю.Л.Аранчын и И.У.Самбу" [Самбу 1994, 124, № 457; Аранчын 1996, 77]. В 2000 г. с экспедицией филологического факультета Тывинского госуниверситета мне вновь удалось посетить те места. В состав экспедиции входили к.ф.н., доц., ныне проф. М.В.Бавуу-Сюрюн, асс., ныне к.ф.н., доц. Л.С.Кара-оол. Нашими помощниками были шофер В.Н.Перекрестов, местные жители Ш.К.Севек и Д.Ч.Хертек. За время полуторадневного пребывания мне удалось не только еще раз поработать с упомянутой надписью, но и познакомиться с находившимся здесь же поблизости другим памятником, на который нам указали доброжелательные жители с. Кара-Холь. Оба зафиксированных нами памятника мы называем Алаш I и Алаш II и в рубрикации енисейских памятников им даны индексы E-153 и E-154, при этом каждая надпись внутри соответствующего комплекса получает свой дополнительный порядковый номер, т.е. E-153, 1-3; E-154, 1-5.

E-153 (Алаш I)

Алаш I представляет собой несколько надписей на куске скалы, перегораживавшей в этом месте очень узкую, около 4 м, надпойменную террасу

Türk Dilleri Kütüphanesi
правого берега р. Алаш. С другой стороны к террасе примыкает болотце, прокладка дороги по которому была невозможна. Счастье, что разбивший каменную перемычку трактор отбросил этот фрагмент скалы к краю дороги и надписями вверх. Со временем надписи заметили и сообщили ученым. После этого уже никому не приходило в голову употребить плиту по дорожному или строительному делу.

Заметим, что идентификация знаков не является тривиальным делом. Так, в "Своде" покойного И.С.Самбу, опытного археолога, помещена зарисовка памятника Е-153: три строки 1-й надписи и вся надпись № 3, в которой была неправильно зарисована тамга; неточности же в передаче черт ряда букв вряд ли позволили бы прочитать удовлетворительно этот текст [Самбу 1994, 123].

На фрагменте скалы из зеленовато-бирюзового сланца, лежащем (теперь, после ее обрушения с первоначального места нахождения) исписанной плоскостью вверх и параллельно земле, размерами 97x73–77x60–62 см, расположено, вероятно, три самостоятельных надписи: Е-153, 1–3 (Алаш I, 1–3). Одна надпись (Алаш I, 1) – по центру скального фрагмента крупными, до 3–3,5 см высотой, буквами, длинными, от 40 до 52 см, строками; всего сохранилось 8 плохо прочитываемых полустертых строк, занимающих в высоту (от первой строки до последней) 28–30 см.

Вторая надпись (Алаш I, 2) расположена в стороне от первой – справа, если повернуть строки вертикально, от земли к небу; или над первой надписью, если читать все горизонтальными строками справа налево, как положил их тракторист. Здесь сейчас просматривается три коротких строчки: первая, самая длинная – 13 см; третья – всего 4 или 5 знаков, возможно, она была четвертой, а третья практически не видна; поле письма в высоту, от первой строки до последней – 10 см.

Только третья надпись (Алаш I, 3) была прочитана и опубликована нами [Кормушин 2000][7] под сиглом Е-153, 3. Эта надпись перекрывает концы строк первой надписи (Алаш I, 1), она очень компактна, поле письма 8x5 см, вырезана маленькими, около 1–1,3 см, гораздо более четкими, глубже прорезанными буквами, чем Е-153, 1 и 2 (Алаш I, 2 и I, 3).

В отличие от двух других, Е-153,3 прочитывается как определенно тюркоязычная, без особых натяжек, хотя и с рядом орфографических допущений. Более того, она является эпитафией, а не посетительской надписью, как это обычно имеет место на поверхностях скал.

Надпись Е-153,3 занимает всего три коротких строки, соответственно в 9 + 7 + 11 рунических знаков (см. рис.1 на стр.71).

---

[7] К сожалению, это издание в техническом отношении оказалось очень несовершенным. Не пропечатались не только рунические буквы, но и знаки латинизированной транслитерации. Поэтому в данной книге надписи Е-153 и Е-154 фактически представляются на суд специалистов впервые.

Türk Dilleri Kütüphanesi

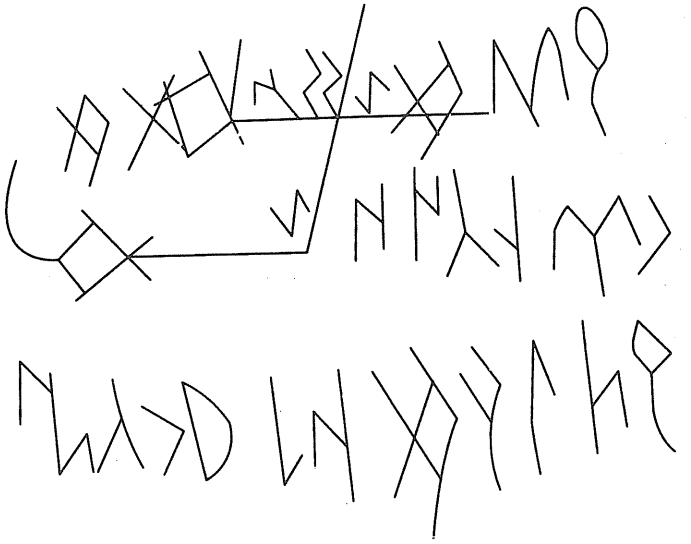
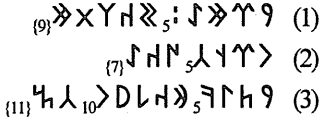

Рис. 1. E-153,3 (Алаш I,3)

Как видно на приведенном рисунке, внутрь надписи, в первую строку между знаками 7 и 8, а также в конец второй строки после 6-го знака прочерчена двухэлементная тамга. Каждый элемент ее представляет собой ромб с "усиками" вверху и длинным вертикальным (вдоль строки) штамбом внизу. Ромбы со штамбами располагаются параллельно друг другу.

Текст

Запись текста рунами

(1)
(2)
(3)

Транслитерация

(1) j²ᵃr²ᴵM-ä ᵃd¹ᴵr¹ᴵl²d²ᴵM
(2) ʊr²ᵘŋᵘ Čʊrᴵ-a
(3) j²ᵃt²I kᵃM qᵃlᴵᵃj² ʊČᴵn²

Транскрипция

(1) j(ä)r(i)m-ä (a)d(ï)r(ï)ld(ï)m
(2) ur(u)ŋ(u) čor
(3) jäti käm q(a)l(a)j uč(i)n

Türk Dilleri Kütüphanesi

Перевод

(1) О, моя земля, – я разлучился (с тобой, т.е. умер).

(2) [Я] – *урунгу чор* (наследный принц в чине командира соединения).

(3) Чтобы оставалась [страна] Семи рек.

Все знаки надписи настолько четки, что нет сомнения в том, что утрат в тексте нет, хотя последняя фраза кажется синтаксически незавершенной. Ее окончание подразумевает воздание хвалы герою надписи: "Ради того, чтобы оставалась благополучной страна Семи рек, нес свою воинскую службу и погиб мемориант – знатный военачальник".

В палеографии и орфографии надписи есть отчетливые приметы ее относительно позднего создания: 1) совмещенность в 4 словах (из общего числа 8 слов) букв твердого и мягкого ряда; 2) трехэлементное d^1; 3) зеркальное написание l^1 и n^2; 4) совершенно неправильное написание в двух случаях r^1 (вверх ногами). Все эти особенности известны из надписей как центральной части Тувы, так и из надписей Алтая.

Е-154 (Алаш II)

Комплекс небольших наскальных надписей, обозначаемых нами как Алаш II, находится в 1,5 км выше по течению от надписей Алаш I, на том же, правом берегу р. Алаш. Данное место, видимо, издавна является предметом поклонения: возле него сооружено небольшое *обо* и привязываются лоскутики-обереги, тув. *чалама*. Впрочем, это не уберегло надписи от современных граффити. Местом нанесения древних надписей является скальный выступ, нависающий над головой человека и имеющей узкий, 20–25 см, выступ вперед. Передняя сторона (обращенная к реке, на север) и частично боковые стороны естественно отшлифованы. На отшлифованных участках поверхности, а также вне их и нанесены надписи разной длины, а также тамги.

Трудно определить, сколько здесь самостоятельных надписей: стертости не позволяют судить о том, являются ли некоторые отрезки строк продолжениями друг друга или не связанными, отдельными строками. Как представляется, в Алаш II было не менее пяти записей. Все видимые последовательности букв нанесены снизу вверх (от земли к небу) и справа налево.

В центральной части отшлифованного участка скалы – две строки, 9+17 знаков, и справа от них тамга, аналогичная тамге в надписи Алаш I, 3. В первой строке 5 знаков – позднеенисейские или даже не енисейские, во второй строке знаки енисейские, читается первое слово täŋri, остальные слова не складываются. Вторая надпись из одной строки, левее первой, четвертая и пятая сбоку и выше первых трех. Третья – надпись из шести рун, перекрывающая вторую, очень ясными знаками (см. рис. 2). Именно эта, третья надпись в данном комплексе была нами ранее опубликована [Кормушин 2000] под сиглом Е-154,3.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Türk Dilleri Kütüphanesi

Текст

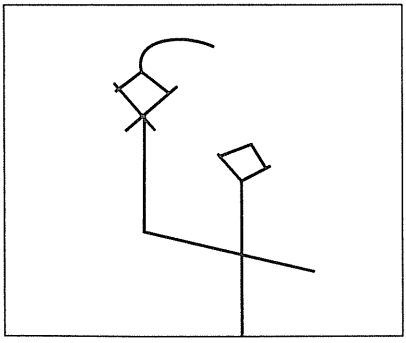
Запись текста рунами: {6}𐰇𐰺𐰉𐰋𐰴

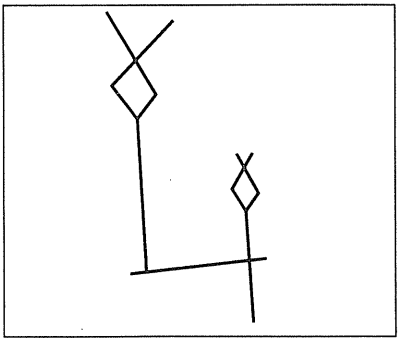
Транслитерация: $^{ä}r^{2}$ $^{a}t^{2I}M$ $j^{2ä}l^{2I}Z$

Транскрипция: är atïm jäliz

Перевод: ‘мое имя мужа-воина – Йелиз’.

К сопоставлению тамг алашских надписей с тамгами других памятников. Аналогичность, хотя и нетождественность тамг при алашских надписях бросается в глаза (ср. рис.3 и 4).

Основной конструктивный элемент сопоставляемых тамг – ромб; в обоих случаях, т.е. в Е-153 и Е-154, тамгу составляют два параллельно расположенных ромба, причем левый, "отцовский" ромб выше и крупнее, тогда как правый, "сыновний" – ниже и мельче. Тамг, где бы в качестве основного элемента использовался ромб, среди кыркызских не замечено, см. материалы, обобщенные в Атласе Д.Д.Васильева [КЕР, 52]. Недавно проф. С.Г.Кляшторный [Кляшторный 2007, 194] при содействии финских специалистов опубликовал тамгу Суджинской надписи (хранившуюся до сих пор в архиве Г.И.Рамстедта), которая, на мой взгляд, удивительно напоминает алашские тамги (см. рис.5), а все они вместе перекликаются конструктивно с тамгой огузского племени *эймюров*, приведенную Махмудом Кашгарским [DLT, 40] (см. рис.6).

Türk Dilleri Kütüphanesi

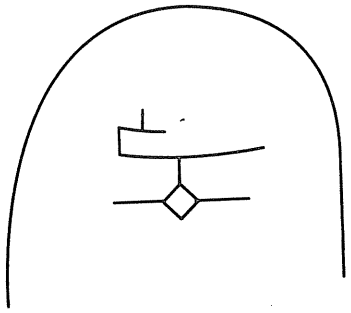

Рис. 5. Тамга Суджинской надписи (из архива Г.Рамстедта, 1909 г.)

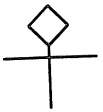

Рис. 6. Тамга племени *эймюр* (по Махмуду Кашгарскому)

НАДПИСИ ИЗ МОНГОЛИИ

Надпись из Суджи (С)

Памятник, известный в тюркологии как надпись из Суджи, уже много лет не обнаруживается эпиграфистами на месте предполагаемого нахождения, и все сведения о нем, включая главное – состав букв в надписи, специалисты черпают из первой публикации памятника, принадлежащей его открывателю, выдающемуся финскому ученому – монголисту, тюркологу и алтаисту, – профессору Г.И.Рамстедту [Ramstedt 1913]. С тех пор суджинская надпись неоднократно переиздавалась и служила объектом всевозможных толкований и оценок со стороны лингвистов и историков. Этот интерес вызван тем, что за вполне рядовыми сведениями о частном лице в ее тексте оказались сплетенными более общие вопросы уйгурско-кыркызско-тюркских взаимоотношений. Причем их разрешение связано с прояснением всего нескольких мест в первых строках текста, достаточно простых по языковой материи, но весьма разно понимаемых исследователями. При этом разброс мнений вокруг этих мест достаточно широк.

Как уже сказано выше (см. с.6), Г.И.Рамстедт без обиняков отнес суджинскую надпись к уйгурскому периоду. В языковом отношении выражение из 4-й строки kün toɣsïqa batsïqa ‘на восток и на запад (распространилась слава обо мне)’ с формами на -sïq отвечает приметам письменного языка древнейшего периода – орхонского и древнеуйгурско-рунического. Упоминание манихейского вероучителя *мара* в седьмой и девятой строках указывает на время после 762 г., в котором древние уйгуры

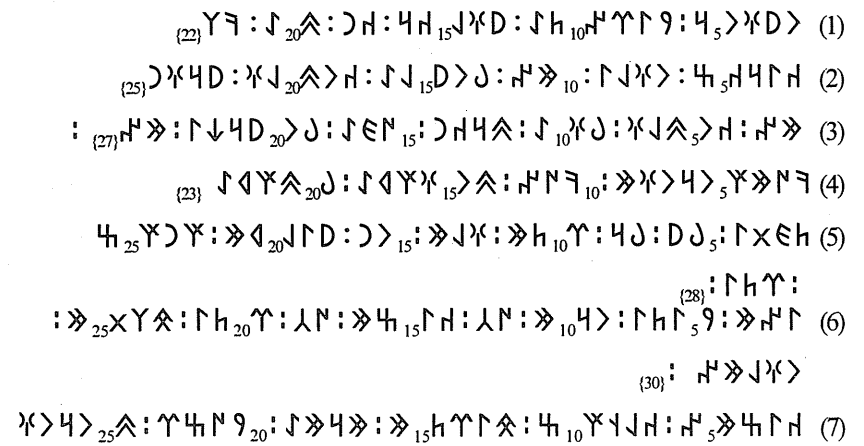
Türk Dilleri Kütüphanesi
приняли манихейство. Видимо, опираясь на эти факты, Дж.Клосон датирует суджинский текст первой четвертью IX в. [Cl.EDT, XV]. Однако есть и другие подходы, которые опираются и на содержание, и на языковую форму текста.

Так, вся остальная фразеоматика, т.е. манера и стиль изложения, связанные с подсчетами и рубрикацией материальных богатств, личных достижений и достижений членов семьи мемориата, отвечают духу именно древнекыркызских эпитафий. Уже одно это дает нам право использовать материалы Суджинской надписи как один из ранних древнекыркызских (енисейских) текстов, как это имел в виду С.Е.Малов. Что касается лексических и грамматических ресурсов построения фраз, то они могут носить смешанный (амальгамированный) характер, когда к словам и формам общетюркского койне, ориентированного на строевые элементы уйгурского типа, допускаются – сознательно или, напротив, невольно, безотчетно, иногда, возможно, по необходимости, – элементы кыркызского лингвоэтнического типа. С этой точки зрения язык суджинской надписи нуждается в дальнейшем скрупулезном сравнительном исследовании.

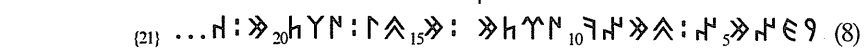
С.Е.Малов издавал суджинскую надпись трижды – в 1926, 1951 и 1952 гг. [Малов 1926; Мал.ПДП; Мал.ЕПТ]. В последнем из названных трудов, ныне широко известном сводном издании енисеики, данная надпись под номером 47 была включена С.Е.Маловым в состав эпитафий бассейна Енисея. К тексту Суджинской надписи со своими толкованиями частных и общих вопросов обращалось значительное число тюркологов.

Текст

Запись текста рунами

Türk Dilleri Kütüphanesi

(1) 𐰆𐰚𐰃𐰺 : 𐰚²𐰃𐰉²𐰋²𐰞² : 𐰚¹ᵃ𐰺𐰃¹ᵃ𐰴ᵃ𐰃¹ : 𐰴ᵃ𐰋¹: 𐰞¹a: 𐰏ᵃ𐰃¹²[...]

(2) 𐰴𐰃𐰃¹𐰴𐰉 : 𐰆𐰺𐰃¹I : 𐰘ᵃ𐰋² : 𐰃¹𐰆𐰚¹𐰃¹a : 𐰴𐰆𐰞¹𐰃¹ᵘ𐰺 : 𐰚¹ar¹𐰺an¹:

(3) 𐰘ᵃ𐰋: 𐰴𐰆𐰞¹𐰃¹ᵘ𐰺: 𐰃¹ᵃ𐰺a : 𐰞¹ᵃ𐰃¹𐰴ᵃ𐰋¹: 𐰆gä : 𐰃¹𐰆𐰚¹𐰃¹ᵘ𐰴I 𐰘ᵃ𐰋²

(4) 𐰏𐰆M : s¹𐰆𐰃¹𐰆𐰺ᴵM : 𐰏𐰆𐰋² : 𐰞¹𐰆𐰋s¹ᵘ𐰴qa : 𐰃¹at¹s¹ᴵ𐰆qa

(5) 𐰞²ᵃgd²I : 𐰃¹ᵃ𐰚¹ 𐰃¹ᵃ𐰃¹ : ᵃ𐰃²𐰞²ᴵM : ᵃ𐰺ᴵ 𐰚¹ᴵM 𐰆𐰋¹ : 𐰚¹Il¹𐰴𐰆M s¹ᵃ𐰋¹s¹ᴵz ᵃ𐰃²𐰞²I :

(6) In²ᴵM : 𐰚²𐰞²I : 𐰆𐰃¹ᴵM : 𐰏Č: 𐰴Izᴵ M : 𐰏Č :ᵃ𐰃²𐰞²I : ᵃ𐰃²𐰃²ᵃd²ᴵM: 𐰆𐰺¹ᴵMᴵn²

(7) 𐰴Izᴵ Mᴵn¹ 𐰴ᵃ𐰃¹ᴵ𐰆s²ᴵz 𐰃²Ir²𐰞²ᴵM : Mᵃ𐰃¹ᴵMa 𐰚²𐰆z ᵃ𐰃² 𐰞¹𐰆𐰃¹𐰆𐰺 𐰃²[Ir²]𐰞²ᴵM:

(8) 𐰚²ᵃgᵃn²ᴵMᴵn² : ᵃ𐰞¹ᴵMᴵn² 𐰏𐰆𐰃²𐰞²ᴵM : ᵃMt¹I : 𐰃l²𐰞²ᴵM : q ...

(9) 𐰆𐰺¹ᵃn²IM : ᵃ𐰃²d²ä Mᵃ𐰃²ᴵMᴵN̆Ča : 𐰃¹𐰆𐰃¹ : 𐰴ᵃn¹qa 𐰞¹ᵃP : 𐰴ᵃ𐰞¹ᴵ𐰺𐰃¹ᵃn¹ :

(10) 𐰆𐰃¹𐰆𐰺 : 𐰆𐰺𐰆𐰃¹ᵘM : ᵃs¹...qa 𐰃¹ᵃ𐰃²d¹I

(11) 𐰏𐰆r²Mᵃd²ᴵM: ᵃ𐰃¹ ...M :𐰆𐰺𐰆𐰃¹

Транслитерация

(1) ujʏur¹ : j²Ir²ᴵn²t²ä : j¹ᵃʏl¹ᵃqᵃr¹ : qᵃn¹: t¹a: kᵃl²[...]

(2) qIr¹qᴵz : ʊʏl¹I : Mᵃn² : b¹ʊj¹l¹a : qʊt¹l¹ᵘʏ : j¹ar¹ʏan¹:

(3) Mᵃn: qʊt¹l¹ᵘʏ: b¹ᵃʏa : t¹ᵃr¹qᵃn¹: ügä : b¹ʊj¹r¹ᵘɋI Mᵃn²

(4) kümM : s¹ʊr¹ʊʏᴵM : kün² : t¹ʊʏs¹ᵘɋa : b¹at¹s¹ᴵïqa

(5) t²ᵃgd²I : b¹ᵃj¹ b¹ᵃr¹ : ᵃr²t²ᴵM : ᵃ ʏᴵ l¹ᴵM ʊn¹ : j¹Il¹qᴵ̈M s¹ᵃn¹s¹ᴵz ᵃr²t²I :

(6) In²ᴵM : j²It²I : ʊr¹ᴵM : üČ: qIzᴵM : üČ :ᵃr²t²I : ᵃb²l²ᵃd²ᴵM: ʊʏl¹ᴵMᴵn²

(7) qIzᴵMᴵn¹ qᵃl¹ᴵIŋsᴵz b²Ir²t²ᴵM : Mᵃr¹ᴵMa j²üz ᵃr² t¹ʊr¹ʊʏ b²[Ir²]t²ᴵM:

(8) j²ᵃgᵃn²ᴵMᴵn² : ᵃt¹ᴵMᴵn² kür²t²ᴵM : ᵃMt¹I : ül²t²ᴵM : q ...

(9) ʊʏl¹ᵃn²IM : ᵃr²d²ä Mᵃr²ᴵMᴵN̆Ča : b¹ul¹ : qᵃn¹qa t¹ᵃP : qᵃt¹ᴵʏl¹ᵃn¹ :

(10) ʊl¹ʊʏ : ʊʏʊl¹ᵘM : ᵃs¹...qa b¹ᵃr¹d¹I

(11) kür²Mᵃd²ᴵM: ᵃr¹ ...M :ʊʏʊl¹

Транскрипция

(1) ujʏur jirintä jaʏlaqar qan-ta käl...
(2) qïrqïz oʏlï män bojla qutluʏ jarʏan
(3) män qutluʏ baʏa tarqan ögä bujruqï män
(4) küm soruʏïm kün toʏsïqa batsïqa
(5) tägdi baj bar ärtim aʏïlïm on jïlqïm sansïz ärti
(6) inim yiti urïm üč qïzïm üč ärti äblädim oʏlïmïn
(7) qïzïmïn qalïŋsïz birtim marïma jüz är toruʏ birtim
(8) jäginimin atïmïn körtim amtï öltim
(9) oʏlanïm ärdä marïmïnča bol qanqa tap qatïʏlan
(10) uluʏ oʏlum s ... a bardï
(11) körmädim r... m oʏul

Перевод

(1) На уйгурской земле Яглакар-ханов (я был) назначен.
(2) Я – сын кыркызов. Я – благородный судья.
(3) Я – министр благородного первого министра и тархана.
(4) Слава обо мне распространилась на востоке и на западе.
(5) Я был богат. У меня было десять загонов для скота, а лошадей – без счета.

Türk Dilleri Kütüphanesi

(6) У меня было семь младших братьев, три сына и три дочери. Я женил своих сыновей,
(7) а дочерей я отдал без калыма. Моему духовнику я дал сто мужей и стоянку.
(8) Я увидел своих племянников и внуков. Теперь я умер.
(9) Мои сыновья! Когда станете мужами-воинами, будьте как наш наставник, служите хану, мужайтесь!
(10) Мой старший сын ... покинул...
(11) Я не повидал (его).

Примечания

(1) Разные подходы к лексической и грамматической интерпретации фразы, заключенной в данной строке, породили, как уже сказано, разноречивые толкования не только самой фразы, но различное понимание исторического контекста надписи, в том числе времени ее создания, действующих лиц и, условно говоря, векторов их действий. Указанные расхождения касаются следующих слов и форм.

а) функциональное содержание падежной формы в слове jirintä – локатив или аблатив?;

б) различные варианты интерпретации сочетании знаков j(a)ɣl(a)q(a)r : q(a)n : ta – суть следующие:

вариант первый – энклитика ta является самостоятельным словом: тюрк. *(a)ta*, с нарицательным значением "дед, отец, мужчина, старший в роду", но здесь выступающего в качестве общехарактеризующего почетного приложения к личному имени: Яглакар-хан-ата;

вариант второй – ta является самостоятельным словом *(a)ta* – деепричастием на *-a* от глагола *at-*, которому придают разные значения и который является ведущим лексическим компонентом в аналитической форме в паре с конечным глаголом, зафиксированном только в виде корня *k(ä~i)l* (окончание не было прочитано, повреждено);

вариант третий – ta является падежной формой локатива-аблатива имени собственного Яглакар-хан, синтаксически аналогичной форме *jirintä*, с той же дилеммой – локатив это или аблатив – ?;

в) действительно ли окончание последнего глагола фразы: k(e)l... было претеритное (-tim) или оно могло быть другим – ?

Первый издатель надписи Г.И.Рамстедт, переведя фразу как: «Ich Lande der Uiguren war ich, Jaglakar-Kan-Ata, ein ankömmling» [Я – Яглакар-хан-ата, был пришелец в земле уйгуров] – принял локативное значение *jirintä*, включил *ata* в состав имени, допускал претерит в конечном сказуемом.

С.Е.Малов в публикациях 1926 и 1952 гг. в качестве основного варианта принимает перевод Г.И.Рамстедта. Перевод Х.Н.Оркуна также следует указанному пониманию Рамстедта.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Однако в издании 1952 г. С.Е.Малов приводит в примечаниях несколько возможных вариантов, в том числе тот, что основан на понимании -ta (как и аналогичного показателя -tä в слове jirintä) в качестве окончания местно-исходного падежа, но в семантической роли аблатива: «Я пришел из уйгурской земли от Яглакар-хана» [Мал.ЕПТ, 85, примеч.]. С.Е.Малов в обоснование этого варианта указывает на случаи отдельного (после словоразделителя) написания падежных окончаний в тексте Е-1.

Из падежного понимания -ta исходил в своем переводе Ю.А.Зуев [1958]. Теперь к сторонникам этой точки зрения примкнул О.Ф.Серткая [Sertkaya 2001, 4–5], правда, единственым своим предтечей в этом турецкий филолог считает Ю.А.Зуева, не обратив, видимо, внимания, на варианты и упомянутые сопоставления с Е-1, приведенные С.Е.Маловым.

Несколько известных тюркологов, в их числе С.Г.Кляшторный, Л.Базэн, М.Мори, А.Н.Кононов, ранее О.Ф.Серткая (подробнее см.: [Sertkaya 2001, 4]), – видят в знаках 19–22 (+ несколько утраченных знаков) аналитическую глагольную форму: (a)ta k(e)l[tim], – с разным лексическим и грамматическим осмыслением компонентов конструкции. В поле зрения всех указанных ученых находятся точки зрения других участников дискуссии, поэтому нетрудно привести краткое резюме.

В 1942–1946 гг. А.Н.Бернштам в ряде своих работ выдвинул тезис о том, что Яглакар-хан в Суджинской надписи – хан кыргызов, и это основывалось на следующем понимании первой строки: “В землю уйгуров Яглакар-хан отец мой пришел” (цит по: [Мал.ЕПТ, 87]). С.Е.Малов указал на недопустимую грамматическую несообразность такой трактовки: "отец" без афф. притяжательности 1 л.ед.ч. нехорошо, но с таким аффиксом не смог бы сочетаться глагол в 1-м л.ед.ч. "я пришел" (подробнее [там же, 87–88]). Сам С.Е.Малов, принимая Яглакар-хана за действующее лицо при глаголе "приходить", останавливается на предположении, что “Яглакар-хан – киргизский сановник или князек, титулы которого здесь, в эпитафии, и перечисляются” [Мал.ЕПТ, 89]).

В связи с очевидным причислением Яглакар-хана к кыргызам (различие между Бернштамом и Маловым было лишь в том, хан это или князек) очень актуальной оказалась статья С.Г.Кляшторного, который, опираясь на вышедший тогда из печати труд Дж.Гамильтона «Уйгуры в эпоху Пяти династий по китайским документам», совершенно четко показал, что “упомянутый в тексте <Суджинской надписи> Яглакар-хан – последний хан из уйгурской династии Яглакаров, сокрушенной в 840 г. кыргызами”. Из этого ключевого исторического факта с неизбежностью следовал грамматический вывод о том, Яглакар-хан не может быть субъектом действия "пришел-я", но должен быть переведен в разряд объектов или обстоятельств этого глагольного действия. С.Г.Кляшторный первым реализовал "передел синтаксических ролей" в данном предложении: последние два слова строки (*ata keldirri*) были интерпретированы им как сложная глаголь-

Türk Dilleri Kütüphanesi
ная конструкция и предложен такой перевод всей строки: “убив стрелой в уйгурской земле Яглакар-хана, я [сюда] пришел” [Кляшторный 1959].

Далее предложение С.Г.Кляшторного уточнялось, видоизменялось. Так, Л.Базэн в известном труде «Древние и средневековые календари тюрков» 1974 г. дает следующий перевод: “Из земли уйгуров я пришел, чтобы прогнать Яглакар-ханов” [Bazin 1974, 114]. Почти аналогичный, но более точный по синтаксису обстоятельства дали перевод М.Мори и АН.Кононов: “Я изгнал Яглакар-хана / Яглакарских ханов из уйгурской земли” [Кононов 1980, с.158; оттуда же цит.: Mori 1978].

Нельзя пройти мимо того факта, что в приведенных построениях есть внутренние лексико-грамматические противоречия. В соотвествии с тем значением, что придают первой глагольной форме перечисленные авторы, она не может означать предварительно завершенного действия "поразив (стрелой), убив" (если at- берется в значении ‘стрелять’, как в первой интерпретации Кляшторного) или "прогнав, изгнав" (если at- берется в значении ‘выбросить, *перен.* прогнать’, согласно последующим интерпретациям Базэна, Мори, Кононова и перешедшего на их точку зрения Кляшторного [Кляшторный 2007]). Потому что первый глагол, находясь в форме одновременного деепричастия на *-а*, обозначает действие, сопутствующее фазовому (грамматически – основному глаголу), а фазовый глагол kel- лишь подчеркивает вектор действия – в направлении к говорящему. Кононов сослался на собранные им примеры, в которых реализованы конструкции -а kel-: (süsi basa kelti ‘их войско напало на нас’; altun jïšïγ aša keltimiz ‘мы перевалили Золотую чернь’; čik boduniγ bïŋïm süre kelti ‘мой тысячный отряд привел народ чиков’ [Кононов 1980, 199]. Здесь, как и в современных тюркских языках, невозможна отдельность семантики первого компонента от второго, они слиты в единое действие, направленное в сторону говорящего (т.е. невозможно "убив, пришел", "изгнав, пришел)". Отвечающий принципу цельности перевод "я изгнал Яглакар-хана" не стыкуется по признаку вектора: изгоняют "от себя", а не "к себе".

Есть в приведенных переводах также момент нарушения "речевого этикета" в широком смысле, как принципа сообразности речи обстоятельствам, социальной соположенности участников акта коммуникации. В поисках грамматически и лексического выверенного текста, невольно сделали третьестепенного, хотя, конечно, и крупного чиновника (князька) героем уйгурской кампании. В тексте этого нет и быть не могло: уйгурского хана победил кыркызский хан (царей побеждают цари, но не генералы).

Попытаемся теперь перейти от критики к позитивному толкованию ситуации, отвечая на поставленные нами выше вопросы.

Функциональное содержание jirintä – на наш взгляд, локативное, потому что покойный чиновник, судя по локализации его памятника, находился на земле уйгуров, следовательно "прибытие из уйгурских земель" – логико-географический нонсенс.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Второе словосочетание фактически повторяет первое, отсюда мы принимаем отдельно написанное -ta как аффикс локатива при собственном имени: jaγlaqar qan-ta ‘у Яглакар-хана/ханов’. Это не следует понимать буквально: Яглакар-ханов здесь уже не было, они были повержены и большей частью уничтожены. Просто мемориант имел в виду следующую тавтологию, важную политически, но которую он постарался избежать словесно: "на уйгурской земле, [на той земле, что еще недавно принадлежала уйгурским] Яглакар-ханам – [теперь...].

Последнее слово строки – глагольный корень с утраченным окончанием. Претерит глагола законченного действия "придти > пришел", как это почувствовал С.Е.Малов, не сочетается с местным падежом, требующим продолженного действия или состояния. Поэтому здесь возможна форма причастия либо результативного, либо продолженного действия (что-то вроде keliri, keliçi, kelügçi и т.п.), что и уловили наши корифеи, дав в переводе "пришелец". Конечно, речь не идет о разовом визите, но скорее о постоянном нахождении в результате *прихода*, т.е. о его *назначении* в этот край по службе. Последующий послужной список мемориантa доказывает, что действительно он пришел, чтобы быть здесь, т.е. был назначен сюда.

(2) Свое служебное досье мемориант начинает излагать с внешне неброского, как полагали многие, почти анкетного пункта: qïrqïz oγlï män ‘я – кыркыз (по-национальности)’. Но это главный среди его козырей. Эта фраза означала, что никаких теперь Яглакаров здесь нет и не будет, здесь теперь власть кыркызов, и я – ее полномочный представитель. Мемориант характеризует себя экзоэтнонимом "кыркыз", – так, как называли этот народ другие народы, в частности, уйгуры, причем делает он это вполне сознательно: пусть местный народ поймет, о ком и о чем идет речь.

(2–3) Далее во второй и третьей строках перечислены две должности меморинта. Первая – судья, лишь внешне имеет отношение к судопроизводству: поскольку всякая смена власти связана с переделом крупной собственности, то главный человек, который легитимизирует "имперский" вектор этого процесса, конечно, судья. Наверное, не случаен факт передачи мемориантом своему наставнику в вере значительной собственности: это было в его компетенции. Вторая должность – министр (буйрук) при ögä "премьер-министре" всего каганата. Иногда тюркологи неправильно приписывали титулы патрона-*оге* мемориантy, нет, мемориант – только министр. Если первая должность опиралась на закон, то по второй должности мемориант считался проводником центральной власти, вроде специального уполномоченного правительства, и здесь он опирался на приданную ему военную силу. Так что в традиционном для енисейских эпитафий самопредставлении мемориантa были продемонстрированы его впечатляющие служебные ресурсы.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Надпись из Дарвь-сумона (Дрв)

К истории открытия памятника из Дарв-сумона. Как сообщает проф. Л.Болд в своей книге "Эпиграфические памятники МНР (Памятники тюркского письма)" (Улан-Батор, 1990, на монг. яз.), паспортизующей древнетюркские надписи Монголии, о тюркской надписи из Дарва впервые от местных жителей узнал чл.-кор. МНА Х.Пэрлээ, который, "кажется, об этом нигде не писал". Надпись была обследована на месте в 1969 и 1970 гг. Советско-монгольской историко-лингвистической экспедицией под руководством С.Г.Кляшторного. По результатам этого обследования член экспедиции М.Шинэху в 1972 г. в сборнике "Некоторые вопросы древнетюркской истории и культуры в Монголии" издал надпись. Л.Болд приводит из этой публикации рисунок, относящийся, заметим, только к одной из трех строк эпиграфического памятника — строке, выбитой на северной стороне.

В августе 2004 г. в составе экспедиции Тывинского госуниверситета, осуществленной в рамках сотрудничества между ТывГУ и Ховдским Университетом, я побывал в Ховдском аймаке МНР, где благодаря содействию местных жителей мне удалось посетить место нахождения указанной надписи и в течение нескольких часов работать с ней — изучать ее непосредственно на камне, зарисовывать и фотографировать.

Примерно в 60 км южнее Ховда, центра аймака, шоссе, идущее на восток и в сторону райцентра Дарв, подрезает невысокую гряду, протянувшуюся перпендикулярно шоссе к северу. Метрах в 600–700 от дороги, на вершине одного из холмов, естественные, по-видимому, нагромождения массивных валунов были использованы в средневековье для создания небольшого мемориального комплекса: на камнях выбиты надписи тюркскими руническими буквами, их сопровождают рисунки и знаки, похожие на тамги. Они нанесены на восточной, северной и западной сторонах мемориала. Принадлежность сторон единому памятнику устанавливается благодаря повтору собственного имени Айчор, по-видимому мемориантa надписи, на восточной и западной сторонах, а также из повтора некоторых неалфавитных знаков, предположения о характере которых будут приведены ниже. Выбивки на восточной стороне составляют главную часть комплекса — и по количеству знаков, и содержательно, а выбивки на южной и западной сторонах можно рассматривать как дополнения.

Анализ состава знаков

Восточная сторона. К востоку обращена поверхность огромного (около 3 м высотой) валуна, ровная, несколько под уклон вверх плоскость которого содержит основную надпись из двух строк и основную композицию из рисунков.

Первая строка. Нанесена по центру относительно расположенной под ней второй строки, начинаясь на уровне ее десятого знака. Заметно некоторое

Türk Dilleri Kütüphanesi
нарушение интервалов между буквами: близко оказались 3-й знак (ко 2-му, но 4-й, напротив, далеко отстоит от 3-го. Во втором слове явно была пропущена третья буква — 7-й знак строки, который втиснут между 6-м и 8-м знаками сверху, так что не доходит до нижнего края строки, а правая часть 7-го знака "наезжает" и сливается со штамбом 6-го. Пропуск этого знака может иметь фонетическое объяснение — следование произносительным особенностям слияния гоморганных t и d корня и аффикса, а его дописывание — возвращение пишущего к орфографическим нормам. Все знаки строки идентифицируются уверенно.

Вторая строка. 3-й знак строки, он же 3-й знак первого слова, также был пропущен и вписан почти целиком сверху, нижний конец его штамба ненамного входит между знаками 2 и 4, показывая его место в слове (так же, как делают вставки современные люди). Знак 17, хотя и похож немного на Y : l^2 из-за некоторой выгнутости штамба, все же благодаря отходу зубчика почти от середины штамба должен пониматься как ŋ. Тем не менее и по поводу 2-й строки мы также можем признать, что все 31 знак строки идентифицируются вполне уверенно.

Северная сторона. Единственная строка нанесена на отдельном, гораздо меньшем камне, подпирающем снизу и сбоку центральный валун комплекса и обращенном широкой стороной к северу. Эта строка оказывается почти на метр ниже уровня строк восточной стороны.

Третья строка. Есть сомнение в идентификации первого знака: смыкаются параллельные зубцы на конце в петлю или нет, т.е. это j^2 или k; как будто бы смыкаются, давая j^2. Очень похожи по начертаниям знаки 3 и 4 за счет нестрого вертикальной ориентации Ϟ : k, у которого практически вертикальными оказались два верхних зубца, а собственно штамб буквы отходит под тупым углом влево вниз (для сравнения: штамб первого знака, той же буквы k, вертикален). Указанное начертание k является приметой относительно поздней палеографии. Практически стертыми оказались последние знаки последнего слова строки, чтение глагольного окончания в них почти конъектурно.

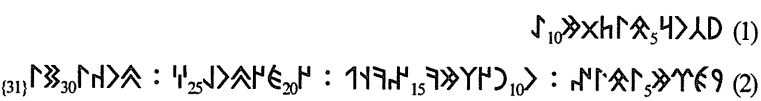
Западная сторона. Эта часть надписи также состоит из одной строки, нанесенной на сравнительно небольшом камне, расположенном сзади и ниже уровня центрального валуна комплекса.

Четвертая строка. Она повторяет фразу первой строки, но буквы ее зеркально перевернуты и написаны слева направо. Написание имени перевернутыми буквами в противоположном обычному направлении на западной стороне может иметь символическое значение, указывающее на то, что обладатель этого имени отошел в иной мир, или "мир-наоборот, в котором левое становится правым, ломаное — целым" [Кормушин 1998, 34]. Не вполне ясно начертание очевидного в этой форме седьмого знака d^2, сливающегося с перевернутым влево m.

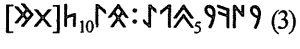
Türk Dil Kurumu Kütüphanesi

Запись текста рунами

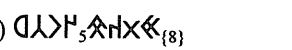
Восточная сторона

Северная сторона

Западная сторона

Транслитерация

(1) ^{a}j čor bit^{i}d^{i}m-ä
(2) j^{ä}g^{i}rmi bin : on ölm^{ä}k^{i}n k^{ä}ŋ^{i}p : ügü tol^{ï}γ : toqïdï
(3) jük^{ä}j t^{a}pa bit^{i}[d^{i}m]
(4) ^{a}j čor b^{i}t^{i}d^{i}m

Транскрипция

(1) aj čor bitidim-ä
(2) jägirmi bin on ölmäkin käŋip ügü tolïγ toqïdï
(3) jükäj tapa biti[dim]
(4) aj čor bitidim

Перевод

(1) Ай-чор, я написал!
(2) Он наголову разбил двадцать тысяч, (из них) свыше десяти — насмерть.
(3) Для Юкея написал [я].
(4) Ай-чор, я написал.

Примечания

$2_{9–18}$: on ölmäkin käŋip — десять (тысяч) насмерть, букв.: “десять с умиранием”; деепричастная форма от глагола käŋi- ~ käŋü- ‘распространяться, расширяться’ выступает здесь с адвербиальной семантикой меры и степени: ‘более, свыше’. В таком значении форма käŋip не была отмечена, но оно вполне выводимо и понятно. Формальная отнесенность к деепричастию не позволяет этому слову сместиться непосредственно к числительному: *on käŋip ölmäkin.

Türk Dilleri Kütüphanesi

2_{19-25}: ügü tolïγ — подобные слова ни одиночно, ни в качестве сочетания ни разу не встречались в древнетюркских памятниках. Первый элемент видится как общемонгольское слово отрицательной семантики: монг. *үгүй*, бур. *үгы*, калм. *уга* ‘отсутствие, неимение’; в сочетании с глаголом активного воздействия “делать” получает значение “уничтожать, ликвидировать”: монг. *үгүй хийх* [БАМРС III, 388-389], бур. *үгы хэхэ*, калм. *уга кех* (букв.: “сделать на нет”).

Тюрк. tolïγ тоже необычно, поскольку общетюрк. tolï ~ tolu / dolï ~ dolu ни в древних, ни в современных языках не обнаруживает конечного -γ и обычно считается производным на -i/ -u от глагола tol- ‘наполняться’, если только не связывать “полный” с омонимом “град” (от чего этимологи обычно отказываются, см. подробнее [ЭСТЯ III, 257-261]), тогда следы *-γ, возможно, удалось бы отыскать. Впрочем, ниже мы предлагаем совершенно иную, нетрадиционную интерпретацию этой уникальной формы.

В целом, данные слова представляются парным сочетанием с приблизительной семантикой ‘целиком и полностью’.

2_{26-31}: tokïdï — не ясно, кто денотат этого действия: очевидно, что не автор надписи Ай-чор, иначе окончание было бы 1-го л. ед. ч. Может быть, это Юкей, упоминаемый в следующей строке надписи (см. след. примеч.), либо фразу хотели построить как обобщенно-личную, (“наше войско, мы разбили”).

3_{1-7}: jükäj tapa — послелог tapa в др.-тюрк. употребляется преимущественно с глаголами движения, в значениях ‘к, на, по направлению к кому-л., чему-л’, иногда с оттенками ‘против’, ‘наперекор’ [ДТС, 533, 525]. Если в орхонских памятниках во всех случаях (чуть менее 20 употреблений) tapa выступает как “на = против”: “на/против киданей, огузов, табгачей и т.п. пошел/ пошли войной”, то в “Кутадгу Билиг” (чуть более 20 употреблений) он применяется в значении общей направленности действия: “к правителю/к брату” отправился, вошел, возвратился и т.п. Причем есть пример сочетания с глаголом информативной семантики: ilig tapa uqturu kiši ïdtï ‘чтобы известить правителя, отправили человека’ [КБ, 5033]; у нас — с перестановкой синтагм из стихотворного инверсированного порядка), ср. совершенно аналогичный смысл с падежной конструкцией вместо послелога: jana uqturajïn iligkä bu söz ‘потом я сообщу правителю об этом’ (КБ, 510). Как видим, управляет tapa основным падежом имени в отличие от того, что мы наблюдаем в тех современных языках кыпчакской группы (карачаево-балкарском, крымско-татарском, кумыкском, ногайском, татарском), где он сохранился, но уже управляет дательным падежом и часто с усложненной морфологией [Щербак 1987, 86–87]. Таким образом, однотипная фраза из КБ ilig tapa uqturu надежно верифицирует фразу из дарвской надписи jükäj tapa bitidim — семантически и формально.

Послелог tapa — если следовать параллелям из “Кутадгу Билиг”, — подсказывает и семантический тип уточняемого имени: это, скорее всего, человек, персона, как будто бы с оттенком уважительности. Относительно

Türk Dilleri Kütüphanesi
Ай-чора Юкей занимает подчиненное положение, поскольку имя Ай-чора открывает и закрывает надпись. На этих же двух сторонах вблизи данного имени повторяются два тамговых знака: первый – в виде "плюса", второй – в виде кружка с отходящими от середины вверх и вниз "крюками" – вертикальными прямыми с зубчиками на концах. На восточной стороне эти знаки расположены выше и правее (до начала) первой строки с именем Ай-чор в описанном порядке, т.е. сначала (справа) "плюс", затем (левее) "кружок с крюками", зубцы отходят влево. На западной стороне описанные тамги расположены зеркально противоположным образом: они снизу от строки и в конце ее (т.е. здесь справа), вначале (здесь слева) "плюс", затем второй знак, "кружок с крюками", зубцы отходят вправо.

О тюрко-монгольском языковом взаимодействии. Воздействие языков тюркоязычных и монголоязычных племен и народов друг на друга многогранно, достаточно широко географически и длительно по времени. Взаимопроникновение указанных языков происходило на всех структурных уровнях – не только в лексике, но также в фонетике и грамматике. Контактную зону составляли полоса Центральной и Средней Азии от Кореи и Маньчжурии до Среднего Востока и южная полоса Северной Азии (Южная Сибирь и Северный Казахстан) от Прибайкалья до Прикаспия. Наиболее интенсивные тюрко-монгольские контакты происходили в средние века, в чингизово и послечингизово время (XIII–XIV вв.), продолжались и в последующее время, для некоторых южносибирских тюркских диалектов – вплоть до начала XX в. Восходят же такие контакты к гораздо более раннему времени.

Как полагают ученые, в состав государства сюнну (азиатских гуннов, с III в. до н.э.) входили наряду с другими народами древнетюркские и древнемонгольские племена. Как о смешанном монголо-тюркском народе ученые (П.Пельо, В.Эберхард, Л.Базен, Д.Кара) говорят о народе *топа*, или *тоба*, вожди которого основали одну из первых не-синьских династий Китая (388–550 гг.). Древнейшие автохтонные источники тюрков – орхонские и древнеуйгурские рунические надписи VIII в., свидетельствуют существование ряда самостоятельных государственных образований тюркоязычных племен – тюрков, токуз-огузов (уйгуров), тюргешей (западных тюрков), кыркызов, – и монголоязычных – киданей, татар. Теоретико-компаративистские выкладки показывают, что не позже VI–IX вв. в циркумбайкальско-приалтайском регионе происходит процесс перехода на тюркскую речь некоторых местных племен и сложение языков-предков ("праязыков") ряда современных тюркских языков, таких, прежде всего, как тувинский и якутский, причем субстратом служили не только палеоазиатские, самодийские и угро-финские племенные языки, но и, в ряде случаев, монгольские.

О процессах языкового взаимодействия лингвисты судят чаще всего по конечным результатам, опираясь на списки заимствований – тюркизмов в современных монгольских языках и монголизмов – в современных

Türk Dilleri Kütüphanesi

тюркских языках. Синхронных свидетельств почти нет. Причина тому – установка на использование в тюркоязычных рунических надписях стандартно-письменного койне, закрывавшего доступ в текст живых диалектных форм и расхожих заимствований. И все же иногда подобные свидетельства обнаруживаются. В некоторые енисейские надписи (все они, в основном, IX–X вв.) попали формы явно диалектные, отклоняющиеся от общетюркского типа [Кормушин 2005_1, 43–45]. Что касается заимствований, то общепризнанным считается отсутствие в рунических памятниках, даже на поздних этапах их создания, конец X – нач. XI вв., как арабских, так и монгольских заимствований (первые фиксируются в памятниках со второй пол. XI в., а вторые – с конца XIII в.). С этих позиций анализ палеографических и языковых особенностей Дарвской надписи вызывает определенный интерес.

К палеографо-текстологической датировке надписи. По ряду палеографических и текстологических признаков данная надпись относится к кругу енисейских. Прежде всего по такой неоспоримой языковой примете, как написание глагольной формы "я написал" в первой строке с вокативным окончанием -а: bitidim-ä. Начертания t^1 в виде двух "крыш" 𐰉 и 𐰋 : b^2 с "нависающей крышей", не встречающиеся в орхонских памятниках, являются характерными особенностями енисейского дукта. Так же, как и начертание 𐰍 : g с дугой, начинающейся выше места соединения с первым (верхним) зубчиком, причем эта особенность свойственна относительно поздним или, лучше сказать, не самым ранним енисейским надписям. Последнее относится и к 𐰴 : k на третьей позиции в строке 3. Другие "датирующие" руны (см.: [Кормушин, 1975, 38–43; 1997, 24–27]) демонстрируют как раз дукт не позднего конструктивного характера. Это – вся группа "коленных" знаков: 𐰇 : q, 𐰆 : r^1, 𐰃 : ь, 𐰇 : t, 𐰃 : n^2 , – в которых колено еще отходит не от самого края штамба, а от середины или близко к середине. Это не слишком большой "навес" у 𐰋 : b^2 и близкое к орхонскому начертание 𐰲 : γ.

В целом, если попытаться датировать надпись только на основании палеографических особенностей, то речь, по нашему мнению, может идти о конце IX – начале X в.

К лингво-этнической атрибуции надписи. В рамках традиционных компаративистских построений без больших натяжек форму tolïγ, как мы видели выше, интерпретировать не удается. Совершенно по-иному можно решить загадку этого -γ, если истолковать данное слово как своеобразный ***гиперизм*** – форму искусственную, созданную пишущим, исходившим из *неверных* представлений, что форма tolï ~ tolu без конечного -γ (в действительности, реальная межтюркская форма) не соответствует литературному стандарту. Пишущего могло ввести в заблуждение положение общетюркских двусложных форм с -γ, типа arïγ 'чистый', katïγ 'твердый', tirig 'живой' и т.п., которые выступают с γ везде (в частности, во

Türk Dilleri Kurultayı

всех типах древнейших памятников VIII–X вв.), за исключением единственной классификационной группы тюркских языков – северные диалекты киргизского и южные диалекты алтайского, – где подобные формы теряют сонант, огубляя при этом предшествующий гласный (иногда оставляя его с заместительной долготой, иногда не оставляя): кирг., алт. arū ~ aru ‘чистый’, кирг., алт. katu ‘твердый’, кирг., алт. tirü ‘живой’. В соседних диалектах центральноазиатского ареала указанный сонант не изменялся, поскольку он сохраняется и в настоящее время, ср. хак. *арығ*, тув. *арыг* ‘чистый’, хак. *хатығ*, тув. *кадыг* ‘твердый’, хак. *тірі*, тув. *дириг* ‘живой’. Еще один участник ареальных взаимодействий того времени – древнекарлукские диалекты, тоже очевидно не теряли конечного сонанта, судя по его отражению в современном узбекском и новоуйгурском в виде оглушенного *к*. Таким образом, вероятно, пишущий воспринял реальную форму tolu по аналогии с aru, katu и т.д. и произвел гиперкоррекцию, создав *tolïγ – форму несуществующую, но структурно аналогичную стандартным arïγ, katïγ и т.д.

В случае правильности нашего предположения о гиперкоррекции формы tolïγ, а также с учетом некоторых других языковых фактов в надписи из Дарва, можно сделать несколько лингвистических и исторических выводов.

1. Фонетическое развитие -ïγ > -u, характерное для современной киргизско-алтайской группы тюркских языков, ко времени дарвской надписи уже осуществилось (иначе не было бы возможности спутать исконное tolu с вновь образовавшимися формами типа aru, katu).

2. Автор дарвской надписи был знаком с письменно-литературным общетюркским стандартом, но сам по языку принадлежал к киргизо-алтайским племенам древности, или древним кыркызам.

3. Применение формы -mäk (в слове ölmäkin) в функции глагольного имени действия плохо соотносится с хакасским и тувинским языками, но гораздо более ожидаемо в киргизском и алтайском языках.

4. Судя по разговорному характеру применения монголизма ügü – слову, не относящемуся к числу традиционных монгольских заимствований в тюркских языках, древнекиргизо-алтайские диалекты автора дарвской надписи в это время (около X в.) активно взаимодействовали с монгольскими диалектами.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Часть II

ТЕКСТЫ ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В данной части книги приводятся тексты исследуемых нами енисейских надписей эпитафийного характера, как они были установлены в результате палеографических, грамматических и текстологических изысканий, изложенных в предыдущей книге и первой части настоящей книги. Во вводной части к каждой надписи даны краткие справки относительно: а) нынешнего местонахождения памятника с данной надписью, б) основных публикаций надписи, в) наличия/отсутствия тамги (родо-племенные знаки-тамги описываются по типам и подтипам согласно нашей классификации, см. подробнее [Корм.ТЕЭ 1997, 14–17, 33, 135–137]), г) основного содержания текста надписи, как оно складывается в результате предложенных прочтений и текстологических интерпретаций.

Далее следуют сами тексты, которые даются в основном справочно – без разночтений и вспомогательного аппарата, памятуя, что необходимые сведения содержались в заметках, сопровождавших палеографический анализ, а более подробное изложение вопросов фонетики, грамматики, лексики и текстологии заключают части III и IV. Исключение представляют собой небольшое число новых поправок относительно текста, установленного в нашей книге 1997 г.

Текст каждой надписи представлен в трех формах: 1) в записи типизированными руническими знаками, 2) в обычной тюркологической транскрипции; 3) в переводе на русский язык.

Енисейские надписи располагаются в порядке номеров сложившейся в тюркологии их кодификации, берущей начало в ФАтласе и трудах В.В.Радлова и С.Е.Малова и продолженной впоследствии в «Древнетюркском словаре» и публикациях Д.Д.Васильева После енисейских текстов указаны примыкающие к ним два текста из Монголии – из Суджи и Дарви.

Вот перечень кратко анонсированных и приведенных ниже текстов (звездочкой отмечены 18 текстов, содержащиеся в первой части данной книги, на страницы которой даются отсылки):

Е: 1, 2, 3, 4*, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13*, 14, 16*, 17, 18*, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26*, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33*, 34*, 37, 40, 41*, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 59, 60*, 61, 64*, 65, 66, 68, 69*, 70, 73*, 92, 96, 98, 100, 104, 108*, 109, 110, 120, 134*, 147, 149, 152, 153*, 154*; Дарв*; С*. – Всего 74 надписи.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-1 (Уюк-Тарлак, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №20.

Публикации. ФАтлас 1889[1], табл. I; Radl.AIM-3 1895, 304; РАтлас III 1896, табл. LXXV, 3; Orkun ETY III 1940, 31–32; Мал.ПДП 1951, 78–79; Мал.ЕПТ 1952, 12–13 + вклейка фото; Bazin 1957; Батм.–Кунаа II 1963, 9–10; Вас.КЕР 1983, 14, 59, 82; Корм.ТЕЭ-I 1997, 159–161; Аманж.2003, 110–111.

Наличие тамги. На противоположной по отношению к надписи стороне стелы, представляющей собой так называемый оленный камень[2], выбита одна из разновидностей тамги западно-тувинского типа "дуга над крюком", с диакритикой – "две вертикальные черточки внутри дуги": 𐰴.

Характеристика содержания текста. Эпитафия на смерть Эль-Тогана, правителя объединенного княжества, состоявшего из "шести багов" (уделов), что традиционно принимается как территория, равная примерно большей части нынешней Тувы. Написана в 1-м л.ед.ч. от имени мемориата, лаконично. Первая половина (строка) краткого текста более личная: мемориант адресует свои сожаления супруге, сыновьям, народу, хотя открывает этот краткий список государство. Из сугубо личной характеристики упомянут только возраст мемориата – 60 лет. Во второй строке мемориант представляет себя читателю по имени и званию, а также по двум своим служебным ипостасям. В первой из них упоминается "божественное" государство, в которое, судя по ремарке о "народе шести багов" во второй характеристике, входила в тот период древняя Тува всеми шестью багами. При этом ни разу не упомянут верховный сюзерен – хан или бек. Тем не менее подчиненность (несамостоятельность) Эль-Тогана, которая могла бы возникнуть из факта неупоминания хана, невозможно подвергнуть сомнению. Это вытекает из анализа соотношения трех званий мемориата: *тутук*, *бег*, *эльчи*. *Тутук* – должность наместника области или края с иноэтничным населением, назначаемого центральным правительством из членов правящего дома или близких к династии людей; одновременно это и служебный ранг (как являются ранговыми многие слова подобного рода – каган, царь, король, эмир и т.п.), что позволяет этому слову становиться компонентом имени собственного. Рангово-должностной характер слова *тутук* подтверждается тем, что по отношению к народу себя Эль-Тоган-тутук именует скромно *бегом* – беком, родо-племенным предводителем, каковым мог быть руководитель объединения любого уровня (ранга), начиная от самого маленького. Несколько сложнее обстоит дело со словом *эльчи*.

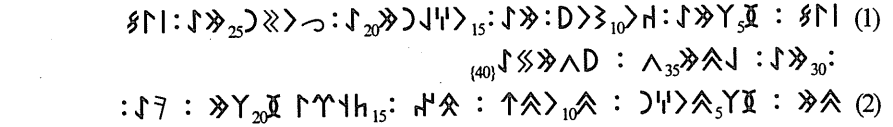
[1] В разделе «Публикации» по всей части II дополнительно указывается год выхода в свет каждого труда.

[2] "Оленные камни" – культовые стелы на 1200–1700 лет более ранней, скифской эпохи (VIII-III вв. до н.э.), со множеством выбитых на них изобразительных элементов, среди которых обычно преобладают фигурки ветвисторогих лосей или благородных оленей. Оленные камни наряду с другими типами стел предшествующих эпох использовались древними кыркызами как материал для нанесения собственных поминальных надписей.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Должность *эльчи* обычно означала, что человек наделяется полномочиями быть представителем государства-*эля* и посылался во главе военного отряда (состоящего из его людей и численностью, сообразуемой с возможностями назначенного лица и полученным заданием) в сопредельные страны как с дипломатическими, так и с иными целями – разведывательными, карательными, для захвата добычи и т.п. (позднее в этом слове остается только "дипломатическая" составляющая, а еще позже исчезает и разовый характер миссии). В данном же тексте, на наш взгляд, просматривается несколько иное значение: приравнивая себя в отношении народа управляемой им территории к местным бекам, Эль-Тоган указывает, что здесь он в первую очередь человек государства, т.е. назначенец центральной власти. Тем самым подчеркивается лояльность его семьи этой власти.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) äsiz elim-ä qunčujïm-a oγlanïm-a bodunïm-a äsizim-ä altmïš jašïmda

(2) atïm el toγan tutuq bän täŋri elimkä elčisi ärtim altï bay bodunqa bägi ärtim

Перевод

(1) Жаль, – о, мое государство, моя супруга, мои сыновья, мой народ! Как жаль мне, – в мои шестьдесят лет!

(2) Мое имя – Эль Тоган-тутук. Для моего божественного государства – я был его послом, для моего народа шести уделов – я был его беком.

Е-2 (Уюк-Аржан, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №21.

Публикации. ФАтлас 1889, табл. II; Radl.AIM-3 1895, 305; Orkun ETY III 1940, 35–36; Мал.ЕПТ 1952, 13–16; Батм.–Кунаа II 1963, 11–12; Аманж.1974, 101; Вас.КЕР 1983, 14, 59, 83; Корм.ТЕЭ-I 1997, 256–260; Аманж.2003, 112.

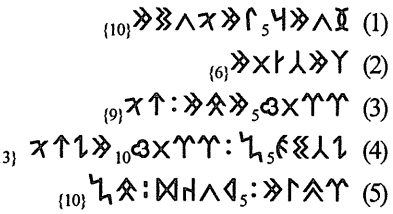
[3] В примененииии словоразделителя перед падежными и др. окончаниями (на позициях перед знаками 1_{30}, 2_{22},2_{42}) можно видеть влияние орфографии древнеуйгурского письма. Перед знаком 1_{39} словоразделитель указанный в ряде изданий, в действительности отсутствует.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Наличие тамги. Под надписью высечена тамга северно-тувинского типа "птичья лапа": ᚲ.

Характеристика содержания текста. Несмотря на неокончательное прочтение ряда слов во второй и четвертой строках, а также на сомнения в звучании имени мемориата (подробнее см. [ТЕЭ-I, 256–260]), основные элементы эпитафийного канона достоверны. Мемориант – муж-воин по имени Кышаклык, прощается с супругой и сыновьями. Никаких сведений о его общественном положении в тексте нет. Однако наличие при надписи тамги "птичья лапа", а также внушительные размеры древнего (уже в древнетюркскую эпоху) оленного камня, использованного для надписи, свидетельствуют о том, что это далеко не рядовой воин.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) ešim urïm azïšdïm
(2) älim čäŋdim
(3) är ärdämim äbim aquz
(4) ačda ägin är ärdämim aquz
(5) är atïm qïšaqLIQ bän

Перевод

(1) Мои супруги, мои сыновья, – я перестал видеть и слышать вас.
(2) Моя страна, я ...
(3) Моя доблесть мужа-воина, мой дом, – о, несчастье!
(4) ... моя воинская доблесть, – о, несчастье!
(5) Мое имя мужа-воина – Кышаклык.

Е-3 (Уюк-Туран, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. ФАтлас 1889, табл. III; Radl.AIM-3 1895, 305–306; РАтлас III 1896, табл. LXXV, 1–2; Orkun ETY III 1940, 39–42; Мал.ЕПТ 1952, 16–20; Батм.–Кунаа I 1963, 59–60; Вас.КЕР 1983, 14, 59, 84; Корм.ТЕЭ-I 1997, 189–196; Аманж.2003, 113–114.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Наличие тамги. Под начальными строками надписи, теми, что расположены на левой боковой стороне оленного камня, выбита тамга восточно-тувинского типа "дуга на кресте", без диакритических черт: ᛉ.

Характеристика содержания текста. Эпитафия Очин-Кюлюг-тирига предстает как достаточно подробное прощание мемориантa не только с традиционными адресатами – супругой, сыновьями, родственниками, государством, ханом, – но и с малой родиной – землями на реке Эгюк, фонетически хорошо отождествляемой с современной рекой тув. *Өөк* (в русской адаптации *Уюк*), главной рекой Уюкско-Туранской котловины, что соответствует месту первоначальной установки памятника (подробнее см.: [ТЕЭ-I, 196]. По-видимому, опоясывание покойного золоченым колчаном отвечает ритуалу посмертного обряжения, поскольку эта деталь и здесь, и в тексте Е-10_5 приводится рядом с возрастом покойного, которым в этих и других текстах завершается сообщение о смерти мемориантa. Не вполне ясна мотивация упоминания в тексте столь широкого состава родичей (строка 6), например, только в Е-3 упомянуты зятья и невестки, нигде в енисеике более не отмеченные. Непонятны для нас и какие-то "сыновья", перечисленные в контексте добычи (строка 5).

Запись текста рунами

(1) :ᛇᛟD:ᛇ$_{25}$ᛋᚾ:ᛇᛟ$_{20}$D:ᛋᛁᛚᚴ$_{15}$:ᛇᚷᚾᚱ:ᛋ$_{10}$Dᛊᚴᚺ:ᛇ$_5$ᛑDᚴᚺ

{54}:ᛋᛟᛁᛚᛑ$_{50}$:ᛇᛟD:ᛋᚬ$_{45}$ᛑᚺ:ᛋᚺᛚ$_{40}$ᚭ:ᛋᛟᛁᛚᛘ$_{35}$ᛑ:ᛋᚷᛋB$_{30}$ᛟ

(2) [:]ᛚᛉᚴᚼ : ᛋ$_{20}$ᛟᚢᚢ:ᛇᚼ$_{15}$ᛋᛉᛝᛟ:ᛖ$_{10}$ᚬᛝᚭ:ᛖᛉ$_5$ᚢᚴᛟᛁ

{42}:ᛇᛟD$_{40}$:ᛇᛋᚾᛚ$_{35}$:ᛋᚷᛋBᛟ$_{30}$:ᛇᚭ : ᛋᛉᛝ$_{25}$

(3) : ᛋᛉ$_{20}$ᛝ : ᛚᛉᚴᚼ$_{15}$: ᚺᛟ : ᛖᛉᛚ$_{10}$ᚼ : ᛖᛉᚴᚭ$_5$: ᚺᚴᚴ

{29}ᚺᛟ: ᛖᛉᛋ$_{25}$ᛩ: ᛇᚼ

(4) : ᚢᚴᛟᚺ$_{20}$ᚠ: ᛋᛟᛁ$_{15}$ᛑ: ᛇᚺᛋ$_{10}$ᚬD:ᚬᛋᚼ$_5$ᛝᛩᛇᚴ

{33}[:ᛇᛋᚾᚾ]ᛋᛟᛁᛋᚺ$_{30}$ᛑ:ᛇᚭᛋᛉ$_{25}$ᛩ

(5) :ᛋ$_{25}$ᛁᛚᚴ:ᛒᚢ$_{20}$ᚺ:ᛋᛁᛚᚴ$_{15}$:ᛋᚺᛚᚾᛊᚺ$_{10}$:ᛇᚭᛋᛉᛝ$_5$:ᛚᛉᚴᚼ

{36}[•?•]ᛋᛟ$_{35}$ᚢᚴD:ᚼᛚ$_{30}$ᛟᛟᛁ

(6) ᛋᛊᚴᛚ$_{25}$:ᛋᚬᛑᚺ:ᚠ$_{20}$ᛉᚴᚭ:ᚢᛑ$_{15}$ᚢᛇᛇᚴᚺ$_{10}$:ᛚᛉᛟᛉᚴ$_5$ᚼ:ᛋᚺ

: ᛦᚴᚺ$_{50}$: ᛋᛉᛉᚴᚠ$_{45}$ᚷᚴᚭ : ᛉᚢ$_{40}$ᛁᛚᚴ : ᛉᛉ$_{35}$ᛒᚴ : ᛉᛋᛉ$_{30}$ᛉ:

{71}[ᛇᛟ$_{70}$D : ᛇᛋᛊᚴ$_{65}$ᛁ : ᛋᚷᛋB$_{60}$]ᛟᛋᛉᛉᚴᚺ$_{55}$ᛉᚭ

Транскрипция

(1) qujda qunčujïm özdä oγlïm ajïta äsizim-ä ajïta bökmädim adïrïltïm kinim qadašïm ajïta adïrïltïm

(2) altunlig kešig belimtä bantïm täŋri elimkä bökmädim äsizim-ä ajïta

(3) öčin külig tirig bän täŋri elimtä jämlig bän

Türk Dilleri Kütüphanesi
(4) üč jetmiš jašïmqa adïrïltïm ägük qatun jarïmka adïrïltïm...
(5) täŋri elimkä qazγaqïm oγlïm nä uz (?) oγlïm altï biŋ jontïm...
(6) qanïm tülbäri qara bodun külig qadašïm äsizim ičičim är üküš är oγlan är küdägülärim qïz kälinlärim bökmädim äsizimä jïta

Перевод

(1) Мои супруги в женских покоях, мои родные сыновья, – как жаль мне! Грустно, – я не насладился [вами] и разлучился [с вами]! Мои потомки, мои родственники, – грустно, я разлучился [с вами]!
(2) Свой, украшенный золотом, колчан повязал я на пояс. Моим (хранимым) богом государством я не насладился, – как жаль мне, как грустно!
(3) Я – Очин Кюлюг Тириг. В моем (хранимом) богом государстве я – *емлиг* (поставщик провианта – ?).
(4) Я разлучился (с эти миром, т.е. умер) на шестьдесят третьем году. С моей родной землей у реки Уюк я разлучился.
(5) То, что я добыл для моего (хранимого) богом государства, – мои сыновья, сколько у меня мастеровых-сыновей (?), шесть тысяч моих коней.
(6) Тюльберы моего хана, простой народ, славные мои сородичи, – о, жаль мне! Мои дядья и двоюродные братья, многочисленные воины, молодые воины-огланы, мои зятья, мои невестки – [всеми вами] я не насладился.

Е-4* (Оттук-Даш I, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №39.

Публикации. ФАтлас 1889, табл. VI; Radl.AIM-3 1895, 307; РАтлас III 1896, табл. LXXXV, 1; Orkun ETY III 1940, 49; Мал.ЕПТ 1952, 20; Батм.–Кунаа II 1963, 18–20; Вас.КЕР 1983, 16, 59, 87; Aalto–Granö 1991, 32.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Как и однотипные по стилю и содержанию, а также внешне – по размерам и форме стелы, к тому же из одной и той же местности в Туве, три надписи – Е-4, Е-54, Е-64, содержат только имя собственное и титульно-гонорификативную части, чин и должность, без каких-либо слов деплоративной семантики, свойственных поминальным текстам, что иногда порождало сомнения в их эпитафийном характере. В указанных надписях отсутствует также грамматическое оформление предложений репрезентативного типа, что не позволяет оценить, сделаны они от лица мемориантов или же установлены в честь них третьими лицами. Нельзя исключать сознательного характера приема подобной неопределенности. См. также Е-54 и Е-64.

Текст Е-4 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и в переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.29–30.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-5 (Барык I, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

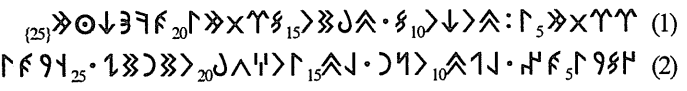
Публикации. Radl.AIM-3 1895, 307-308; РАтлас III 1896, табл. LXXVI, 1–2; Orkun ETY III 1940, 61; Мал.ЕПТ 1952, 20–21; Батм.-Кунаа I 1963, 26–28; Вас.КЕР 1983, 17, 59, 87; Корм.ТЕЭ-I 1997, 209–211.

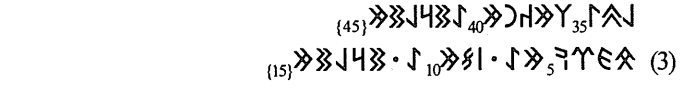
Наличие тамги. Внизу, перед началом надписи, выбита одна из разновидностей тамги восточно-тувинского типа "дуга на кресте", с усложненной диакритикой: .

Характеристика содержания текста. Эпитафия в честь некоего бека Оз Йиген Алп Турана. Возможно, первые две части имени указывают на близкое родство с правителем княжества: öz jigän – *букв.* ‘родной племянник’. Возможно также, с этим согласуется факт наличия "диакритики" (дополнительных черт) к основному рисунку тамги при надписи – "дуга на кресте", несомненно принадлежавшей одному из правящих кланов территории древней Тувы (см. подробнее: [Корм.ТЕЭ-I, 14–17, 135–137, 189, 209]). Интересно отметить, что в сильно разрушенной надписи Е-8 в числе немногих сохранившихся знаков тоже прочитывается слово jägän ‘племянник’, а ведь при ней выбита абсолютно аналогичная тамга, да и сам памятник установлен точно в том же месте, сделан из того же материала и одинаков по форме с памятником, содержащим надпись Е-5.

Поправки в идентификацию знаков данной надписи, внесенные нами [ТЕЭ-I, 209–211], только частично прояснили трудно читаемые или просто плохо сохранившиеся места в конце первой и середине второй строк (приходящихся на одно и то же место вверху стелы), но одновременно породили и новые вопросы. В первой строке появился новый для енисеики этноним "Девять табдузов" (более нигде не фиксируемый), который, вероятно, является родным этносом мемориата, тогда как "Народ Шести племен (родов)", видимо, соотносится с более высоким уровнем – государства и хана, о которых говорится в этой же строке. Хочется думать, что выражение "Шесть племен" в каком-то отношении эквивалентно территориальному понятию "Шесть багов", но прочитанное С.Е.Маловым слово "баг" в действительности в тексте отсутствует. Числительные, находящиеся во второй строке между словосочетаниями altï oγuš bodunda и älim qanïma, убедительной интерпретации не имеют – то ли это возраст мемориата, то ли срок начала его службы?

Запись текста рунами

(1)

(2)

(3)

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) är ärdämi toquz tabduz ärdämig känč qoŋïm
(2) öz jigän alp turan altï oγuš bodunda äŋ jägirmi altï älim qanïma adïrïldïm
(3) bäg ärkimä äsizimä adïrïldïm

Перевод

(1) Доблесть мужа-воина, [народ] Девяти Табдузов, доблестные молодые соплеменники!
(2) [Мое имя] – Оз Йиген Алп Туран. У народа Шести Племен [я служил с] шестнадцати лет. О, мое государство, мой хан, – я разлучился (с вами)!
(3) Как жаль мне – я был беком, (и вот) я разлучился!

Е-6 (Барык II, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. Radl.AIM-3 1895, 308–309; РАтлас III 1896, табл. LXXVII, 1–2; Orkun ETY III 1940, 62; Мал.ЕПТ 1952, 21–22; Батм.–Кунаа I 1963, 29–30; Вас.КЕР 1983, 17, 59, 87; Кормушин 1986; Корм.ТЕЭ-I 1997, 205–207; Аманж.2003, 115–116.

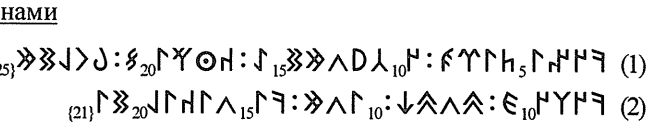
Наличие тамги. Внизу, под строками надписи выбита одна из разновидностей тамги восточно-тувинского типа – "дуга на кресте", с диакритикой – "вертикальной чертой внутри дуги", – полностью идентичная тамге при надписи Е-7: ᛉ.

Характеристика содержания текста. Эпитафия Кюни-тириг в 1986 г. была истолкована нами как женская поминальная надпись [Кормушин 1986]. Обе версии – и предложенная нами "женская", и традиционная "мужская", приводимая здесь же, ниже, в круглых скобках через тильду, – имеют свои трудности для защиты. При этом ясно, что фактически центральной фигурой надписи является покровитель мемориантa, некий Кюлюг-тутук ("Прославленный" тутук), которому посвящены вторая и третья строки. Характеристика "беспечальный" должна бы относиться к мемориантy, как свидетельствует надпись Е-7, но здесь преувеличенно-благодарно приписана самому покровителю. Если мемориант мужчина и действительно прощается со своей супругой, непонятно его обращение "о, моя старшая сестра/старшая женщина", которое и послужило отправным пунктом для подозрения в том, что со старшей женой мемориантa прощается одна из младших жен гарема. Другим импульсом для "женской" версии стал характер имени мемориантa Кюни Тириг: *кюни* – 'жены одного мужа (по отношению друг к другу)'; *тириг* – букв. 'живой (человек, животное)', переносно – о пленниках. При допущении женщины в качестве мемориантa возникает вопрос: поминальную надпись женщины могла ли сопровождать тамга как родовой знак, принадлежащий все же мужчинам данного клана? В этом

Türk Dilleri Kütüphanesi

случае, возможно, тамга относится не к мемориантке, а к ее покровителю и заказчику надписи. В целом же реконструируется примерно такая ситуация: мемориант-женщина с детских лет была под патронажем Кюлюг-тутука; возможно, она была из знатного рода, иначе не был бы упомянут факт ранней смерти ее отца, после которой ее семья или весь род или же только женщины семьи/рода были присоединены/пленены семьей/родом Кюлюг-тутука; со временем девушка взята в его гарем не старшей женой, рано умерла, еще при жизни покровителя, благодаря чему удостоилась поминальной надписи.[4] Если и были от этого брака дети, то они не упомянуты, дабы не бросить тень на наследственные права детей от старшей жены, которая, вероятно, именно в связи с этим и упомянута как адресат прощания в последней строке. Отсутствие каких бы то ни было заслуг мемориантa надписи E-6, кроме личных связей с покровителем по имени Кюлюг-тутук, являвшееся основным мотивом "женской" версии, в какой-то мере нейтрализуется беспечально-бессобытийной жизнью мемориантa надписи E-7, в мужском статусе которого нет никаких сомнений, см. ниже.

Запись текста рунами

(1)
(2)
(3)
(4)

Транскрипция

(1) küni tirig üč jašïmda qaŋsïz boldïm
(2) külüg tutuq išim kiši qïldï
(3) buŋusuz ärdä bän erdim
(4) qujdaqï qunčujïmγa adïrïldïm apam-a

Перевод

(1) [Мое имя] – Кюни Тириг. В три года я осталась (~остался) без отца.
(2) Кюлюг-тутук сделал [меня] своей женой (~своим доверенным человеком).
(3) У беспечального мужа была (~был) я.
(4) С супругой [своего покровителя] в женских покоях, – я разлучилась, о, моя старшая сестра!

[4] А.Н.Бернштам уловил "женскую" и "наложническую" семантику имени Кюни-тириг, но трактовал их в "мужском" ключе: «живой от наложницы», «родившийся от наложницы» мальчик после смерти отца был усыновлен каким-то князем-тутуком; об усыновлении, полагал А.Н.Бернштам, свидетельствует выражение *киши кылды* ‘сделал человеком’ [Бернштам 1946, 115-116].

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-7 (Барык III, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. Radl.AIM-3 1895, 309; РАтлас III 1896, табл. LXXVIII, 1–2; Orkun ETY III 1940, 63; Мал.ЕПТ 1952, 22–23; Батм.–Кунаа I 1963, 31–32; Вас.КЕР 1983, 17, 60, 87; Корм.ТЕЭ-I 1997, 207–208; Аманж.2003, 117–118.

Наличие тамги. Под строками надписи выбита одна из разновидностей тамги восточно-тувинского типа "дуга на кресте", с диакритикой – "вертикальной чертой внутри дуги", – идентичная тамге при надписи Е-6: ᛘ .

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена Кюлюг-чору ("Прославленному принцу"), сыну генерала Бай Опа. Никаких ратных или политических деяний меморината, не приводится, за исключением беспечальности его детства, что, конечно, является не очень-то и скрытым комплиментом в адрес отца. Вместе с упоминанием родителя на первом месте это может свидетельствовать и о смерти в раннем возрасте, и о том, что кончина наступила еще при жизни отца. В этих условиях не сочли возможным говорить о заслугах сына, подразумевая их неотдельными от деяний отца, под началом которого, очевидно, служил сын. Значительность роли отца в жизни сына оттягивает к концу текста традиционно первые адресаты в прощании мемориантов. Предполагаемый нами молодой возраст покойного не противоречит наличию у него супруги или даже нескольких супруг, а также сыновей, поскольку обзаводились семьями начиная с 15 лет. Памятник идентичен по сопровождающей текст тамге, форме стелы и породе камня, а также установлен в непосредственной близости от памятника Е-6. К текстологическим совпадениям обоих текстов относятся выражения о беспечальности жизни при отсутствии каких-либо конкретных деяний.

Запись текста рунами

{20}𐰖𐰍𐰇𐰴𐰃𐰺15𐰋𐰗:𐰋𐰉𐰾10𐰍:𐰍𐰍⊙𐰾5𐰉𐰚𐰃𐰍 (1)

{21}𐰀20𐰴𐰾𐰍𐰃⊙15𐰍𐰃:𐰴𐰪𐰉10𐰾𐰉:𐰲𐰍𐰾5𐰍⊙𐰍𐰃 (2)

{27}𐰴𐰇𐰴25𐰚𐰪:𐰏𐰗𐰴20𐰾𐰘:𐰋𐰗𐰇15𐰾𐰔:𐰉𐰗𐰋10𐰇𐰗:𐰋𐰗𐰇5𐰋𐰾𐰖𐰀 (3)

{29}𐰴𐰴𐰉𐰖25:𐰉𐰀𐰴𐰉𐰾20𐰍𐰉𐰴𐰲15:𐰉𐰀𐰏𐰾𐰴10𐰃𐰣𐰍𐰀:𐰉5𐰴𐰃𐰍𐰀 (4)

Транскрипция

(1) baj opa saŋun oγlï külüg čor
(2) buŋusuz ulγat[t]ïm buŋ bu ärmiš
(3) täŋridäki künkä järdäki elimkä bökmädim
(4) qujda qunčujïmγaqa özdä oγlïmqa adïrïldïm

Перевод

(1) [Я –] сын Бай Опа-сангуна, [мое имя] – Кюлюг-чор.
(2) Я вырос беспечальным, печаль (моя) оказалась вот это:

Türk Dilleri Kütüphanesi

(3) солнцем на небе, моим государством на земле – я не насладился!
(4) Со своими супругами в женских покоях, со своими родными сыновьями – я разлучился!

Дополнения и исправления

К строке 1. Здесь я возвращаюсь к напрасно отвергнутому мной (ТЕЭ-I, 207–208) предложению А.С.Аманжолова читать 3-й знак как восточно-туркестанское 𐰚 : *ор/ир*.

Е-8 (Барык IV, Тува)

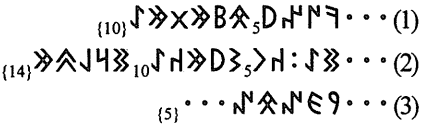
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. ФАтлас, табл.IV; Radl.AIM-3 1895, 310; РАтлас III 1896, табл. LXXV, 4; Orkun ETY III 1940, 199–200; Мал.ЕПТ 1952, 24–25; Батм.–Кунаа I 1963, 24–25; Вас.КЕР 1983, 17–18, 60, 87; Корм.ТЕЭ-I 1997, 211–212.

Наличие тамги. Под строками надписи выбита одна из разновидностей тамги восточно-тувинского типа "дуга на кресте", с усложненной диакритикой, аналогичная тамге при надписи Е-5: .

Характеристика содержания текста. Остатки довольно разрушенной надписи, идентичной по сопровождающей текст тамге, форме стелы и породе камня памятнику Е-5. Оба памятника установлены на одном кургане, в непосредственной близости друг от друга, а также невдалеке от пары памятников с надписями Е-6 и Е-7. Эпитафийный характер надписи Е-8 из сохранившихся фрагментов очевиден. Оставшееся от формулы именования слово j(ä)g(i)n ~ j(ä)g(ä)n, в нарицательном значении ‘племянник’, входит также в состав имени мемориата Е-5, что несомненно указывает на их родство между собой, а возможно, и на близкое родство с правителем княжества.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) ...kün aj : bökmädim-ä
(2) ...[quj]da qunčjïmqa : adïrïltïm
(3) ...jägin bän...

Перевод

(1) ... солнце, луна, – я не насладился (вами)!
(2) ... с моими супругами в [женских покоях] я разлучился.
(3) Я – ... -йегин.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-10 (Элегест I, Тува)

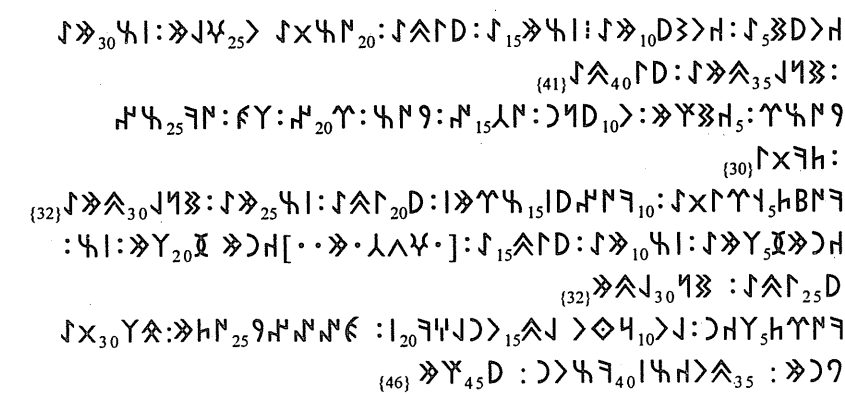
Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №19.

Публикации. ФАтлас 1889, табл. V; Radl.AIM-3 1895, 311-314; РАтлас III 1896, табл. LXXIII–LXXIV; Orkun III 1940, 179–183; Мал.ЕПТ 1952, 25–28; Вас.КЕР 1983, 18, 60, 88–89; Aalto–Granö 1991, 29–31; Tekin 1995; Корм.ТЕЭ-I 1997, 228–242.

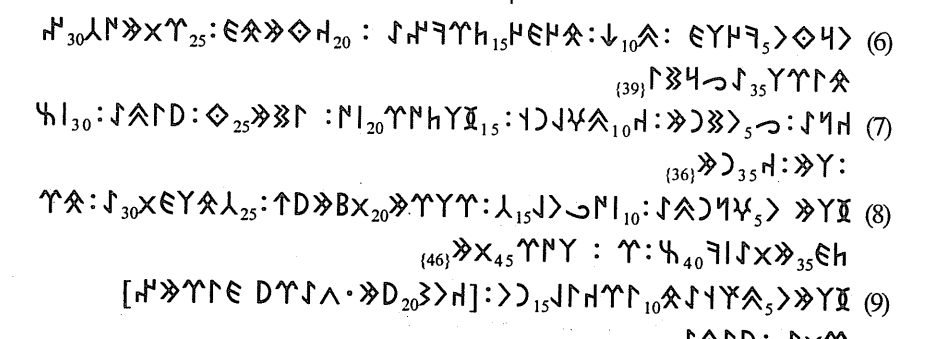
Наличие тамги. Под начальными строками надписи выбита одна из разновидностей тамги с типовым рисунком "крест с двумя крюками" и с диакритической чертой вверху слева, идентичная тамгам при надписях E-100 и 147: ⫛. Указанный тип тамги встречается при надписях из Восточной Тувы.

Характеристика содержания текста. Эпитафия на смерть престарелого военачальника, имя которого не названо, но определен его чин *урунгу*, пожалованный ему ханом, и – редкий случай – названо имя этого хана: Кёртле, – правда, пока нам ничего не говорящее (в плане исторической конкретики личности), кроме того, что это слово имеет нарицательное значение "красивый"; в языковом же плане körtlä обнаруживает специфический переход -t < *-k в группе с дрожащим сонантом rk, замеченный в древнеуйгурских и енисейских (кыркызских) текстах. Мемориант явно отличался личной отвагой, в качестве примера упомянуто сражение при местечке Чибилиг, которое интересно еще и тем, что в нем мы опознаем местность в Туве, носящую ныне название Шивилиг (аналог русского *Ельня*), хотя неясно, о каком из двух Шивилигов идет речь: о том, что на западе или на севере республики. Охарактеризован и отец мемориантa, тоже имевший чин *урунгу* и должность правителя области (района) и также отличавшийся доблестью. В этой, одной из самых больших енисейских надписей из почти 430 рунических знаков (свыше 110 слов) нашлось место не только для прощания с семьей и близкими, ханом и государством, имуществом, но и для воззвания к народу.

Запись текста рунами

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) qujda qunčujïm-a äsizim-ä ajïta özdä oγlïm äsizim-ä adïrïltïm-a ajïta
(2) jüz qadašïm ujarïn üčün jüz ärin älig öküzin tikdi
(3) kök täŋridä kün aj äsiz ärmiš ajïta äsizim-ä adïrïltïm-a
(4) qanïm elim-ä äsizim-ä ajïta [...] qanïm elim äsiz ajït-a adïrïltïm
(5) körtlä qan al uruŋu altunlïγ käš ägnin jütim bäldä banïm toquz säkizon jašïm
(6) uruŋu külig toq bögü tärkän-ä qaŋïm bäg ärdäm üčün birlä bardï
(7) qara bodunïm qatïγlanïŋ el törüsü ïdmaŋ ajït-a äsiz älim qanïm
(8) elim oγrïnta sü bolup ärlärmädükim joq čibiligdä bir tägimdä säkiz är sürdim
(9) elim utsïŋa bir qïlnu [...] ärdi ajïta
(10) buŋ : buŋa : $b^{l}nb^{l}t^{l}$(?) ärmiš öldim ajïta äsizim-ä j(a)lq(ï)n^{2} jana (?)
(11) törttü jïlqïm säkiz adaqlïγ barïmïm buŋïm joq ärdim
(12) qadašïm-a kinim-ä adïrïltïm-a ajït-a qara bodunïm-a adïrïltïm ajïta män

Перевод

(1) О, мои супруги в женских покоях, – как жаль мне, как грустно! Мои родные сыновья, – как жаль мне, я отделился [от вас], как грустно!
(2) Благодаря благородству ста мужей, моих сородичей, с помощью ста мужей и пятидесяти волов водрузили [этот памятник].
(3) В синем небе – жаль! – были солнце и луна. Как грустно, как жаль мне – я отделился [от вас]!
(4) О, мой хан, мое государство – как жаль мне, горе! ... Мой хан, мое государство – жаль, грустно! – я отделился [от вас].

Türk Dilleri Kütüphanesi
(5) От Кертле-хана положен (мне) на плечо и повязан на пояс алый штандарт (лента) *урунгу* и украшенный золотом колчан. Мой возраст – семьдесят девять лет.
(6) Мой отец-бек, который был *урунгу,* славным, обильным и мудрым правителем области, тоже покинул (этот мир) из-за доблести.
(7) Мой народ, будь тверд, не отступайся от законов государства! О горе, жаль – мое государство, мой хан!
(8) Водя войска ради моего государства, у меня не было такого, чтобы я (лично) не поражал воинов (врага). В одной только битве при Чибилиге, в которой я лично вступил в схватку, я пленил восемь воинов противника.
(9) Ради побед моего государства, совершая, ... был, о горе!
(10) Печально мне ... я умер. О горе, жаль мне ...
(11) Мой скот о четырех (ногах), мое имущество на восьми ногах (юрты) – не было у меня печали (по поводу них).
(12) О, мои родственники и сродственницы, – я разлучен (с вами), о горе! О, мой простой народ, – я разлучен (с тобой), о горе мне!

Е-11 (Бегре, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №19.

Публикации. Radl.AIM-3 1895, 301-302, 314-317; РАтлас III 1896, табл. LXXXV, 2-4; Orkun III 1940, 71-76; Мал.ЕПТ 1952, 29-34 + 2 вклейки фото; Вас.КЕР 1983, 19-20, 61, 92; Корм.ТЕЭ-I 1997, 270-276; Аманж.2003, 119-121.

Наличие тамги. Тамга на памятнике отсутствует.

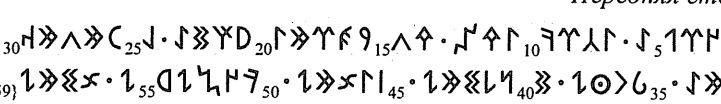
Характеристика содержания текста. Эпитафия в честь Тёр-апы, служившего в чине *ичреки* (что-то вроде министра двора, см. подробнее в ч. IV). В отношении нашего прежнего суждения, высказанного в первой книге [ТЕЭ-I, 274], о том, что имя собственное Тёр-апа принадлежит патрону или скорее патронессе мемориантa, знатной владетельной даме, поскольку обычно *апа* – обозначение и обращение к старшим по возрасту и положению женщинам, – от этого суждения теперь, после анализа всех употреблений данного слова, включая его новое прочтение в Е-41$_8$ (см. выше, ч.I) мы отказываемся в пользу традиционного понимания Тёр-апы как имени самого мемориантa, восходящего к первому переводу академика В.В.Радлова [AIM, 315]. После ряда коррекций содержание рассказа Тёр-апы о своем долгом жизненном пути становится во многих отношениях ясным. С пятнадцати лет он ходил походами на Китай для захвата добычи, и в данной надписи конкретизация состава добычи не оставляет сомнений в том, что под словами ärdäm ‘доблесть’ и qazγan- ‘добывать’, которыми обычно ограничиваются жизнеописания эпитафийных героев, следует подразумевать военные рейды с целью захвата материальных ценностей, скота, а также увода людей, преимущественно женщин, в рабство. Другим жизненным занятием мемориантa была охота. И здесь редкая конкретика в

Türk Dilleri Kütüphanesi

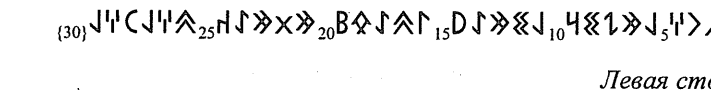
тексте: Тёр-апа охотился на волков, причем не так много он и убил – всего семь, очевидно это сугубо личный счет в строю облавы, но он воздерживался, – вероятно, из каких-то тотемистических представлений, – от охоты на животных других видов, – барсов и разновидность оленей – кёкмеков. В этой надписи весьма широк список адресатов прощания мемориата: родина – земля и вода, т.е. реки с озерами, народ в целом и родственники; по-новому раскрыты категории соратников – друзья, спаянные клятвой, и добрые товарищи, не связанные клятвой, – но на первом месте находится супруга, с которой он прожил более полувека и на которой мемориант женился еще в пятнадцатилетнем возрасте.

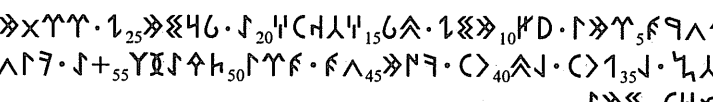
Запись текста рунами

Передняя сторона

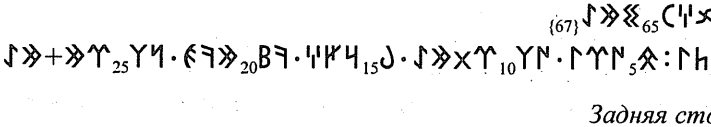
(1)

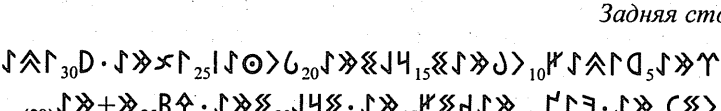

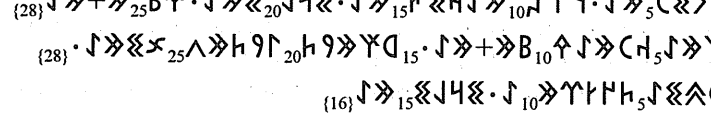
(2)

Левая сторона

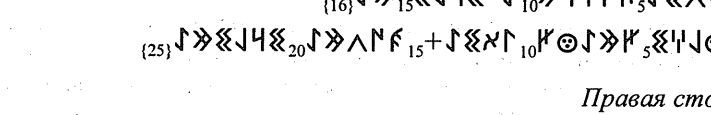
(3)

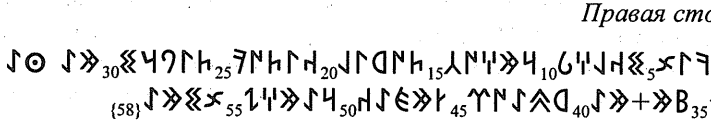

(4)

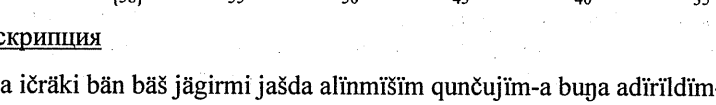
Задняя сторона

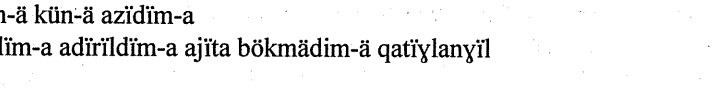
(5)

(6)

(7)

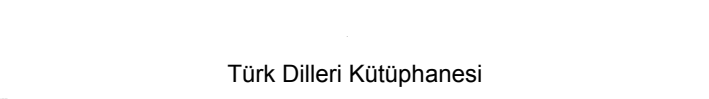

(8)

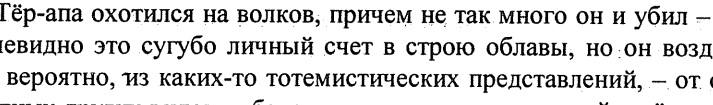

(9)

Правая сторона

(10)

Транскрипция

(1) tör apa ičräki bän bäš jägirmi jašda alïnmïšïm qunčujïm-a buŋa adïrïldïm-a äsizim-ä kün-ä azïdïm-a

(2) üč oγlïm-a adïrïldïm-a ajïta bökmädim-ä qatïγlanγïl

Türk Dilleri Kütüphanesi
(3) bäš jägirmi jašïmda tabγač qanγa bardïm-a ar ärdämim üčün alpun altun kümüšig ägritäbä eldä kiši qazγandïm-a
(4) jäti böri ölürdim-ä barsïγ kökmäkig ölürmädim-ä
(5) järim-ä ajïta subum-a adïrïldïm-a buŋ-a äsizim-ä ajïta
(6) bodunïm-a kinim-ä qadašïm-a adïrïldïm-a bökmädim-ä
(7) elim-ä qanïm-a bökmädim-ä jašïm jäti jätmiš azïdïm-a
(8) jatda tüŋürim-ä adïrïldïm-a
(9) antlïγ adašïm-a antsïzda ädgü äšim-ä adïrïldïm-a
(10) säkiz adaqlïγ barïmïγ üčtü jïlqï tükäti bardïm-a aŋa bökmädim-ä jïta örüŋümgä qaramγa azïdïm-a

Перевод

(1) Я – *ичреки* (министр двора) Тёр-апа. О, моя супруга, взятая мною (в замужество) в пятнадцать лет, – печально, я разлучен (с тобой)! Как жаль мне, о, солнце луна, – я перестал (вас) видеть!
(2) О, три моих сына, – я отделился (от вас), как грустно – я не насладился (вами), крепитесь, (сыновья)!
(3) С пятнадцати лет я ходил на табгачского хана (т.е. в Китай). Благодаря моей доблести мужа-воина отвагой приобрел я золото и серебро, верблюдов, наложниц.
(4) Я убил семь волков, а барсов и кекмеков я не убивал.
(5) О, земля моя, – грустно! О, реки и озера мои, – я отделился (от вас), печально, как жаль мне, как грустно!
(6) О, мой народ, мои сродственницы и мои сородичи, – я отделился (от вас), я не насладился (вами)!
(7) О, мое государство, мой хан, – я не насладился (вами). Мой возраст – шестьдесят семь (семьдесят семь – ?) лет, и я перестал ощущать (жизнь)!
(8) О, мои свойственники в дальних краях, – я отделился от вас!
(9) О мои друзья, связанные клятвой, и мои добрые товарищи, не связанные клятвой, – я отделился (от вас)!
(10) Я покинул (свое) восьминогое имущество (т.е. юрты), весь свой скот трех видов, и этим я не насладился! Печально, – я перестал видеть мое белое (юрты) и мое черное (скот).

Дополнения и исправления

К строке 10. Если Малов интерпретировал слова "мое белое – мое черное" как формы винит. пад., считая знаки для ʃ : а словоразделителями, то я, сохраняя здесь понимание С.Е.Малова форм винит. пад., предложил *-а* считать вокативными частицами после винит. пад. и афф. принадл. (örüŋ-üm-ig-ä qara-m-ïγ-a) [Корм.ТЕЭ-I, 276]. Думаю следует вренуться к чтению этих слов у А.М.Щербака в формах дат.пад.: örüŋ-üm-gä qara-m-γa [Щербак 1970, 118], поскольку в близком по времени и стилю тексте $E\text{-}45_6$ глагол azïdïm "я перестал ощущать" управляет дательным, а не винительным падежом.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-12 (Алдыы-Бель, Тува)

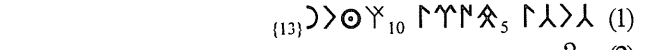
Нынешнее местонахождение. На месте первоначальной установки – урочище Алдыы-Бель на правом берегу Верхнего Енисея, западнее г. Кызыла ок.120 км.

Публикации. ФАтлас 1889, табл. VII; Radl.AIM-3 1895, 317; РАтлас III 1896, табл. LXXIX, 5; Orkun III 1940, 53-54; Мал.ЕПТ 1952, 34-35; Батм.-Кунаа III, 15-16; Вас.КЕР 1983, 20, 60; Aalto-Granö 1991, 53-54; Корм.ТЕЭ-I 1997, 180-183.

Наличие тамги. На северной грани стелы, под строкой текста, состоящей из имени и титула, выбита тамга одного из двух западно-тувинских типов – "две дуги с перекладиной", без диакритических черт, что идентично тамгам при надписях Е-14 и Е-19: ⟩⟨.

Характеристика содержания текста. Сохранившиеся две из трех строк надписи (причем, третья неполностью) содержат имя и титул мемориата: генерал Чочы Бёри, – а также (в третьей строке) адресаты прощания покойного – вода и земля, река Кем (Енисей), солнце и луна, – те, что обычно следуют после адресатов близких людей – супруги, сыновей и т.д., которые здесь могли находиться на второй, полностью стершейся строке надписи. Характер сохранившихся слов не оставляет сомнений в том что они составляли краткую эпитафию.

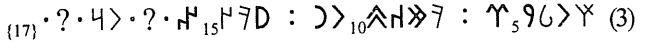
Запись текста рунами

(1)

(2)

(3)

Транскрипция

(1) čočï : böri : saŋun

(2) …

(3) sub jär käm qatun aj kün…

Перевод

(1) [Я –] Чочи Бёри-сангун

(2) ...

(3) Реки – озера и земля, госпожа-река Кем, солнце и луна...

E-13* (Чаа-Холь I, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №33.

Публикации. ФАтлас 1889, табл. VIII; Radl.AIM-3 1895, 318–319; РАтлас III 1896, табл. LXXXVI, 1–5; Orkun III 1940, 115–116; Мал.ЕПТ 1952, 35–36; Батм.-Кунаа II, 28–31; Вас.КЕР 1983, 20–21, 61, 92; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Характеристика содержания текста. Надпись представляет собой эпитафию, приписываемую в виде прямой речи самому мемориантy, прощающемуся с супругами и сыновьями и неоднократно, в том числе на самом первом месте текста – с сородичами. Мемориант нигде не обозначает себя по имени, но называет имя своего отца: Исиг Бильге Чигши, – в котором *чигши* – должностной титул. Если слово *бильге* 'мудрый' – определенно эпитет-гонорификатор, то *исиг* – букв. "горячий", являлось в буддизме синонимом жизни, а все вместе Исиг Бильге-чигши могло иметь смысл "жизненно мудрый *чигши*", и было, вероятно, не именем, а почетным именованием батюшки мемориантa. Отсутствие имени мемориантa на фоне упоминания имени отца говорит, скорее всего, о том, что мемориант, будучи, видимо, в среднем возрасте (судя по количеству сыновей – 8), умер еще при жизни отца. При этом, конечно, должностной статус отца был значительно выше должности сына, почему о деяниях покойного и нет речи в надписи. Но вот почему вместо этого подчеркивается служба "государству сородичей-*кадашей*" понять можно: поскольку пост *чигши* предполагает делегирование этого чиновника из центра, можно думать, что отец мемориантa-*чигши* и его покойный сын, были если не из правящего клана, к которому относился хан, то к родственному с ним клану, охватывавшемуся понятием сородичи-*кадаши*. При этом, в эпитафии не пропущено упоминание и непосредственного начальника отца мемориантa – правителя области (какой-то части древней Тувы) *оге*, который характеризуется тоже как *эльчи*, т.е. присланный из центра. Но входил ли *оге* в число сородичей мемориантa и его отца, в тексте не проясняется. Итак, текст Е-13 представляет собой эпитафию сыну чиновного лица *чигши* из метрополии, погибшему, когда его отец, судя по всему, был жив.

Текст Е-13 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.32-33.

Е-14 (Чаа-Холь II, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. Radl.AIM-3 1895, 319–320; РАтлас III 1896, табл. LXXXVII, 1–2; Orkun ETY III 1940, 116–117; Мал.ЕПТ 1952, 37; Батм.–Кунаа I 1963, 15–17; Вас.КЕР 1983, 21, 61, 93; Aalto–Granö 1991, 35; Корм.ТЕЭ-I 1997, 183–185.

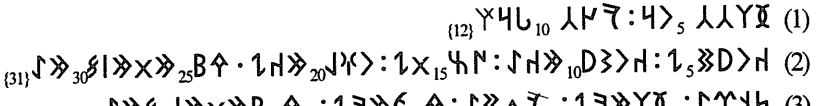
Наличие тамги. Под начальной строкой текста, состоящей из имени и титула (аналогично надписи Е-12), выбита тамга западно-тувинского типа "две дуги с перекладиной", без диакритических черт, идентичная тамге при трех надписях – Е-12, Е-14 и Е-19:)–(.

Характеристика содержания текста. Обозначенные нами в качестве 3 и 4 строк совершенно стершиеся знаки на широкой грани стелы могли не относиться к данному тексту, а быть следами сознательно уничтоженной

Türk Dilleri Kütüphanesi

предшествующей надписи (см. подробнее [Корм.ТЕЭ-I 1997, 184]). В пользу этого говорит, на наш взгляд, строгий грамматический параллелизм двух заключительных строк надписи, открывшийся после предложенных нами коррекций состава букв в них [там же]. В установленном виде текст E-14 ощущается вполне законченным, в связи с чем мы отказываемся от обозначения предположенных нами строк 3 и 4 в пользу структуры надписи из трех строк, как это было у Радлова, Оркуна и Малова, не отказываясь, конечно, от внесенных туда поправок. Эпитафия в честь Эльчи Чор Кюч Барса, составленная в 1-м лице, т.е. вложенная в уста покойного, лаконична: он прощается с семьей – супругой/супругами и законными (кровными) сыновьями, а также с государством и беком. Интерес с точки зрения получения дополнительной информации вызывает семантика имени мемориантa и статус бека. Начнем с последнего. Из соотнесенности двух выражений "божественное/богохранимое государство" и "бек во главе" выходит, что под беком имеется в виду глава этого государства, который в большинстве других надписей обозначается как хан. В имени мемориантa *чор* – наследственный и должностной титул, дававшийся молодым людям, которым предстояло занять высшие посты в государстве, т.е. 'наследный принц', 'принц', 'инфант'; *эльчи* означает присланный, командированный из центра; *барс* отражает, по всей очевидности, неоднократно проходящее по енисейским памятникам и известное еще из надписи в честь Кюль-тегина родовое имя (фамилию) правителей кыркызского каганата и ставшее вместе с эпитетом *кюч* 'сила' собственным почетным именованием мемориантa.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) elči čor küč bars
(2) qujda qunčujïmqa özdä oγlïmqa bökmädim äsizim-ä
(3) täŋri elimkä bašda bägimkä bökmädim äsizim-ä

Перевод

(1) [Я –] Эльчи-чор Кюч Барс.
(2) Моими супругами в женских покоях, моими кровными сыновьями я не насладился, – о, жаль мне!
(3) Моим божественным государством, моим беком во главе [государства] я не насладился, – о, жаль мне!

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-16* (Чаа-Холь IV, Тува)

Нынешнее местонахождение. Финляндия, Хельсинки, Национальный музей, хранилище в г.Сеппя.

Публикации. ФАтлас, табл.XII; Radl.AIM-3 1895, 320-321; Orkun ETY III 1940, 118–119; Мал.ЕПТ 1952, 38–39; Вас.КЕР 1983, 21, 61, 93; Aalto–Granö 1991, с.38–40; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Внизу, под началом первой строки выбита тамга западно-тувинского типа "дуга над крюком, повернутым влево", с диакритикой – "двумя вертикальными короткими черточками внутри дуги": 𐰚, – полностью идентичная тамге при надписи E-1.

Характеристика содержания текста. Эпитафия в честь правителя области *тутука*, обладавшего также званием военачальника в ранге *урунгу*, составлена от его имени, т.е. от 1-го л.ед.ч. Присутствуют традиционные адресаты прощания – супруга (~ супруги), два сына (по малочисленности сыновей, можно думать, что одна супруга), божественное государство с беком во главе, сородичи – судя по числу "тысяча", в категорию *кадашей* попадает все племя, – и нетрадиционный, редкий адресат – дочь, с эпитетом "единственная", чем, надо думать, подчеркивается ценность дара мемориантa и его племени племени последнего, но, видимо, очень важного адресата прощания, который обозначен словом qazïŋ и в котором мы предположительно видим тестя этой дочери мемориантa.

Текст E-16 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.36.

E-17 (Чаа-Холь V, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. ФАтлас, табл.XIV; Radl.AIM-3 1895, 324; Orkun ETY III 1940, 119–120; Мал.ЕПТ 1952, 39–40; Вас.КЕР 1983, 21, 62, 93, 94; Aalto–Granö 1991, 36–37; Корм.ТЕЭ-I 1997, 155–156.

Наличие тамги. На лицевой грани стелы, под строкой с именем мемориантa, выбита тамга одного из подтипов западно-тувинского типа "дуга над крюком, повернутым влево", с диакритикой – "горизонтальной чертой внутри дуги", идентичная тамге при надписи E-92: 𐰚 .

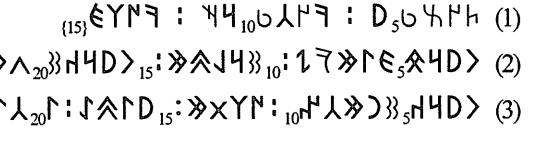
Характеристика содержания текста. Надпись посвящена Тюз Бай Кюч Барс Кюлюгу, в имени которого компоненты Кюч Барс – букв. "сила-барс", одинаковы с такой же частью имени мемориантa надписи E-14 – Эльчи-чор Кюч Барса (правда, с иной тамгой у этого мемориантa). Имя Барс встречается в нескольких енисейских памятниках и известно еще из надписи в честь Кюль-тегина, причем повторяемость его в разных надписях говорит о том, что перед нами скорее родовое (фамильное), чем личное имя правителей кыркызского каганата. Первые же компоненты имени мемори-

Türk Dilleri Kütüphanesi

анта Е-17 *Тюз Бай* имеют нарицательные значения ‘правильный; справедливый’ и ‘богатый’, что и составляло, видимо, проприальную часть этого имени. Эпитет *Кюлюг* ‘славный, знаменитый’ скорее относился к "фамильной" части имени Кюч Барс, одинаковой в надписях Е-14 и Е-17.

Адресатами прощания мемориантa являются знатные (могущественные) бек и сородичи, которые открывают[5] этот краткий перечень, а завершают представители родни жены – тесть и шурин. По-видимому, положение тестя мемориантa было весьма высоким, если мемориантy приписывается "смерть ради моего тестя". Следующий адресат: ičim jurčïm, – возможно, не две категории родственников, как думали все издатели, но именно шурин, которого мемориант квалифицирует как старшего по отношению к себе. Основанием для такого заключения служит нахождение слова ičim ‘мой старший брат’ между упоминаниями тестя и шурина, т.е. вкрапление собственной родни внутри родни жены представляется маловероятным, тем более, что эти родственники были упомянуты ранее, сразу после бека. Судя по тувинскому *чуржу* – младшие брат или сестра жены, – термин ičim "мой старший брат" не сочетается с понятием "младший", если только в этом нет преувеличенно-почтительного отношения к шурину как представителю влиятельного рода.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) tüz baj küč bars külig
(2) ujar bägimkä adïrïltïm ujar qadašïmqa adïrïltïm ...
(3) ujar qadïnïm üčün öldim ajït-a ičim jurčïm ...

Перевод

(1) [Я –] Тюз Бай Кюч Барс Кюлиг.
(2) С моим знатным беком я разлучился, с моими знатными родичами я разлучился…
(3) Я погиб ради моего знатного тестя, как грустно! Мои старшие родственники, мои младшие родственники со стороны жены…

---

[5] Этот вопрос связан с принятием той или иной последовательности двух строк на боковой грани: Радловым и вслед за ним Оркуном и Маловым принят обычный порядок справа налево, так что смежная с лицевой стороной строка правой стороны (о знатном беке) оказывалась третьей. Мы обсуждали этот вопрос палеографически и пришли к выводу о реверсивном порядке строк на боковой грани, так что строка о беке, по нашему мнению, – вторая. К сожалению, в печатном тексте измененный нами порядок верно отражен только в представлении текста рунами, а в остальных видах представления – транслитерации, транскрипции и переводе, – по недосмотру сохранился прежний, радловско-маловский порядок строк [Корм.ТЕЭ-I 1997, 156] .

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-18* (Чаа-Холь VI, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. ФАтлас, табл.IX; Radl.AIM-3 1895, 322; РАтлас III 1896, табл. LXXXVII, 3; Orkun ETY III 1940, 122; Мал.ЕПТ 1952, 40; Вас.КЕР 1983, 22, 62, 93, 94; Aalto–Granö 1991, 34–35; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Недостоверные следы тамги западно-тувинского типа "дуга над крюком, повернутым влево", без диакритических черт внутри дуги: ᛘ, – идентичной тамге при надписях E-21, E-61 и др. [Корм.ТЕЭ-I 1997, 136].

Характеристика содержания текста. Надпись в форме прямой речи от 1-го л.ед.ч. содержит эпитафию-прощание бека из клана Барсов со своей семьей и близкими – супругой, младшими и старшими братьями, соратниками и сородичами, сыном (или сыновьями), по поводу наступившей разлуки с которыми мемориант высказывает печаль и сожаление.

Текст E-18 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.40–41.

E-19 (Чаа-Холь VII, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №35.

Публикации. ФАтлас, табл.X; Radl.AIM-3 1895, 322–323; РАтлас III 1896, табл. LXXXVII, 4; Orkun ETY III 1940, 121, 126, 129; Мал.ЕПТ 1952, 41; Вас.КЕР 1983, 22, 62, 94; Корм.ТЕЭ-I 1997, 185–187.

Наличие тамги. Внизу, у земли, перед началом строки с именем мемориантa, выбита тамга "две дуги с перекладиной", без диакритических черт, идентичная тамге при надписях E-12 и E-14: ᚦ᛫ᚲ.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена беку в звании-должности *чигши*, которое вместе с эпитетом *кутлуг* "счастливый" составило его официальное имя. *Кутлуг-чигши* либо участвовал в суровых войнах, либо даже был убит на одной из них. Из адресатов прощания указаны только государство и простой народ. Либо мемориант был неженатым человеком, либо прощание с семьей содержалось в несохранившейся части надписи.

Запись текста рунами (слева направо с зеркально перевернутыми рунами правостороннего развертывания[6])

(1) ᚺᚲᛟᛦᚳᛘ : ᚴᛚᛖ$_{10}$ᚢᛚᛏᛇᛦ:ᚺ$_{15}$ᛕᚨᛞᚠᛚ$_{20}$ᛕᛚ {21}

(2) ᛝᛉᛕ[ᚺ]·?· {3}

(3) ᚺᚨᛚ ᛃ$_{5}$ᚲᛯᚲᚳᛕ$_{10}$ᛚ: ᛞᛚᛟᛚ$_{15}$ᛁᛚᛋᛕᛚ {19}

---

[6] См. об этом выше, часть I, с.37–39, при разборе палеографии E-18.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) qutluγ čigši bän qadïr jaγïda
(2) eliM [q]...
(3) qara bodunïm-a ajïta äsizim-ä

Перевод

(1) Я - Кутулуг Чигши. (Я пал) в жестокой войне.
(2) Мое государство, ...
(3) О, мой простой народ, – горько, жаль мне!

E-20 (Чаа-Холь VIII, Тува)

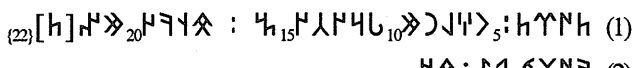
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. ФАтлас, табл.XI; Radl.AIM-3 1895, 323; РАтлас III 1896, табл. LXXXVII, 5; Orkun ETY III 1940, 121, 126, 129; Мал.ЕПТ 1952, 41; Батм.–Кунаа I 1963, 21–22; Вас.КЕР 1983, 22, 62, 94; Корм.ТЕЭ-I 1997, 185–187; Аманж.2003, 124.

Наличие тамги. Внизу, перед началом строк надписи крупно выбита тамга "две дуги с перекладиной", с диакритической чертой "вертикальный штрих при перекладине": ᚹᛦᚳ. Это – единично зафиксированный подтип тамги. Вместе с тремя случаями тамги основного рисунка без диакритических черт встречается в узком ареале чаа-хольских надписей в западной части Верхне-Енисейской котловины.

Характеристика содержания текста. Эпитафия, согласно нашему предположению [Кормушин 1986; Корм.ТЕЭ-I, 187–189], посвящена высокопоставленной женщине, матери четверых сыновей, что, как мы думаем, и послужило мотивом для установки ей памятника. Имя, под которым упоминается мемориант – Кюлюг-апа, – состоит из компонентов с нарицательным значением "прославленный /-ая, знаменитый / -ая" и "старшая сестра, женщина преклонных лет".

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) tört oγlanïm bar üčün bäŋkümin t[ikti]
(2) külig apa bän

Перевод

(1) Из-за того, что у меня четверо сыновей, [водрузили] мне памятник.
(2) Я– Кюлюг-апа.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-21 (Чаа-Холь IX, Тува)

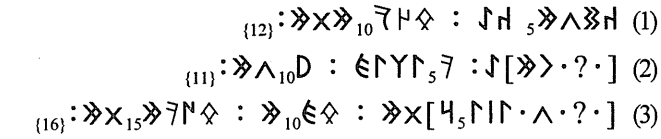
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. ФАтлас, табл.XIII; Radl.AIM-3 1895, 324; Orkun ETY III 1940, 122, 126, 129; Мал.ЕПТ 1952, 42; Вас.КЕР 1983, 22–23, 62, 95; Aalto–Granö 1991, 43; Корм.ТЕЭ-I 1997, 137–139.

Наличие тамги. Внизу, перед началом строк надписи крупно выбита западно-тувинская тамга "дуга над крюком", основной тип, без диакритических черт: 𐰴.

Характеристика содержания текста. Краткая эпитафия от имени сорокадвухлетнего мемориата, который адресуется с сожалениями к сородичам и беку. Ни его служебное, ни семейное положение никак не раскрыты.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) qadašïmqa bökmädim
(2) äki älig jašïm
(3) …dim : bägim bökmädim

Перевод

(1) Моими родичами, – я не насладился.
(2) О, мои … . Мой возраст – сорок (пятьдесят-?) два года.
(3) Я…; мой бек, – я не насладился.

E-22 (Чаа-Холь X, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. ФАтлас, табл.XV; Radl.AIM-3 1895, 324; Orkun ETY III 1940, 123; Мал.ЕПТ 1952, 42–43; Вас.КЕР 1983, 23, 62, 96; Aalto–Granö 1991, 44–45; Корм.ТЕЭ-I 1997, 150–152.

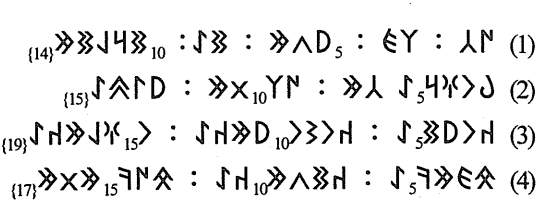
Наличие тамги. Внизу, перед началом двух строк на одной из сторон стелы, выбита тамга западно-тувинского типа "дуга над крюком", с диакритичекой чертой "дужка над левым концом дуги": 𐰴. Идентичный подвид тамги зафиксирован также в E-23.

Характеристика содержания текста. Эпитафия человеку, умершему в возрасте сорока трех лет, ни имени, ни звания-чина его не сообщается, но из его адресования к старшему брату (или младшему дяде) известно имя /

Türk Dilleri Kütüphanesi

прозвище родича-сюзерена – Богра "верблюд-самец" (правда, лучше было бы, если бы родственный термин был бы в препозиции к прозвищу). После старшего брата мемориант адресуется с сожалениями о своей смерти к супруге, сыновьям, беку и сородичам.

Запись текста рунами[7]

Транскрипция

(1) üč älig jašïmda adïrïldïm
(2) boγra äčim öldim ajït-a
(3) qujda qunčujïmqa oγlïmqa
(4) bägimkä qadašïmqa bökmädim

Перевод

(1) В мои сорок (пятьдесят – ?) три года я отделился.
(2) Мой старший брат Богра! – я умер, о горе!
(3) Моими супругами в женских покоях, моими сыновьями,
(4) Моим беком, моими родичами, – я не насладился.

E-23 (Чаа-Холь XI, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. ФАтлас, табл.XVI; Radl.AIM-3 1895, 325; Orkun ETY III 1940, 124; Мал.ЕПТ 1952, 43; Вас.КЕР 1983, 23, 62, 96; Aalto–Granö 1991, 41–42; Корм.ТЕЭ-I 1997, 152–155.

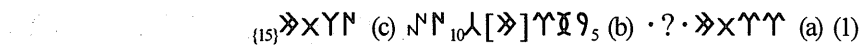
Наличие тамги. Внизу, перед началом строки с крупными буквами, выбита одна из разновидностей тамги западно-тувинского типа – "дуга над крюком", с диакритикой, практически идентичная тамге при E-22:

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена беку, личное имя которого сохранилось на стеле неполностью: гонорификативные слова в конце словосочетания из четырех, кажется, слов – ... Исиг Ынал, указывают на его благородное происхождение. Он погиб во имя своей доблести и ради родной земли в возрасте тридцати девяти лет. Адресатами скорби покойного указаны государство и правящий бек.

[7] В [Корм.ТЕЭ-I, 152] передача слова öldim из второй строки в транслитерации и транскрипции представлены с ошибкой (как sülädim), но верно в написании рунами.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) är ärdäm[im] jerim üčün öldim
(2) ač to... isig ïnal elimkä bägimkä bökmädim
(3) toqquz qïrq jašïmda elim üč[ün] ...

Перевод

(1) Я погиб во имя своей доблести мужа-(воина), ради моей земли.
(2) [Я –] Ач То... Исиг Ынал, моим государством, моим беком – я не насладился!
3) В мои тридцать девять (сорок девять –?) лет ради моего государства...

E-25 (Означенное I, Хакасия)

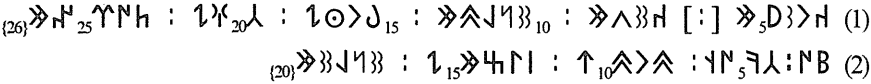
Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №30.

Публикации: ФАтлас, табл.XVIII; Radl.AIM-3 1895, 327–328; РАтлас III 1896, табл. LXXXI, 2, LXXXVIII; Orkun ETY III 1940, 163–165; Мал.ЕПТ 1952, 45–47 + вклейка фото; Субр.–Батм. 1970, 48–52; Вас.КЕР 1983, 23, 62, 96; Корм.ТЕЭ-I 1997, 33–40.

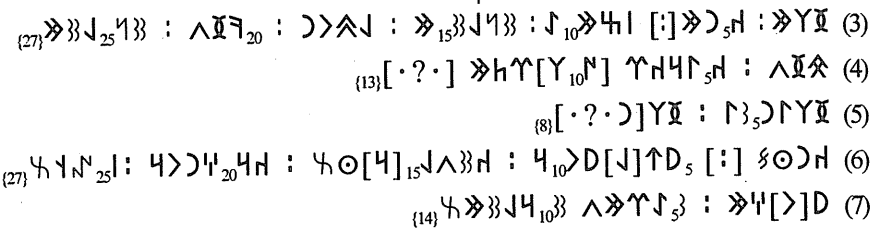
Наличие тамги. Внизу, перед началом трех строк на одной из широких сторон стелы, выбита тамга одного из двух типов, встречающихся на памятниках с территории Хакасии – "угол, вписанный снизу в часть окружности": . Идентична тамгам при надписях E-48 и E-104.

Характеристика содержания текста. Эпитафия управляющему какой-то областью государства – *тутуку*, по имени *Кю Чекюнг*, который адресуется с сожалениями по поводу своей кончины к государству и хану, а также к почетному золотому колчану, которым мемориант был награжден, видимо, за свой внушительный ратный счет – тридцать пять убитых им воинов врага. Текст данной эпитафии, как и ряда других с территории Хакасии, характеризуется своеобразной полифонией – вплетением в основную канву эпитафии, состоящую из фраз от лица покойного, фраз от имени живых.

Запись текста рунами

Türk Dilleri Kütüphanesi

(1) qunčujïm qadašïm adïrïltïm buŋa ačïγ-a töränim
(2) kü čäküŋ tutuq äsizim-ä adïrïldïm
(3) elim qanïm äsizim-ä adïrïldïm altun keš adïrïldïm
(4) beš qïrq är ölürtim ...
(5) el ïnančï el²n¹(?) ...
(6) qanïŋïz joq[l]ajur qadašla[r]ïŋïz qarγanur säniŋiz
(7) j[o]γïm anča ärmiš adïrïldïmïz

Перевод

(1) Мои супруги, мои сородичи, – я разлучен (с вами), печально, горько! Мои родичи-свойственники!
(2) [Я] – знаменитый Чекюнг-тутук, – о, жаль мне, – я разлучился (с вами)!
(3) Государство, к которому я принадлежал, мой хан, – о, жаль мне, я разлучен (с вами)! Золотой колчан [мой] – я разлучился (с тобой)!
(4) Я убил (в своей жизни) сорок пять воинов (врага).
(5) [Мое звание] – доверенный государственный [муж] ...
(6) Ваш хан ощущает потерю Вас, а Ваши соратники клянут себя в Вашей (смерти).
(7) Такова была моя тризна. [Теперь] мы разлучились!

E-26* (Очуры, Хакасия)

Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №32.

Публикации: ФАтлас, табл.XIX; Radl.AIM-3 1895, с. 328–330; РАтлас III 1896, табл. LXXXIX, 1–2; Orkun ETY III 1940, 133–137; Мал.ЕПТ 1952, 47–51; Субр.–Батм., 44–47; Вас.КЕР 1983, 24, 64, 102; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Эпитафия посвящена *оге* – премьер-министру *эля*-государства, который в дополнение к *оге* называет себя *иригом* с обобщенно-почетными эпитетами *доверенный* и *мудрый*. Мемориант от 1-го лица сообщает о своей смерти, называя себя при этом по титулам и званиям. Сохранилось начало рассказа о жизненных деяниях: с семнадцати лет он уже участвовал в завоевательных походах. Мемориант ха-

рактеризует это время как "бесконечное" [illegible]ненное войной и охотой с ловчими птицами. Для этой последней он доставлял на родину черных соколов. Завершается надпись "древнекыркызской полифонией", переплетением реплик покойного с репликами от лица оставшихся его подчиненных и соратников: следует сентенция автора надписи о том, что покойный как безупречный воин был примером для тысяч рядовых воинов, контрапунктом которой оказывается сожаление мемориантa о том, что пора лихих захватов для него закончилась; следует заявление о безутешности близких соратников и личной дружины мемориантa, которому мемориант вторит сожалением о расставании с любимым войском, набранном, как мы можем полагать из получающегося текста, из его собственного этноса – объединения "Десяти племен Черных Кёкмюшей".

Текст Е-26 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.17–19.

Е-27 (Оя, Хакасия)

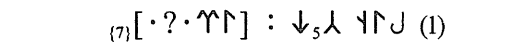
Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №31.

Публикации. ФАтлас, табл.XX; Radl.AIM-3 1895, с. 331; РАтлас III 1896, табл. LXXX, 2a, 2b, XC, 1–2; Orkun ETY III 1940, 157–159; Мал.ЕПТ 1952, 51–52 + вклейка фото; Субр.–Батм. 1970, 13–17; Вас.КЕР 1983, 24, 64, 102; Корм.ТЕЭ-I 1997, 60–63.

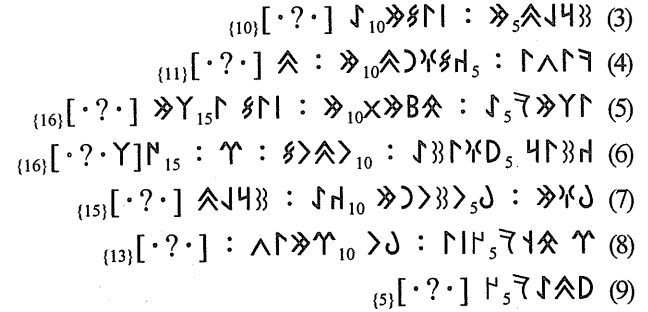
Наличие тамги. Внизу, перед началом строк 1–4, посередине, выбита тамга одного из двух типов, встречающихся на памятниках с территории Хакасии – "две дуги со штамбами, закругленными и перекрещенными внизу: .

Характеристика содержания текста. Надпись сохранилась неполностью, т.к. отбита и утрачена верхняя часть массивной стелы с концами всех строк. Возможно, начало 1 строки сохраняет имя или часть имени мемориантa – Бынг Ачук. Из адресатов прощания надпись сохранила супругу или супруг (2 строка), государство (5 строка), союзные племена и родной народ (строка 7). Мемориант гордится своими ратными деяниями: он захватывал в полон людей, а его послужной список – тридцать убитых им воинов врага. Заключительная фраза от лица покойного: "таков вечный памятник мужу-воину", – на уровне внетекстовых значений передает удовлетворение покойного тем, как почтили его память праздничным собранием родни и близких и сооружением стелы с надписью.

Запись текста рунами

Türk Dilleri Kütüphanesi

(1) bïŋ ačuq i...
(2) qujda qunčuj ...
(3) adïrïltïm äsizim-ä...
(4) kiši qazγantïm t ...
(5) ilimkä bökmädim äsiz ilim...
(6) qadïr jaγïda otuz är ö[lürtim]...
(7) baγïm bodunïmqa adïrïlt[ïm]...
(8) är bäŋküsi bu ärmiš...
(9) ajïta kü...

Перевод

(1) [Я –] Бынг Ачук...
(2) (Мои) супруги в женских покоях ...
(3) Я разлучился (с вами), о жаль мне, ...
(4) Я добывал наложниц ...
(5) Я не насладился моим государством. Мое государство, – о жаль, ...
(6) В жестоких войнах [я убил] тридцать мужей-воинов [врага] ...
(7) С моим народом моего удела я разлучился ...
(8) Таков вечный памятник мужу-воину ...
(9) Как больно, ...

Е-28 (Алтын-Кёль I, Хакасия)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №27.

Публикации. ФАтлас, табл.XXI; Radl.AIM-3 1895, 332–336; РАтлас III 1896, табл. XC, 3–4, XCI; Orkun ETY III 1940, 11, 101–111; Мал.ЕПТ 1952, 52–55; Субр.–Батм. 1970, 24–29; Вас.КЕР 1983, 25, 64–65, 102–103; Корм.ТЕЭ-I 1997, 63–66, 74–90.

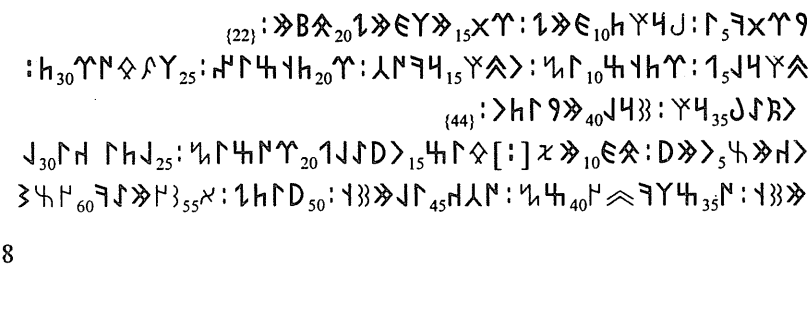
Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена Элиг Бёрт Опа Барсу, т.е представителю правящего клана кыркызов – Барсов, неоднократно проходящему в качестве имен или составных частей имен мемориантов различных енисейских эпитафий. Мемориант Е-28, по его словам, не насладился принадлежностью к роду Барсов и своей отвагой, т.е. главным своим занятием – военными походами, в которых он принимал участие и руководил как представитель княжеского рода. Как и в ряде других надписей с территории древней Хакасии – Е-25, Е-26 и др., используется прием своеобразной полифонии – в основную канву эпитафии, состоящую из фраз от лица покойного, вплетены отдельные фразы от имени живых, имеющие обращение к покойному и содержащие восхваления его как воина и охотника (строка 2). В 9, заключительной строке надписи качества охотника отмечены поэтической метафорой (нашедшей параллель в надписи Е-48): остающиеся в живых обращаются к фауне родины мемориантa – черни Золотая Сонга, персонифицированно, через газелей, с призывом-констатацией возможности их размножения, поскольку бывший для них реальной угрозой мемориант – скрытая характеристика: первейший охотник, – теперь ушел из жизни. Покойный сам сообщает о своей гибели, когда он вступил в схватку с превосходящим противником. Тут же ему вторит укор живых родственников: Вы взвалили на нас огромную ношу печали. Называется число близких родственников, видимо, братьев – четверо, и единственный раз в енисейских надписях упомянут владыка подземного мира Эрклиг (хорошо известный из этнографии сибирских тюркских и монгольских народов), как разлучник, т.е. причина смерти.

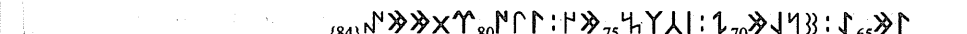
Надписи Е-28 и Е-29, из одного места в Хакасии, имеют ярко выраженные особенности, отличающие их от других енисейских стел в иконографическом и текстологическом отношениях. Памятники близки по материалу и форме стел, расположении строк на их поверхности, и эта особенность не повторяется более нигде. Так же, как уникален для их текстов пассаж "десять (лунных) месяцев носила меня мать". Л.Кларком было высказано предположение о принадлежности стел с надписями братьям. В надписи Е-29 нами опознано слово "близнец", следовательно двое из четырех упомянутых братьев – близнецы. Причем, мемориант Е-28, видимо, старший из близнецов и умер позже, поскольку именно он упоминает о разлуке четырех братьев.

Запись текста рунами

118

Türk Dilleri Kütüphanesi

(1) järdäki barstigim-ä ärdämligim-ä bökm ÷

(2) atsar alp ärtiŋizin utsar küč ärtiŋizin älig bört opa bars adïrïlïm ajïtu

(3) uqïmïz umaj bägimiz biz uja alp är özin altï qïlmadïŋ özläk at özin üč qïlmadïŋ ajïta äzinčüm-ä közünčim-ä adïrïlïm-a säčlänimü ijürdim män

(4) on aj iltdi ögim-ä kälürti ilimkä ärdäm üčün män ärlädim-ä

(5) ilim ökünčüŋä qalïn jaγïqa qajmatïn tägipän adïrïldïm-a ajïta

(6) iniŋizkä ičiŋizkä ingän jüki ilz (?) tüšürtiŋiz

(7) är är<d>äm üčün inim äčim ujarïn üčün bäŋgümin tikä bärti

(8) törtinligü ärtimiz bizni ärklig adïrtï ajïta

(9) altun soŋa jïš käjiki artγïl tašγïl atdačï opa barsïm adïrïlu bardï ajïta

Перевод

(1) Тем, что на земле я принадлежал (к роду) Барс и обладал отвагой, я не насладился!

(2) Вы были разящим стрелком [на охоте] и сильным (богатырем), побеждающим [в единоборстве]! Элиг Бёрт Опа Барс – о разлука, о горе!

(3) Наша прародительница, госпожа наша Умай, Ты не сотворила нас, сородичей – отважных мужей с шестью (конечностями), наших верховых коней Ты не сотворила о трех (ногах). О мои трофеи, о мои сокровища – я разлучился, развязался (с этим миром), я передал [их].

(4) Десять (лунных) месяцев носила (меня) мать, принесла моему государству, для доблести я возмужал.

(5) К скорби моего государства, не взирая на многочисленность врагов, я вступил в схватку и разлучился (с этим миром), – о горе!

Türk Dilleri Kütüphanesi
(6) На Ваших младших родных братьев и Ваших двоюродных братьев, Вы взвалили огромную ношу.
(7) Ради [моей] воинской доблести, ради славы моих родных и двоюродных братьев водружен этот вечный памятник мне.
(8) Нас было четверо, нас разлучил Эрклиг (повелитель подземного мира), о горе!
(9) Размножайтесь, расселяйтесь косули черни Золотая Сонга: тот, кто мог [вас] поразить на охоте, – мой Опа Барс – он удалился, о горе!

E-29 (Алтын-Кёль II, Хакасия)

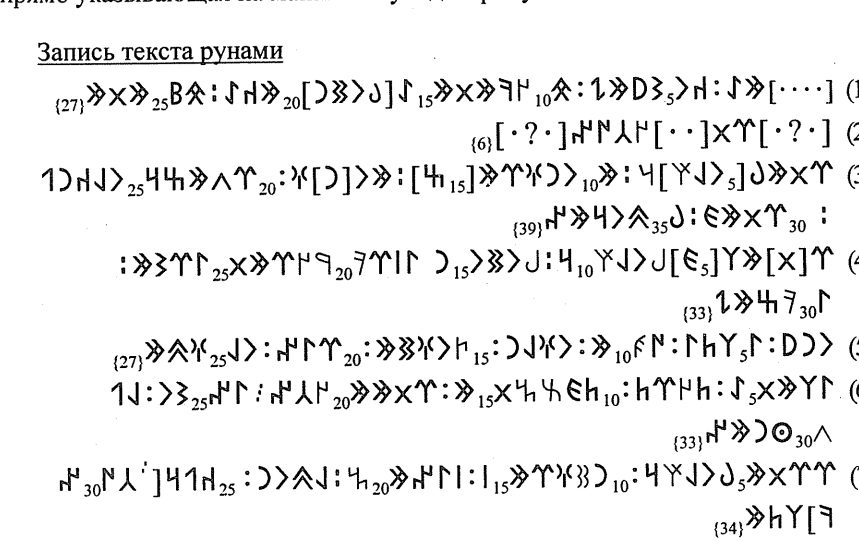
Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №28.

Публикации: ФАтлас, табл.XXII; Radl.AIM-3 1895, 334–335; РАтлас III 1896, табл. LXXXI, 1, XCI, 1–2; Orkun ETY III 1940, 104–105, 110–111; Мал.ЕПТ 1952, 55–58; Субр.–Батм. 1970, 30–34; Вас.КЕР 1983, 24, 64, 102; Корм.ТЕЭ-I 1997, 63–74.

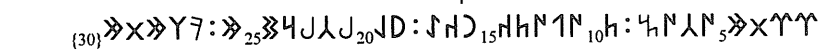
Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена брату-близнецу мемориата надписи E-28 (который был беком-правителем). Его брат, мемориант E-29, был генералом (saŋun) и доверенным советником (ïnanču) – строка 5, а также послом (jalabač) – строка 8. Ынанчу Алп Сангун отличался доблестью и предпринял четыре успешных завоевательных экспедиции, но вот пятая окончилась для него печально – он был отправлен послом к тибетцам и назад не вернулся. Если конфессиональные вопросы в енисейских надписях достаточно приглушены, то в E-29 редкая удача: в связи с морально-нравственной оценкой мемориата приведена сентенция, прямо указывающая на манихейскую доктрину.

Запись текста рунами

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) ...ma qunčujïm-a bökmädim-ä [.. bodunï]mqa bökmädim
(2) ...ärdä[m] üčün...
(3) ärdäm b[ols]ar munïγ ärmäz munïγ ärsäm Äzru[a] alqanïp ärdämig batur män
(4) ärdamlig bolsar bodun isrik jörümädi ärinči-m ikizim-ä
(5) on aj ilt[t]i ögim oγlan toγdïm ärin ulγat[t]ïm
(6) ilimdä tört tägzindim ärdämim üčün inanču alp saŋun [män]
(7) är ärdäm bolsar andaγ ärmiš äsin män altun qapar üčün kältim
(8) är ärdäm üčün tüpüt qanqa jalabač bardïm kälmädim

Перевод

(1) О, моя жена (~ мои жены) ..., – я не насладился .... своим народом я не насладился!
(2) ...ради доблести...
(3) Тот, кто обладает доблестью, не собьется (с истинного пути)! Если же я собьюсь (с истинного пути), то воздав хвалу Зервану, я (вновь) обрету доблесть.
(4) Народ, обладавший доблестью, пьяным не слонялся. О мой (брат) - близнец!
(5) Десять (лунных) месяцев носила меня мать, родился я мальчиком, вырос мужчиной.
(6) Из своего эля я четырежды уходил (и возвращался), ради моей доблести, я – Ынанчу Алп Сангун.
(7) Обладая воинской доблестью, таким вот я был, невредимым. Я пришел ради золота и камфары.
(8) Во имя доблести мужа-воина, я отправился послом к тибетскому хану и не вернулся.

Дополнения и исправления

К строке 7. Три-четыре знака на позициях 28–31 на стеле сильно изглажены, в них всегда было сомнение. Я постоянно обращался к этому месту и, кажется, разобрав в конце концов более правильно едва видимые знаки, решился опубликовать новую версию [Кормушин 2003] в дополнение к исправлениям, предложенным ранее [Корм.ТЕЭ-I, 70]. К слову сказать, новая коррекция совершенно не облегчала чтение. Дело в том, что поначалу Радлов понимал это место так: altun qaparqa kirtim "я вошел для добычи золота" [Radl.AIM-3 1895, с. 336]. Малов, видимо, ощущая шероховатость перевода, предложил как параллельный вариант толкование в качестве названия места (топонима): "я ходил для добычи золота (*или*: в Алтун Капар)" [Мал.ЕПТ, 58]. Исходя из нового состава знаков в этом месте: altun

Türk Dilleri Kütüphanesi
qapar üčün kältim, – стало возможным вернуться к нарицательному значению слов: "золото", а в qapar чисто фонетически я предложил видеть "камфару", совсем не располагая какими-либо историко-культурными данными для подобной интерпретации.

E-30 (Уйбат I, Хакасия)

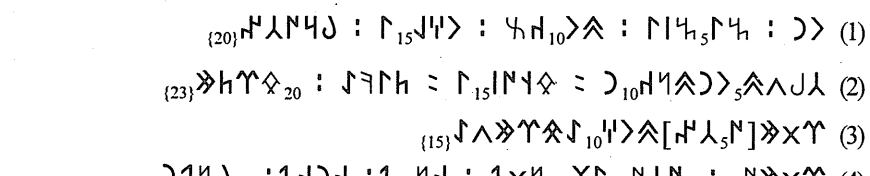
Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №7.

Публикации: ФАтлас, табл.XXII; Radl.AIM-3 1895, 336–342; РАтлас III 1896, табл. LXXX, XCII–XCIV; Orkun ETY III 1940, 141–154; Мал.ЕПТ 1952, 58–60; Субр.-Батм. 1970, 33–34; Вас.КЕР 1983, 25, 65, 104; Корм.ТЕЭ-I 1997, 91–96.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена Чабыш[8] Тон-тархану, чей памятник был сооружен по приказу какого-то сановного лица – скорее всего, самого хана, который в качестве побудительных мотивов отметил огромную семью мемориата и его доблесть от рождения. В заключительной части надписи, составленной уже от лица подчиненных покойного тархана, указывается причина смерти – это, как и в надписи E-29, неудачное посольство, во главе которого отправился мемориант, но в данном случае – в государство Караханидов. Указание на Кара-хана (если это не случайное совпадение) отодвигает датирование этого и других аналогичных текстов с территории древней Хакасии на вторую пол. X в.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) on ninäsi toquz oγlï bar üčün

(2) čabïš ton tarqan bäŋüsi tikä bärtim

(3) ärdäm üčün toγa bärmiš-ä

(4) ärdämin üčün ilindä qara qanqa barïpan

[8] Об имени Чабыш, встретившемся также в надписи E-73, см. выше, с.63.

Türk Dilleri Kütüphanesi

(5) jalabač barïpan kälmädiŋiz bägimä

Перевод

(1) Во имя его десяти жен и девяти сыновей,
(2) я водрузил (этот) вечный (памятник) Чабыш Тон-тархану.
(3) Он родился ради (утверждения своей) доблести.
(4) Во имя своей доблести отправившись из своего государства к Кара-хану,
(5) отправившись послом, Вы не вернулись, мой бек!

E-31 (Уйбат II, Хакасия)

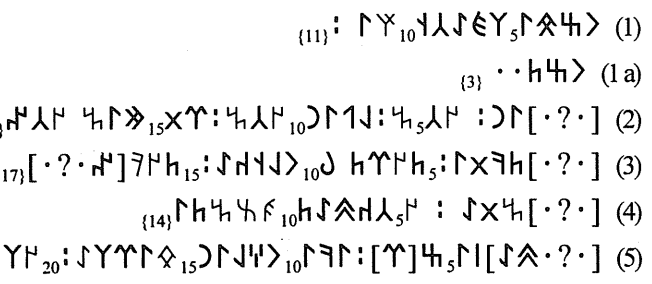
Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №29.

Публикации: ФАтлас, табл.XXIV; Radl.AIM-3 1895, 337–338; РАтлас III 1896, табл. LXXX, 1; Orkun ETY III 1940, 142–143, 151–152; Мал.ЕПТ 1952, 60–61; Субр.-Батм. 1970, 35–37; Вас.КЕР 1983, 25–26, 65, 105; Корм.ТЕЭ-I 1997, 96–99.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена Уз Бильге-чангшы, т.е. человеку занимавшему должность *чангшы*, который в составе своего имени использовал почетные наименования: "мастер" и "мудрый". Памятник отмечает геройство и доблесть этого человека, погибшего вместе с двумя своими сыновьями.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) uz bilgä čaŋšï
(1a) uz t...
(2) ...ïn üčün alpïn üčün ärdämin üčün
(3) ...tikdi tört buluŋqa tü...
(4) ...ndä üč qata tägzinti
(5) ...ta äsiz är iki oγlïn birlä ölti

Türk Dilleri Kütüphanesi

Перевод

(1) [Это – памятник] Уз Бильге Чангшы.
(1а) Уз...
(2) ...во имя его геройства, во имя его доблести
(3) ...водрузили [этот памятник]. На (все) четыре страны света...
(4) ...из своего [государства] он трижды уходил (в дальние походы) и возвращался.
(5) ...жаль, воин-муж погиб со своими двумя сыновьями.

Е-32 (Уйбат III, Хакасия)

Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №8.

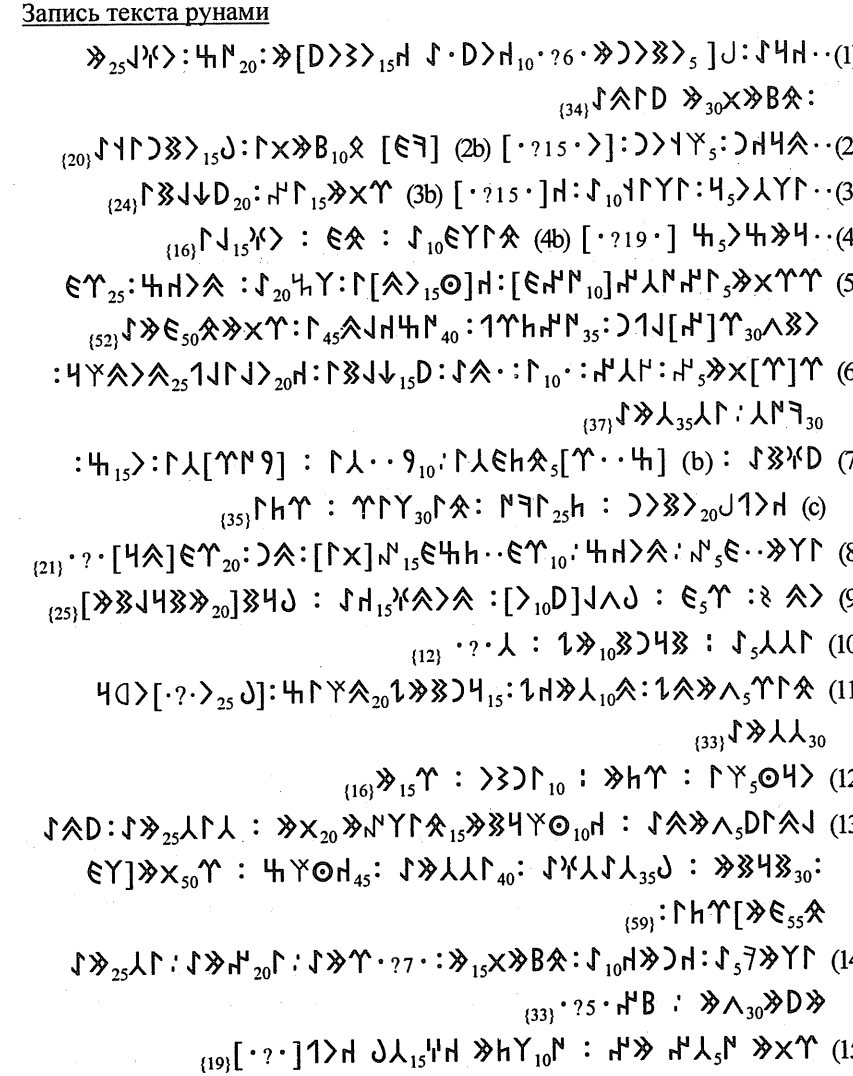
Публикации: ФАтлас, табл.XXV; Radl.AIM-3 1895, 338–340; РАтлас III 1896, табл. XCIII, XCIV; Orkun ETY III 1940, 143–146, 156; Мал.ЕПТ 1952, 61–64; Вас.КЕР 1983, 26, 66, 105; Корм.ТЕЭ-I 1997, 99–117.

Наличие тамги. Тамга в явном виде при надписи не устанавливается, однако есть предположение что она могла быть выбита, но оказалась совершенно изглаженной среди изглаженных букв в начале надписи, внизу, между строками 1 и 2, при этом как будто бы угадываются очертани тамги, идентичной тамгам при надписях Е-25, Е-104 и Е-48: .

Характеристика содержания текста. Текст надписи с большим количеством лакун – изглаженностей и повреждений, посвящен человеку в званиях *тархан* и *сенгюн* (генерал), но другие возможные компоненты его имени оказались стертыми. Как и другие эпитафии с территории Хакасии, Е-32 сочетает рассказ от первого лица – самого покойного, с фразами от третьего лица – родственника или близкого соратника. Последнему принадлежат строки 2-5 с представлением покойного в его званиях, сообщением о его смерти во имя народа и государства Иль-чора и фрагментарно сохранившимся рассказом о геройской гибели мемориантa в каком-то сражении. Остальное вложено в уста мемориантa, который говорит слова прощания народу, супруге, сыновьям – в первой строке, с шестой строки – с большой вероятнстью, и с девятой строки по пятнадцатую – совершенно определенно речь ведется от его имени, причем последовательно: в 9-й строке он говорит о роковом сражении, в результате которого он погиб, в 11-й строке рассказ о событии, когда ему шел всего один год – смерть дедушки, в 13-й строке, в возрасте шести лет он лишился отца, в 15-й строке он говорит: «я умер ради доблести». Мемориант в своем рассказе 6 раз выражает слова благодарности и превозносит своего старшего родственника по мужской линии *ичи* – либо родного старшего брата, либо младшего брата отца (младшего дядю). Мемориант был доверенным лицом *ичи* и его штандартоносцем, т.е., возможно, начальником его дружины, хотя его официальные звания *тархан* и *сенгюн*, вне близости к дяде, определенно выше.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) ... qara b[odunïm ... quj(d)a qunčujï]m öz oγlïm : bökmädim ajïta

(2) ... tarqan saŋun o.... bökmädi : bodunïŋa

(3) ··· il čor iliŋä q··· ärdämin üčün joqaldï

(4)...r[1]mïz uz ... bilgä bäg oγlï

(5) är ärdämin üčin [ünig] qa[ŋut]ï ...älinä toquz ärig udïš är[än] alpïn öntürip öz qaltï ärdäm bägim-ä

Türk Dilleri Kütüphanesi
(6) ...gr^2 .. ärdäm … ta joqaldï qoli alp tutsar küč ičičim-ä
(7) … jaγïda ... bitigči ...či jörči uz qop bodun tikü bilir ärti
(8) ilim …gn^2 : toquz ärig... täzgindi tan (?) ärig tar…
(9) otuz ärig bašlaju tutuγqa bard[ïm adïrïldïm]
(10) ičičim-ä adïrïndïm-a č...
(11) bir jašïmta atačïmqa adïrïndïm-a atasïz [bu] .. ujar ičičim-ä
(12) uruŋusï ärtim ïnanču ärtim
(13) altï jašïmta qaŋsïradïm bilinmädim ičičim ajïta adïrdïm bačï ačïγa ičičim-ä qaŋsïz ärdäm[lig bägim] ärti
(14) ilimkä qanïmqa bökmädim …inim-ä ičim-ä mjmšm (?)
(15) ärdäm üčin män öltim qaγ čab qop...

Перевод

(1) Мой простой [народ, ... мои супруги в женских покоях], мои родные сыновья, – я не насладился (вами), как грустно!
(2) ...Тархан-сангун… – он не насладился! Своему народу,
(3) Государству Иль-чора… он погиб во имя своей доблести!
(4) Наше… мастер… сын мудрого бека.
(5) Во имя своей доблести мужа-воина… вместе со своими телохранителями (?) и благодаря своей отваге захватив (в плен) девятерых мужей-воинов, сам он остался (на поле брани), о, доблестный мой бек!
(6) … доблесть…Он погиб на ..., мой могучий старший брат, обладавший богатырской силой в руках.
(7) Мастера писцы, ..., декораторы (?), [взятые в плен - ?] у врага, и весь народ смогли соорудить (памятник).
(8) Мое государство ... девятерых мужей-воинов ...он предпринимал экспедиции. Его коня (?), мужей-воинов...
(9) Во главе тридцати мужей-(дружинников) я вступил в схватку и – разлучился...
(10) О, мой дорогой старший брат, – я разлучился (с тобой), ...
(11) Когда мне был год, я потерял своего дедушку. Без деда ... о, мой благородный дядюшка, –
(12) я был у него штандарто(носцем), я был доверенным (советником).
(13) Когда мне было шесть лет, я лишился отца, но не сознавал (этого), (а теперь), к прискорбию, я покинул (?) своего дядюшку, ..., горько, о, мой дорогой дядя, он без отца был для меня доблестным беком.
(14) Моим государством, моим ханом я не насладился. ...о мои родные и двоюродные братья, ...
(15) Во имя доблести я погиб, ...

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-33* (Уйбат IV, Хакасия)

Нынешнее местонахождение: место первоначального нанесения надписи – курган в 15 км к западу от устья р.Уйбат.

Публикации: ФАтлас, табл.XXVI; Radl.AIM-3 1895, 342; РАтлас III 1896, табл. XCV, 1–2; Orkun ETY III 1940, 147, 154; Мал.ЕПТ 1952, 64–65; Вас.КЕР 1983, 26, 65; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Предполагаем, что краткая надпись из 4 слов оставлена на месте поминальной церемонии какого-то кыркызского воина. Эта церемония проходила на древнем (уже в то время), "чужом" кургане, о чем и оставлена памятка на ребре большой плиты, огораживающей этот курган.

Текст Е-33 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.22.

Е-34* (Уйбат V, Хакасия)

Нынешнее местонахождение: место первоначального нанесения надписи – курган в 15 км к западу от устья р.Уйбат.

Публикации: ФАтлас, табл.XXVII; Radl.AIM-3 1895, 342; Orkun ETY III 1940, 147, 154; Мал.ЕПТ 1952, 65; Вас.КЕР 1983, 26, 65, 66, 80; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Однострочная надпись с целым рядом сильно изглаженных знаков. Из того, что удается разобрать в тексте, а также опираясь на характер надписи, нанесенной на ребре огромной плиты древнего, уже в то время, кургана, Е-34 представляется, как и Е-33, надписью в память о церемонии поминовения какого-то кыркызского бека с именем, звучавшим как Кашук, либо Каш.

Текст Е-34 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.24.

Е-37 (Тесь, или Туба III, Хакасия)

Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №12.

Публикации: ФАтлас, табл.XXX; Radl.AIM-3 1895, 343–344; РАтлас III 1896, табл. XCV, 6; Orkun ETY III 1940, 170; Мал.ЕПТ 1952, 66–67; Вас.КЕР 1983, 28, 67, 106; Корм.ТЕЭ-I 1997, 123–127.

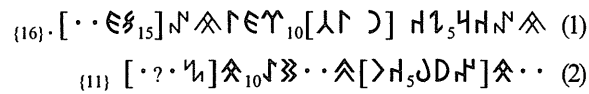
Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись относится ко времени не ранее середины IX в., тогда как выбита на спине каменного изваяния человека раннетюркской эпохи V–VI вв. Согласно обоснованному нами

Türk Dilleri Kütüphanesi

переосмыслению текста, эта надпись, возможно, «своеобразная регистрационная запись особо важных персон – участников поминальной церемонии, вероятно, глав посольств соседних государств», почему перечисляемые лица несут в своих именах черты государственно-этнической принадлежности: представитель караханидов, ябаку, тюргешей [Корм.ТЕЭ-I 1997, 127]. Кроме указанных записей какое-либо эпитафийное содержание в надписи совершенно отсутствует.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) bän qara qan ičrägi bän äzg...
(2) ...bän jabaqu t...da bän...
(3) türgäš bän čaŋšï bän bič j

Перевод

(1) Я – *ичрек* Кара-хана...
(2) Я – от (племени) ябаку...
(3) Я – Тюргеш. Я – летописец. Год обезьяны (?).

E-40 (Ташеба, Хакасия)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №43.

Публикации. ФАтлас, табл.XXXIII; Radl.AIM-3 1895, 345; РАтлас III 1896, табл. XCV, 7–10; Orkun ETY III 1940, 173–175; Мал.ЕПТ 1952, 69–70; Вас.КЕР 1983, 29, 67; Корм.ТЕЭ-I 1997, 128–129.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

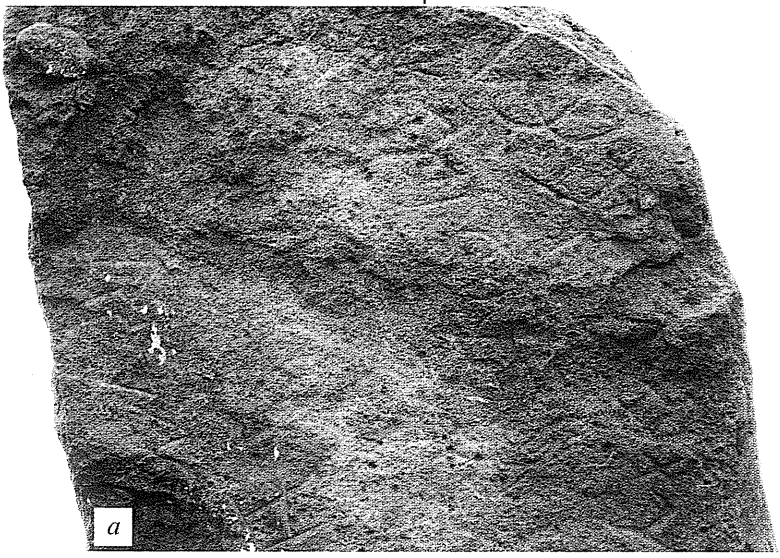
Характеристика содержания текста. Эпитафийный характер данной однострочной надписи устанавливается благодаря формуле именования в 1-м л.ед.ч. "мое имя мужа-воина" и упоминания народа в аналогичной грамматической форме. Если интерпретация собственного имени мемориантa Анар Атач как имени Анар и прозвища Атач "мальчик, который держится как взрослый" – не вызывает особого неприятия, то интерпретация прозвища народа как народа, "у которого есть золото" нуждается в дальнейших как языковых, так и фактологических подтверждениях.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-1 (Уюк-Тарлак, Тува), *а) верхний фрагмент; б) общий вид.*
Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

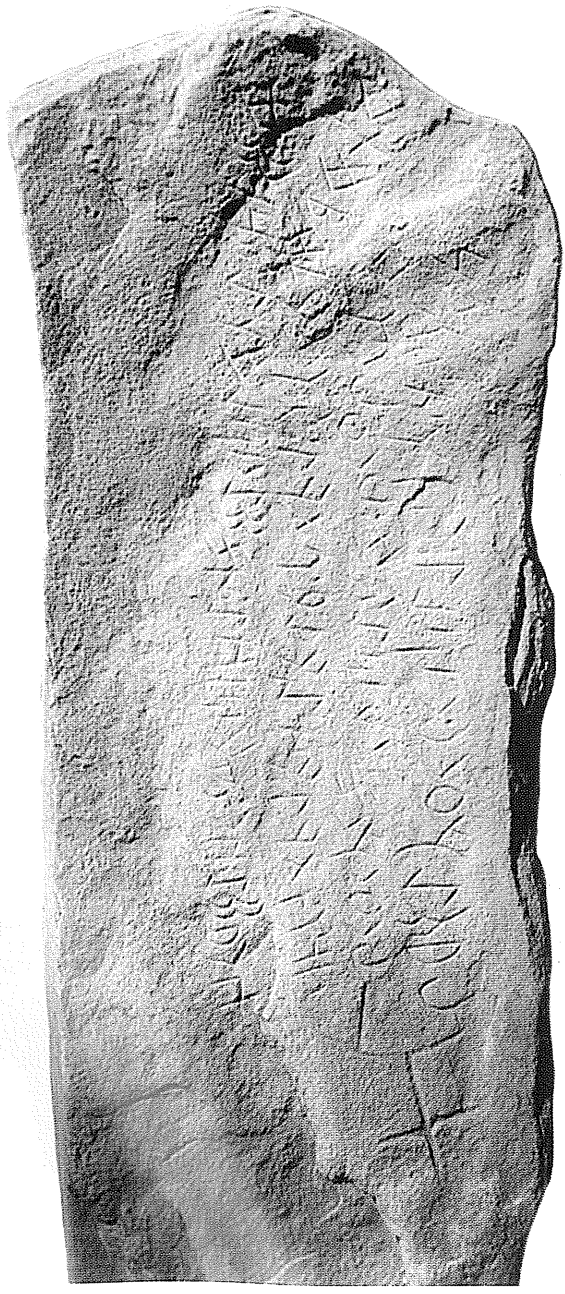
Е-5 (Барык I, Тува), *а) верхний фрагмент; б) нижний фрагмент.* Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-6 (Барык II, Тува). Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-7 (Барык III, Тува). Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-20 (Чаа-Холь VIII, Тува). Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

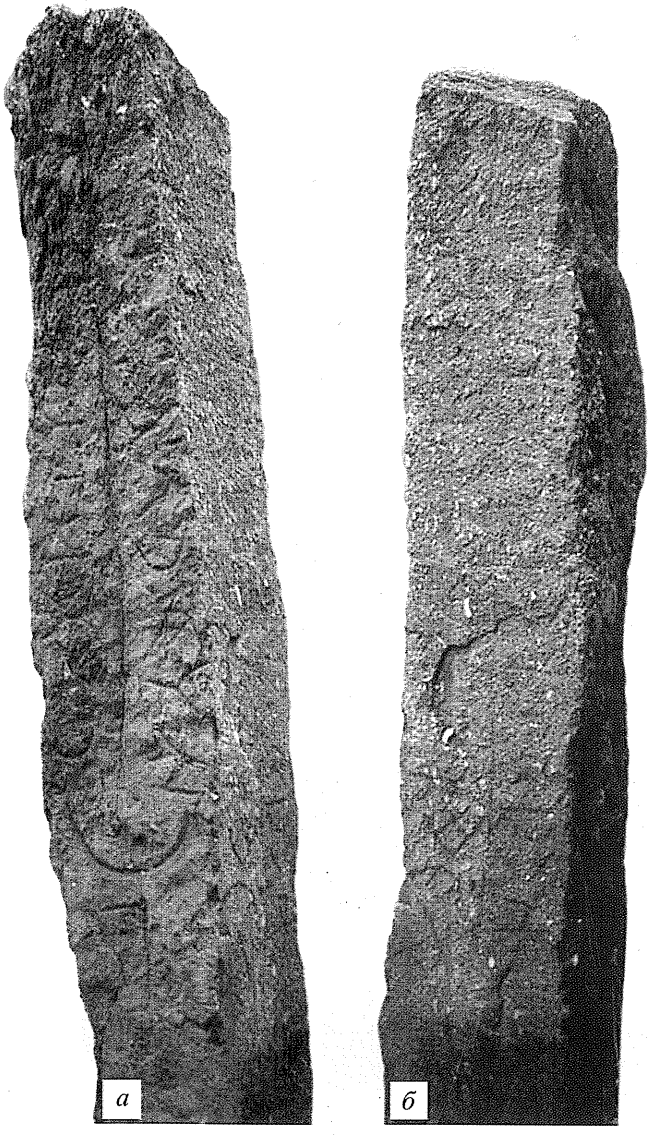
Е-11 (Бегре, Тува), *а*) *задняя сторона*; *б*) *передняя и правая стороны*; *в*) *левая сторона*. Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-11 (окончание)

Türk Dilleri Kütüphanesi

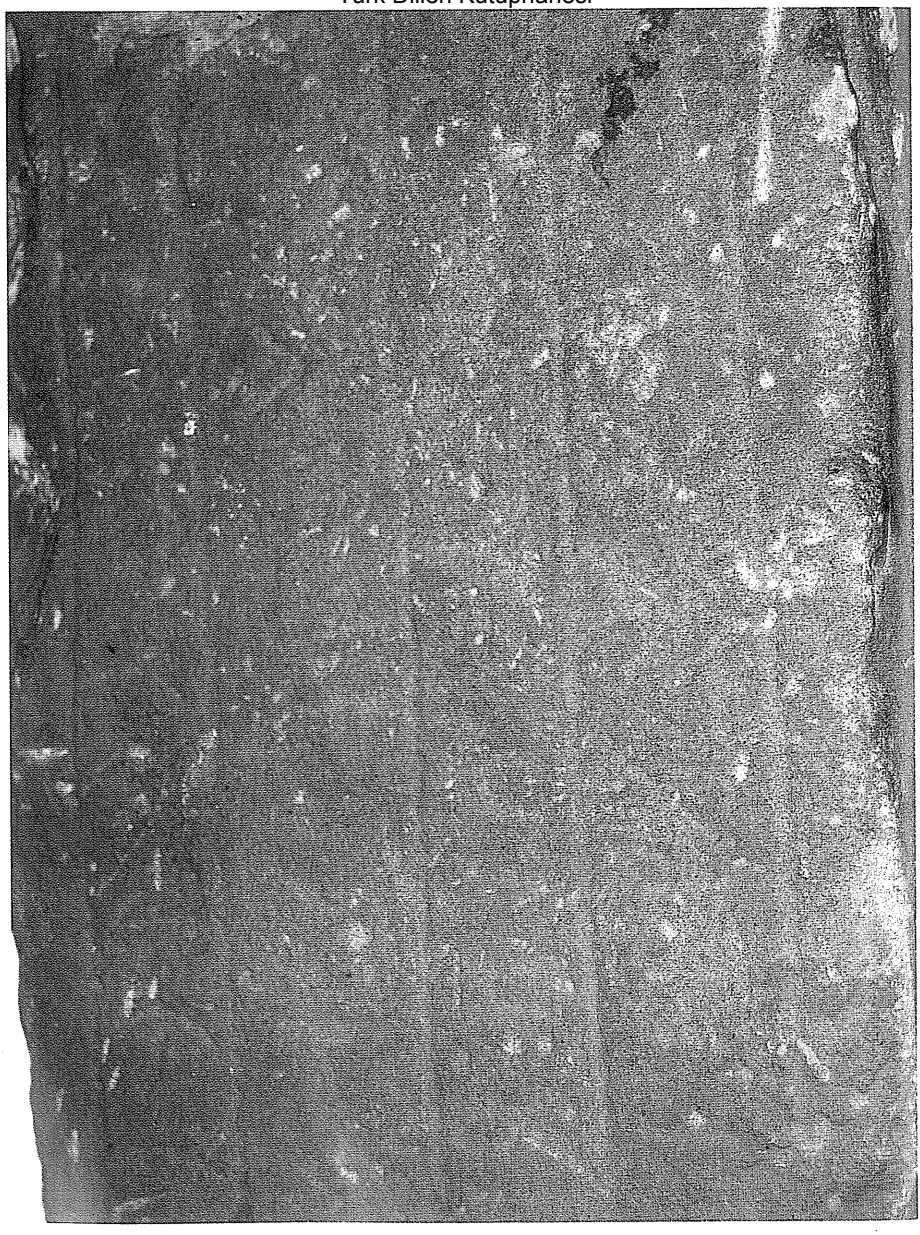
Е-22 (Чаа-Холь Х, Тува), *а*) *передняя сторона*; *б*) *правая сторона*. Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-25 (Означенное I, Хакасия), *а*) *передняя сторона*; *б*) *задняя сторона*. Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

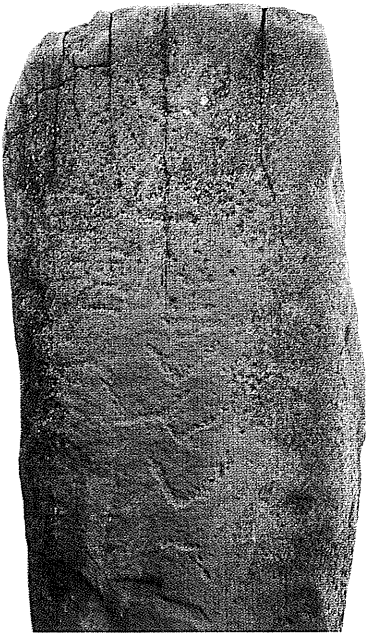

Е-26 (Ачура, Хакасия), *фрагмент передней стороны*.
Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-28 (Алтын-Кёль I, Хакасия).
Минусинский музей

Е-33 (Уйбат IV, Хакасия),
на месте первоначального
обнаружения

Türk Dilleri Kütüphanesi

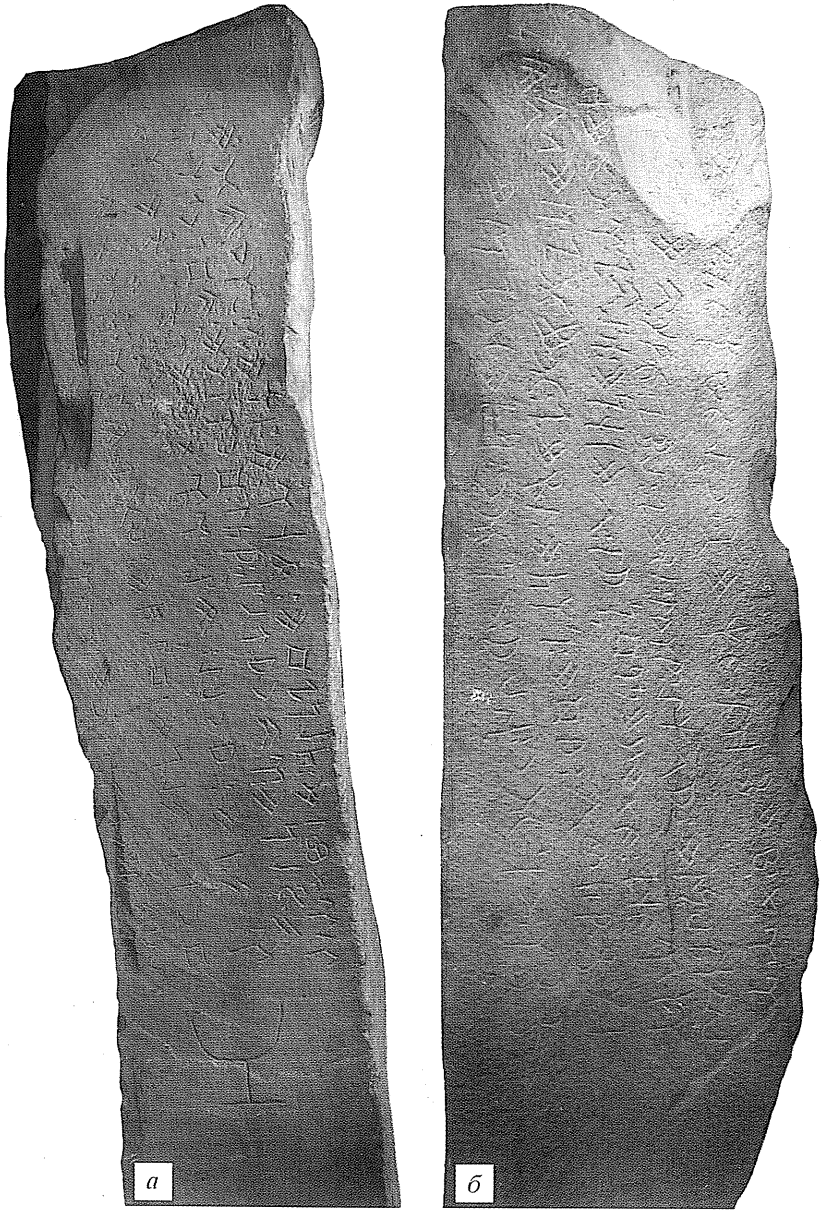
E-31 (Уйбат II, Хакасия).
Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-34 (Уйбат V, Хакасия),
а) *верхняя часть*; *б*) *нижняя часть*

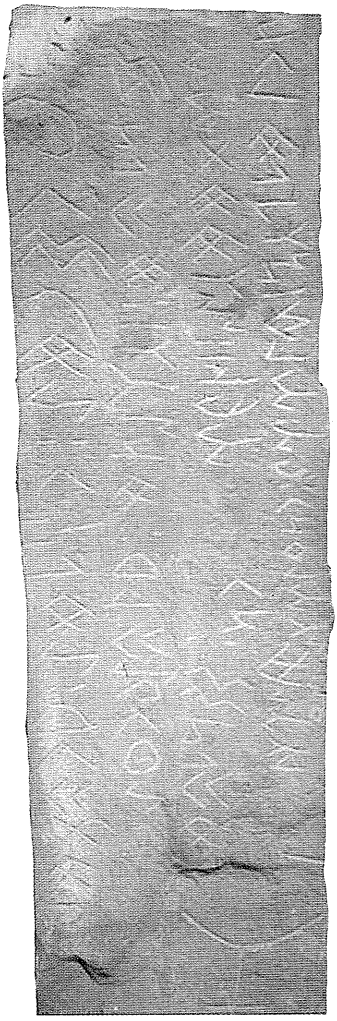
Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-41 (Хемчик-Джиргак, Тува), *а*) *передняя сторона*; *б*) *задняя сторона*. Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-43 (Кызыл-Джираа I, Тува),
передняя сторона. Тувинский музей

Е-44 (Кызыл Джираа II, Тува).
Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-45 (Кёжээлиг-Хову, Тува), *а*) *передняя сторона*; *б*) *боковая сторона*. Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-46 (Телээ, Тува). Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

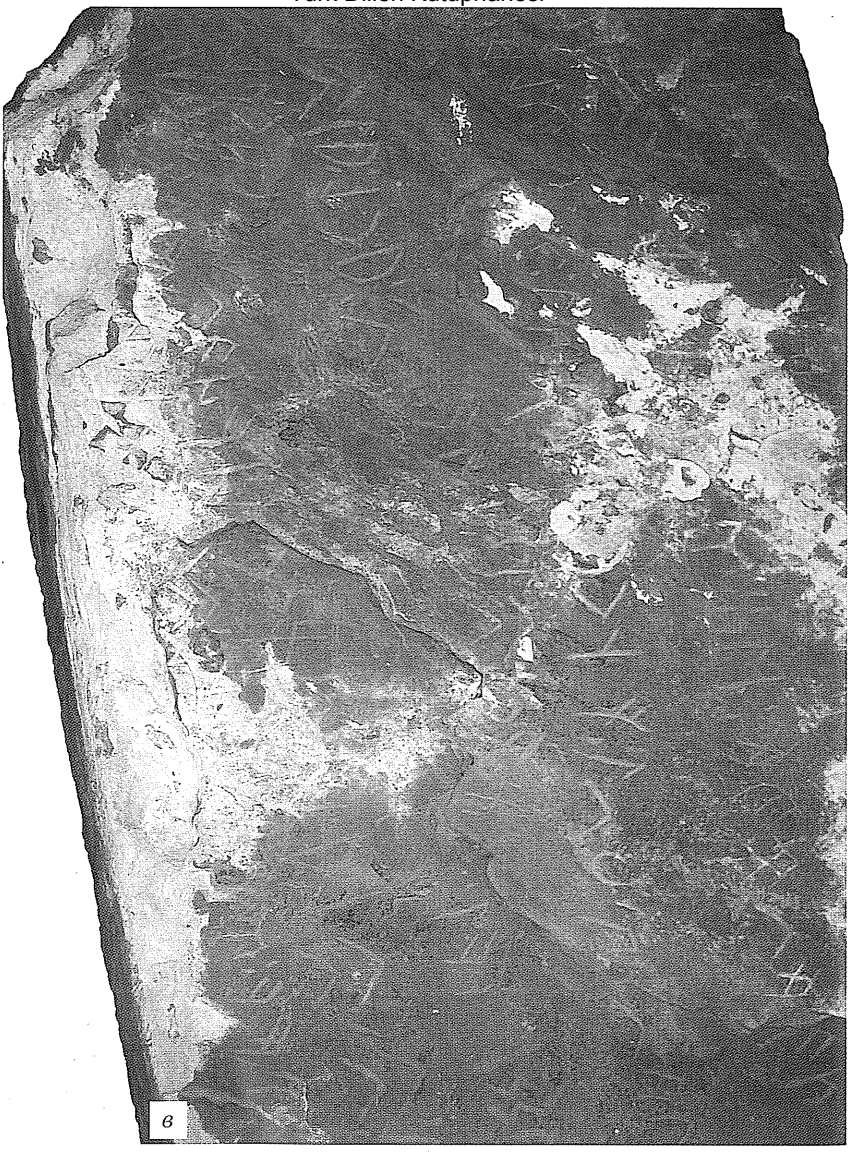
Е-48 (Абакан, Хакасия), *а*) *фрагмент передней стороны*; *б*) *фрагмент передней стороны*; *в*) *фрагмент передней стороны*. Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-48 (продолжение)

Türk Dilleri Kütüphanesi

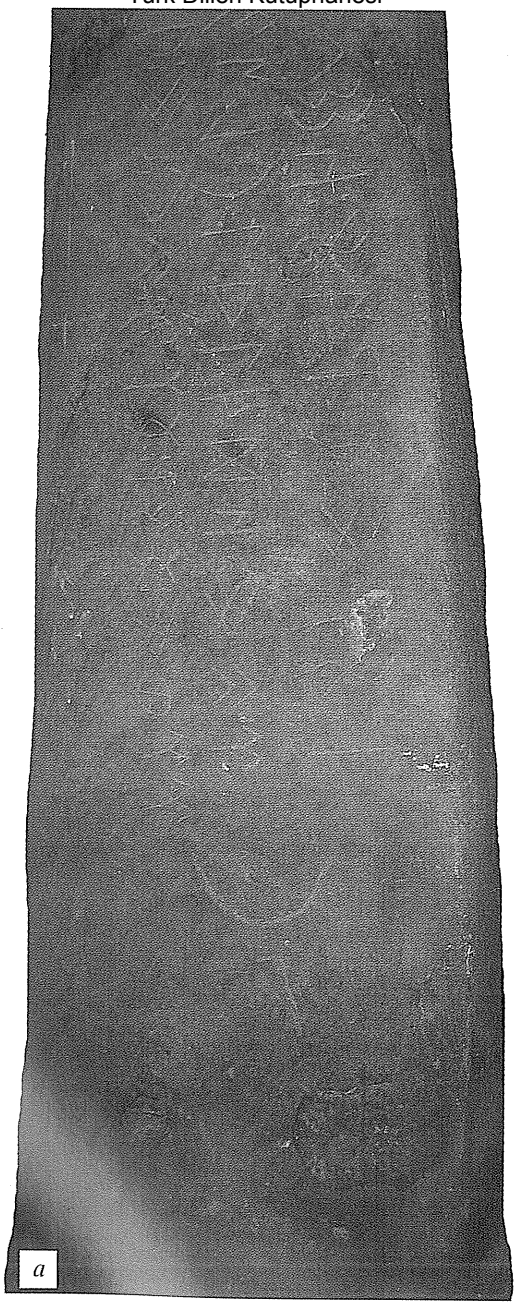
Е-48 (окончание)

Е-51 (Тува, точное место первоначальной установки неизвестно).
Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-49 (Бай Булун II, Тува), *а) передняя сторона, нижняя часть*; *б) передняя сторона, верхняя часть*; *в) правая сторона.* Минусинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

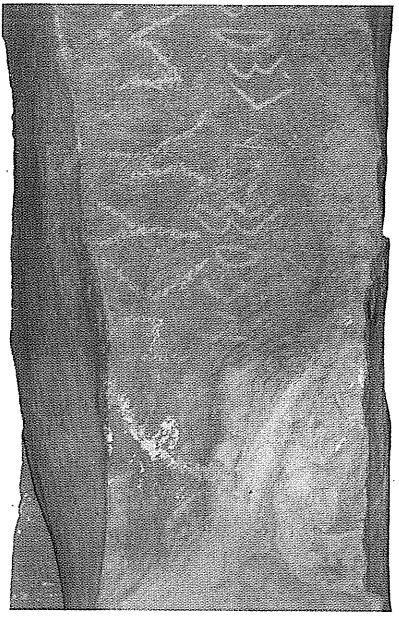
Е-49 (окончание)

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-53 (Элегест-III, Тува).
Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-55 (Тува, точное место первоначальной установки неизвестно). Минусинский музей

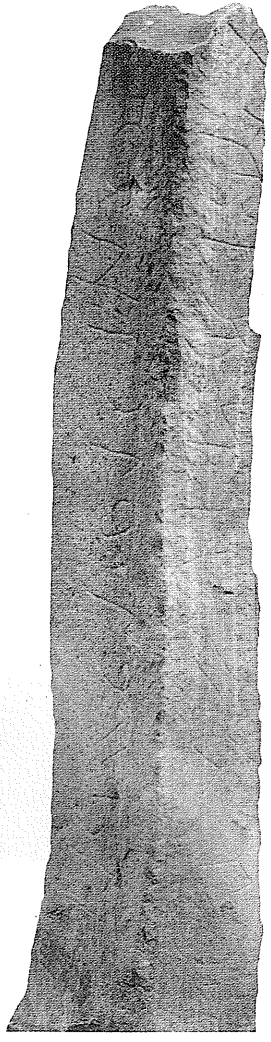

Е-59 (Хербис-Баары, Тува). Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

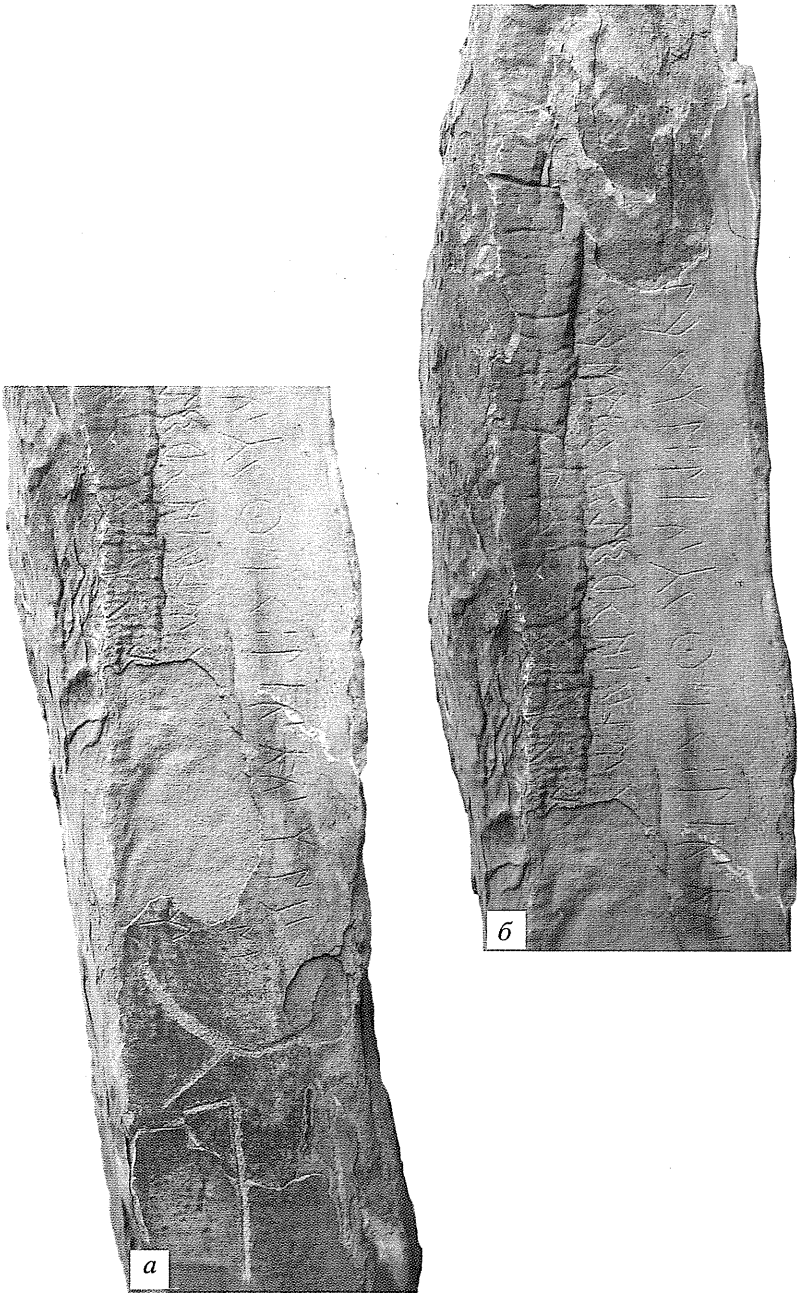
Е-60 (Саргал-Аксы, Тува),
на месте первоначального
обнаружения

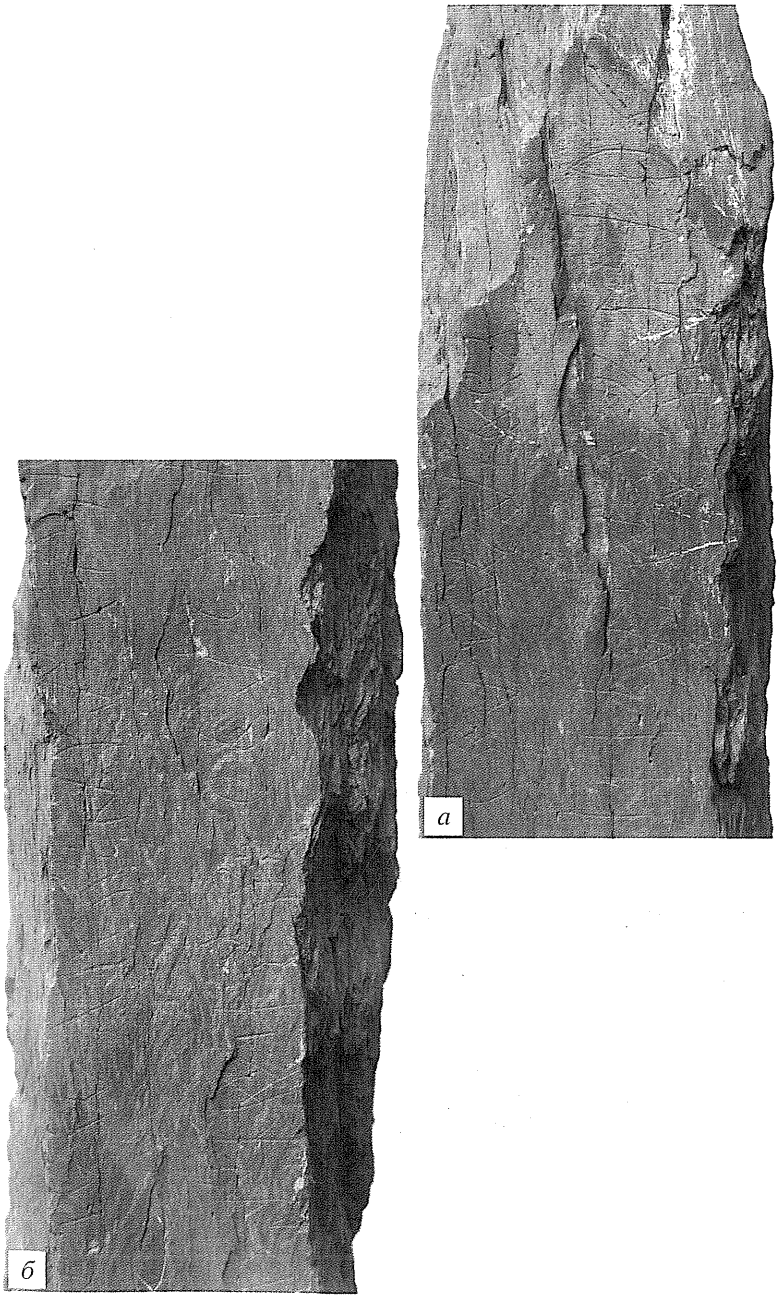
Е-65 (Кара-Булун I, Тува),
восточная (*справа*)
и южная стороны
со следами палимпсеста.
Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

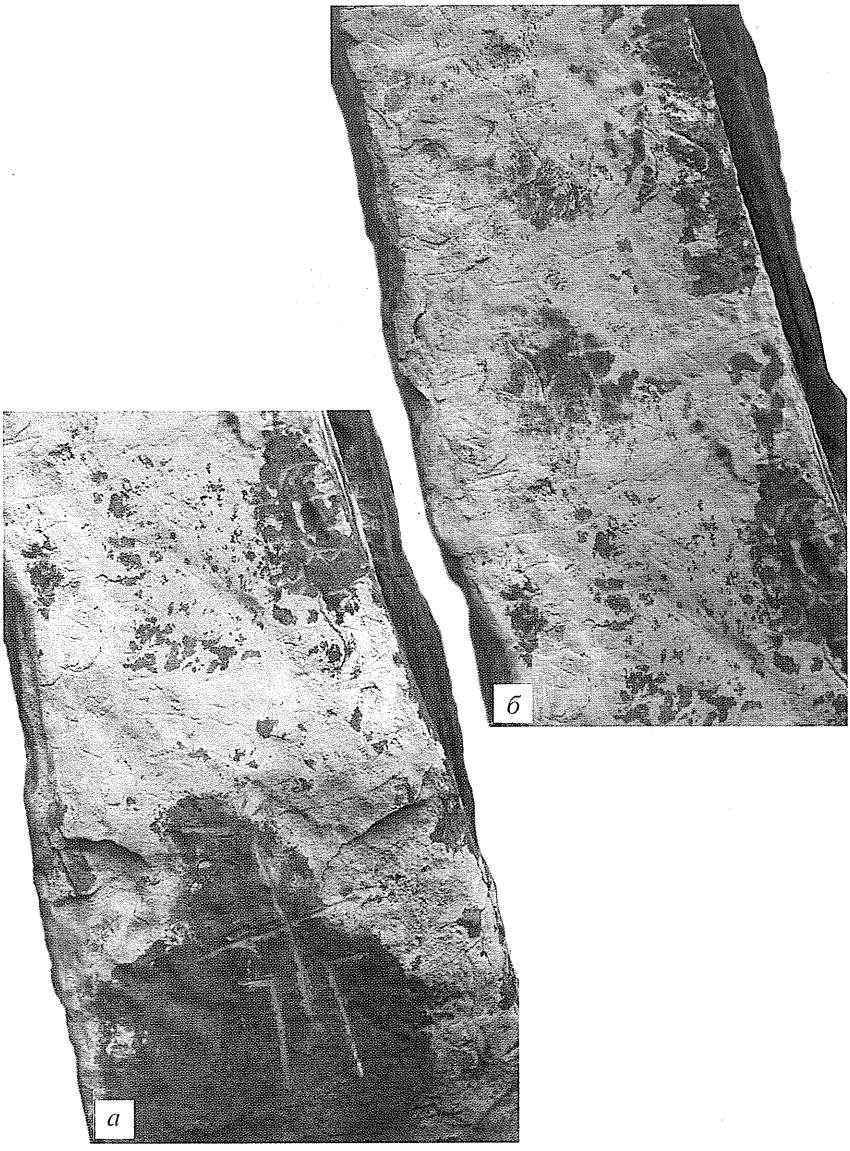
Е-70 (Элегест IV, Тува), *а*) *передняя сторона, нижняя часть*; *б*) *передняя сторона, верхняя часть*. Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

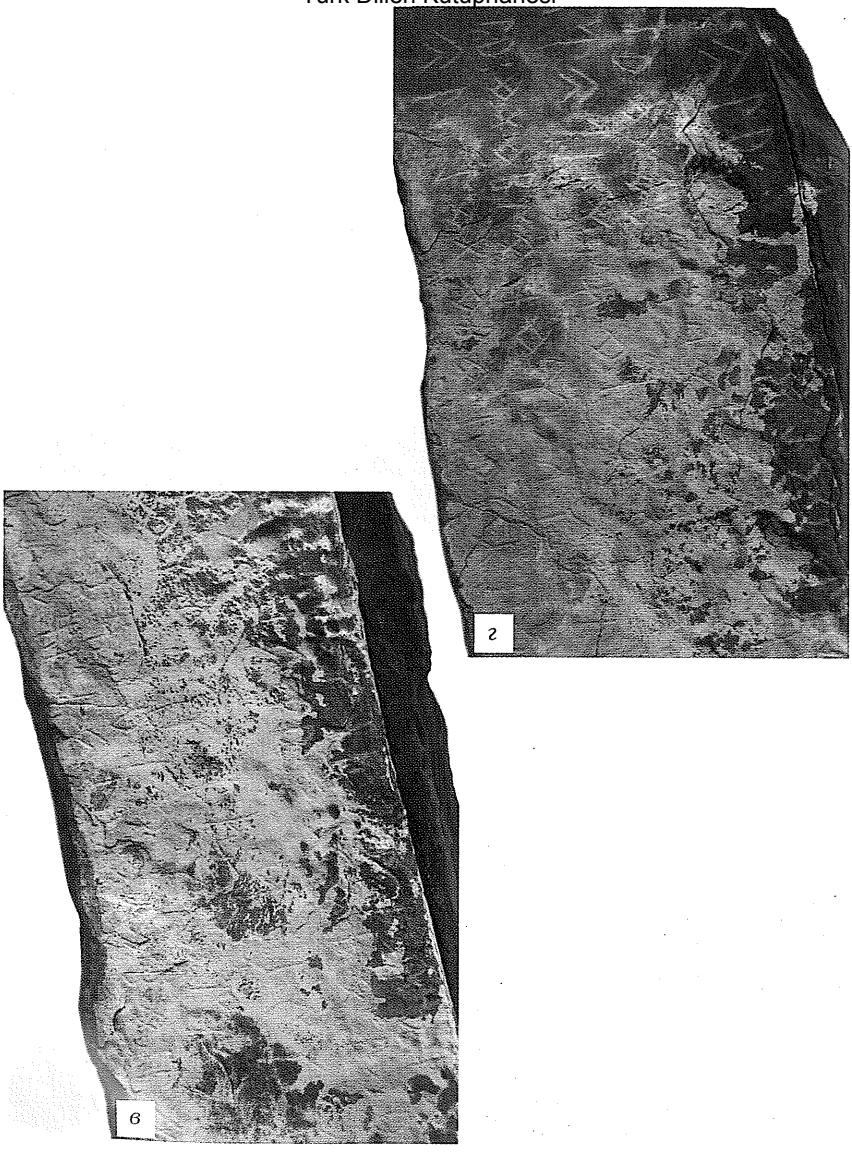
Е-73 (Ийме, Тува), *а*) *передняя сторона, начала строк*; *б*) *передняя сторона, концы строк*. Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-147 (Ээрбек I, Тува), *а*) *передняя сторона, нижняя часть* (*начала строк*); *б*) *передняя сторона, средняя часть*; *в*) *передняя сторона, средняя часть*; *г*) *передняя сторона, верхняя часть* (*концы строк*).
Тувинский музей

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-147 (окончание)

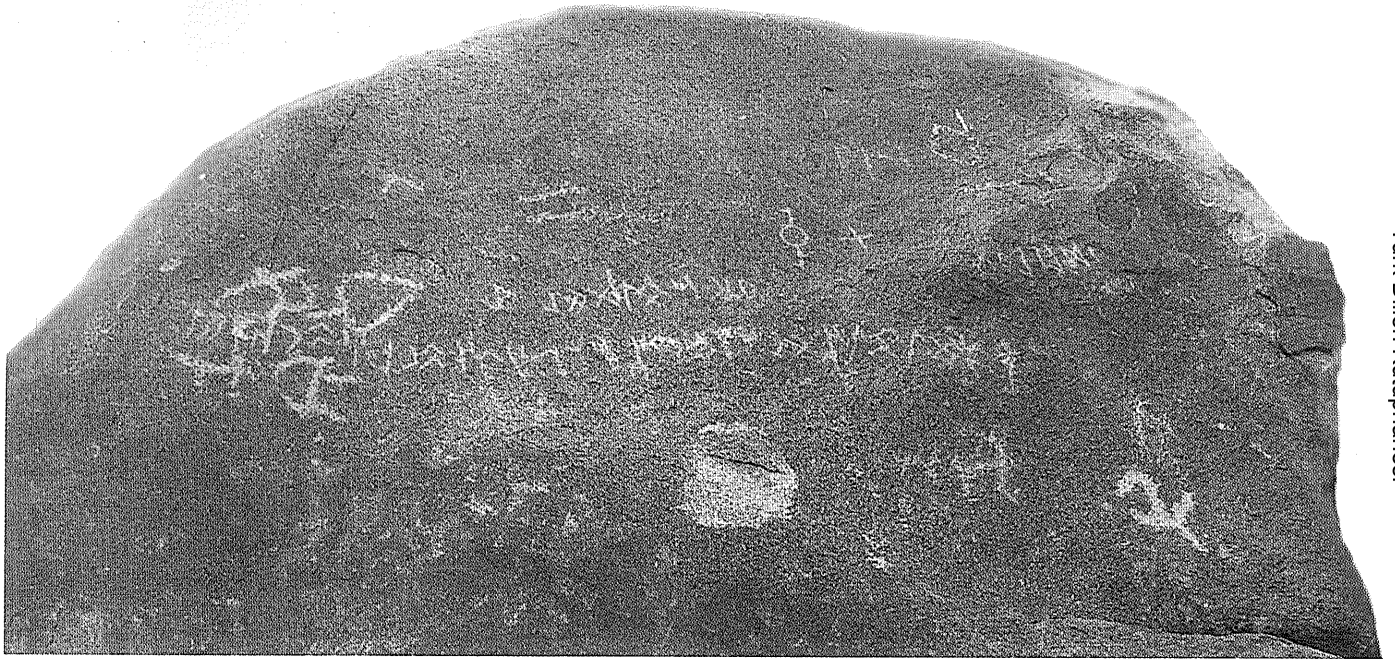
Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-152 (Шаньчи III, Тува),
на месте первоначального
обнаружения

Е-149 (Ээрбек II, Тува), *начало*.
Тувинский музей

Надпись из Дарвь-сумона (Монголия), на месте первоначального обнаружения

Türk Dilleri Kütüphanesi

Türk Dilleri Kütüphanesi

Запись текста рунами

Транскрипция

är atïm anar atač kün elim atayï bar altun

Перевод

Мое имя мужа-воина – Анар Атач. Прозвище моего народа "имеющий золото".

Е-41* (Хемчик-Чиргак, Тува)

Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №34.

Публикации: Малов 1936, 259–267; Orkun ETY III 1940, 79–85; Мал.ЕПТ 1952, 73–75; Батм.–Кунаа II 1963, 13–17; Вас.КЕР 1983, 29, 67, 106; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Внизу, под началом первой строки выбита тамга особого, уникального типа: ᛉ, – являющегося как бы промежуточным между тамгой восточно-тувинского типа “дуга на кресте” ᛘ и тамгой западно-тувинского типа “дуга над крюком” ᛘ.

Характеристика содержания текста. Эпитафия в честь предводителя дружины в тысячу воинов, по имени Йола, который завоевал земли по Хемчику, был в должности *ичрека* при хане, занимаясь вопросами организации ханских облавных охот и кадровым пополнением войска. Мемориант прожил долгую жизнь: он умер в возрасте 68 лет, – длительность которой он образно, в соответствии с традицией, измеряет числом шестидесяти его верховых коней, которых он сменил за это время. Мемориант гордится своим богатством – запасами слитков золота, юртами скотоводов, ухаживающих за табунами его коней и его верблюдами. Воин и охотник, мемориант привержен природе, долинам и горам своего владения. Несколько неясно для нас семейное положение мемориантa: возможно, в первой строке упомянутые первым адресатом äšim – "мои супруги", а во второй строке речь идет о сыновьях, с которыми что-то произошло (не получается достоверного чтение данного места), из-за чего поминальную стелу сооружали близкие соратники мемориантa.

Ввиду несоблюдения основополагающих правил орфографии руниче-ского письма, что характеризует последний период применения руники, надпись Е-41 содержит немало недостаточно надежно прочитанных, а также пока совсем непонятых мест (см. подробнее выше, ч.I, разбор Е-41).

Текст Е-41 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.55–57.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Е-42 (Бай-Булун I, Тува)

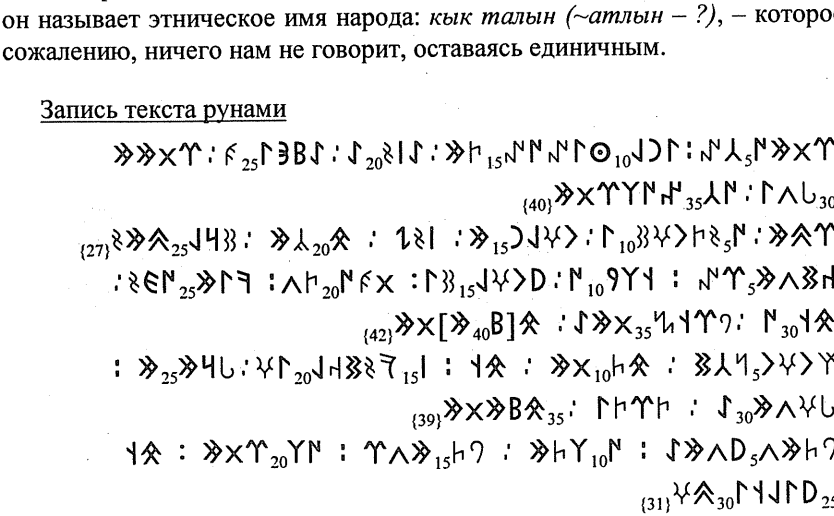
Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №38.

Публикации: Малов 1936, 267–272; Orkun ETY III 1940, 95-98; Мал.ЕПТ 1952, с. 75–78; Батм.–Кунаа III 1965, 27–29; Насилов 1974, 210; Вас.КЕР 1983, 29–30, 68, 107; Корм.ТЕЭ-I 1997, 161–169.

Наличие тамги. Внизу, под началом строк, которые у Малова были 7-й и 8-й, а в нашей публикации заняли начальное положение в надписи, выбита тамга западно-тувинского типа "дуга над крюком", с диакритическими чертами внутри дуги: 𐰾.

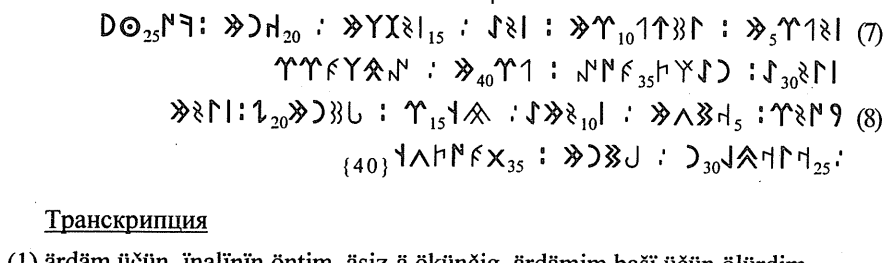
Характеристика содержания текста. Эпитафия в честь человека, имевшего воинское (рыцарское) имя *Оз тогды – букв.* "сам родился", и занимавшего в административной системе высокое положение *шада* – наследного принца, с наследным именем *Сангур*, возможны и иные чтения: Сугур/Шугур ~ Согур/Шогур. *Оз тогды* прощается с сыновьями, супругами, упоминает (что значит: благодарит) сородичей, которые справили тризну и соорудили памятник на землях у реки Ким ~ Кем (местное название Енисея). Перейдя на свое "гражданское" имя *шада Сангура ~ Согура*, он упоминает свои богатства – тысячи юрт зависимых скотоводов, ухаживавших за многотысячными его стадами. Заслуживает особого внимания упоминание мемориантом такого важного военно-тактического мероприятия, проведенного им в жизнь, как устройство дозорных башен. Аналогичные мероприятия в другое время и в другом месте составили славу великого Тоньюкука. В заключительных строках мемориант еще раз прощается со священной своей землей, государством, ханом, солнцем и луной, сотнями своих сородичей и тысячами людей из своего народа, – похоже, что здесь он называет этническое имя народа: *кык талын (~атлын – ?)*, – которое, к сожалению, ничего нам не говорит, оставаясь единичным.

Запись текста рунами

130

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) ärdäm üčün ïnalïŋïn öntim äsiz-ä ökünčig ärdämim bašï üčün ölürdim

(2) är atïm öz toγdï oγlanïm äsiz-ä äbčim adïrïltïmïz

(3) qadašïm ärän äŋläjü joγladï ädgü taš kim ögüz bäŋü jär äŋindimä bökmädim

(4) sanγur čad bitidim biŋ säkiz adaqlïγ barïmïm bayïšïm-a tärti bökmädim

(5) jätmiš jašïma öltim jätmiš är ölürdim biŋ jïlqï atïγ

(6) üč (ič - ?) aryuj art{t}ïm äsizim-ä adïrï{l}tïm-a bökmädim ana kümüš aZ aj küŋ

(7) äsiz järim ïduq järim äsiz-ä äsiz älim qanïm küŋ aj äsiz-ä ana ästigün (?) järim nä bälgürür (?)

(8) jüz är qadašïm äsizim-ä biŋ är bodunïm-a äsizim qïq atlan (talïn -?) bodunïm ädgü tašïŋ

Перевод

(1) Во имя доблести я выступил (?) с твоим правителем. О, печаль, о, горе, ради своей доблести я убивал (врагов).

(2) Мое имя мужа-воина – Оз Тогды. Мои сыновья, – о, жаль! Моя супруга, – мы разлучились!

(3) Мои сородичи-мужи, стеная, справили тризну, (поставили) добрый камень. Река Ким (Енисей), вечная земля..., – я не насладился (вами)!

(4) [Это] писал я, шад Сангур. Тысячи моих восьминогих владений (юрт), – я всеми не насладился!

(5) Мои семьдесят лет, – я умер. Семьдесят мужей-воинов (врага) я убил. Для тысяч коней (?)

(6) Я увеличил внутреннюю дозорную стражу. (А теперь), о жаль мне, – я разлучился (с ними), не насладившись! ...серебро, солнце и луна!

(7) Жаль, моя земля, моя священная земля, – о, жаль! Жаль, мое государство, мой хан, солнце и луна, о, жаль! Моя ... земля...

(8) Сотни мужей моих сородичей, – о, жаль мне! Тысячи мужей из мое-го народа, – жаль мне! Мой народ *кык талын* (?), [это –] твой добрый камень [в мою честь]!

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-43 (Кызыл-Тараа I, Тува)

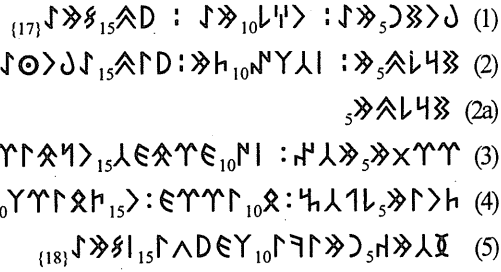
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации: Малов 1936, 273–274; Orkun ETY III 1940, 57–58; Мал.ЕПТ 1952, 78–79; Мал.ПМК 1959, 68–69; Батм.–Кунаа I 1963, 52–54; Вас.КЕР 1983, 30, 67, 108; Корм.ТЕЭ-I 1997, 197–200.

Наличие тамги. Внизу (у земли), под концом строк, идущих сверху вниз, выбита тамга восточно-тувинского типа "дуга на кресте", чистый тип, без диакритических черт: ᛉ.

Характеристика содержания текста. Памятник в честь кыркызского хана, воздвигнутый, судя по строке на боковой стороне, его младшим братом, который сообщил также, что покойному было сорок два года. Основную часть текста на широкой грани, там же, где тамга, составляют слова самого хана, прощающегося с народом, сыновьями, женами. Далее следует некоторая глубокомысленная тирада, которая грамматически от нас ускользает: похоже, что хан, по причине своей доблести, сразился с (целым) войском некоего Бег Чора; что говорится во фразе-контрапункте – не вполне ясно, возможно, она имеет такой смысл: ради всего имущества хан не стремился поразить стрелой хотя бы одного воина противника, – т.е. для хана первенствующее значение в его жизни имели доблесть и отвага, но не меркантильные интересы.

Запись текста рунами

(1)

(2)

(2a)

(3)

(4)

(5)

Транскрипция

(1) bodunïm-a oγlïm-a jotuzïm-a

(2) adïrïltïm säčläntim ajïta buŋa

(2a) adïrïltïm

(3) är ärdämim üčün süg är bäg čor birlä

(4) qop malï üčün bir ärig oq birlä äsinim

(5) äčim qanïm iki ilig jašï äsizim-ä

Перевод

(1) О, мой народ, о, мои сыновья, о, мои жены, –

Türk Dilleri Kütüphanesi

(2) Я разлучился, я расстался (с вами), как грустно, как печально, –
(2а) я разлучился!
(3) Ради моей доблести мужа-воина [я сразился] с целым войском Бег-Чора,
(4) Ради всего имущества [я не поразил] стрелой [ни] одного мужа-воина (врага), – о, ...
(5) Возраст моего хана – моего старшего брата [был] сорок два (пятьдесят два -?) года, – как жаль мне!

Е-44 (Кызыл-Чираа II, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации: Мал.ЕПТ 1952, 79–81; Мал.ПМК 1959, 69–70; Батм.–Кунаа I 1963, 55–56; Щербак 1964, 141–143; Вас.КЕР 1983, 31, 68, 109; Корм.ТЕЭ-I 1997, 220–223.

Наличие тамги. Внизу (у земли), перед началом строк, идущих снизу вверх, выбита тамга восточно-тувинского типа "дуга на кресте", с диакритическими чертами – двумя наклонными штрихами внутри дуги: ᛉ.

Характеристика содержания текста. Надпись имеет несомненную связь и близость с надписью Е-45 ввиду нахождения вблизи него (всего в 350 м) на правобережной части Верхнего Енисея, близостью тамги, отличаясь лишней маленькой дикритической чертой при едином общем типе, а также указанием на принадлежность мемориата к племенному объединению Ста Кюмюлей, к которому принадлежал и мемориант Е-45. В отличие от последнего, мемориант Е-44 не занимал крупного административного поста, но аттестуется как сильный и смелый воин, участник жестоких сражений, личный счет которого составил девять убитых воинов врага, меткий охотник, человек, в доблестях которого, как он сам считает, не было изъяна. Покойному по имени Кюлюг Тоган было 40 лет, но он умер, видимо, еще при жизни отца, поскольку на первое место из своих имен он ставит имя своего отца – Арслан Кюлюг Тирига.

Транскрипция

(1) alp qolïm ärdäm jüräkim äsizä ajïta
(2) qa[dïr] jaɣïda jaɣïčï bän täzig kejikdä alp bän täŋri elimkä tusum toquz är ölürtim
(2a) adïrïltïm
(3) elim qanïm äsiz-ä bökmädim kün aj äsiz ajïta
(4) qadašïm kinim-ä ajïta adïrïltïm äsizim-ä jüz kümül bodunum ajïta
(5) är ärdämi[mi]ndä ägsükim joq qïrq jašïmda adïrïldïm
(6) arslan külig tirig oɣlï bän külig toɣan bän

Перевод

(1) Мои могучие руки, мое доблестное сердце, – как жаль, как грустно!

Türk Dilleri Kütüphanesi
(2) Я – тот, кто всегда сражался в жестоких войнах, на проворных ланей я – меткий стрелок. Польза, которую я принес моему божественному государству, – я (лично) убил девять мужей-воинов (врага).
(2а) [И вот] я разлучился с этим миром!
(3) Мое государство, мой хан, – как жаль, я не насладился! Солнце, луна, – жаль, как грустно!
(4) О, мои сородичи и мои сродственницы, – как грустно, я разлучился (с вами), как жаль мне! Мой народ Ста (племен) Кюмюлей, – как печально, я разлучился (с тобой)!
(5) У меня не (было) изъянов в доблестях мужа-воина, [и вот] в сорок лет я расстался (с этим миром)!
(6) Я – сын Арслан-Кюлюг-Тирига. Я – Кюлюг-Тоган.

Е-45 (Кёжээлиг-Хову, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации: Мал.ЕПТ 1952, 81–83; Батм.–Кунаа I 1963, 61–64; Вас.КЕР 1983, 31, 69, 108–109; Корм.ТЕЭ-I 1997, 213–220.

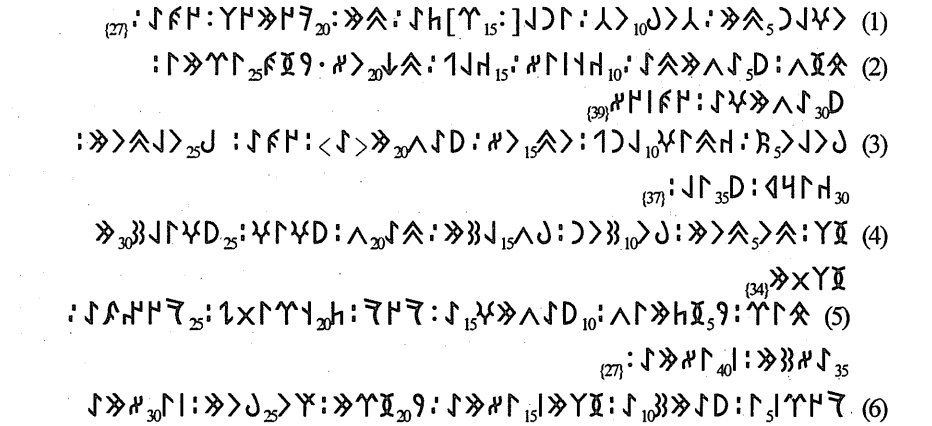
Наличие тамги. На широкой стороне, содержащей основную часть надписи, внизу (у земли), перед началом первых двух строк, содержащих имя мемориантa, выбита тамга восточно-тувинского типа “дуга на кресте”, с диакритической чертой – одним наклонным штрихом внутри дуги: 𐰼.

Характеристика содержания текста. Одна из самых больших надписей, найденных в Туве, посвящена *огя* – премьер-министру, или канцлеру государства, который состоял в этой должности в течение сорока лет до свое кончины на семьдесят первом году жизни. Мемориант называет свой народ *кюмюлями*, причем на основании числительного "сто" при этом этнониме, мы можем предполагать, что это было крупное объединение Ста родов, или племен кюмюлей, которых мемориант возвысил и сделал многочисленными. Сам он этнически был из кюмюлей, поскольку по мужскому (воинскому) имени он – *Кюмюль-огя*. Мемориант происходил из благородного рода, потому что в качестве юношеского имени – и такая именовательная категория фиксируется только в этой надписи, – он приводит имя *Чубуч-ынал*, в котором ынал и указывает на его благородное происхождение. Тем не менее, мемориант из тех людей, которые "сделали себя сами", ибо в пять лет он потерял отца, а в 19 лишился матери, т.е. очевидно, что он был на грани значительного ослабления родственной поддержки. Но он, как он выражается, "стал твердым", и в конце концов через 11 лет после смерти матери добился своего высокого поста. Судя по семантике слова *ынал* у Махмуда Кашгарского, отец мемориантa был менее знатным, чем его мать, поэтому он вряд ли мог претендовать на ханский престол, но на должность премьер-министра, как оказалось, – вполне. Видимо, в период правления Кюмюля-огя происходит фактическое ослабление зависимости Тувы от

Türk Dilleri Kütüphanesi

кыркызского центра, ибо ни разу в надписи не упоминается хан, но Кюмюль-огя говорит о своем государстве в местности Кюрси Ям, – топоним, который в виду единичности своего появления мы не можем локализовать иным образом, кроме как связав его с местом нахождения памятника в межгорных долинах средней правобережной части Верхнего Енисея; Кюмюль-огя говорит о своей абсолютно руководящей роли: «я держал государство, возглавлял народ, вел внешние войны, водил войска». Несмотря на преобладание в надписи политических тем, в ней нашлось место для достойного прощания: с родиной – ее землями и водами, с овдовевшей супругой, с родней по женской линии и по мужской, сыновьями и дочерми, имущественным достоянием, личной гвардией в 150 воинов; отдельная приписка – об особой любви старого вождя: он горюет о расставании с тысячными табунами лошадей.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) oγlan atïm čubuč ïnal [är]tä atïm kümül ögä
(2) beš jašïmda qaŋsïz qalïp toquz jegirmi jašïmγa ögsüz
(3) bolup qatïγlanïp otuz jašïm[γ]a ögä boltum qïrq jïl
(4) el tut[t]um bodun bašladïm taš jaγïγ jaγïladïm el[t]dim

Türk Dilleri Kütüphanesi
(5) bir jetmiš jašïmγa kök taŋrïda kuŋa azïdïm äsizim-ä
(6) kürsi jamda elim äsizim-ä jerim subum äsizim-ä qujda qunčujum tul qaltï äsizim-ä
(7) kinim qadašïm äsizim-ä oγlanïm örüŋüm qaram äsiz jüz elig ärim-ä äsizim-ä
(8) bïŋ bodraq jont äsizim-ä
(9) elim äsiz ärinč jüz kümül bodunum äsiz ärinč az kümülüg üküš boltï
(10) jabïzïγ kümülimin bädük qïltïm äsiz bökmä[dim]

Перевод

(1) Мое юношеское имя – Чубуч-ынал, мое мужское имя – Огя (народа) кюмюлей.
(2) В пять лет я остался без отца, в девятнадцать лет я стал сиротой,
(3) но я мужался, и в тридцать лет я стал *огя*. Сорок лет
(4) я поддерживал государство, возглавлял народ, воевал внешних врагов, водил (войска).
(5) На семьдесят первом году в синем небе я перестал видеть солнце,– как жаль мне!
(6) Государство мое в Кюрси Яме, – как жаль мне! Моя земля, мои реки-озера, – как жаль мне! Мои супруги в женских покоях остались вдовами – как жаль мне!
(7) Мои сродственницы и мои сородичи, – как жаль мне! Мои сыновья, мои дочери, мое светлое и темное (имущество), – жаль! Сто пятьдесят мужей-воинов моей (дружины), – как жаль мне!
(8) Тысяча привольно пасущихся моих коней, – как жаль мне!
(9) Мое государство, – как жаль, какое несчастье! Мой народ Ста (родов) Кюмюлей – как жаль, какое несчастье! Мало(численные) кюмюли стали многочисленными,
(10) моих ничтожных кюмюлей я сделал великими, – как жаль мне, я не насладился!

Добавления и исправления

К строке 3. Дополнительное исследование знака 5 в данной строке позволило удостовериться в том, что перед нами знак восточно-туркестанской руники 𐰚:𐰃𐰇, что установил впервые А.С.Аманжолов [Аманжолов 1981, 24–25] и против чего я напрасно возражал, предполагая "ошибку резчика" в применении знака 𐰇:𐰃 (как мне тогда виделось) вместо необходимого 𐰃:𐰇 [Корм.ТЕЭ-I, 214].

Е-46 (Телээ, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

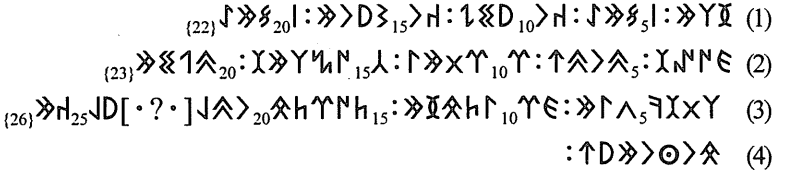
Публикации: Мал.ЕПТ 1952, 83–84; Батм.–Кунаа I 1963, 13–14; Щербак 1964, 146–148; Вас.КЕР 1983, 31–32, 68, 109; Корм.ТЕЭ-I 1997, 223–226.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Наличие тамги. На широкой стороне, содержащей основную часть надписи, внизу (у земли), перед началом первых двух строк, содержащих имя мемориантa, выбита тамга восточно-тувинского типа "дуга на кресте", с диакритическими чертами на дуге и на перекладине креста: ⍦.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена правителю области *тутуку*, по имени Эгюне, который подчеркивает свою добросовестную службу своему государству, прощается с государством и своими супругами, превозносит свое богатство – наложниц, верблюдов, скот, – во всех этих сторонах жизни, как он считает, у него не было печалей, или проблем. Как и в других надписях данной части по правому берегу Верхнего Енисея – Е-43, 44, 45 – в тексте не упоминается хан (кыркызов), что мы связываем с возможными политическими изменениями (см. выше, Е-45).

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) elim äsizim-ä qujda qunčujum äsizim-ä
(2) ägünä tutuq är ärdämi üčün älimä tapdïm
(3) äldä kišim ägritäbim tört butluɣ jïlqïm
(4) buŋum joq

Перевод

(1) Мое государство, – как жаль мне! Мои супруги в женских покоях, - как жаль мне!
(2) [Я –] Эгюне-тутук. Во имя доблести мужа-воина я служил моему государству!
(3) Мои наложницы, мои верблюды, мой четвероногий скот –
(4) У меня не (было с ними) печали.

Е-47[9]

[9] Начиная с «Древнетюркского словаря» по предложению редактора ДТС В.М.Наделяева, одного из ближайших учеников и помощников С.Е.Малова, в тюркологии перешли на обозначение этой надписи сиглом С (Суджи, Монголия) [ДТС, XXIV и XXIX]; об этой надписи см. у нас выше, ч.I, с.76 и след., и ниже, с. 176.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-48 (Абакан, Хакасия)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, № 44

Публикации. Мал.ЕПТ 1952, 93–96; Батм.-Кунаа I 1963, 13–14; Щербак 1964, 146–148; Вас.КЕР 1983, 31–32, 68, 109; Корм.ТЕЭ-I 1997, 223–226.

Наличие тамги. Есть отчетливые следы тамги "угол, вписанный в часть окружности": 𐰴 . Идентична тамгам при надписях E-25 и E-104.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена управителю (губернатору) народа *тёлесов*, назначенному, как об этом говорится в тексте, кыркызским ханом. Памятник воздвигнут в честь доблести покойного семью его сыновьями, во главе с его старшим сыном, на которых, как они говорят, свалилось огромное горе. Около одной трети надписи уничтожено временем, но и в сохранившемся виде (около 500 рунических букв) Абаканская стела является крупнейшим дошедшим до нас енисейским текстом. Надпись составлена сыновьями об отце в 3-м лице, но с почтительными похвалами и прямым обращением на "Вы", "мой дорогой бек", "мой мудрый" их, сыновей, непосредственно к нему, мемориянту. Мемориант-отец характеризуется ими по нескольким линиям: он прекрасный семьянин, который "не насладился" своей супругой за 33 года совместной жизни, поскольку он женился на ней в 16 лет; он – мудрый администратор; он – отважный воин: на его личном счету 59 убитых воинов врага, в их числе военачальник-генерал; особо подробно и поэтично говорится о мемориантеохотнике – метком стрелке по ланям и любителе охоты с кравчими птицами: звучит нарочитый призыв-признание к ланям и журавлям размножаться, расселяться в природе, поскольку главная опасность в виде опытного охотника для них миновала.

Запись текста рунами

[····]ᛚᚹ[·]᛬₁₀[··] : ᛦᛁ[ᚺ]᛬ : ᛋ₅ [··] : ᚿ᛬ᚷᛉ (1)

{18}[··]᛬ᛒᛟ [·?·]ᛚ₁₅ᚢᚹ

{8}[·?·] ᛇᚷ᛬[᛬₅ᚷ]ᛉᛉ [··]ᚲ[··] (2)

{5}[·?·]ᛟ[·]ᛉᛖ[·····]ᚿᚺ (3)

{6}[·?·]ᛇᛟ₅ᚺ ᛦᚿ: [᛬·····] (4)

[·?·] (5)

[·?·]᛬ᚿᛖ (6)

:ᛊ᛬₂₅ᚢᛞ :ᛚ᛬ᛉ₂₀ᛖᚹᛚᛟᛁ₁₅ : ᛖᛟᛏᛟ>₁₀ᛟ : ᛊᛖᛉᛟ₅ᚢᛉᚿᚺ (7)

{45}᛬ᛇᛖᛟ : ᛚᚷ₄₀᛬ᛒᚿᛟ :ᛋ₃₅ᛘᛞ᛬>ᚺ₃₀ : ᚢ᛬ᛁ

ᛇᛟ₂₅>ᛟ:ᛊᛁᚢ₂₀ᛉᚿᚺ : ᛚᚷ₁₅᛬ᛒᛟ : ᛇᚺ₁₀ᚿᛚᛉ : ᛖᛉ₅᛬ᛇᚷᛉ (8)

{52}ᛇᛦᛚ₅₀ᛇ:ᛇᛟᛚᛞ₄₅: ᛋᛚᛁ :ᚻᚹ₄₀ᛉᚺ:ᛖᛩ :ᛚ₃₅ᚷ᛬ᛒᛟ:ᛊ₃₀ᛘᚢᛚ:

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) ärdämin...adaqlïγ.. bökm...
(2) är ärdämimdä...
(3) ...
(4) ...üč qata...
(5) ...
(6) ...
(7) töläs bilgä tutuq bäg altï jägirmi jašda almïš qunčujïŋïz bökmädi bägičäm
(8) ärdämlig älintä bökmädi töläs alp tutuq išiŋä bökmädi jäg tärkän äsiz ajïta ačïγa
(9) ajïta är änse (– ?) oγlïïn^{2} aldïŋïz (– ?) ültiŋiz (– ?) ünčiŋiz (?) bar [üčün bäŋkü]n^{2}i tikä bärtimiz kišidä jig tikär biz
(10) ärdämi bar üčün qanïnta kü tutuq atqa tägmiš bägim äsiz är[än] bašï ajïta ačïγa
(11) toquz älig jašda toquz altmïš är ölürmiš är bašï saŋun ölürti bilgäm ajïta
(12) ič jär äliki artzun atčï alp tutuq joq j^{1}uk qadïŋ äliki azman atïγ öküz at joq ajïta
(13) toγdaj turñazï artzun qušladačï bilgä tutuq joq artzun alp kögšin oluru qaltï

Türk Dilleri Kütüphanesi
(14) jäti urï oγl-ïŋïzqa bökmädük qaŋïcam üqüsča buŋï tüsürmäk ärtiŋiz buŋ qa tura bäŋkü tikär män ajïta
(15) ärdä artuq ärdämi bar üčün bäŋkü tikä bärtim jäti urï bar üčün tikä bärtimiz

Перевод

(1-6) ...
(7) Бек тёлесов, мудрый тутук, Своей супругой, взятой (в замужество) в шестнадцать лет, не насладился, мой дорогой бек.
(8) Своим доблестным элем он не насладился; делами отважного тутука тёлесов он не насладился, лучший из правителей, о жаль, о горе, о скорбь!
(9) О горе ... Благодаря тому, что у Вас есть ... мы воздвигли [вечный памятник], лучшему из людей мы воздвигаем.
(10) Благодаря своей доблести он достиг на ханской (службе) славного титула тутук, мой бек! – жаль, предводитель мужей-(воинов), о горе, печаль!
(11) За свои сорок девять лет он убил пятьдесят девять мужей-(воинов) [врага], он убил сангуна – предводителя мужей-(воинов), мой мудрый, – о горе!
(12) Пусть множатся косули внутренних земель: того, кто мог их подстрелить (на охоте) – отважного тутука, – нет! ...
(13) Пусть множатся журавли Тогудая: того, кто мог охотиться на них с ловчей птицей – мудрого тутука, – нет, пусть множатся! Отважный кравчий остался (один).
(14) Не насладившись семью Вашими сыновьями, мой батюшка, огромное горе опустили Вы (на нас). Пребывая в горе, я воздвиг (этот) вечный памятник.
(15) Ради его высокой доблести я воздвиг этот вечный памятник. Мы воздвигли (его) по долгу семи (его) сыновей.

Е-49 (Бай-Булун II, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №22.

Публикации. Киселев 1939, 131; Мал.ЕПТ 1952, 97–98; Батм.–Кунаа III 1965, 30–31; Аманжолов 1974, 101–102; Вас.КЕР 1983, 30, 69, 107–108; Корм.ТЕЭ-I, 161–169.

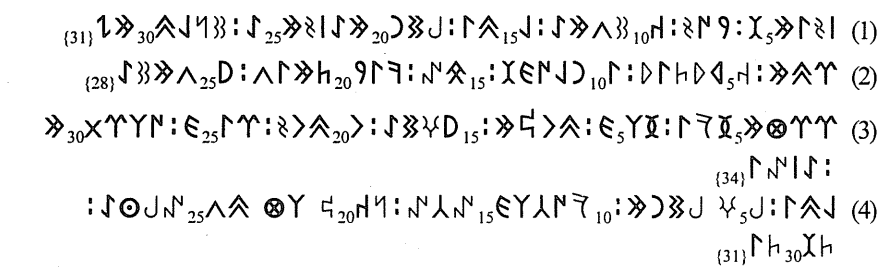
Наличие тамги. На широкой стороне стелы внизу, под началом строк, выбита тамга западно-тувинского типа "дуга над крюком", с диакритическими чертами внутри дуги: ⍑, идентичная тамге при надписи Е-42.

Характеристика содержания текста. Эпитафия в честь человека, занимавшего высокую должность *огя,* или премьер-министра государства, имя которого читается по-разному (из-за разногласий в чтении лигатуры в строке 2, позиция 5 – подробнее см. [Корм.ТЕЭ-I, 170]), в нашем чтении это – *Калыктык*. Своим народом он называет все шесть багов (уделов)

Türk Dilleri Kütüphanesi

древней Тувы: похоже, что Тува в это время была объединена, а обстановка была относительно спокойной, поскольку мемориант, как он сам говорит, "водил караваны", т.е. обеспечивал проводку торговых караванов. При этом сосуществовал и обычный военчый промысел, что видно из приведенных цифр: до своей смерти в 62 года он захватил в плен 42 человека, а на поле брани убил 30 воинов врага.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) äsizim-ä jüz qadašïm-a altï bodunïm-a äsizim-ä adïrïltïm-a
(2) är atïm qalïqtïq (?) ïnal ögä bän äki jätmiš jašïmda
(3) är ärdämim eki elig tusum jaɣïda otuz ärig ölürdim äsni
(4) altï baɣ bodunïm küčligin üčün arqïš äl[t]dim tašin buŋa täti (?)

Перевод

(1) Как жаль мне, – о, сто моих сородичей, о, мой народ Шести [областей], как жаль мне, – я разлучился (с вами)!
(2) Мое имя (и звание) мужа-воина: я – Калыктык Ынал-оге. Мне шестьдесят два года.
(3) Моя доблесть мужа-воина (в том, что) мой (общий) вклад – сорок два [захваченных в плен – ?], из врагов [на поле битвы] я убил три-дцать мужей.
(4) Благодаря могуществу моего народа Шести областей я водил караваны. (Поминальный) камень – печально – водрузили!

E-50 (Тува)[10]

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, муз. №42, во дворе.

Публикации. Киселев 1939, 132; Мал.ЕПТ 1952, 98–99; Батм.–Кунаа II 1963, 32–34; Вас.КЕР 1983, 32, 69, 111; Корм.ТЕЭ I, 276–279.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

[10] Точное место первоначальной установки неизвестно.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена *тутуку*, управляющему от центральной власти народом Кёкмюшей, – этот же этнос, но под именем Десяти (племен) Черных Кёкмюшей" упоминается в эпитафии E-26$_{16}$ (см. выше, ч. I, с.20), – который прощается с государством и ханом, а также с четырьмя сородичами. Оригинальная особенность текста в том, что здесь мемориант представляется тремя именами: 1) официальным должностным – губернатора народа Кёкмюшей; 2) мужским воинским – Абычга, *букв.* старик; 3) княжеским (бекским) – Этрюк (см. об этом также ниже, ч.IV).

Запись текста рунами

(1) 𐰇𐰺𐰚𐰃[$_5$𐰲𐰋𐰾]𐰚𐰾 : $_{10}$𐰃𐰴𐰾𐰋 {13} – слева направо буквами правостор. разверт.

{19}𐰾𐰴𐰚𐰃 : 𐰴$_{15}$𐰍𐰋𐰍 : 𐰾[𐰴$_{10}$𐰚]𐰉𐰴𐰾$_5$: 𐰃𐰾𐰆𐰇 (2)

𐰋𐰾𐰆𐰋𐰇𐰆 (2a)

{19}[𐰋]𐰾𐰆𐰋𐰇$_{15}$𐰆𐰴𐰺𐰃$_{10}$𐰋𐰾𐰃𐰾𐰆$_5$𐰲𐰚𐰴𐰲 (3)

{15}𐰾𐰴𐰃𐰇𐰋𐰴$_{10}$𐰽𐰴 𐰾𐰴𐰚$_5$: 𐰋𐰉𐰋ↄ (4)

{8}[•?•𐰃𐰲]𐰴𐰴$_5$𐰆𐰚𐰲𐰼 (5)

Транскрипция

(1) täŋri qanïm älim äsizim-ä
(2) kökmüš tutuq ärdäm üčün särdim
(2a) adïrïldïm-a
(3) tört qadašïm äsiz-ə adïrïldïm-a
(4) abïčɣa är atïm bägdäki atïm
(5) etrük bän qï...

Перевод

(1) Мои Божественные хан и государство, – о жаль мне!
(2) Тутук кекмюшей, я ради доблести претерпел
(2a) и разлучился (с этим миром)
(3) Мои четыре родственника, – о жаль, я разлучился (с вами)!
(4) Мое имя воина-мужа – Абычка, а мое бекское имя –
(5) –Этрюк ...

Исправления и добавления

К строке 4. Предложенное нами чтение знаков b-č-ɣ-a имени мужа-воина как bačɣa [Корм.ТЕЭ-I, 278] лучше связать с нарицательным abïčɣa ~ abučɣa ~ avïčɣa ~ avučɣa "старик", более известное в карлукской фонетике с глухим q: abïčqa ~ abušqa.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-51 (Тува)[11]

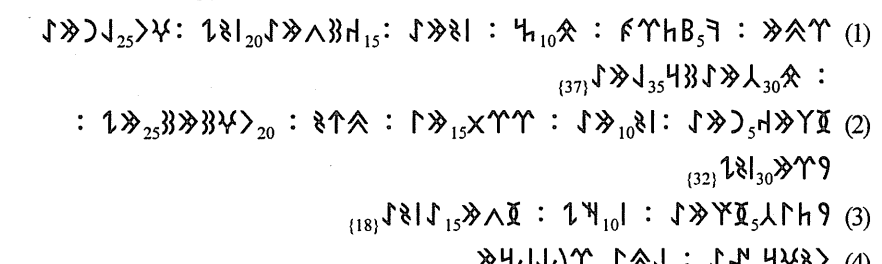
Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, № 36.

Публикации. Киселев 1939, 134; Мал.ЕПТ 1952, 99–100; Батм.–Кунаа III 1965, 23–24; Вас.КЕР 1983, 32–33, 69, 111; Корм.ТЕЭ-I 1997, 260–264.

Наличие тамги. Под надписью выбита тамга северно-тувинского типа "птичья лапа": ⤙.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена витязю, т.е. обладателю имени мужа-воина, Кёк-тиригу, прощающемуся с сородичами, сыновьями, супругой, государством, ханом и родной землей, которую он называет, как и мемориаты ряда других памятников, "землей Девяти племен Огдамдамов", – этноним, пока не привычный для восприятия тюркологами. Мемориант сообщает о наличии у него 9 балбалов – камней, символизирующих поверженых врагов.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) är atïm kök tirig bän äsizim-ä qadašïm-a äsiz-ä ɣulanïm-a äbčim-ä adïrïlïm-a

(2) elim qanïm äsizim-ä är ärdämi toquz oɣdamdama järim äsiz-ä

(3) jäti češmä(?) äsiz-ä : ešim-ä äsiz-ä

(4) uzɣar(?) nä(?) altï är balbarïm

Перевод

(1) Мое имя мужа-воина – Кёк Тириг, – о, жаль мне! О, мои сородичи, – о жаль! О, мои сыновья, моя супруга, – я разлучился (с вами).

(2) О, моя страна, мой хан, – о, жаль мне! Доблесть мужа-воина, моя (родная) земля [народа] Девяти огдамдамов, – о жаль!

(3) Семь моих ... - о жаль! Мои товарищи - о жаль!

(4) Озгар нэ (?) ... шесть балбалов (убитых мной) воинов (врага).

[11] Точное место первоначальной установки неизвестно.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-52 (Элегест II, Тува)

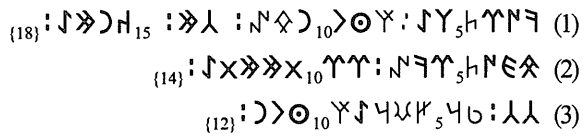
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. Мал.ПМК 1959, 70–72; Арагачи 1961, 235-237; Батм.–Кунаа I 1963, 35–37; Л.Кызласов 1965; Вас.КЕР 1983, 19, 70, 91; Корм.ТЕЭ-I 1997, 174–177.

Наличие тамги. На одной из широких граней стелы без сопровождения текста выбита тамга западно-тувинского типа особого подтипа – "дуга над двумя крюками", с диакритической чертой, отходящей от дуги вбок: 𐰴.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена младшему брату (или племяннику) (кыркызского) хана – генералу Кёртле ("красавцу"), который аттестует себя как мудрого *теркена*-правителя области, удела и человека, обладавшего доблестью мужа-воина. Не вполне ясно отношение третьей строки ко второй: или третья строка самостоятельна и состоит из имени собственного еще какого-то генерала, либо слова čač bar грамматически завершают вторую строку, заканчивающуюся местным падежом, но тогда неясно, что означает "в моей доблести мужа-воина есть *чач* (?)".

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) körtlä saŋun bän äčim qanïm-a
(2) bögü tärkän är ärdämimdä
(3) čač bar sayra saŋun

Перевод

(1) Я – Кёртле-сангун (генерал). О мой дядя-хан!
(2) Мудрый правитель области и доблестный воин!
(3) Согдиец Бар Сагра-сангун.

E-53 (Элегест III, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. Мал.ПМК 1959, 72–74; Батманов–Арагачи–Бабушкин 1962, 32; Батм.–Кунаа I 1963, 38–40; Щербак 1964, 148; Аманжолов 1974, 103; Вас.КЕР 1983, 19, 70, 90–91; Корм.ТЕЭ I, 279–281.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена человеку, представляющемуся как Бег Тархан Оге Тириг, – имя, которое все состоит

Türk Dilleri Kütüphanesi

из титулов и должностей, главными среди которых, вероятно, *оге* – премьер-министр (канцлер), и *тархан* – ответственный за сбор налогов. Достижениями своей доблести мемориант считает пять военных экспедиций за пределы своего *юрта*. Но открывается надпись социо-философским вступлением о том, что ханское потомство ведется от человека небесного, божественного происхождения.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) kök täŋridä boltik är ol qan urï törämiš
(2) älimdä bäš qata tägzindim är ärdämim üčün
(3) bäg tarqan ögä tirig bän äsiz älim qanïma bökmädim

Перевод

(1) [Некогда] на голубом небе возник [благородный] муж. От того хана пошло мужское потомство.
(2) Из моей страны я пять раз уходил и возврвщался во имя моей доблести мужа-воина.
(3) Я – Бег Тархан Оге Тириг. Жаль, – о, моя страна, мой хан! Я не насладился (вами)!

E-54 (Оттук-Даш III, Тува)

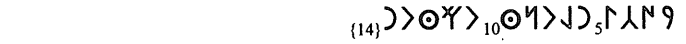
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. Батм.–Кунаа I 1963, 23; Вас.КЕР 1983, 16, 70, 87; Корм.ТЕЭ-I 1997, 212–213.

Наличие тамги. Внизу перед началом букв выбита тамга восточно-тувинского типа "дуга на кресте", с диакритическим значком: ᛘ.

Характеристика содержания текста. Однострочная надпись, состоящая лишь из имени и титулов мемориантa, аналогична надписям из той же местности (но без тамги) E-4 и E-64.

Запись текста рунами

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) jüč ïnal uruŋu saŋun

Перевод

(1) Юч-ынал, урунгу, сангун.

E-55 (Тува)[12]

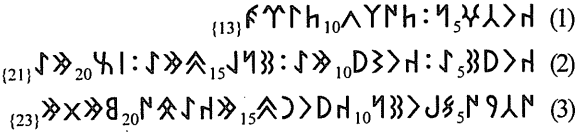
Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, №41.

Публикации. Киселев 1939, 133; Насилов 1963, 122–125; Вас.КЕР 1983, 33, 70, 111; Корм.ТЕЭ I, 260–264.

Наличие тамги. Тамга сохранилась неполностью, это – "дуга", и нижний элемент, скорее всего, "крест", об этом говорит характер диакритического значка, свойственный тамгам восточно-тувинского типа.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена должностному лицу *тиригу* среди народа тёлесов, по имени *Кочгар*, с нарицательным значением "козел-самец", как синоним силы и качеств предводителя. Мемориант прощается с супругой и упоминает о своих табунах в 300 голов.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) qočɣar töläs tirig
(2) qujda qunčujïm-a adïrïltïm-a äsizim-ä
(3) üč jüz bodraq jontïmqa bökmädim

Транслитерация

(1) [Я] – *тириг* Кочгар-телес.
(2) О, мои супруги в женских покоях, - я разлучился (с вами), о жаль мне!
(3) Тремястами своими (привольно) пасущимися конями я не насладился!

E-59 (Хербис-Баары, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

[12] Точное место первоначальной установки неизвестно.

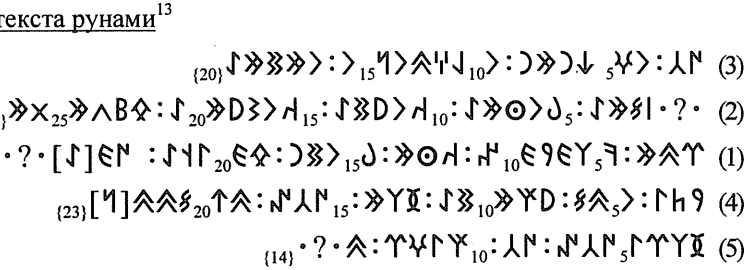
Türk Dilleri Kütüphanesi

Публикации. Щербак 1961, 238–214; Вайнштейн 1963, 41; Ščerbak 1964, 145–149; 23; Батм.–Кунаа I 1963, 41–45; Вас.КЕР 1983, 33–34, 71, 112; Корм.ТЕЭ I, 242–247.

Наличие тамги. Внизу перед началом строк на одной из широких граней выбита тамга с типовым рисунком "крест с двумя крюками", с двумя косыми диакритическими чертами вверху слева: 𐰼, – близкая тамгам при надписях E-10, E-100 и 147: 𐰼 (с одной чертой слева) и тамге при надписи E-149: 𐰼 (с диакритической "птичкой"). Все эти надписи встречаются в Восточной Туве.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена воину Кюлиг Йигену, который служил своему отцу – беку народа, кажется, в должности премьер-министра *оге* (поврежденность букв). Если так, то тогда, вероятно, мы имеем дело с ханским сыном, который, судя по ремарке, что он не смог вырастить трех сыновей, умер рано, еще при жизни отца, в возрасте 27 лет. Мемориант прощается с государством и "богоподобным" ханом, со всеми своими родственниками и родственницами – братьями, невестками, сестрами, даже с наложницами, а в заключительной строке – с матерью (единственный раз в эпитафиях), что можно отнести к молодому возрасту мемориантa. К сожалению, этноним *матар* здесь не достоверен.

Запись текста рунами[13]

Транскрипция

(1) är atïm külig jägän qaŋïm bodun bägiŋä ög[ä...]
(2) ...äsizim-ä buŋïm-a qujda qunčujïm-a bökišmädim
(3) üč oγlanïmïn ulγa{t}turu umadïm-a

[13] Строки поданы в порядке расположения на стеле, а нумерация отражает их последовательность в тексте.

Türk Dilleri Kütüphanesi
(4) jäti otuz jašïmda elim üčün toquz tat[ar...]
(5) el äri üčün üč asïγ är t...
(6) elim qanïm-a täŋritägim ajïta bökmäd[im]
(7) urï qadašïm üč kinim qïz qadašïm üč janšï
(8) qalïn qadašïmqa bökmädim jita kinim äčäli
(9) [ö]gümkä bökmädim buŋa

Перевод

(1) Мое имя мужа-воина – Кюлюг Йеген. Моему отцу, беку народа, [я служил в должности] оге.
(2) ... О жаль мне, о печально мне! О, мои супруги на женской половине, – я не насладился вами.
(3) Трех своих сыновей я не сумел вырастить.
(4) Я, в двадцать семь лет, ради моей страны [отправился воевать против народа] Девяти татар
(5) Ради (знатных) мужей страны [я захватил] трех мужей на предмет выкупа ...
(6) О моя страна, мой хан, мой небоподобный, – о горько, я не насладился!
(7) Мои сородичи мужского потомства, три мои сродственницы–молодые женщины, три наложницы.
(8) Многочисленными сородичами я не насладился – о горько! Мои сродственницы, ...
(9) Моей матерью я не насладился, – печально!

Е-60* (Саргал-Аксы, Тува)

Нынешнее местонахождение. На месте первоначального сооружения, в 60 км восточнее г.Кызыла.

Публикации. Батманов–Арагачи–Бабушкин 1962, 44–45; Арагачи 1963, 246–250; Вас.КЕР 1983, 34, 71, 112; Кызласов 1993; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга обнаружена в последнее время, внизу, перед началом строк, восточно-тувинского типа “дуга на кресте”, без диакритических черт: ᛉ.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена воину, который с 9 лет (м.б. не сохранилось начало составного числительного -?) служил хану, которого мемориант называет "бунчужным", что содержательно пока ясно лишь приблизительно: это какой-то ранг правителя в зависимости от того, какое количество войска он может выставить. При этом в службе мемориантa не было "печалей" (проблем), печальным событием стала лишь кончина.

Текст Е-60 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.59–60.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-61 (Шаньчи I, Тува)

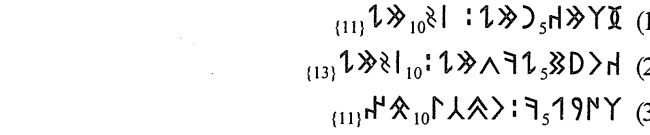
Нынешнее местонахождение. На месте первоначального сооружения, на западе центральной части Тувы.

Публикации. Арагачи 1963, 250–252; Вас.КЕР 1983, 34, 71, 112. Корм.ТЕЭ-I 1997, с. 139–141.

Наличие тамги. Тамга западно-тувинского типа "дуга над крюком", без диакритических черт: ᛘ.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена врачевателю, в чтении имени которого нет полной уверенности. Мемориант прощается с государством и ханом, со своей супругой.

Запись текста рунами

(1)
(2)
(3)

Транскрипция

(1) elim qanïma äsizimä
(2) qujda kišimä äsizimä
(3) lüj päk otačï bän

Перевод

(1) О, мое государство, мой хан, – о, жаль мне!
(2) О, моя жена в женских покоях, – о, жаль мне!
(3) Я – врачеватель Люй Пек.

E-64* (Элегест II, Тува)

Нынешнее местонахождение. Не известно; согласно библиографическим сведениям памятник должен был находиться в Минусинском музее.

Публикации. Батм.–Кунаа III 1965, 9–10; Вас.КЕР 1983, 16, 72, 86; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись из двух слов с именем и титулом мемориантa, однотипна и из одной местности с E-4, E-54.

Текст E-64 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.30.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-65 (Кара-Булун I, Тува)

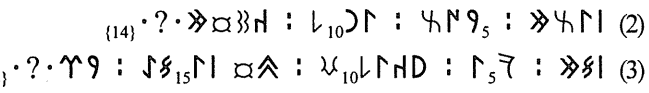
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

Публикации. Батм.–Кунаа III 1965, 9–10; Вас.КЕР 1983, 35, 72, 113; Корм.ТЕЭ-I, 141–145.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Памятник E-65 представляет собой палимпсест: более ранняя (первичная) надпись на камне в какой-то момент была сбита, соскоблена, а на ее место выбили другую (вторичную) надпись. Вторичная надпись посвящена витязю, т.е. человеку с именем мужа-воина, Каршы, который прощается со ста благородными сородичами. В третьей строке он как-то характеризует свой мемориальный камень: не имеет ли определительный оборот äki jaqïlïγ – "двусторонний" -? – отношения к операции палимпсеста?

Запись текста рунами (вторичная надпись)

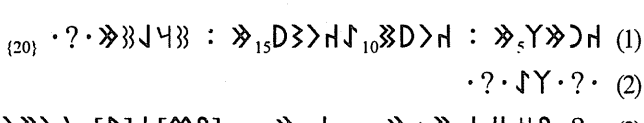
Транскрипция

(1) är atïm qaršï ärd…
(2) äsizim jüz ïnal qadašïm…
(3) äsizim äki jaqïlïγ tašïm äsizä jär…

Перевод

(1) Мое имя мужа-воина – Карши…
(2) Жаль мне, о сто моих высокородных родичей!…
(3) О жаль мне, два моих ... камня

E-65/pl [14]

[14] Дополнительным сиглом pl мы обозначаем первичную, удаленную надпись, ту, что находится *под* видимой, вторичной надписью.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) qanïm älim qujda qunčujïm adïrïltïm
(2) ...l²Ä …
(3) ...jüz qadašïm...ČM ... järči bodun …

Перевод

(1) Мой хан, мое государство, мои супруги в женских покоях, – я разлучился (с вами) ...
(2) ...
(3) ... о, сто моих родичей, …народ...

Е-66 (Кара-Булун II, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. Батм.–Кунаа III 1965, 11–12; Вас.КЕР 1983, 35, 72, 113; Корм.ТЕЭ I, 145–146.

Наличие тамги. Перед началом строк, внизу выбита тамга западнотувинского типа "дуга над крюком", без диакритических черт: 𐰴.

Характеристика содержания текста. Для оценки содержания текста немаловажное значение может иметь вопрос о том, была ли сохранившаяся до наших дней плоская плита толщиной 15 см, шириной 60–62 см и высотой 93 см до уровня вкопанности в землю при общей высоте 140 см, – была ли эта плита к моменту нанесения древнетюркской надписи указанной высоты, либо она была выше, но впоследствии ее верхняя часть была отломана и какая-то часть надписи безвозвратно пропала? Все издатели, включая автора этих строк, оценивали памятник как "обломок стелы" и в каждой строке ставили многоточие, обозначая прерванность текста. Дополнительное обследование стелы в сентябре 2008 г. поколебало это первоначальное мнение. Новое заключение учитывает два рода фактов: обследование концов строк возле обломанного верха стелы и следов заглубления стелы в грунт.

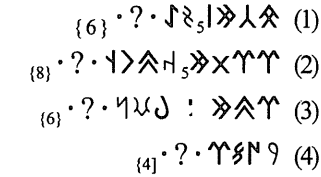
В отношении первого пункта представляется, что вдоль обломанного края плиты сосредоточены измельченные знаки, как будто это окончания некоторых строк, повернутые вбок ввиду недостатка места для завершения; в одном месте на краю отчетливо видны резы двух-трех уменьшенных букв – 𐰇𐰾, возможно, чуть впереди еще 𐰀. Однако точно определить, окончаниями каких строк были эти и некоторые другие отчетливо не идентифицируемые знаки, весьма затруднительно.

Во-вторых, "загар" у черешковой части плиты является как бы двуслойным, 10 см от первичного вкапывания, а затем еще примерно столько же, но уже с измененным углом линии вкопанности, как будто стела подверглась какому-то перемещению. Оба указанных обстоятельства позволяют

Türk Dilleri Kütüphanesi
рассматривать как возможный вариант использование в момент нанесения древнетюркской надписи уже обломанной частично плиты. В этом случае оказывается, что надпись изначально была достаточно немногословной и мы потеряли в ее тексте, возможно, не так уж и много.

Даже столь кратко прочитываемая надпись не оставляет сомнений в ее эпитафийном характере: она посвящена витязю Багыру (или Барыру, см. ниже примеч.), который прощается со своей супругой и дружиной в сто человек, говорит о своей воинской доблести, представляется по имени.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) äbčim äsiz-ä…
(2) är ärdämi toŋ…
(3) är atïm : baɣïr…
(4) jüz är…

Перевод

(1) Моя жена, – о жаль…
(2) Доблесть мужа-воина,…
(3) Мое имя мужа-воина – Багыр…
(4) Сто мужей…

Исправления и добавления

К строке 2. Приходится отказаться от предложенной нами [Корм.ТЕЭ-I, 145] поправки 5-го знака в пользу прежнего чтения, установленного Батмановым и Кунаа, т.е. ᚴ : I, с последующим двоеточием-словоразделителем.

К строке 3. Из-за стертости нижней части буквы на 5-й позиции (аналогичный недостаток и у 6-й руны) нет полной уверенности в том, что мы правильно предполагаем этот знак как ᛘ : ɣ, может быть, это на самом деле ᛋ : r^{1}, но с закругленным штамбом.

Е-68 (Эль-Бажы, Тува)

Нынешнее местонахождение. Минусинский музей, экспозиция, № 37а, б и б/н.

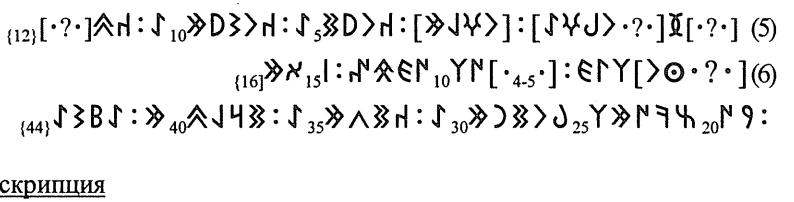
Türk Dilleri Kütüphanesi

Публикации. Насилов 1963, 125-128; Вас.КЕР 1983, 35-36, 72, 113-114; Корм.ТЕЭ-I, 200–205.

Наличие тамги. Внизу перед началом строк выбита тамга восточно-тувинского типа “дуга на кресте”, без диакритических черт: ᛉ.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящену памяти военачальника по имени Кара Барс, имевшему высокие должности *ынанчу* и *чигши*. Составная часть имени *Барс* указывает, по всей вероятности, на принадлежность покойного к правящему кыркызскому клану Барсов. Мемориант надписи Кара Барс был на службе с пятнадцати лет и умер в восемьдесят. Он прощается с сыновьями, супругами, сородичами и своим народом – племенным объединением Ста (родов) Кюмюлей, который вскрылся также в ряде других надписей с тамгой аналогичного типа “дуга на кресте”: Е-44 и Е-45.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) täŋri elimkä biš jašïmda...
(2) säkiz on jašïmda adïrïltïm ajïta äsizim-ä ajïta
(3) qara bars ïnanču čigši bän ajïta äsiz-ä
(4) ...baɣa oɣlï bän äsizim-ä ajïta
(5) ...e...u baɣa oɣlïm qujda qunčujïm-a qat...
(6) ...ŋu älig oɣlï [k]ülüg bän äsizim jüz kümül bodunïm-a qadašïm-a adïrïtïm äkünčä

Перевод

(1) Моему божественному государству с пятнадцати лет я [служил].
(2) В мои восемьдесят лет я расстался (с этим миром), – грустно, как жаль мне!
(3) Я Кара Барс, (с титулами) *ынанчу и чигши,* – грустно, как жаль!
(4) Я – сын ... -бага, – как жаль мне, грустно!
(5) ... мои сыновья, мои супруги в женских покоях ...

Türk Dilleri Kütüphanesi
(б) Я – ... сын ... знаменитый. Как жаль мне, – о, мой народ Ста племен кюмюлей, мои сородичи, – я разлучился, о горе!

Е-69* (Чер-Чарык, Тува)

Нынешнее местонахождение: Минусинский музей, экспозиция, №45.

Публикации: Насилов 1963, 128-129; Батм.-Кунаа III 1965, 25-26; Вас.КЕР 1983, 21, 61, 93; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Краткая эпитафия в честь не названного по имени-званию героя ради памяти о его отваге и славе. Обращение "о, мой дорогой старший брат (*или*: младший дядя)", грамматически не связанное с другими словами во фразе, может принадлежать как речи устроителя памятника (тогда: старший брат – покойный, младший брат – устроитель памятника), так и быть вложено в уста покойного мемориантa как знак прощания и благодарности (тогда: старший брат – устроитель памятника, а мемориант – его младший брат). Других адресатов прощания в тексте (не в последнюю очередь – по вынужденной краткости) нет. Обращает на себя внимание то, что мемориант называет себя и своего (старшего?, младшего?) брата "рабами Божьими", что при дальнейшем изучении может дать ключ к заключениям о религиозной принадлежности не только братьев, но и в целом их податного населения.

* *Текст Е-69 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.62.*

Е-70 (Элегест IV или Ир-Холь, Тува)

Нынешнее местонахождение: Тувинский музей, внутренний двор.

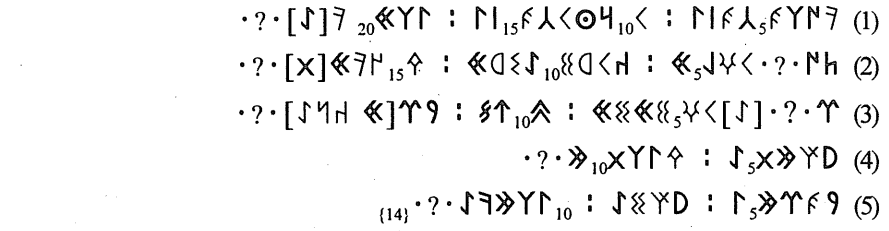
Публикации: Кызласов Л. 1965а, 104–113; Вас.КЕР 1983, 19, 72, 90; Корм.ТЕЭ 1997, 177–180.

Наличие тамги. На лицевой грани стелы под тремя строками, в том числе с именем мемориантa, выбита тамга западно-тувинского типа "дуга над двумя крюками, развернутыми крючками вовне, с диакритической черточкой-отводом от левой стороны дуги вниз", идентичная тамге при надписи Е-52: ᛘ.

Характеристика содержания текста. Надпись, не очень ранняя по палеографии, посвящена знаменитому, как он себя определяет, *чигши*, причем мемориант аттестует себя еще и как *чигши* в воинском звании *урунгу*. С двадцати лет он находился на государственной службе. Мемориант прощается с сыновьями и супругами, а также с родными местами племенного объединения *Девяти огдамдамов*, – этноним, который только недавно от-

Türk Dilleri Kütüphanesi
крылся в нескольких тувинских надписях (см. еще E-51, E-109, E-110) и не находит пока каких-либо подтверждений в других источниках.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) külig čigši uruŋu čigši ilimkä...

(2) tö[rt - ?]... oγlïm qujdančujïm bökmäd[im]...

(3) r²... Ä oγdamdam toquz jär[im qara]...

(4) ...jašïmda bildim

(5) ...jägirmi jašda ilimkä...

Перевод

(1) [Я –] знаменитый *чигши, урунгу–чигши*, ради моего государства...

(2) Четверо (?) ... моих сыновей, моя супруга в женских покоях, – я не насладился (вами)...

(3) Девять земель моих огдамдамских ...

(4) С...лет я стал понимать...

(5) С двадцати (...надцати) лет (я) для моего государства...

E-73* (Ийме, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. Батм.–Кунаа III 1965, 21–22; Вас.КЕР 1983, 36–37, 73; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена памяти Чабыш Огуша, который погиб во время военной экспедиции в пределы уйгурского ханства. Составленная от лица меморианта в 1-м л.ед.ч., характеризует меморианта (самого себя) как обладавшего благодатью доблести и не насытившегося своей доблестью. Для тысячи своих воинов, для своего пассионарного народа, который, как говорит мемориант, способен расширяться, он был твердым военачальником-генералом. Он был рожден в бажественном, богохранимом государстве и был возвышен этим государством и беком, к которому покойный обращает первые слова своего про-

TürkDilleriKütüphanesi
щания. Для древней истории Тувы интересен факт, что этот бек управлял в то время двумя багами, как очевидно из местонахождения памятника – в Западной Туве: скорее всего Тува в этот период не была объединенной.

Текст Е-73 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.64-65.

Е-92 (Демир-Суг, Тува)

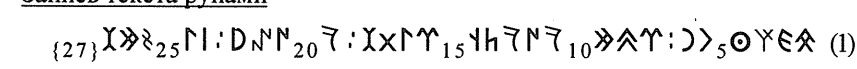
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. Кляшторный, Самбу 1971, 245-249; Вас.КЕР 1983, 41, 75, 117; Корм.ТЕЭ 1997, 156–158.

Наличие тамги. Тамга западно-тувинского типа "дуга над крюком" с горизонтальной чертой внутри дуги, анлогичная тамге при надписи Е-17.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена *тутуку* – наместнику центрального правительства, управлявшего областью с иноэтничным населением. Именно к этому населению обращается мемориант, указывая в качестве своей заслуги, что он управлял податным народом согласно его же законов. Помимо чина *тутука* мемориант имел также звание генерала, причем этот чин у него входит также в его имя мужа-воина.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) bäg saŋun är atïm kök täŋridä : kün aj : äsizimä

(2) saŋun tutuq : bän ujar üčün törüŋin : etä bärdim

Перевод

(1) Мое имя (и звание) мужа-воина – бек-генерал. В синем небе солнце и луна, – о, жаль мне!

(2) Я, генерал и правитель области (генерал-губернатор), во имя [своей] чести устраивал твою [жизнь, народ,] по законам.

Е-96 (Хемчик-Бом, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, стеларий.

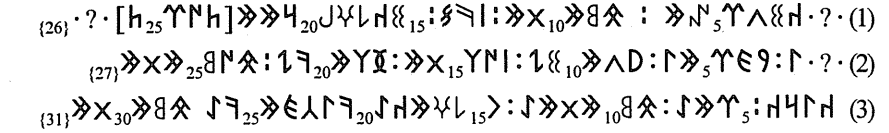
Публикации. Вас.КЕР 1983, 41, 76, 119; Корм.ТЕЭ-I 1997, 146–148.

Наличие тамги. Между второй и третьей строками надписи в окружении букв (не перед началом строк, как обычно) выбита тамга западно-тувинского типа "дуга над крюком", без каких-либо диакритических черт.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Характеристика содержания текста. Надпись содержит прощальное слово полководца, не представленного в сохранившейся части надписи никаким именем, чином или званием, но с молодых лет (видимо, с 16, – на числительном повреждение букв) водившего войска в походы. Мемориант прощается с воинами-сородичами, своим имуществом, государством, а также, мужами-воинами – командирами и рядовыми.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) qadaš äränim: bökmädim : säkiz : adaqlïγ barïmïm tört...
(2) ...ï : jägirmi : jašïmda : sülädim : elimkä : bökmädim
(3) qïrq: ärimä : bökmädim-ä : uluγïmqa kičigimkä bökmädim
(4) jurt...

Перевод

(1) Мои соплеменники воины-мужи, – я не насладился (вами)! Мое восьминогое имущество (т.е. юрты), четыре[хногий скот мой – ?]...
(2) С шестнадцати (семнадцати –?) лет я водил войска. Моим государством я не насладился!
(3) Сорока своими мужами(-дружинниками) я не насладился! Моими большими и малыми [подданными] я не насладился!
(4) [Мой] (земельный) удел...

Е-98 (Уйбат VI, Хакасия)

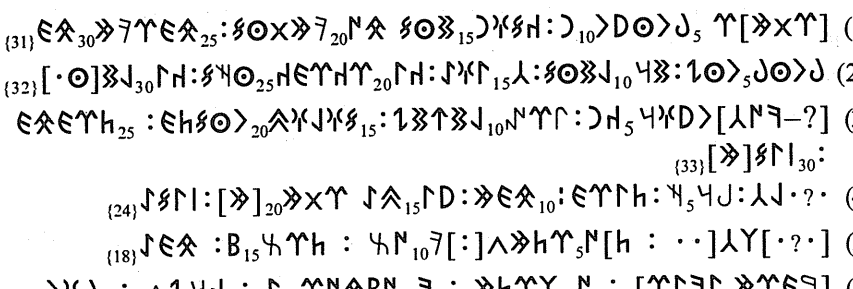
Нынешнее местонахождение. Абаканский музей, в экспозиции.

Публикации. Бутанаев 1973, 149–152; Вас.КЕР 1983, 27, 76, 119; Корм.ТЕЭ-I 1997, 117–123; Аманжолов 2003, 145–148.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена памяти военачальника Тириг-бека, сделанной от имени его личной дружины в 40 воинов, которую, по их собственному выражению, смерть осиротила. Мемориант отличался личной отвагой – он убил двадцать два воина врага, был великолепным охотником, но особенно подчеркивается его неукротимость в войне с уйгурами. Это дает возможность датировать саму надпись временем не намного позже 840 г. н.э. – даты завоевания кыркызами уйгурского кагната.

 Türk Dilleri Kütüphanesi

Транскрипция

(1) [ärdäm] är buŋajun qazγandïŋïz bökmädiŋiz bäg ärkim bäg

(2) buŋ buŋa adïrïldïŋïz ačïγ-a qirq ärig qaŋsïz qïldï[ŋïz]

(3) [küč] ujγur qan järin alduqda azïγlïγ toŋuz täg tirig bäg äsizim

(4) ...alïč(?) bars tirig bägim ajït-a ärdäm[...] äsiz-ä

(5) ... lč(?) törärtmiš küz tärzük(?) bäg-ä

(6) [jägirmi äki är] ölürtim kök böri qara as buγu ölürtim

(7) ...bu j... miz...

Перевод

(1) Доблестные мужи печалятся: Вы (много) добыли, но не насладились, о бек из благородных беков!

(2) Печаль из печалей, – Вы отделились [от нас], о горе, – сорок мужей-воинов Вы оставили (букв.: сделали) без отца!

(3) При взятии земель [сильного] уйгурского хана , Вы, Тириг-бек, [были] словно клыкастый вепрь, – о, жаль мне!

(4) ...мой бег Алыч(?) Барс Тириг, – как грустно! О моя доблесть, – как жаль!

(5) ...сотворенный..., – о, бек!

(6) Я убил [двадцать два мужа-воина] (врага). Я убивал синих (серых) волков, черных соболей (?), оленей.

(7) ...этот ... наш...

Е-100 (Баян-Кол, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

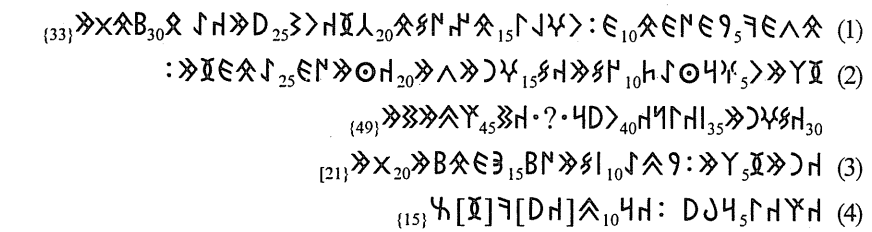
Публикации. Васильев 1976а, 97–101; Вас.КЕР 1983, 42–43, 76, 120; Корм.ТЕЭ-I 1997, 247–252.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Наличие тамги. Надпись сопровождается тамгой "крест с двумя крюками и с диакритической чертой вверху слева, идентичная тамгам при надписях Е-10 и Е-147: 𐰼. Указанный тип тамги встречается при надписях из Восточной Тувы.

Характеристика содержания текста. Надпись составлена от имени сына канцлера государства по имени Бешгек Йегюк-бек, чье имя названо первым, тогда как имя мемориантa называется, видимо, в заключительной, четвертой строке текста. Это соотношение в порядке называния имен говорит, скорее всего, за то, что мемориант умер еще при жизни своего весьма высокопоставленного отца, вероятно, в молодом возрасте, поскольку он прощается с супругой, но традиционного упоминания о сыновьях нет (еще не было?). Возможно, сын-мемориант управлял личной дружиной отца в сорок мужей, либо он сражался и погиб в боевых действиях, которые вела эта дружина, почему покойный ставит себе в заслугу, что он "не бросил сорок благородных мужей-сородичей".

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) bäšgäk jägüg bäg oγlï bän öz äbči qunčujïmqa bökmädim
(2) elim oγrïŋa tözüm qazγanmïšïm qaŋïm ögä bägim qazγanmïš qïrq ujar... qadaš atmadïm
(3) qanïm elim ajïta äsizim ökünčig bökmädim
(4) qašqïr baj : qart qaj kez

Перевод

(1) Я – сын Бешгек Йегюк-бека. Своей женой-супругой я не насладился.
(2) Все, что я приобретал – [все это] ради моего государства. Я не бросил ... сорок благорородных сородичей, тех что приобрел [еще] мой отец, огябек.
(3) Мой хан, мое государство,– о горе, мне жаль, скорбь – я не насладился.
(4) Кашкыр Бай Карт ...

Е-104 (Означенное II, Хакасия)

Нынешнее местонахождение. Абаканский музей, экспозиция.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Публикации. Васильев 1978, 95–96; Вас.КЕР 1983, 24, 77; Корм.ТЕЭ-I 1997, 40–44.

Наличие тамги. Тамга хакасского типа "угол, вписанный снизу в часть окружности": ᛤ. Идентична тамгам при надписях Е-25 и Е-48. Как и в Е-48, здесь тамга тоже композиционно включена в надпись, т.е. находится посереди букв, хотя и ближе к началу строк.

Характеристика содержания текста. Надпись настолько фрагментарна, что практически, кроме двух-трех слов не читается. Правда, в четвертой строке наверняка представлены деплоративные слова ajïta äsiz ‘о горе, о жаль’, которые не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами эпитафия.

Запись текста рунами

[·?·]᛬ᛁ᛭ᛋᚲ (1)

[·?·]ᛉᚴᚺ (2)

[·?·]ᛋᚺᚠᛩ (3)

[·?·]ᚠᛕ : ᛋᚴᛁᛇ᛭ᚴᛇ (4)

[·?·]᛬ᛁ᛭ᛋᚲ (5)

[·?·]ᛋᛞ (6)

[·?·]ᛉ[·?·] (7)

[·?·]᛬·᛭ : ᛇᛦ[·?·](8)

Транслитерация

(1) ʊZt¹PM...

(2) t²Ir²...

(3) j²üZ...

(4) AIt¹As²IZ : kü...

(5) ʊZ t¹PM...

(6) j²Ŋ...

(7) ...r²...

(8) ...ɣA : t¹.M...

Примечание: Ввиду сильной фрагментарности текста разбивка на слова (транскрипция) и перевод не складываются, кроме четвертой строки, см. выше.

Е-108* (Уюк-Оорзак I, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. Чадамба 1975; Чадамба, Васильев 1980; Васильев, Чадамба 1981; Вас.КЕР 1983, 15, 77, 85; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Перед началом строк слабо разлимы следы тамги восточно-тувинского типа "дуга на кресте": ᛉ.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Характеристика содержания текста. Надпись составлена от имени сына некоего Кюн Чокбе, и возможно, что слава отца служила дополнительным фактором для установки памятника сыну (если нам удалось правильно интерпретировать слово kötü в заключительной фразе надписи). Мемориант говорит о своей безупречной доблести, одним из итогов которой он считает 22 убитых им воинов врага, прощается с ханом, государством и 50 мужами, как вероятно, своей дружины, упоминает одним словом тризну по себе, что равносильно признательности мемориантa соратникам.

Текст Е-108 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.67-68.

Е-109 (Уюк-Оорзак II, Тува)

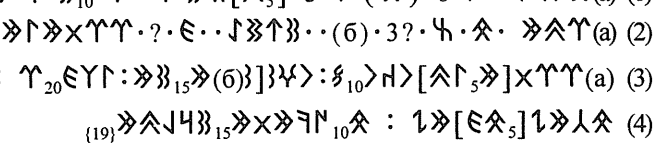
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. Чадамба 1975; Чадамба, Васильев 1980; Васильев, Чадамба 1981; Вас.КЕР 1983, 16, 77, 86; Корм.ТЕЭ-I 1997, 264–267.

Наличие тамги. Внизу, перед началом строк выбита тамга северно-тувинского типа "птичья лапа": .

Характеристика содержания текста. Надпись составлена от имени витязя из народа *Девяти (родов) огдамдамов*. Ради доблести мемориант (собственное имя его на стеле, к сожалению, оказалось поврежденным) убил пятьдесят воинов врага. Он прощается с женой и беком народа.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) biŋ är : ...
(2) är atïm b^2...buqda...g... är ärdämim äsizim
(3) är ärdämi toquz oγdamdam ilig är ölürdim ärinč
(4) äbčim-ä [bäg]im-ä bökmädim adïrïldïm

Перевод

(1) Тысяча мужей-[моего народа], ...
(2) Мое имя мужа-воина – Б..., Моя, доблесть мужа-воина, – жаль мне!
(3) [Ради] доблести мужа-воина, [во имя] Девяти огдамдамов я убил пятьдесят мужа-воинов (врага), – о несчастье (моя смерть)!
(4) О, моя жена, о, мой бек, – я не насладился (вами), я разлучился (с вами).

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-110 (Уюк-Оорзак III, Тува)

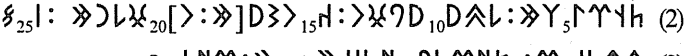
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

*Публикации.*Чадамба 1975; Чадамба, Васильев 1980; Васильев, Чадамба 1981; Вас.КЕР 1983, 16, 77, 86; Корм.ТЕЭ-I 1997, 267–270.

Наличие тамги. Внизу, перед началом строк выбита тамга северно-тувинского типа "птичья лапа": .

Характеристика содержания текста. Надпись составлена от лица воина из народа *Девяти (родов) огдамдамов*, который прощается с землей своего народа, своей супругой и сыновьями, но перед членами семьи он называет божественное, или богохранимое государство и рядом, т.е. в качестве главы этого государства, – ябгу Алтая, – факт, должный привлечь внимание историков.

Запись текста рунами

(1) (2) (3) (4)

Транскрипция

(1) är ärdämi : toquz : oγdamdam : järim äsizim-ä
(2) täŋri älim altaj jabγu qunčujïm oγlanïm äsizim-ä
(3) toquz är tört jüz qadašïm är üč...
(4) täŋri älimkä...

Перевод

(1) Доблесть мужа-воина, моя земля Девяти огдамдамов, – о, жаль мне!
(2) Мое божественное государство, ябгу Алтая, моя супруга, мои сыновья, – о, жаль мне!
(3) Девять мужей-воинов [ради] четырехсот моих соплеменников...
(4) Моему божественному государству...

E-120 (Тугутюп, Хакасия)

Нынешнее местонахождение. Красноярский музей.

Публикации. Кызласов 1979; Васильев 1981; Вас.КЕР 1983, 44, 124; Корм.ТЕЭ-I 1997, 129–132.

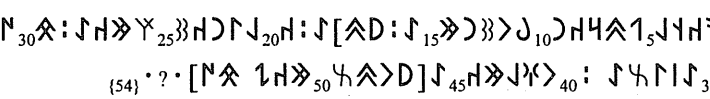
Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись составлена от имени отважного тархана (имя либо этническая принадлежность повреждены),

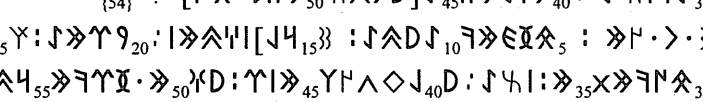
Türk Dilleri Kütüphanesi

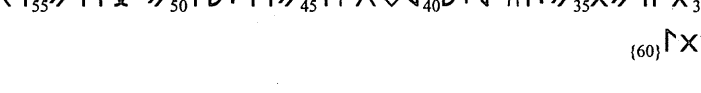
который прощается со своим народом, многочисленными сородичами, сыновьями, женами. В другой фразе надписи мемориант прощается с беком государства и родиной; здесь же приведена недостаточно хорошо понимаемая нами сентенция об успешной, видимо, борьбе мемориантa с врагами.

Запись текста рунами

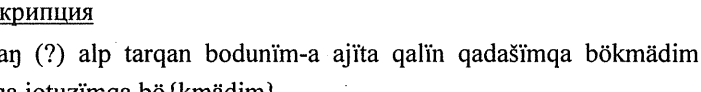

(1)

(2)

Транскрипция

(1) ...k qaŋ (?) alp tarqan bodunïm-a ajïta qalïn qadašïmqa bökmädim äsizä oγlïmqa jotuzïmqa bö{kmädim}

(2) ...m bägimkä ajïta adïrïltïm-a järim-ä subum-a bökmädim äsiz-ä jalŋus ölmüš är jaγïm erkim art...ärdi

Перевод

(1) [Я –] отважный тархан ..., о, мой народ, печально! – я не насладился своими многочисленными сородичами. О, жальМоими сыновьями, моими супругами – я не насладился!

(2) Своим беком, моим ... (родственником – ?), – печально – я не насладился! О, моя земля, мои реки, озера, – я не насладился (вами), о, жаль! Не одного врага поразил я!

Е-134* (Усть-Сос, Хакасия)

Нынешнее местонахождение. На месте первоначального начертания надписи, центральная часть Хакасии.

Публикации. Вас.КЕР 1983, 45, 79; Кызласов 1994, 183, 185, рис.17, 2; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга отсутствует.

Характеристика содержания текста. Надпись относится к жанру поминальных, которой собравшиеся в соответствующем месте – на древнем кургане, зафиксировали ритуал поминок по одному из своих товарищей.

Текст Е-134 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.26.

Türk Dilleri Kütüphanesi

E-147 (Ээрбек I, Тува)

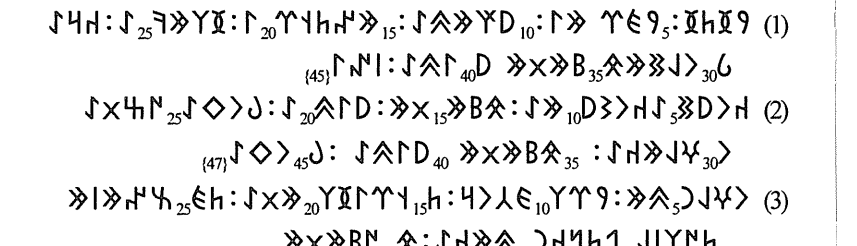
Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.

Публикации. Корм.ТЕЭ-I 1997, 252–254.

Наличие тамги. Внизу перед началом строк выбита тамга с типовым рисунком "крест с двумя крюками" и с диакритической чертой вверху слева, идентичная тамгам при надписях E-10 и E-100: 𐰴̄. Указанный тип тамги встречается при надписях из Восточной Тувы.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена должностному лицу *тархану* (ответственному за сбор налогов) у народа *тёлесов*, который с семнадцати служил божественному (кыркызскому) государству, неоднократно совершал военные экспедиции. Он прощается со своими супругами, сыновьями, своими подданными, горюет о хане и государстве, окружающем мире.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) jiti jägirmi jašïmda män täŋri elimkä qara boldïm bökmädim ajïta äsni
(2) qujda qunčujüm-a bökmädim buŋa özdä oɣlïmqa bökmädim ajïta buŋa
(3) oɣlan atïm järlig čor täŋri elimdä tägzinmišim töläs alp tarqan atïmqa bökmädim
(4) kök täŋridä äsiz kün aj ärmiš jaɣïz järdä äsiz el qan ärmiš bökmädim ajït-a äsizä
(5) bodunïma boqunïma bökmädim ajïta äsizimä uluɣïm kičigimä bökmädimä ajït-a äsizlärimä

Перевод

(1) С семнадцати лет я стал служить моему бого(хранимому) государству и не насладился, о горе!

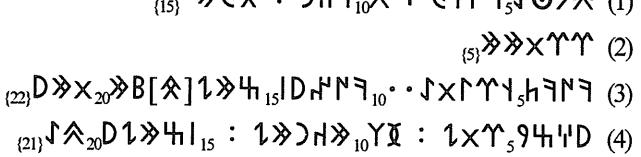
Türk Dilleri Kütüphanesi

(2) О мои супруги в женских покоях, – я не насладился, о горе, печаль! Моими собственными сыновьями я не насладился, – о горе, печаль!
(3) Мое юношеское имя – Йерлиг-чор. Из моего бог(хранимого) государства я уходил (и возвращался). Своим титулом доблестного тархана тёлесов я не насладился!
(4) В голубом небе – жаль – были солнце и луна, на бурой земле – жаль – были государство и хан: я не насладился (ими), о жаль, о горе!
(5) О, мой народ, мое население, – я не насладился, о горе, о жаль мне! О, мои великие и мои малые (подданные) – я не насладился (вами), о горе, о жаль мне!

E-149 (Ээрбек II, Тува)

Нынешнее местонахождение. Тувинский музей, внутренний двор.
Публикации. Корм.ТЕЭ-I 1997, 254–256.
Наличие тамги. На узкой стороне, внизу, перед началом первой строки с именем морианта, выбита тамга с типовым рисунком "крест с двумя крюками" и с диакритической "птичкой" у среднего штамба: 𐰼. Данный тип тамги с вариациями по диакритике встречается еще в четырех надписях из восточной части Тувы – E-10, E-59, E-100, E-147.
Характеристика содержания текста. Надпись посвящена Тонга Кюлиг Тархан беку, который прощается в очень схожих с надписью E-147 выражениях с солнцем и луной в небесах, с государством и ханом на земле, с сородичами. Заключительная строка, если мы ее правильно понимаем, содержит сильную экспрессию морианта по поводу того, что жизнь обрывается так внезапно, на подъеме.

Запись текста рунами

(1) (2) (3) (4) (5) (6)

Транскрипция

(1) toŋa külig tarqan bäg m[^{a}n]
(2) är ärdämim
(3) kök täŋridä[ki] kün aj äsizimä [b]ökmädim aj[ïta]
(4) jaɣïz järdä elim qanïma : äsizimä ajïta

Türk Dil Kurumu Kütüphanesi
(5) qadašïma ajïta äsizimä bökmädim ajïta
(6) töp töpädä birkä tükändimä

Перевод

(1) Я - Тонга Кюлюг-тархан-бек.
(2) Моя доблесть мужа-воина.
(3) Солнце и луна на голубом небе, – о жаль мне, я не насладился, о горе!
(4) О, мой эль и мой хан, что на бурой земле, – о жаль мне, о горе!
(5) О мои сородичи, – о горе, о жаль мне, я не насладился, о горе!
(6) На самой вершине я иссяк в одночасье!

E-152 (Шаньчи II, Тува)

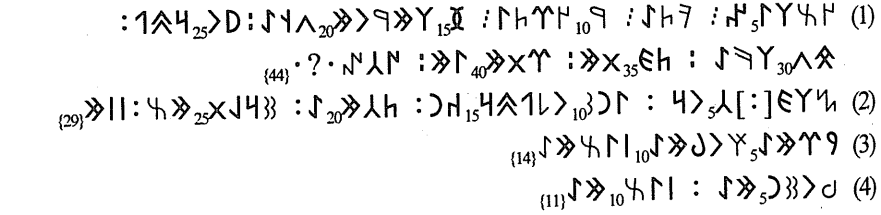
Нынешнее местонахождение. На месте первоначального сооружения, на западе центральной части Тувы.

Публикации. Корм.ТЕЭ-I 1997, 149–150.

Наличие тамги. Тамга западно-тувинского типа, без диакритических знаков: 𐰴.

Характеристика содержания текста. Надпись составлена от имени Энлиг-чора, или принца Энлига, имевшего в служебной иерархии должность и чин *тархана*. Мемориант обращается с прощальным словом к *ата* – старшему брату своего отца, который, очевидно, и являлся главой государства (удельного княжества). Однако юртом (уделом) своего отца уже владел, видимо, мемориант, "водя свой собственный *эль*". Очевидно, по этой, отцовской линии он имел титул тархана, но, оставаясь еще младшим в роду, продолжал носить юношеское имя принца. Во имя своей доблести мемориант возглавил посольство своей страны к Пяти государствам (Восточный Туркестан – ?). Это было либо главным жизненным достижением мемориала, либо его последним большим предприятием, из которого он и не вернулся. Прощальный привет покойный посылает своей родине и своему народу.

Запись текста рунами

Транскрипция

(1) öz älin kätä jürit[t]i elim jumušïŋa jorïtïp bäš ilkä tägdim ärdämim üčün ...
(2) änlig čor ïnanču alp tarqan atačïma adïrïldïmïz äsisim

Türk Dilleri Kütüphanesi

(3) järimä subïma äsizimä
(4) bodunïma äsizimä

Перевод

(1) Он увел свои племена. Поведя посольство моего государства, я во имя своей доблести достиг Пяти государств.
(2) [Я –] Энлиг-чор. О, мой старший дядя *ынанчу* и могучий *тархан*, – мы разлучились, о, жаль мне!
(3) О, моя земля, мои реки и озера, – о, жаль мне!
(4) О, мой народ, – о, жаль мне!

Исправления и добавления

К строке 1. О том, что bäš il-kä следует понимать как "в Пять государств", заметил турецкий рецензент нашей книги Х.Ачыкгёз [Açıkgöz 1998, 233].

Е-153* (Алаш I, Тува)

Нынешнее местонахождение. На месте первоначального сооружения, в западной части Тувы.

Публикации. Кормушин 2000; Корм. ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга особого типа "два ромба и соединительные черты (см. ч. I, рис.3 на стр.74).

Характеристика содержания текста. Надпись на скале содержала эпитафию Урунгу Чору – принцу, имевшему воинское звание командира полка. Он прощается с родиной, которую именует "Семь рек", – топоним, который еще не фигурировал в енисейских текстах.

Текст Е-153 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.71.

Е-154* (Алаш II, Тува)

Нынешнее местонахождение. На месте первоначального сооружения, в западной части Тувы.

Публикации. Кормушин 2000_1; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга особого типа "два ромба и соединительные черты (см. ч. I, рис.4 на стр.74).

Характеристика содержания текста. Данный текст содержит воинское имя поминаемого этой надписью человека: Йелиз.

Текст Е-154 в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.74.

Türk Dilleri Kütüphanesi

С* (Суджи, Монголия)

Нынешнее местонахождение. Не известно.

Публикации. Ramstedt 1913; Малов 1926; Or.ETY I, 153–159; Мал.ЕПТ, 84–90.

Наличие тамги. Тамга особого типа, см. выше, ч. I, рис. 5, с.75.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящена представителю кыркызской администрации – министру при премьер-министре и судье, получившему назначение на бывшие уйгурские земли, очевидно, вскоре после победы кыркызов в 840 г. над уйгурами. В эпитафии от первого лица умерший рассказывает подробно о своем материальном достатке и семейном положении, особо упоминая щедрый дар своему наставнику в манихейской религии.

Текст С в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.75–81.

Дрв* (Дарвь, Монголия)

Нынешнее местонахождение. На месте первоначального сооружения, в западной части Монголии.

Публикации. Кормушин 2005_2; Корм.ТЕЭ-II.

Наличие тамги. Тамга особого типа: уголок, касающийся горизонтальной черты.

Характеристика содержания текста. Надпись посвящену памяти полководца Ай-Чора, одержавшего победу в кровопролитном сражении с двадцатитысячным войском противника (противник не назван ни этнически, ни именем полководца), причем десять тысяч человек было истреблено.

Текст Дрв в записи рунами, транслитерации, транскрипции и переводе на русский язык см. выше, ч.I, с.84.

На развороте следующих страниц, с.170–171, предваряя фонетический очерк, я повторяю таблицу знаков орхоно-енисейского письма в их соответствиях буквам латинизированной транслитерации и транскрипции, составленную мной для первой книги [Корм.ТЕЭ-I 1997,18–19]. Сложившиеся в тюркологии в течение многих лет исследовательской практики системы транслитерации и транскрипции оригинальных систем письма, в первую очередь рунического, у истоков которых стояли наши великие учителя В.В.Радлов и В.Томсен, однозначно передают буквенную и фонетическую (фонемную) стороны текста. Что касается передачи рунических знаков, то, несмотря на то, что в моей таблице и соответственно в компьютерном шрифте, специально изготовленном для моих изданий шрифт-дизайнером С.Г.Болотовым[15], они собраны в изрядном числе разнообразных ареальных и

[15] За что еще раз приношу С.Г.Болотову большую благодарность.

Türk Dilleri Kütüphanesi

хронологических вариантов, прежде всего енисейскго дукта, все же еще раз следует обратить внимание читателя на то, что сколь бы различны они ни были, это – всего лишь типовые изображения, которым не хватает многих конкретных (не обязательно индивидуальных) особенностей графем. Этот недостаток шрифтового отображения оригинальных начертаний преодолевается только в фотовоспроизведениях. Фотографии некоторых памятников приложены к этой книге, но они имеют чисто иллюстративное значение, не заменяя настоящих многоракурсных, многофрагментных, палеографически направленных фиксаций древних письмен. Это – задача особых изданий. «Атлас» Д.Д.Васильева [Вас.КЕР 1983], одно из таких изданий, выполнил свою положительную роль, но сейчас полиграфические возможности издательств значительно возросли. Поэтому подготовка и публикация добротного изобразительного материала памятников, содержащих древнетюркские рунические надписи, найденные прежде всего на территории Российской Федерации, продолжает оставаться насущной потребностью нашей тюркологической науки.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Таблица знаков орхоно-енисейского алфавита
и их транслитерационно-транскрипционных соответствий

№	Графемы рунического письма	Транслитерация	Транскрипция
1.		A, Ä	a, ä
2.		b¹	b
3.		b²	b
4.		Č	č
5.		i͡č, č͡i	ič, či
6.		d¹	d
7.		d²	d
8.		ɣ	ɣ
9.		g	g
10.		I	i, ï
11.		j¹	j
12.		j²	j
13.		q	q
14.		k	k
15.		ï͡q, q͡ï	ïq, qï
16.		ᵘ͡q, q͡ᵘ,	oq, uq, qo, qu
17.		ö͡k, k͡ö	ök, ük, kö, kü
18.		l¹	l
19.		l²	l
20.		L͡T	lt
21.		M	m
22.		n¹	n
23.		n²	n
24.		N͡Č	nč
25.		N͡T	nt
26.		ŋ	ŋ

Türk Dilleri Kütüphanesi

Продолжение таблицы

№	Графемы рунического письма	Транслитерация	Транскрипция
27.		орх. ń /ен. N͡Č	ń / nč
28.		ʊ	o, u
29.		ʊ̈	ö, ü
30.		P	p
31.		r^1	r
32.		r^2	r
33.		s^1	s
34.		s^2	s
35.		Š	š
36.		t^1	t
37.		t^2	t
38.		Z	z
39.		e	e
40.		ə	e, ä
41.		d͡^{i}m	dim, däm
42.		^{i}m͡, m͡^{i}	im, mi, m
43.		Ɲ	ŋ
44.		^{u}P	op, up
45.		Ꞩ	s, š
46.		Ś	s, š
47.		Σ	s, š
48.		Ş	s, š
49.		Š^{I}M	šim
50.		LIQ	lïq (?)
51.		(?)	(?)
52.	 (словоразд.)	:	не отражается

Türk Dilleri Kütüphanesi

Часть III

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(в сравнении с орхонскими)

ФОНЕТИКА

В звуковом строе языка енисейских надписей мы не находим ничего принципиально отличного от звукового строя языков, отраженных орхонскими и древнеуйгурскими руническими надписями, а также древнеуйгурскими рукописями из Восточного Туркестана. Это касается состава гласных и согласных фонем, морфонологии (совокупности ассимилятивных явлений внутри слова) и целого ряда консонантных звукосоответствий. По всем этим позициям указанные варианты древнетюркского письменно-литературного языка сохраняют в целом положение, близкое или идентичное общепратюркскому состоянию.

Так, в составе вокализма нет каких-либо категорий гласных, кроме кратких. Трактовка отдельных случаев некоторых непоследовательностей орфографирования слов как свидетельств отражения первичных долгот представляется неубедительной. Сонанты *g, ŋ* и др., падение которых явилось причиной возникновения в тувинском, хакасском, якутском, алтайском, киргизском и родственных им диалектах вторичных долгих гласных, в древнетюркский период еще везде стоят на месте.

Что касается консонантизма, древнетюркские письменно-литературные языки включая енисейско-тюркский характеризуются следующими общими особенностями:

1) ин- и ауслаутным *d* (adaq ‘нога’, bod ‘племя’) вместо огузо-кыпчакско-позднекарлукского *j* (ajaq) или хакасско-шорско-чулымско-сарыгюгурского *z* (azak);

2) ин- и ауслаутным *ɣ/g* (qulɣak ‘ухо’, qapïɣ ‘дверь, ворота’), утраченного в огузской группе и сохраненного в северо-восточной – в хакасском, тувинском и родственных им диалектах;

3) анлаутным *j* (jat- ‘лежать’, jol ‘дорога’), сохраняющимся повсюду в огузских и отчасти в кыпчакско-позднекарлукских диалектах, но давшим разнообразные отражения в виде *č, ʒ, s, d′, z′* и т.п. в большинстве кыпчакских и почти всех северо-восточных диалектах;

4) анлаутными глухими *t u q/k*, которые во многих современных диалектах расщепились на пары по глухости/звонкости или силе/слабости: *t/d* в огузской группе, в тувинском, якутском языках, *k/g* в огузских языках и *k/x* в тувинском, якутском языках.

Türk Dilleri Kütüphanesi

К этому следует добавить, что древнетюркский язык представляет собой тюркско-небулгарский консонантный тип, характеризующийся в соответствиях ротацизма–зетацизма и ламбдаизма–сигматизма звуками *z* и *š* (kïz ‘девушка’, öküz ‘бык’ и kïš ‘зима’, kümüš ‘серебро’).

Гласные

Таблица гласных звуков

	Ряд			
Подъем	Передний		Задний	
	Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Верхний	*i*	*ü*	*ï*	*u*
Средний	*ę*	*ö*		*o*
Нижний	*e*		*a*	

Краткие гласные. Вокализм языка енисейских надписей предстает в виде системы из 9 кратких гласных. Положение о существовании здесь девятого гласного, нарушающего попарную симметрию передних и задних гласных (ср.: *i – ï, ü – u, e – a, ö – o,* но нет пары для гласного среднего ряда *ę* в колонке “задних неогубленных”), обосновал в свое время В.Томсен. Он привел два рода фактов.

1) В определенной группе слов корневой гласный неустойчив, он передается то через *i*, то через *e* (в руническом письме *i* всегда выписывается, а на *e* указывает пропуск гласного). Чередование *i* ~ *e* наблюдается в таких словах: 𐰴𐰍 il / 𐰴 el ‘государство’, -ḫ𐰴𐰍 ilt- / -ḫ𐰴 elt- ‘водить, носить’, 𐱅𐰴𐰍 ilig / 𐱅𐰴 elig ‘50’, 𐰺𐰍𐰘 biš / 𐰺𐰘 beš ‘5’, 𐰍𐱃𐰍 iki / 𐰍𐱃 eki ‘2’, 𐰃𐰍 iš / 𐰃 eš ‘товарищ’, 𐰍𐰉𐰍 ičі / 𐰍𐰉 eči ‘старший брат’, – и некоторых других. Во всех прочих случаях (кроме данной группы слов), когда пишется однозначно и последовательно либо *e* (в одних словах), либо *i* (в других словах), мы действительно имеем дело с фонемами *e* или *i*. Однако в словах, обнаруживающих чередование *e* ~ *i*, перед нами, как предложил интерпретировать это В.Томсен, выступает иная фонема, не равная ни *e*, ни *i*, – закрытый, или полуширокий гласный *ę*.

2) Несколько позже В.Томсен, проанализировав употребление в енисейских надписях особого алфавитного знака 𐰋, которого нет в орхонском варианте рунического алфавита, предположил, что руна 𐰋 использовалась специально для передачи этого закрытого *ę*.

К тому, чем оперировал В.Томсен, следует добавить третью группу фактов, а именно положение дел в вокализме живых диалектов. Большинство современных тюркских языков имеет либо восьмиричную, либо девятиричную систему кратких гласных (единично есть системы и с иным количеством гласных). Симметричная восьмичленная система кратких гласных зафиксирована в тувинском, шорском, сарыг-югурском, якутском, алтайском, киргизском, балкарском, кумыкском, крымскотатарском, карачаево-

Türk Dilleri Kütüphanesi
балкарском, караимском, салярском, турецком; асимметричная девятичленная – в хакасском, татарском, башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском, туркменском, азербайджанском, гагаузском.

Долгие гласные. В орхоно-енисейской графике нет специальных знаков и нет специальных орфографических приемов для передачи долгих гласных. В истории тюркских языков различают «первичные» и «вторичные» долгие гласные. «Первичные» – это такие долгие гласные, существование которых рядом тюркологов приписывается тюркскому праязыку. Реконструкция «первичных» долгих в тюркском праязыке основана на "совместных" показаниях ряда живых языков – прежде всего, якутского, туркменского, халаджского, – но очень отрывочно, по отдельным словам сохраняются данные, в том числе косвенные, и в некоторых других диалектах. Все эти частично сохранившиеся свидетельства заключаются в том, что в определенных словах указанных языков и диалектов находятся долгие гласные (монофтонги, дифтонги или полифтонги), которые нельзя объяснить так же, как объясняется происхождение «вторичных» долгих. Например:

туркм. *ām*, якут. *ām*, халадж. *āt* 'имя';

туркм. *ōt*, якут. *уот*, халадж. *huot* ~ *hōt* 'огонь';

туркм. *gы̄z*, туркм. диал. *gы̄ńz*, якут. *қы̄с*, халадж. *qī̯z* 'девушка';

туркм. *ōl*, якут. *үөл*, халадж. *hi̯ᵉl* 'сырой, влажный'.

«Первичные» долгие гласные, существовавшие в пратюркском языке (а возможно, лишь в какой-то его диалектной зоне), отличаются (по происхождению, но не по качеству самих звуков, если только речь не идет о дифтонгах) от так называемых «вторичных долгих» гласных, образовавшихся в ряде тюркских языков – хакасском, шорском, чулымском, тувинском, тофаларском, якутском, алтайском, киргизском, – в более поздний период их самостоятельного существования. Сложение такого типа гласных в этих языках происходило благодаря падению интервокальных сонантов, главным образом *ɣ/g*, и последующему слиянию двух соседних гласных в один долгий звук:

общетюрк. *aɣïr 'тяжелый' > *aar* > *ār* (хак., тув., гаг.), *ыар* (якут.), *ȳr* (алт.); но ср. с этим судьбу данного слова в других языках, в которых сонант сохранился и вторичная долгота поэтому не возникла: *ағыр* (туркм., азерб., крым.-тат., караим.), *оғир* (узб.), *эғир* (уйг.), *авыр* (казах., тат. и др.);

общетюрк. *oɣul 'сын' > *ool* > *ōl* (хак., тув, гаг.), *уол* (якут.), *ȳл* (алт., кирг.), – но: *оғул* (туркм., азерб., уйг.), *овул* ~ *увул* (караим.), *увыл* (ног.);

общетюрк. *siŋök ~ söŋök 'кость' > *сӧӧк* > *сӧ̄к* (хак., тув, тоф., алт., кирг.), – но: *уңуох* (якут.), *сүмүк* (азерб.), *сүйек* (кумык., ног., балк. и др. языки кыпчакской группы.

В орхоно-енисейских памятниках все такого типа слова имеют написание с сонантом: 𐰴𐰺 : (a)ɣ(ï)r 'тяжелый', 𐰴𐰾 : oɣ(u)l 'сын', 𐱅𐰴𐰾 : söŋ(ü)k 'кость'. Следовательно, процесс образования «вторичных» долгих в тот период (VIII–X вв.) еще не начался.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Согласные

Таблица согласных звуков

По способу образования			По месту образования			
			Губно-губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные
Шумные	Смычные	Звонкие	*b*	*d*		*ɣ / g*
		Глухие	*p*	*t*		*q /k*
	Щелевые	Звонкие		*z*	*j (йот)*	
		Глухие		*s, š*	*č*	
Сонорные	Носовые		*m*	*n*	*ń*	*ŋ*
	Неносовые			*l*		
				r		

В области консонантизма язык орхоно-енисейских надписей характеризуется целым рядом древних особенностей.

Инлаутный *d*. Не только языку орхоно-енисейских надписей, но и в целом древнетюркскому языку во всех его локально-хронологических вариантах, свойственно наличие в середине определенного ряда слов согласного *-d-*, в то время как другие древние и современные тюркские языки в этих же словах последовательно имеют другие согласные: *-ḍ-*, *-z-*, *-t-*, *-j-*, *-r-*. Например, у слова со значением ‘нога’ (а также ‘низ, нижняя часть *чего-л.*’) существовали и существуют такие формы:

adaq (орх., ен., др.-уйг., тув., тоф.), hadaq (халадж.), aḍaq (карах.-уйг.), *amax* (якут., долг.), *азах* (хак., сарыг-югурск.), *ура* (чуваш.), *айақ* (туркм. и др. языки огузской, кыпчакской и карлукской групп) .

В число слов, имеющих в древнетюркских рунических памятниках инлаутный согласный *d* (которому в средневековых и современных языках соответствуют *-j-* ~ *-ḍ-* ~ *-z-* ~ *-r-* и др.), входят такие лексемы: adïr-, adïrïl- ‘отделять’, ‘отделяться, разлучаться’; adɣïr ‘жеребец’; bedü-, bedük ‘расти’, ‘высокий’; edi ~ idi ‘совсем (не)’; edgü ‘хороший; добро’; idi ‘хозяин’; jadaɣ ‘пешком’; ked-, kedim ‘одеваться’, ‘одежда’; kidiz ‘войлок’; kidin ‘позади, после’; küdegü ‘зять’; qadïn ‘тесть’; qadïr ‘суровый’; qod- ‘класть’; qudruq ‘хвост’; odɣur- ‘будить’; öd ‘время’; tod- ‘насыщаться’; ud-, uduz- ‘следовать (*за кем-л.*)’, ‘заставлять следовать (*за собой*), предводительствовать’; udu- ‘спать’ и нек. др.

Анлаутный *j-*. В отличие от целого ряда современных языков, в которых пратюркский начальный *j-* переходил в различного рода другие согласные, язык орхоно-енисейских надписей сохранял его (как сохраняют его языки огузской, карлукской групп и некоторые кыпчакские диалекты). Например:

Türk Dilleri Kütüphanesi

орх.-ен. joq ‘нет, не имеется’; ср.: тув. *чок*, хак. *чох*, якут. *суох*, алт. *д’ок*, кирг., карач.-балк. *джок*; казах., каракалп. *жок*, но: тур., гаг., уйг., узб. и др. *йок~йоқ*, азерб. *йох*, тат., башк. *йук* и т.д.

орх.-ен. jat- ‘лежать, ложиться’; ср.: хак. *чат-*, тув. *чыт-*, якут. *сыт-*, алт. *д’ат-*, кирг., карач.-балк. *джат-*; казах., каракалп. *жат-*, но: тур., гаг., азерб., туркм., уйг., кум., ног., караим., тат., башк. и др. *йат-*, узб. *йот-* и т.д.

Ин- и ауслаутный заднеязычный носовой *ŋ*. Как самостоятельная фонема согласный ŋ есть в языке орхонских и енисейских памятников, сохраняется он в большинстве современных языков – хакасском, тувинском, якутском, алтайском, киргизском, казахском, каракалпакском, ногайском, кумыкском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, татарском, башкирском, туркменском, саларском, халаджском. Этот звук отсутствует в западноогузских языках – турецком (за исключением ряда восточных диалектов), гагаузском и азербайджанском, – а также в чувашском, что составляет их заметную особенность, возникшую, судя по всем данным, в более новое время. Во всяком случае, слова, в которых в западноогузских языках впоследствии совершится переход *ŋ* > *n*, в языке орхоно-енисейских памятников выступают еще с *ŋ*: teŋri ‘бог; небо’, biŋ ‘1000’, öŋ ‘передняя часть (*чего-л.*)’, tïŋla- ‘слушать’, taŋ ‘заря’, baŋa ‘мне (*дат. пад.*)’ (ср. соответственно тур. tanrı, bin, ön-, dinle-, tan, bana).

Сингармонизм

Совокупность ассимилятивных изменений аффиксальной части слова с целью уподобления гласных и согласных служебных морфем гласным и согласным корня называется сингармонизмом. Сингармонизм в тюркских языках представлен гармонией гласных и гармонией согласных.

Гармония гласных. В тюркских языках уподобление гласных аффиксов гласным корня, называемое гармонией гласных, осуществляется по двум параметрам: а) по ряду, б) по огубленности. Гармония по ряду (палатально-велярная) заключается в том, что к основам слов, в составе которых твердорядные, или велярные гласные (*а, ï, о, и*), присоединяются варианты аффиксов тоже с твердыми гласными, а к основам слов с мягкорядными, или палатальными гласными (*ä/e, i, ö, ü*) присоединяются варианты аффиксов с аналогичными, мягкими гласными. Например, варианты форм местного падежа: хак. *пағ-да*, тув. *баг-да* ‘на привязи’ – хак. *піг-де* ‘у начальника’, тув. *бег-де* ‘у бека; у свёкра’. Если в графиках на русской или латинской основе смена гласного в аффиксе с *а* на *е* (а также с *ы* на *и* и т.д.) наглядна, то в орхоно-енисейской графике о палатально-велярной гармонии гласных мы судим опосредованно, по выписыванию варианта согласного, сопровождающего твердорядные или мягкорядные гласные: 𐰚𐰇𐰴𐰍 : b¹(a)γd¹a ‘в уделе’, 𐰚𐰃𐰆𐰀 : b²(ä)gd²ä ‘у князя’ (здесь о звуке *а* или *е/ä* в слове мы судим по вариантам для согласных: *b¹* или *b²*, *γ* или *g*, *d¹* или *d²*).

Türk Dilleri Kütüphanesi

То, что гармония гласных по ряду в языке орхоно-енисейских памятников действительно имела место, мы судим не только на основании двурядности согласных, но и непосредственно по гласным. Такое возможно только в случае огубленных гласных, не различающихся в руническом письме по подъему, но различающихся по ряду (в одном знаке 𐰾 – *о* или *и*, в 𐰿 – *ö* или *ü*), и только в случае, когда эти огубленные гласные иногда, против обычных правил выписываются, ср. например, основы двух глаголов: 𐰋𐰾𐰍 : olur- 'сидеть' и 𐰚𐰼𐰚𐰼 : ölür- 'убивать'.

Гармония гласных по огубленности (губная гармония, губное притяжение) в тюркских языках бывает последовательной и ограниченной. Так, в якутском и киргизском языках аффиксы имеют наибольшее число возможных вариантов по гласному (без учета вариантов по согласному) – по четыре варианта для широких и для узких гласных, например: в якутском – афф. множ. ч. *-лар/-лер/-лор/-лөр*, афф. частного пад. (< др.-тюрк. местн. пад.) *-да/-де/-до/-дө*, афф. винит. пад. *-ы/-и/-у/-ү*, афф. прош. времени *-ды/-ди/-ду/-дү*. В алтайском языке, ближайше родственном киргизскому, аффиксы на широкий гласный также имеют по четыре варианта – афф. множ. ч. *-лар/-лер/-лор/-лӧр*, афф. местн. пад. *-да/-де/-до/-дӧ*, тогда как аффиксы на узкий гласный имеют лишь по два варианта – афф. винит. пад. *-ны/-ни*, афф. прош. времени *-ды/-ди*. В турецком, тувинском и многих других тюркских языках аффиксы с узкими гласными не имеют ограничений, существуя в четырех вариантах: винит. пад. на *-ı/-i/-u/-ü* (тур.) и *-ны/-ни/-ну/-нү* (тув.), прош. время на *-dı/-di/-du/-dü* (тур. и тув.), тогда как аффиксы с широким гласным ограничены двумя вариантами (нет вариантов с *о, ö*): множ. ч. на *-lar/-ler*, местн. пад. на *-da/-de*, В хакасском языке аффиксы и с широкими, и с узкими гласными ограничиваются двумя вариантами: афф. множ. ч. *-лар/-лер*, афф. местн. пад. *-да/-де*, афф. винит. пад. *-ны/-ні*, афф. прош. времени на *-ды/-дi*. Из приведенных фактов можно заключить, что небная гармония гласных в хакасском языке существует, а губная гармония отсутствует. Другой вопрос – сохраняет ли хакасский язык в этом отношении первоначальное состояние полной неразвитости губной гармонии, либо это результат более поздней ее утраты?

В языке орхоно-енисейских памятников гармония гласных по огубленности получила ограниченное развитие, занимая приблизительно промежуточное положение между турецким и хакасским языками. Конечно, общий принцип невыписывания гласных в непервых закрытых слогах в руническом письме не дает возможности достаточно полно судить о характере гласного в аффиксах. Выводы мы делаем на основе немногочисленных исключений, когда гласный в подобных случаях против правил выписывался, например: 𐰆𐰾𐰃 : (o)qun 'стрелой (*инструм. пад.*)' ($КТ_{33}$), 𐰋𐰆𐰇𐰾𐰃 : qunč(u)juγ 'супругу (*вин. пад.*)' ($КТ_{20}$), 𐰋𐰾𐰃𐰃𐰋 : q(a)rluquγ 'карлуков (*вин. пад.*)' ($КТ_{42}$), 𐰋𐰇𐰋𐰍 : sögükü̧ 'твои кости' (*принадл. 2 л. ед.ч.*) ($КТ_{24}$).

Если приведенные примеры свидетельствуют о том, что в языке памятников гармония по огубленности имела место, то некоторые другие написания говорят о ее неустойчивом характере, ср. в одном и том же тексте: 𐰴𐰞𐰍𐰣𐰞𐰺 : törüsün ($КТ_{13}$) и 𐰴𐰞𐰍𐰣𐰞𐰽 : törüsin ($КТ_{30}$) ‘его/их законы (*вин. пад.*)’.

Некоторые аффиксы вообще имели только губную огласовку и не имели негубной. К таковым относятся показатели побудительного залога, настоящее-будущего времени, глагольного имени на *-duq*, деепричастия на *-u/-ü*, императива 3-го л.ед.ч. *-sun/-zun*: 𐰴𐰃𐰣𐰞𐰣𐰖 : kälürti ‘(он) привел’ ($КТ_{52}$); 𐰖𐰍𐰃 ($КТ_3$), 𐰖𐰍𐰃𐰃 ($Тон_7$), : ol(u)rur / olur(u)r ‘(он) сядет, станет жить’; 𐰣𐰞𐰣𐰞𐰉 : birür ‘(он) даст’ ($КТ_{30}$); 𐰖𐰃𐰍𐰖𐰺 : q(a)rɣ(a)nur ‘(они) клянут себя’ (Е-25_6); 𐰴𐰞𐰆𐰇𐰋 : t(ä)gdükin ‘то, как он вступал в бой (*вин. пад.*)’ ($КТ_{34}$); 𐰴𐰞𐰆𐰃𐰍𐰞𐰍𐰖 : kiŋšürtükin ‘(из-за того, что) они ссорили (вин. пад.)’ ($КТ_6$), 𐰃𐰃𐰖𐰉𐰺 : (a)rtzun ‘пусть увеличивается’ (Е-48_{12}). Указанного типа грамматические показатели, не имея неогубленных вариантов, тем самым нейтрализовывали противопоставление гласных в аффиксах по признаку неогубленности/огубленности и препятствовали более последовательному проведению губной гармонии гласных.

Еще одной позицией нейтрализации губного притяжения в языке памятников является открытый слог в конце слова. По правилам рунического письма в этой позиции гласный любого качества обязательно выписывался. И вот здесь мы находим только неогубленные гласные (*a/ä, ï/i*): 𐰴𐰃𐰞𐰍𐰖 : költä ‘на озере’ ($КТ_{34}$), 𐰴𐱅𐰉𐰃 ($КТ_{52}$), 𐰴𐰉𐰃𐰉𐰃 (Е-5_2) : bod(u)nta, bodunta ‘от/у народа’, 𐰞𐰍𐰖 : küsi ‘его слава’ ($КТ_{25}$), 𐰞𐰍𐰖𐰺 : bäŋküsi ‘его памятник’ (Е-27_8), 𐰞𐰃𐰍𐰃 : boɣzï ‘его горло’ ($Тон_8$), 𐰞𐰇𐰃𐰓 : qontï ‘(он) расселился’ ($БК_{40}$), 𐰞𐰋𐰃 : boltï ‘(он) стал, был’ (КТ, Тон), 𐰞𐰃𐰍 : ölti‘(он) умер’ ($КТ_{25}$).

Описанное выше положение с позиционно и морфологически ограниченными проявлениями губной гармонии гласных характерно для подавляющего большинства орхонских и енисейских памятников. Однако среди енисейских памятников есть небольшая группа надписей, в которых и в целом гласные выписываются чаще обычного, ср.: 𐰴𐰞𐰍𐰇 : q(a)ŋsiz ‘без отца’ (Е-6_1, 45_2), 𐰚𐰞𐰴𐰃𐰣 : j(a)bïzïɣ ‘плохих (*вин. пад.*)’ (Е-45_{10}), – и, что особенно бросается в глаза, огубленные гласные последовательно проставлены и в корневых, и в аффиксальных частях слов: 𐰴𐰍𐰃𐰇𐰃𐰺: buŋusuz ‘без печали’ (Е-6_3, 7_2), 𐰉𐰃𐰇𐰃𐰺: buŋum ‘моя печаль’ (Е-46_4), 𐰆𐰍𐰍𐰖: külüg ‘знаменитый’ (Е-6_2, 7_1), 𐰴𐰍𐰞𐰆 : ögsüz ‘без матери’ (45_2), 𐰃𐰋𐰃𐰺 : bolup ‘став’ (45_3), 𐰉𐰃𐰋𐰃𐰺 : boltum ‘я стал’ (45_3), 𐰉𐰃𐰉𐰃 : tut[t]um ‘я держал’ (45_4), 𐰉𐰃𐰺𐰃 : subum ‘мои воды’ (45_6), 𐰉𐰃𐰇𐰉𐰃𐰋 : qunčujum ‘моя супруга’ (45_6), 𐰉𐰃𐰇𐰉𐰋 : qunč(u)jum ‘моя супруга’ (46_1), 𐰉𐰍𐰍𐰍 : örüŋüm ‘мое светлое’ (45_7), 𐰃𐰉𐰃𐰺 : bodun ‘народ’ (45_4), 𐰉𐰃𐰃𐰉𐰃𐰺 : bodunum ‘мой народ’ (45_9), 𐰆𐰍𐰍𐰉𐰍𐰖 : küm(ü)lüg ‘Кюмюлей (*название народа; вин. пад.*)’ (45_9), 𐰴𐰍𐰉𐰍𐰍𐰉𐰍𐰖 : kümül(ü)min ‘моих Кюмюлей (*вин. пад.*)’ (45_{10}).

Складывается впечатление, что более последовательным отражением губной гармонии создатели данной группы текстов стремились подчерк-

Türk Dilleri Kütüphanesi

нуть их произносительные отличия от обычных текстов. Возможно, что эти отличия связаны с диалектами киргизско-алтайского типа, так не похожими в отношении губной гармонии на остальные тюркские диалекты. Если данное предположение верно, то можно придти к выводу, что гармония гласных по огубленности в древних диалектах, предках современных северных диалектов киргизского и южных диалектов алтайского языков, уже к IX–X вв. получила достаточно полное развитие.

Гармония согласных. К гармонии согласных в тюркологии относят широкий круг ассимилятивно-диссимилятивных процессов, происходящих в тюркских языках с согласными звуками при их взаимодействии между собой и с гласными на стыках морфем. Направленность такого взаимодействия может быть прямо противоположной: от основы к аффиксу, когда конечный звук основы неизменен, а аффикс изменяется в том или ином отношении (прогрессивная ассимиляция или диссимиляция согласных); от аффикса к корню, когда, напротив, начальный согласный аффикса становится причиной изменений конечного звука основы (регрессивная ассимиляция или диссимиляция согласных). В разных тюркских языках объем и направленность ассимилятивно-диссимилятивных процессов неодинаковы. В турецком языке, например, гармония согласных ограничивается прогрессивной ассимиляцией по глухости/звонкости (тип а), при этом после сонантов следуют звонкие: *atta* ‘на коне’, *dağda* ‘на горе’, *karda* ‘на/в снегу’, *beyde* ‘у бека’, *bildi* ‘(он) знал’, *söktü* ‘(он) распорол’, *ačtı* ‘(он) открыл’.

В тувинском языке наряду с ассимиляцией по глухости/звонкости (тип а) существуют также еще некоторые виды ассимиляций и диссимиляций:

б) прогрессивная ассимиляция по назальности – после основ на носовые *м, н, ң*, в аффиксах, начинающихся латеральным *л* (афф. множ. числа *-лар/-лер*, афф. относит. прилагательных *-лыг/ -лиг/-луг/-лүг*, афф. глаголообразования *-ла/-ле*), аффиксальный начальный латеральный согласный *л* уподобляется (ассимилируется) переднеязычному носовому основы, т.е. *-л* > *-н*: *номнар* ‘книги’, *келгеннер* ‘(они) пришли’, *номнуг* ‘книжный, с книгой’, *амданныг* ‘вкусный’, *аңна-* ‘охотиться’ (< *аң-* ‘зверь’ + *-ла*);

в) прогрессивная ассимиляция-делатерализация – после основ на глухие согласные *т, с, ш, к*, в аффиксах, начинающихся латеральным *л* (см. выше) аффиксальный начальный согласный *л* уподобляется, переходя в переднеязычный смычный нелатеральный, т.е. *-л* > *-т*: *аъттар* ‘кони’, *кастар* ‘гуси’, *даштыг* ‘каменистый’, *актыг* ‘невинный’, *оътта-* ‘пастись (*на траве*)’, *балыкта-* ‘рыбачить’;

г) прогрессивная диссимиляция-делатерализация – после основ на латеральный *л*, в аффиксах, начинающихся латеральным *л* (см. выше) аффиксальный начальный согласный *л* расподобляется (диссимилируется), переходя в переднеязычный смычный нелатеральный, т.е. *-л* > *-д*: *хөлдер* ‘озера’, *хылдыг* ‘щетинистый’, *оолда-* ‘приносить детенышей (*о животных*)’;

Türk Dilleri Kütüphanesi

д) прогрессивная ассимиляция-деназализация-1 – после основ на латеральный *л* в аффиксах, начинающихся носовым *н* (афф. род. падежа *-ның/-нің/-нуң/ -нүң*, афф. винит. падежа *-ны/-ни/-ну/-нү*), аффиксальный начальный носовой *н* уподобляется, переходя в переднеязычный смычный неносовой, т.е. *-н* > *-д*: *хөлдүң* ‘озера (*родит. пад.*)’, *хөлдү* ‘озеро (*вин. пад.*)’;

е) прогрессивная ассимиляция-деназализация-2 – после основ на глухие согласные *т, с, ш, к*, в аффиксах, начинающихся носовым *н* (афф. род. и винит. падежей, см. выше), аффиксальный начальный носовой *н* уподобляется, переходя в переднеязычный смычный неносовой, т.е. *-н* > *-т*: *аттың* ‘лошади (*родит. пад.*)’, *аътты* ‘лошадь (*вин. пад.*)’, *күштүң* ‘силы (*родит. пад.*)’, *күштү* ‘силу (*вин. пад.*)’.

В хакасском языке осуществляется большинство из указанных процессов – а), б), в), е), и не наблюдаются процессы г), д). В то же время имеет место некоторое несовпадение в объеме одних и тех же процессов. Так, например, в тувинском языке аффиксы местного и исходного падежей имеют по два варианта по согласному – *-да/-та* и *-дан/-тан,* – то есть уподобляются основе только по глухости/звонкости (тип а); в хакасском языке местный падеж ведет себя аналогично тувинскому (имея *-да/-та*), тогда как исходный падеж подчиняется еще ассимиляции по назальности (тип б), имея варианты *-дан/-тан/-наң.*

В других современных тюркских языках гармония согласных имеет свои особенности проявления и по направленности (например, регрессивные влияния согласных аффикса на согласный основы развиты в якутском языке), и по составу ассимилятивно-диссимилятивных процессов, и по охвату ими различных грамматических показателей.

В языке орхоно-енисейских памятников мы тоже наблюдаем различные проявления ассимилятивно-диссимилятивных процессов в области согласных, причем некоторые из них совершенно не похожи на описанные выше типы для живых диалектов.

Прежде всего, вместо доминирующей в различных современных языках прогрессивной ассимиляции по глухости/звонкости (тип а), в орхонских памятниках абсолютно преобладала прогрессивная диссимиляция по глухости/звонкости (тип ж), т.е. после основ на звонкие согласные, к которым относились также сонанты *l*, *n*, *r*, *z*, следовали аффиксы с глухим началом (ж[1]), а после основ на глухие согласные *t*, *q*, *s*, *š*, *č*, следовали аффиксы со звонким началом (ж[2]):

(ж[1]) 𐰋𐰃𐰚 : boltï ‘(он) стал, был’// bultï ‘(он) нашел, обрел’, 𐰚𐰆𐰞𐰚 : jolta ‘в дороге’, 𐰚𐰺𐰋𐰚 : joγïnta ‘на (его) поминках’, 𐰋𐰆𐰚𐰃 : qontï ‘(он) расселил’, 𐰇𐰞𐰃𐰋𐰆 : birtimiz ‘(мы) дали’, 𐰋𐰇𐰃 : körti ‘(он) увидел’, 𐰞𐰆𐰇𐰞 : udïztïm ‘я повел (войска)’;

(ж[2]) 𐰋𐰞𐰆𐰚 : tutdï ‘(он) схватил’, 𐰚𐰞𐰆𐰇𐰚 : jurtda ‘на месте жительства, на становище’, 𐰚𐰇𐰋 : itdi ‘(он) упорядочил’, 𐰋𐰞𐰆𐰴𐰞𐰃 : qamaštdï ‘(народ) натрудил (ноги)’, 𐰚𐰞𐰍𐰚 : balïqda ‘в городе’, 𐰚𐰇𐰴𐰋 : ičikdi ‘(он) подчинился’, 𐰋𐰞𐰴𐰚

Türk Dilleri Kütüphanesi

: basdï ‘(он) напал’, 𐰖𐰾𐰇𐰞𐰍𐰃 : süŋüšdimiz ‘(мы) сразились’, 𐰋𐰾𐰞 : jašda ‘в возрасте’, 𐰉𐰾𐰃𐰚 : bïčdï ‘(они) порезали’, 𐰉𐰾𐰃𐰚 : sančdï ‘(он) пронзил (*копьем*)’.

Однако есть целая группа индивидуальных и типовых исключений из правила диссимиляции по глухости /звонкости, соответствующих прямо противоположному правилу ассимиляции по глухости/звонкости (тип а). В орхонских и енисейских памятниках в число индивидуальных исключений входит глагол bar- ‘идти, уходить’ который в прошедшем времени на -dï/-tï и в форме имени действия на *-duq /-tuq* присоединяет варианты этих аффиксов со звонким началом, например:

bardï ‘(он) ушел’ (E-10_6, E-28_9), bardïm ‘(я) ушел’ (E-29_8, E-32_9), bardïm-a ‘(я) ушел’ (E-$11_{3,10}$), barduq ‘(там, где он) ходил’, – ср. с этим формы фонетически аналогичного глагола ber-/bir- ‘давать’: birtim /bertimiz, birtimiz, birtük.

В число типовых исключений входят слова, основы которых оканчиваются на звонкие *ɣ/g, z* и редко *b*, ср.: taɣda ‘у горы’, tegimde ‘в (том) сражении’, qatïɣdï ‘крепко’, közdä ‘из глаз’, buzdïm ‘(я) разбил’, ozdï ‘(он) спасся’, oɣlanïŋïzda ‘у/от ваших сыновей’, äbdä ‘в доме, дома’.

Целый ряд аффиксов не поддается какому бы то ни было распределению – ни диссимилятивному, ни ассимилятивному, – поскольку такие аффиксы встречаются в вариантах либо (1) только со звонким началом, либо (2) только с глухим:

(1) направит. пад. на *-ɣaru /-gärü*, причастия на *-ɣma/-gmä, -ɣuluq/-gülük, -ɣučï/-güči*, деепричастие на *-ɣalï /-gälï*, побудительный залог на *-ɣur/-gür*, повелит. накл. 2 л. ед.ч. на *-ɣïl/-gil* и нек. др.

(2) дательный пад. на *-qa /-kä*, условная форма на *-sar/ -sär*, причастие на *-sïq /-sik*, отыменное имя деятеля на *-čï/-či* и нек. др.

Иногда наблюдаются колебания в аффиксации между диссимиляцией и ассимиляцией по глухости/звонкости в одной и той же основе, например:

järtä (БК$_{71}$) / järdä (БК$_{20}$).

В тексте Кюль-тегина встречаются только формы järtä, тогда как в памятнике Бильге-кагана преобладают формы järdä, а в енисейских надписях отмечены только формы järdä, järdäki.

Тенденцию смены диссимилятивной аффиксации на ассимилятивную демонстрируют случаи написания одного согласного *t* вместо сочетания *dt* на стыке основы на *-d* с афф. прош. вр. на *-tï/-dï*, такой *t* следует воспринимать как упрощение геминаты *tt*: ïtï [= ïttï < *ïdtï], qotï [= qottï < *qodtï], igiti [= igitti < *igidti].

Türk Dilleri Kütüphanesi

МОРФОЛОГИЯ

Тексты орхоно-енисейских памятников демонстрируют достаточно развитую морфологию применяемого в них языка. Это в большей степени относится к средствам словоизменения и в меньшей – к средствам словообразования. Последнее – вероятнее всего, в силу ограниченности состава лексем в этих текстах. Как и в современных языках, выделяются слова знаменательные и служебные. Знаменательные слова объединяются в семантико-грамматические классы – части речи, с характерным для каждой из них набором морфологических категорий. Имя существительное обладает словоизменительными категориями числа, притяжательности и падежа. Глаголу свойственны словоизменительные категории наклонения, времени, лица, а также категории формообразования – залога, переходности / непереходности, отрицания, возможности /невозможности совершения действия, способа действия. Кроме того, глагол обладает функциональными формами, позволяющими расширять диапазон его синтаксических функций. Эти формы известны под названием причастий, деепричастий и имен действия (масдаров).

Имя и глагол занимают центральное место в грамматической системе языка орхоно-енисейских памятников. Другие знаменательные части речи – прилагательное и наречие, не имеют частных грамматических категорий, по которым их можно было бы отграничить друг от друга. К тому же в древнетюркский период, как и на современной стадии развития тюркских языков, не только наречие с характеризуемым им глаголом, но и прилагательное с определяемым им существительным соотносятся (синтаксически взаимодействуют) в грамматически неизменяемой форме, поэтому синтаксическая функция – употребление соответственно при существительном или глаголе – часто является единственным средством их распознавания.

Настоящий, краткий, очерк морфологии языка, отраженного в енисейских (и орхонских) надписях, посвящен, в основном, словоизменительным категориям имени и глагола, которые составляют наибольшую специфику этих текстов в сравнении с современными тюркскими языками.

Имя существительное

Словоизменительные категории существительного – число, принадлежность, падеж. Они применяются также и с другими частями речи в случае субстантивации последних. Это касается глагольных имен действия и субстантивированных прилагательных.

Категория числа

Как и во всех древних и современных тюркских языках, за исключением чувашского, морфологическая категория числа (категория множествен-

Türk Dilleri Kütüphanesi

ности) выражается с помощью продуктивного афф. *-lar/-lär*. Однако в памятниках афф. *-lar/-lär* употребляется почти исключительно с именами одушевленных объектов – терминами родства и свойства: öglärim, äkälärim, ... qunčujlarïm 'мои (сводные) матери, мои старшие сестры (~ тетки), ... мои супруги' (КТ$_{49}$), är küdägülärim qïz kälinlärim 'мои зятья-мужи, мои невестки молодые' (Е 3$_6$).

Отмеченное употребление форм с афф. *-lar/-lär* указывает на то, что в них передавали значение раздельности, членимой множественности, с оттенком некоторой неодинаковости входящих в это множество объектов, поскольку речь шла о близких людях. Значение множественности однородных предметов, прежде всего вещей, но также и одушевленных лиц, например, родственников, воинов, рабов и т.п., выражалось безаффиксной формой (так называемая формой «единственного числа»/; эта же форма применялась и при наличии числительного, ср.: qadašïm 'мои сородичи' (Е-44$_4$) – jüz är qadašïm 'сто мужей моих сородичей' (Е-42$_8$); bäš jägirmi jašda 'в возрасте пятнадцати лет' (Е-11$_1$).

В немногих словах выделяются следующие непродуктивные показатели:

афф. собирательности *-an/-än*: *ärän* 'мужи-воины' – состоит из *är* 'муж' плюс афф. *-än*; *oγlan* 'сыновья' (< *oγ(u)l 'сын' + *-an*);

афф. множественности *-t*: tarqat 'тарханы' (< *tarqa-n 'тархан' + *-t*), tegit 'принцы' (< *tegi-n 'принц' + *-t*), oγlït 'сыновья' (< *oγ(u)l 'сын' + *-ït*);

афф. множественности *-γut*: alpaγut 'богатыри' (< *alp 'богатырь' + *-γut*); вероятно, также uraγut 'женщина' (предполагая здесь опрощение множ.ч. в свете открывшейся формы uraγun, см. об этом выше, с.55).

Показатели *-an*, *-t*, *-γut*, по мнению некоторых тюркологов, не являются тюркскими по происхождению, а заимствованы из иранских и/или монгольских языков вместе с соответствующими словоформами.

Категория принадлежности

Морфологическая категория принадлежности отображает грамматическое лицо субъекта обладания предметом, названным в форме притяжательного имени. Притяжательная парадигма имени структурно аналогична системе личных местоимений и категории лица глагола, т.е. здесь различаются три лица – 1-е, 2-е и 3-е и два числа – единственное и множественное. В языке орхоно-енисейских памятников данная категория выражалась с помощью следующих показателей:

Показатели принадлежности

	Ед.число	Мн. число
1 л.	*-ïm/-im/-m*	*-ïmïz/-imiz/-mïz/-miz*
2 л.	*-ïγ/-ig/-γ/-g,* *-ïŋ/-iŋ/-ŋ*	*-ïŋïz/-iŋiz/-ŋïz/-ŋiz*
3 л.	*-sï/-si*, (редко) *-zï/-zi*, *-ï/-i*	

Türk Dilleri Kütüphanesi

К древним особенностям данной системы показателей относятся: 1) отсутствие противопоставления по числу в 3-м лице, иногда сохраняемое и некоторыми современными диалектами; 2) афф. 2-го л. ед.ч. *-ɣ/-g*, который во всех современных языках и диалектах имеет показатели *-ŋ* или *-n*.

Примеры: äl-im qan-ïm ‘мое государство, мой хан’ (Е-42$_7$); näŋ buŋ-uɣ joq ‘у тебя нет тягот’ (КТ$_{52}$); ädgü-g ‘твое добро’ (КТ$_{24}$); sü-müz ‘наше войско’ (Тон$_{14}$); umaj bägi-miz ‘госпожа наша Умай’ (Е-28$_3$); qanïŋïz ... qadašla[r]ïŋïz ‘ваш хан ... ваши товарищи’ (Е-25$_6$); atï-sï ‘его племянник’ (КТ$_{68}$); täŋri elimkä elčisi ärtim ‘для моего божественного государства я был его посланником’ (Е-1$_2$); toɣdaj turñazï ‘журавли Тогудая’ (Е-48$_{13}$).

Категория падежа

В формах падежа выражаются субъектно-объектные и обстоятельственные отношения имени с другими словами. Иногда обстоятельственные значения получают пространственные, причинные, целевые и иные уточнения в сочетаниях имени с послелогами. В разных тюркских языках падежная парадигма варьирует по составу и количеству обстоятельственных падежей, причем наблюдается тенденция сокращения общего числа падежных форм за счет утраты звательного, направительного, орудно-совместного (инструментального) и продольно-уподобительного (эквативного) падежей. Эти падежи в языке орхоно-енисейских памятников уже имели незначительное по частотности употребление. Другой древней особенностью орхоно-енисейской падежной системы являлось наличие разных показателей винительного падежа, выбор которых зависел от того, присоединялся падеж к непритяжательной основе имени, притяжательной основе имени или к местоимению. В русле различий притяжательного или непритяжательного склонения находится также и так называемое местоименное *н* в ряде притяжательных падежных форм – дательного и местно-исходного.

Показатели падежей

падеж	беспритяжательная форма	притяжательная форма
1. Основной	*-Ø*	
2. Звательный	*-a/-e*	
3. Родительный	*-ïŋ/-iŋ, -nïŋ/-niŋ*	
4. Винительный	*-ïɣ/-ig, -nï/-ni, -Ø*	*-ïn/-in, -n*
5. Дательный	*-qa/-kä, -ɣa/-gä*	*-ŋa/-ŋä*
6. Местно-исходный	*-da/-dä, -ta/-tä*	*-nda/-ndä,-nta/-ntä*
7. Направительный	*-ɣaru/-gärü*	*-ŋaru/-ŋärü*
8. Орудно-совместный	*-ïn/-in*	
9. Продольно-уподобительный	*-ča/-čä*	

Türk Dilleri Kütüphanesi

Формы и значения падежей

Основной (именительный) падеж. Имеет нулевой показатель, т.е. морфологически равен основе имени, выступает как форма подлежащего, дополнения (прямого и косвенного), определения в именной определительной (изафетной) конструкции, обстоятельств места и времени, присвязочной части сказуемого.

Звательный падеж. Звательные (вокативные) формы на *-a/-ä* передают лицо или предмет, к которому обращается говорящий (в русском переводе, из-за отсутствия вокатива в имени, это значение передается синтаксически, частицей обращения *о* перед соответствующим существительным). Примеры:

äsiz elim-ä qunčujïm-a oγlanïm-a bodunïm-a (1_1) 'жаль – о, мое государство, о, мои супруги, о, мои сыновья, о, мой народ!';

bodunïm-a oγlïm-a jotuzïm-a adïrïltïm (43_1) 'о, мой народ, о, мои сыновья, о, мои супруги, – я разлучился [с вами]'.

Ни в одном современном диалекте специальной морфологической формы обращения не сохранилось. Однако в силу специфики эпитафийных текстов в енисейских надписях эта форма функционировала и даже получила своеобразное развитие, поскольку она стала присоединяться к частицам сожаления, например:

10_4 qanïm elim-ä äsizim-ä 'о, мой хан, мое государство, – о, жаль мне!';

10_{12} qadašïm-a kinim-ä adïrïltïm-a 'о мои родственники и сродственники, – я разлучен (с вами)'

Очевидно, что присоединение к глаголу противоречит статусу вокатива как именной формы, но легко объяснимо желанием усилить эмоциональный фон фразы. Тем самым форма обращения семантически развивается в эмотивную частицу.

Родительный падеж. С показателями *-nïŋ/-niŋ* после основ на гласные и *-ïŋ/-iŋ* – после основ на согласные он используется в конструкции изафета в функции определения, выражаемого существительными – названиями лиц или собирательных имен; определяемое в этих словосочетаниях чаще выступает в посессивной форме, в соответствии с общей нормой, например: türk bodun-ïŋ il-i-n törü-si-n tuta birmiš ($КТ_1$) '(тюркские каганы) поддерживали государство и законы тюркского народа'; beniŋ bitigim (73_1) 'моя надпись (написанное мною)'. Но есть также посессивно неоформленные определяемые имена, ср.: silig bäg-iŋ kädimlig toruγ at binip ($КТ_{33}$) 'сев на защищенного латами гнедого коня Силиг-бека' (здесь ожидалась бы посессивная форма вин. пад. *at-ï-n*, подобно первому примеру: *il-i-n, törü-si-n*); tabγač qaγanïŋ ičräki bedizčig ï[d]tï 'Ичрек (министр двора) китайского кагана прислал внутренних (дворцовых) резчиков' ($КТ_{65}$).

В некоторых случаях показатель родительного падежа выступает с переднеязычным *-n*: igidmiš qaγan-ïŋ-in^2 sabïn^2 almatïn '(ты, тюркский народ) не внимая словам воспитавшего тебя кагана' ($КТ_{62}$).

Türk Dilleri Kütüphanesi

Винительный падеж. Только этот падеж имеет полный набор показателей, различающихся в зависимости от того, к чему они присоединяются:

(1) к простой, непосессивной (непритяжательной) основе существительного – алломорфы *-ïɣ/-ig* (после основ на согласные) и алломорф *-g* (после основ на гласные). Примеры:

11_3 altun kümüšig ägritäbä eldä kiši qazɣandïm-a ‘добывл я золото и серебро, верблюдов, наложниц’;

98_2 qïr^{2}q ärig qaŋsïz qïldïŋïz ‘сорок мужей Вы оставили (*букв.* сделали) без отца’;

(2) к посессивной основе существительного – алломорфы -ïn/-in (после основ на согласные) и -n (после основ на гласные), которые присоединяются к существительным с показателями принадлежности;

10_2 jüz qadašïm ujar-ï-n üčün ... tikdi ‘ради славы сотни моих сородичей ... водрузили (этот памятник)’;

28_7 inim äčim ujar-ï-n üčün bäŋkü-m-in tikä bärti ‘ради славы моих родных и двоюродных братьев водрузили этот вечный памятник мне’.

45_{10} jabïzïɣ kümülimin bädük qïltïm ‘плохих своих Кюмюлей я сделал великими’;

59_3 üč oɣlan-ïm-ïn ulɣa{t}turu umadïm-a ‘трех своих сыновей я не сумел вырастить’;

92_2 törü-ŋ-in etä bärdim ‘я устраивал твою [жизнь, народ] по законам’;

98_3 ujɣur qan jär-i-n alduqda ‘при взятии земель уйгурского хана’;

(3) к основе местоимения – алломорфы -nï/-ni; в основах на -n остается один носовой согласный:

28_8 bizni ärklig adïrtï ‘нас разлучил Эрклиг’;

bunï ‘это’, beni (< ben-ni) ‘меня’, meni (< men-ni) ‘меня’, seni (< sen-ni) ‘тебя’.

В более позднее время местоименный аккузатив проникает в именную парадигму и единично встречается при существительных: bäŋkü-ni (48_9) ‘памятник’; buŋï (< buŋnï - ?) tüšürmäk ärtiŋiz ‘горе опустили Вы (на нас)’ (там же). В дальнейшем во многих современных языках, прежде всего кыпчакской и карлукской групп, именно аффикс -nï/-ni стал единым показателем винительного падежа для всех типов имен и местоимений.

Дательный падеж. Эта грамматическая форма имени служит для выражения: объектов или лиц, в сторону которых направлено движение субъекта (а), либо в интересах которых совершаются другие виды действий – отчуждения (давания), передачи информации (б); обстоятельства времени – временного срока или временной вехи совершения действия (в), а также объекта действия ряда глаголов специфического управления – adïrïldïm, bökmädim, azïdïm (г). Основной показатель датива – аффикс *-qa/-kä*, в норме выступает во всех позициях – после гласных, сонантов и глухих шумных, например: jaɣï-qa ‘на врага’, qan-qa ‘хану’, üč jetmiš jašïmqa (E-3_4) ‘в мои 63 года’; at-qa ‘к званию (представлен)’.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Аффикс дат. пад. *-qa/-kä/-ɣa/-gä* является морфологической чертой большинства современных тюркских языков – кыпчакских, карлукских, северо-восточных, – чертой, отличающей их от языков огузских. В последних в качестве показателя дат. пад. выступает афф. *-a/-e*. В орхонских и енисейских памятниках такой показатель встречается в отдельных словах, практически единично, например: jaš-ïm-a //jaš-ïm-qa (обе формы в БК), bodun-ïm-qa (БК) 'для моего народа', äl-im-ä tapdïm (E-46) 'я служил моему государству', – тогда как в целом преобладает основной традиционный алломорф *-qa/-kä*, в позициях: после сонантов *m, n, ŋ, ɣ, z* (qanïm-qa, qan-qa, buluŋ-qa, tutuɣ-qa, iniŋiz-kä), после гласных (jaɣï-qa).

В нескольких более поздних енисейских надписях этот аффикс принимает озвонченные варианты *-ɣa/-gä* в позициях после *n, m*: qanɣa 'хану' (E-11), jašïmɣa 'к моему возрасту' (E-45), küngä 'луне' (E-45), но также и с фузией *n+g > ŋ*: ilim ökünčüŋä (< ökünč + -ü *принадл.3 л.* + -n *прономин.*+ -gä *дат пад.*) 'к скорби моего государства' (E-28); elim oɣr-ï-ŋa (E-100$_2$) (< oɣur *в служебн. знач.* 'для, ради, во имя').

Ниже приводятся все примеры на данную форму из енисейских текстов с буквенным указанием (см. выше) семантической роли падежа:

1$_2$ elimkä elčisi ärtim altï bayɣ bodunqa bägi ärtim 'для моего божественного государства – я был его послом, для моего народа шести уделов – я был его беком' (б);

3$_4$ üč jetmiš jašïmqa adïrïltïm ägük qatun järimkä adïrïltïm 'я разлучился (с эти миром, т.е. умер) на шестьдесят третьем году. С моей родной – землей у реки Уюк я разлучился' (в-г);

11$_3$ tabɣač qanɣa bardïm-a '(с пятнадцати лет) я ходил на табгачского хана (т.е. в Китай)' (а);

17$_2$ ujar bägimkä adïrïltïm ujar qadašïmqa adïrïltïm ... 'с моим знатным беком я разлучился, с моими знатными родичами я разлучился…'(г);

21$_1$ qadašïmqa bökmädim 'моими родичами, – я не насладился' (г);

27$_5$ ilimkä bökmädim 'я не насладился моим государством' (г);

27$_7$ bayïm bodunïmqa adïrïlt[ïm] 'с моим народом моего удела я разлучился' (г);

28$_4$ on aj iltdi ögim-ä kälürti ilimkä 'десять (лунных) месяцев носила (меня) мать, принесла моему государству,' (б, с инверсией дополнения);

28$_5$ ilim ökünčüŋä qalïn jaɣïqa qajmatïn tägipän adïrïldïm-a 'к скорби моего государства не обращая внимания на многочисленных врагов' (б);

28$_6$ iniŋizkä ičiŋizkä ingän jüki ilz (?) tüšürtiŋiz 'на Ваших младших родных братьев и Ваших двоюродных братьев, Вы взвалили огромную (*букв.* верблюжью) ношу' (б);

29$_1$ [.. bodunï]mqa bökmädim 'своим народом я не насладился!' (г);

29$_8$ tüpüt qanqa jalabač bardïm 'я отправился к тибетскому хану послом' (а);

30$_4$ ilindä qara qanqa barıpan 'отправившись из своего государства к Караханy' (а);

Türk Dilleri Kütüphanesi

31_3 ... tört buluŋqa tü... ‘на(все) четыре страны света...’ (б –?);

32_3 ··· il čor iliŋä.. ‘в интересах государства Иль Чора’ (б);

32_9 ... tutuɣqa bard[ïm] ‘... вступил в схватку’ (а);

32_{11} bir jašïmta atačïmqa adïrïndïm-a ‘когда мне был год, я разлучился с моим дедушкой’ (г);

32_{14} ilimkä qanïmqa bökmädim ‘моим государством, моим ханом я не насладился’ (г);

$45_{2\text{-}3}$ beš jašïmda qaŋsiz qalïp toquz jegirmi jašïmɣa ögsüz bolup ‘в пять лет я остался без отца, в девятнадцать лет я стал сиротой’ (в);

45_5 bir jetmiš jašïmɣa kök täŋridä küngä azïdïm ‘на семьдесят первом году в синем небе я перестал видеть солнце’ (в);

46_2 älimä tapdïm ‘я служил моему государству’ (б)

48_{14} buŋqa tura ‘пребывая в горе’ (г);

59_1 qaŋïm bodun bägiŋä ög[ä...] ‘моему отцу, беку народа, [я служил в должности] *оге*’

73_1 eki baɣlïɣqa begim-ä ‘о, мой бек, [правитель] двух богов, – печально!’ (б);

73_2 täŋri elimkä är ärdämim üčün ‘во имя моей доблести мужа-воина по отношению к моему бого[хранимому] государству’ (б);

$96_{2\text{-}3}$ elimkä bökmädim qïrq ärimä bökmädim-ä uluɣïmqa kičigimkä bökmädim ‘Моим государством я не насладился! Сорока своими мужами-(дружинниками) я не насладился! Моими большими и малыми [подданными] я не насладился!’ (г);

100_2 elim oɣrïŋa tözüm qazɣanmïšïm ‘все, что я приобретал – [все это] ради моего государства (б);

120_1 qalïn qadašïmqa bökmädim äsizä oɣlïmqa jotuzïmqa bö{kmädim}‘я не насладился своими многочисленными сородичами, о жаль! Моими сыновьями, моими супругами – я не насладился!’ (г);

120_2 bägimkä ajïta adïrïltïm-a ‘своим беком – печально – я не насладился!’ (г);

147_2 özdä oɣlïmqa bökmädim ‘моими собственными сыновьями я не насладился’ (г);

147_3 töläs alp tarqan atïmqa bökmädim ‘своим титулом доблестного тархана тёлесов я не насладился!’ (г);

152_1 beš ilkä tägdim ‘я достиг Пяти государств’ (а).

Местно-исходный падеж. В енисейских надписях применяется единый падеж с показателями *-da /-dä ~ -ta /-tä* для выражения значений, которые в других древних и современных языках выражаются разными падежными формами (местным на *-da* и исходным на *-dan*). Здесь не зафиксировано ни одного случая применения формы с конечным *-n*, т.е. *-d°n*, с неизвестным гласным – либо *-dan /-dän*, либо *-dïn /-din*, как это имеет место, правда, в очень ограниченном числе случаев, в надписях орхонских [Gabain 1950, § 183; Кононов 1980, 158–159; СИГТЯ 2002, 643–647]. Указанные алломорфы применялись следующим образом. В подавляющем большинстве случаев, а именно после основ на гласные, сонанты *g, j, l, m, n, r, z*, глухие со-

Türk Dilleri Kütüphanesi

гласные *t, š,* – выступал морф со звонким началом *-da /-dä*. Этот морф, следовательно, употреблялся в енисейских текстах в тех позициях, в которых в орхонских текстах применялся морф *-ta /-tä* – после *l, n* (всегда) и *r* (единично). Но как раз на эти фонетические позиции приходятся единичные случаи употребления в енисейских надписях глухих алломорфов *-ta /-tä* (jašïmta, qanïnta, älintä), что с учетом относительно более старого характера содержащих эти исключения памятников (Е-32, Е-48) следует признать остаточными явлениями более древней морфонологии. Это подтверждается еще и тем, что формы qan-ï-nta, äl-i-ntä содержат показатели посессивного склонения, несомненно, тоже старые, на фоне которых формы il-i-ndä, ärdämi[mi]-ndä выглядят более новыми, причем последняя представляется искусственным образованием, с опрощением посессивного *-m*.

В связи со сказанным относительно совмещения в языке енисейских надписей двух падежных категорий в одной форме отдельно приводим употребления данной формы в локативном (1) и аблативном (2) значениях. Среди локативных особо выделяется тип прииименных определений в форме местного падежа (б), который в современных языках выражается относительными прилагательными с показателем *-daki*. Аблативные употребления характеризуются совершенно специфическими значениями, которые невозможно спутать со значениями локативными, ср.: «1а» – среда или время, в пределах которых совершается действие, и «2а,б» – среда или время, служащие границей, за пределами которой центробежно (в сторону от говорящего) развивается действие; «1б» – среда, которая характеризует определяемое имя как гомогенное с другими из этой же среды, и «2в» – определяемое имя характеризуется как выходящее из пределов определяющей среды.

1) Локативные значения.

а) обстоятельство места и времени действия; в последнем случае может передаваться как точка на временной оси, так и период времени (a_1):

altmïš jašïmda (1_1) ‘в шестьдесят лет [я умер]’;

čibilig-dä bir tägim-dä säkiz är sürdim (10_8) ‘только в одной схватке при Чивилиге я захватил восьмерых мужей-воинов [врага]’;

üč älig jaš-ïm-da adïrïldïm (22_1) ‘в возрасте сорока трех лет я разлучился [с этим миром]’;

qadïr jaɣï-da otuz är ö[lürtim] (27_6) ‘в жестоких войнах я убил тридцать мужей-воинов [врага]’ (возможно понимать как a_1);

bir jaš-ïm-ta atačïmqa adïrïndïm-a (32_{11}) ‘когда мне был год, у меня умер дедушка’;

altï jaš-ïm-ta qaŋsïradïm (32_{13}) ‘когда мне было шесть лет, я лишился отца’;

beš jaš-ïm-da qaŋsiz qalïp (45_2)‘в пять лет я остался без отца’;

töläs bilgä tutuq bäg altï jägirmi jaš-da almïš qunčujïŋïz bökmädi bägičäm (48_7) ‘супругой, взятой [в замужество] в 16 лет, не насладились Вы, мой дорогой бек’;

Türk Dilleri Kütüphanesi
toquz älig jaš-da toquz altmïš är ölürmïš (48_{11}) ‘за 49 лет он убил 59 мужей-воинов [врага]’ (a_1);

är ärdäm-im-dä (52_2) ‘в моих доблестях мужа-воина’;

säkiz on jaš-ïm-da adïrïltïm (98_2) ‘в мои восемьдесят лет я расстался (с этим миром)’;

б) локативного определения:

... el-dä kiši qazγandïm-a (11_3) ‘я добывал ... наложниц (*букв.* женщин в непочетной части дома)’;

jat-da tüŋürim-ä (11_8) ‘о, мои свойственники в чужих краях’;

antsız-da ädgü äšim-ä (11_9) ‘о, мои добрые товарщи, не связанные клятвой’;

quj-da qunčujïmqa ... bökmädim (22_3)‘моими супругами в женских покоях ... я не насладился’;

quj-da qunçuj... (27_2)‘...супруги в женских покоях’;

är ärdäm-im-indä ägsükim joq (44_5)‘у меня не было изъянов в моих доблестях мужа-воина’;

oγlan atïm čubuč ïnal [är]-tä atïm kümül ögä (45_1)‘мое юношеское имя Чубуч-ынал, в мужчинах мое имя – Огя [народа кюмюлей]’;

kürsi jam-da elim äsizim-ä (45_6)‘о, жаль мне, мое государство в Кюрси Яме’;

quj-da qunčujum tul qaltï (45_6) ‘мои супруги в женских покоях остались вдовами’;

quj-da kišim (61_2) ‘мои жены в женских покоях’;

kök täŋridä kün aj (92_1) ‘солнце и луна, что в синем небе’.

2) Аблативные значения (местный в значении исходного).

а) пункт удаления, лицо или место – источник взятия чего-л.:

il-im-dä tört tägzindim (29_6) ‘из моего государства я четырежды уходил и возвращался’;

il-i-ndä qara qanqa barıpan (30_4) ‘из своего государства уйдя к Кара-хану’;

[il-i]-ndä üč qata tägzinti (31_4) ‘из своего [государства] он три раза уходил и возвращался’;

qan-ï-nta kü tutuq atqa tegmiš (48_{10}) ‘от своего хана он получил (*букв.*: достиг) почетное звание *тутука*’;

äl-im-dä bäš qata tägzindim (53_2)‘из моего государства я пять раз уходил и возвращался’;

ujγur qan-da äbirü kel... (73_2) ‘от уйгурского хана [я не] вернулся’;

б) точка отсчета времени:

bäš jägirmi jaš-ïm-da tabγač qanγa bardïm-a (11_3) ‘с пятнадцати лет я ходил на табгачского хана’;

täŋri elimkä biš jägirmi jaš-ïm-da...(68_1) ‘моему бого(хранимому) государству с пятнадцати лет [я служил]’;

jiti jägirmi jašïmda män täŋri elimkä qara boldïm (147_1)‘с семнадцати лет я стал служить моему бого(хранимому) государству’;

в) источник сравнения в сравнительном обороте:

kišidä jig (48_9) ‘лучший из людей’;

är-dä artuq ärdämi (48_{15}) ‘его высшая (*букв.* больше, чем у [других] мужей) доблесть мужа-воина’;

г) в случае объектного значения при глаголах специфического действия аблативная форма вносит во фразу оттенок: объект как источник осуществления действия. На это значение есть только один пример; в этой же строке семантически однотипное выражение построено с дат. пад. объекта:

48_{8} ärdämlig älintä bökmädi töläs alp tutuq išiŋä bökmädi ‘доблестным элем своим он не насладился; делами отважного тутука тёлесов он не насладился’.

Направительный падеж. Эта форма встречается в орхонских памятниках, в енисейских текстах не зафиксировано ни одного случая ее употребления. Показатель *-ɣaru /-gärü* выступает только со звонким началом. Всего несколько раз зафиксировано применение варианта *-ŋaru /-gärü* после основ с притяж. афф. 3-го л. Форма данного падежа передает общее направление движения или иного действия субъекта “в сторону чего/кого-л.”, обозначенного именем в данном падеже.

jazïŋa oɣuz-ɣaru sü tašïqdïmïz ($КТ_{48}$) ‘летом мы пошли войском на огузов’; bän äb-gärü tüšäjin ($Тон_{30}$) ‘спущусь-ка я в сторону дома’; jär-i-ŋärü sub-ï-ŋaru qontï ($ВК_{40}$) ‘он поселился на своих землях, на своих реках-озерах’.

Орудно-совместный (инструментально-комитативный) падеж. В древнетюркской падежной системе функционировал орудно-совместный падеж с морфами -ïn/-in, -un (после основ на согласные), -n (после основ на гласные). Данной падежной формой передавались значения: а) орудное (инструментальное) – с помощью чего или кого производится действие, и б) совместное – совместно с кем или в сопровождении кого осуществляется действие. Примеры.

jüz qadašïm ujarïn üčün jüz ärin älig öküzin tikdi (10_{2}) ‘с помощью ста человек, пятидесяти волов водрузили этот памятник’ (а);

atsar alp är-tiŋiz-in utsar küč är-tiŋiz-in (28_{2}) ‘вы были и разящим стрелком [на охоте], и силачом, побеждающим в [единоборстве]’.

Последний пример представляет очень необычное для тюркской морфологии сочетание финитной глагольной формы прош. вр. с орудно-совместным падежом. Вероятно, это какое-то локальное новообразование, не получившее дальнейшего закрепления в языке. Значение фразы можно вывести, опираясь на предположение, что форма орудно-совместного падежа выражала совместность не субъекта с орудием или другим субъектом, но двух действий одного субъекта: “вместе с тем, что вы были стрелком, вы вместе с этим были также силачом”. В русском переводе этот смысл передается повторительным союзом *и... и...* .

Значение совместности может уточняться послелогом birlä ‘вместе’:

är iki oɣl-ï-n birlä ölti (31_{5}) ‘муж-воин погиб вместе со своими двумя сыновьями’.

Продольно-уподобительный падеж (экватив). Эта форма с показателями *-ča/-čä* выражает значения сравнения и уподобления по количеству и

Türk Dilleri Kütüphanesi
по качественной специфике. Она встречается в орхонских памятниках, но не отмечено ни одного употребления в енисейских текстах. Примеры: qanïŋ subča jügürti söŋükiŋ taɣča jatdï ($КТ_2$) ‘твоя кровь текла рекой, твои кости лежали горами’ (так обильно как река, так много – величиной с гору, – количественное уподобление); köglüŋčä uduz ($Тон_{15}$) ‘веди (войска) по своему желанию’ (качественное уподобление). При количественном числительном афф. экватива передает значение приблизительного счета: äligčä är tutdïmïz ($Тон_2$) ‘мы захватили (в плен) около пятидесяти мужей’.

В силу того, что семантика продольности (сравнение с величиной объекта по длине или высоте) в форме *-ča/-čä* еще в древних языках переставала ощущаться и на первый план вышла обстоятельственная семантика общего сравнения, многие эквативные, падежные по сути, словоформы перешли в состав наречий. Массовая адвербиализация именных словоформ обусловила и переход самого показателя *-ča/-čä* в целом ряде тюркских языков, например, в огузских, кыпчакских, карлукских языках, из именной словоизменительной парадигмы на положение словообразовательного аффикса наречий. В ряде языков этот аффикс вошел в систему склонения: тув. направит. пад. на *-че/-же*, хак. предельн. пад. на *-ча*.

Глагол

Структура морфологических категорий тюркского глагола

В современных тюркских языках глагол представляет собой разветвленную и сложно-структурированную систему морфологических и морфолого-синтаксических образований, манифестирующих во многом одинаковый для них набор семантико-грамматических категорий. Эти категории эшелонированы, поскольку образуют относительно автономные сферы: словоизменения, формообразования и словообразования. Сферу глагольного словоизменения составляют категории наклонения, времени, лица–числа. Инкорпорированность друг в друга средств выражения наклонения–времени–лица–числа создает наиболее важные в коммуникативном плане ряды парадигм. К сфере формообразования относят категории переходности / непереходности, залога, отрицания, возможности / невозможности совершения действия, способа действия. Глагольное словообразование в чистом виде ограничивается процессами межчастеречной деривации, однако во многом в русле словообразования лежат такие формообразовательные категории, как переходность и залог. Напротив, формообразующая категория способа действия, смыкается со словоизменением, о чем свидетельствуют многочисленные случаи перехода аналитических конструкций акционсарта в состав временных форм.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Глагол в языке орхоно-енисейских памятников обладает собственной, характерной для него совокупностью семантико-грамматических категорий. Часть из них составляет сферу словоизменения глагола – это категории наклонения, времени, лица, числа. Часть глагольных категорий относится к сфере формообразования, это категории переходности / непереходности, залога, отрицания, возможности / невозможности совершения действия, способа действия. Особое место в системе морфологических категорий глагола занимают нефинитные (неконечные) функциональные формы глагола – имя действия (масдар), причастие, деепричастие, – сочетающие в себе общекатегориальное значение действия (т.е. глагола) с общекатегориальными значениями других частей речи: предметности (т.е. существительного), признаковости (т.е. прилагательного и обстоятельственности (т.е. наречия). В отличие от финитных форм, к которым относятся лично-спрягаемые формы времен и наклонений и которые могут играть роль конечного, т.е. главного сказуемого предложения, функциональные формы могут выступать только в качестве сказуемых зависимых частей осложненного или сложного предложения. Однако некоторые функциональные формы со временем начинают употребляться самостоятельно, в несопряженных с главным сказуемым предложениях, приобретают личные окончания и переходят в разряд финитных (конечных) форм.

Особое место в системе морфологических глагольных категорий занимают функциональные формы глагола, или вербоиды, – имя действия (масдар), причастие, деепричастие, – сочетающие в себе общекатегориальное значение действия (т.е. глагола) с общекатегориальными значениями соответственно: предметности (т.е. существительного), признаковости (т.е. прилагательного) и обстоятельственности (т.е. наречия). Комбинирование свойств частей речи в пределах слова в лексико-семантическом отношении представляет собой процесс деривационного плана. В семантико-грамматическом отношении вербоидные формы примыкают к сфере словоизменения, поскольку образуют оппозицию собственно-вербальным лично-спрягаемым формам времен и наклонений по линии финитности–инфинитности: в отличие от спрягаемых форм, играющих в предложении роль конечного, т.е. главного сказуемого, функциональные формы могут выступать только в качестве сказуемых зависимых частей осложненного или сложного предложения (за исключением случаев ревербализации, или финитизации, функциональных форм, т.е. втягивания их в функционирование финитного характера).

Сравнительный анализ современных языков и диалектов самой различной функциональной активности с наиболее древними тюркскими памятниками VIII–X вв., а затем последовательно и с данными более поздних языковых фиксаций, показал устойчивость основного каркаса глагольных категорий (за исключением определенных потерь в маргинальных диалектах) на фоне формальных и семантических изменений, иногда – значительных, в

Türk Dilleri Kütüphanesi
морфологическом устройстве каждой отдельной категории. Поскольку указанная устойчивость сохраняется тюркскими языками на протяжении достаточно длительного периода их самостоятельного существования, это дает основание компаративистам относить то общее в структуре категорий и конкретных средствах их выражения, что присуще всем или большинству засвидетельствованных языков, живых или мертвых, к достоянию общетюркского праязыка, сохраненному его далекими потомками. Вместе с тем, как показывает сравнение разновременных синхронных состояний глагольной морфологии (а сравнение реальных исторических результатов – это наш единственный способ уловить тенденцию и постичь процесс развития в его доисторической ретроспективе), категории словоизменения – наиболее динамично развивавшаяся в послепратюркское время часть морфологического глагольного аппарата.

Большинство глагольных форм в языке орхоно-енисейских памятников сохраняют древние черты синкретизма, проявляющегося в сочетании в одной форме разных, в том числе уже разделившихся функций. Например, многие причастия выступают в роли личных временных форм глагола, часть причастий может функционировать также как имена действия, некоторые причастия выступают еще и как деепричастия. Есть представления, что в общетюркском праязыке все или большинство форм глагола обладали подобной синкретичностью, т.е. потенциально были готовы выполнить любую из функций – личной глагольной формы, имени действия, причастия, деепричастия. Дифференцировались эти функции синтаксически, получая ту или иную семантико-смысловую нагрузку в составе предложения. Со временем глагольные формы специализировались: одни закрепились на положении личных, в других стала преобладающей функция деепричастия, в третьих – имени действия, четвертые стали исключительно причастиями.

Полифункциональность и специализация семантико-синтаксических функций глагольных форм

Разграниченность форм глагола на функциональные разряды лучше всего выявляется в их семантико-синтаксической роли в предложении: так, финитная форма функционирует в качестве ядра пропозиции, являясь естественным предикатом предложения; имя действия занимает место при предикате в качестве его актанта или обстоятельственного распространителя; причастие служит процессуальным непредикативным определением имени; деепричастие выражает дополнительный предикат, который может быть содержательно (не грамматически) самостоятельным или несамостоятельным по отношению к главному предикату предложения.

Функциональная специализация глагольного словоизменения в некоторой части форм находит поддержку в их полном морфемном размежевании. Уже в древних языках, а затем и в новых, были и имеются специализиро-

Türk Dilleri Kütüphanesi

ванные по функциям глагольные формы-монофункционалы – только временные (общетюрк. прош. на *-dï*), только причастные (др.-тюрк. на *-ɣma*, совр. тур. на *-an*), только субстантивные (др.-тюрк. на *-ɣu*, *-ɣuluq*, *-ɣalï*; совр. тур. на *-ma*). Особенно заметен слой монофункциональных древних деепричастий – на *-a/-e*, *-ï'-i*, *-u/-ü*, *-ïp* и производная от этой последней форма на *-ïpan*. Однако многие, можно даже сказать – большинство словоизменительных форм самых разных современных и древних тюркских языков можно определить как полифункциональные, поскольку их морфемы в идентичном или близком фономорфологическом виде представлены не в одном, а в двух, трех и даже максимально – в четырех функциональных разрядах глагола.

Например, общетюркская форма на *-r*: а) известна практически всем языкам в качестве основы лично-спрягаемой формы времени с семантикой настоящего общего (неотносительного) либо будущего – в зависимости от языка, при этом в соединении с показателями прошедших времен она участвует в большом числе сложно-составных аналитических или синтетических форм типа имперфектов и конъюнктивов; б) во многих языках выступает в функции причастия настоящего и/или будущего времени; в) отмечается в роли склоняемого имени действия, хотя это имеет место еще в меньшем числе языков в сравнении с причастным функционированием. Аналогичным образом широко известные, в том числе в древнейших языках, но, видимо, все же ареально ограниченные, перфектные формы на *-miš* и *-ɣan* достаточно активно продуцируют в качестве форм времени, причастия и имени действия.

Наряду с отмеченными выше функциями, формы на *-r, -myš* и *-gan* способны, занимая полупредикативную позицию, окказионально выполнять роль деепричастия. Это связано с тем, что, согласно тюркскому синтаксису, глагольная форма в позиции неглавного сказуемого не требует обязательного личного оформления и чаще всего остается потенциально-личной, как при односубъектности сказуемых (тур. *Ben gelir alırım // Ben gelip alırım*), так и в абсолютивных построениях с разными субъектами (*Anne gelir ben alırım // Anne gelip ben alırım*; правда, первое из этих построений (*Anne gelir*) уже не принимается стандартным языком и носит оттенок просторечия).

Древние глагольные формы в еще большей степени, чем современные, отличались полифункциональностью выражающих их морфем. Например, в языке орхоно-енисейских памятников упоминавшиеся в этой связи выше формы на *-r* и *-myš*, отмечаются в тех же функциях, что и в современных языках – собственно-глагольной финитно-временной, инфинитно-причастной и инфинитно-субстантивной. Форма на *-duk*, которая в современных языках огузской группы продуцирует главным образом как имя действия, в орхоно-енисейском выступает тоже преимущественно как имя действия, но наряду с этим, хотя и достаточно редко, как истинное причастие

Türk Dilleri Kütüphanesi
(об этом несколько ниже), а также как финитная форма времени в гетерогенной парадигме прошедшего заглазного на *-myš//-maduk*, то есть в качестве ассоциированного отрицательного члена этой парадигмы. Интересно отметить, что сопряженность форм на *-myš//-maduq* в качестве положительного // отрицательного противочленов единой парадигмы сохранилась в якутском глаголе, где эта оппозитивная связка представлена в двух вариациях, получивших статус самостоятельных временных форм: 1) преждепрошедшее на *-byt* (<**-myš*) // *-batax* (<**-ma+dyq*) + показатели лица посессивного характера (за исключением 1-го и 2-го лиц множ.числа); 2) прошедшее результативное на *-byt* (<**-myš*)//*-batax* + показатели лица местоименного характера (противопоставление преждепрошедшего и прошедшего результативного нерелевантно для 1-го и 2-го лиц множ. числа, поскольку в этих формах в якутском глагольном словоизменении представлены только местоименные показатели).

Полифункциональность характерна и для других древних форм глагола. Такова форма будущего временного плана на *-tačï*, выступавшая в орхонских текстах VIII в. как финитная форма с личными окончаниями, а также как причастие. В качестве отрицательных форм будущего на *-tačï*, употреблялся показатель *-čï*, (очевидно, краткий, неосложненный вариант показателя *-tačï*). В древнеуйгурских памятниках IX–X вв. форма на *-tačï* функционировала как причастие; часто субстантивируясь, она выступала в именных позициях, в том числе в присвязачной части, все-таки не достигая при этом подлинной финитности. Финитной же в древнеуйгурских текстах была форма на *-ɣaj ~ -ɣa*. В противостоянии форм на *-tačï* и на *-ɣaj* состоит одно из немногих, но заметных морфологических различий орхонского и древнеуйгурского литературных тюркских диалектов.

Свойственная обоим древнейшим литературным языкам глагольная форма с показателем *-sar*, известная по своей более частотной функции инфинитной полупредикативной формы с условным значением (условное деепричастие), редко, в отдельных текстах выполняет также функции имени действия, а кроме того – причастия настоящего времени с модальными оттенками возможности и долженствования, причем такое причастие может субстантивироваться, например: erdemlig bolsar bodun isrik jörümedi (E-29$_4$) ‘народ, являющийся (букв. долженствующий быть) доблестным, пьяным не слонялся’; ïraqda bölsär (Тон$_5$) ‘тот, кто (умеет) различать (*букв.* умеющий, способный различать) издалека’; ilk qyrqyzqa süläsär jäg ärmiš tedim (Тон$_{23}$) ‘лучше было бы сначала повести войска на кыркызов, – сказал я’.

Таким образом, можно говорить о полифункциональности морфем *-r*, *-miš*, *-gan*, *-duk*, *-tačï*, *-sar* и им подобных, и – с оговорками – о полифункциональности выражаемых этими морфемами форм, памятуя, что форма – это не только образующая ее морфема с определенной семантикой, но и присущая ей грамматическая функция с устоявшейся для выражения этой функции синтаксической позицией или конструкцией. В этом плане оправ-

Türk Dilleri Kütüphanesi

дан тезис о существенной роли синтаксического критерия в размежевании глагольных форм на функциональные разряды.

Диахронное сопоставление форм, о которых идет речь, показывает, что в современных языках во многих случаях полифункциональность морфологических показателей старого состава заметно убывает, происходит разделение совмещаемых функций на продуктивные, ведущие, и непродуктивные, пережиточные. В некоторых формах отдельные функции вообще угасли, тогда как в древних языках представленность разных функций в одной форме в целом имела место чаще и носила более равномерный характер.

Развиваясь в общем русле закрепления в особых формах разных семантико-синтаксических сущностей, полифункционализм глагольных форм преодолевался и внутренне, и внешне. Внутренне – через отмирание, как сказано, у ряда форм некоторых функций; внешне – двумя разными, но по сути однонаправленными путями; во-первых, при помощи сочетания с другими категориальными маркерами: лица – в собственно финитных формах (формы на *-a* и *-ur* и мн. др.), падежа и принадлежности – в субстантивно-инфинитных формах, аморфным примыканием в прииенной синтаксической позиции – у причастия; во-вторых, через морфологическое усложнение первичных форм дополнительными показателями, позволившими уже к эпохе древнейших памятников обладать целой серией более специализированных форм следующего состава: *-tačï* <**-ta* + *-čï* (*-čï*, как уже сказано, еще сохранялось пережиточно в отрицательных формах: *-ma-čï*); серия производных от *-ɣa* – *-ɣaj* (будущее причастие; <**-ɣa*+ *-i/j*), *-ɣan* (вневременное причастие; <**-ɣa*+*-n*), *-ɣalï* (имя действия-супин; <**ɣa*+*lï*); *-mïš* (прошедшее субъективное; <**-m*+*-iš*); *-sar* (условная; <**-sa*+*-r*).

Если мы правильно определяем тенденцию, если действительно тюркская система стремилась различными путями преодолеть полифункционализм определенного круга словоизменительных глагольных форм, то транспонировав эту тенденцию в прошлое, мы вправе предположить, что в ретроспективе все или большинство глагольных форм данного круга были полифункциональными. Чтобы понять механизм полифункциональности, необходимо обратиться к семантико-грамматическим различиям функциональных форм глагола, поскольку функция производна от семантики.

Об истоках полифункционализма глагола

Полифункциональность древних глагольных форм как возможность перехода от одной синтаксической функции к другой без помощи дополнительных формальных маркеров, зиждется на их глубинном семантическом единстве, которое выражается в том, что каждая полифункциональная форма – полисемантична, несет в себе полный или частичный набор следующих семантических признаков, или сем: процессуального характера действия, субстантивно-абстрагированного представления действия и адъективно-характеризующего представления производителя действия. Полисе-

Türk Dilleri Kütüphanesi
мантизм тюркского глагола как фактор, определивший последующие семантико-грамматические глагольные филиации, коренится, на наш взгляд, в глубинах исходного семантического облика глагола, поскольку имеет несомненный параллелизм в семантической структуре общетюркских, а потому наиболее древних деривационных рядов. Как установлено в исследованиях Э.В.Севортяна, практически каждый аффикс отглагольно-именного словообразования обладает почти стандартным набором семантем: от глагола может образовываться имя со значениями «названия процесса», «названия действующего лица», «названия орудия / средства действия», «названия объекта действия», «названия результата действия», «названия места или времени действия», а также имена со значениями «признака» всех указанных групп [Севортян 1966, 368]. Одно и то же производное в разных языковых группах, а также в отдельных диалектах может быть представлено какими-то единичными значениями, а в сумме они составляют семантический потенциал каждой словообразовательной модели.

Перечисленные выше семантемы являются типовыми словообразовательными значениями, сформировавшимися путем обобщения результатов лексикализации многих древних дериватов уже применительно к более современной, развитой системе лексико-семантических классов и разрядов слов, т.е. по прошествии длительного периода. Изначально же за единством этих типов стоял, как можно предполагать, особый, во многом отличный от современного, характер протоглагола, в котором выражалось не только само действие, но и присутствовали семантические приметы действующего лица, среды или места действия, орудия или инструмента, способов или манеры производства действия. Например, при всей кажущейся конкретности современного глагола «резать, отрезать» данные целого ряда языков указывают, что для древнего человека существовали разные глаголы, в зависимости от резания острым либо неострым инструментом – «вспарывать, кромсать», в связи с направлением резания – «от себя», «на себя», «наискось, к краю». Тюркские глаголы движения сохраняют различия относительно «направления» движения – «от говорящего», «в сторону говорящего» (центробежность, центростремительность), «скорости» передвижения («нормально», «убыстренно», «замедленно»), способа осуществления – «шагом», «бегом», «трусцой», «вприпрыжку», «запинаясь», «хромая», среды или места действия – «идти по земле», «брести по воде», «продираться сквозь растительность».

Наличие указанных конкретизаторов в отношении направления, способов, скорости, орудия, среды и т.п. особенностей производства действия послужило формированию лексико-семантического своеобразия каждого подобного глагола, но и очертило круг дополнений и обстоятельств, вербализовавшихся впоследствии в соответствующих синтаксических позициях глагольного окружения. Среди членов этого окружения наиболее важную,

Türk Dilleri Kütüphanesi
определяющую роль для становления глагола имел процесс "конденсации" представлений о производителе действия.

Семантико-грамматические различия функциональных формглагола

Суть семантического содержания функциональной категории «глагольное имя действия» в тюркских языках (как и аналогичных категорий – инфинитивов, масдаров, супинов и т.п. – в других языках) в том, что оно только называет обозначаемое действие (отсюда термин: имя, т.е. название, действия), ср.: «человек придет, пришел» → «человека приход / прихождение». Благодаря отказу от процессуальности во всем богатстве ее временных, фазовых, модальных и др. нюансов, обозначаемое действие приобретает субстантивный характер, а это позволяет таким словам включиться в смысловую сферу другого глагола в его процессуальной форме, выступая теперь уже в роли именных членов подчиняющего глагола (актантов и сирконстантов глагольной пропозиции) – подлежащего, дополнения, обстоятельств, и принимать при этом именные грамматические категории падежа, принадлежности, числа: «мы узнали о приходе человека», «во (время) прихода/ прихождения человека произошло что-то другое», «ради прихода/ прихождения человека сделали то-то» и т.п.

Семантическая сущность причастия как функциональной категории глагола состоит в том, что оно называет производителя действия («приходящий», «пришедший»; равно перифразе "тот, кто приходит/ пришел"). В отличие от «глагольного имени действия» причастие можно было бы назвать «глагольным именем действователя», или «названием производителя действия». Как и имя действия, причастие может быть субъектом или объектом другого глагола. Однако разница, например, между подлежащим – именем действия («прихождение») и подлежащим – именем действователя («приходящий») очевидна: первое есть событие (производство действия), второе – участник события (производитель действия). Поэтому как тенденция, в современной норме, функции имени действия и причастия разведены по разным формальным категориям, в том числе и благодаря развитию в формах имен действия дополнительных квазисубъектных маркеров в виде лично-притяжательных аффиксов. Иное дело исторически исходные полифункциональные формы. В самой такой форме (например, на *-r*: *kelir* «приход» / «приходящий») нет предпосылок к тому, в каком из этих значений она должна или может реализоваться: переход от одной функции к другой осуществляется конверсионно-семантически, без каких-либо внешних показателей, на основе «внутренней деривации», выражающейся в переосмыслении говорящим своей собственной коммуникативной интенции. Происходит своеобразное переключение семантического регистра: «имя действия» / «имя действователя». Выявлению или уточнению замысла способствует синтаксическое построение и контекст.

Türk Dilleri Kütüphanesi

В отличие от называния действия в масдаре и причастии в субстантивном ключе, собственно-глагольные формы представляют действие в его конкретности как процесс, протекающий в определенном времени по отношению к факту сообщения (моменту речи), под определенным углом отношения к действительности и осуществляемый определенным производителем действия. Эти семантические характеристики глагольной процессуальности оформляются, или реализуются, в грамматических категориях времени, наклонения, лица-числа. Удается восстановить приблизительную схему сложения этих категорий, очерчивая тем самым становление и развитие глагола на этапе раннепратюркского.

Несмотря на возможность отсутствия показателей лица собственно-глагольные формы следует охарактеризовать как сущности преимущественно субъектно-сопряженные, в семантическом содержании которых присутствует производитель действия, эксплицируемый формально-грамматически и/или лексически. В этом плане собственно-глагол несомненно близок к причастию. Однако семантическая разница между ними в том, что причастие характеризует субъект, тогда как собственно-глагольная форма вместе с субъектом характеризует ситуацию. С другой стороны, не во всех случаях собственно-глагол аналогичен причастию. В третьем лице при неконкретных – неопределенно-личных, безличных – субъектах собственно-глагольная форма оказывается близкой к обобщенному названию действия, т.е. к глагольному имени, в котором указание на производителя действия в норме снято. Вероятно, не в последнюю очередь в связи с этим обстоятельством в тюркских языках формы третьего лица (исторически – без разграничения по числу) установились как нулевые, что, по-видимому, соответствует их семантической неотмеченности: такая форма может выражать как определенно подразумеваемое лицо – стороннего участника коммуникации, так и неучастника – предмет, явление и т.п. И здесь, в формах 3-го лица собственно глагола, переход от семантики субъектно-окрашенного действия (близкой к причастию) к семантике обобщенно названного действия (близкой к имени действия), как и в случае перехода в одной и той же форме от причастного типа значения к семантике имени действия, происходит конверсионно. Контекст лишь помогает проявить этот внутренний переход.

Деепричастие – третья инфинитная (наряду с именем действия и причастием) функциональная форма глагола. Синтаксически она тоже предназначена для передачи второстепенного действия. Семантически же деепричастие в основном аналогично собственно-глаголу, в ряде моментов отличаясь от него грамматически. Представляя действие, хотя бы и второстепенное, как процесс, протекающий во времени, деепричастие по-особому реализует категориальные значения времени, наклонения, лица-числа. Во-первых, деепричастие не обладает независимой от главного действия временной отнесенностью, но выражает фазовую сопряженность с ним: оно

Türk Dilleri Kütüphanesi

обозначает либо предшествие, либо одновременность главному действию, либо следование, некоторые деепричастные формы способны совмещать оба эти значения, различая их в контексте. Во-вторых, деепричастия могут выражать модальные значения условности, уступительности, долженствования и некоторые другие, которые, будучи ограничены рамками неглавной части предложения, не распространяются на все высказывание и не принимают тем самым характера наклонения, как одной из прагматических целей высказывания. В-третьих, субъектность второстепенного глагола, как и его временная характеристика, получает выражение на фоне соотнесенности субъекта действия деепричастия с субъектом главного действия, причем более обычны сопряженно-односубъектные конструкции, но возможны и разносубъектные построения, когда у деепричастия свой субъект, отличный от субъекта главного сказуемого.

Сопоставляя семантико-грамматический облик деепричастий и собственно-глагольных форм, можно сказать, что вторые завершили развитие тех категорий, что были намечены в составе первых. Относительная хронологизация действия в деепричастии была развита в собственно-глаголе в систему абсолютных и относительных времен. Модальные значения в большей своей части получили более высокий коммуникативный статус наклонений, в меньшем числе оставшись на положении полупредикативных форм. Имплицитно представленный и конкретизируемый в контексте производитель действия в инфинитных формах, в собственно-глаголе эксплицировался в систему лично-субъектных окончаний. Поскольку собственно-глагол семантически реализуется как субъектно оформленный процесс близкий либо к причастию, либо к имени действия, то и деепричастие – за минусом субъектной оформленности финитных форм – обладает аналогичной семантикой. Однако реализуется каждый тип семантемы в разном синтаксическом контексте.

При общем соотношении: деепричастие – неглавное действие, спрягаемая глагольная форма – главное действие, – взаимодействие между ними в контексте конкретных предложений носит неодинаковый характер: от во многом независимого, самостоятельного действия, выражаемого деепричастной формой, до различной степени лексико-семантической сопряженности обоих действий. Наличие собственных второстепенных членов предложения, способствующих созданию вокруг деепричастия совершенно самостоятельной ситуации, обычно предваряющей по времени ситуацию вокруг главного сказуемого, делает деепричастие максимально глагольным, выражающим процессуальность. Разница в этом случае между деепричастием и спрягаемой финитной формой не столько семантическая, сколько формально-грамматическая: у деепричастия чаще всего нет самостоятельного модально-временного плана и субъектного отношения, так что оно выполняет роль своеобразного «грамматического местоимения», или формально-грамматической анафоры, указывающей: “о моих коммуника-

Türk Dilleri Kütüphanesi
тивных характеристиках – наклонении / времени / лице, – следует судить далее, по главному сказуемому".

Если же речь идет о взаимодействии второстепенного и главного действия, то таковое может носить двоякий характер. В одних случаях, второстепенное действие оказывается включенным в главное действие, служит его качественной характеристикой, сближаясь в этом отношении с наречием. Контекстными условиями при этом являются невыраженность или же только формальная выраженность в предложении собственных для деепричастия объектных и обстоятельственных распространителей. В семантическом плане такое деепричастие близко к обозначению обобщенного названия действия.

В других случаях, взаимодействие второстепенного и главного действий принимает, можно сказать, крайне тесный характер, так что это уже не два самостоятельных, а фактически одно действие. Контекстными условиями является элиминирование каких-либо собственных – уже для главного глагола – объектных и обстоятельственных распространителей. Именно при таком, синтаксическом "обнулении" главного предложения лексическое значение его глагола, примыкающего постпозиционно к второстепенному глаголу, опустошается, обобщается до указания на характер и какие-либо особенности протекания действия, выражаемого второстепенным глаголом. Препозитивный второстепенный глагол остается лексически полноценным благодаря сохранению своего лексического окружения, в глагольном же сочетании он принимает роль основного смыслового глагола. Напротив, постпозитивный главный глагол становится служебным элементом – семантическим модификатором глагольного сочетания. Так образуются сложно-составные аналитические формы различного категориального статуса – конструкции способа глагольного действия, а также возможности/невозможности. В семантическом плане такое деепричастие, как и в предыдущем случае, близко к обозначению обобщенного названия действия, т.е. к имени действия.

К сложению временной системы глагола

Очевидно, что полисемантизм древних глагольных форм порождает такое фундаментальное свойство глагольной системы, как существование глагола в его основных функциональных разновидностях с исконно общими формальными показателями. Подобное качество системы представляет собой естественное начало процессов возникновения морфологических категорий разного уровня и характера, осуществлявшихся путем филиации и самой различной комбинаторики формантов. В плане относительной хронологии этап «изначального полисемантизма форм» следует обозначить как «раннепраязыковое состояние», т.е. самый ранний этап сложения языка определенного материально-генетического типа, в данном случае, раннепратюркского. К этому этапу относится формирование первичного

Türk Dilleri Kütüphanesi
слоя глагольных форм, послуживших базовыми показателями при сложении категорий времени и древнейших показателей причастий, глагольных имен и деепричастий.

Поскольку нельзя определить состав каких-либо категорий раннепратюркского без предварительного восхождения от засвидетельствованных – современных и древних тюркских языков к их общему состоянию накануне распада праязыка, т.е. к позднепратюркскому, обратимся к сопоставлению имеющихся в литературе опытов реконструкции прежде всего позднепратюркского состояния.

Одна из первых попыток обрисовать «первичное ядро тюркской глагольной системы» принадлежит Б.А.Серебренникову, включившему в него такие формы: 1) настоящее без показателя, 2) настоящее-будущее с показателем *-ar*, *-ïr*, 3) прошедшее с покзателем *-dï*, *-tï*, 4) прошедшее на *-dïq* [Серебренников 1959, 214]. В более поздней, совместной с Н.З.Гаджиевой, работе этот перечень выглядел частично по-иному: 1) настояще-будущее с показателем *-a*, *-ï*, 2) настояще-будущее с показателем *-ar*, *-ïr*, 3) прошедшее с показателем *-dï*, *-tï*; 4) неопределенный имперфект типа *alïrdïm* ‘я брал постоянно’ [Серебренников, Гаджиева 1979, 204–205].

А.М.Щербак считает, что «праязыковая схема временных форм изъявительного наклонения» должна была выглядеть следующим образом: собственно временные формы: 1) форма прошедшего времени (претерит) – **-tï(ɣ) ~ *-dï(ɣ)*, 2) форма настоящего времени – **-a*, 3) форма будущего времени **-ka(j) ~ *-ɣa(j)*; «вневременные» формы: 4) форма неограниченного во времени действия (аорист) – **-(a)r*, 5) форма неограниченного во времени состояния (перфект) – **-kan ~ *-ɣan* и 6) **-pïš ~ *-bïš ~ *-mïš* [Щербак 1981, 94–95].

В серии работ автора [Кормушин 1984; 1988; 1991] был предложен свой вариант общетюркской реконструкции, в основу которого положены оценки путей развития как содержательной структуры – граммемного состава временных форм, так и их формального состава. Например, в сфере настоящего форма настоящего данного момента, или настоящего актуального, – одна из наиболее значимых граммем в современной структуре времен, – во всех языках совершенно явно демонстрирует свое позднее происхождение из перфектно-дуративных конструкций. Посленастоящее как особая форма встречается в немногих языках, и обычно в этой роли выступают формы настоящего общего, отодвигаемые с позиции абсолютного времени новыми показателями. В отличие от этих двух граммем – настоящего актуального и посленастоящего, другие две граммемы микрополя настоящего – преднастоящее (перфект) и настоящее общее как наличные в подавляющем большинстве современных и древних тюркских языков и выражаемые краткими, не составными формами древнейшего по ряду признаков состава должны быть, с этих позиций, постулированы в базовую систему позднепратюркского.

Türk Dilleri Kütüphanesi

В сфере будущего показатели как абсолютного будущего, так и относительных времен разнятся по языкам, обнаруживают следы происхождения из эмфатических или модальных форм, разных в различных ареалах, почему можно думать, что граммемы будущих времен вообще еще не были представлены в позднепратюркском; к тому же, постулированная А.М.Щербаком в качестве общетюркского футурума форма на *-*ka(j)* ~ *-*ya(j)*, ареально ограничена, будучи определенно связанной с восточнотюркским языковым материалом.

В сфере прошедшего относительные времена – будущее в прошедшем (развивающееся в формы конъюнктива), настоящее в прошедшем (имперфект), предпрошедшее (плюсквампрефект) – все они имеют составной характер, соединяя либо перфект, либо настоящее общее с прошедшим общим. Формальная составность имперфекта типа *alyrdym*, свидетельствует о его относительно позднем сложении и препятствует, вопреки мнению Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой, принятию этой формы в состав первичных показателей системы времен. Только прошедшее общее оказывается исконным в подсистеме прошедшего, а все прошедшие относительные времена предстают вторичными образованиями.

Таким образом, на основе семантико-грамматических и формальных признаков удалось несколько по-иному представить минимизированную структурно-семантическую модель категории времени позднепратюркского языка, состоящего из следующих форм: 1) претерит на *-*dï* (или -*δï*), 2) презенсы на *-*r* и 3) *-*a*, 4) перфекты на *-*ïb* и 5) *-*an* [Кормушин 1988, 368–423).

Сложение временной системы глагола не является просто процессом сплочения, синонимизации той или иной группы форм с однотипной семантикой, в данном случае с семантикой, передающей последовательность событий. В действительности, это принципиальный акт, отражающий качественное преобразование всей грамматической системы – появление в ней приемов актуализации высказывания, реализуемых в глаголе и через глагол в виде следующих категориальных значений: 1) отнесенности высказывания к моменту речи, 2) отнесенности события к реальной действительности, 3) субъектной определенности действия. По сути дела, в высказывание вводятся прагматические параметры речи, организующие более развитый тип многослойно-функциональных синтаксических построений. При этом перечисленные категориальные значения не грамматизуются, т.е. не принимают характера грамматических морфологических категорий, а остаются в виде сопутствующих значений, дополнительных семантических множителей, наслоений, свободно накладывающихся на событийную структуру высказывания. Поэтому высказывание приобретает два смыкающихся, но не перекрещивающихся содержательных плана: событийный, или семантико-синтаксический, и изобразительный, или прагматический. Причем временные значения обоих планов могут совпадать, а могут и не совпадать.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Остановимся на структуре и особенностях временных характеристик, сложившихся в каждом из указанных содержательных планов. При единственности событийного плана, т.е. до появления сопутствующих актуализационных значений, сообщаемые события с помощью древнейших глагольных маркеров получали временные характеристики либо друг по отношению к другу, либо по отношению к каким-то моментам прошлого или настоящего, одинаково подразумеваемым говорящими. Подобная характеризация событий напоминает принцип отражения их в деепричастии (относительное предшествование, следование или одновременность действия без прикрепленности к какому-то абсолютному периоду – прошлому, настоящему или будущему) и соответствует понятию категории таксиса.

В таксисе при отсутствии соотнесенности события с моментом сообщения оценка «степени давности», сама возможность приурочения события «еще к настоящему» или «уже к прошлому» оставалась фактом частного взаимопонимания и взаимодоговоренности коммуникантов. Но с того момента, как любое событие, ставшее предметом высказывания, в общеконвенциональном плане, т.е. в представлении всех говорящих, начинает соотноситься с моментом речи, событийная канва получает ординату времени, связанную с реальной хронологией опосредованно, через восприятие говорящего: все, что происходит синхронно моменту речи или представляется таким образом говорящим, независимо от длительности начальной и конечной фазы действия, получает статус настоящего времени, а все, что говорящим относится к периоду до момента речи, независимо от срока давности, получает статус события прошлого. Высказывание же делается только в момент речи, оно имеет только один временной план – "сиюминутного" настоящего, хотя описываемое в высказывании событие может относиться к любому временному плану – прошлого, настоящего, будущего.

Почему событийная хронология дробна, состоит из нескольких семем, а изобразительно-прагматическая безвариантна, однополюсна? Потому что первая морфологически выражена, каждую семему представляет свой, особый морф или несколько морфов, тогда как вторая не связана с формой, остается скрытой, каждый раз подразумеваемой, домысливаемой, но тем не менее обязательной семантемой; изменения ее параметров без опоры на формальные показатели невозможны или, по меньшей мере, затруднительны для восприятия. С другой стороны, единственность временного плана высказывания помогает говорящему обеспечить актуализацию всего высказывания в целом относительно окружающей действительности: «мое сообщение "происходит / происходило / будет происходить то-то и то-то" достоверно и реально, потому что делается сейчас, здесь и лично мною».

С общетеоретической точки зрения, в сфере настоящего времени (событийного плана) различается несколько семантико-грамматических функций или значений, часть из которых представляет типы настоящего

общего (настоящее потенциальное, обозначающее умение действователя производить тот или иной вид действий; настоящее постоянное, обозначающее трудовую деятельность, пребывание, чувства; настоящее характеристичное; настоящее обычной периодичности); другие значения связаны с выражением настоящего данного момента (настоящего актуального) широкого и узкого охвата [Кормушин 1984, 69–70].

Основная ось временной системы организуется с вычленения настоящего данного момента в противопоставлении настоящему общему [Кормушин 1984, 70]. Причем происходило это первоначально, как представляется, в «недрах» единой формы настоящего общего (единой, но не единственной, поскольку настоящее время в позднепратюркском выражалось, как указано выше, показателями **-r* и **-a*), путем мыслительной операции – семантизации действия как совпадающего с моментом речи. Внешне форма, отнесенная к моменту речи, не отличалась от общепрезентной, связанность действия с моментом речи являлась поначалу всегда скрытой грамматической категорией. (Как является скрытым, сопутствующим значением постоянная прагматическая отнесенность высказывания к моменту речи.) Лишь много-много позже периода своего возникновения в качестве скрытой граммемы, настоящее актуальное получает особые формы выражения, причем истинной причиной возникновения этих особых форм было стремление отразить всевозможные нюансы аспектуального плана, но отнюдь не актуализованность временного плана события.

Вторая ось временной системы заложена в противопоставлении событий прошлого и настоящего. Причем, как одинаково оценивается пратюркское состояние в различных реконструкциях, уже в раннепратюркском, вероятно, существовали две разные семантико-грамматические формации, или граммемы, для характеристики плана прошлого: претерит и перфект. Разность их семантического потенциала проистекает из-за вхождения этих форм в не вполне одинаковые привативно-оппозитивные отношения: претерит в качестве общепрошедшего противостоит общенастоящему (собственно вторая ось временных противопоставлений), а перфект как преднастоящее противопоставлен настоящему данного момента (благодаря чему образуется третья ось временной системы). Из подобной теоретико-грамматической оценки проистекает достаточно нетривиальная импликативная посылка для реконструкции: поскольку настоящее данного момента и настоящее общее "расходятся" путем семантизации из единой формы презенса, то и соотносимые с этими обеими формы перфекта и претерита аналогичным образом должны были произойти внутренне-семантическим делением единой формы прошедшего. В частности, это помогает прояснить некоторые вопросы соотношения форм перфекта и общетюркского претерита.

Ко времени орхоно-енисейских надписей в тюркских языках выделилось всего несколько собственно-глагольных форм: прошедшее время изъявительного наклонения и повелительно-желательное наклонение. Все осталь-

Türk Dilleri Kütüphanesi

ные глагольные показатели еще сохраняли прямые свидетельства былой их полифункциональности. В силу сказанного, такие показатели описываются ниже неоднократно, в соответствии с количеством зафиксированных для них функций, т.е., например, формы на *-miš* и на *-r* рассматриваются сначала в составе форм времени изъявительного наклонения, затем в составе причастий, затем в составе имен действия и т.д.

Система личного спряжения глагола

Семантическая категория субъектности составляет неотъемлемую сторону глагольности. Вербализуется, эксплицируется языковыми средствами субъектность в тюркских языках, как и во многих других языках мира, двояко: на синтаксическом уровне – лексическими средствами личных местоимений и существительных и на морфологическом уровне – аффиксальными средствами. Ввиду такого дублирования представленность субъектности на грамматичеком уровне через морфологическую категорию лица-числа в принципе для глагола некоторых языков оказывается не обязательной. Об этом у нас есть свидетельства двоякого рода.

С одной стороны, например, очень близкие по структуре и отдаленно родственные монгольские языки исторически не обладали личным спряжением (отнесенность ряда форм императива в целом к тому или иному грамматическому лицу в условиях отсутствия единообразного показателя лица – не в счет): таково положение в древнемонгольском и современном халхамонгольском; в бурятском, калмыцком и дагурском языках возникло личноместоименное спряжение (применяемое, впрочем, к любой части речи в позиции сказуемого); в монгорском и баоаньском в некоторых временных формах личными показателями различаются первые – непервые лица (вторые–третьи) без разграничения по числу [Яхонтова 1997, 15].

С другой стороны, в периферийных тюркских языках – сарыг-югурском и саларском – в условиях влияния иноязычной (китайской) среды, морфологические показатели лица вышли из состава временных форм [Тенишев 1997, 341, 351]. Аналогичную потерю практически в одинаковых условиях пережил маньчжурский язык [Кормушин 1984, 58; 1990, 284]; впрочем, состояние маньчжурского оценивается и как архаичное, наподобие монгольского, уходящее в эпоху до сформирования личных окончаний [Суник 1962, 182–184, 352–353].

И все же, несмотря на приведенные примеры, тюркские языки развили и сохраняют в массе (за упомянутыми исключениями) дублированную систему отражения субъектности – лексически и грамматически. При этом грамматические средства не являются однородными, в них различают два типа, или две серии показателей лица-числа.

Первую серию составляют личные окончания, интегрированные с показателями претерита на *-dï*, а также условной формы на *-sa*, и в большинстве

Türk Dilleri Kütüphanesi
случаев совпадающие с именными показателями посессивности (почему часто именуются "посессивными"):

Ед.ч.	1 л. *-m*	Мн.ч.	1 л. *-mïz* || *-k*
	2 л. *-ŋ*		2 л. *-ŋïz*
3 л. -∅			

Формы множественного числа *-mïz* и *-ŋïz* содержат в своем составе форматив *-ïz* (представленный в чувашском ротацирующей ступенью *-r*), который в тюркологии иногда рассматривают как архаичный показатель собирательности-коллективности или даже двойственности (подробнее см. [Кононов 1969, 5–6]).

В 1-м л. мн.ч. посессивный показатель *-mïz*//чув.*-mər* сохранился в чувашском и северо-восточной группе, а также был представлен в древних языках. Формант *-k*, очень по-разному интерпретируемый исследователями (подробнее см.[Кормушин 1988, 375]), по всей видимости, является инновацией непосессивного характера, вытеснившей исконный посессивный показатель в большинстве современных языков – огузских, кыпчакских, карлукских.

В третьем лице множественное число стало отмечаться показателем числа общетюрк. *-lar* // чув. *-s* достаточно поздно, еще в древних текстах нулевой показатель употреблялся для обеих форм – ед. и мн. чисел.

Вторая серия – местоименно-личные показатели тюркского глагола. Еще их называют показателями сказуемости, или предикативности, потому что помимо глагольно-временных форм они оформляют имена в функции предиката. Данная серия сформировалась в составе парадигмы настоящего-будущего времени на *-r*, наиболее древнего наряду с претеритом на *-dï* глагольно-временного образования, и представляет собой личные местоимения, включившиеся в словоформу в виде энклитик. Свой первоначальный, энклитический характер эти показатели еще сохраняли в орхоно-енисейском, как можно судить по особенностям рунического правописания: даже при велярных основах показатели лица выписывались знаками палатального ряда mn^2, s^2n^2, b^2Iz, s^2Iz, и не было начертаний $*mn^1$, $*sn^1$, $*b^1Iz$, $*s^1Iz$, свидетельствующих о сингармонических вариациях срединного гласного, типа *-man ~ -män ~ *-mïn ~ -min, *-bïz ~ -biz, *-sïz ~ -siz. Из современных языков только в тувинском и тофаларском поддерживается фонетическая самостоятельность местоимений в предикативной функции. В остальных, т.е. в подавляющем большинстве современных идиом, местоименные личные показатели, распространившиеся и на другие глагольно-временные формы, перешли на положение аффиксов, поскольку в них в полной мере осуществляется сингармоническое варьирование не только по качеству гласного, но и всевозможные изменения согласных при вхождении в состав слова в соответствии с морфонологическими закономерностями каждого отдельного тюркского языка. Однако такую особенность аффиксов лица второй серии в качестве бывших энклитик, как их безударность, тюркские языки сохраняют и поныне.

Türk Dilleri Kütüphanesi

По поводу исторического соотношения личных показателей обеих серий в тюркологии преобладает мнение, идущее еще от О.Бётлингка, о происхождении посессивных показателей в результате усечения, редукции личных местоимений [Дмитриев 1956_3, 6; Räsänen 1957, 197; Кононов 1980, 170; Щербак 1981, 33–34], однако высказывались и противоположные мнения – о несводимости личных притяжательных окончаний к личным местоимениям [Серебренников, Гаджиева 1979, 99; Кормушин 1984, 16].

Превратное представление о единстве посессивных и предикативных формантов создается, вероятно, во многом из-за того, что обе серии личных окончаний в истории тюркских языков подверглись смешению. Однако, как оказалось при более внимательном рассмотрении, речь идет о проникновении показателей посессивной серии в систему окончаний местоименного типа, но не наоборот. При этом посессивные окончания занимали отдельные, в разных языках – разные, позиции в парадигме (разных форм лица-числа), чаще всего оставаясь дублетами окончаний лично-предикативных (подробнее см. [Кормушин 1988, 393–95]. По гипотезе, высказанной там же, возможность смешения личных окончаний проистекала из того, что, как указывают некоторые факты функционирования полифункциональной формы на *-r*, у нее, возможно, существовали две личные парадигмы: одна с показателями предикативного характера (при финитном функционировании формы на *-r*); другая парадигма – с посессивно-личным оформлением (при полупредикативном употреблении формы на *-r*). На этом фоне при окказиональных замещениях масдаром предикативной позиции создавались условия для синонимизации отдельных полупредикативных и предикативных форм [там же, 396–97].

Наличие двух серий личных окончаний в тюркских языках возможно объяснить семантико-синтаксически: в препозиции к существительному-местоимению “я”, “ты” и т.д. может находиться причастие (“дрова собирающий-я” > “я собираю дрова”), а посессивный характер личного маркера указывает на имя действия (“дров собирание-мое”). Если становление и личных местоимений, и посессивных показателей имени происходило, несомненно, на одной из самых ранних стадий пратюркского, то вовлечение их в процесс окончательной глаголизации временных форм первичного слоя, прежде всего форм на *-dï* и на *-r*, – даже не в самом начале позднепратюркского времени.

Категория наклонения

Категория наклонения глагола служит в языке для выражения отношения действия к действительности, так, как видится такое отношение субъекту речи (говорящему). Существуют различные виды подобных отношений, называемых модальными и входящих в более широкое понятие модальности / модального плана предложения. Если говорящий представляет действие как происходящее объективно-реально, независимо от каких-то усло-

Türk Dilleri Kütüphanesi
вий или чьей-либо воли, такой нейтральный, или объективный модальный план составляет категориальное содержание изъявительного наклонения. Действие, представляемое говорящим, как обусловленное чем-то или кем-то, передается в разных языках различными морфологическими формами косвенных наклонений. Для языка орхоно-енисейских памятников можно говорить о трех, определенно выделившихся наклонениях – изъявительном, повелительно-желательном, сослагательном, и четвертом, находящемся в процессе формирования, – условном.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение не имеет особого аффиксального показателя (в этом случае говорят: имеет нулевой показатель, наподобие именительного падежа в имени), а реализуется в формах времени. Можно сказать, что формы времени глагола в тюркских языках сочетают в себе представление действия как объективно происходящего (категориальное значение изъявительного наклонения) с указанием на временной план совершения действия в настоящем, прошлом или будущем.

Категория времени изъявительного наклонения

Категория времени в языке орхоно-енисейских памятников представлена четырьмя морфологически простыми (не составными) аффиксальными формами и несколькими составными аналитическими формами.

Простые (не составные) формы времени

Общетюркский претерит на *-dï* может считаться наиболее старой формой в системе времен, почему он и присутствует в самых разных реконструктивных построениях. Кроме самого этого факта – единодушного признания показателя *-dï* непременным звеном пратюркской временной системы, все остальные вопросы аналитической интерпретации данной формы – формального состава, типа используемых личных окончаний, соотношение модального и временного компонентов, первичного характера значения и т.д. и т.п. – многократно и всесторонне дискутировались в литературе, что было достаточно полно отреферировано и в указанных публикациях [Кормушин 1984, 8–17; Кормушин 1988, 373–388; Кормушин 1991, 10–23). Не повторяя многого из сказанного, отметим главное: имеет место парадоксальный факт, состоящий в том, что форма на *-dï*, представленная во всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языках, одна из немногих в масштабе всей тюркской языковой семьи обладает монофункциональным статусом собственно-глагольной формы, тогда как посессивный характер ее личных окончаний определенно указывает на происхождение всей серии интегрированных лично-временных показателей (кроме неясного *-dïk*) – *-dïm*, *-dïŋ*, *-dïmïz*/*-dïk* (?), *-dïŋïz* – из глагольных имен, – положение, впервые выдвинутое в тюркологии еще

Türk Dilleri Kütüphanesi
П.М.Мелиоранским и поддержанное затем многими учеными. Возникающие при таком допущении синтаксические трудности объяснения имени действия в функции финитного сказуемого пытался преодолеть Н.К.Дмитриев, который полагал, что исходной структурой при глаголизации масдара послужила именная конструкция с участием предикативов *bar* 'имеется' / *joq* 'нет, не имеется' [Дмитриев 1940, 108]. Однако убедительных следов подобного словоупотребления в истории тюркских языков обнаружить не удается. Стараясь подкрепить именную версию, А.П.Поцелуевский привел из туркменской классической поэзии и живой туркменской речи образцы посессивных предложений и без предиктивов *bar* / *joq*, однако они базировались на форме -mïš.

В тюркологической литературе существует теория первоначальной перфектности формы на *-dï*, высказанная Б.А.Серебренниковым в ряде работ [Serebrennikov 1961, 164; и др.] и поддержанная другими учеными. При этом перфектность формы на *-dï* связывалась автором с ее именным характером, – против подобной увязки нам уже приходилось приводить некоторые соображения; основной же посыл состоял в том, что для перфектной версии формы на *-dï* гораздо ближе признание ее исходного статуса в качестве собственно вербального образования [Кормушин 1988, 385–386]. Теперь же, после того как выше нами сформулирована импликация, предполагающая на определенной (максимальной) глубине позднепраязыкового состояния существование единой формы прошедшего времени, – и это, конечно, форма на *-dï*, – которая в противопоставлении двум семантическим разновидностям настоящего (общего и данного момента) сама приобретала семантическую разноплановость, завершившуюся впоследствии формированием граммем претерита и перфекта.

Немногочисленность свидетельств полифункциональности формы на *-dï*, возможно, подчеркивает ее особо древний характер. Только в самых старых текстах мы встречаем буквально несколько (до десятка) примеров применения отрицательного деепричастия на *-ma-tï* (*udïmatï* 'не спя', *olurmatï* 'не сидя', *saqïnmatï* 'не думая') и, вероятно, производного от него деепричастия на *-ma-tïn* (*almatïn* 'не принимая', *qajmatïn* 'не обращая внимания'). Здесь форма на *-matï* / *-matïn* функционирует как отрицательный противочлен сразу нескольких других деепричастий – на *-u*/*-ju*, на *-p*/ *-ïp*, на *-pan*/ *-ïpan*, что также подчеркивает ее "старшинство" по отношению к этим формам. С формой на *-matïn*, вероятно, генетически связано огузское (тур., гаг.) деепричастие предварительного действия на *-madan* (*bakmadan* 'не глядя, прежде чем посмотреть', *gelmeden* 'не приходя, прежде чем придти'). Значительный историко-этимологический интерес представляет вопрос о том, является ли второе *a* в *-madan* аналогическим изменением из **-madïn*, восходящего к **-matïn* [Korkmaz 2003, 1011], либо *-matïn* и *-madan* – результат "параллельного использования ... разных имен действия" [Щербак

Türk Dilleri Kütüphanesi

1981, 126], либо же это остаточное свидетельство древнейшего типа грамматического чередования, о чем см. далее.

Функциональные разряды – причастие и имя действия – рассматриваемой первичной формы на *-*dï*, вероятно, не сохранились, поскольку, как представляется, достаточно рано были замещены вторичным образованием с показателем *-dïk* (см. ниже). Аналогичным образом перфектная филиация формы на *-*dï* тоже, по всей видимости, стала довольно скоро обрастать синонимичными формами, не только первичного характера, как постулированные нами *-*ïb* и *-*an*, но и вторичного характера.

Прошедшее общее (категорическое) на *-dï/-tï* передает действие, совершившееся или совершавшееся в прошлом. Эта форма нейтральна ко всем оттенкам протекания действия, т.е. в ней не подчеркивается однократность или неоднократность, кратковременность или длительность, законченность или незаконченность действия, например:

on aj iltdi ögim-ä kälürti ilimkä ärdäm üčün män ärlädim-ä (E-28$_4$)'десять (лунных) месяцев носила меня мать, принесла моему государству, для доблести я возмужал' ("носила" – длительное, "принесла" – однократное, "я возмужал" – результативное, но по-тюркски – одна форма: на *-dï/-tï*).

В противопоставление форме на *-mïš/-miš*, форма на *-dï/-tï* обладает значением засвидетельствованности действия со стороны говорящего, почему ее иногда называют "категорической", что не вполне верно: никакого подчеркивания засвидетельствованности эта форма не содержит.

Еще одна важная особенность формы на *-dï/-tï* в том, что она, в отличие от других несоставных временных показателей (форм на *-mïš*, *-r* и др.), не имеет аналогов в других функциональных разрядах глагола, т.е. не употребляется как как причастие, имя действия или деепричастие.

Показатели прошедшего общего времени

1л.	*-dïm/-dim*, *-tïm/-tim*	*-dïmïz/-dimiz*, *-tïmïz/-timiz*
2л.	*-dïɣ/-dig*, *-tïɣ /-tig* *-dïŋ/-diŋ*, *-tïŋ/-tiŋ*	*-dïɣïz/-digiz*, *-tïɣïz/-tigiz* *-dïŋïz/-diŋiz*, *-tïŋïz/-tiŋiz*
3л.	*-dï/-di*, *-tï/-ti*	употребляются формы 3л. ед.ч.

В силу указанной монофункциональности форму *-dï* на называют единственной в составе временных форм изъявительного наклонения чисто глагольной (лично-предикативной) временной формой в масштабе тюркских языков в целом. К слову сказать, в большинстве современных языков северо-восточной группы (як., тув., хак.) семантика формы на *-dï/-tï* смещается в сторону недавно прошедшего (преднастоящего).

Türk Dilleri Kütüphanesi

Отрицательные формы прошедшего общего образуются от основы с аффиксом глагольного отрицания *-ma /-mȧ* с помощью тех же самых личных показателей времени, т.е. выглядят как *-madïm*, *-madïŋ*, *-madï* и т.д.

Особенность енисейских текстов как поминального жанра в том, что их фактологически-констатирующей канве в наибольшей степени соответствует план прошлого, почему почти каждая надпись содержит примеры форм прошедшего общего в разных лицах (но преимущественно в третьем и первом ед.ч.) и от самых разных глаголов. Все возможные формы глаголов деплоративной семантики (öl- 'умирать', adïrïl- 'разлучаться' и др.) собраны в разделе "сообщение о смерти" (см. ниже, ч. IV), здесь же приведем примеры остальных глаголов, распределив их по лицам.

1 л. ед.ч.: ärtim 1_2, 32_{12} / erdim 6_3, ärdim10_{11} 'я был'; bantïm 3_3 'я повязал'; boldïm 6_1, 147_1, / boltum 45_3 'я стал'; ulɣattïm 7_2, 29_5 'я вырос'; sürdim 10_8 'я пленил'; qazɣandïm 11_3 / qazɣantïm 27_4 'я добывал'; bardïm $11_{3,10}$, 29_8, 32_9 'я ходил ~ ушел'; ölürtim 25_4, 44_2, 98_6, / ölürdim 11_4, $42_{1\text{-}5}$, 49_3, 109_3 'я убил / я убивал', ölürmädim 17_4 'я не убил / не убивал'; tapdïm $13_{2\text{-}4}$, 46_2, 60_2 'я служил'; tägürtim 26_6 'я привозил'; ïčɣïntïm 26_{16} 'я потерял (вас)'; ärlädim 28_4 'я вырос мужчиной'; toɣdïm 29_5 'я родился'; kälmädim 29_8 'я не вернулся'; qaŋsïradïm 32_{13} 'я лишился отца'; bilinmädim 32_{13}, 'я не сознавал (что происходит)'; äšintim 41_4 'я скакал (на быстрых конях)'; altïm $41_{6,10}$ 'я взял ~ брал, захватил ~ захватывал'; bintim 41_9 'я садился (на коней)'; öntim 42_1 'я выступил (в поход)'; biti[t]dim 42_4 , Дрв$_{1,3,4}$ 'я написал (велел написать)'; tu[t]tum 45_4 'я держал (в руках государство)'; bašladïm 45_4 'я возглалял (народ)'; jaɣïladïm 45_4 'я воевал с врагами'; äl[t]dim 45_4 'я водил (войска)'; qïltïm 45_4 'я сделал'; särdim 50_2 'я претерпел'; bilmädim 60_3 'я не узнал'; bildim 70_4 'я узнал'; elimdä kötrüldim 73_8 'я был возвышен в моем государстве'; sülädim 96_2 'я водил войска'; atmadïm 100_2 'я не бросил (товарищей)'; tikildim 108_4 'мне был поставлен (памятник)'; birtim C_7 'я дал, подарил'; körtim C_8 / körmädim C_{11} 'я видел / я не видел'.

2 л. ед.ч.: qïlmadïŋ 28_3 'ты не сделала'.

3 л. ед. / мн.ч.: qïldï 6_2 'он сделал'; tikdi 10_2 '(они) установили'; bardï 10_6, C_{10} 'он(и) отправились'; jörümädi 29_5 'он не ходил (пьяным)'; tägzinti 31_4 'он уходил и возвращался'; joqaldï 32_3 'он пропал'; qaltï 32_5, 45_6 'он остался/ она осталась'; joɣladï 42_3 'они справили тризну'; boltï 45_9 'он стал'; tägdi C_5 'достиг, распространился'; ärti C_5 '(он ~ нечто) был ~ было'; toqïdï Дрв$_2$ 'он разбил (наголову)'.

1 л. мн.ч.: ärtimiz 28_8 'мы были (вчетвером)'.

2 л. мн.ч.: qïltïŋïz 26_6 'вы сделали', ärtiŋiz 28_2 'вы были', tüšürtiŋiz 28_8 'вы нагрузили', kälmädiŋiz 30_1 'вы не пришли'.

Прошедшее заглазное на *-mïš / -miš*; отрицательные формы на *-maduq/ -mädük*. Полифункциональная форма на *-mïš / -miš* в лично-предикативной функции имеет значение прошедшего заглазного (неочевидного, субъективного) времени, поскольку передает действие, сведения о котором

Türk Dilleri Kütüphanesi
говорящий, не будучи сам его очевидцем, почерпнул от других лиц или из какого-то источника.

Примеры: joγïm anča ärmiš adïrïldïmïz (E-25$_7$) ‘такова была моя тризна. [Теперь] мы разлучились’; – довольно искусное построение фразы: она говорится от лица покойного мемориантa, который не был “участником” своего поминального пира наравне с живыми людьми, поскольку умер, но знает о нем опосредованно, от своего "духа", присутствовавшего на этой церемонии.

В следующем примере, как и в предыдущем, в одной фразе противопоставляются временные формы прошедшего заглазного и прошедшего общего: toquz älig jašda toquz altmïš är ölürmiš är bašï saŋun ölürti (E-48$_{11}$) ‘за 49 лет он (мой отец) убил 59 мужей-воинов [врага], он убил генерала–предводителя воинов [врага]’. – Говорящий (сын мемориантa) не мог быть очевидцем всех боевых эпизодов своего отца, – поэтому употреблена заглазная форма на *-miš*, но, был, очевидно, свидетелем эпизода с генералом, – поэтому использовано прошедшее общее на *-dï*.

Отрицательные формы с афф. *-mïš/-miš* в языке орхоно-енисейских памятников еще не образовывались (в отличие от современных языков, где такие формы теперь имеются); в качестве отрицательных форм прошедшего заглазного здесь применялся афф. *-maduq* / *-mädük*, отрицательный показатель глагольного имени действия на *-duq* / *-dük* (о нем см. ниже). Ассоциирование в качестве членов единой парадигмы разнородных морфологических показателей неоднократно имело место в истории тюркских языков, ср., например, в якутском (а также в халаджском) языке в парадигме настоящего времени глагола соединились афф. *-а* и *-ар*: 1 л. *бар-а-бын* ‘иду’, 2 л. *бар-а-ғын* ‘идешь’, 3 л. *бар-ар* ‘идет’. Интересно, что якутский язык сохранил свойственную орхоно-енисейскому периоду соединенность в общей парадигме форм на *-miš//-maduq*: якут. *-быт* (<*-*miš*)//*-батах* (*<*madïq*) – 1 л. *барбытым* ‘я (тогда) ходил’ // *барбатағым* ‘я не ходил (тогда)’, 2 л. *барбытың* ‘ты (тогда) ходил’//2 л. *барбатағың* ‘ты (тогда) не ходил’. Пожалуй, чаще всего происходит ассоциирование генетически различных морфем именно по линии противопоставления положительных и отрицательных форм, причем замечено, что относительно более молодая в системе положительная форма “берет к себе в напарники” относительно более старое отрицательное образование. Таково соотношение не только временных показателей *-miš/-maduq*, но и *-r/-maz*, *-tačï/-čï*, а также ряда деепричастий (см. ниже).

Примеры: anta kisrä inisi qaγan bolmïš ärinc oγlïtï qaγan bolmïš ärinč anta kisrä inisi äčisin täg qilïnmaduq ärinč oγlï qaŋïn^2 täg qïlïnmaduq ärinc biligsiz qaγan olurmïš ärinč jablaq qaγan olurmïš ärinc (KT$_5$) ‘А затем ведь их младшие братья стали каганами, их сыновья стали ведь каганами. Но затем (поскольку) их младшие братья не были рождены (*букв.* сотворены) такими же, как их старшие братья, а их сыновья не были рождены такими же, как

Türk Dilleri Kütüphanesi

их отцы, (вот и) сели (на царство) немудрые каганы, скверные ведь каганы сели'. – Грамматическая однотипность и синтаксическая однородность сказуемых bolmïš ärinč, qilïnmaduq ärinč и olurmïš ärinč доказывают их синонимию, разница лишь в положительном/отрицательном аспекте действия.

tabγač qaγanqa jaγï bolmïš jaγï bolup itinü jaratunu umaduq jana ičikmiš ($КТ_{10}$) '(тюркский народ) стал враждебным по отношению к Китаю. Став враждебным, он (однако) не сумел устроить свои собственные (дела) и снова подчинился (Китаю)'. – Здесь, как и в предыдущем примере, финитные формы на *-miš* перемежаются синонимичной отрицательной формой на *-maduq*.

Почти все примеры употребления прошедшего заглазного на *-miš/-miš* содержат форму 3-го л.ед.ч., чему соответствует и неизменяемость отрицательного показателя в этом времени – афф. *-maduq*. Однако со временем, в более поздних, чем орхонские, енисейских памятниках, парадигма этой формы начинает расширяться за счет образования личных форм 1-го и 2-го лиц.

Примеры: äl ičrägiŋä igidmišim (41_8) 'я был воспитан, чтобы стать *ичреком* государства'; täŋri el törümišim (73_8) 'я рожден (в) бого[хранимом] государстве'; elim oγrïŋa tözüm qazγanmïšïm (E-100_2) 'все, что я приобретал, [все это] ради моего государства'; elimkä qazγaqïm ärdämim beš jägirmi är ölürmišim (108_2) 'для моего государства добытое мной (благодаря) моей доблести – пятнадцать убитых (лично) мной врагов'; täŋri elimdä tägzinmišim (E-147_3) 'из моего богохранимого государства я уходил (в походы и возвращался)'. – В данных примерах с глагольными формами 1-го лица говорящий равен субъекту действия, одновременно он является и источником сведений о себе, поэтому ни о какой "заглазности" здесь речи быть не может. Вероятнее всего, здесь мы сталкиваемся с формой на *-miš* в качестве имени действия в роли сказуемого, чему, как будто, не противоречит семантика подобных предикатов и с чем согласуется формальный момент – показатель принадлежности *-m*, а не местоименный показатель *-män*.

Ряд современных грамматик выделяет форму на *-miš* и производные от нее формы (см. также ниже) в особое «пересказывательное» наклонение.

Настоящее общее на *-r*; отрицательные формы на *-maz/ -mäz*. Данная форма выступает в следующих аффиксальных вариантах (алломорфах): после основ на гласные – *-r* или *-jur/-jür*; после основ на согласные – *-ar/-är*, *-ïr/-ir /-ur/-ür*, причем варианты с *-ur/-ür* могут выступать после основ, в которых представлены огубленные гласные, а также после основ с неогубленными гласными. Отрицательные формы образуются посредством аффикса *-maz/-mäz*, в котором *-z*, возможно, не является, как иногда предполагают, фонетической разновидностью афф. *-r*, а представляет собой иной показатель, ассоциированный формой на *-r* в качестве отрицательного члена своей парадигмы. Именно в таком, ассоциированном виде форма на *-r/-maz* представлена во всех современных и древних тюркских языках.

Türk Dilleri Kütüphanesi

В текстах орхоно-енисейских памятников форма на *-r/-maz* в своей семантике сохраняет максимум возможной многофункциональности глагольного образования: она выступает как 1) лично-предикативная форма времени изъявительного наклонения, 2) форма причастия, 3) единично – в роли деепричастия, 4) редко – как форма имени действия. Ведущей функцией формы на *-r* является первая из них.

В качестве лично-предикативной временной формы широкого плана форма на *-r/-maz* может передавать действие как а) происходящее в данный момент – настоящее момента речи, или настоящее конкретное, б) действие более широкого плана, выходящее за рамки сиюминутности – настоящее широкое, в) действие регулярное, повторяющееся – настоящее обычное, или общее, а также г) действие, захватывающее будущее – посленастоящее (подробнее о семантической структуре времен сферы настоящего и будущего см. [Кормушин 1984, 17 и след]). Личное спряжение образуется прибавлением местоименных показателей: 1 л. ед.ч. – *мен*, 2 л. ед.ч. – *sän*, 1 л. множ.ч. – *biz*, 2 л. множ. ч. – *siz*, в 3-м лице обоих чисел показатель отсутствовал.

Примеры: bän anča tär män (Тон$_{37}$) ‘я так говорю’ (наст. момента речи); qanïŋïz joqlajur qadašla[r]ïŋïz qarγanur (25$_6$) ‘ваш хан ощущает потерю (вас), ваши товарищи клянут себя (что не уберегли вас)’ (наст. данного момента, но шире, чем момент речи); näkä täzär biz öküš täjin näkä qorqur biz az tejin (Тон$_{38}$) ‘зачем мы побежим, говоря, [что их] много, к чему бояться нам, говоря, [что нас] мало’ (täzär – будущее время, военачальники предлагают Тоньюкуку уклониться от сражения, сейчас они еще не бегут; qorqur – наст. данного момента, Тоньюкук увещевает их: «ну, что вы (сейчас) боитесь?»); ačsar tosïq ömäz sän todsar ačsïq ömäz sän (БК$_{60}$) ‘когда ты (тюркский народ) голоден, ты не думаешь, как насытиться, а насытившись, ты не думаешь о голоде’ (наст. общее – обычно, всегда: “когда ты насыщаешься, то о дальнейшем обычно не думаешь”); Äzru(a) alqanïp ärdämig batur män (29$_3$) ‘(то) помолившись Зервану, я (вновь) обрету (*букв.* погружусь в) доблесть’.

Будущее потенциальное на *-dačï/-däči, -tačï /-täči*; отрицательные формы на *-čï/-či*. В качестве лично-предикативной формы изъявительного наклонения форма на *-dačï* имела значение будущего потенциального времени, передавая действие, осуществление которого с точки зрения говорящего вполне возможно и даже весьма вероятно. Личное спряжение, как и у формы на *-r*, образовывалось прибавлением местоименных показателей: 2 л. ед.ч. – *sän*, 1 л. множ.ч. – *biz*, 2 л. множ. ч. – *siz*, в 3-м лице обоих чисел показатель отсутствовал (примеров на 1 л. ед.ч. с *мен* нет).

Примеры: türk bodun özüŋ ädgü körtäči sän (БК$_{67}$) ‘Ты сам, тюркский народ, (непременно) увидишь лучшие [времена]’; tabγač oγuz qïtań bu (ü)čägü qabïšsar qaltačï biz ... ‘если объединятся эти трое – китайцы, огузы и кидани, то мы (весьма вероятно) останемся (в трудном положении)’; bödkä körügmä bäglär gü jaŋïltačï siz (БК$_{65}$) ‘не вы ли, ныне подчиняющиеся (мне) беки, (сможете) предать?’.

Türk Dilleri Kütüphanesi

В качестве отрицательных форм будущего потенциального времени зафиксированы очень немногочисленные (единичные) случаи применения афф. *-mačï/-mäči*, неидентичного афф. *-dačï/-däči* и тоже, вероятно, ассоциированного в парадигму из числа более ранних образований. Возможно, что формант *-čï* в *-mačï* тот же, что и в показателе *-dačï*, который в таком случае окажется усложнением и подновлением показателя *-čï*. Примеры.

Bu jolïn jorïsar jaramačï, – tädim. (Тон$_{23}$) ‘я сказал: не годится (букв. возможно/должно быть, не подойдет) идти этой дорогой’; bäg jaɣï bolmïš tegmäči män tijin saqïntïm (Оа$_{2}$) ‘(этот) бек стал (нам) врагом, я (сначала) подумал: я не должен нападать (на него)’.

Аналитические (сложносоставные) формы времени

Прошедшее длительное-многократное (определенный имперфект) образуется из сочетания основного глагола в форме на *-r/-maz* и вспомогательного глагола *är-* ‘быть’ в форме прошедшего общего на *-dï* и выражает действие либо непрерывно длившееся, либо неоднократно повторявшееся в какой-то определенный отрезок или период времени в прошлом. Эта определенность отрезка времени в прошлом задается (имеется в виду) говорящим; при переводе этот оттенок значения может быть отмечен словами «тогда», «в то время» и т.п.

Примеры: türk bodun tabɣačqa körür ärti (Тон$_{1}$) ‘тюркский народ подчинялся (тогда) китайцам’; atïɣ ïqa bajur ärtimiz (Тон$_{27}$) ‘лошадей мы привязывали (при этом) к деревьям’; qalmïšï jir saju qop turu ölü jorïjur ärtig (КТ$_{62}$) ‘ты же, оставшаяся (часть тюркского народа) скиталась (в то время) по всем странам на границе жизни и смерти (*букв.* тощая-умирая)’; kül tigin bir qïrq jašajur ärti (КТ$_{43}$) ‘принцу Кюлю шел (в это время) сорок первый год’.

Прошедшее длительное-многократное заглазное (неопределенный имперфект) образуется из сочетания основного глагола в форме на *-r/-maz* и вспомогательного глагола *är-* ‘быть’ в форме прошедшего заглазного на *-miš* и выражает длительное или повторявшееся действие в прошлом, которому говорящий не был свидетелем, почему создается неопределенность отрезка или периода времени, в который происходило данное действие: «когда-то», «некогда» и т.п. Примеры.

ïraq bodunïɣ anča jaɣutïr ärmiš (КТ$_{58}$) ‘далекие народы так (к себе они) приближали’; jaɣru qontuqda kisrä ańïɣ bilig anta öjür ärmiš (КТ$_{58}$) ‘после того как поселялись ближе, (они) усваивали там дурные знания (*букв.* размышляли там дурным знанием); anta ańïɣ kiši anča bošɣurur ärmiš (КТ$_{60}$) ‘там плохие люди так (тебя) наставляли’; ädgü bilgä kišig ädgü alp kišig jorïtmaz ärmiš (КТ$_{60}$) ‘[однако] людей добромыслящих, людей стойких (они, китайцы) не (могли) совратить’.

Будущее в прошедшем – еще одна составная аналитическая форма времени, возникающая в рамках изъявительного наклонения практически

Türk Dilleri Kütüphanesi
во всех тюркских языках и с самой древней поры их развития. Образуется путем сочетания основного глагола в форме одного из будущих времен и вспомогательного глагола в форме одного из времен прошедших. Почти сразу же, в силу особой модальной семантики подобное сочетание выделяется в особое – сослагательное наклонение (конъюнктив), см. ниже.

К происхождению косвенных наклонений

В качестве особого наклонения коъюнктив, или сослагательное наклонение глагола в тюркских языках, как показывает морфологический состав этих образований, выделилось поздно (см. ниже). Исконными формами модального плана являются формы императива–оптатива.

Повелительно-желательное наклонение

Общее для всех форм этого наклонения содержание волеизъявления реализуется в разных модальных планах и различно по лицам. В 1-м лице ед.ч. передается желание субъекта действия самому выполнить действие, при этом данное желание может носить оттенок необходимости для субъекта осуществить действие. В 1-м лице мн. ч. выражается призыв или побуждение говорящего (1 л. ед.ч.), обращенное к адресатам речи – 2-му л. ед.ч. или группе лиц во 2-м л. мн.ч., вместе с ним (говорящим) выполнить действие. Повелительные формы 2-го лица содержат побуждение, т.е. приказ или просьбу, обращенные к адресатам речи (2-му л. ед.ч. или 2-му л. мн.ч.). Повелительные формы 3-го лица содержат побуждение в адрес неучастника речевой ситуации (3-е лицо, "он"), исполнить действие, при этом мыслится, что передатчиком этого волеизъявления станет 2-е лицо.

Повелительно-желательные формы

	Единств. число	Множ. число
1 л.	*-ajïn/-äjin* после согласных *-jïn/-jin* после гласных	*-alïm/-älim* после согласных *-lïm/-lim* после гласных

	Без формального различения числа	Множ. число
2 л.	-Ø, *-ɣïl / -gil*	*-iŋ / -iŋ* после согласных *-ŋ* после гласных
3 л.	*-zun / -zün*	

В побудительных формах 2-го и 3-го лица в языке орхоно-енисейских памятников (в отличие от большинства современных тюркских языков) противопоставление по числу часто еще отсутствует, т.е. глагол в форме основы, без специального морфологического показателя (нулевая форма: -Ø) передает повеление, обращенное как к одному лицу (как это имеет место в современных тюркских языках), так и ко многим лицам. То же в отно-

Türk Dilleri Kütüphanesi

шении единичности / множественности относится к другой императивной форме 2 лица – на *-γïl / -gil*, которая отличается от "нулевой" большей категоричностью волеизъявления, хотя в переводе этот оттенок значения трудно отразить. В ряде случаев в орхоно-енисейских памятниках уже употребляется особая форма 2-го лица мн. ч. *-ïŋ / -iŋ* (в дальнейшей истории тюркских языков, она прочно займет место повелительной формы 2-го л. мн.ч., оставив "нулевой" форме только сферу ед.ч.).

Примеры: **1 л. ед.ч.** anï joγlatajïn (Тон$_{31}$) 'мне нужно устроить по ней поминки'; türk bodun: ölüräjin uruγsïratajïn, – tir ärmiš (КТ$_{10}$) 'тюркский народ стал говорить: «пусть (лучше) я убью (себя), стану бесплодным»'.

1 л. множ.ч. üčägün qabïšïp sülälim edi joq qïsalïm (Тон$_{21}$) 'давайте, объединившись втроем, отправимся в поход и совершенно уничтожим (тюркского кагана)'; tabγač birdin jän täg qïtań öŋdün jän täg bän jïrdïnta jän tägäjin (Тон$_{11}$) 'китайцы, нападай(те) с юга, кидани, нападай(те) с востока, я (огузский каган) давайте нападу с запада'.

2 л. ед./множ ч. sabïmïn tükäti äšidgil (КТ$_{54}$) 'мою речь всю целиком выслушай(те)'; bu sabïmïn tükäti äšid (КТ$_{55}$) 'эту мою речь хорошенько выслушайте'; sü barïŋ ... altun jïšda oluruŋ (Тон$_{31}$) 'идите войском, ...сидите на Алтае'; anča biliŋ (КТ$_{68}$) 'так знайте'; üč oγlïm-a adïrïldïm-a ajïta bökmädim-ä qatïγlanγïl (11$_2$) 'о, три моих сына, – я отделился (от вас), как грустно – я не насладился (вами), крепитесь, [сыновья]!'; oγlanïm ärdä marïmïnča bol qanqa tap qatïγlan (С$_9$) 'мои сыновья! (Когда станете) мужами-воинами, будьте как мой наставник, служите хану, мужайтесь!'; altun soŋa jïš käjiki artγïl tašγïl 'косули черни Золотая Сонга, – размножайтесь, расселяйтесь!'; qara bodunïm qatïγlanïŋ el törüsü ïdmaŋ (10$_7$) 'мой народ, будь тверд, не отступайся от законов государства!'.

3л ед.ч./множ.ч. türk bodun joq bolmazun (КТ$_{11}$) 'да не исчезнет тюркский народ'; ič jär äliki artzun; ...toγdaj turñazï artzun (Е-48$_{12\text{-}13}$) 'пусть множатся косули внутренних земель; пусть множатся журавли Тогудая'.

Условная форма на *-sar/-sär*

В условных синтаксических конструкциях, когда одно событие (действие) является условием осуществления другого, в качестве формы, выражающей условие, в языке орхоно-енисейских памятников применялась полифункциональная глагольная форма на *-sar/-sär*, которая не имела личных окончаний.

Примеры: jinčgä joγun bolsar üzgülük alp ärmiš (Тон$_{13\text{-}14}$) 'если тонкое становится толстым, разорвать [его], как считают, трудно'; türk qaγan ötükän jïš olursar iltä buŋ joq (КТ$_{42}$) 'Если тюркский каган сидит в Отюкенской черни, в государстве нет печали'; ol järgärü barsar türk bodun öltäci sän (КТ$_{61}$) 'Если, тюркский народ, ты пойдешь в те земли [вблизи народа табгач], ты непременно погибнешь'; [türk bodun] bir todsar ačsïq ömäz

Türk Dilleri Kütüphanesi
sän ($КТ_{61}$) ‘Немного насытившись, ты, [тюркский народ], не думаешь о голоде’.

В приведенных примерах форма на *-sar/-sär* передает реальное условие, в результате которого действие главного предложения действительно (в реальности) может осуществиться в будущем, настоящем или могло осуществиться в прошлом. В главной части условной конструкции действие реального результата выражается формами изъявительного наклонения.

Та же форма на *-sar/-sär* может выражать и нереальное, а лишь предполагаемое условие, результатом которого мыслится гипотетически возможное (ирреальное) действие, передаваемое формами сослагательного наклонения на *-tačï ärti* (о нем см. ниже).

Примеры: kül tigin joq ärsär qop öltäci ärtigiz ($КТ_{50}$) ‘если бы не было Кюль-тегина, все вы погибли бы!’; iltäriš qaγan qazγanmasar udu bän qazγanmasar il jämä bodun jämä joq ärtäči ärti ($Тон_{55}$) ‘Если бы Ильтериш-каган не приобретал, и следом (за ним) если бы я не приобретал, то ни государство, ни народ не существовали бы’.

Поскольку в обоих типах условных конструкций – реальной и ирреальной, иначе: реального условия и условного допущения – форма на *-sar/-sär* выступает в полупредикативной позиции (т.е. в роли сказуемого зависимой части сложного предложения), и при этом не имеет личных окончаний, в морфолого-синтаксическом плане она неотличима от деепричастий. Поэтому орхоно-енисейскую форму на *-sar/-sär* обычно квалифицируют как условное деепричастие.

Уже в языке ближайшего за орхонским периода развития древних тюркских литературных диалектов – древнеуйгурском, мы встречаем форму на *-sar/-sär* в сопровождении личных местоименных окончаний, например: abam birök bu ätüzümin titsär män ... ‘если же я отвергну это свое тело...’ (из буддийской книги “Золотой блеск”, перевод с кит., X в.). Это означает, что к данному периоду неизменяемая (неличная) форма на *-sar/-sär* обрела спрягаемый лично-предикативный характер и тем самым было завершено формирование особого условного наклонения. В статусе особого наклонения данная форма с показателем *-tar* (<**-sar*) сохраняется в современном якутском языке, ср. якут.: *бар-дар-бын* ‘если я пойду / если бы я пошел’; *бар-дар-гын* ‘если ты пойдешь / если бы ты пошел’ и т.д. Как видим, в якутском языке, как и прежде в языке орхоно-енисейских памятников, оба основных значения условной формы на *-сар* // *-мар* – условное и условно-допустительное, остаются формально не разграниченными.

Начиная с караханидско-тюркского периода (XI в.) форма на *-sar/-sär* почти не употребляется в древних языках, вместо нее выступает более краткая по составу форма на *-sa/-sä*, которая представлена также во всех современных языках (кроме якутского), ср. напр., хак. *барзам*/ тур. *gitsem* ‘если я пойду’, *барзаң* / *gitsen* ‘если ты пойдешь’ и т.д.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Существует мнение, что афф. *-sar* является сращением исходной краткой формы *-sa* с причастием на *-r* (*-sa* + *-r* > **-sar*), тогда как противоположное суждение (*-sa* < **-sar*) опирается на очередность появления этих форм в письменных тюркских языках: сначала *-sar* (в древнейших памятниках VIII–X вв.), а затем уже *-sa*. Возможно, что поздние енисейские памятники застают указанную смену показателей. Так, в надписи "Алтын-Кёль II" (Е-29), мы находим единственный пример условной личной формы 1-го лица на *-sa-m*: munïγ ärsäm Äzru(a) alqanïp ärdämig batur män (29_3) 'если же я собьюсь (с истинного пути), то помолившись Зервану, я (вновь) обрету добродетель'.

Эта единственная фиксация формы на *-sa* в орхоно-енисейских памятниках приходится в $Е-29_3$ на три случая применения формы на *-sar*, правда, во всех этих случаях форма на *-sar* выступает здесь как причастие, о чем см. ниже.

Сослагательное наклонение

В качестве сослагательного наклонения глагола в языке орхоно-енисейских памятников выступало аналитическое образование, в котором основной глагол стоит в форме будущего времени на *-tačï*, а вспомогательный глагол *är-* 'быть' – в форме прошедшего общего на *-dï*.

Данного типа конструкции, встречающиеся во многих языках мира, в том числе – в тюркских, сочетают значения будущего и прошедшего (отсюда их обычное название: будущее в прошедшем) в такой логической связке: действие передаваемое подобной аналитической формой, относится к прошлому, в котором оно в действительности не осуществилось, но могло или должно было осуществиться. Модальность возможности или необходимости осуществления действия имеет своим источником первый компонент – форму будущего времени. В составе изъявительного наклонения эта модальность объективирована, представлена говорящим как объективное положение дел, независимое от его мнения. В составной форме будущего в прошедшем объективирована отнесенность действия в план прошлого, тогда как представление действия как возможного или обязательного выглядит больше как убежденность говорящего в высокой степени потенциальности действия. По мнению говорящего, такое действие должно или могло осуществиться либо в соответствии с намерением действующего лица, либо ходом событий.

Примеры: türk bodun adaq qamašt[d]ï jablak boltačï ärti ($БК_{30}$) 'тюркский народ довел [себя непрерывными переходами и сражениями] до изнеможения, [так что дело] могло (бы) быть скверным'; ögüm qatun ulaju öglärim äkälärim käliŋünim qunčujlarïm bunča jämä tirigi küŋ boltačï ärti ölügi jurtda jolta jatu qaltačï ärtigiz ($КТ_{49}$) 'моя мать-хатун и вслед за нею вы, (сводные) матери (т.е. другие жены отца), мои тетки, мои невестки, мои жены, сколь-

Türk Dilleri Kütüphanesi
ко бы вас ни было, все вы, (оставшись) в живых, – попали бы в рабство, а умерев – валялись бы (непогребенные) по дорогам и становищам'.

Вторичные глагольные формы

Первичная полифункциональная форма на *-*dï*, в отличие от других полифункциональных глагольно-временных форм первичного состава, таких как восстанавливаемые нами в составе ядра глагольно-временных показателей *-*r*, *-*a*, *-*b*, *-*n*, сохраняет, по счастью, свидетельства своего дальнейшего морфологического и семантического развития, что дает важный типологический материал в отношении всего круга форм вторичного образования, прежде всего, форм на *-*dïq*, *-*mïš* и *-*ɣan*, сыгравших столь значительную роль в истории тюркских языков.

Как уже сказано выше, от формы на *-*dï* еще на стадии «позднепраязыкового состояния» была образована производная форма на *-*dïq*. Формант -*q* здесь (как и -*n* в -*tïn* и -*ɣan*) имел, по нашему предположению, «синтаксическое» значение, будучи генетически связанным с древними классно-дейктическими показателями, которые впоследствии были переосмыслены и опрощены в составе двухкомпонентных сращений [Кормушин 1984, 48]. Возможно, именно неглагольность второго элемента являлась причиной своеобразного "закрытия" лично-предикативной семы в этих образованиях, так что они по сравнению с показателями первичного слоя оказывались функционально ограничены применением в качестве форм неполной вербальности – имен действия, причастий, деепричастий.

Связь и фактическая производность глагольных форм вторичного слоя от форм первичного слоя приводила к сохранению во вторичных формах исконно свойственного глагольным формам полисемантизма, т.е. способности не меняя ничего в форме, переключаться с выражения одной семы на другую (и, тем самым, с одной функции на другую). Наряду с унаследованной полифункциональностью (правда ограниченно, в пределах инфинитных разрядов глагола) у форм вторичного слоя возникает способность выполнять дополнительные функции. Это значительно расширило возможности их синтаксического применения, позволив формам, грамматизующим именные филиации, выступать в адъективных употреблениях, т.е. адъективироваться, а формам полупредикативного амплуа применяться предикативно, благодаря чему мы наблюдаем в целом ряде случаев процесс вторичной глаголизации (ревербализации), или финитизации.

Например, именные разновидности глагола, как всякое имя в тюркских языках, может выступать в качестве определения при другом имени. Именно поэтому со временем устанавливаются адъективные конструкции двух типов: а) «причастие» + «определяемое имя существительное», б) «глагольное имя» + «определяемое имя существительное». Конструкции первого типа – «причастие» + «имя», являются вторичными (!) по отношению к исторически исходным для них, тем, что мы сейчас на основании структурно-

Türk Dilleri Kütüphanesi

го принципа считаем усеченными конструкциями «субстантивированное причастие с опущенным определяемым». В структурно полных (вторичных, повторяем) конструкциях первого типа причастие ведет себя как прилагательное в присутствии определяемого, т.е. остается морфологически простым.

Определительные словосочетания второго типа – «глагольное имя» + «определяемое имя существительное», могут быть морфологически простыми, не осложненными другими показателями – принадлежности, падежа, – и морфологически осложненными. В случае морфологически неосложненных форм конструкции первого и второго типов внешне похожи друг на друга и различаются только по своему семантичекому содержанию. Древнетюркские тексты еще содержат, хотя и в небольшом числе, примеры беспритяжательного применения формы на *-duq* в конструкциях обоих типов, ср.: а) *közin körmädük qulγaqïn eşitmädük bodunïm* 'народ мой, [прежде] не видевший собственными глазами, не слышавший собственными ушами' – истинно причастная конструкция; б) *barduq jer* 'земли, по которым он ходил' (букв. "хождения земля", т.е. имя действия, но никак не "ходящая" – причастие) – конструкция, которую следует квалифицировать как квазипричастную.

В современном турецком языке беспритяжательное употребление формы на *-dık* в конструкциях обоих типов все еще сохраняется, хотя оно сделалось либо непродуктивным, либо малопродуктивным. В словарном составе отложилось буквально несколько одиночных лексикализованных форм: *bildik* 'известный', *tanıdık* 'знакомый', *doğurduk* 'выродок', *güvendik* 'надежный, опора' [Korkmaz 2003, 77, 168]. Грамматическая семантика подобных застывших субстантиватов вполне определенно указывает на их мотивированность именем действия, но не причастием: "известный" < "(человек) знания, известности", но не "знающий"; "выродок" < "(человек сомнительного) рождения", но не "рождающий, родящий" и т.д.; исключение, возможно, составляет приведенное в этом же ряду *sündük* 'лентяй, растяпа' (от *sün-* 'растягиваться', *перен.* 'расслабляться'), явно сохраняющего агентивную семантику: похоже, что носитель этого свойства сам же является его производителем.

Иной тип употреблений – устойчивые словосочетания с определением в форме на *-dık*, не осложненной притяжательными формантами, – в большинстве своем носят недвусмысленно причастный характер в силу формальной выраженности пассива: *aşılmadık güçlük* 'непреодолимая сила', *beklenmedik sonuç* 'неожиданный результат', *bilinmedik sır* 'неизвестная тайна', *duyulmadık söz* 'неслыханные речи', *yapılmadık ev* 'недоделанный дом' [Korkmaz, там же]. В этом же списке З.Коркмаз привела две непассивные формы: *çıkmadık can* '(еще) неотошедшая душа', *saçı bitmedik yetim* 'сирота, у которого еще не отросли (первые) волосы'. Если *çıkmadık* – совершенно ясно, причастная форма, то определение при *yetim* построено структурно как предикативный оборот, и здесь форма на *-dık* – и не причас-

Türk Dilleri Kütüphanesi
тие, и даже не имя действия, но скорее предикативная или полупредикативная форма (об этом см. выше).

Как удалось дополнительно установить, в современном турецком языке морфологически простые (беспритяжательные) формы на *-dık* все еще активно используются в выражениях с двойным отрицанием, передающих значение исчерпанности попыток действия: *gezmedik yer bırakmadı* 'где он только ни побывал (*букв.* он не оставил места, в котором не побывал)', *yapmadık kötülük bırakmadı* 'чего только он ни натворил', *çalmadık kapı bırakmadı / çalınmadık kapı kalmadı* 'не осталось двери, в которую он ни постучался бы (за помощью)', *yazmadık konu bırakmadı / yazılmadık konu kalmadı* 'не осталось темы, по которой он не написал', *görülmedik doktor kalmadı* 'не осталось доктора, которому бы не показали (больного)' и т.п. Непассивные формы *gezmedik, yapmadık, çalmadık, yazmadık* не имеют семантики производителя действия в отношении определяемых ими слов *yer, kötülük, kapı, konu*, они скорее указывают на объект или место действия, и конечно отвечают семантике имени действия ("негуляния мест не оставил", невозможно: "негуляющих мест – ?). Пассивные формы *çalınmadık kapı, yazılmadık konu* закономерно определяют объекты действия устраненного (пассивного) субъекта действия; информаторы охотно соглашались с возможностью восстановления субъекта в виде обычной для пассивных оборотов перифразы *onun tarafından* . Все это в деталях отвечает структуре и семантике пассивно-причастного оборота.

Семантическая неодноплановость приведенных выше примеров на беспритяжательное употребление формы на *-dık*, хорошо отражает сложный характер самой истории этой и ей подобных форм. Очевидно, что форма на *-dık*, в соответствии с ее изначальным полифункциональным статусом свободно выступала в нескольких амплуа неполной вербальности: как причастие (орх. *eşitmädük bodun,* тур. *çıkmadık can*), как глагольное имя действия в двух разновидностях – субстантивной (современных примеров нет, но есть древние: *üzä kök täŋri asra jaγïz jär qïlïntuqda* 'после того, как были сотворены наверху – голубое небо, а внизу – бурая земля') и адъективной (лексикализовавшиеся субстантивированные формы *bildik, tanıdık* и др., а также свободно образуемые сочетания *gezmedik yer, yapmadık kötülük* и т.д.). Сопоставляя близкие по адъективной функции, но не одинаковые в семантическом плане словосочетания *yazmadık konu / yazılmadık konu* – мы приходим к выводу, что какое-то время форма на *-dık* функционировала и как квазипричастие (имя действия в определительной функции), и как истинное причастие: свидетельством последнего является не прекратившееся окончательно производство пассивных форм, которые семантически истолковываются только как причастия.

Однако уже в древних языках – орхоно-тюркском, древнеуйгурском, мы застаем, по-видимому, начало применения морфологически производных форм по типу: форма на *-duk/-dïk* + личные показатели принадлежности +

Türk Dilleri Kütüphanesi

(при необходимости) показатели падежа (подробнее см.: [Кононов 1980, 125–126; Насилов В. 1963, 54]). Присоединение именных показателей к форме на *-dïk*, сильно ограничивает ее исконную полисемантичность, так как с этми показателями форма на *-dïk*, выступает только как имя действия. В современном турецком языке форма на *-dık*, за исключением проиллюстрированных типов беспритяжательного употребления, теперь всегда, в том числе в определительных словосочетаниях, применяется только с притяжательными показателями. Можно сказать, что в более чем 90% случаев употреблений современная турецкая форма на *-dïk* однозначно характеризуется как глагольное имя действия. И только в ряде застывших форм, словосочетаний и клишированных конструкций в форме на *-dïk* все еще просматриваются остаточные черты ее исконного полифункционального потенциала.

Особо следует остановиться на употреблениях формы на *-dïk*/*-duk* в предикативной функции – тур. *saçı bitmedik*, а также см. выше о гетерогенной парадигме прошедшего заглазного на *-mïš*//*-maduk*, в орхонском и совр. якутском. Сюда же следует отнести данные Махмуда Кашгари, зафиксировавшего применение формы на *-duk* "у огузов, а также части кыпчаков и суваров" вместо формы на *-dï* , что, как приходилось уже отмечать, возможно, следует интерпретировать как народно-разговорное использование полупредикативной формы в роли формы финитной [Кормушин 1984, 10–11]. Можно думать, что втягивание формы неполной вербальности *-dïk* /*-duk* в окказиональное, а в целом ряде случаев и узуальное функционирование в качестве предикативной формы происходило в разное время и в разных тюркских диалектах, сопровождалось различными морфологическими и стилистическими ограничениями. Однако всегда процесс ревербализации (финитизации) показателя вторичного слоя являлся более поздним относительно генезиса самого этого показателя. В этом отношении глагольные формы первичного и вторичного слоев принципиально различаются. И поэтому, в частности, включение показателей вторичного слоя (*-duk*, *-mïš*, *-yan* и т.п.) в состав первичных временных формантов в указанных выше реконструкциях Б.А.Серебренникова и А.М.Щербака представляется необоснованным.

Форма на *-dïk* традиционно считается общей морфологической приметой современных языков огузской группы, где она фиксируется во всех идиомах, правда, с разной степенью полноты функционирования. Однако в историческом плане форма на *-dïk* не была ареально ограничена, поскольку достаточно хорошо представлена в древних языках, связанных с уйгурокарлукским генетическим типом, – древнеуйгурском, караханидскоуйгурском, – а также в современном якутском языке, в значительной степени продолжающим ту же, восточно-тюркскую генетическую линию. Фонетически соответствующая *-dïk* форма *-tay* / *-tax* в якутском языке ревербализовалась (финитизировалась), войдя в несколько временных парадигм.

Türk Dilleri Kütüphanesi
Сопоставление функционального облика формы на *-dïk* последовательно в орхоно-тюркском, древнеуйгурском и караханидско-уйгурском показывает общее сокращение ее использования, причем прежде всего в адъективных функциях (причастной и квазипричастной).

В целом, начиная с древнеуйгурского периода на первый план в качестве полифункционального образования в древнелитературных языках выходит форма на *-mïş*, активно применяющаяся здесь в качестве глагольного имени действия, причастия и финитно-глагольной формы. По-видимому, со следующего периода развития тюркских языков, где-то с XIII-XIV вв., в литературных языках, опирающихся на среднеазиатскую традицию, даже форма на *-mïş*, не говоря уже о форме на *-dïk*, становится архаизмом, а ключевую роль начинает играть форма на *-gan* и производные от нее образования.

Определительные глагольные формы (причастия)

Как уже сказано выше, большинство глагольных форм в языке орхоно-енисейских памятников, проявивших себя в функции причастия, не являются исключительно причастными. Такими, например, как форма на *-an* в современном турецком языке, которая употребляется только как причастие, т.е. в определительной позиции и, в случае окказиональной (контекстной) субстантивации, – в функции субъекта или объекта: *gelen* ‘некто приходящий’, при субстантивации – ‘тот, кто приходит’, ‘посетитель’; *alan* ‘берущий’, ‘тот, кто берет’, ‘покупатель’. В древних памятниках для большинства глагольных форм данного круга мы вынуждены констатировать сохранение ими их исторической многофункциональности: многие из них выступают и как формы полной вербальности (собственно глагольные формы личного спряжения), и как формы неполной вербальности (функциональные формы глагола – имена действия, причастия и деепричастия). Многие из показателей, рассмотренных выше в составе форм наклонений и времен, анализируются здесь ниже с точки зрения выполнения ими определительных функций, свойственных им уже как причастиям.

Причастие настоящего времени на *-r-/maz*. Полифункциональная форма на *-r-/maz*, описанная выше как лично-предикативная форма настоящего общего времени изъявительного наклонения, выступает также как форма вневременного причастия. Примеры: bilig bilmäz kiši ol sabïγ alïp ($КТ_{60}$) ‘люди, не знающие мудрости, послушались (*букв.* приняли) тех речей; körür közüm körmäz täg bilir biligim bilmäz täg boltï ($КТ_{50}$) ‘зоркие очи мои стали словно ослепшими, вещий разум мой словно помутился (*букв.* стал словно не понимающим)’; abγa binär altï jüz tamqa at (41_4) ‘на охоту верхом [снаряжали] по шесть сотен клейменых коней’, – binär at *букв.* ‘лошади, на которых садятся верхом’, т.е. фактически с семантикой квазипричастия, или имени действия в роли определения: "сажания верхом лошади ".

Türk Dilleri Kütüphanesi

Причастие прошедшего времени на *-miš*. Полифункциональная форма на *-miš*, описанная выше как лично-предикативная форма прошедшего заглазного времени, употребляется также как прошедшее причастие. Причастная функция формы на *-miš*, как и в случае других причастий, совершенно отчетлива в позиции приименного определения: qaŋïm ögä bägim qazγanmïš qïrq ujar qadaš atmadïm (E-100$_2$) ‘я не бросил сорок благородных сородичей, приобретенных моим отцом’; bäš jägirmi jašda alïnmïšïm qunčujïm-a buŋa adïrïldïm-a (11$_1$) о, моя супруга, взятая мною (в замужество) в пятнадцать лет, – печально, я разлучен (с тобой)! ; älsirämiš qaγansïramïš bodunïγ küŋädmiš quladmïš bodunïγ türk törüsün ïčγïnmïš bodunïγ äčüm apam törüsinčä jaratmïš bošγurmïš (KT$_{13}$) ‘он (мой отец-каган) привел в порядок и наставил по установлениям моих предков (тюркский) народ, лишившийся своего государства и своего кагана, народ, ставший рабами и рабынями, народ, потерявший свои тюркские установления’. – В последнем примере сошлись формы на *-miš*, в обеих основных функциях: – причастия (пять определений при повторяющемся определяемом «народ») и личной формы глагола прошедшего заглазного времени – конечное сказумое предложения jaratmïš bošγurmïš ‘привел в порядок и наставил’. В примере из E-11 мы сталкиваемся с более новым типом употребления формы на *-miš* в роли приименного определения (квазипричастная функция) в виде имени действия с афф. принадл. *-m* от пассива на *-ïn* – “моего взятия жена”.

Причастие на *-miš*, как и любое причастие, может быть субстантивировано, т.е. заменить в предложении определяемое им, причастием, имя. Когда субстантивированное причастие на *-miš* выступает в предложении в роли именных членов – подлежащего, дополнения, обстоятельств, – оно принимает при этом именные грамматические категории падежа, принадлежности, гораздо реже, числа.

Пример: ïda tašda qalmïšï qubranïp yäti jüz boltï (Тон$_4$) ‘оставшиеся по лесам и горам собравшись, составили семьсот (воинов)’.

Синтаксически, субстантивированное причастие практически равно имени действия, однако семантически между ними сохраняется существенная разница: причастие называет производителя действия – «оставшиеся (люди)», тогда как имя действия называет само действие, предположительная фраза – «”оставание” в лесах и горах ... (*напр.* было коротким».

Причастие будущего времени на *-tačï*. Полифункциональная форма на *-tačï*, описанная выше как лично-предикативная форма будущего времени глагола, употребляется также в качестве будущего или вневременного причастия с оттенком возможности или долженствования.

Примеры: öltäči bodunuγ tirgärü igit[d]im (KT$_{29}$) ‘я оживил и прокормил народ, который шел к своей погибели (*букв.* долженствующий умереть)’; atdačï ora barsïm adïrïlu bardï (28$_9$) ‘тот, кто мог [вас] поразить на охоте, – мой Опа Барс – он удалился!’; qušladačï bilgä tutuq joq (E-48$_{12}$) ‘мудрого тутутка, который мог охотиться с ловчими птицами, (теперь) нет’; öküš

Türk Dilleri Kütüphanesi
öltäči anta tirilti (БК$_{31}$) ‘многие, обреченные на смерть (*букв.* те, кто должен был, “долженствующие” во множестве умереть), остались в живых’.

Причастие настоящего времени на *-sar*. Полифункциональная форма на *-sar*, описанная выше как условное деепричастие – прообраз так называемого условного наклонения, выступает также как форма причастия настоящего времени с модальными оттенками возможности и долженствования. В следующих двух примерах форма на *-sar* употреблена в качестве приименного глагольного определения, т.е. в роли обычного («классического») причастия; временной план – широкий: обычное, повторяющееся действие; признаки условного значения напрямую отсутствуют:

ärdämlig bolsar bodun isrik jörümädi (E-29$_4$) ‘народ, являющийся (букв. долженствующий быть) доблестным, пьяным не слонялся’; atsar alp ärtiŋizin utsar küč ärtiŋizin (E-28$_2$) ‘Вы были разящим (способным поразить) стрелком (на охоте), Вы были сильным (богатырем), побеждающим (способным победить [в единоборстве])’.

В остальных примерах форма на *-sar* субстантивирована, поскольку заменяет отсутствующее при ней определяемое существительное; семантика обычного действия распространяется на действующее лицо, которое получает обобщенное значение: «тот, кто = всякий, кто» (“различает”, “обладает доблестью” и т.п.):

ïraqda bölsär (Тон$_5$) ‘тот, кто (умеет) различать (*букв.* умеющий, способный различать) издалека’; ärdäm bolsar munïγ ärmäz (E-29$_3$) ‘тот, кто способен быть доблестным, не собъется (с истинного пути)’; är ärdäm bolsar andaγ ärmiš (E-29$_7$) ‘способный обладать воинской доблестью таким вот был’.

Причастие постоянное на *-γma/-gmä*. В языке орхонских памтников есть, впрочем, одна глагольная форма, ведущая и, пожалуй, единственная функция которой – причастная. Форма на *-γma/-gmä* выражает постоянный или стабильный признак действующего лица, который в зависимости от времени главного сказуемого принадлежит либо настоящему, либо переносится в план прошлого.

Примеры: jäti jüz kišig uduzïγma uluγï šad ärti (Тон$_{4-5}$) ‘старший, предводительствовавший семьюстами человек, был шадом’; bu bitig bitigmä atïsï jol[l]ïγ tigin (КТ$_{66}$) ‘написавший эту надпись – его внучатый племянник, принц Йолыг’; qaŋïm qaγanïγ ögüm qatunïγ kötürmiš täŋri il birigmä täŋri ... özimin ol täŋri qaγan olurtdï (КТ$_{25}$) ‘Божество-Небо, возвысившее моего отца-кагана и мою мать-хатун, Божество-Небо, дающее государства, ... (и) меня самого это Божество-Небо посадило каганом’.

В енисейских памятниках данная причастная форма не отмечена.

Глагольные имена действия

Как уже неоднократно отмечалось выше, полифункциональность древних глагольных форм сказывается в том, что целый ряд из них наряду с

Türk Dilleri Kütüphanesi

функциями личной финитной формы и причастия, выступают также в роли имен действия и деепричастий. Среди форм, отмечаемых в функции имен действия, есть такие, что выступают в этой роли редко, спорадически, от случая к случаю, но есть и такие, для которых эта функция вполне определилась как ведущая.

Суть грамматического содержания функциональной категории «глагольное имя действия» в тюркских языках в том, что таковое не передает, в отличие от собственно глагола, действие в его конкретности как процесс, протекающий в определенном времени и под определенным углом отношения к действительности; имя действия только называет обозначаемое действие (отсюда термин: имя, т.е. название), ср.: «человек пришел» → «человека приход/прихождение». Благодаря отказу от процессуальности во всем богатстве ее нюансов, обозначаемое действие приобретает субстантивный характер, а это позволяет таким словам включиться в смысловую сферу другого глагола в его процессуальной форме, выступая теперь уже в роли именных членов подчиняющего глагола (актантов глагольной пропозиции) – подлежащего, дополнения, обстоятельств, и принимать при этом именные грамматические категории падежа, принадлежности, гораздо реже, числа: «мы узнали о приходе человека», «(во время) прихода/прихождения человека произошло что-то другое», «ради прихода/ прихождения человека сделали то-то» и т.п.

Имя действия на *-duq*. Для этой глагольной формы ее субстантивно-именная функция в языке орхоно-енисейских памятников определенно является ведущей.

Выражаемое формой на *-duq* действие служит чаще всего обстоятельственным фоном или объектом действия подчиняющего глагола, с которым форма на *-duq* связывается с помощью падежей и послелогов.

Примеры: qaŋïm qaɣan učduqda inim kül tigin jiti jašda qaltï ($КТ_{30}$) ‘когда умер (*букв.* при отлетании) мой отец-каган, Кюль-тегин остался в возрасте семи лет’; ujɣur qan järin alduqda ... ‘при взятии земель уйгурского хана ...’ ($Е\text{-}98_3$); täŋri küc birtük ücün qaŋïm qaɣan süsi böri täg ärmiš ($КТ_{12}$) ‘благодаря тому, что Бог-Небо дал силы (ему), войско моего отца-кагана было словно волк’.

Управляющий глагол для объекта или обстоятельства, выражаемого формой на *-duq*, может быть деепричастие, передающее неглавное действие в предложении: bunča išig küčig birtükgärü saqïnmatï türk bodun ölüräjin uruɣsïratajïn tir ärmiš ($КТ_{10}$) ‘не думая отдавать (китайцам) столько трудов и сил, тюркский народ (стал так) говорить: (да лучше) я умру, обеспложу (себя)!’.

Отрицательное образование от формы на *-duq* – фома на *-maduq*, фиксируется только в предикативном использовании как аналог формы прошедшего заглазного на *-mïš* в отрицательном аспекте (см. выше).

Имя действия на *-sïq*. По-видимому, уже к VIII в., периоду создания орхонских памятников, форма на *-sïq* представляла из себя архаическое

Türk Dilleri Kütüphanesi
(устаревающее) имя действия со значением возможности или долженствования: il tutsïq jir ötükän jïš ärmiš (КТ$_{57}$) ‘Отюкенская чернь была той землей, на которой можно созидать государство’.

Из-за того, что форма на *-sïq* в вышеприведенном примере синтаксически выполняет роль приименного определения, ее иногда квалифицируют как причастие, причем причастие страдательное (пассивное). В действительности же имя действия на *-sïq*, как и всякое имя, может служить определением при другом имени, синтаксически присоединяясь к нему способом примыкания, т.е. il tutsïq jir – *букв.*: ‘место возможного / долженствующего держания государства’. Вместо субъектной семантической валентности (что было бы характерно для причастия), на первый план здесь выходит обстоятельственная валентность. Неопределенность субъектного плана порождала в форме на *-sïq* оттенки пассивного значения, что преодолевалось введением в морфологическую структуру имени действия, указывающего на лицо действователя с помощью личных показателей принадлежнсти, например:

ol sabïγ äšidip tün udïsïqïm kälmädi küntüz olursïqïm kälmädi (Тон$_{12}$) ‘услышав те слова, я потерял сон и покой (*букв.* засыпание ночью и сидение днем не приходили)’.

Как и форма на *-duq*, форма на *-sïq* в редких случаях была способна выступать в предикативной позиции:

Türk bodun ölsikiŋ (БК$_{62}$) ‘Тюркский народ, ты (вполне) мог (там) погибнуть!’.

В отличие от аналогичного по синтаксическим функциям имени действия на *-dïq* (см. выше), имя действия на *-sïq* в современных языках не функционирует.

В енисейских памятниках форма на *-sïq* не отмечена.

Форма на *-sar* /*-sär* в функции имени действия. В ряде примеров мы наблюдаем, что форма на *-sar* /*-sär* выполняет функцию имени действия: ilk qïrqïzqa süläsär jäg ärmiš tädim. Kögmän jolï bir ärmiš tumïš täjin äšidip bu jolïn jorïsar jaramačï tädim (Тон$_{23}$) ‘лучше было бы сначала повести войска на кыркызов, – сказал я. Узнав (букв.: услышав), что дорога на Кёгмен одна, и та закрыта, я сказал: не годится идти той дорогой’.

Семантика общего называния действия без отнесенности к определенному субъекту в формах süläsär ‘повести войска’ и jorïsar ‘идти’ аналогична русскому инфинитиву (а также инфинитивам других языков), а это указывает на то, что перед нами именные формы глаголов.

Различия в семантике имени действия и субстантивированного причастия здесь наглядны: в имени действия подчеркивается само действие, практически оно рассматривается говорящим вне связи с субъектом; в субстантивированных причастиях важно представление о субъекте, стоящем за действием, будь временно устраненный из сообщения субъект обобщенным, как в форме на *-sar* (примеры см. выше), либо более конкретным, как в других причастиях.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Имя действия на *-ɣalï/-gäli*. Имя действия, передающее значение цели для главного сказуемого предложения (такие формы в общей грамматике называются супином):

öd täŋri jašar kiši oɣlï qop ölgäli törümiš ($КТ_{50}$) ‘Бог времени живет (вечно), люди все рождены, чтобы умереть’;

sïŋar süsi äbig barqïɣ julïɣalï bardï sïŋar süsi süŋüšgäli kelti ($БК_{32}$) ‘половина их войска пошла грабить наши становища, (другая) половина пришла, чтобы сразиться (с нами)’;

ašanɣalï tüšürtümüz ($Тон_{27}$) ‘чтобы [лошади] могли подкормиться, мы спешивались’.

В енисейских памятниках форма на *-ɣalï* не отмечена.

Деепричастия

Деепричастие – нефинитная (неконечная в предложении) форма глагола, предназначенная для передачи второстепенного действия. В тюркских языках деепричастия – неличные формы, за исключением нефинитной условной формы. Деепричастие не обладает независимой от главного действия временной отнесенностью, но выражает фазовую сопряженность с ним: оно обозначает либо предшествие, либо одновременность главному действию. Аналогичным образом решается вопрос о субъектной сопряженности деепричастия как второстепенного глагола: оно преимущественно связано с субъектом главного действия, но возможны и разносубъектные конструкции, когда у деепричастия свой субъект, отличный от субъекта главного сказуемого.

При общем соотношении: деепричастие – неглавное действие, спрягаемая глагольная форма – главное действие, – между ними в структурах конкретных предложений образуется различная степень взаимодействия.

В языке орхоно-енисейских памятников функционировало несколько деепричастий. Формы на *-u/-ü*, *-ï/-i*, *-a/-ä* относятся к старейшим общетюркским показателям. Хотя они семантически равнозначны друг другу, передавая в зависимости от контекста либо одновременность, либо предшествие времени главного сказуемого, в грамматиках рассматриваются как не вполне тождественные, либо даже как самостоятельные.

Деепричастие на *-u/-ü*. Контекст не всегда указывает, отражает ли данное деепричастие предшествующее или же одновременное главному сказуемому действие.

Примеры: bunï körü biliŋ bäŋgü taš toqïtdïm ($КТ_{66}$) ‘глядя на эту (надпись), знайте: я водрузил (этот) вечный камень’; (вариант перевода: поглядев на эту надпись, знайте...); qadašïm ärän äŋläjü joɣladï (Е-42_3) ‘мои сородичи-мужи, стеная, справили тризну’. В обоих примерах деепричастие передает обстоятельственную характеристику главного сказуемого, оставаясь отдельным, самостоятельным действием.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Деепричастие на *-a/-ä*. Обычно считается слитным (одновременным) деепричастием, однако есть примеры передачи и предшествующего действия:

altun jïšïγ aša ärtiš ügüzig käčä jorïdïm (БК$_{27}$) ‘перевалив Золотую чернь, перейдя реку Иртыш, я ходил (в тот же год на тюргешей)’; buŋqa tura bäŋkü tikär män (E-48$_{14}$) ‘пребывая в горе, я воздвигаю (нынче этот) вечный памятник.

Деепричастие на *-jïn*. Обозначает одновременность действия с главным сказуемым. Почти все примеры на употребление этого деепричастия – форма *täjin ~ tijin* ‘говоря, сказав’ (от глагола *te- ~ ti-* ‘говорить, сказать’), замыкающая прямую речь:

tašra jorïjur tijin kü äšidip (КТ$_{12}$) ‘[люди], услышав весть о том, что [мой отец-каган] вышел за пределы (своего кочевья)’; üküš täjin qorqmadïmïz (Тон$_{40\text{-}41}$) ‘того, что их много, мы не испугались’.

В подобном синтаксическом использовании форма *täjin* фактически уже грамматизовалась, превратившись в союзное слово «о том, что; то, что; так, что». Вместе с тем, есть пример, когда данная форма выступает в первоначальной своей функции деепричастия – в составе аналитической формы невозможности:

saqïntïm toruq buqalï sämiz buqalï ïraqda bölsär sämiz buqa toruq buqa täjin bilmäz ärmiš täjin anča saqïntïm (Тон$_{5\text{-}6}$) ‘я подумал: тот, кто издалека способен различить тощих и жирных быков, не может сказать на жирного быка – тощий бык, – так я размышлял’.

В примере – два слова täjin. Второе täjin является цитатным союзным словом; в данном случае у него в русском переводе даже нет своего эквивалента, поскольку в тексте есть еще одно слово ‘так’ – anča. Первое täjin является полнозначным глаголом составной аналитической конструкции: “сказать не может”.

В орхонских и енисейских текстах всего два-три примера с аффиксом *-jïn* от других глаголов, толкование которых как форм рассматриваемого деепричастия многими специалистами отмечается как недостоверное:

türk bodun qanin bolmajïn tabγačda adïrïltï qanlantï (Тон$_2$) ‘тюркский народ, не имея собственного хана, отделился от Китая, обзавелся ханом’.

Наиболее вероятным объяснением показателя *-jïn* является следующее: первичное деепричастие на *-ï* с заградительным (протетическим) *j*, поскольку форма фиксируется только после основ на гласные, + афф. орудно-совместного падежа *-n* (как в ряде других деепричастных форм, см. ниже: *-matïn*, *-pan*).

Деепричастие на *-ïp/-ip*. Данное деепричастие практически всегда передает предшествующее действие, примеры: qanïŋ qodup tabγačqa jana ičikdiŋ (Тон$_2$) ‘свергнув своего хана, ты снова подчинился китайцам’; qaŋïm qaγan ... ilgärü qurïγaru süläp tirmiš qubratmïš qamuγï jäti jüz är bolmïš (КТ$_{12}$) ‘мой отец-каган, поведя войска на восток и на запад, (после чего)

Türk Dilleri Kütüphanesi

собравшихся и сплотившихся стало всего семьсот мужей-воинов' (субъект при деепричастии иной, нежели при главном глаголе).

Деепричастие на *-pan/-pän*. Считается разновидностью деепричастия на *-ïp/-ip*, образованной с помощью совместно-орудного падежа на *-n* (как в деепричастиях на *-jïn*, см. выше, и *-matïn*, см. ниже); так же, как и деепричастие на *-ïp/-ip* выражает предшествие действия главному сказуемому.

Примеры: tört buluŋ qop yaγï ärmiš sü süläpän tört buluŋdaqï bodunïγ qop almïš ($КТ_2$) 'все четыре страны света были (им) врагами, поведя войска, они подчинили народы всех стран света';

ilindä qara qanqa barïpan jalabač barïpan kälmädiŋiz bägim-ä (E-30_{4-5}) 'из своего государства отправившись к Кара-хану, отправившись послом, Вы не вернулись, мой бек!'

Деепричастие на *-matï* //*-matïn* является отрицательной формой сразу нескольких деепричастий: на *-u/-ju*, на *-p/ -ïp*, на *-pan/ -ïpan*; по мнению некоторых тюркологов, конечное *-n* в *-matïn* является приросшим показателем орудно-совместного падежа. Передает значение одновременности действия с главным сказуемым.

Примеры: tün udïmatï küntüz olurmatï ... išig küčig birtim ök ($Тон_{51}$) 'не спав по ночам, не зная покоя днем ... (столько) я отдал трудов и сил';

bunča išig küčig birtükgärü saqïnmatï türk bodun ... ($КТ_{10}$) 'Тюркский народ, не думая отдавать столько трудов и сил, ...';

igidmiš qaγanïŋïn sabïn almatïn jir saju bardïγ ($КТ_{62}$) 'не внимая речам взрастившего тебя кагана, ты бродил по всем странам';

ilim ökünčüŋä qalïn jaγïqa qajmatïn tägipän adïrïldïm-a (28_5) 'к скорби моего государства, не взирая на многочисленность врагов, вступив в схватку, я разлучился (с этим миром)'.

Аналитические формы глагола

Как показывает историко-морфологический анализ прилагательных, наречий, а также модальных и экспрессивных слов, эта часть тюркской лексики обнаруживает достаточно позднее происхождение, поскольку представляет собой, главным образом, лексикализовавшиеся косвенные формы глаголов и существительных. Что касается глаголов, то это в основном инфинитные формы причастий и деепричастий. Следовательно, до перехода в узус подобные формы входили в окказиональные синтаксические сочетания с существительными (только причастия) и глагольными финитными формами. Тесное – в соответствующих условиях контекста – сочетание причастий в инфинитной и финитной позиции (при употреблении исконного, псевдосубстантивированного причастия в роли главного сказуемого, об этом см. выше) могло принимать характер парных слов (семантическая и грамматическая равнозначность), тогда как сочетание деепричастия с финитной формой в аналогичных контекстных условиях всегда носило нерав-

Türk Dilleri Kütüphanesi
нозначный характер. Включенность второстепенного действия, выражаемого деепричастием, в главное действие глагола-сказуемого при лексической опустошенности этого последнего приводило к созданию сложносоставных акционально-аспектуальных и модальных аналитических форм глагола. Заметное количество и разнообразие подобных форм в прошлом и на современной периферии тюркских языков, обнаруживает тенденцию к их сокращению в проспективе, от прошлого к нашим дням. Эта тенденция, опрокинутая в ретроспекцию, указывает на еще больший размах подобных образований в более ранние эпохи пратюркского состояния. Очевидно, в какой-то период глагольные словосочетания были самым массовым полуграмматическо-лексическим средством характеризации оттенков и нюансов действия.

Это средство – парные глаголы, возникло и развилось на базе тех простейших морфологических показателей, о которых речь шла выше – тензорной флексии и первичной (первой очереди) аффиксации. Парные глаголы начинались как простые идентичные повторы с обычными значениями повторяемости, интенсивности, продолженности и т.п. количественных характеристик действия. Удвоенность естественно сдерживала расширение грамматической формы редупликантов и они оставались на уровне корня или первообразной основы. Расширение коммуникативно-выразительных потребностей языка положило начало вариативности парных глаголов как по линии лексической, так и по линии грамматической их сочетаемости. Поначалу варьировали синонимичные лексемы и морфемы, но затем стали стали попарно объединяться и контрастивные лексические и грамматические средства.

Включенность второстепенного действия, выражаемого деепричастием, в главное действие глагола-сказуемого может принимать крайний характер, когда это уже не два самостоятельных, а фактически одно действие. Главным сказуемым предложения становится препозитивный глагол, находящийся (по модели для второстепенных действий) в форме одного из деепричастий – на *-a/-ä*, *-ï/-i*, *-u/-ü* или *-ïp/-ip*. Так образуются сложносоставные аналитические формы различного категориального статуса.

Категория способа действия

Одна из таких категорий – лексико-грамматическая категория способа действия. Грамматизованными модификаторами выступают разнообразные глаголы активного действия или состояния, каждый из которых придает сочетанию вполне определенное дополнительное значение или значения.

1) bär- ‘давать’ – указывает, что основное действие осуществляется в пользу другого лица или лиц. Примеры: türk bodunïŋ ilin törüsin tuta birmiš iti birmiš ($КТ_1$) ‘они (первые каганы) поддерживали и устраивали государство и законы народа тюрков’; törüŋin etä bärdim (92_2) ‘я устраивал твою [жизнь, народ,] по законам’; čabïš ton tarqan bäŋüsi tikä bärtim (30_2) ‘я во-

Türk Dilleri Kütüphanesi
друзил (этот) вечный (памятник) в честь Чабыш Тон-тархана'; ärdä artuq ärdämi bar üčün bäŋkü tikä bärtim jäti urï bar üčün tikä bärtimiz 'ради его высокой доблести я воздвиг этот вечный памятник. Мы воздвигли (его) по долгу семи (его) сыновей'. – В примере из КТ субъект речи, или говорящий применением аналитических форм tuta birmiš и iti birmiš (на *-a/-i bir-*) старается подчеркнуть, что первые каганы действовали в интересах других лиц, т.е. народа, однако такой смысловой оттенок в русском переводе передать не удается. В енисейских примерах этот оттенок не теряется благодаря выражению "в честь (такого-то)".

2) bar- 'уходить' – указывает, что основное действие производится в направлении от субъекта, либо на нарастание действия и полную его исчерпанность; в енисейских текстах форма adïrïlu bar- подчеркивает окончательность расставания (смерть) мемориантa: türk bodun ... joqadu barïr ärmiš ($КТ_{10}$) 'тюркский народ стал (все более и более) исчезать'; opa barsïm adïrïlu bardï (Е-28_9) 'мой Опа Барс умер (*букв.* разлучился насовсем)'; bïŋ äčiŋiz qadašlarïm adïrïlu bardïm-a (16_3) 'тысяча моих сородичей – ваших старших братьев и дядьев, – я расстался (с вами навсегда)'; qujda kišim-ä ajïta adïrïlu bardïmïz 'моя супруга в женских покоях, – прискорбно, (теперь) мы разлучены (навсегда)!'.

3) olur- 'сидеть' и jorï- 'ходить' – указывают на длительный или постепенный характер основного действия: süñüg batïmï qarïɣ söküpän kögmän jïšïɣ toɣa jo[rïp] qïrqïz bodunuɣ uda basdïm ($БК_{26-27}$) 'прокладывая дорогу в снегу глубиной с копье, я (с войском) перешел (постепенно) Кёгменскую чернь, на кыркызов я напал врасплох'.

4) kel- 'приходить' – указывает на завершенность основного действия с оттенками приближения субъекта к месту действия и внезапности передвижения: üč oɣuz süsi basa kälti ($БК_{32}$) 'войско (племенного объединения) Трех огузов внезапно напало'.

5) qal- 'оставаться' – передает неожиданный или неблагоприятный характер основного действия: ölügi jurtda jolta jatu qaltačï ärtigiz ($КТ_{49}$) 'мертвые валялись бы по дорогам и становищам' (оттенок "неблагоприятности" передается в русском переводе стилистически, заменой глагола «лежали» на «валялись»); alp kögšin oluru qaltï (48_{13}) 'отважный кравчий остался (один)'.

6) ïd- 'посылать' – передает направленность действия в сторону от субъекта: türk bodun illädük ilin ï[čɣ]ïnu ïdmïš ($КТ_6$)'тюркский народ потерял созданное (им) государство'.

7) kör- 'видеть' – указывает на попытку совершения действия: jälü kör ($Тон_{26}$) 'попытайся отправиться'.

Категория возможности/невозможности

В древних тюркских языках прослеживается остаточное уже для того времени употребление глагола *и-* с семантикой, определяемой как 'мочь, быть в состоянии' [ДТС, 603] или 'иметь силу, быть в силах' [ЭСТЯ I, 570].

Türk Dilleri Kütüphanesi
В нескольких случаях этот глагол встречается в отрицательной форме и только один пример на положительный аспект: türk bodun äliŋin törüŋin kim artatï udačï [ärt]i (БК$_{19}$) ‘тюркский народ, кто смог бы разрушить твое государство, твои законы?’.

В отрицательной форме *uma-* глагол *u-* выражал отрицание возможности осуществления действия, т.е. его невозможность: itinü jaratunu umaduq jana ičikmiš (КТ$_{10}$) ‘не сумев устроить свою жизнь, (тюркский народ) снова подчинился (табгачам)’; üč oγlanïmïn ulγatturu umadïm-a (E-59$_3$) ‘трех своих сыновей я не сумел вырастить’.

Наряду с древней формой возможности/невозможности на основе глагола *u-/uma-* в орхонских и енисейских памятниках представлены конструкции той же семантики, образованные, как и во многих современных языках на основе глагола *bil-* ‘знать’.

Примеры: täjin bilmäz ärmiš (Тон$_6$) ‘не может сказать (неправду)’;

qop bodun tikü bilir ärti (32$_7$) ‘всем народом смогли соорудить (памятник)’.

Прилагательное

Прилагательное – часть речи, объединяющая слова адъективной (признаковой) семантики, которые способны характеризовать предметы или предметные понятия (субстантивы), но не действия: ädgü ‘хороший’, ańïγ ‘плохой’, baj ‘богатый’, čïγań ‘бедный’, tüz ‘ровный; *перен.* верный’, jinčgä ‘тонкий’, joγun ‘толстый’, ïraq ‘далекий’, jaγuq ‘близкий’, uluγ ‘великий’, kičig ‘маленький’, bädük ‘высокий, большой’, toruq ‘тощий, худой’, sämiz ‘жирный’, jaγïz ‘бурый’, qïzïl ‘красный’, jašïl ‘зеленый’ и т.д. Подобные слова уже для эпохи древнетюркских памятников могут считаться морфологически непроизводными (простыми, корневыми), хотя этимологический анализ способен открыть в них опростившиеся (приросшие к корню) аффиксальные части: *-gü* в ädgü, *-q/-k* в ïraq, toruq и bädük, *-ɣ/-g* в ańïγ, uluγ и kičig, *-z* в sämiz и jaγïz, *-l* в qïzïl и jašïl и т.д.

В древнетюркском и современных тюркских языках прилагательные не присоединяют к себе никаких подчинительных или согласовательных морфологических показателей, соподчиняясь с определяемыми существительными аморфно-аналитически, т.е. как неизменяемые слова, в чем тюркские прилагательные (в отличие от русских) схожи с наречиями.

В древнетюркский период от имен существительных начали образовываться различные по составу функциональные формы адъективной семантики, которые в последующие эпохи развития тюркских языков стали широко применяться и превратились в словообразовательные модели относительных прилагательных:

а) формы с аффиксом *-lïγ*, передающие признак обладания предметом, обозначенным производящей именной основой: tonlïγ ‘имеющий одежду’

Türk Dilleri Kütüphanesi
→ ‘одетый’, ällig ‘обладающий государством’, külüg ‘обладающий славой’ → ‘славный’, azïγlïγ ‘имеющий зубы-клыки’ → ‘клыкастый’;

б) формы с афф. *-sïz*, антонимичные формам с афф. *-lïγ*, т.е. передающие признак необладания предметом, выраженным производящей именной основой: qaŋsïz ‘без отца’, ögsüz ‘без матери’ → ‘сирота, сиротский’, buŋusuz ‘без печали’ → ‘беспечальный’.

в) формы с афф. *-qï/-ki*, *-γï/-gi* , образованные от имен в основном, направительном на *-ra*, а также – чаще всего, в местном падеже и передающие признак местоположения или отнесенности к предмету, выраженному в производящей основе: čölgi ‘относящийся к степи’ → ‘степной’, tabγačγï ‘относящийся к табгачам (китайцам)’ → ‘китайский’, ičräki ‘находящийся внутри’ → ‘внутренний’, öŋräki ‘находящийся впереди, на востоке’ → ‘восточный’, balïqdaqï ‘находящийся в городе, городах’ → ‘городской’, täŋridäki ‘находящийся на небе’ → ‘небесный’, qujdaqï ‘находящийся в женских покоях (супруги)’ → ‘супружеский’.

Наречие

Наречие – часть речи, объединяющая адвербиальные (обстоятельственные) слова, которые служат для качественной или количественной характеристики слов адъективных (определительных) – глагола и прилагательного. Помимо этих двух признаков – семантического (быть обстоятельственной характеристикой) и синтаксического (быть связанным с глаголом или прилагательным) – наречие почти лишено третьего важного признака, формирующего облик любой части речи, – морфологического: во-первых, у него практически нет собственных частных словоизменительных категорий (кроме сравнительной степени, образуемой не во всех тюркских языках, а там, где они образуются – они производятся не от всех групп наречий); во-вторых, у наречия почти нет собственных словообразовательных средств. Последнее связано с тем, что наречие сложилось как отдельный класс слов путем адвербиальной транспозиции (адвербиализации) слов и форм слов из состава других частей речи – существительных, прилагательных и глаголов и сближения их с другими словами обстоятельственной семантики.

Наиболее обычным способом образования качественных наречий, сохраняющимся в современных тюркских языках, является конверсия – переход в наречие качественных прилагательных без какого-либо морфологического изменения: ädgü ‘хороший’→ ädgü ‘хорошо’, ańïγ ‘плохой’ → ańïγ ‘плохо’, jadaγ ‘пеший’ → jadaγ ‘пешком’, и т.д. Способ конверсии является характерным для многих языков мира, в которых отсутствует морфологические различия наречий и прилагательных, и является частным случаем транспозиции языковых форм.

Наряду с конверсией широко распространенным способом адвербиализации в древнетюркском языке был переход в наречия отдельных слово-

форм существительных (Tükürükten Kürük paçaşak) и глаголов (в форме деепричастия), которые изолировавшись от своей части речи, становились неизменяемыми словами-наречиями.

В роли обстоятельственных наречий – изолированные падежные формы существительных с показателями: древнего направительного падежа на *-ra* и на -ɣaru – asra ‘внизу’, tašra ‘снаружи’, ičrä ‘внутри’, öŋrä ‘впереди/на востоке’, ilgärü ‘вперед/на восток’;

б) формы местного падежа на *-ta* и исходного на *-dïn* – anta ‘там’, bunta ‘здесь’, qurïdïn ‘сзади; с запада’;

в) формы орудно-совместного падежа на *-ïn* и продольно-уподобительного на *-ča* (подробнее см. выше).

Наречия – изолированные формы деепричастий на *-a/-ï/-u*: *jana* ‘снова’, udu ‘вслед’, tükäti ‘полностью, целиком’ (← tükät- ‘завершать’),

Наречие в древнетюркском языке имело лишь одну, собственную форму словообразования с показателем *-tï/-ti* от прилагательных, чаще – качественных: ädgüti ‘хорошо’ (← ädgü ‘хороший’), qatïɣdï ‘твердо’ (← qatïɣ ‘твердый’), jarïqlïɣdï ‘вооруженно, будучи вооруженным, в кольчуге’.

Видимо, с развитием транспозитивных способов образования наречий, в первую очередь конверсии, собственные морфологические образования наречий становились избыточными и отмирали.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Часть IV

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВОЙ СТРУКТУРЫ ЕНИСЕЙСКИХ ЭПИТАФИЙ

К истории изучения функциональных особенностей эпитафийных текстов. Памятники тюркского рунического письма VIII–XI вв. к настоящему времени представляют собой довольно значительную по объему и ценную в лингвистическом и историческом отношениях часть обширного письменного наследия тюркоязычного мира. В научный оборот эта часть наследия введена относительно недавно, сто с небольшим лет тому назад, хотя первые памятники – и это были именно каменные стелы из бассейна Енисея, в современной Хакасии, – были открыты еще в начале XVIII в. и связаны с именами Д.Г.Мессершмидта и И.Ф.Табберта-Страленберга (об истории открытия енисейских текстов краткая сводка дана в нашей первой книге [Корм.ТЕЭ-I, 3-4], а из новой литературы см. [Щербак 2001]. После значительного расширения числа находок памятников не только в Сибири, но и затем, к концу XIX в., на территории Монголии – находки знаменитых орхонских стел, – закономерно быстро была произведена В.Томсеном (1893 г.) дешифровка письма, оказавшегося достаточно простой и остроумной алфавитной системой, а В.В.Радловым (1894-95 гг.) были сделаны первые переводы сначала орхонских, а затем и енисейских надписей.

Уже тогда, в 1895 г. В.В.Радлов, характеризуя енисейские памятники, отметил, что помимо наскальных надписей остальные представляют собой намогильные надписи, "в общем-то одинакового содержания. В них покойный, чаще всего сам, сообщает о том, что он отделился от своих родственников, князей, друзей, подчиненных и своего имущества и не может более пребывать с ними; он называет свое имя и положение и сообщает некоторые даты своей жизни" [Radl.AIM, 300]. Примерно так же кратко характеризовала впоследствии содержание надписей А.фон Габен [Gabain 1953, 543]. "При подобной аналогичности содержания, – добавляет к своей характеристике В.В.Радлов, – неудивительно, что добыча языкового материала относительно мала" [Radl.AIM, там же]. На основании имевшихся у него материалов и получившихся переводов В.В.Радлов достаточно сурово отозвался о качестве текстов: «Авторы надписей стояли на гораздо более низкой [чем авторы орхонских текстов] ступени знания, так что у них не только орфография была неустойчивой, но и было довольно много очевидных ошибок и описок, в особенном небрежении находился стиль, и целый ряд надписей демонстрирует множество нерегулярностей, часто состоя просто из набора слов» [там же].

Türk Dilleri Kütüphanesi

В последующие годы работами В.В.Радлова, В.Томсена (особенно [Thomsen 1918]), С.Е.Малова и Х.Н.Оркуна многое было сделано для лучшего понимания енисейских надписей, так что в сводном издании 1952 г. С.Е.Малова [Мал.ЕПТ] переводы их предстают в целом более осмысленными, хотя множество мест остаются непонятными, грамматически неправильными и лексически сомнительными. В период после С.Е.Малова, в 1960-1980-е годы продолжалась как интенсивная, так и экстенсивная работа над памятниками данного региона: было найдено и опубликовано несколько десятков новых надписей, а также сделаны палеографические и текстологические коррекции к прежним надписям. И все же заметного перелома не наступило. Это показали два опыта сводных изданий енисейских памятников – академика Киргизской АН И.А.Батманова с местными коллегами из Тувы и Хакасии – А.Ч.Кунаа [Батм.–Кунаа ПДПТ I–III] и О.В.Субраковой [Субракова, Батманов 1970] в 1960-е годы и Д.Д.Васильева [Вас.КЕР] в 1983 г. В слабых полиграфически выпусках И.А.Батманова сделаны коррекции состава знаков на ряде памятников, однако почти во всех этих случаях переводы не были исправлены, оставаясь прежними, как у С.Е.Малова. Относительно лучше исполненный полиграфически и значительно более полный по составу свод Д.Д.Васильева вообще остался без транскрипции (только транслитерация без разбивки на слова) и без переводов.

Между тем необходимость всестороннего – не только палеографического, но и лингвистического пересмотра всего корпуса енисейских надписей становилась очевидной. Достаточно много поправок к имевшимся текстам было сделано в статьях А.М.Щербака [1961; 1964], Д.М.Насилова [1963; 1974], А.С.Аманжолова [1974] и др. ученых по результатам их кратких командировок в музеи Минусинска и Кызыла. Весьма показательны заочные поправки Т.Текина [Tekin 1964] и Дж.Клосона [Cl.EDT]. Наряду с этим существенные, хотя внешне и не очень значительные изменения произошли в понимании содержательной стороны надписей. Это важнейшее достижение тюркской рунической текстологии последних десятилетий обеспечили открытия двух ученых – Л.Базэна и Т.Текина.

Л.Базэн показал вокативный характер слов с окончанием *-a*, которые ранее принимались за формы датива огузского типа, наример: bodunïm-a ‘о, мой народ’ (а не bodunïma ‘моему народу’), qanïm-a ‘о, мой хан’ (а не qanïma ‘моему хану’) и т.п. [Bazin 1955]. Вслед за этим в 1964 г. Т.Текин пересмотрел чтение практически самого частотного в енисейских эпитафиях слова, замечательно угадав в нем междометие деплоративной семантики: (ä)s(i)z ‘жаль!’, (ä)s(i)z(i)m ‘жаль мне!’, – вместо читавшегося ранее всеми: s(i)z ‘вы’, s(i)z(i)m ‘вы мои’; очень естественными оказались и вокативно-деплоративные формы: (ä)s(i)z-ä ‘о, жаль!’, (ä)s(i)z(i)m-ä ‘о, жаль мне!’ (вместо читавшихся s(i)zä ‘вам’, s(i)z(i)mä ‘вам моим’ и т.д. [Tekin 1964].

При подготовке “Древнетюркского словаря” часть составителей учли основополагающие поправки Базэна – Текина, см. например, с. 401, статья

Türk Dilleri Kütüphanesi
qadaš, с. 449, статья qïz и др. [ДТС]. Однако другая часть составителей ДТС, как и последующие издатели и текстологи, обращавшиеся к текстам енисейских надписей, читали соответствующие формы по-старому: s(i)z(i)mä 'вам моим', bodunïma 'моему народу' и т.п. Приведу пример из переводов С.Е.Малова, строка 6 в памятнике Е-45: "Мое государство, вам моим, моя земля и моя вода, вам моим, в тереме принцессы мои, я, увы, вам моим" [МЕПТ, 82]. С очевидностью ощущается грамматическая неопределенность каждой из синтагм, типа: *мое государство – вам моим*; так и хочется спросить: что – *вам моим*? Та же строка и каждая ее синтагма выглядят вполне логически завершенными в таком переводе: "государство мое ... – как жаль мне! Моя земля, мои реки-озера, – как жаль мне! Мои супруги в женских покоях остались вдовами – как жаль мне!" [Корм.ТЕЭ-I, 219].

Приведенный пример демонстрирует, как в случае переосмысления указанных слов кардинально перестраивается синтаксическая и семантическая структура подобных фраз – а их достаточно много в текстах: деплоративные частицы становятся экспрессивными предикатами, а пропозициональная часть может быть заполнена и предложением, и простым обращением, т.е. возможна следующая вариативность: "мои супруги в женских покоях, – как жаль мне" и "мои супруги в женских покоях остались вдовами, – как жаль мне". Именно наличие в текстах эпитафий кратких фразовых структур типа обращение (с вокативным окончанием *-а* или без такового) плюс модально-деплоративное слово объясняет многие грамматические нестыковки в прошлых переводах. С другой стороны, становится более ясной структура содержания эпитафий и коммуникативная роль каждого типового элемента.

Общая содержательная структура эпитафий. Текстемы и текстемные блоки. В понимании содержательной структуры енисейских эпитафий со времени краткой характеристики их, данной в 1895 г. первым издателем енисеики акад. В.В.Радловым [Radloff 1895], произошли существенные изменения. Сказалась не только значительная экстенсивная работа нескольких поколений эпиграфистов, почти втрое увеличивших корпус памятников, но и настойчивые изыскания лингвистов, сумевших внести множество поправок и улучшений в чтение и толкование надписей (подробнее см. [Кормушин 2003]).

Дополняя анализ В.В.Радлова, мы теперь более полно описываем содержание енисейских эпитафий как разворачивающееся по следующим основным тематическим линиям: а) сообщение о смерти мемориата – героя надписи, и выражение сожалений как с его стороны, так и со стороны остающихся в живых; б) представление мемориата (имя, титул и чин, возраст и т.п.); в) повествование о жизни и деяниях мемориата, которое в зависимости от размеров надписей реализуется либо кратко и формульно, либо сочетанием формульных выражений с рассказом о реальных событиях; г) обращение мемориата к остающимся в живых родным и близким,

народу, сюзерену (хану, бегу), родным местам, солнцу и луне и т.д.; д) завещание мемориата, обычно общественно-политического характера, с призывом "крепить единство", "соблюдать народные установления" и т.п.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Если бы указанные основные содержательные линии выдерживались последовательно и автономно относительно друг друга, можно было бы говорить о соответствующих тематических частях эпитафий. Однако во многих надписях эпитафийные темы своеобразно сочетаются и переплетаются в единых фразовых структурах, а в последовательных фразах – могут перемежаться и повторяться. С точки зрения синтаксической, тематические линии выражаются и предложениями различной сложности, и единицами меньшего ранга – словосочетаниями и словами. При этом в тексте рядом оказываются слова и / или словосочетания, реализующие синтаксемы однородные или неоднородные в коммуникативном плане, относящиеся к одной и той же или разным тематическим линиям. Отрезки текстов, состоящие из одной или нескольких фраз или синтаксем и выполняющие в нем определенную коммуникативную задачу одного и того же функционального плана мы называем ***текстемами***. В соответствии с представленными выше коммуникативно-тематическими линиями эпитафийного содержания мы говорим о текстемах пяти функциональных типов: деплоративных, вокативных (или адресатных), репрезентативных, повествовательных, завещательных. Текстемы, будучи однородными в семантическом плане, могут быть неоднородны в плане формально-языковом, прежде всего грамматическом. Субъектом речи указанных текстем, т.е. лицом, от которого исходит их коммуникативная функция может быть либо сам покойный мемориант (путем приписывания ему авторства тех или иных высказываний в надписи или всей надписи), либо определенное лицо или лица со стороны остающихся в живых, либо текстемы и текстовые блоки выражаются обезличенным субъектом (неопределенно-лично), но также "со стороны" остающихся в живых.

Если репрезентативные, повествовательные и завещательные текстемы коммуникативно самодостаточны, образуя синтаксически законченные фразы, то наиболее частотные деплоративные и адресатные текстемы синтаксическую законченность получают только в соединении друг с другом, образуя ***текстемные блоки***. Помимо этого, деплоративные и адресатные слова могут вступать в синтаксическую связь в рамках единых фраз с остальными текстемами, также образуя текстемные блоки.

Для создания в тексте определенного коммуникативного отношения достаточно одного из таких однородных элементов, одной текстемы или одного текстемного блока, остальные присутствуют в тексте по соображениям содержательной полноты, стилевой выразительности, достаточности места и т.п. Однократное наличие нескольких или всех типов текстем встречается достаточно редко, лишь в очень кратких надписях. В подавляющем же большинстве случаев текстемы и текстемные блоки представлены в виде

Türk Dilleri Kütüphanesi
повторяющихся однородных групп, чередующихся с блоками иной коммуникативной направленности. Например:

Текст Е-1: «(1) Жаль – о, мое государство, мои супруги, мои сыновья, мой народ! Как жаль мне – в мои шестьдесят лет! (2) Мое имя – Эль Тогантутук. Для моего божественного государства – я был его послом, для моего народа шести уделов – я был его беком» [Корм.ТЕЭ-I, 159]. – Первая строка надписи представлена в виде двух текстемных блоков, составленных однотипно: первый блок – деплоративная текстема "жаль" + четыре адресатных текстемы ("государство", "супруги", "сыновья", "народ"); второй блок – еще одна деплоративная текстема "как жаль мне" + текстема, выражающая возраст мемориантa. Вторая строка состоит из двух репрезентативных текстем: в первой реализуется одна из формул именования мемориантa; вторая, тоже репрезентативная текстема, состоит из двух, семантически и грамматически однородных фраз, представляющих мемориантa в его социальном и служебно-должностном статусе.

В деле улучшения понимания содержания енисейских эпитафий стоят две взаимосвязанные задачи: 1) изучение общих закономерностей построения этих текстов, их инвариантных и вариативных черт, создающих в целом то, что можно теперь назвать эпитафийным каноном; в нашей, не претендующей на строгость, терминологии это означает изучение видов и разновидностей текстем и их возможных сочетаний в виде текстемных блоков; 2) исследование в филологическом ключе, т.е. лингвистически и культурно-исторически, лексико-семантических наполнителей структурных частей, их синонимики, а также изучение возможных корреляций в употреблениях различных языковых элементов.

Настоящая, четвертая часть книги посвящена некоторому обобщению текстологических наблюдений, вытекающих из анализа языковой стороны текстов, который проводится у нас при работе с каждым памятником, во всех структурных частях его описания (как в первой, так и во второй книгах) – "Коррекции состава знаков", "Транскрипция", "Перевод", "Примечания", а также "Краткая характеристика содержания" (раздел, появившийся во второй части данной книги, с.90–177). Первостепенное внимание мы уделили деплоративным текстемам, как языковому средству, не только семантически окрашивающему поминальные тексты особым флером скорби и прощания покойного с живыми, но и специфически организующему синтаксис подобных фраз.

Важное значение имеет анализ всех групп адресатных текстем, таких как супруги мемориантов, сыновья и другие родственники, а иногда и свойственники. Симптоматично, с определенной точки зрения, о чем уже сказано выше, присутствие/отсутствие в тексте вышестоящей персоны хана, бека. В категорию адресатов прощания покойного попадают также объекты природы и различные виды имущества, что сразу же конкретизирует жизнеописание мемориантa.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Из текстем репрезентативного плана нам особенно важно понять систему титулов и должностей, о которых мы пока судим очень приблизительно. Некоторые новые суждения по этим вопросам приводятся при анализе соответствующих лексем здесь, ниже.

Как уже было сказано выше, анализируя семантику и контекст употребления различных текстем, мы глубже проникаем в содержание текста. Но изучение древнего текста, особенно в случае скудости источников по какому-либо периоду или региону, стремится вскрыть смысл, т.е. получить попутно ситуативно-историческую и культурную информацию, которой при нормальном положении дел, когда коммуниканты синхронны и принадлежат одной культуре, они заведомо владеют. Текстолог в своем исследовании пытается понять социальные, культурные, психологические и иные факторы, влиявшие на составление текста. Например, почему при известной минимальной роли женщины Востока в социальных процессах она чаще всего и раньше всех упоминается в эпитафиях. Думается, дело в особом и исключительном правопреемстве детей старшей жены. Сыновья упоминаются после матери, но ее упоминание делается ради них, так легитимизируется их наследование отцу. В одной из западно-тувинских надписей, Е-20, текст гласит: «Из-за того, что у меня четверо сыновей, водрузили мне памятник. Я – Кюлюг-апа». Мотивировка установки памятника – не воинские доблести и заботы правления, а наличие четырех сыновей, позволили предположить, что памятник посвящен женщине, слово *апа* с семантикой "старшей женщины" подтверждает это. Однако нельзя не видеть здесь и интереса четырех сыновей быть ясно и недвусмысленно отмеченнными в качестве сыновей старшей жены.

Или такой вопрос, как упоминание сюзерена в титулах хана или бека. В большинстве надписей это имеет место, но в некоторых отсутствует, и не по причине краткости. Такова, например, одна из самых больших надписей Е-45, состоящая из почти 90 слов, в которой правитель княжества не называет себя ханом или даже беком, он всего лишь *огя*, более низкий по рангу титул[1], но он и не упоминает никакого вышестоящего начальника. По-видимому, это памятник самостоятельному правителю в краткий период процветания и независимости его княжества.

Археолог, откапывая мумию царя, не пытается ее реанимировать, а вот лингвист, напротив, как бы пробует оживить, "разговорить" немногословные свидетельства своих текстов, угадать и почувствовать дыхание далекой жизни. Стремление к этому оправданно. Енисейские эпитафии – единственный письменный аутентичный источник изнутри, а не извне тюркских народов Саяно-Алтая. Археологические материалы не заменяют этого источника, но сами способны быть углублены и оживлены этим источником. Вот почему важнейшей задачей тюркской рунологии является стремление к

[1] Как удалось установить в последнее время, по-видимому, соответствует ложности премьер-министра.

Türk Dilleri Kütüphanesi

качественному перелому в деле изучения енисейских тюркоязычных надписей, когда они из источника малоинформативного и во многих случаях сомнительного стали бы надежным, достоверным материалом для исследования истории тюркских языков и истории создавших эти памятники народов.

ДЕПЛОРАТИВНЫЕ ТЕКСТЕМЫ

Центральными, как теперь представляется, для организации того своеобразного коммуникативно-функционального содержания, которым характеризуются енисейские эпитафии как вид текста, являются деплоративные текстемы, т.е. слова передающие прямо или косвенно чувства сожаления, досады, горечи, разочарования и т.п. по поводу смерти мемориата. Всепроникаемость указанной стилистики, ее присутствие практически во всех надписях выяснилось далеко не сразу, поскольку многие из деплоративных слов в подобном семантическом ключе были прочтены лишь недавно. К настоящему времени фиксируются следующие слова: 1) jïta, или как предлагал Дж.Клосон ajïta, – 'прискорбно'; 2) buŋa 'печально'; 3) ïju 'увы'; 4) äsiz, äsizim 'жаль', 'жаль мне'; 5) ačïγa 'горестно'; 6) ärinč 'злосчастье'; 7) ökünč 'раскаяние, сожаление'; 8) aquz 'несчастье' [Корм.ТЕЭ-I, 260]; 9) неразгаданное пока слово, которое должно звучать примерно как äsini, äsinim [Корм.ТЕЭ-I, 173].

Осознание того факта, что енисейские эпитафии в отличие от орхонских текстов – хотя и те, и другие являются поминальными (не обязательно – намогильными) надписями в честь умерших или погибших руководителей и полководцев – несет в себе сильное эмоционально-экспрессивное начало, перекликаясь в этом отношении с фольклорными жанрами "плачей" [Унгвицкая, 1973; Кормушин, 2001], является одной из важнейших текстологических новаций второй половины XX в. Определяющими для организации такого коммуникативно-функционального ракурса енисейских эпитафий как вида текста являются деплоративные слова, передающие прямо или косвенно чувства сожаления, досады, горечи, разочарования и т.п. по поводу смерти мемориата. В подавляющем числе надписей эти чувства исходят как бы от самого покойного. В этих случаях изложение ведется в грамматическом ключе 1-го л. ед. ч.

В лексико-грамматическом отношении слова, несущие деплоративную семантику, можно подразделить на две группы: знаменательные и незнаменательные. В первой группе в глагольных формах 'я разлучился', 'я не насладился' и т.д. семантика сожаления передается косвенно, подразумевается. Вторую группу составляют слова типа 'жаль!', 'о горе' и т.д. Они не называют чувства, как знаменательные слова, но прямо и непосредственно выражают их (ср.: "испытываю горечь" – "о горе!"). Если такие слова стоят во фразе достаточно автономно, образуя самостоятельный эмоциональный

Türk Dilleri Kütüphanesi
план предложения, то они соответствуют сразу междометий. Если же они тесно взаимодействуют с каким-либо словом (для рассматриваемых лексем – это, обычно глагол), то это – частицы. Частицы относятся к служебным словам, часто деградируя до уровня служебных морфем. Междометия же, не будучи знаменательными словами, не являются и служебными, они оказываются вне оппозиции «знаменательные слова» – «служебные слова» [Русская грамматика 1980, I, 732].

По происхождению и внутренней форме междометия представляют собой а) возгласы эмоционального характера, типа *ой*!, *ах*!, *увы*! – первообразные междометия, и б) второобразные междометия – полнозначные слова, выступающие в функции междометия благодаря тому, что они приглушают собственно лексическую часть своего значения и выдвигают на первый план его коннотативную эмоциональную составляющую, как в случаях *жаль*!, *о горе*!, *беда*! *замечательно*!, *браво*! и т.п. Мотивированность междометий полнозначными словами при интерпретации мертвых текстов (когда невозможно прибегнуть к толкованию информанта) помогает определить тип эмоциональной реакции – горе, печаль, тоска, сожаление и т.п. В этой связи лексико-семантический, словообразовательный и этимологический анализ междометий – и первообразных, и второобразных, – оказываются условием правильной семантизации данной категории слов, так же как и слов из категории глаголов сожаления.

Лучшей иллюстрацией сказанного является сама история поисков верного чтения слов деплоративной семантики. Присутствие деплоративов практически во всех надписях выяснилось далеко не сразу, поскольку многие из них в подобном семантико-грамматическом ключе были прочитаны лишь недавно. Здесь мы обобщим как достигнутые результаты на этом длительном пути, так и пока не решенные вопросы.

"сообщение о смерти"

Сообщение о смерти в той или иной словесной форме, казалось бы, должно всегда присутствовать в эпитафийном тексте. Тем не менее в небольшом числе кратких, по каким-то причинам, одно-дву-трех-четырехсловных надписях эта констатация может отсутствовать, так что сама отнесенность таких текстов к жанру эпитафий иногда ставится под сомнение. В подавляющем же большинстве случаев определенная глагольная лексема содержит недвусмысленное указание на кончину мемориата надписи. Всего таких лексем выявлено менее десяти. Единственный глагол прямого лексического значения öl- 'погибнуть, умереть' применен всего в восьми надписях в следующих лексико-семантических наполнениях, а также морфонологических и грамматических вариациях.

1. öl- 'погибнуть, умереть': 10_{10}, 17_2, 23_1, 26_1, 31_5, 32_{15}, 41_9, 42_5, C_8 = 8 словоупотреблений.

Türk Dilleri Kütüphanesi

а) погибнуть *в силу каких-то причин, во имя чего-то* –
öltim 32_{15},
öldim 17_2, 23_1;
б) погибнуть, умереть (*общая констатация*) –
öltim 26_1, öltiŋiz 26_8, amtï öltimC_8;
öldim 10_{10};
в) погибнуть, умереть *когда, в каком возрасте* –
öltim 41_9, 42_5;
г) погибнуть, умереть вместе с кем-л. –
ölti 31_5.

Гораздо чаще, нежели öl-, употреблялись глаголы иного лексического плана в иносказательном, переносном смысле. Наиболее частотным словом оказался глагол adïrïl- 'отделиться; разлучиться'.

2. adïrïl- 'разлучиться (с кем-, чем-л.); уйти (без возвращения), покинуть (этот мир), *перен.* умереть'. Применение глагольной лексемы adïrïl- в специфически-переносном значении «умереть» является характерной приметой енисейских эпитафий. В прямых значениях «отделяться» (*сыну от родителей*), «отложиться» (*вассалу от сюзерена*)», «покидать» – этот глагол мы встречаем в более ранних надписях II Восточнотюркского каганата начала VIII в. (например, Тон$_2$: türk bodun tabγačda adïrïltï 'тюркский народ отложился от табгачей'), и в более поздних, древнеуйгурских текстах X в., например, многократно в «Золотом блеске» (см. ДТС 12-13). В более поздних, енисейских надписях adïrïl- выступает в 30 памятниках в следующих лексико-семантических наполнениях, а также морфонологических и грамматических вариациях.

а) разлучился *с кем*, покинул *кого или что* – жену, сыновей, родственников, хана/бека, народ, родину – земли-воды, "малую" родину – конкретную местность, имущество, скот, лошадей и т.д. и т.п. (подробнее см. раздел «Текстемы адресации») –

adïrïltïm – $3_{1,4}$, 8_2, $10_{1,2,3,12}$, 17_3, 44_4, 68_6
adïrïltïm-a – 49_1, 55_2, 120;
adïrïltïmïz – 42_2;
adïrïldïm – 5_2, 6_4, 7_4, $11_{2,4,5,6,8,9}$, 13_1, $25_{3,3}$, 27_3, 109_4, 120, 153;
adïrïldïm-a – 50_3;
adïrïldïmïz – 152_2;
adïrïlu bardïm-a – 16_3;
adïrïlu bardïmïz – $18_{1,2,3}$;
adïrïndïm-a – $32_{10,11}$;
adïrdïm – ? 32_{13};
adïrïlïm-a 51_1;

б) разлучился *вообще с этим миром*, ушел *из жизни* (*общая констатация*) –

adïrïltïm 44_{2a};
adïrïltïm-a 42_6, 43_2;

Türk Dilleri Kütüphanesi

adïrïldïm 25_2, 32_9;
adïrïldïm-a 28_5;
adïrïldïmïz 25_7;
adïrïlu bardï – 28_9;
adïrïlïm 28_2;
в) разлучился *когда, в каком возрасте* –
adïrïltïm 3_4, 68_2;
adïrïldïm 22_1, 44_5.

3. säčlän- 'освободиться, *перен.* умереть'. Этот глагол дважды встретился в паре с adïrïl-. Впервые он был определен С.Е.Маловым в его поправках текста Е-43 как страдательно-возвратная форма от säč- 'выбирать' [Мал.ПМК, 68], а затем обнаружен мною при корректировке текста Е-28 [Корм.ТЕЭ-I, 85-86]. Приведенные в последнем случае тувинско-хакасские параллели *чештин-* 'развязываться, отвязываться' и *систін-* 'развязываться, отпрягаться (о лошади)' заставляют теперь изменить чтение С.Е.Малова säčlän- на säčlin-. В обоих случаях парный глагол adïril- säčlin- 'разлучиться, расстаться' применен в лексическом окружении конкретных адресатов сообщения о смерти (см. выше, п. 2. adïrïl-) –

adïrïltïm säčlintim 43_2;
adïrïlïm-a säčlinim-ü[2] 28_3.

4. bökmä- 'не пресытиться, не насытиться, не насладиться, *перен.* умереть'. Этот глагол так же частотен, как и adïril-, – 31 надпись, в 14 надписях – 3, 7, 8, 11, 16, 22, 27, 32, 42, 44, 55, 98, 109, 120, – встречаются оба этих глагола – adïrïl- и bökmä-, хотя вместе, как пара они применяются редко. Семантика положительной формы глагола bök- ~ pök- связана с насыщением пищей, обычно жирной, что установил еще С.Е.Малов, ссылаясь на данные, полученные от своих слушателей по тувинскому, казахскому и якутскому языкам, а также на турецкие диалектные данные [Мал.ЕПТ, 17]. Насыщение переходит в переедание, пресыщение, откуда всевозможные переносные значения 'надоедать', 'испытывать скуку', 'опостылеть' [ЭСТЯ II, 211]. В типах пищи bök- ~ pök- нет сладкого, поэтому переводы bökmädim 'я не насладился' вызваны исключительно семантико-стилистическими особенностями выразительных средств русского языка. Типы адресатов, кому и о ком высказывает свое сожаление покойный мемориант надписи, практически те же самые, что и у глагола adïril-, т.е. покойный не насытился, не пресытился > не насладился – женой, сыновьями, родственниками, ханом/беком, народом, государством, солнцем, луной, своими деяниями во имя государства и народа, своей доблестью, имуществом, скотом, лошадьми и т.д. и т.п. (подробнее см. раздел «Текстемы адресации»). Дж.Клосон попытался отвергнуть это достаточно надежное обоснование,

[2] Редуцированность написания некоторых форм для ряда енисейских текстов впервые отмечена Д.М.Насиловым [Насилов 1974, 206]; примеры расширены мною в [Корм.ТЕЭ-I, 82].

Türk Dilleri Kütüphanesi

предложив читать данное слово как evükmädim, с приблизительным значением "я не смог остаться (с моим ханом и королевством)" [Cl.EDT, 9], однако реального присутствия глагола *evük- "жить, пребывать" (производного на -ük- от общетюрк. имени ev "дом") в древнетюркских памятниках найти не удается (см. [ДТС, 189 и сл.]).

bökmädim $3_{1,2,6}$, 7_3, 8_1, $11_{6,7}$, $14_{2,5}$, $16_{2,3}$, $21_{1,3}$, 22_4, 23_2, 26_{10}, 27_5, 29_1, $32_{1,\ 14}$, $42_{3,\ 4,\ 6}$, 44_3, 45_{10}, 53_3, 55_3, $59_{6:8}$, 60_1, 70_4, 73_4, $96_{1,\ 2,\ 3,\ 3,}$, $100_{1,\ 3}$, 109_4, $120_{1,2}$, $147_{1,\ 2,\ 2,\ 3,\ 4,\ 5,\ 5}$, $149_{3,\ 5}$;

bökişmädim 59_2;

bökmädim-ä 11_{10}, 29_1;

bökmädi $48_{7,\ 8}$;

bökmädiŋiz 98_1.

5. azï- 'перестать видеть, слышать, (~ ощущать, чувствовать), *перен.* умереть'. Этот глагол крайне редок, в живых диалектах он практически не встречается. Впервые был зафиксирован в Словаре Махмуда Кашгари всего в двух выражениях с выписанным корневым гласным *ï*: küp azïdï 'сосуд протекал', kulak azïdï 'ухо было оглушено шумом' (букв. толкование по-арабски Кашгари). Опираясь на данные Кашгари, С.Е.Малов отошел от чтения этого слова В.В.Радловым и Х.Н.Оркуном как az- 'сбиться с пути', *перен.* 'впадать в заблуждение' [Radl.AIM, 315–316, 351; Or.ETY II, 71–75] и принял его как az(ï)- (с невыписанным корневым гласным *ы*). Так же было прочитано аналогичное слово в памятнике Е-45, впервые опубликованном им самим. Лексико-семантические обоснования в связи с azï- С.Е.Малов изложил в примечании к тексту Е-10, где он вслед за Х.Н.Оркуном (но не по Радлову) в 3-й строке (у Оркуна – в 10-й) читал этот глагол (так же [КЕР, 18]), что впоследствии было отвергнуто нашим палеографическим анализом [Корм.ТЕЭ-I, 230]. Также не подтвердилось прочтение этого глагола в $E\text{-}44_4$, что было исправлено уже у Д.Д.Васильева [Вас.КЕР, 31] и подтверждено у нас [Корм.ТЕЭ-I, 222]. С.Е.Малов принял глагол azï- со значением 'быть глухим', 'не слышать' [Мал.ЕПТ, 27, примеч. 3].

К списку С.Е.Малова употреблений данного слова – Е-11 (три случая), Е-45, но за минусом Е-10 и Е-44 [Мал.ЕПТ, 101], – нами добавлен один, предположительный случай взаимно-совместной формы этого глагола az(ï)š- в Е-2, ранее вообще не читавшийся здесь. Для семантизации глагола azï- важную роль играет контекст:

45_5: bir jetmiš jašïmŋa kök täŋridä küngä az(ï)dïm äsizim-ä 'на семьдесят первом году я перестал видеть солнце на голубом небе, – как жаль мне!'. – Действие глагола относится к дневному светилу, которое можно видеть (но не слышать). Важно отметить, что цитируемое предложение в тексте Е-45 является метафорическим сообщением мемориата о своей смерти, других прямых или переносных выражений на эту тему в данном тексте применено не было.

Türk Dilleri Kütüphanesi

11_1: tör apa ičräki bän bäs jagïrmï jasda alïnmïšïm qunčujïm-a buŋa adïrïldïm-a äsizim-ä kün-ä aj-a az(ï)dïm-a ‘Я – *ичрэки* (министр двора) Тёрапа. О, моя супруга, взятая мною (в замужество) в пятнадцать лет, – печально, я разлучился (с тобою), как жаль мне! О, солнце и луна, – я перестал видеть (вас)’. – Здесь очевидно, что глагол azï- относится только к светилам, дневному и ночному; семантическая реализация тоже единственная, связана со зрением – "перестать видеть". Обращает на себя внимание стилистически оправданный и семантически точный параллелизм: “разлучился – с супругой, перестал видеть – солнце и луну”. В то же время этот параллелизм подтверждает возможность применения глагола azï- в коммуникативной функции сообщения о смерти. Аналогичный функциональный параллелизм глагол azï- демонстрирует в этом же памятнике в паре с более обычным деплоративным глаголом bökmä- ‘не пресытиться’:

11_7: elim-ä qanïm-a bökmädim-ä jašïm jäti jätmiš az(ï)dïm-a ‘О, мое государство, мой хан, – я не насладился (вами). Мой возраст шестьдесят семь лет, (и) я перестал ощущать (жизнь, т.е. умер)’.

11_{10}: ... bökmädim-ä ajïta örüŋümgä qaramγa az(ï)dïm-a ‘Я не насладился (имуществом и скотом), перестал видеть мое «белое» и «черное» (т.е. скот, об этом см. раздел «Текстемы адресации»)’.

2_1: ešim urïm azïšdïm ‘мои супруги, мои сыновья, – я перестал видеть и слышать вас’.

“сожаление о смерти”

Эмоциональная реакция на смерть мемориата-героя надписи, выражаемая в надписях чаще всего от его имени, реже – от лица увековечивающих его память родных и близких, семантически охватывает смежные, потому практически диффузные чувства печали, тоски, горечи, боли утраты, сожаления, раскаяния и т.д. и т.п., которые мы объединяем понятием деплоративные слова (слова сожаления), или “деплоративы”. Лексико-грамматически эти слова должны характеризоваться как междометия, поскольку они не называют чувства, а только передают, выражают их. Синтаксически деплоративы функционируют двояким образом. В одних случаях, они, не входя в состав предложения, становятся его внешне выраженным модальным компонентом, своеобразным эмоциональным привеском к нему. В других случаях, деплоративы, соотносясь с обращениями, образуют с ними синтаксическое целое, играя в нем роль своеобразного предиката.

6. äsiz ‘жаль!’. Эту, наиболее частотную вокативно-деплоративную частицу довольно долго читали ошибочно, как личное местоимение 2-го л.мн.ч. siz ‘вы’, пока в 1964 г. Т.Текин не рассмотрел относящиеся к этому слову все случаи и не убедил специалистов, что перед нами формы слова (ä)s(i)z ‘жаль!’ с не выписываемыми по правилам рунической орфографии

Türk Dilleri Kütüphanesi

широким гласным первого слога *ä.* и узким гласным второго слога *i* [Tekin 1964]. Правда, Дж.Клосон, видимо, не принял эту версию, поскольку в его словаре 1972 г. издания сохраняется старая версия: «др.-кирг. siz весьма обычен в эпитафиях в списке лиц, от которых отделился покойный, как например в таких фразах: siz elime 'от вас, мое государство'» [Cl.EDT, 860].

В функции частицы сожаления "увы, жаль" встречается ässiz ~ äsiz (как с удвоением, так и без удвоения) в караханидско-тюркском – в "Диване" Кашгари, а также в "Кутадгу Билиг", причем в схожих контекстах – сожалениях по поводу ушедшей молодости: äsiz anïŋ jigitligi 'жаль его молодость' (DLT 466 по: [ДТС, 184]); äsizim jigitlik äsizim jigitlik 'жаль мне, молодость, жаль мне, молодость' (КБ по: [ДТС, 401: qačït-] . У Дж.Клосона в статье на essiz [Cl.EDT, 253] есть только "хаканийский" (т.е. у Кашгари) материал, не связанный ни с материалом "Кутадгу Билиг", ни с "древнекиргизским" в цитированной выше статье на äsiz.

При подготовке первой части книги нами обнаружены написания слова äsiz с первым гласным, что правилами орфографии не требовалось и представляет поэтому исключение: на плите из Красноярского музея (Е-120, Тугутюп) – :𐰃𐰏𐰍𐰃: äsizä; на стеле из Минусинского музея (Е-42$_1$, Бай-Булун I) – :𐰃𐰏𐰃: äsizä. Начертание данного слова на обоих памятниках с двоеточиями-словоразделителями спереди и сзади как будто бы, снимает все сомнения относительно начального корневого *ä* [Корм.ТЕЭ-I, 132, примеч.; 166-167].

В исследованных памятниках отмечено чуть менее ста употреблений различных фонетических и грамматических форм данного слова; в переводах делается попытка отразить их семантико-грамматическое разнообразие путем применения русской вокативной частицы "о" в качестве аналога тюрк. *-ä*, а также с помощью местоимения "мне" – притяжат. ф. 1 л.ед.ч. *-m*.

äsiz 'жаль!' 1$_1$, 10$_{3,4,7}$, 26$_{3,4,12}$, 27$_5$, 31$_5$, 42$_7$, 44$_3$, 45$_{7,9,10}$, 48$_{8,\ 10}$, 50 $_3$, 53$_3$, 147$_4$;

äsiz-ä 'о, жаль!' 13$_{5,5}$, 42$_{1,\ 2,\ 7,\ 7}$, 44$_{1,3}$, 51$_{1,2,3}$, 65$_3$, 66$_1$, 68 $_3$, 98$_4$, 120$_{1,2}$, 147$_4$;

äsizim 'жаль мне!' 3$_6$, 13$_4$, 41$_{3,3}$, 42$_8$, 65$_{2,3}$, 68$_6$, 98$_3$, 100$_3$, 109$_2$;

äsizim-ä 'о, жаль мне!' 1$_1$, 3$_{1,2,6}$, 5$_3$, 10$_{1,3,4,10}$, 11$_{1,5}$, 13$_5$, 14 $_{2,5}$, 19$_3$, 25$_{2,3}$, 27$_3$, 42$_{6,8}$, 43$_5$, 44$_4$, 45$_{5,6,7,8}$, 46$_1$, 49$_1$, 50$_{1,2}$, 55$_2$, 59$_2$, 61$_{1,2}$, 68$_{2,4}$, 92$_1$, 147$_5$, 149$_{3,4,5}$, 152$_{3,4}$;

äsisim-ä 'о, жаль мне!' 71$_6$, 152$_2$.

äsizlerim-ä 'о, жаль мне (расставаться со всеми)!' 147$_5$.

7. ajïta 'прискорбно!'. Это слово ранее всеми издателями (в том числе и нами, в первой книге, см. однако комментарий к единственному, хотя и не вполне достоверному на тот момент написанию этого слова с начальным гласным – [Корм.ТЕЭ-I, 43] читалось как jïta и оставалось, по выражению В.В.Радлова "неясным по значению и происхождению" [Radloff AIM, 368]. Высказанные здесь же предположения В.В.Радлова по составу слова подтверждают большую степень "неясности": «очевидно, – писал он, – это

Türk Dilleri Kütüphanesi
либо герундиум на *-a*, либо локатив» [там же]. Дж.Клосон предложил выход из подобной неопределенности, возведя данное слово к числу производных глагола ajït-, каузатива от aj-: ‘заставлять говорить’ > ‘спрашивать’); «несомненно, – считает Клосон, – оно (т.е. данное слово. – *И.К.*) должно транскрибироваться как ajïta; значение его менее определенно, возможно, это ‘спрашивать о здоровье’, ‘говорить прощай’ или ‘спрашивать (разрешение на отбытие)’» [Cl.EDT, 268-269]. Кажется, теперь уже в двух памятниках нам удалось обнаружить начертание с начальным гласным: 𐰀𐰃𐰇𐰴𐰃 : aita (ä)siz (E-104 – см. [Корм.ТЕЭ-I, 43]) и 𐰇𐰴𐰃𐰇 : ajïta (E-26$_3$ – благодаря палеографическим коррекциям этого памятника, публикуемым здесь же, см. выше, ч. I).

По поводу поисков возможного значения, намеченных Дж.Клосоном в рамках семантики глагола речи ajït- (< aj- + -ït-), скажем, что оно должно быть близким, синонимичным остальным деплоративным словам (см. пп.8, 9) ; с другой стороны, на выбор русского переводного эквивалента влияют семантико-стилистические ограничения русского языка. Исходя из последних двух критериев, мы предлагаем достаточно условный перевод “прискорбно”~ “о, скорбь”, который оставляем впредь, до более удачной находки.

ajït-a 𐰇𐰴𐰃𐰇 26$_3$;

^{a}jïta 𐰇𐰴𐰃 (jïta –?) 3$_{1,2,6}$; 10$_{1,3,4,7,9,10,12}$; 11$_{1,2,5,10}$; 17$_2$; 18$_{1,2,3}$; 19$_3$; 22$_2$; 27$_9$; 28$_{3,5,8,9}$; 32$_{1,13}$; 43$_2$; 44$_{1,3,4}$; 48$_{8,9,10,11,12,14}$; 59$_6$; 68$_{2,3,4}$; 98$_4$; 100$_3$; 120$_{1,2}$; 147$_{1,2,5}$; 149$_{3,4,5}$;

^{a}jïtu 28$_{1,2}$.

Если все употребления слова ajïta показывают его неизменяемость, то в одном случае оно выступает как псевдоглагол, получив местоименное оформление с помощью män, что особенно контрастирует с обычной неизменяемой формой этого слова в той же фразе-строке:

10$_{12}$: qadašïm-a kinim-ä adïrïltïm-a ajïta qara bodunïm-a adïrïltïm ajïta män ‘О мои родственники и сродственники – я разлучен с вами, о горе! О мой народ – я разлучен, о горе мне!’.

Кстати, местоименный сказуемостный показатель подчеркивает принадлежность эмоции сожаления самому мемориранту.

8. buŋ-a ‘о, печально!’ Слово buŋ ‘печаль, страдание, тягость’ в орхонских и части енисейских текстов применяется в переносном значении ‘тяготы, заботы, проблемы’, ср.: KT$_{56}$ – ilte buŋ joq ‘(если тюркский каган имеет ставку в Отюкене) в государстве проблем нет’. В нескольких енисейских текстах еще просматриваются следы такого общепереносного употребления в приативной форме на -suz, но в этих же текстах, и даже в одних и тех же фразах, соотносительная с приативной исходная (неприативная) форма семантически сужается до обозначения печального факта кончины, хотя слово при этом не перестает быть членом предложения, т.е не превращается в эмотивную частицу:

Türk Dilleri Kütüphanesi

6_3: buŋusuz ärdä bän erdim ‘у беспечального мужа жил(а) я’;

7_2: buŋusuz ulγat[t]ïm buŋ bu ärmiš ‘я рос без печалей, печалью моей оказалось вот это (смерть)’;

60_3: toquz jašda tuγluγ qanqa tapdïm bilmädim buŋum bu ärmiš ‘с девяти лет я служил бунчужному хану. Я не знал (печалей), печалью моей оказалось вот это (смерть)’.

В нескольких других текстах слово buŋ-a, обзаведясь вокативным формантом, уже полностью эволюционирует до положения деплоративного междометия, выступая в синонимическом ряду аналогичных слов, в том числе и с притяжательным показателем, который вполне можно объяснить воздействием аналогии других притяжательных деплоративных форм (см. особенно пример 59_2):

11_5: järim-ä ajïta subum-a adïrldïm-a buŋ-a äsizim-ä ajïta ‘о, земля моя, – прискорбно! О, реки и озера мои, – я покинул (вас), печально, как жаль мне, как грустно!’;

18_6: buŋ-a äšim qadašïm ajïta [adïrilu] bardïmïz ‘Печально! – мои товарищи и мои сородичи, – теперь мы разлучены!’;

25_1: qunčujïm qadašïm adïrïltïm buŋ-a ačïγ-a ‘Мои супруги, мои сородичи, – я разлучился (с вами), – печально, горько!’;

43_2: adïrïltïm säčläntim ajïta buŋ-a adïrïltïm ‘я разлучился, расстался (с вами), как грустно, как печально’;

59_2: äsizim-ä buŋïm-a qujda qunčujïm-a bökišmädim ‘о жаль мне, о печально мне! О, мои супруги на женской половине, – я не насладился вами!’.

59_9: ögümkä bökmädim buŋ-a ‘моей матерью я не насладился, – печально!’.

9. ačïγ-a ‘о, горько!’. Это слово встретилось всего 5 раз в четырех надписях, все – из Хакасии: 25_1; 32_{13}; $48_{8,\ 10}$; 98_2.

Ранее в надписях №25 и №32 – памятниках давно известной и читаемой енисеики – данное слово не фиксировалось (см. обсуждение палеографических вопросов в: [Корм.ТЕЭ-I, 38, 58, 119]. Первым его установил (заочно!) для надписи Е-48 Т.Текин [Tekin 1964, 140], затем, по-видимому, независимо, от него В.Я.Бутанаев при публикации надписи Е-98 [Бутанаев 1973]. Как очевидно, слово ačïγa представляет собой вокатив на *-a* от общетюркской адъективно-именной формы ačïγ ‘горький || горечь’ (прям. и перен.). Деплоративная семантика этого и других рассматриваемых в настоящем разделе слов подтверждается их совместным употреблением.

25_1: qunčujïm qadašïm adïrïltïm buŋ-a ačïγ-a ‘мои супруги, мои сородичи, – я разлучился (с вами), печально, горько’;

48_8: ärdämlig älintä bökmädi töläs alp tutuq išiŋä bökmädi jäg tärkän äsiz ajïta ačïγ-a ‘своим доблестным элем он не насладился, делами отважного тутука тёлесов он не насладился, лучший из правителей, – о жаль, о горе, о скорбь’;

Türk Dilleri Kütüphanesi

48_{10}: ärdämi bar üčün qanïnta ku tutuq atqa tägmiš bägim äsiz är[än] bašï ajïta ačïγ-a ‘благодаря своей доблести он достиг на ханской (службе) славного титула тутук, мой бек, – жаль, предводитель мужей-воинов, о скорбь, о горе’;

98_2: buŋ buŋa adïrïldïŋïz ačïγ-a qïrq ärig qaŋsïz qïldïŋïz ‘печаль из печалей, Вы покинули (нас), – о горе, – сорок мужей (своих дружинников) Вы оставили без отца’.

10. ökünč ‘раскаяние, сожаление’. Данное слово попадает в поле зрения рунологов с публикацией памятника Е-42, однако ни в первом издании 1936г. С.Е.Малова, ни в последовавшем за ним и базировавшимся на нем турецком издании Х.Н.Оркуна, ни затем в сводном издании енисеики 1952г. С.Е.Малова оно не было прочитано вполне корректно (читалось как äküñig), а потому осталось непонятым, без перевода [Малов 1936, 272; Мал.ЕПТ, 77; Or.ETY III, 97]. В последующем все, кто касался текста этого памятника, не исправили положения. И все же при публикации вновь открытых надписей рассматриваемое слово заставило обратить на себя внимание. Впервые с совершенно очевидной семантикой сожаления более привычную форму этого слова с первым огубленным гласным – ökünč, – зафиксировал Д.М.Насилов, публикуя в 1963 г. трудный для чтения памятник Е-68 (в строке 18; однако более раннее появление этого слова в 6-й строке из-за палеографических сложностей ему прочитать не удалось). Собранные вместе эти примеры не оставляют теперь сомнения в наличии у слова ökünč в енисейских текстах специфической деплоративной функции, на что указывает его совместное употребление с другими аналогичными междометными словами.

60_1: äsiz ökünč-ä bökmädim äsiz ‘жаль, о горе, я не насладился, – жаль!’;

68_6: jüz kümül bodunïm-a qadašïm-a adïrïltïm-a ökünč-ä ‘о, мой народ Ста (племен) кюмюлей, мои сородичи, – я разлучился, о горе!’;

68-II_{18}: jaŋïmta adïrïltïm-a ökünč-ä ‘от своего образа (существования) я отделился, о горе!’;

100_3: qanïm elim ajïta asizim ökünčig bökmädim ‘мой хан, мое государство, – прискорбно, жаль мне, раскаиваюсь, – я не насладился!’;

42_1: äsiz-ä äkünčig (:ᚠᚴᛅᛒᛇ:ᛇᚱᛁᛇ:) ‘о, печаль, о, горе!’.

В последних двух примерах выступает морфологически усложненная форма, которую следует трактовать как адъективное производное от имени ökünč с аффиксом подобия -sig ~ -čig: ökünč-sig ~ ökünč-čig > ökünčig, – как это сделал В.М.Наделяев для ряда аналогичных форм: adïnsïγ ~ adïnčïγ ‘другой’, qorqunčïγ ‘страшный’, küsänčig ‘желанный’ [ДТС, 662]; ср. у Дж.Клосона, рассматривавшего последнее слово как дериват от глагола küsän- [Cl.EDT, 751]. Во всех приведенных примерах происходила десемантизация уподобительного значения производной формы.

Переход в разряд междометий слова ökünč, по-видимому, происходил в эпоху, близкую ко времени создания указанных надписей, поскольку в одном относительно более раннем енисейском тексте мы еще наблюдаем

Türk Dilleri Kütüphanesi

полнозначное применение слова, при этом отчетливо просматривается связь с трагическим концом – смертью героя: (28_5) ilim ökünčünŋä qalïn jaγïqa qajmatïn tägipän adïrïldïm-a ajïta ‘к скорби моего народа, не взирая на многочисленность врагов, я вступил в схватку и разлучился, – о горе!’.

Очевидно, что именно из таких употреблений развивалась функциональная специализация данного слова в качестве частицы сожаления.

11. ärinč ‘несчастье’. В древних тюркских языках есть два слова-омонима ärinč. В орхонских памятниках употребляется ärinč I – модальная частица, передающая возможность, вероятность действия с точки зрения говорящего [Кононов 1980, 194-195], здесь же краткая сводка мнений). По нашему мнению, модальность на ärinč I выражает убежденность говорящего в достоверности совершенного действия и призыв к слушающему проникнуться этой убежденностью, что можно описать словами "ведь так же?!", "не правда ли?!" (персуативно-конфирмативное значение).

В более поздних, древнеуйгурских и караханидско-уйгурских памятниках аналогичное по форме слово ärinč II имеет статус полнозначной лексемы в значении ‘несчастье // несчастный, жалкий’ [ДТС, 178]. Дж.Клосон [Cl.EDT, 234] считает ärinč I и ärinč II производными от разных глагольных основ, соответственно от är- I ‘быть’ и är- II (в возвратной форме ärin-) ‘выражать неприязнь, относиться с предубеждением’, ‘расстраиваться’ [ДТС, 175-176]. Если это так, то, как представляется, в енисеике мы сталкиваемся с обоими словами.

В относительно более раннем памятнике Е-29 из Хакасии мы, по всей вероятности, имеем дело с ärinč I по орхонскому типу:

(29_4) ärdamlig bolsar bodun isrik jörümädi ärinčim ikizim-ä ‘народ, обладавший доблестью, пьяным не слонялся, ведь так же, мой брат-близнец?!’.

В относительно более поздних текстах (Е-45, Е-109) из Тувы перед нами, скорее всего, ärinč II, но тоже, видимо, уже начавшее партикулизацию под влиянием общей деплоративной стилистики енисейских текстов. Переход в разряд частиц сожаления особенно наглядно подтверждается парностью äsiz ärinč в примере из Е-45. Фактически разница между полнозначным и междометным употреблением в этом случае сводится к меньшей или большей синтаксической автономности слова ärinc:

(45_9) elim äsiz ärinč jüz kümül bodunum äsiz ärinč ‘мое государство, – как жаль, какое несчастье, – мой народ Ста (родов) кюмюлей, – как жаль, какое несчастье’.

(109_3) är ärdämi toquz oγdamdam ilig är ölürdim ärinč ‘[ради моей] доблести мужа-воина, [во имя народа] Девяти огдамдамов я убил пятьдесят мужей-воинов (врага), – о несчастье’.

12. ïju ‘о, печально!’. Без сомнений это слово устанавливается в одном памятнике и в одной фразе-строке, но дважды и оба раза в одинаковой позиции – после конечной глагольной формы “я разлучился”, что надежно

Türk Dilleri Kütüphanesi
удостоверяет и аналогичную декларативную сематику, и междометный характер слова ïju:

13_1: qadašïm adïrïldïm ïju qujda quncujïm adïrïldïm säkiz urïm adïrïldïm ïju ‘мои сородичи, – я разлучился [с вами], о горе! Мои супруги в женских покоях, – я разлучился [с вами]! Восемь сыновей моих – я разлучился [с вами], о горе!’.

В.В. Радлов, а вслед за ним С.Е.Малов и Х.Н.Оркун видели это же слово (с нарушением рядности звукового состава) в конце третьей строки надписи Е-28, однако после дополнительного обследования памятника это место предложено читать по-иному [Корм.ТЕЭ-I, 77].

В рассматриваемом в первой части данной книги памятнике Е-73 окончание первой строки тоже похоже на интересующее нас слово, но в связи с обломанностью верхушки стелы нет уверенности, что там не было какого-либо продолжения:

73_1: čabïš oγuš beniŋ bitigim eki baγlïγqa begim-ä ïju <...> ‘[Я] – Чабыш Огуш, [это] – моя надпись. О, мой бек, [правитель] двух багов, – о горе!’.

Определяя семантику слова ïju, В.В.Радлов связал его с якутским глаголом ïj- ‘говорить’ [Radl.AIM, 358] который, несмотря на сдвиг семантики: ‘указывать, предписывать’, действительно соответствует общетюрк. aj- ‘говорить’. С.Е.Малов добавил сопоставление с «якутским междометием горя по Э.К.Пекарскому», справедливо решив переводить «по общему контексту “увы”, “о горе”» [Мал.ЕПТ, 36]. Общеконтекстуальный подход к семантизации слова правомерен, но вот сопоставление с якутским материалом представляется лишенным оснований, поскольку в случае с енисейскими текстами возможно опираться на тувинский, хакасский или киргизско-алтайский материал. Чередование же корневых *а* ~ *ï*, отмечаемое в определенных словах помимо якутского в чувашском и топаских диалектах, для глагола aj- имеет следующее распределение: *ï* – в чувашском и якутском, но не в тувинском или киргизско-алтайском, где он с *а* [ЭСТЯ 1978, 99-100; СИГТЯ 2006, 207].

В этой связи стоит обратить внимание на кирг. *ый* ‘плач’, выглядящим как производящая именная основа для глагола *ыйла-* ‘плакать’ [Юд.КиргРСл, 924]. Выскажем предположение, что *ыйла-* – учащат. ф. на -la, следовательно существовал некогда и первообразный глагол *ïj- с приблизительной семантикой ‘издать стон’, ‘всхлипнуть’. Деепричастная форма от этого глагола на -u – ïju могла лексикализоваться и войти в разряд междометий.

13. oquz ‘несчастье’. Это слово впервые семантизовано нами (Корм.ТЕЭ-I, 260) на основании кирг. *окус* ‘случайность, нечаянность, неосторожность, неосмотрительность’, ‘несчастный случай, неожиданная смерть’ [Юд.КиргРСл, 564-565]. В.В.Радлов в памятнике Е-2, стк 4, вместо 𐰴𐰆 : aquz читал 𐰃𐰆 aqun; как заметил В.Томсен, здесь правильнее было бы принять oqun [Thomsen 1916, 28]. В.В.Радлов интерпретировал aqun как

Türk Dilleri Kütüphanesi

имя собственное. На позиции E-2, стк 3, верное чтение у В.В.Радлова не получилось из-за ошибки в двух знаках; вместо 𐰀𐰆:𐰃𐰀 : äbim oquz, он прочел 𐰇𐰃𐰋𐰀 äbimiz [Radl.AIM, 305], приняв 𐰋 вместо 𐰆 и не заметив словоразделителя. В тексте E-33, в стк 2, слово 𐰇𐰍𐰚 : ok^{2}uz, со смешением букв по ряду – o/u и k^2, интерпретировано В.В.Радловым как имя собственное Ogus (?!) [там же, 342]. Х.Н.Оркун и С.Е.Малов в чтении данных мест следовали за В.В.Радловым, они также ошибочно читали с n^1 oqun/aqun в E-2$_4$, не прочитывали верно E-2$_3$ и совершенно отказались от перевода ясно написанного слова ok^{2}uz в E-33$_4$ [Or.ETY III, 35-36; Мал.ЕПТ, 14, 64-65]. В памятнике E-41, впервые опубликованном С.Е.Маловым в 1936 г. и переизданном в третьем томе свода Х.Н.Оркуна в 1940 г., слово 𐰋𐰆 у обоих издателей осталось без перевода. Таким образом, включая наши две коррекции для E-2, строки 3 и 4, мы имеем в трех надписях из Тувы четыре случая употребления неопознанного первыми издателями слова, писавшегося чаще как 𐰋𐰆:

2$_3$: är ärdämim äbim oquz ‘моя доблесть муж-воина, мой дом – о несчастье!’;

2$_4$: är ärdämim-ä oquz ‘о, моя доблесть мужа-воина, – о несчастье!’;

33$_1$: okuz alpïn ‘о несчастье! – с доблестным (героем)’;

41$_3$: är atïm jola bän är ärdäm oquz äsizim älgin qaγadašïm äsizim ‘мое имя мужа-воина – Юла. Моя доблесть мужа-воина, – о несчастье, о жаль мне!’.

В первой книге данного труда для E-2$_4$ мною принималось чтение aquz в предположении, что знак 𐰴 : a, находящийся между словами ärdämim и quz (словоразделитель здесь отсутствует), может принадлежать второму слову, т.е. aquz. На этом основании допускалось двоякое чтение рассматриваемого слова как aquz ~ oquz и были высказаны две версии о его возможном происхождении. В случае правильности aquz, т.е. отнесенности *a* к данному слову, оно должно быть исходным для формы с начальным *o*: aquz > oquz, а при таком раскладе *aquz не предполагается тюркским словом (Корм.ТЕЭ-I, 260). По второй версии, т.е. в случае, если чтение aquz не имеет места, исходное *oquz допустимо связать с тюркским oqï- ~ oqu- ‘громко кричать, окликать’ и постулированным Э.В.Севортяном протокорнем *oq ‘крик’ [ЭСТЯ 1974, 440-444].

14. äsin ~ äsni ‘о, печально!’. Обе указанные формы уже присутствовали в первом издании В.В.Радлова: 𐰇𐰠 : äsin в E-29, стк.7, была семантизована как притяж. ф. 2 л. ‘ihren Sinn’ “твое чувство” и вся фраза подтянута к такой интерпретации [AIM, 336 и 354]; 𐰋𐰠𐰋 : äsni в E-15, стк.3, оставлена без перевода и не включена в глоссарий [AIM, 320; 354-355]. Х.Н.Оркун увидел в E-29$_7$ форму слова äš ‘товарищ’, отказавшись хоть как-то встроить ее во фразу [Or.ETY III, 105]. С.Е.Малов допускал две интерпретации äsin: это – либо имя собственное Эсин, либо нарицательный адъектив ‘благополучный, -о’; во втором случае наречие было отнесено С.Е.Маловым ко второму предложению, следующему за (?!) местоимением-подлежащим män. Не менее важна фонетическая деталь: тюрк. äsän ~ esän ~ isän во всех

Türk Dilleri Kütüphanesi
языках имеет во втором слоге широкий [ЭСТЯ 1974, 308]. Что касается формы äsni, именно С.Е.Малов впервые признал ее особой лексемой (внеся в указатель слов), поскольку в его издании енисейских текстов к первому достоверному появлению загадочного äsni в Е-15 прибавилось второе – в Е-49. Правда, значение этого слова не было определено и в переводах его присутствие в тексте попросту не отражалось [Мал.ЕПТ, 38, 97, 103].

Наши палеографические коррекции к енисейским надписям в первой книге выявили присутствие формы (ä)sin(i)m в памятнике Е-43. Наращение притяж. афф. 1 л. -m – пожалуй, симптоматичный путь развития междометий деплоративной семантики, ср.: äsiz → äsizim. Еще один случай употребления äsni дала новая надпись Е-147 из Тувы, впервые опубликованная нами в предыдущей книге. Таким образом, количество фиксаций данного слова возросло до пяти.

ТЕКСТЕМЫ АДРЕСАЦИИ

В содержании эпитафий одним из важнейших компонентов является обращение к определенным лицам и не-лицам – членам семьи, родственникам, сюзерену-правителю, подчиненным, соратникам, а также к объектам окружающего мира – небесным светилам, родной земле, рекам-озерам, имуществу, скоту и т.п. – с выражением горечи по поводу смерти мемориантa и расставания его с указанными в эпитафии адресатами. Если непосредственная причина деплоративной адресации всегда одна и та же (смерть мемориантa), то использованы были эти пассажи пишущими, как очевидно, с различным подтекстом, причем неявные смыслы некоторых из них порой были весьма важными для семьи покойного.

«супруги, жены»

Важное значение в эпитафийном каноне играет адресация мемориантов к супругам. Это подтверждается тем, что данные адресаты количественно преобладают над остальными, при этом в тексте стоят либо первыми, либо одними из первых. В указанной функции отмечено применение шести лексем: qunčuj, äbči, jotuz kiši, ninä, eš.

1. qunčuj 'супруга': 1_1, 3_1, 6_4, 7_4, 8_2, 10_1, 11_1, 13_1, 14_2, 16_1, 22_3, 25_1, 27_2, 29_1, 32_1, 45_6, 46_1, 48_7, 55_2, 59_2, 65пл, 68_5, 70_2, 100_1, 110_2, 147_2 = 26 словоупотреблений.

Наиболее обычное, часто употреблявшееся и, видимо, самое старое слово в указанном лексематическом ряду супруг – слово qunčuj, заимствовано из китайского. Согласно этимологической справке С.Е.Яхонтова в ДТС, в северо-западном диалекте китайского языка IX в. н.э. (по реконструкции Ло Чан-пэя) это слово произносилось *коŋ-čy*, где оно имеет спе-

Türk Dilleri Kütüphanesi

цифическое значение ‘принцесса, младшая родственница императорской крови’ [ДТС, 466]; по Дж.Клосону, со ссылкой на словарь Г.Джилса: ср.-кит. kung chu ‘дочь императора’ [Cl.EDT, 635]. Данное слово сохраняется в современных топаских диалектах – тувинском и тофаларском: тув. *кунчуг,* тоф. *хунчуг* ‘свекровь’. Приведенные материалы китайских реконструкций не объясняют сонантов в тюркских формах: среднеязычного j в древнем и велярного ɣ в современных языках. Если конечный сонант в тюркских формах исконный (причем велярная фонация должна быть старше палатальной), то, возможно, это объясняется более ранним, чем среднекитайский период, временем заимствования.

Очевидно, что усвоение слова произошло вместе с реалией, вероятно, в VI-VII вв., в период могущества тюрков, когда браки подобного рода были стабилизирующим фактором китайско-тюркских отношений. Исходя из значений данного слова в китайском и древнетюркском, просматривается такая ситуация. С китайской стороны в мужья каганам и их сыновьям, в редких случаях отдавали принцесс первого ранга – дочерей и сестер императора. Обычно же, менее значительным, удельным и т.п. князьям на выданье шли второ- и третьестепенные родственницы, хотя формально – принцессы. В силу этого на тюркской стороне они становились не наложницами, а законными супругами. Об этом красноречиво говорит следующий пример. В надписи Е-46 мемориант в первой же строке, сразу после упоминания государства, обращается к супруге-*кунчуй*, а в третьей строке, адресуясь к имуществу, называет наложниц-*киши* [Кормушин 1986].

То, что *кунчуй* была супругой бека (*бега*) наглядно демонстрирует соотносительность семантики этой пары слов в современном тувинском и тофаларском, где *кунчуг* ‘свекровь’, а *бег* ‘свекор’ (а также ‘деверь=старший брат мужа’). Семантический сдвиг здесь понятен: старшая пара в роду/племени → старшая пара в семье, но только по отношению к чужеродным членам семьи – невесткам, что, несомненно коррелирует с исконной чужеродностью *кунчуй*.

То, что лексема *кунчуй* вошла в язык древнекыркызского государства скорее всего, гораздо раньше 9 в., времени создания самых ранних енисейских надписей, свидетельствует пассаж из надписи в честь Кюль-тегина (строка В 20 = БК В 17) о событиях похода тюрков против кыркызов, относящихся по расчетам к 710 г.: «... bars bäg ärti. kagan at bunta biz bärtimiz. siŋilim qunčujuɣ birtimiz ‘[у кыркызов] был Барс-бек. Это мы ему дали звание кагана. Дали в жены мою младшую сестру’». Ясно, что речь идет о чисто межтюркских отношениях – женитьбе кыркызского кагана на тюркской принцессе, что, возможно, показывает путь продвижения китайского слова: через тюрков к кыркызам. А кроме того, само описываемое событие было несколько раньше даты похода: значит, уже к началу 8 в. слово *кунчуй* наверняка вошло в древнекыркызский наддиалектный язык.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Некоторую трудность при переводах представляет отсутствие аффикса множественного числа в текстемах «супруги» и «сыновья» с учетом того очевидного положения, что в патриархально-феодальном обществе, оставившем орхоно-енисейские надписи, в обычае было многоженство, особенно среди правящего класса, и уж во всяком случае сыновей всегда было больше одного (грамматически *много*). С другой стороны, также очевидно, что в грамматической системе и племенных языков, и наддиалектного письменного койне в принципе существовало применение афф. множ.ч. -*lar*, особенно при родственных терминах (см. подробнее выше, ч. III, а также [Кормушин 1997, 97–98]). На наш взгляд, отсутствие множественного числа в словах, заведомо соотносящихся с неединственным референтом, вызвано стремлением пишущих не входить в семейные проблемы мемориата, оставляя каждому заинтересованному лицу решать их самому и в своих интересах. Единственный раз в надписи Е-30 сообщается о неединственности жен и сынвей, но делается это с помощью числительных (10 жен и 9 сыновей, см. ниже, подраздел ninä). С другой стороны, в некоторых надписях под *кунчуй* подразумевается одна, определенная и, если не единственная, то во всяком случае, старшая жена, поскольку о ней сообщается, что она была взята в замужество покойным в очень раннем возрасте самого бека: в 15 лет – в Е-11, в 16 лет – в Е-48 (см. ниже в этом же подразделе).

Из 26 фиксаций слова *кунчуй* в 19 текстах оно применяется в составе устойчивого атрибутивного словосочетания qujda qunčuj, в котором слово quj – также китайского происхождения: с.-зап. диал. кит. языка – kyei ‘помещение, где живет женская часть семьи, женская половина дома; покои’ (С.Е.Яхонтов по Ло Чан-пэю [ДТС, 464]); ср.-кит. kuei ‘женские помещения, особая часть жилья’ (Дж.Клосон со ссылкой на словарь Джилса [Cl.EDT, 674]). Данное слово сохраняется в современном ареале древнекыркызского – хакасском и тувинском языках: хак. *хуй*, тув. *куй* ‘пещера’. Возможно, сдвиг семантики слова указывает на то, что при определенных условиях – в отсутствии феодала и его военного отряда, женщин его семьи могли укрывать в пещерах.

Локативный характер атрибута в данном словосочетании: qujda qunčuj – *букв.* в женских покоях жена/жёны; та жена/те жёны, что пребывает/пребывают в женских покоях, – несет в себе значение постоянства признака, создавая метафору для выражения смысла “постоянные, законные” жены. Именно эта коннотация становится решающей для второго по значимости, после супруг, адресата эпитафий – сыновей покойного, которые часто следуют друг за другом. Смысловая нагрузка такой связки существенна: сыновья от этих законных супруг и сами стопроцентно легитимны (см. также след. раздел: «сыновья»). Следовательно, “находящиеся в женских покоях”– не просто банальный эпитет, но и знаковое выражения для “законных супруг”.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Примыкание определения-имени в форме местного падежа можно квалифицировать как примету более раннего синтаксиса. Впоследствии определительная функция локатива уточняется частицей относительной атрибутивной связи *-ki*, приобретая вид аффикса *-daki*, характерного для целого ряда современных тюркских языков. В енисейских надписях этот более новый составной аффикс в рассматриваемом словосочетании встретился только однажды – в Е-6$_4$ (см. ниже), в памятнике, заметно отличающемся обновленной морфонологией, а именно сочетанием сонантов корня со звонкими (а не глухими, как по более старой морфонологии) смычными окончаний, типа *-md-*, *-ld-*, *-rd-*, *-mɣ-* (jašïmda, boldïm, qïldï, adïrïldïm, ärdä, erdim, qunčujïmɣa).

Свидетельством продолжительного, до самого позднего времени применения данного формульного выражения является его написание в Е-70: qujdančujïm, где в отсутствии третьего слога *qu* вряд ли следует предполагать ошибку резчика: свободное, не стесняемое расположение букв на памятнике не дает повода к этому. Тогда можно думать, что внутренняя форма словосочетания со временем становится не вполне понятной (например, в обыденом языке в слове *куй* возобладало значение ‘пещера’), что вызывает гаплологическое сокращение.

Примеры: 1$_1$: äsiz elim-ä qunčujïm-a oɣlanïm-a bodunïm-a ‘жаль – о, мое государство, мои супруги, мои сыновья, мой народ!’;

3$_1$: qujda qunčujïm özdä oɣlïm ajïta äsizim-ä ajïta bökmädim adïrïltïm ‘мои супруги в женских покоях, мои родные сыновья, – как жаль мне! Грустно, – я не насладился [вами] и разлучился [с вами]!’;

6$_4$: qujdaqï qunčujïmɣa adïrïldïm apam-a ‘с супругой [своего покровителя] в женских покоях, – я разлучилась, о, моя старшая сестра!’;

7$_4$: qujda qunčujïmɣaqa özdä oɣlïmqa adïrïldïm ‘со своими супругами в женских покоях, со своими родными сыновьями – я разлучился!’;

8$_2$: [quj]da qunčjïmqa adïrïltïm ‘с моими супругами в [женских покоях] я разлучился’;

10$_1$: qujda qunčujïm-a äsizim-ä ajïta özdä oɣlïm äsizim-ä adïrïltïm-a ajïta ‘о, мои супруги в женских покоях, – как жаль мне, как грустно! Мои родные сыновья, – как жаль мне, я отделился [от вас], как грустно!’;

11$_{1\text{-}2}$: bäš jägirmi jašda alïnmïšïm qunčujïm-a buŋa adïrïldïm-a äsizim-ä ... (2) üč oɣlïm adïrïldïm-a ajïta bökmädim-ä ‘о, моя супруга, взятая мною (в замужество) в пятнадцать лет, – печально, я разлучен (с тобой)! ... (2) О, три моих сына, – я отделился (от вас), как грустно – я не насладился (вами)!’;

13$_1$: qujda qunčujïm adïrïldïm säkiz urïm adïrïldïm iju ‘мои супруги в женских покоях, – я разлучился [с вами]! Восемь сыновей моих – я разлучился [с вами], о горе!’;

14$_2$: qujda qunčujïmqa özdä oɣlïmqa bökmädim äsizim-ä ‘моими супругами в женских покоях, моими кровными сыновьями я не насладился, – о, жаль мне!’;

Türk Dilleri Kütüphanesi

16_1: qujda qunčujïm äki oγlanïma äsizima jalγus qïzïma ‘мои супруги в женских покоях, два моих сына, – о жаль мне! Моя единственная дочь!’;

22_{3-4}: qujda qunčujïmqa oγlïmqa bägimkä qadašïmqa bökmädim ‘моими супругами в женских покоях, моими сыновьями, моим беком, моими родичами, – я не насладился’;

25_1: qunčujïm qadašïm adïrïltïm buŋa ačïγ-a töränim ‘мои супруги, мои сородичи, – я разлучен (с вами), печально, горько! Мои родичи-свойственники!’;

27_2: qujda qunčuj ... (3) adïrïltïm äsizim-ä ‘(мои) супруги в женских покоях ... (3) Я разлучился (с вами), о жаль мне’;

29_1: ...ma qunčujïm-a bökmädim-ä [.. bodunï]mqa bökmädim ‘о, мои супруги …, – я не насладился. … своим народом я не насладился!’;

32_1: ... qara b[odunïm ... quj(d)a qunčujï]m öz oγlïm bökmädim ajïta ‘мой простой [народ, ... мои супруги в женских покоях], мои родные сыновья, – я не насладился (вами), как грустно!’;

45_{6-7}: qujda qunčujum tul qaltï äsizim-ä ‘мои супруги в женских покоях остались вдовами – как жаль мне!’;

46_1: elim äsizim-ä qujda qunčujum äsizim-ä ‘мои супруги в женскмх покоях, – как жаль мне!’;

48_7: töläs bilgä tutuq bäg altï jägirmi jašda almïš qunčujïŋïz bökmädi bägičäm ‘своей супругой, взятой (в замужество) в шестнадцать лет, не насладился, мой дорогой бек’;

55_2: qujda qunčujïm-a adïrïltïm-a äsizim-ä ‘о, мои супруги в женских покоях, – я разлучился (с вами), о жаль мне!’;

59_2: äsizim-ä buŋïm-a qujda qunčujïm-a bökišmädim ‘о жаль мне, о печально мне! О, мои супруги на женской половине, – я не насладился вами. ’;

$65/пл_1$: qanïm älim qujda qunčujïm adïrïltïm…‘мой хан, мое государство, мои супруги в женских покоях, – я разлучился (с вами) ...’;

68_5: ... oγlïm qujda qunčujïm-a ...‘мои сыновья, мои супруги в женских покоях ...’.

70_2: tö[rt - ?]... oγlïm qujdančujïm bökmäd[im]... ‘четверо (?) ... моих сыновей, моя супруга в женских покоях, – я не насладился (вами)...’.

100_1: äbči qunčujïm см. ниже, подраздел äbči.

110_2: täŋri älim altaj jabγu qunčujïm oγlanïm äsizim-ä ‘мое божественное государство, ябгу Алтая, моя супруга, мои сыновья, – о, жаль мне!’.

147_2: qujda qunčujüm-a bökmädim buŋa özdä oγlïmqa bökmädim ajïta buŋa ‘о мои супруги в женских покоях, – я не насладился, о горе, печаль!’.

В подавляющем большинстве приведенных фиксаций слова *кунчуй* этот адресат занимает синтаксическую позицию обращения (примеры из Е-1, 3, 10, 11, 13, 16, 25, 27, 29, 32, 45, 46, 55, 59, 65, 68, 70, 110, 147), т.е. стоит вне структуры предложения, которое состоит из деплоративного предиката – глагольного (adïrïltïm, bökmädim), междометного (äsizim, ajïta и др.) или их комбинаций. В остальных примерах (Е-6, 7, 8, 14, 22, 45, 48, 100) данный

Türk Dilleri Kütüphanesi

адресат (иногда, как и другие, рядом стоящие) принимает форму дательного падежа, что делает его структурным членом предложения при тех же глагольных предикатах – adïrïltïm, bökmädim. В E-45 простое упоминание супруги расширяется до фразы '... осталась вдовой'. В E-48 выражение сожаления и содержательно расширено, и синтаксически многопланово: оно делается от имени покойного бека, но не им самим, а автором эпитафии–устроителем данного памятника, которым является старший сын мемориата; отнесенность же супруги к мемориату выражена не вполне гладко грамматически, но достаточно определенно – афф. 2 л. мн. ч. *-ŋïz* "ваша".

2. äbči 'жена, супруга': 42_2 51_1 66_1 100_1 109_4 = 5 словоупотреблений.

Если производящая основа eb ~ ev данного слова, безусловно, общетюркская (причем, по-видимому, не с широким *ä*, а с узким долгим **ē*), то отименное производное имя деятеля на *-či* – ebči ~ evči 'домашняя хозяйка', 'домоправительница', откуда > 'жена' (др.-уйг. er ebči 'супруги') > вообще 'женщина', – форма, явно, региональная, соотносимая только с древнеуйгурской языковой традицией [ДТС, 162, 189; Cl.EDT, 6]. В современных языках эта форма распространена главным образом в ареале древнекыркызского литературного языка: хак. *ипчи* 'женщина', 'жена', шор. *эпчи* 'женщина', сарыг-юг. erepši 'супруги', алт. *эпши* 'женщина', кирг. *эпши жак* 'женская сторона в юрте'. В тувинском формы этого слова *эъшпи*, *эъпши*, *эъвши* (< **ерči*) как в литературном языке, так и в диалектах получили стилистически сниженное употребление: 'баба' (с грубоватым, пренебрежительным оттенком), а также бранное 'сука' [Кара-оол 2006, 113–115]; с последним значением соотносительно тофаларское *эъшкі* 'самка' [Рассадин 1971, 182].

Слово äbči заменяет qunčuj только в относительно более поздних надписях: из пяти употреблений слово äbči дважды встретилось в надписях с тамгой западно-тувинского типа ᛉ – E-66, E-42, дважды – с тамгой северно-тувинского типа ᛍ – E-51, E-109, и один раз – с тамгой восточно-тувинского типа ᛏ – E-100. Указанные надписи объединяет то, что в своих территориально-этнических группах они обладают палеографическими и языковыми приметами относительно позднего времени создания.

Примеры: 42_2: oγlanïm äsiz-ä äbčim adïrïltïmïz 'мои сыновья, – о, жаль! Моя супруга, – мы разлучились!';

51_1: γulanïm-a äbčim-ä adïrïlïm-a 'о, мои сыновья, моя супруга, – я разлучился (с вами)';

66_1: äbčim äsiz-ä ... 'моя жена, – о жаль...';

100_1: öz äbči qunčujïmqa bökmädim 'своей женой-супругой я не насладился';

109_4: äbčim-ä [bäg]im-ä bökmädim adïrïltïm 'о, моя жена, о, мой бек, – я не насладился (вами), я разлучился (с вами)'.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Процесс подновления старого *кунчуй* наглядно демонстрирует текст Баянкольской надписи Е-100, в которой äbči, если не как более новое, то скорее как более привычное в данной языковой среде в значении ‘жена’, поддерживает, видимо, уже отдаляющееся от этой семантики qunčuj. Смещение эпитета öz ‘свой, собственный’, выступающего обычно эпитетом при *сыновьях* (см. ниже), на супругу – тоже, как уже отмечалось [Корм.ТЕЭ-I, 252], примета позднего словоупотребления.

3. kiši I ‘жена, супруга’: 18_1, 61_2 = 2 словоупотребления;

3а. kiši II ‘наложница’: 6_2, 11_3, 27_4, 46_3 = 4 словоупотребления.

Дж.Клосон [Cl.EDT, 749] высказал предположение, что в истории тюркских языков в форме *киши* смешались два разных слова: kiši ‘человек’ и kisi ‘жена’, – причем последняя фактически представляет собой опрощение формы принадлежности на *-i* от корневой формы kis ‘жена’, единственный раз приведенной в Диване Кашгари [DLT, 166]. В отношении рунических памятников справедливы замечания многих тюркологов (обзор см. [Кононов 1980, 64–66]) о том, что сибилянты *s* и *š* отражались в графике непоследовательно: например, слово qadaš могло быть написано как 𐰴𐰇𐰃 и 𐰴𐰇𐰃, слово keš – как 𐰴𐰉𐰍 и 𐰴𐰍 и т.д. Тем не менее, вопрос заключается в том, в каких случаях вариация букв отражала непоследовательность орфографии, а в каких – фонетический перебой *s/š*. В этом плане слово kiši во всех случаях встречаемости в енисейских надписях пишется единообразно: 𐰴𐰃𐰍, т.е. с шипящим *š*, – и в значении ‘человек’ (единственный раз: $E\text{-}48_9$), и в "женских" значениях, рассматриваемых в этом разделе.

Для енисейских надписей важнее другая семасиологическая проблема: разграничение значений ‘жена’ и ‘наложница’. Последнее впервые было вскрыто нами при анализе текста Е-6 в сопоставлении с текстами Е-46 и Е-11 [Кормушин 1986, 167–168]. Обозревая теперь все собранные примеры с kiši в женских значениях, мы видим, что в большинстве случаев контекст помогает легко их дифференцировать: а) постоянным эпитетом супруги является ее нахождение в женских покоях-*куй* (примеры 18_1, 61_2), тогда как б) аналогичным эпитетом наложницы-*киши* служит, судя по надписям Е-11 и Е-46, ее местонахождение на женской половине юрты (называемом *эль*), а также упоминание наложниц не в ряду близких и родственников, но позже них и уже в ряду материальных ценностей – золота и серебра, верблюдов, коней, – ставших предметом военной добычи мемориантa (qazγandïm ‘я добывал’). В неполностью сохранившихся строках памятника Е-27 уже глагол qazγan-, наряду с позицией позже qujda qunčuj, доказывает наличие у kiši значения ‘наложница’.

Особого истолкования требует пример из женской, по нашему предположению, поминальной надписи Е-6. Если мемориант женщина, то вряд ли она обычная наложница, угнанная в полон: ведь ей посвящена надпись. Скорее всего, она – жена, но определенно не *кунчуй*, поскольку в 4-й строке надписи сама прощается с ней.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Примеры на значения ‘жена’ (а) и ‘наложница’ (б).

а) 6_2: külüg tutuq išim kiši qïldï ‘Кюлюг-тутук сделал меня своей женой’;

18_1: qujda kišim ajïta adïrïlu bardïmïz ‘моя жена/мои жены в женских покоях, – прискорбно, теперь мы разлучены!’;

61_2: qujda kišimä äsizimä ‘о, моя жена/мои жены в женских покоях, – о, жаль мне!’;

б) 11_3: bäš jägirmi jašïmda tabγač qanγa bardïm-a är ärdämim üčün alpun altun kümüšig ägritäbä eldä kiši qazγandïm-a ‘с пятнадцати лет я ходил на табгачского хана. Благодаря моей доблести мужа-воина, отвагой добывал я золото и серебро, верблюдов, наложниц’;

27_4: kiši qazγantïm ... ‘я добывал наложниц’;

46_3: äldä kišim ägritäbim tört butluγ jïlqïm ‘мои наложницы, мои верблюды, мой четвероногий скот’.

4. jotuz ‘жена, супруга’: 43_1 120_1 = 2 словоупотребления.

Слово *йотуз* или *йутуз* – проходное в древнетюркском лексиконе: оно фиксируется в основном в древнеуйгурском и древнекыркызском; однажды, но уже с ошибкой в написании, – в древнекыпчакском, а далее выходит из употребления. Данное слово четыре раза встречается в древнетюркском (в узкоплеменном смысле, т.е. в орхонско-тюркском), в надписи в честь Бильге-кагана, но только в тех местах, что были дописаны дополнительно к тексту Кюль-тегина, причем, характерная деталь: *йотуз* применяется при описании завоеваний тюрками других народов. В очень предварительном порядке можно предположить следующее лексемное распределение: в большей степени *кунчуй* – тюрко-орхонское, *эбчи* – кыркызское, *киши* в значении ‘жена’ – древнеуйгурское, а в значении ‘наложница’ – собственно древнекыркызское, *йутуз* – древнеуйгурское, – при том, конечно, что и тюркское, и уйгурское проникали в кыркызский и частично там применялись.

Примеры: 43_1: bodunïm-a oγlïm-a jotuzïm-a adïrïltïm säcläntim ajïta buŋa ‘о, мой народ, о, мои сыновья, о, мои жены, – я разлучился, я расстался (с вами), как грустно, как печально!’;

120_1: qalïn qadašïmqa bökmädim äsizä oγlïmqa jotuzïmqa bö{kmädim} ‘я не насладился своими многочисленными товарищами. Моими сыновьями, моими супругами – я не насладился!’.

5. ninä ‘жена, супруга’: ninä 30_1 = 1 словоупотребление.

30_1: on ninäsi toquz oγlï bar üčün čabïš ton tarqan bäŋüsi tikä bärtim ‘во имя его десяти жен и девяти сыновей, я водрузил (этот) вечный (памятник) Чабыш Тон-тархану’.

После Г.Вамбери и С.Е.Малова слово *нинэ* можно считать аттестованным в этой надписи, однако в силу уникальности встречаемости в енисеике, *нинэ* не попало ни в ДТС, ни в словарь Дж.Клосона. В турецком и азербайджанском nine значит ‘бабушка’, а также ‘мать, когда она стала бабушкой и/или пожилой женщиной’, а также просто ‘довольно пожилая женщина’.

Türk Dilleri Kütüphanesi
Судя по контексту надписи E 30, здесь рядом с сыновьями в соответствии с эпитафийным каноном упоминаются именно супруги: никакие "бабушки" или другие "женщины-родственницы", кроме супруг, не могли бы предшествовать упоминанию сыновей мемориантa. Причина, по которой они проходят как "довольно пожилые женщины", на наш взгляд, кроется в исключительно молодом возрасте автора надписи и устроителя памятника, для которого мемориант является "моим беком". Если же *нинэ* действительно супруги, то их значительное число – 10, превышающее даже количество сыновей – 9, указывает на то, что, видимо, все же в это число вошли все жены покойного, включая наложниц, почему и был применен уважительно-возрастной термин *нинэ*, а не официальный *кунчуй*. Отнесенность лексемы *нинэ* в современных языках к огузской группе способна вызвать вопросы, если только не предположить, что это слово в других языковых группах тоже было, но со временем вышло из употребления.

6. eš 'жена, супруга': 2_1, 41_1= 2 словоупотребления.

Примеры: 2_1: ešim (𐰇𐰼𐰍) urïm azïšdïm 'мои супруги, мои сыновья, – я перестал видеть и слышать вас'.

41_1: är ärdämim til ara äšim (𐰇𐰼𐰍) biŋ ärim äsizim-ä 'моя доблесть мужа-воина, мои любимые жены, тысяча моих мужей-воинов, – о жаль мне!'

Развитие женского значения 'супруга' у слова eš 'каждый из составляющих пару' → 'супруг/супруга' вполне закономерно, в современных языках эта семантическая линия отражается в турецких и алтайских диалектах [ЭСТЯ I, 313–314].

«сыновья»

Вторыми по значимости, после супруг, в эпитафийном каноне текстемами адресации мемориантов являются обращения к сыновьям. Чаще всего сыновья упоминаются после супруг, но возможен и обратный порядок. В указанной функции отмечено применение трех лексем: oγul, oγlan, urï.

Первая из них нередко выступает в устойчивом определительном словосочетании özdä oγl(ï)m. Клосон в своей трактовке исходил из öz 'сердцевина, середина' и переводил вместе с предыдущим словосочетанием: "моя жена во внутренних покоях, мои сыновья (по-видимому) в середине лагеря" [Cl.EDT, 278], что представляется очень искусственным. При родственных терминах слово öz в некоторых тюркских языках имеет значение 'родной – кровный или единоутробный; близкий, прямой по родству (не двоюродный и т.д.)' – тур., туркм. [ЭСТЯ I, 506-507], кирг. [Юд.КиргРСл, 587], алт. *öc* 'родственник' [Верб., 232]. Поскольку слово oγul по-тюркски употребляется достаточно широко и за пределами границ термина, в частности, как показывает ряд надписей, – в отношении молодых дружинников, то, видимо, появилась необходимость уточнения этой адресатной категории: özdä oγul – "мои сыновья по кровному родству; мои родные, мои собственные

Türk Dilleri Kütüphanesi

сыновья". Эпитафии не следует считать только памятной надписью, это многоплановый политический и семейный документ публичного характера, основной смысл которого путем перечисления должностей и заслуг мемориантa удостоверить его права, а через упоминание законных наследников. прежде всего, р о д н ы х сыновей, заявить о правопреемстве. Употребление совместно с özdä oγlïm другого формульного словосочетания qujda qunčujüm имплицирует их связь: перечисляемые сейчас дети – от этих, законных супруг, следовательно они – законные дети-правопреемники.

7. oγul 'сын, сыновья': $3_{1,5}$, 7_4, 10_1, 11_2, 14_2, 22_3, 26_2, 30_1, 31_5, 32_1, 43_1, 48_{14}, 70_2, 120_1, 147_2 = 16 словоупотреблений (большинство указанных примеров приведено выше, в разделе «супруги», в подразделах: qunčuj – примеры 3_1, 7_4, 10_1, 11_2, 14_2, 32_1, 68_5, 70_2, 147_2; в подразделе jotuz – 43_1, 120_1, в подразделе nine – 30_1; Остальные примеры:

3_5: täŋri elimkä qazγaqïm oγlïm nä uz (?) oγlïm altï biŋ jontïm... 'то, что я добыл для моего (хранимого) богом государства, – мои сыновья, сколько у меня мастеровых-сыновей (?), шесть тысяч моих коней'. – Из-за того, что "мои сыновья" перечисляются как добыча (далее идут только лошади), складывается впечатление, что это – метафора для молодых мастеровых рабов.

31_5: äsiz är iki oγlïn birlä ölti 'жаль, муж-воин погиб вместе со своими двумя сыновьями'.

48_{14}: jäti urï oγlïŋïzqa см. ниже подраздел urï.

C_{10}: uluγ oγlum s ... a bardï 'мой старший сын ... ушел'.

Единственный раз встретилась форма нестандартного множ.ч. на -t: oγlïtï (E-26_2), аналогия с формой в $КТ_5$.

8. oγlan 'сын, сыновья': 1_1, 3_6, 16_1, 20_1, 42_2, $45_{1,7}$, 51_1, 59_3, 110_2, C_9 = 11 словоупотреблений (большинство указанных примеров приведено выше, в разделе «супруги», в подразделах: qunčuj – примеры 1_1, 16_1, $59_{2\text{-}3}$, 110_2; в подразделе äbči – 42_2, 51_1. Остальные примеры:

3_6: ičičim är üküš är oγlan är küdägülärim qïz kälinlärim bökmädim äsizimä ajïta 'мои дядья и двоюродные братья–воины, многочисленные воины, молодые воины-огланы, мои зятья-мужи, мои невестки, – я (вами) не насладился, о жаль мне, прискорбно!'.

20_1: tört oγlanïm bar üčün bäŋkümin [tikti] 'из-за того, что у меня четверо сыновей, мне воздвигли памятник'.

45_7: kinim qadašïm äsizim-ä oγlanïm qïzïm-a örüŋüm qaram äsiz 'мои сродственники и родственники, – о жаль мне! Мои сыновья и дочери, мое светлое (дома) и темное (скот) [имущество], – жаль!'

C_9: oγlanïm ärdä marïmïnča bol qanqa tap qatïγlan 'мои сыновья! Когда станете мужами-воинами, будьте как наш (*букв.* мой) наставник, служите хану, мужайтесь!'.

Особенности употребления слов *оглум* и *огланым* в некоторых надписях (С, Е-28 и 29) как будто бы связаны с тем, что к старшему сыну применяет-

ся первое слово – *оглум*, а Türk Dilleri Kütüphanesi – *огланым*. С другой стороны, в турецком и некоторых других современных языках в слове *оглан* присутствует значение мужского пола, тогда как огул – безотносительно к полу передает значение "ребенок, сын/дочь" и при необходимости уточняется словами erkek 'мужчина', kız 'девочка, девушка'. Все это обрисовывает семантику *оглан* как "юноша раннего возрастного периода, 11–14 лет". И в енисейских памятниках (см. пример 3_6), и позже, в раннем средневековье *оглан* применяется к воину, т.е. человеку 13–14 лет и старше, но имеет оттенок "очень молодого воина". Это хорошо демонстрирует пример из памятника Кёжээлиг-Хову (Е-45) с противопоставлением двух социально-возрастных категорий – "юноши" и "мужа", в период которых человек мог носить разные официальные именования (см. также ниже «репрезентативные текстемы»):

45_1: oγlan atïm čubuč ïnal [är]tä atïm kümül ögä 'мое юношеское имя – Чубуч-ынал, мое мужское имя – Огя (народа) кюмюлей'.

9. urï 'сын, сыновья': 2_1, 13_2, 26_2, $48_{14\text{-}15}$, 59_7, C_6 = 7 словоупотреблений.

Примеры: 2_1: ešim urïm azïšdïm 'мои супруги, мои сыновья, – я перестал видеть и слышать вас (т.е.умер)';

13_2: qadašïm adïrïldïm iju qujda qunčujïm adïrïldïm säkiz urïm adïrïldïm

26_2: oγlïtï küč urï oγlan toγ[dïm] 'сыновья – сильное мужское потомство, [и потому] я родился мальчиком';

$48_{14\text{-}15}$: jäti urï oγlïŋïzqa bökmädük qaŋïčam ... (15) jäti urï bar üčün tikä bärtimiz 'не насладившись семью Вашими сыновьями, мой батюшка, ... (15) мы воздвигли (вечный памятник) по долгу семи (Ваших) сыновей';

59_7: urï qadašïm üč kinim qïz qadašïm üč janšï 'мои сородичи мужского потомства, три мои сродственницы, мои сородичи женского потомства, три наложницы ...'.

В суджинской надписи сошлись все три термина: *огул*, *оглан* и *уры*:

$C_{6\text{-}7,\ 10\text{-}11}$: (6-7) inim yiti urïm üč qïzïm üč ärti äblädim oγlïmïn (7) qïzïmïn qalïŋsïz birtim oγlanïm ärdä marïmïnča bol qanqa tap qatïγlan ... (10) uluγ oγlum s ... a bardï (11) körmädim r... m oγul 'у меня было семь младших братьев, три сына и три дочери. Я поженил своих сыновей (7), дочерей я отдал без калыма. (10) Мой старший сын ушел ...'.

«правитель – государство»

Верховное лицо государства является каноническим адресатом выражения сожалений покойного своим расставанием с ним в связи с собственной смертью. В большинстве случаев этот адресат обладает титулом *хан*, однако в определенной группе памятников он титулуется *беком*, что, несомненно, ниже хана. Упоминаются данные деплоративные адресаты обычно после семейных и лишь изредка выносятся вперед.

Türk Dilleri Kütüphanesi

В надписях енисейских кыркызов и союзных им племен никогда не встречается слово *каган*, означавшее в языке тюрков Второго восточнотюркского каганата верховный суверенитет правителей таких государств, как государство самих тюрков, Китай, государства киданей, кыркызов, тюргешей и др. В относительно более ранней, чем орхонские, надписи Тоньюкука (особенно в рассказе о раннем периоде) еще прослеживается некоторая взаимозаменяемость терминов *хан* и *каган*, из чего, возможно, следует сделать вывод, что слово *каган* носило во II Восточнотюркском каганате более официальный характер, а *хан* – более обыденный и привычный[3].

В енисейских текстах тюркскому *каган* соответствуют слова *хан* и *бек* как автохтонные обозначения главы их государства. Единственный раз в этой роли выступило слово *ябгу*. В немногих случаях, когда в енисейских текстах в повествовательных пассажах речь идет о правителях иностранных государств или обобщенно-обезличенно – просто об иностранных государствах, применяется термин *хан* с этническим определением: tabγač qan, tüpüt qan и т.п.

В большинстве случаев своего функционирования в качестве адресатов сожалений слова *хан* и *бек* (порознь) образуют устойчивую семантическую связку (парное сочетание, но не парное слово) с термином el 'государство', и этой парностью удостоверяется их взаимосоответствие, т.е. тот факт, что *хан* – в одних случаях, и *бек* – в других, являются верховными лицами государства. Однако есть случаи, когда верховное лицо государства в какой бы то ни было форме не упоминатся, а прощание адресовано "в общем" – государству. И эта особенность состава адресатов данной группы может составить предмет текстологических толкований, наподобие предложенного нами для текста Е-45 (см. выше).

Помимо того что слова *хан* или *бек* чаще всего являются деплоративными адресатами, они могут выступать и в повествовательных пассажах.

Ниже, в рубриках (статьях) 10–11–12 мы приводим все примеры на употребление слов el–qan–beg во всех их функциях, указывая функцию каждый раз в скобках в следующем виде: деплоративный адресат – *деплор. адр.*, элемент повствовательных пассажей – *повеств.*, в том числе в рассказах об иностранных государствах и/или правителях – *повеств., иностр.* При этом в рубрику 10 включены одиночные употребления el, а парные с qan или beg представлены в рубриках (11) или (12), с пометой: *парн.*; в этих же рубриках содержатся примеры и одиночной адресации к хану (11) и беку (12).

10. el 'государство; племенной союз, образующий государство': 1_1, 3_5, 7_3, 27_5, 30_6, 46_1, 59_4, 68_1, 70_1,96_2, 147_2, = в 11 надписях, одиночно, т.е. без слов qan или beg, слово el выступает в качестве адресата сожалений.

[3] В качестве аналогии можно сослаться на русскую политическую систему нового времени: русские *цари* начиная с Петра I носят официальный титул *император*, но слово *царь* остается в обиходе.

Türk Dilleri Kütüphanesi

1_1: äsiz elim-ä qunčujïm-a oylanïm-a obdanïm-a ‘жаль – о, мое государство, мои супруги, мои сыновья, мой народ!’ (*деплор. адр.*).

3_5: täŋri elimkä qazγaqïm ‘то, что я добыл для моего (хранимого) богом государства’ (*повеств.*);

7_3: täŋridäki künkä järdäki elimkä bökmädim ‘солнцем на небе, моим государством на земле – я не насладился!’ (*деплор. адр.*);

27_5: ilimkä bökmädim äsiz ilim... ‘я не насладился моим государством. Мое государство, – о жаль’ (*деплор. адр.*);

30_6: ilimdä tört tägzindim ärdämim üčün ‘из своего эля я четырежды уходил (и возвращался), ради моей доблести’ (*повеств.*);

46_1: elim äsizim-ä ‘мое государство, о, жаль мне’ (*деплор. адр.*);

59_4: jäti otuz jašïmda elim üčün toquz tat[ar...] ... ‘я, в двадцать семь лет, ради моей страны [отправился воевать против народа] Девяти татар...’ (*повеств.*);

68_1: täŋri elimkä biš jašïmda... ‘моему божественному государству с пятнадцати лет я [служил]’ (*повеств.*);

70_1: jägirmi jašda ilimkä... ‘с двадцати лет своему государству [я служил]’ (*повеств.*);

96_2: elimkä bökmädim ‘моим государством я не насладился’ (*деплор. адр.*);

$147_{1,3}$: jiti jägirmi jašïmda män täŋri elimkä qara boldïm bökmädim ... (3) täŋri elimdä tägzinmišim ‘с семнадцати лет я стал служить моему бого(хранимому) государству и не насладился, о горе! ... Из моего бог(хранимого) государства я уходил (и возвращался)’ (1 – *повеств.* и *деплор. адр.*; 3 – *повеств.*).

См. также ниже парные сочетания el с qan в рубрике (11): 5_2, 10_4, 11_7, 13_4, 25_3, 32_3 (вместо qan – il čor), 42_7, 44_3, 50_1, 51_2, 53_3, 59_6, 61_1, 65/pl, 100_3, 110_2 (с jabγu), 147_4, 149_3, – и с beg в рубрике (12): 14_3, 16_2, 23_2.

11. qan ‘хан, верховный правитель государства’: встречается в 27 надписях, в нескольких текстах дважды и трижды (всего 32 словоупотребления). Только в 5 надписях слово *хан* применено исключительно в качестве элемента повествования, и это все – надписи с территории Хакасии: 29_8, 30_4, 37_1, 48_{10}, 98_3, – причем за исключением Е-48 в остальных текстах речь идет об иностранных правителях. В большинстве же случаев (в 22 надписях) *хан* в качестве сюзерена мемориантa (т.е. собственного верховного правителя) выступает в роли деплоративного адресата – 3_6, 5_2, $10_{4,4,7}$, 11_7, 13_4, 25_3, $32_{3,14}$, 41_8, 42_7, 43_5, 44_3, 50_1, 51_2, 52_1, 53_3, 59_6, 61_1, 65/pl, 100_3, 110_2 (вместо *хана – ябгу* Алтая), $147_{3,4}$, 149_3; из этого числа в 5 надписях к деплоративной функции добавляется повествовательная функция, выраженная в отдельной фразе – 11_3, 13_4, 25_6, 32_3, 53_1. Кроме того отметим, что в некоторых случаях (см. особенно примеры 13_4, 41_8, 43_5 и др.) слово *хан* употребляется как бы в обоих смыслах: внешне оно вытупает как элемент повествования о жизни мемориантa (особенно, когда речь ведется от его лица), а по существу означает благодарственно-прощальную адресацию мемориантa к нему.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Примеры: 3_6: qanïm tülbäri qara bodun külig qadašïm äsizim ‘тюльберы моего хана, простой народ, славные мои сородичи, – о, жаль мне!’ (*деплор. адр.*);

5_2: älim qanïma adïrïldïm ‘о, мое государство, мой хан, – я разлучился (с вами)!’ (*деплор. адр., парн.*);

$10_{4,7}$: qanïm elim-ä äsizim-ä ajïta ... qanïm elim äsiz ajït-a : adïrïltïm; 10_7 ajït-a äsiz älim qanïm ‘о, мой хан, мое государство – как жаль мне, горе! ... Мой хан, мое государство – жаль, грустно! – я отделился [от вас]’; (7) ‘Жаль, мое государство, мой хан’ (*деплор. адр., парн.*; в одной надписи трижды прощание с государством и ханом, причем в 4 и 7 строках в разной последовательности);

$11_{3,7}$: (3) bäš jägirmi jašïmda tabγač qanγa bardïm-a ... (7) elim-ä qanïm-a bökmädim-ä ‘с пятнадцати лет я ходил на табгачского хана (т.е. в Китай)...; о, мое государство, мой хан, – я не насладился [вами]’ (стк. 3 – *повеств. иностр.*; стк.7 – *деплор. адр., парн.*);

$13_{3,4}$: är ärdämim elimkä tapdïm täŋri elimkä edgü qadašïm tabdïm (4) qaŋïm isig bilgä čigši qanïŋa tapdïm ‘Я служил моему государству своей воинской доблестью. Я служил моему богохранимому государству, добрым моим сородичам. (4) Я служил хану моего отца, [моего отца по имени] Исиг Бильгя-чигши, – жаль мне [расставаться]!’ (3 – *деплор. адр., парн*; 4 – *повеств.*);

$25_{3,6}$: elim qanïm äsizim-ä adïrïldïm ... (6) qanïŋïz joq[l]ajur ‘государство, к которому я принадлежал, мой хан, – о, жаль мне, я разлучен (с вами)! ... (6) Ваш хан ощущает потерю Вас’ (стк. 3 – *деплор. адр., парн.*; стк. 6 – *повеств.*);

29_8: är ärdäm üčün tüpüt qanqa jalabač bardïm ‘Во имя доблести мужа-воина, я отправился послом к тибетскому хану’ (*повеств., иностр.*);

30_4: ärdämin üčün ilindä qara qanqa barïpan ‘во имя своей доблести отправившись из своего государства к Кара-хану’ (*повеств., иностр.*);

$32_{3,14}$: il čor iliŋä q··· ärdämin üčün joqaldï ... (14) ilimkä qanïmqa bökmädim ‘государству Иль-чора … он погиб во имя своей доблести!... (14) моим государством, моим ханом я не насладился’ (3 – вероятно, *повеств.*; 14 – *деплор. адр., парн.*);

37_1: bän qara qan ičrägi ‘я – *ичрек* Кара-хана’ (*повеств., иностр.*);

41_8: qanta är sañmaq nä ärgäj ‘у хана считать мужей, – кто будет!’ (*повеств.* и *деплор.*);

42_7: äsiz älim qanïm ‘жаль, мое государство, мой хан’ (*деплор. адр., парн.*);

43_5: äčim qanïm iki ilig jaši äsizim-ä ‘возраст моего хана – моего старшего брата [был] сорок два (пятьдесят два – ?) года, – как жаль мне’ (*повеств.* и *деплор. адр.*);

44_3: elim qanïm äsiz-ä bökmädim ‘мое государство, мой хан, о, жаль, я не насладился (вами)’ (*деплор. адр., парн.*);

48_{10}: ärdämi bar üčün qanïnta kü tutuq atqa tägmiš bägim ‘благодаря своей доблести он достиг на ханской (службе) славного титула тутук, мой бек!’ (*повеств.*);

Türk Dilleri Kütüphanesi

50_1: täŋri qanïm älim äsizim-ä 'мои Божественные хан и государство, – о жаль мне!' (*деплор. адр., парн.*);

51_2: elim qanïm äsizim-ä 'мое государство, мой хан, о, жаль мне' (*деплор. адр., парн.*);

52_1: körtlä saŋun bän äčim qanïm-a 'я – Кёртле-генерал. О мой дядя-хан!' (*деплор. адр.*);

$53_{1,3}$: kök täŋridä boltik är ol qan urï törämiš ... (3) bäg tarqan ögä tirig bän äsiz älim qanïma bökmädim '[некогда] на голубом небе возник [благородный] муж. От того хана пошло мужское потомство. ... (3) Я – Бег Тархан Оге Тириг. Жаль, – о, моя страна, мой хан! Я не насладился (вами)!' (стк.1 – *повеств.*, стк.3 – *деплор. адр.*);

59_6: elim qanïm-a täŋritägim ajïta bökmäd[im] 'о моя страна, мой хан, мой небоподобный, – о горько, я не насладился!' (*деплор. адр., парн.*);

61_1: elim qanïma äsizimä 'о, мое государство, мой хан, – о, жаль мне!' (*деплор. адр., парн.*);

65/пл: qanïm älim qujda qunčujïm adïrïltïm 'мой хан, мое государство, мои супруги в женских покоях, – я разлучился (с вами) ...' (*деплор. адр., парн.*);

98_3: ujγur qan järin alduqda 'при взятии земель уйгурского хана' (*повеств., иностр.*);

100_3: qanïm elim ajïta asizim ökünčig bökmädim 'мой хан, мое государство, – о горе, мне жаль, скорбь, – я не насладился' (*деплор. адр., парн.*);

110_2: täŋri älim altaj jabγu qunčujïm oγlanïm äsizim-ä 'мое божественное государство, ябгу Алтая, моя супруга, мои сыновья, – о, жаль мне!' (*деплор. адр., парн.* – с изменением сюзерена на *ябгу*);

147_4: jaγïz järdä äsiz el qan ärmiš bökmädim ajït-a äsizä 'на бурой земле – жаль! – были государство и хан: я не насладился (ими), о жаль, о горе!' (*деплор. адр., парн.*);

149_3: jaγïz järdä elim qanïma äsizimä ajïta 'о, мой эль и мой хан, что на бурой земле, – о жаль мне, о горе!' (*деплор. адр., парн.*).

12. bäg 'вождь рода или племени, родоплеменной предводитель, бек, князь'. В части енисейских текстов сюзерен покойного мемориата, с которым он прощается, носит титул *бек*. Этим последним могли именоваться довольно разнокалиберные представители родоплеменной верхушки, от предводителя нескольких семей до вождя крупного племенного объединения, однако сам титул обычно не связывался с самостоятельным политическим статусом бека-вождя, для этого служил титул хан и др. Но бывали и исключения. Так, беками были правители некоторых Восточнотуркестанских самостоятельных княжеств. Енисейские эпитафийные тексты также предоставляют убедительные свидетельства того, что в какой-то период истории Кыркызского каганата правители определенной его части (с центром в районе р.Чаа-Холь), носившие титул *бек*, явно подчеркивали свой суверенитет. Что реально скрывается за этим: откол ли какой-то части *эля* или переход власти к какому-то иному клану, – историкам предстоит об

Türk Dilleri Kütüphanesi

этом еще подумать. Но важно, что этот факт лингистически вполне определенно вырисовывается теперь, после уточнения сначала надписи Е-14 [Корм.ТЕЭ-I, 184], а сейчас и Е-16, в результате которых вскрылось и подтвердилось формульное выражение: täŋri elimkä bašda bägimkä 'моим божественным государством, моим беком во главе [государства] (я не насладился!)', – отсутствовавшее в прежних переводах. Соответствие этого выражения проиллюстрированному выше (täŋri) elim qanïm, – очевидно. Но рассмотрим все примеры по порядку, отмечая коммуникативные и денотатные признаки слова *бек*.

1_2: altï bay bodunqa bägi ärtim 'для моего народа шести уделов – я был его беком' (*повеств.*; *мемориант – наместник в засаянской части Кыркызского каганата – в стране 6 багов, но не верховный правитель государства*);

5_3: bäg ärkimä äsizimä adïrïldïm 'как жаль мне – я был беком, (и вот) я разлучился!' (*повеств.*; *бек–мемориант – не верховный правитель*);

10_6: uruŋu külig toq bögü tärkän-ä qaŋïm bäg 'мой отец-бек, который был *урунгу,* славным, обильным и мудрым правителем области' (*повеств.*; *мемориант* – tärkän, *региональный, но не верховный правитель;* bäg – *обычный гонорификатор при имени/звании*);

14_3: täŋri elimkä bašda bägimkä bökmädim äsizim-ä 'моим божественным государством, моим беком во главе [государства] я не насладился, – о, жаль мне!' (*деплор. адр., парн. с* el; *мемориант – верховный правитель*);

16_2: täŋri elimkä bašda bägimkä bökmädim 'моим божественным государством, моим беком во главе [государства] я не насладился!' (*деплор. адр., парн. с* el; *мемориант – верховный правитель*);

17_3: ujar bägimkä adïrïltïm ujar qadašïmqa adïrïltïm ... 'с моим благородным беком я разлучился, с моими благородными родичами я разлучился' (bäg – *деплор. адр., возможно, – верховный правитель*);

21_3: bägim bökmädim 'моим беком – я не насладился!' (bäg – *деплор. адр., возможно, – верховный правитель*);

22_4: bägimkä qadašïmqa bökmädim 'моим беком, моими родичами, – я не насладился' (bäg – *деплор. адр., возможно, – верховный правитель*);

23_2: elimkä bägimkä bökmädim 'моим государством, моим беком – я не насладился!' (bäg – *деплор. адр., ввиду парности с* el, *вероятно, – верховный правитель*);

30_5: barïpan kälmädiŋiz bägimä 'отправившись (послом), Вы не вернулись, мой бек!' (*повеств.*; *бек–мемориант – не верховный правитель; он сам является адресатом сожалений живых*);

32_{4-5}: ... bilgä bäg oγlï (5)...öz qaltï ärdäm bägim-ä '...сын мудрого бека (5) ... сам он остался (на поле брани), о, доблестный мой бек' (*повеств.*; *сын бека и сам бек, мемориант – не верховный правитель; он сам является адресатом сожалений живых*);

43_3: bäg čor birlä 'с Бег-чором' (*повеств.*; *бек – постороннее лицо, не мемориант и явно не верховный правитель*);

Türk Dilleri Kütüphanesi

$48_{7,7,10}$: töläs bilgä tutuq bäg altï jagïrmï jasda almïš qunčujïŋïz bökmädi bägičäm (10) ... bägim ‘бек тёлесов, мудрый тутук, своей супругой, взятой (в замужество) в шестнадцать лет, не насладился, мой дорогой бек. (10) ... мой бек’ (*повеств.*; *бек-мемориант – не верховный правитель; он сам является адресатом сожалений живых; слово* bäg *здесь – обычный гонорификатор при имени/звании и в обращении*);

50_{4-5}: abïčγa är atïm bägdäki atïm (5) etrük bän ‘мое имя воина-мужа – Абычка, а мое бекское имя – Этрюк’ (*повеств.; слово* bäg *здесь – обычный гонорификатор при имени/звании*);

59_1: qaŋïm bodun bägiŋä ... ‘моему отцу, беку народа’ (*повеств., слово* bäg *относится к отцу мемориантa, а косвенно и к самому меморианту; несмотря на высокое определение "бек народа", отец мемориантa не был правителем государства, т.к. отдельно, в строке 6 есть адресация к* el–qan, см. выше, в рубрике 11);

73_1: eki baγlïγqa begim-ä ‘о, мой бек, [правитель] двух багов!’ (*деплор. адр., региональный правитель*);

92_1: bäg saŋun är atïm ‘мое имя (и звание) мужа-воина – бек-генерал’ (*слово* bäg *здесь – несколько необычный, ввиду неконечной позиции, гонорификатор при звании*);

98_1: bökmädiŋiz bäg ärkim bäg ... tirig bäg äsizim ‘Вы не насладились (жизнью), о бек из благородных беков!’ (*бек-мемориант, судя по дружине в 40 человек – один из рядовых феодалов, он сам является адресатом сожалений живых*);

100_{1-2}: bäšgäk jägüg bäg oγlï (2) ... qaŋïm ögä bägim ‘Я – сын Бешгек Йегюк бека. ... мой отец, огя-бек’ (*повеств.*; *слово* bäg *относится к отцу мемориантa, а косвенно и к самому мемориантy; слово* bäg *здесь – обычный гонорификатор при имени/звании и родственном термине*);

108_4: äbčim-ä [bäg]im-ä bökmädim adïrïldïm ‘о, моя жена, о, мой бек, – я не насладился (вами), я разлучился (с вами)’ (*деплор.адр., возможно, – верховный правитель*);

120_2: ...m bägimkä ajïta adïrïltïm-a järim-ä subum-a bökmädim äsiz-ä ‘своим беком, моим ... (родственником – ?), – печально – я не насладился!’ (*деплор.адр., очень вероятно, что* bäg *– верховный правитель, т.к. симптоматичное для этого статуса парное* äl ‘государство’ *здесь заменено на однопорядковое* jär sub ‘родина’);

149_1: toŋa külig tarqan bäg m[^{a}n] ‘я – Тонга Кюлюг-тархан-бек’ (bäg – *обычный гонорификатор при имени и звании*).

Таким образом, слово *бек* встречается в 22 надписях. Все словоупотребления в них (числом 27) можно подразделить на три функционально-коммуникативных типа: 1) в 12 надписях (1, 5, 10, 30, 32, 48, 50, 59, 92, 98, 100, 149) слово *бек* так или иначе относится к самому мемориантy, являясь либо гонорификатором при его имени (имени отца – 59, 100), либо обезличенным, но почетным его именованием; 2) в 9 других надписях (14, 16, 17, 21,

Türk Dilleri Kütüphanesi

22, 23, 73, 108, 120) слово *бек* обозначает вышестоящее лицо, к которому мемориант обращается с прощальным словом сожаления по поводу своей смерти; 3) в некоторых словоупотреблениях в надписях и первой, и второй названных груп, а также в надписи 43, – слово бек не относится ни к меморианту, ни к вышестоящему адресату, но обозначает иного фигуранта надписи.

В первой группе примеров непервостепенный денотатный статус бека может подтверждаться присутствием в тексте где-то рядом слова qan или даже парного qan–el в качестве деплоративного адресата (в надписях 5, 10, 32 (il čor), 50, 59, 100). В этой же группе следует отметить особое функциональное построение, встречающееся только в текстах из Хакасии (32, 48, 98), где бек-мемориант сам оказывается деплоративным адресатом, поскольку в таких случаях либо вся эпитафия, либо какие-то ее части (отдельные пассажи) говорятся от лица живых (родственников и/или устроителей памятника).

Во второй группе собраны примеры, в которых слово bäg – в одних случаях стопроцентно достоверно (надписи 14, 16, 73), в других – весьма вероятно (23), а в третьих (17, 21, 22, 120) – вполне возможно, – является высшим должностным лицом *эля*-государства, которому служил и с которым прощается мемориант надписи. Если в надписях 14 и 16 высший статус бека обозначен словесно, то в остальных надписях об этом можно догадываться по косвенным признакам: парность *бека* с *государством* (23) или *родиной* (120), нахождение в тексте бека рядом с близкими родственниками (17, 22). Добавим еще один, если не доказательный, то симптоматический фактор: все перечисленные надписи кратки или очень кратки, в них, несомненно, перечисляются важнейшие деплоранты, а для второстепенных персонажей места практически нет.

В рассматриваемой адресатной группе из девяти надписей только одна (120) происходит из Хакасии, а восемь (14, 16, 17, 21, 22, 23, 73, 108) – с территории Тувы, причем 6 из них локализуются практически в одном месте – на западе центральной части Тувы (район впадения р.Чаа-Холь в Енисей). Эта группа чаа-хольских надписей сопровождается тамгами западнотувинских типов: и . Седьмая надпись, Е-73, происходит из еще более западных районов – с р.Хемчик; только надпись Е-108 располагалась на севере Тувы, в уюкско-туранской котловине. И определенно контрастен к описанному географическому распределению тот факт, что восточнотувинские надписи с тамгами типов и , нигде не применяют для высшего должностного лица государства термин *бек*. Все вышесказанное может составить материал для конкретизации древней истории Тувы и Хакасии.

«отец – мать – дед»

Прощальные обращения мемориантa к родителям и деду/старшему брату отца, а также упоминания этих близких лиц в повествовательных пасса-

Türk Dilleri Kütüphanesi
жах эпитафий очень редки. Связь же по отцу обозначается в надписях несколько чаще, но происходит это благодаря перифразам типа "я – сын такого-то" (об этом см. ниже раздел «Способы и формулы именования»). Всего применялось три лексемы: qaŋ, ata, ög, – и некоторые производные от них.

13. qaŋ 'отец': фиксируется в семи енисейских надписях. Слово qaŋ является, по всей вероятности, общетюркским исконным обозначением отца, однако в современных диалектах оно везде заместилось другими словами [Cl.EDT, 630], в частности, словом ata (см. ниже). В текстах эпитафий *отец* – это почти всегда отец мемориата, его упоминание связано либо с какой-то положительной характеристикой жизни мемориата (10_6, 100_2), либо, напротив, ранняя потеря отца оценивается мемориантом как неблагоприятный фактор в его биографии, который он сумел преодолеть с помощью покровителей 6_1, 32_{13}), либо сам ($45_{2\text{-}3}$). Для указания на отсутствие отца используются привативные формы: как именная – qaŋsïz, так и глагольная на -sïra, достаточно рано угасшая в тюркской морфологии. Если в указанных случаях *отец* употребляется в прямом значении "родитель сына/дочери", то в тексте из Хакасии Е-98 это слово применено в переносном смысле, как "отец-покровитель своей дружины".

В противовес перечисленным употреблениям, связанным с упоминанием своего отца мемориантом, слово qaŋ очень редко обозначает самого мемориата (48_{14}), и это возможно в том особом случае, когда эпитафия составлена от имени его сыновей.

6_1: üč jašïmda qaŋsïz boldïm 'в три года я осталась/остался без отца';

10_6: qaŋïm bäg ärdäm üčün birlä bardï 'мой отец-бек тоже покинул (этот мир) из-за доблести';

32_{13}: altï jašïmta qaŋsïradïm bilinmädim ... ičičim-ä qaŋsïz ärdäm[lig bägim] ärti 'когда мне было шесть лет, я лишился отца, но не сознавал (этого), ... о, мой дорогой дядя, он без отца был для меня доблестным беком';

45_2: beš jašïmda qaŋsiz qalïp toquz jegirmi jašïmγa ögsüz (3) bolup 'в пять лет я остался без отца, в девятнадцать лет я стал сиротой (без матери)';

48_{14}: jäti urï oγlïŋïzqa bökmädük qaŋïčam üqušča buŋï tüšürmäk ärtiŋiz 'не насладившись семью Вашими сыновьями, мой батюшка, огромное горе опустили Вы (на нас)';

98_2: qirq ärig qaŋsïz qïldï[ŋïz] 'сорок мужей-воинов Вы оставили без отца!';

100_2: qaŋïm ögä bägim 'мой отец огя-бек (приобрел)'.

14. ata 'дед': фиксируется в двух енисейских надписях. Слово ata в общетюркской системе родства обозначало *деда* (*отца отца*) и *старшего брата отца*. Как известно, в классификационной системе родства точками отсчета являются возраст (старше/моложе) и самого *эго*, и *отца эго*. Именно благодаря приоритетности старшинства люди разных поколений попадают в одну категорию (см. также ниже, раздел «Братья»). В последревнетюркское время, когда слово qaŋ выходит из употребления, слово ata в некоторых диалектах становится на его место, сохраняя при этом древнюю

Türk Dilleri Kütüphanesi

семантику в таких значениях, как "старшие родители", "дед". Но эта историческая переакцентировка семантики совсем не доказывает первичности у слова ata значения *отец*, как это постулируется в [СИГТЯ 2006, 537]. Имеющиеся материалы енисейских надписей отчасти подтверждают описанное распределение ata – qaŋ. В пользу *дедушки*, на наш взгляд, косвенно говорит диминутив на -č- в имеющихся примерах, см. особенно E-32.

32_{11}: bir jašïmta atačïmqa adïrïndïm-a atasïz [bu] ... 'когда мне был год, я потерял своего дедушку. Без деда ...' (ср. с этим пример 32_{13} в рубрике 13);

152_2: änlig čor ïnanču alp tarqan atačïma adïrïldïmïz äsisim '[я –] Энлиг-чор, ынанчу и могучий тархан. О, мой дедушка/старший дядя, – мы разлучились, о, жаль мне!'.

15. ög 'мать'. Встречается в двух енисейских памятниках. Как и слово qaŋ, ög тоже почти везде выходит из употребления, заменяясь другими словами, но в отличие от qaŋ его общетюркский статус во многих современных языках дает о себе знать, сохраняясь в производной форме ögsüz 'без матери', но уже в обобщенном значении "сирота".

45_{2-3}: ...qaŋsïz ...ögsüz 'без отца, ... без матери' (из противопоставления с qaŋsïz в ögsüz отчетлива первичная семантика 'без матери'; пример подробнее выше, в рубрике 11);

59_9: [ö]gümkä bökmädim buŋa 'моей матерью я не насладился, – печально!'.

«братья»

16. äči~iči 'старший брат/младший дядя'.

17. ini 'младший брат (родной или двоюродный)'.

18. ikiz 'близнец'.

Адресация к старшим и/или младшим братьям, соотвественно äči~iči / ini в ряде эпитафий имела место, так же как единственный раз употреблено слово ikiz "близнец" (E-29). В древнетюркской системе родства äči ~ iči имеет два значения: 'старший брат' (антоним для ini 'младший брат'), но так же Бильге-каган называет и своего дядю Капаган-кагана, младшего брата отца (КТ, 16–17). Эта классификационная система была свойственна древнетюркским диалектам (см. также выше раздел «отец»). Особенностью такой системы является, во-первых, отсутствие обобщенного понятия "брат": оно появляется позже вместе со сдвигом в семантике слова qadaš (см. ниже рубрику 21), а также вместе с заимствованиями, что способствовало деформации исконной тюркской системы); во-вторых, в этой системе к "старшим братьям" относились также "младшие дядья". Со второй особенностью, несомненно, связана и древняя система наследования не по линии "отец – старший сын", но по линии "отец – его младший брат" (т.е. "старший брат" старшего сына), – а затем уже старший сын. Такой иерархии соответствовал и синтаксический порядок слов, когда äči должно находиться перед словом ini. Обратный порядок для рассматриваемого сочета-

Türk Dilleri Kütüphanesi
ния в ряде енисейских памятников, наверное, связан с изменением, когда младшие дядья отходят на положение двоюродных братьев, составляя отдельную линию рóдства.

Слово äči~iči встретилось в семи надписях 3_6, 17_2, 22_2, $28_{6\text{-}7}$, $32_{6\text{-}14}$, 43_5, 52_1, а слово ini – только в одной, причем здесь – в паре со своим антонимом iči (28_6). Енисейские примеры не приводим, так как они ничего не дают для семантического облика слов äči и ini, который, определяется по ясным историческим контекстам орхонских текстов, о чем сказано в начале рубрики.

«солнце – луна»

19. kün – aj 'солнце – луна'. В целом ряде енисейских памятников обращает на себя внимание адресация мемориантов к дневному и ночному светилам, которые чаще всего, но не всегда, составляют парное слово, выражающее единое понятие. Эта пара слов, либо одно из них (солнце), занимают достаточно высокий рейтинг в ряду деплоративных адресатов, рядом с государством–ханом или родиной. Несомненно, данная стилистико-выразительная особенность ряда текстов из восточной части территории древней Тувы (с тамгами типов: ᛉ и ᛒ) является не случайной и связана с определенными религиозно-мировоззренческими представлениями, которые еще предстоит изучить и осмыслить. Сам состав светил и их значимость скорее говорят в пользу манихейства.

7_3: täŋridäki künkä järdäki elimkä bökmädim 'солнцем на небе, моим государством на земле – я не насладился!';

8_1: ...kün aj bökmädim-ä '... солнце, луна, – я не насладился (вами)!';

10_3: kök täŋridä kün aj äsiz ärmiš 'в синем небе – жаль! – были солнце и луна' (в следующе строке надписи адресатом сожалений являются *хан* и *эль*);

11_1: kün-ä aj-a azïdïm 'о, солнце, луна, – я перестал [вас] видеть!' (адресация к солнцу–луне занимает место между супругой и сыновьями);

12_3: sub jär käm qatun aj kün... 'реки – озера и земля, госпожа-река Кем, солнце и луна...';

44_3: elim qanïm-a äsiz-ä bökmädim kün aj äsiz jïta 'мое государство, мой хан, – как жаль, я не насладился! Солнце, луна, – жаль, как грустно!';

45_5: kök täŋridä küngä azïdïm äsizim-ä 'на семьдесят первом году в синем небе я перестал видеть солнце,– как жаль мне!' (солнце–луна открывают список адресатов, за ними идут государство–родная земля–супруга– сыновья);

92_1: kök täŋridä kün aj äsizim-ä 'в синем небе солнце и луна, – о, жаль мне!' (в данной надписи из 2-х строк это – единственный деплоративный адресат);

147_4: kök täŋridä äsiz kün aj jaɣïz järdä äsiz el qan ärmiš bökmädim ajïta äsiz-ä 'в голубом небе – жаль – были солнце и луна, на бурой земле – жаль – были государство и хан: я не насладился (ими)';

$149_{4\text{-}5}$: kök täŋridä[ki] kün aj äsizim-ä [bökmädim jïta] (4) jaɣïz järdä elim qanïm-a äsizim-ä bökmädim jïta 'солнце и луна на голубом небе, – о жаль

Türk Dilleri Kütüphanesi

мне, я не насладился, о горе! (4) О, мой эль и мой хан, что на бурой земле, – о жаль мне, о горе!'.

В последних двух примерах *солнцу* и *луне* противопоставлены *хан* и *государство*, отчего образуется корреляция: "небесное, неземное, связанное с высшими силами" – "земное, земная жизнь", причем эта противопоставленность играет не на умаление земных институтов, но, безусловно, – на их возвеличивание через оценку мемориантом своей потери и того, и другого как в определенном смысле (для него, мемориантa) равновеликих утрат.

«земля – вода»

20. jär – sub 'земля – вода': встречается в пяти надписях – 11_5, 12_3, 45_6, 51_2, 152_3. Начиная с самых древних, орхонских, памятников данное парное слово, выступает как общее обозначение автохтонной территории племенного союза, образующего тюркское (уйгурское, кыркызское) государство. Нередкое употребление при jär–sub эпитета ïduq 'священный, -е' (особенно, в более старых текстах) указывает на исконный сакральный смысл этого понятия, которое со временем несколько трансформировалось в более обыденное, хотя и достаточно возвышенное, пафосное обозначение *Родины*, *родных мест*, иногда даже можно сказать по-современному: *Малой Родины*. Слово sub 'вода ~ воды' в рассматриваемой паре передает не только реки и ручьи, но и, конечно, многочисленные озера (особенно, если речь идет о Туве), почему и уместен перевод одного слова sub парным 'реки – озера'. Одиночно слово jär тоже может применяться в смысле родины – пример 42_7, правда, здесь этому способствует определение ïduq.

11_5: järim-ä ajïta subum-a adïrïldïm-a buŋ-a äsizim-ä ajïta 'О, земля моя, – грустно! О, реки и озера мои, – я отделился [от вас], печально, как жаль мне, как грустно!';

12_3: sub jär käm qatun aj kün…'реки-озера и земля, госпожа-река Кем, солнце и луна...';

42_7: äsiz järim ïduq järim äsiz-ä äsiz älim qanïm küŋ aj äsiz-ä 'жаль, моя земля, моя священная земля, – о, жаль! Жаль, мое государство, мой хан, солнце и луна, о, жаль! Моя ... земля...';

45_6: jerim subum äsizim-ä 'моя земля, мои реки-озера, – как жаль мне!';

51_2: toquz oγdamdama järim äsiz-ä 'моя (родная) земля [народа] Девяти огдамдамов, – о жаль!'э

152_3: järimä subïma äsizimä bodunïma äsizimä 'о, моя земля, мои реки и озера, – о, жаль мне!'.

«обозначения групп родственников»

21. qadaš 'единокровный родственник(и), сородич(и)': встречается в 21 надписи – $3_{1,6}$, 10_{12}, 11_6; 17_3, 21_1, 22_4, $25_{1,6}$, $42_{3,8}$, 44_4; 45_7, 49_1, 50_3, 51_1,

Türk Dilleri Kütüphanesi
$59_{7,8}$, 65_2, 65/пл$_3$, 68_6, 96_1, 100_2, 120_1, 149_5 (примеры 3_1, 10_{12}, 11_6, 44_4, 45_7, 59_7 приведены в рубрике 22). Некоторые контексты в древнетюркских памятниках, особенно в «Кутадгу билиг», еще на стадии нашей работы в «Древнетюркском словаре» помогли удостовериться в том, что слово qadaš мотивировано родством по крови, противопоставляясь иным формам близости – товарщи, соратники и т.п. [ДТС, 401]. Вместе с тем из анализа употреблений этого слова в древнейших текстах, и среди них – в орхонских и енисейских, с очевидностью вытекают две вещи: словом qadaš охватываются, во-первых, только мужчины данного рода, а во-вторых, – это может быть довольно многочисленная группа родственников (см. примеры 49_1 и 110_3). Последнее естественно для архаичных форм кровно-родственной семьи, включавшей в состав кровной родни представителей и разных поколений, и самых отдаленных степеней родства. Со временем наметилась тенденция некоторого сокращения круга лиц, попадающего в категорию qadaš: этим словом стали называться братья (при этом, далеко не только родные), и такому процессу способствовало описанное выше отсутствие обобщенного термина *брат*. То, что енисейские памятники сохраняли широкую денотативную отнесенность qadaš (шире которой было уже только bodun 'народ') ясно из многих деталей контекста, но еще также из того недавно установленного факта [Кормушин 2005_1; Kormushin 2006], что в ряде не очень поздних надписей сформировалось парное сочетание kinim qadašïm, расширяющее категорию родственников за счет женской родни, см. ниже рубрику 22.

Примеры: 3_6: külig qadašïm 'мои славные сородичи';

17_3: ujar bägimkä adïrïltïm ujar qadašïmqa adïrïltïm ... 'с моим знатным беком я разлучился, с моими знатными родичами я разлучился…';

21_1: qadašïmqa bökmädim 'моими родичами, – я не насладился';

22_4: bägimkä qadašïmqa bökmädim 'моим беком, моими родичами, – я не насладился';

$25_{1,6}$: qunčujïm qadašïm adïrïltïm. ... (6) qanïŋïz joq[l]ajur qadašla[r]ïŋïz qarγanur 'Мои супруги, мои сородичи, – я разлучен (с вами); ... (6) Ваш хан ощущает потерю Вас, а Ваши соратники клянут себя в Вашей (смерти) ';

$42_{3,8}$: qadašïm ärän äŋläjü (8) jüz är qadašïm äsizim-ä biŋ är bodunïm-a äsizim 'мои сородичи-мужи, стеная, справили тризну... (8) Сотни мужей моих сородичей, – о, жаль мне! Тысячи мужей из моего народа, – жаль мне! ';

49_1: äsizim-ä jüz qadašïm-a altï bodunïm-a äsizim-ä adïrïltïm-a 'Как жаль мне, – о, сто моих сородичей, о, мой народ Шести [облас-тей], как жаль мне, – я разлучился (с вами)!';

50_3: tört qadašïm äsiz-ə adïrïldïm-a 'Мои четыре родственника, – о жаль, я разлучился (с вами)!';

51_1: äsizim-ä qadašïm-a äsiz-ä γulanïm-a äbčim-ä adïrïlïm-a 'о, мои сородичи, – о жаль! О, мои сыновья, моя супруга, – я разлучился (с вами)';

65_2: äsizim jüz ïnal qadašïm…'Жаль мне, о сто моих высокородных родичей!';

Türk Dilleri Kütüphanesi

65pl$_3$: jüz qadašïm ... äčim järči bodun... '... о, сто моих родичей, ...мои старшие братья ... народ-проводник (?) ...';

68$_6$: jüz kümül bodunïm-a qadašïm-a adïrïtïm äkünčä 'о, мой народ Ста (племен *или* родов) кюмюлей, мои сородичи, – я разлучился, о горе!';

96$_1$: qadaš äränim: bökmädim 'мои соплеменники воины-мужи, – я не насладился (вами)!';

110$_3$: toquz är tört jüz qadašïm är üč... 'девять мужей-воинов [ради] четырехсот моих соплеменников...';

120$_1$: qalïn qadašïmqa bökmädim äsizä oγlïmqa jotuzïmqa bö{kmädim} 'о, мой народ, печально ! – я не насладился своими многочисленными сородичами'.

«невестки, женская родня»

22. kinim 'мои сродственницы'; *чаще парн.* kinim qadašïm 'мои сродственницы и сородичи': встретилось в 6 енисейских надписях – 3$_1$, 10$_{12}$, 11$_6$, 44$_4$, 45$_7$, 59$_{7-8}$. Среди указанных текстов три – E-3, E-10 и E-11 – относятся к числу первых публикаций енисеики В.В.Радлова (1895), Х.Н.Оркуна (1940) и С.Е.Малова (1952). И везде данное слово читалось и понималось на первых порах неверно, прежде всего из-за ошибочного отождествления второго знака в слове (но не только):

E-3 и E-11: 𐰋𐰼𐰺 : künüm ([Radl.AIM, 306]: Leute "люди, народ"), künim ([Orkun I, 39, 72-73]: kavim "племя, народ"), ([Малов 1952, 16-17]: "подруги" – в составе парного küni qadaš).

E-10: 𐰴𐰋𐰼𐰺 : äki ebimä ([Radl.AIM, 314]: meine beide Häuser "оба моих дома (семьи)"); 𐰴𐰋𐰼𐰺 : kešimä [Orkun I, 179-181], 𐰴𐰋𐰼𐰺 : kešimä [Малов 1952, 25-26] – оба: "колчан".

В опубликованных впервые в 1952 г. памятниках E-44 и E-45 С.Е.Малов оба раза также читал его как 𐰋𐰼𐰺 : künim в паре с qadašïm [Малов 1952; 1959]. Также как künim читал данное слово А.М.Щербак, первый публикатор памятника E-59 [Щербак 1961; 1963].

В действительности, во всех перечисленных случаях на памятниках мы имеем дело с *i*, которое передается обычно руной 𐰺 или, гораздо реже, руной 𐰼. Первую коррективу в чтение данного слова – но только в одном месте: E-44$_4$, – внесло сводное издание тувинских надписей И.А.Батманова и А.Ч.Кунаа ([Батм.–Кунаа ПДПТ I, 56]: kinim "мой потомок"). Несколько позднее в статье А.М.Щербака исправлено чтение этого слова в двух памятниках – № 44 и 45 [Щербак 1961]. Но именно Дж.Клосон, опираясь на фотографии памятников, констатировал факт ошибочности фиксации данного слова с *ü* в надписях E-3, E-44 и E-59 [Cl.EDT, 109].

Теперь, после наших коррекций [Корм.ТЕЭ-I], орфография этого слова, а значит и его фонетико-фонологический облик могут считаться окончательно установленными: 𐰋𐰼𐰺 (E-3$_1$), 𐰋𐰼𐰺 (E-11$_6$), 𐰋𐰼𐰺 (E-44$_4$), 𐰋𐰼𐰺 (E-45$_7$), 𐰋𐰼𐰺 (E-59$_7$), – т.е. с узким неогубленным *i* в первом слоге, а не с

Türk Dilleri Kütüphanesi
огубленным *ӥ*, как думали раньше. В двух случаях kinim имеет необычное написание с особой енисейской руной 𐰃, интерпретированной впервые В.Томсеном в качестве знака для широкого переднего *e*: 𐰴𐰍𐰃𐰏 (E-10_{12}), 𐰴𐰍𐰃𐰏 (E-59_8). Данное начертание встретилось в группе памятников с тамгой типа 𐱅 (№ 10, 59, 100, 147 и 149); именно в этой группе надписей наряду с использованием руны 𐰃 в обычной функции *e*, мы имеем всего несколько, но совершенно недвусмысленных случаев применения 𐰃 для передачи *i* и даже *ӥ*, например, в таких словах, как: 𐰃𐰍𐰃𐰖 : jiti "семь" (E-147_1), 𐰴𐰋𐰍𐰃𐰼𐰼𐰍𐰃𐰋 : täŋritägim "мой небободобный" (E-59_6), 𐰼𐰋𐰃𐰘 : ajïta "о, горестно" (E-59_8), 𐰴𐰃𐰋𐰴 : bägim "мой бек" (E-100_2). Орфографирование слова kinim со знаком 𐰃, для которого альтернация *e~i* выглядит вполне естественной, делает излишними попытки предшествующих исследователей читать здесь другое слово, а именно küni "наложница", объясняя подобную эмендацию близостью знаков 𐰼 и 𐰾.

Дж.Клосон предложил видеть в рассматриваемом слове не *kin*, а *ekin* "посев, хлеба на корню", в переносном значении "потомство", правда, добавлял британский тюрколог, «*kin* или *ekin* – равным образом как термины родства до сих пор неизвестны» [там же]. В предыдущей книге 1997г. я несколько по-иному подошел к трактовке этого слова, указав на следующие обстоятельства. Практически все примеры демонстрируют парное употребление kinim вместе с qadašïm, что говорит не только об их изосемантичности как о терминах родства, но и о лексической взаимодополняемости: qadaš, вероятно, обозначал мужских родственников (первоначально это могли быть родственники обоего пола из рода отца), тогда, по принципу некоторой антонимичности компонентов парных собирательных образований, kin должно было обозначать родственниц женского пола (а первоначально, возможно, родственников обоего пола из рода матери). Контекст надписи E-59, где оба рассматриваемых слова не объединены в пару, а выступают синтаксически самостоятельно, как будто подтверждает "женскую" семантику слова. Т.е. в целом значение слова обрисовывалось как "женщины-родственницы; родственники по материнской линии". Что касается этимологии, то я попытался сопоставить kin "родственницы" с редким в древних текстах словом kin "чрево; женские половые органы" [ДТС, 307], с которым, возможно, связано также общетюрк. "пупок" [Корм. ТЕЭ-I, 195–196].

В докладе на ПИАК-48 в 2005г. в Москве, подтвердив высказанные ранее доводы общего семантического плана, я отказался от предложенного этимологического решения, посчитав возможным объяснить слово kinim в качестве морфонологической разновидности слова kelin, обычной для тувинского языка, поскольку данное слово встречается именно в группе восточнотувинских надписей.

В тувинском языке слоги с узким неогубленным *i*, попадая в середину слова, в обязательномпорядке редуцируются, при этом широкое развитие

Türk Dilleri Kütüphanesi

получают различные, характерные именно для тувинского языка, ассимилятивные процессы, в том числе уподобление *l* и *n*, описанное в «Грамматике тувинского языка»: kelin “невестка” → kenni “его невестка”, kulun “жеребенок” → kunnu “его жеребенок”, kolun “подпруга” → konnu “его подпруга” [Исхаков, Пальмбах 1961, 42]. В кандидатской диссертации Л.С.Кара-оол собраны разнообразные литературные и диалектные дериваты и производные тувинского названия невестки: kelin ~ kerin ~ kernijek ~ kennijek (уменьш.-ласк.) – номинативные, kennim ~ kernim ~ kernijegim – посессивные формы 1-го л. ед.ч. [Кара-оол 2006, 125–126]. В разговорном языке теперь фиксируется опрощенная, без геминации номинативная форма ken. Источники начала прошлого века, согласно Л.С.Кара-оол, дружно давали геминацию: *кинны* (Яковлев), *кенним* (Катанов).

В свете исконной тувинской геминации, интерпретация рассматриваемого рунического слова 𐰴𐰞𐰍𐰍 может быть двоякой: либо за этой записью может скрываться геминированная форма *kinnim, поскольку руническое письмо всегда сокращало морфонологические удвоения; либо – что, на мой взгляд, менее вероятно, здесь могла быть представлена простая негеминированняа форма kinim.

Семантика же слова kinim в свете тувинской версии может быть определена как ‘сродственницы, женщины, принятые в *наш* род по браку’. Со временем жесткое размежевание единокровных родственников и свойственников по браку – характерная примета древнего фратриального устройства семьи – начинает сдвигаться, как показывает пример 59_7, в сторону объединения этих категорий общим словом qadaš.

Примеры:

3_1: kinim qadašïm ajïta adïrïltïm ‘мои сродственницы и мои сородичи, – грустно, я разлучился [с вами]!’;

10_{12}: qadašïm-a kinim-ä adïrïltïm-a ajït-a qara bodunïm-a adïrïltïm ajïta män ‘о, мои сородичи и мои сродственницы, – я разлучен (с вами), о горе! О, мой простой народ, – я разлучен (с тобой), о горе мне!’;

11_6: bodunïm-a kinim-ä qadašïm-a adïrïldïm-a ‘о, мой народ, мои сродственницы и мои сородичи, – я отделился [от вас]’;

44_4: qadašïm kinim-ä ajïta adïrïltïm ‘о, мои сородичи и мои сродственницы, – как грустно, я разлучился (с вами), как жаль мне!’;

45_7: kinim qadašïm äsizim-ä ‘мои сродственницы и мои сородичи, – как жаль мне!’;

59_7: urï qadašïm üč kinim qïz qadašïm üč janšï (8) qalïn qadašïmqa bökmädim ‘мои сородичи мужского потомства, три мои сродственницы–молодые женщины, три наложницы ... (8) Многочисленными сородичами я не насладился, – о горько!’ (*фраза 8-й строки показывает, как в слове* qadaš *обобщаются и мужские, и женские родственники мемориантa*).

Türk Dilleri Kütüphanesi

23. bodun ‘народ’: встречается в 18 надписях. Чаще всего *народ* выступает как адресат сожалений покойного, но также и в отрезках повествовательного плана. Место данного слова в последовательности деплоративных блоков эпитафий после всех одушевленных лиц – членов семьи, государства и хана/бека, сородичей и дружинников, но перед «имуществом», в которое попадали и рабы. И в адресатных, и в повествовательных пассажах текстема *народ* может принимать различные определения: этнические (27_7, 44_4, 45_9, 49_1, 68_6), уточняющего географического или политического характера (5_2, 27_7), социального характера – qara bodun ‘простой народ’ (10_7, 19_3, 32_1).

Слово bodun ‘народ’ рассматривают как дериват формы bod ‘племя’ + -un (~ -ïn ~ -an) с семантикой собирательности-множественности (как в словах ärän, oγlan, в которых однако аффикс считается заимствованным из иранских языков [Кононов 1969, 15-18; Щербак 1977, 88-89; Кононов 1980, 146; Cl.EDT 306]. Уже в самых ранних орхонских памятниках слова bodun и bod употреблялись как разные слова (ДТС, 107).

1_1: äsiz elim-ä qunčujïm-a oγlanïm-a bodunïm-a äsizim-ä ‘жаль, – о, мое государство, моя супруга, мои сыновья, мой народ!’;

5_2: altï oγuš bodunda äŋ jägirmi altï älim qanïma adïrïldïm ‘У народа Шести Племен [я служил с] шестнадцати лет. О, мое государство, мой хан, – я разлучился (с вами)!’;

10_7: qara bodunïm qatïγlanïŋ el törüsü ïdmaŋ ‘мой народ, будь тверд, не отступайся от законов государства!’;

11_6: bodunïm-a kinim-ä qadašïm-a adïrïldïm-a ‘о, мой народ, мои сродственницы и мои сородичи, – я отделился (от вас)’;

19_3: qara bodunïm-a ajïta äsizim-ä ‘о, мой простой народ, – горько, жаль мне!’;

27_7: baγïm bodunïmqa adïrïlt[ïm] ‘с моим народом моего удела я разлучился ...’;

29_1: qunčujïm-a bökmädim-ä [.. bodunï]mqa bökmädim ‘о, моя супруга ..., – я не насладился .... своим народом я не насладился!’;

32_1: qara b[odunïm] qara b[odunïm ... quj(d)a qunčujï]m öz oγlïm : bökmädim ‘мой простой [народ, ... мои супруги в женских покоях], мои родные сыновья, – я не насладился (вами)’

42_8: jüz är qadašïm äsizim-ä biŋ är bodunïm-a äsizim ‘сотни мужей моих сородичей, – о, жаль мне! Тысячи мужей из мое-го народа, – жаль мне!’;

43_2: bodunïm-a oγlïm-a jotuzïm-a (2) adïrïltïm ‘о, мой народ, о, мои сыновья, о, мои жены, – (2) я разлучился’;

44_4: jüz kümül bodunum ajïta ‘мой народ Ста (племен) Кюмюлей, – как печально’;

Türk Dilleri Kütüphanesi

45_9: elim äsiz ärinč jüz kümül bodunum äsiz ärinč ‘мое государство, – как жаль, какое несчастье! Мой народ Ста (родов) Кюмюлей – как жаль, какое несчастье!’;

49_{1-4}: äsizim-ä jüz qadašïm-a altï bodunïm-a äsizim-ä adïrïltïm-a (4) altï bay bodunïm küčligin üčün arqïš äl[t]dim ‘как жаль мне, – о, сто моих сородичей, о, мой народ Шести [областей], как жаль мне, – я разлучился (с вами)! (4) Благодаря могуществу моего народа Шести областей я водил караваны’;

59_1: qaŋïm bodun bägiŋä ... ‘моему отцу, беку народа’;

68_6: jüz kümül bodunïm-a qadašïm-a adïrïtïm äkünčä ‘о, мой народ Ста племен кюмюлей, мои сородичи, – я разлучился, о горе!’;

120_1: alp tarqan bodunïm-a ajïta ‘[я –] отважный тархан ..., о, мой народ, печально !’;

147_5: bodunïma boqunïma bökmädim ajït-a äsizim-ä ‘о, мой народ, мое население, – я не насладился, о горе, о жаль мне!’;

152_4: bodunïma äsizimä ‘о, мой народ, – о, жаль мне!’.

«мужи-воины»

24. är ‘мужчина ~ муж/мужчины ~ мужи, воины, мужи-воины’/ ärän ‘мужи, воины, мужи-воины’: встречается тридцати двух памятниках – 2, 3, 10, 11, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 59, 65, 66, 92, 96, 98, 109, 110, 120, 149. В енисейских надписях *эром* называют мужчину-воина и своей собственной армии или личной гвардии (~ дружины), и воинов противника, с которыми сражались, которых убивали, брали в полон и т.п. О победах над воинами врага говорится обычно в повествовательных пассажах, в плане личной доблести мемориантa, при этом убитые или полоненные враги имеют "точный" счет до единиц. Собственные мужи-воины служат адресатом сожалений покойного по поводу расставания с ними, и эта адресация осуществляется поблизости, в одной группе с *народом*. При этом воины-дружинники иногда имеют определения числительными десятков или сотен – 40, 50, 100, 150, имеющих здесь округленно-приблизительное значение, тогда как счет "обычных" воинов из народа ведется на тысячи (~ около тысячи). Приведем примеры только на указанные виды разграничений.

10_2: jüz ärin älig öküzin tikdi ‘с помощью ста мужей и пятидесяти волов водрузили [этот памятник]’;

25_4: beš qïrq är ölürtim ‘Я убил (в своей жизни) сорок пять воинов (врага)’;

26_{13}: azuqsïz är jüzi biŋ är beŋzi bäglik öz qaltï ‘лицо безупречного мужа-воина [олицетворяет] облик тысячи людей. Бекство осиротело’ (*под "безупречным мужем" здесь имеется в виду мемориант, представитель бекского сословия, который служит примером "тысячам воинов" из народа*);

Türk Dilleri Kütüphanesi
27_6: qadïr jaɣïda otuz är ö[lürtim] ‘в жестоких войнах [я убил] тридцать мужей-воинов [врага]’;

42_8: jüz är qadašïm äsizim-ä biŋ är bodunïm-a äsizim ‘сотни (~ сто) мужей моих сородичей, – о, жаль мне! Тысячи (~ тысяча) мужей из мое-го народа, – жаль мне!’

44_2: täŋri elimkä tusum toquz är ölürtim ‘польза, которую я принес моему божественному государству, – я (лично) убил девять мужей-воинов (врага)’

45_7: jüz elig ärim-ä äsizim-ä ‘сто пятьдесят мужей-воинов моей (дружины), – как жаль мне!’;

48_{11}: toquz älig jašda toquz altmïš är ölürmiš är bašï saŋun ölürti bilgäm ‘за свои сорок девять лет он убил пятьдесят девять мужей-(воинов) [вра га], он убил сангуна – предводителя мужей-(воинов), мой мудрый’;

49_1: äsizim-ä jüz qadašïm-a altï bodunïm-a äsizim-ä adïrïltïm-a ‘как жаль мне, – о, сто моих сородичей, о, мой народ Шести [областей], как жаль мне, – я разлучился (с вами)!’;

96_3: qïrq: ärimä : bökmädim-ä ‘сорока своими мужами(-дружинниками) я не насладился!;

98: qirq ärig qaŋsïz qïldï[ŋïz] ‘сорок мужей-воинов (своей дружины) Вы оставили без отца!’;

$109_{1,3}$: biŋ är : ... (3) ... ilig är ölürdim ärinč ‘тысяча мужей-[моего народа], ... я убил пятьдесят мужа-воинов (врага)’;

110_3: toquz är tört jüz qadašïm är üč... ‘девять мужей-воинов [ради] четырехсот моих соплеменников...’ (конец строки разрушен, но именно по указанным особенностям счета можно высказать предположения о смысловой направленности фразы: 9 мужей – дружинники, 400 – рядовые воины).

Наряду с нюансами счета "своего" *эра*-витязя отличает *доблесть* – его, видимо, основное качество, так что довольно часто характеристикой и подчиненных мемориантy воинов и самого покойного бека является либо ärdäm ‘доблесть’, либо är ärdäm(i) ‘доблесть мужа-воина’.

Например 28_4: ärdäm üčün män ärlädim-ä ‘для доблести я возмужал’;

31_2: ...ïn üčün alpïn üčün ärdämin üčün ‘...во имя его геройства, во имя его доблести’ (alp ‘геройство’ – синоним ärdäm).

109_2: är ärdämim äsizim ‘моя, доблесть мужа-воина, – жаль мне!’

«(другие) фигуранты ~ персонажи»

Среди адресатов сожалений покойного мемориантa спорадически встречаются другие персонажи, прежде всего, неосновные родственники, а также не-родственники, чье упоминание в тексте эпитафии в силу каких-то причин оказалось важным. Все они могут упоминаться и как элементы повествования в связи с жизнью мемориантa, но при этом такое упоминание, как уже неоднократно подчеркивалось, носит прощально-благодарственный оттенок.

Türk Dilleri Kütüphanesi

24. uluγïm kičigim ‘большие–малые, стар и млад’: встречается в двух надписях, как устойчивое речение вскрыто недавно [Корм.ТЕЭ-I, 146–148, 252–254]; непонятно, здесь в большей степени имеется в виду возраст или звания и ранги подчиненных, либо же и то, и другое?

96_3: uluγïmqa kičigimkä bökmädim ‘моими великими и малыми [подданными] я не насладился’;

147_5: uluγïm kičigimä bökmädimä ajït-a ‘моими великими и малыми [подданными] я не насладился’.

25. adaš ‘соратник, товарищ’.

11_9: antlïγ adašïm-a antsïzda ädgü äšim-ä adïrïldïm-a ‘о, мои друзья, связанные клятвой, и мои добрые товарищи, не связанные клятвой, – я разлучился (с вами)!’

26_{11}: altmiš är adašïŋïz ilig är ädgüsiz özïŋiz qïltïŋïz ‘шестьдесят мужей-воинов своих (*букв.* ваших) соратников и пятьдесят мужей (своей дружины) Вы сами сделали безутешными’;

26. qadïn ‘тесть’.

17_2: ujar qadïnïm üčün öldim ajït-a ičim jurčïm ... ‘я погиб ради моего знатного тестя, как грустно! Мои старшие родственники, мои младшие родственники со стороны жены (либо: Мой старший брат-шурин ’.

27. küdägü ‘зять’; 28. kelin ‘невестка’.

3_6: ... oγlan är küdägülärim qïz kälinlärim bökmädim ‘... молодые воины-огланы мои зятья, мои невестки – [всеми вами] я не насладился’.

29. jurč ‘шурин *или* **младшие родственники со стороны жены’.**

17_2: ičim jurčïm ... ‘(я погиб ради моего знатного тестя, как грустно!) Мои старшие родственники, мои младшие родственники со стороны жены (либо: Мой старший брат-шурин’ – о семантике см. выше, с.110–111.

30. tüŋür ‘сваты’.

11_8: jatda tüŋürim-ä adïrïldïm-a ‘о, мои свойственники в дальних краях, – я отделился от вас!’

31. törän ‘свойственники’ – (предположительное толкование семантики в: [Корм.ТЕЭ-I, 38], единств. пример 25_1, без ощутимого контекста).

«имущество, скот, предметы»

32. barïm ‘имущество’. 33. jïlqï ‘скот, (обычно) **лошади’.**

В числе последних прощальных адресатов не в кратких, а в более пространных текстах присутствуют имущество и скот. Часто, но не всегда, указанные слова данных категорий образуют устойчивые парные сочетания, образный характер которых базируется на противопоставленных определениях к ним: **säkiz adaqlïγ barïm** “восьминогое имущество” и **tört adaqlïγ/butluγ jïlqï** ‘четвероногий скот’. Долгое время первое словосочетание понимали как особых, “быстроногих” коней [Мал.ЕПТ, 27], или “упитанный, тучный, скот” (Л.ЮТугушева [ДТС, 494]; ср. также у

Türk Dilleri Kütüphanesi
Э.Р.Тенишева "восьминогий скот" [ДТС, 64]. В нашей предыдущей книге нами предложено новое осмысление словосочетания букв. "восьминогое имущество (не скот!)" как больших восьмистенных переносных юрт кочевников, ухаживающих за скотом феодала, почему оказалось возможным парное сочетание имущество (= юрты) + скот, лошади [Корм.ТЕЭ-I, 275].

3_5: altï biŋ jontïm 'шесть тысяч моих коней';

10_{11}: törttü jïlqïm säkiz adaqlïγ barïmïm buŋïm joq ärdim 'мой скот о четырех (ногах), мое имущество на восьми ногах (юрты) – не было у меня печали (по поводу них)';

11_{10}: säkiz adaqlïγ barïmïγ üčtü jïlqï tükäti bardïm-a 'я покинул (свое) восьминогое имущество (т.е. юрты), весь свой скот трех видов';

42_4: biŋ säkiz adaqlïγ barïmïm bayïšïm-a tärti bökmädïm 'тысячи моих восьминогих владений (юрт), – я всеми не насладился!';

45_8: bïŋ bodraq jont äsizim-ä 'тысяча привольно пасущихся моих коней, – как жаль мне!';

46_3: äldä kišim ägritäbim tört butluγ jïlqïm 'мои наложницы, мои верблюды, мой четвероногий скот';

55_3: üč jüz bodraq jontïmqa bökmädim 'тремястами своими (привольно) пасущимися конями я не насладился!'

96_1: qadaš äränim bökmädïm säkiz adaqlïγ barïmïm [tört]... 'мои соплеменники воины-мужи, – я не насладился (вами)! Мое восьминогое имущество (т.е. юрты), четыре[хногий скот мой – ?]...'.

34. örüŋüm qaram букв. **мое белое – мое черное** *перен.* **юрты и скот.**

11_1: säkiz adaqlïγ barïmïγ üčtü jïlqï tükäti bardïm-a aŋa bökmädïm-ä ajïta örüŋümïg-ä qaramïγ-a azïdïm-a 'я покинул [свое] восьминогое имущество (т.е. юрты), весь свой скот трех видов, и этим я не насладился! Печально, – я перестал видеть мое белое (юрты) и мое черное (скот)'.

35. keš 'колчан'. Как почетное оружие *колчан* встречается в качестве адресата сожалений мемориантa в трех надписях.

3_2: altunlig kešig belimtä bantïm 'свой, украшенный золотом, колчан повязал я на пояс';

10_5: körtlä qan al uruŋu altunlïγ käš ägnin bäldä banïm 'от Кертле-хана положен (мне) на плечо и повязан на пояс алый штандарт (лента) *урунгу* и украшенный золотом колчан';

25_3: altun keš adïrïldïm 'золотой колчан [мой] – я разлучился (с тобой)!'.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ТЕКСТЕМЫ

Важной составной частью эпитафийного текста являются репрезентативные текстемы, в которых происходит представление читателю / слушателю мемориантa, главного объекта и субъекта (!) поминальной надписи. Повествовательные текстемы тоже "представляют" мемориантa,

Türk Dilleri Kütüphanesi

но через его дела, события его жизни. Под репрезентативными же текстемами мы имеем в виду только выражения, идентифицирующие личность мемориантa, т.е. содержащие его собственное имя в широком смысле этого слова – оним. Последнее означает, что собственное имя (оним) может быть составным, содержа не только проприальную часть, но и апеллятивную лексику, которая передает всевозможные титулы, чины и звания, входящие в индивидуальное именование данного исторического лица. В редких случаях в надписях имеет место репрезентация других лиц, связанных с мемориантом родственными или служебными отношениями или событиями установки памятника.

Представление мемориантa и других лиц может осуществляться различными грамматическими конструкциями: в 1-м л.ед.ч., от их собственного имени (авторепрезентация), либо в 3-м лице, т.е. субъектом речи. Представление мемориантa может быть кратким, состоящим из какой-то проприальной части, обычно в сопровождении титула, либо пространным, включающим помимо называния по имени–титулу также перечисления каких-либо чинов, должностей, возраста покойного и т.п. Например:

E-l_2: atïm el toγan tutuq bän täŋri elimkä elčisi ärtim altï baγ bodunqa bägi ärtim ‘мое имя – Эль Тоган-тутук. Для моего божественного государства – я был его послом, для моего народа Шести уделов – я был его бегом’. – Данное именование состоит из должностного чина и/или титула *тутук*, которым обозначался правитель несамостоятельного, зависимого государственного образования (области, княжества) + проприальная часть из двух слов с нарицательной семантикой: el ‘государство’, toγan ‘сокол’, складывающихся, вероятно, в почетное прозвище-имя “сокол государства”.

Во многих текстах, как это видно, в частности, из приведенного примера, рядом с репрезентативными текстемами следуют текстемы повествовательные, сообщающие данные о жизни и деяниях покойного героя надписи. Вкупе, такие репрезентативно-характеризующие пассажи являются в историческом плане наиболее ценной частью содержания эпитафий, поскольку несут в себе крупицы конкретной информации социального, военного и политического характера. Правда, интерпретировать эти данные, соотнести их с привычными, имеющимися в нашем распоряжении, хотя чаще всего далеко не полными сводками хронологических событий, имен предводителей и полководцев, этнических, политических и военных структур и соответствующего им должностного и чинового ранжирования и т.п., оказывается довольно затруднительно. Тем не менее первыми шагами на пути к такой интерпретации могут стать опыты лингвистического анализа относящегося сюда материала, как собственно языкового – лексикологического, морфемного и фонетического, – так и анализа текстологического.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Способы и формулы именования

Способы именования мемориантов в поминальных надписях имеют свою специфику. С.Е.Малов прозорливо указывал: "Собственные имена покойников, возможно, как и у желтых уйгуров, не принято было употреблять, т.е. произносить. Я думаю, что, хотя бы частично, это выполнялось и здесь" [Мал.ЕПТ, 13]. Не желая быть категоричным, С.Е.Малов через несколько строк после приведенной цитаты добавляет: "Есть, конечно, и имена покойников, особенно, например, могу указать памятник 45" [там же]. Как было установлено нашими коррекциями памятника Е-45, то, что представлялось в прежнем чтении как имя собственное Кюмюль, в действительности оказалось этническим наименованием народа, так что словосочетание kümül ögä следует расшифровывать как 'огя (народа) кюмюлей' [Корм.ТЕЭ-I, 219]. И все же, несмотря на эту частную поправку, основное положение С.Е.Малова остается в силе: на личные имена умерших действовало табу. Это заставляет интерпретаторов внимательнее отнестись к применяемым в эпитафиях средствам репрезентации людей, видя в этих средствах сочетание различных семантических составляющих, складывающихся главным образом в описательные *именования*, в которых личное имя, как правило, не было представлено.

Существуют практически две номинативно-назывные модели персональной репрезентации мемориантa, построенные по типам: 1) [Я (мемориант)] *или* [он (мемориант)] – *такой-то* (следует оним); 2) мое (мемориантa) имя – *такое-то* (следует оним). Каждый из типов имеет свои лексико-грамматические варианты.

Конструкция первого типа варьирует по признакам формальной выраженности / невыраженности грамматического лица в предикативном ядре модели и характера грамматического лица – 1 л.ед.ч. (в случае авторепрезентации мемориантa) и 3 л.ед.ч. (в случае представления мемориантa донатором или устроителем памятника).

Модель 1а: "*именование* + bän/ män (предикативно-местоименный показатель)" – основной структурно-семантический вариант конструкции первого типа базируется на авторепрезентации и выраженности 1-го лица в предикате, представлена в 17 надписях: 3, 8, 11, 16, 18, 19, 20, 29, 44, 52, 53, 61, 68, 100, 108, 149, С. Примеры.

3_3: öčin külig tirig bän täŋri elimtä jämlig bän 'Я – Очин Кюлюг Тириг. В моем (хранимом) богом государстве я – *емлиг* (поставщик провианта – ?)'. – Очин – проприальная часть, личное имя или прозвище – не известно, + *кюлиг~кюлюг* 'знаменитый; прославленный' – эпитет к следующему слову-титулу + титул[4] *тириг*'.

---

[4] Общее примечание ко всему разделу: приводимые здесь и далее титулы, должностные наименования, чины и звания подробнее разбираются в разделе «Титулатура».

Türk Dilleri Kütüphanesi

8_3:... jägin bän... ‘Я – ...Йегин (племянник)’ (текст испорчен).

11_1: tör apa ičräki bän ‘Я – *ичрэки* (должностной чин) Тёр-апа’.

16_1: alp uruŋu tutuq bän ‘Я – отважный правитель области (в ранге) бунчужного’. – *Алп* ‘доблестный, отважный’ – эпитет к следующему слову-чину или титулу *урунгу* + другой должностной чин и/или титул *тутук*.

18_4: qut bars ... b[än] ‘Я] – Куг Барс’. – Текст дефектен, возможно, перед местоименным b[än], от которого тоже осталась одна буква, в 3-4 знаках содержался какой-нибудь титул или чин. Проприальная часть читается уверенно: *кут* ‘благодатный, приносящий благодать’, *барс* “тигр”.

19_1: qutluγ čigši bän ‘Я – Кутлуг-чигши’ (= *кутлуг* ‘благословенный’ – эпитет к следующему слову-титулу + должностной чин и/или титул *чигши*).

20_2: külig apa bän ‘Я – Кюлиг-апа’ (= знаменитая + апа – обо-значение и обращение к старшим по возрасту и положению женщинам)’.

29_6 : inanču alp saŋun män ‘Я – Ынанчу Алп Сангун’ (= придворная должность и чин *ынанчу* + *алп* ‘храбрый’ – эпитет к следующему слову-чину + генерал),

44_6: arslan külig tirig oγlï bän külig toγan bän ‘Я – сын Арслан-Кюлюг-Тирига. Я – Кюлюг-Тоган’. – Отец мемориантa имел прозвище-имя *арслан* “лев” + *кюлиг* ‘знаменитый’ – эпитет к следующему слову-чину + должностной чин и/или титул *тириг*. Сын-мемориант называет себя только по имени-прозвищу *тоган* ‘сокол’ с эпитетом *кюлиг*. Однотипная проприальная часть именования отца и сына в виде “льва”, “сокола”, говорит за то, что это были, вероятно, почетные прозвища, которые впоследствии, как во многих языках, пополняли именник. Передвижение эпитета *кюлиг* от титула к имени, а также нахождение его с разными чинами и титулами (см. др. примеры) свидетельствует в пользу его общегонорификационной семантики: ‘знаменитый’, ‘прославленный’ > ‘славный’, типа совр. “уважаемый”, “досточтимый” и т.п. Отсутствие какого-либо должностного статуса у мемориантa-сына может указывать на то, что в момент смерти его отец, скорее всего, был жив; возможно, сын не наследовал (еще !) его должность, не состоял ни на какой другой, а был в дружине отца.

52_1: körtlä saŋun bän ‘Я – Кёртле-сангун’. – Как уже приходилось замечать, körtlä ‘красивый’ вряд ли «применено в нарицательном смысле ‘я – прекрасный генерал’ ..., скорее, это прозвище “Красавец”, которое заменяет имя собственное» (Корм.ТЕЭ-I, 176).

53_3: bäg tarqan ögä tirig bän ‘Я – Бег Тархан Оге Тириг’. – Здесь именование мемориантa состоит из одних титулов: *бег, тархан, оге, тириг*.

61_3: lüj päk otačï bän ‘Я – врачеватель Люй Пек’. – Первые два слова столь специфической фонетической формой напоминают китайское звучание, что заставило нас искать возможные варианты объяснения (Корм.ТЕЭ-I, 140), однако все эти объяснения повисают в воздухе из-за сомнений в идентификации первых трех знаков, которые выбиты недостаточно четко, а также из-за возможности вариантного чтения ot(a)čï~ otčï.

68_3: qara bars ïnanču čigšïbän ‘Я Кара Барс (с титулами) *ынанчу и чигши*’. – Прориальная часть *Кара Барс* представляет собой имя-прозвище, где *барс* – “тигр”, а *кара* – скорее, не в цветовом значении “черный”, а в значении “сильный”.

100_1: bäšgäk jägüg bäg oγlï bän ‘Я – сын Бешгек Йегюк-бека’. – На памятнике из всей строки, содержащей именование отца мемориантa, неуверенно идентифицируются три знака как раз из прориальной части: bäš[gäk j]ägüg (Корм.Теэ-I, 248). Если все же это чтение верно, тогда, исходя из допущения: bäšgäk < bäšik ‘колыбель’ +(g)äk, – эта часть может быть воспринята как прозвище.

108_{3-4}: begen tägpäg ujar bän älig qod... kün čökbä oγlï kütü atïm tikildim... ‘Я – благородный (человек), достигший бегского (достоинства). [Я] – сын Кюн Чёкбе, мое имя – Кётю, мне поставили памятник. – Идентификация приведенных знаков не вполне достоверна.

149_1: toŋa külig tarqan bäg m[^{a}n] ‘Я – Тонга Кюлюг-тархан-бек’. – В нарицательном смысле *тонга* “леопард”, это тоже из серии имен-прозвищ, наподобие “льва”, “сокола”.

C_{2-3}: qïrqïz oγlï män bojla qutluγ jarγan män qutluγ baγa tarqan ögä bujruqï män ‘Я – сын кыркызов. Я – благородный благословенный судья. Я – министр благословенного правителя-тархана’. – Мемориант суджинской надписи начинает авторепрезентацию со своей этнической принадлежности, что заставляет предполагать о его нахождении в иноэтничной среде. Далее он дважды аттестуется по занимаемым должностям как *ярган* и *буйрук* (см. ниже).

Модель 1б: примерно в равной пропорции к случаям (1а) – в 12 надписях (5, 6, 7, 14, 17, 23, 26, 46, 55, 70, 73, 152) именования мемориантов вводятся в текст без помощи каких-либо формальных средств, исключительно позиционно, причем, поскольку соседние с именованием фразы составлены от 1-го л.ед.ч., то здесь явно подразумевается авторепрезентация мемориантa (в отличие от случаев 1в), т.е. мы имеем близкий к разговорному стилю эллипсис местоименно-предикативного показателя bän/män (что в переводе целесообразно восполнить в скобках соотвествующими словами: [я –] ... *такой-то*). Примеры.

5_2: öz jigän alp turan ... adïrïldïm ‘[Я] – Оз Йиген Алп Туран. ... я разлучился’. – Возможно, первые два слова в составном ониме мемориантa отражают его родственное отношение к вышестоящему лицу: öz jigän ‘родной племянник’.

6_1: küni tirig üč jašïmda qaŋsïz boldïm ‘[Я –] Кюни-тириг. В три года я осталась/остался без отца’.

7_1: baj opa saŋun oγlï külüg čor buŋusuz ulγat[t]ïm ‘[Я –] сын Бай Опасангуна, Кюлюг-чор. Я вырос беспечальным’. –

14_{1-2}: elči čor küč bars ... bökmädim ‘[Я –] Эльчи чор Кюч Барс. ... я не насладился’.

Türk Dilleri Kütüphanesi

17_1: tüz baj küč bars külig ... öldim '[Я –] Тюз Бай Кюч Барс Кюлиг. Я погиб ...'.

23_2: ač to... isig ïnal ... bökmädim '[Я –] Ач То... Исиг Ынал, ... я не насладился!'.

26_1: il ögäsi ïnanču bilgä irig öltim 'правитель государства, доверенный мудрый ириг, я умер'. –

46_2: ägünä tutuq ... älimä tapdïm '[Я –] Эгюнэ-тутук. ... я служил моему государству!'.

55_1: qočγar töläs tirig ... adïrïltïm-a '[Я -] *тириг* Кочгар-тёлес ... я разлучился ...'. – *Кочгар* 'баран-производитель' – вероятно имя-прозвище из серии *арслан*, *тоган* и т.п. *Тёлес* – известное этническое имя народа – аналог прозвища по национальному признаку.

70_1: külig čigši uruŋu čigši '[Я –] Кюлиг-чигши, урунгу-чигши'. –

73_1: čabïš oγuš beniŋ bitigim ... '[Я] – Чабыш Огуш, [это] – моя надпись';

152_2: änlig čor ïnanču alp tarqan atačïma adïrïldïmïz '[Я –] Энлиг-чор, ынанчу и могучий тархан'.

Модель 1в. Всего в двух надписях – 28, 31 (обе из Хакасии) – не окказиональное, а смысловое, грамматически оправданное отсутствие местоименно-предикативного показателя bän/män, поскольку конкретно в этих текстах имеет место не авторепрезентация, а представление мемориантa третьим лицом – устроителем памятника, что понятно из анализа контекста:

28_2: atsar alp ärtiŋizin utsar küč ärtiŋizin älig bört opa bars adïrïlïm ajïtu 'Вы были разящим стрелком [на охоте] и сильным (богатырем), побеждающим [в единоборстве]! Элиг Бёрт Опа Барс – о разлука, о горе!'. – Тот, кто восхваляет доблести покойного в битвах и на охоте, называя его на *Вы*, тот и представляет мемориантa в своем обращении к нему по именам и прозваниям. В лучшем случае здесь могла бы быть вежливая форма 2-го л.мн.ч., но не обычная для канона эпитафий форма авторепрезентации, т.е. 1 л.ед.ч. Далее, после именования, в деплоративном глаголе, по аналогичной причине, видимо, нарочито смазана личная форма: представлено сокращение adïrïlïm (о сокращенных написаниях см.: Корм.ТЕЭ-I, 82), внешне похожее на имя действия.

31_1: uz bilgä čaŋšï '[Это – памятник] Уз Бильге Чангшы'. – Далее в тексте, имеющем лакуны, все же хорошо понятны личные формы 3-го л.ед.ч.: alpïn üčün ärdämin üčün ... tikdi "во имя его геройства, его доблести памятник установили'; ... üč qata tägzinti 'трижды (герой надписи) уходил и возвращался (в свою страну)', är iki oγlïn birlä ölti 'муж-воин погиб со своими двумя сыновьями'.

В следующих двух текстах представление мемориантa происходит через факт посвящения ему данного памятника донатором, т.е. также очевидно 3 л. ед.ч.:

30_2: čabïš ton tarqan bäŋüsi tikä bärtim '(во славу его) я водрузил (этот) вечный памятник Чабыш Тон-тархана'.

34 qaš är taš ‘камень воина-мужа Каша/Акыла’.

В трех однотипных и из одной местности в Туве памятниках: Е-4, Е-54, Е-64 (Оттук-Даш I-III), – текст ограничивается лишь именованием, без грамматических показателей; в отсутствии контекста непонятно: выбитое имя есть акт авторепрезентации или репрезентации. Возможно, что подобная неопределенность входила в намерения писавших.

4: küč qïjaγan ičräki ‘*ичрэки* (должностной чин) Кюч Кыяган’. – Прописальная часть – Кюч Кыяган носит апеллятивный характер, что можно интерпретировать как “не отступающий перед силой”.

54: jüč ïnal uruŋu saŋun ‘благородный Йюч, урунгу-сангун’. – Первое слово, видимо, прописальная часть данного составного онима, третье и четвертое – титулы, должностные чины и звания, а второе, возможно, – слово общегонорификационной семантики: благородный, благородного происхождения.

64: jükiŋ tirig ‘*тириг* Юкинг’. –

Конструкция второго типа персональной репрезентации мемориата основана на том, что именование вводится в текст функционально-синтаксической скрепой atïm ‘мое имя’, при которой именование выполняет формальную роль предиката: “мое имя – есть ... (*такое-то именование*)”. Вариации данной конструкции связаны с наличием / отсутствием различных определений к слову atïm и наличием/отсутствием показателя предикативности.

Модель 2а: содержит формульное выражение är atïm ... “моё имя мужа-воина[5], мое ратное имя” + ... (*именование*); местоименно-предикативный показатель 1л.ед.ч. bän/ män (в отличие от 2б) отсутствует, чисто грамматически он здесь и не требуется. Представлена в 8 надписях – 40, 42, 50, 59, 65, 66, 92, 109, 154:

40 är atïm anar atač ‘мое имя мужа-воина – Анар Атач’;

42_2 är atïm öz toγdï ‘мое имя мужа-воина – Оз тогды’;

59_1: är atïm külig yägän ‘мое имя мужа-воина – Кюлиг йеген’;

65_1 är atïm qarsï ärd… ‘мое имя мужа-воина – Карши ...’;

66_3 är atïm baγïr ... ‘мое имя мужа-воина – Багыр ...’ – Отнесение примера из Е-66 в данную рубрику условно, т.к. дальнейший текст утрачен.

92_1 bäg saŋun är atïm ‘мое имя мужа-воина – Бег-сангун (= бек-генерал)’. –

109_2: är atïm ... ‘мое имя мужа-воина ...’. – Само именование не прочитывается.

154_3: är atïm jäliz ‘мое имя мужа-воина – Йелиз’.

---

[5] В переводах С.Е.Малова применялось словосочетание “мое геройское имя”, что, по сути, правильно; в слове “геройское” излишня суперквалификативная сема; поэтому все же лучше остановиться на предлагаемых нами вариантах: “мое имя мужа-воина”, “мое ратное имя”.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Еще в одной надписи – Е-45, формульная часть выступает в виде грамматического синонима: ärtä atïm (пример см. в 2г).

Модель 2б. Представляет собой синтактико-морфологическое развитие модели 2а: "är atïm + *именование* + bän/ män (предикативно-местоименный показатель)". В предложении "моё ратное имя ... (*таково*)" предикативность семантически и формально завязана на 3 л.ед.ч., 1 л. здесь грамматически некорректно. Наличие такой "некорректной" конструкции можно, на наш взгляд, объяснить своеобразной контаминацией двух основных типов репрезентативной конструкции в енисейских памятниках: 2а + 1а (= 2б). Модель 2б реализована всего в четырех относительно поздних надписях (2, 41, 49, 51):

2_5: är atïm qïsaqliq bän 'мое имя мужа-воина – Кысаклык'.

41_3: är atïm jola bän 'мое имя мужа-воина – Юла'.

49_2: är atïm qalïqtïq ïnal ögä bän 'мое имя мужа-воина – Калыктык Ынаоге';

51_1: är atïm kök tirig bän 'мое имя мужа-воина – Кёк-тириг'.

Модель 2в: "atïm + *именование* + bän/ män (предикативно-местоименный показатель)", реализована всего в одной надписи – Е-1:

1_2: atïm el toγan tutuq bän 'мое имя – Эль Тоган-тутук' (расширенное цитирование примера см. в начале раздела).

Сопоставление данного текста с текстом Е-50 (см. ниже) показывает,что модель 2в не является производной от 2б, поскольку они семантически разноплановы:

Модель 2г. Уточнения текстов старых надписей и вновь открытые тексты позволили выявить дополнительные категории именования мемориантов, построенные по тем же структурным схемам – 2а-2б-2в, т.е. на основе скрепы atïm 'мое имя' с иными определениями к этому слову. Согласно текстам двух надписей у мемориантa было "юношеское" имя, перед тем как он получил свое "взрослое" именование сановника того или иного ранга:

45_1: oγlan atïm čubuč ïnal ärtä atïm kümül ögä 'мое юношеское имя – Чубуч-ынал, мое ратное имя – огя (народа) кюмюлей'.

147_3: oγlan atïm järlig čor ... töläs alp tarqan atïmqa bökmädim 'мое юношеское имя – Йерлиг-чор. ... своим титулом доблестного тархана тёлесов я не насладился!'.

Еще в одной надписи, Е-50, текст которой нам удалось существенно подкорректировать (Корм.ТЕЭ-I, 276-277), оказались представленными три категории именования мемориантa:

$50_{2\text{-}5}$: kökmüš tutuq ärdäm üčün särdim ... abïčγa är atïm bägdäki atïm etrük bän '[Я] – *тутук* [народа] *Кёкмюшей*. Мое имя мужа-воина Старик, мое бегское имя Этрюк'. – Можно думать, что "правитель-тутук Кёкмюшей" – последнее и главное именование мемориантa, так сказать, "потолок" его служебной карьеры, в начале которой он носил имя-прозвище мужа-воина, после чего он продвинулся в беги и сменил прозвище Старик на имя Этрюк.

Türk Dil Kurumu Arşivi

Главное именование выступает без какой-либо формальной скрепы, однако исходя из логики скреп для двух других именований: är atïm – bägdäki atïm, – для kökmüš tutuq подходит наиболее общая, без уточняющих определений скрепа atïm, опущенная здесь по стилистическим соображениям.

Соотношение обнаруженных в текстах формульных скреп таково, что только oγlan atïm контрадикторно противостоит всем "взрослым" именованиям, тогда как противопоставления среди последних: är atïm – bägdäki atïm – atïm, – носят свободный характер.

В тексте E-50 как будто можно почуствовать неодинаковость терминов atïm и är atïm, поскольку в E-50 atïm приняло определение bägdäki, четко разводящее эти два термина. К первому именованию мемориантa в E-50 – kökmüš tutuq, – тоже могла бы быть применена скрепа atïm.

Из сказанного вытекает, что для лиц правящего общественного слоя применялось по меньшей мере четыре категории персонального именования: юношеское имя (oγlan at), имя взрослого мужчины-воина (ратное имя – är at), бекское имя (так сказать, рядового бека) и однотипное с ним, но выше рангом именование высоких и высших сановников. Каждое из них могло состоять из проприальной и титульно-должностной части. Проприальная часть, как представляется, в большинстве случаев была не именем собственным, на которые после смерти людей соблюдались табу, но разного рода прозвища, почетные и уважительные, снабжавшиеся по этой причине гонорификативными определениями-приложениями.

В состав текстем репрезентации могут входить четыре типа блоков: личного именования (собственно проприальная часть имени), титулования, именования по отцу или указания на иного родственника, указания на возраст. Чины и титулы в надписях органично сливаются с личными именами, входя в них составной частью персонального именования на правах гонорификаторов. С другой стороны, в личном именовании нередко принимают участие и этнонимы. В целом же, личные именования, как мемориантов, так и связанных с ними других лиц, представляют собой своеобразную амальгаму проприальных и апеллятивных компонентов, расслоение которых надежно провести достаточно трудно.

Каждая из названных скреп может быть редуцирована, вплоть до полного обнуления, так что модель может принять следующий вид: б) atïm ... bän; в) ... bän; г) ... . Отличие второй модели (б) от первой (а), возможно, не вопрос обычного сокращения, допустимо думать, что он носит, по крайней мере в некоторых случаях, терминологический характер: är – муж-воин, тот, кто сам непосредственно принимает участие в сражениях, битвах; отсутствие такого приложения-определителя к слову "имя", возможно, указывало на то, что соотвествующее сановное лицо не участвовало или, просто, не прославилось участием в рукопашных схватках с врагом. Еще большую степенью нейтрализации противопоставления терминов är at / at может потенциально нести модель (в).

Türk Dilleri Kütüphanesi

В последней модели (г), когда только называется имя (нередко с сопутствующими словами), отсутствие местоименного bän сдвигает конструкцию на положение третьего лица, делая возможным ее восприятие как представление мемориантa пишущим. Впрочем, и здесь, как и в предыдущем случае, при переходе от модели (а) к моделям (б, в), возможна нарочитая стилистическая неопределенность, позволяющая воспринимать не оформленное по первому лицу имя и как акт авторепрезентации.

Титулатура

В составе имен персонажей енисейских надписей во многих случаях содержится титульная часть: одно или несколько названий должностей, званий и собственно титулов. Среди них есть как общеизвестные названия, проходящие в различных древнетюркских памятниках – орхонских, уйгурописьменных и т.д., так и слова, в этой функции встречающиеся только в данных надписях. Отсутствие каких-либо данных из внешних источников, а также бедность собственного контекста делают определение значений данного типа слов, их реального денотативного содержания делом весьма проблематичным, так что исследователям иногда приходится ограничиваться констатацией самого поверхностного и приблизительного характера. Многие вопросы вызывают здесь практический интерес: какова соотнесенность слов данной группы между собой по ступеням служебной лестницы, т.е. подчиненность и соподчиненность должностных лиц, сфера ответственности и объем полномочий каждого должностного лица и т.д. и т.п.

Этимологический анализ титулярных терминов, данные исторических источников помогают вскрывать их исконные, первичные значения. Но необходимо помнить, что во многих случаях такие слова отрывались от своего первоначального функционального смысла и переходили на положение титулов, почетных званий, уже не связанных или не всегда, неполностью связанных с отправлением установленных для такого звания функциями.

В енисейских надписях нами зафиксировано около двух десятков слов данной функциональной группы. Не для всех из них можно доказать наличие терминологического значения титула.

1. qan ‘хан, правитель суверенного государственного образования’ – все примеры из енисеики с описанием выполняемых этим словом коммуникативных задач приведены выше, в разделе «Текстемы адресации», рубрика 11, см. с.276–281.

2. bäg ‘вождь рода или племени, родоплеменной предводитель, бек, князь’ – аналогичным образом анализ употреблений термина на основе представленных примеров из енисейских текстов также даны выше, с.281–284.

3. ögä – один из высших сановников государства: **‘первый министр (премьер-министр, канцлер)’**: встречается в 6-7 памятниках, как на территории Тувы, так и Хакасии.

Türk Dil Kurumu Kütüphanesi

Слово ögä попало в поле зрения Махмуда Кашгари, он дал его достаточно подробное семантическое толкование: «ögä прозвище того, кто является умным, зрелым и опытным в [различных] делах, [вышедшим] из народа и [стоящим] на степень ниже *тегина*» [DLT 57]. В другом месте Кашгари привел это же слово в качестве примера на отглагольное словообразование: ö- ‘обдумывать, осмысливать (что-л.)’ + афф. -gä > ögä – как выразился Кашгари, “звание, которое дается очень умному [человеку]” [DLT 9]. Таким образом, Кашгари, во-первых, показывает бесспорно тюркский характер слова ögä, во-вторых, он четко указывает на его высокую иерархичность вслед за власть предержащими – беком или ханом и принцем-*тегином*, т.е. получается что-то вроде первого или главного министра. Все исследователи енисейских текстов проходили мимо данных Махмуда Кашгари о термине ögä, оставаляя его вне конкретной интерпретации, хотя титульный характер слова был установлен, ср. в Древнетюркском словаре: «ögä ... 1) мудрый, мудрец ...; 2) титул: (*с примерами из С, Е-49 и уйгурских документов*)» [ДТС, 379].

С приведенными данными совпадает другой источник, на который обратил мое внимание О.А.Мудрак: это сходно звучащий термин в описании М.И.Воробьевой-Десятовской индийского по этническому признаку государства Крорайна в Восточном Туркестане (в оазисах вдоль южного края пустыни Такла-Макан и вокруг озера Лобнор), документы которого относятся главным образом к III–IV вв. н.э. «Высший пост в крорайнской администрации занимал *ogu*. По фонетическому составу слово не индийское, происхождение его неясно. Сближение его с новоперс. aǧa (поздний термин, проникший из турецкого языка не раньше XIV–XV вв.), инд. agha «господин, хозяин, повелитель» или с тиб. «дядя, брат отца» (предложено Ф.Томасом) представляется нам неприемлемым» [Воробьева-Десятовская 1992, 95].

В обязанности *огу* входили «доклады князю по различным административным делам, в том числе по сбору налогов. От *огу* исходили приказы ... о начале сбора налогов и недоимок за прошлый год ... . *Огу* исполняли также судебные функции» [там же].

Приведем примеры из енисейских эпитафий.

13_2: elči ögäm tapdïm ‘я служил моему Оге-правителю, посланцу [центральной власти]’;

26_1: il ögäsi ïnanču bilgä irig öltim ‘первый министр государства, доверенный мудрый *ириг*, я умер’;

$45_{1,3}$: [är]tä atïm kümül ögä (3) otuz jašïm[ɣ]a ögä boltum qïrq jïl (4) el tut[t]um ‘мое мужское имя – Огя (народа) кюмюлей. ... в тридцать лет я стал первым миристром. Сорок лет (4) я держал государство’;

49_2: är atïm qalïqtïq (?) ïnal ögä bän ‘мое имя (и звание) мужа-воина: я – Калыктык Ынал-оге’;

Türk Dilleri Kütüphanesi

53_3: bäg tarqan ögä tirig bän äsiz älim qanïma bökmädim ‘я – Бег Тархан Оге Тириг. Жаль, – о, моя страна, мой хан!’;

59_1 qaŋïm bodun bägiŋä ög[ä...] ? ‘моему отцу, беку народа,[я служил в должности] первого министра-*оге*’ (нет стопроцентной уверенности в том, что ög в данном случае – сохранившаяся часть слова ögä, а не слова ög ‘мать’, которое в этой надписи появляется ниже, в строке 9; присутствие в контексте слова qaŋ ‘отец’ подкрепляет версию с *матерью*);

100_2: qaŋïm ögä bägim qazγanmïš ‘мой отец, огя-бек, приобрєтший ...’.

4. jabgu – титул верховного правителя алтайских тюрков. В енисейских текстах встретилось один раз:

110_2: täŋri älim altaj jabγu qunčujïm oγlanïm äsizim-ä ‘мое божественное государство, ябгу Алтая, моя супруга, мои сыновья, – о, жаль мне!’.

Как отмечено в Древнетюркском словаре, jabγu – титул верховного правителя у западных тюрков [ДТС, 222]; данные Е-110 в ДТС тогда не могли быть учтены, словосочетание altaj jabγu выявлено нами гораздо позднее [Корм.ТЕЭ-I, 268]. Пока, опираясь на орхонские источники и характер приведенного енисейского текста, можем определенно сказать, что термин *ябгу* для древнекыркызских надписей не является автохтонным, здесь ему соответствует *оге*, см. предшествующую рубрику.

5. čad – предположительно, фонетическая разновидность широкоизвестного по орхонским памятникам должностного звания и титула šad, который был на 4-й или 5-й ступени в иерархии чинов и который давался членам правящего дома. В енисейских памятниках встречается единственный раз, в тексте, судя по всему, достаточно рядового, хотя и богатого феодала, без намека на высокопоставленность мемориата:

42_4: sanγur čad bitidim biŋ säkiz adaqlïγ barïmïm baγïšïm-a tärti bökmädim ‘[Это] писал я, шад Сангур. Тысячи моих восьминогих владений (юрт), – я всеми не насладился!’.

6. čor – один из высших титулов, который не являлся должностным званием и принадлежал знатным молодым людям до занятия ими какого-либо высокого поста. Как будто бы термин *чор* не очень свойствен политической системе собственно тюрков, но характерен для западных тюрков и кыркызов. В енисейских текстах зафиксирован в шести надписях:

7_1 baj opa saŋun oγlï külüg čor ‘[я –] сын Бай Опа-сангуна, [мое имя] – Кюлюг-чор’;

14_1: elči čor küč bars ‘[я –] Эльчи-чор Кюч Барс’;

32_3: il čor iliŋä q··· ärdämin üčün joqaldï ‘государству Иль-чоров... он погиб во имя своей доблести!’;

43_4 är ärdämim üčün süg är bäg čor birlä ‘ради моей доблести мужа-воина [я сразился] с целым войском Бег-Чора’;

147_3: oγlan atïm järlig čor ... töläs alp tarqan atïmqa bökmädim ‘мое юношеское имя – Йерлиг-чор ... Своим титулом доблестного тархана тёлесов я не насладился!’;

Türk Dilleri Kütüphanesi

152_2: änlig čor ïnanču alp tarqan atačïma adïrdïmïz äsisim '[Я –] Энлиг-чор. О, мой старший дядя *ынанчу* и могучий *тархан*, – мы разлучились, о, жаль мне!'.

В Е-147 прямо говорится о том, что умерший *тархан* народа Тёлес в отрочестве носил титул *чор*. В Е-152 мемориант-*чор* прощается с дедушкой или старшим дядей, что, конечно, говорит о его молодости. В Е-7 мемориант-*чор* упоминает своего высокопоставленного отца, что, возможно, говорит о смерти сына при жизни отца, почему мемориант оставался *чором*, хотя имел свою собственную семью.

7. tutuq – должность наместника области или края с иноэтничным населением, назначаемого центральным правительством из членов правящего дома или близких к династии людей; одновременно это и служебный ранг. Слово встречается в семи надписях:

1_2: atïm el toγan tutuq bän 'мое имя – Эль Тоган-тутук';

6_2: külüg tutuq išim kiši qïldï 'Кюлюг-тутук сделал [меня] своей женой (~своим доверенным человеком)';

16_1: alp uruŋu tutuq bän 'я – отважный правитель области (в ранге) бунчужного';

25_2: kü čäküŋ tutuq '[я] – знаменитый Чекюнг-тутук';

46_2: ägünä tutuq '[я –] Эгюне-тутук';

48_{7-8}: töläs bilgä tutuq bäg ... (8) töläs alp tutuq išiŋä bökmädi jäg tärkän äsiz (10) qanïnta kü tutuq atqa tägmiš bägim (12)... atčï alp tutuq joq (13) qušladačï bilgä tutuq joq 'бек тёлесов, мудрый *тутук* ... (8) ... делами отважного *тутука* тёлесов он не насладился. (10) ... он достиг на ханской (службе) славного титула *тутук*. (12)... того, кто мог их подстрелить (на охоте) – отважного *тутука*, – нет! (13)... того, кто мог охотиться на них с ловчей птицей – мудрого *тутука*, – нет' (автор надписи – сын мемориантa, обращается к покойному отцу как к *тутуку*, характеризуя его также словом tärkän 'правитель области'; из строки 10 понятно,что этот человек находился на службе у хана, где дослужился до должности и титула тутук);

50_2: kökmüš tutuq 'тутук (народа) Кёкмюш';

92_{1-2}: bäg saŋun är atïm ... (2) saŋun tutuq bän ... 'Мое имя (и звание) мужа-воина – бек-генерал ... (3) Я, генерал и правитель области (генерал-губернатор) ...'.

8. ičräki / ičräk – название придворной должности, встречается в четырех енисейских памятниках: 4, 11, 37, 41. В орхонских памятниках 8 в., а также в древнеуйгурских текстах 9-10 вв. слово ičräki еще употребляется в своем прямом адъективном значении 'внутренний' (от наречия ičrä 'внутри'): anta ičräki bodun qop maŋa körür ($КТ_{55}$ =$БК_{59}$) 'все народы, живущие там внутри (этих пределов), подчиняются мне' (см. еще [ДТС, 202]). Однако уже в древнеуйгурское время у этого слова вполне проявляется и специфическое, явно терминологическое значение: "внутренний чин" [Мал.ЕПТ, 20], "«внутренний» служащий двора, придворный": ordu qarši

Türk Dilleri Kütüphanesi

ičintäki ïnančlarïn ičräkilärin küzätkäli ‘чтобы охранять находящихся во дворце доверенных лиц и придворных’ [ДТС, 202]. Контекст этого, единственного примера на данное слово в “Сутре золотого блеска” – парность с другим подобным термином ïnanč, присутствие однокорневого с ičräki адъектива ičintäki, и падежно-притяжательная грамматическая форма, – подчеркивают отчетливо субстантивный характер ičräki.

В енисейских памятниках до настоящей публикации слово ičräki фиксировалось в трех надписях, везде в идентифицирующих синтагмах при именах собственных “я – такой-то”, однако в разной фонетической форме – с глухим и звонким гуттуральным, которые уже В.В.Радловым были интерпретированы как морфологически разные случаи:

küč qïjaγan ičräki (E-4) ‘я – внутренний (чин) Кюч Кыяган’ [AIM, 307];

tör apa ičräki bän (11_1) ‘я – Тёр-апа, ичреки (внутренний чин)’ [AIM, 315];

bän qara qan icrägi (37_1) ‘я – внутренний чин Кара-хана’ [AIM, 344].

Иными словами, в первых двух примерах *ичреки* – это прямая номинативная форма слова: "Я, [по имени] Кюч-Кыяган//Тёр-Апа, [в звании/чине] *ичреки*"). Это соответствует разъяснениям В.В.Радлова в словарной части его книги: ičräki < ičrä+ki, в значении "какого-то чина или звания") [AIM, 359], что он, а за ним С.Е.Малов и Х.Н.Оркун переводили словами ‘внутренний (чин)’, нем. Innere, тур. içdeki – *букв.* ‘внутренний’.

В примере из E-37 Радлов придал аналогичному словосочетанию притяжательный характер. Факт допускаемого в этом случае переосмысления конечного i как афф. принадл. 3 л. и морфологического переразложения слова (ičrä+ki > ičräk+i), в котором k, оказавшись в конце слова, получает возможность озвончаться, удостоверяется формой ičräk, встретившейся единственный раз в «Кутадгу билиг» (бейт 617). Правда, ее толкование здесь вызвало разногласия. Турецкий издатель воспринял ičräk как форму компаратива на -rek от iç ‘внутренний; *перен.* близкий’ [Arat 1979a, 185]. Из этого же понимания исходил и русский переводчик С.Н.Иванов[6]. Однако А.М.Щербак в ДТС истолковал указанное слово в КБ как форму, соотносительную с ičräki ~ ičrägi, правда не в терминологическом значении должности определенного ранга, а в более общем смысле ‘придворный’ [ДТС, 202] (подробнее см.: [Корм.ТЕЭ-I, 127]).

Изменения в интерпретации отдельных частей памятника E-41, представленное в настоящей работе выше (с.41–58), выявили еще один случай применения данного термина: äl ičrägiŋä ägidmišim (41_8) ‘я воспитывался, чтобы стать *ичреком* государства’. Окончание -ŋä манифестирует сочетание местоименного n + датив -gä, что указывает на притяжательный характер i в определительном словосочетание äl ičrägi. Этот последний пример серьезно укрепляет намеченную Радловым версию о морфологической перестройке слова.

---

[6] *Юсуф Баласагуни*. Благодатное знание. Л., 1990. С.110.

Türk Dil Kurumu

В том же памятнике Е-41 и в той же строке теперь прочтено еще одно предложение, которое позволяет понять денотативное содержание слова *ичрек*: qanta är sañmaq nä ärgäj У хана считать мужей, – кто будет! Из этого с очевидностью вытекает, что данное должностное лицо было ответственно за одну из важнейших внутренних функций государственного механизма – комплектование армии.

9. čigši 'особоуполномоченный' – созвучно кит. tz'ü shih и потому считается тюркской адаптацией китайского слова, означающего по-китайски "чиновное лицо в администрации округов" (Дж.Клосон со ссылкой на словарь Джилса [Cl.EDT, 417]). Согласно разъяснениям Е.И.Кычанова, *чжиши* – посыльные, чиновники, делегируемые из центра на места с каким-либо поручением [Кычанов 1998, 179]. В енисейских памятниках čigši встречается в четырех надписях – 13, 19, 68, 70[7]:

13_4: qaŋïm isig bilgä čigši qanïŋa tapdïm 'я служил хану моего отца, [моего отца по имени] Исиг Билге-чигши';

19_1: qutluɣ čigši bän 'я – благословенный особоуполномоченный-*чигши*'.

68_3: qara bars ïnanču čigši bän 'Я Кара Барс, (с титулами) *ынанчу и чигши*, – грустно, как жаль!';

70_1: külig čigši uruŋu čigši '[Я –] знаменитый *чигши*, *урунгу–чигши* ... '.

10. čaŋšï 'чиновник по учету' – согласно справке Дж.Клосона со ссылкой на словарь Джилса, caŋšï – заимствование из китайского: *ch'ang shih* 'летописец, анналист', применявшееся у тюрков в качестве титула [EDT, 426]. Думается, высокий ранг этой должности[8] придавал ей особый статус: предполагаю, что это были "летописцы" налоговых недоимок, долгов прежде всего крупных феодалов. Встретилось только в двух енисейских текстах с территории Хакасии в составе имен собственных:

31_1: uz bilgä caŋšï '[это – памятник] Уз Бильге Чангшы';

37_3: čaŋšï bän 'я – чиновник-*чангшы*'.

11. saŋun 'генерал'. Широко распространенное в древних тюркских языках китайское заимствование с устойчивой семантикой, встретилось в восьми енисейских памятниках: 7_1, 12_1, 29_5, 32_2, 48_{11}, $52_{1,3}$, 54, $92_{1,2}$, – из них в большинстве случаев в составе имен мемориантов, в Е-7 – в составе имени отца мемориантa, а в Е-48 – в числе убитых мемориантом врагов.

12. tarqan 'сборщик налогов, *тархан*'. Также широко распространенное в древних тюркских языках слово и с неизменной семантикой ответственного представителя фискальной службы; можно предположить, что в отличие от *чангшы*, *тарханы* имели дело с массой рядовых налогоплательщиков. Слово встретилось в семи надписях: 30,2; 32,2; 53,3; 120,1; 147,3;

---

[7] А также в наскальной надписи на Хая-Ужу, Тува, не вошедшей в наши книги ТЕЭ-I и II.

[8] Согласно данным Е.И.Кычанова, *чангши* были на 4-й ступени иерархии высших чинов государства – после канцлера, тутуков и чигши, и перед генералами (5-я ступень) и тарханами (6-я ступень) [Кычанов 1997, 124].

Türk Dilleri Kütüphanesi

149,1; 152,2, – во всех случаях в составе многокомпонентных имен мемориантов.

13. tärkän ‘правитель области, края’. Данное слово не фигурировало ранее в списке титульных терминов, применяемых в енисейских эпитафиях, но оно зафиксировано в памятниках караханидской эпохи – “Кутадгу билиг” и “Диване" Махмуда Кашгари: ‘титул, даваемый правителю области’ [ДТС, 554]. Встретилось в двух енисейских надписях:

10_6: uruŋu külig toq bögü tärkän-ä qaŋïm bäg ärdäm üčün birlä bardï Мой отец-бек, который был *урунгу,* славным, обильным и мудрым правителем области, тоже покинул (этот мир) из-за доблести.

52_2: bögü tärkän är ärdämimdä ‘мудрый правитель области – в моей доблести мужа-воина!’.

14. uruŋu – название должности военного характера и звания по должности, военный ранг. В енисейских памятниках слово uruŋu зафиксировано в пяти надписях в качестве названия должностного чина, из них в трех надписях (Е-10_6, Е-16 и Е-54) оно входит титульным компонентом в состав собственных имен, а в надписях Е-32 и Е-70 это слово не носит формульного характера, хотя определенно характеризует служебное отличие мемориантов; к последнему типу словоупотребления близок случай в Е-10_5, который разбирается отдельно ниже. Связано этимологическими отношениями со слав. *хоугвь* ‘знамя, стяг’ и *хорунжий* ‘командир эскадрона конницы’ [Фасмер IV, 268–269]. Последнее указывает на примерный ранг тюркского термина: капитан ~ майор и до полковника (учитывая первоначальное отсутствие ранга подполковник), если речь идет об отдельном эскадроне личной дружины хана или бека (см. пример 32_{12}). Необходимо учитывать, что численность дружины колебалась (в зависимости от реальных возможностей хана или бека) от 30 до 150 человек.

10_6: uruŋu külig toq bögü tärkän-ä qaŋïm bäg ärdäm üčün birlä bardï ‘мой отец-бек, который был *урунгу,* славным, обильным и мудрым правителем области, тоже покинул (этот мир) из-за доблести’;

16_1: alp uruŋu tutuq bän ‘я – отважный правитель области, военачальник (в ранге) *урунгу* (бунчужного)’;

32_{12}: uruŋusï ärtim ïnancu ärtim ‘я был у него (своего младшего дяди) воинским начальником *урунгу*, я был доверенным (советником)’.

54: jüč ïnal uruŋu saŋun ‘[я –] Юч-ынал, воинский начальник *урунгу*, генерал’.

70_1: külig čigši uruŋu čigši ilimkä [Я –] знаменитый *чигши*, *чигши* (в ранге) воинского начальника *урунгу*.

Только в составе имен собственных это слово 13 раз встретилось в древнеуйгурском документе руническим письмом на бумаге из Восточного Туркестана (Миран), опубликованном В.Томсеном и относящимся ко времени не ранее конца IX в., т.е. приблизительно близкого по времени енисейским текстам. Однако слово бытовало и в более ранних древнеуйгурских

Türk Dilleri Kütüphanesi
текстах. Оно не встречается позже среднекыпчакского периода, из словарей которого мы и узнаем его апеллятивное значение “знамя, флаг, военный штандарт”, которые представлены и в монгольских заимствованиях этого слова – *оронго* и т.п. [Мал.ЕПТ, 28; ДТС, 615–616; Cl.EDT, 236]. Дж.Клосон этимологизировал его как «имя от глагола urun- в смысле ‘установить, выставить *что-л.*’» [Cl.EDT, там же]. Однако в примере из “Золотого блеска” (X в.), на который указал С.Е.Малов, вместо “военного значка (флага)” данное слово употреблено, если взять контекст пошире, в значении какого-то вида оружия или орудия охоты:

qaltï jämä arslan qanï kejikler baštïŋï ärür täg iligiŋizdä tutjuq siz oq ja qïlïč uruŋu baltu vačir čaqïr ulatï oruq jämä birkärü ..körgäli säviglig körküŋiz ol ‘как красивы вы все, когда преследуете льва или же лань, держа в руках лук и стрелы, меч или *пику*, топор, секиру или веревку’ (Suv $496_{6\text{-}11}$).

Семантизация *урунгу* как “пики” предлагается нами на основании очень схожего по перечислению оружия древнеуйгурского текста, где qïlïč “меч” составил пару с süŋü ‘копье’ (TT V по: [ДТС, 631]), а однотипна с копьем именно пика – разновидность длинного облегченного копья. Второй фактор: пика не была метательным оружием, как копье, но только колющим, и всегда оставалась в руках всадника. Возможно, формант рефлексива -un в форме ur-un-gu отражает данную семантическую особенность этого оружия: "для себя" ~ остающегося у себя. Глагольный корень ur- ~ vur- в тюркских языках наряду со значением ‘класть, помещать, располагать’, принятым во внимание Дж.Клосоном для этимологизации uruŋu как «нечто выставленное (в виде знака)», в качестве основного имеет все-таки значение ‘бить, ударять (*кулаком или орудием, оружием*)’ и близкие к нему семантические линии в целом ряде древних и современных диалектов: ‘бросать, кидать’, ‘стрелять, подстрелить’, ‘попадать в цель’, ‘отшвыривать с силой’, ‘разбивать, рубить’ [ЭСТЯ I, 599–600]. В целом, семантическая реконструкция ur-un-gu получается в виде “оружие, предназначенное для битья, разбивания, попадания в неприятеля с оставлением орудия у себя”.

Поскольку пика постоянно находилась при воине, к ней обычно прикреплялся небольшой флажок, служивший различительным значком подразделения, отсюда естественный метонимический перенос: *урунгу* ‘пика (с флажком-знаком подразделения)’ → ‘воин подразделения с данным отличительным знаком’ → ‘подразделение’ → ‘командир подразделения’. Правдободобность такого семантического перехода подтверждается формой в древнеуйгурских буддийских текстах: uruŋut ‘воинский командир’, – в которой показатель множ.ч. -t подкрепил в слове собирательную семантику "подразделения". Для uruŋu в енисейских текстах (или uruŋut – в древнеуйгурских) в значении ‘воинский командир’ был возможен различный характер подразделений (в том числе речь может идти о дружине, гвардии при первых лицах; ср также ‘командир демонов’ в буддийских текстах), различная численность, а отсюда и различный ранг их командиров (говоря по-

Türk Dilleri Kütüphanesi
современному: от лейтенанта до полковника), что и показывают приводимые ниже употребления этого слова в енисейских текстах, входящие в состав именований лиц различного положения – *тутука*, *ынанчу*, *сангуна*, *чигши*. Как видно из этих примеров, *урунгу* в них всегда обозначает лицо, персону мемориантa. Но вот пример из Е-10_5 сохраняет живое свидетельство метонимического перехода "знак отличия" → "должностной чин/титул получившего это отличие":

10_5: körtlä qan al uruŋu altunlïγ käš ägnin jütim bäldä banïm toquz säkizon jašïm 'От Кертле-хана положен (мне) на плечо алый штандарт (лента?) *урунгу* и повязан на пояс украшенный золотом колчан. Мой возраст – семьдесят девять лет'. – Если правильно предлагаемое прочтение, то в данном тексте излагаются редкие подробности о том, что от имени хана (видимо, в данном случае – не хан лично) мемориантy положили на плечо *алый урунгу*. Прилагательное цвета при *урунгу* указывает на то, что это был материальный (а не виртуально-словесный) символ, знак данного отличия. Из следующей строки этого же текста, процитированной выше (Е-10_6), выходит, что и отец мемориантa тоже был *урунгу*, т.е. как многие звания и должности, *урунгу* как должность перешло по наследству. Однако возведение в данный чин тоже имело место.

15. jarγan – название должности в судебной системе. Глагольное имя со значением постоянного или повторяющегося действия на -γan от глагола jar- 'рассекать, раскалывать'; один из древнеуйгурских текстов в недвусмысленном контексте дает этому слову значение 'палач' (ДТС, 240; Cl.EDT, 963). Данное слово в собственно енисейских памятниках не встречается, но единственный раз фиксируется в особом во многих отношениях древнекыркызском тексте – надписи из Суджи (Монголия), которая среди прочего характеризуется принадлежностью мемориантa манихейской религии. К палачам, как и убийцам, в манихеизме резко отрицательное отношение, поэтому вряд ли должность суджинского мемориантa, чиновника очень высокого ранга (см. об этом подробнее выше, с.75–81) соответствовала этимологическому значению слова, скорее, как предположил Дж.Клосон [Cl.EDT, 962], он был судьей.

C_2: qïrqïz oγlï män bojla qutluγ jarγan män 'я – сын кыркызов. Я – благородный судья'.

16. ïnančï ~ ïnančᴜ 'доверенное (лицо)'. Несмотря на то, что данное слово (исходная форма ïnanč, последнее ï в ïnančï – результат опрощения посессивного показателя; ïnančï > ïnančᴜ) квалифицируется единодушно как титул [ДТС, 218–219; Cl.EDT, 187], похоже все же, что это не титул или звание, но постоянный эпитет человека, носящего какие-то другие звания: "доверенный, ближний" (ср. рус. *ближний* в *ближние бояре* – не звание!).

25_5: el ïnančï ... '[мое звание] – доверенный государственный [муж] ...';

26_1: il ögäsi ïnančᴜ bilgä irig '[я,] правитель государства, доверенный мудрый *ириг*';

Türk Dilleri Kütüphanesi

29_5: ilimdä tört tägzindim ärdämim üčün ïnanču alp saŋun [män] ‘из своего эля я четырежды уходил (и возвращался), ради моей доблести, я – Ынанчу - Алп Сангун’;

32_{12}: uruŋusï ärtim ïnanču ärtim ‘я был у него штандарто(носцем), я был доверенным (советником)’;

68_3: qara bars ïnanču čigši bän ajïta äsiz-ä я – [из клана] Кара-Барсов, доверенный чигши, о, горе, о, жаль!

KT_{53}: qïrqïz qaɣanta tarduš ïnanču čor kelti ‘от кыркызского кагана пришел тардушский доверенный чор’.

Последний пример из более раннего (на сто или более лет) источника, чем собственно древнекыркызские енисейские эпитафии, но относящийся именно к кыркызам и показывающий наличие у них тех же титульных терминов. На церемонию в честь принца тюрков был послан человек одинакового ранга, возглавлявший союзных в то время кыркызам тардушей, но термином *ынанчу* подчеркнута его близость к кагану.

17. ïnal ‘высокородный, благородный’. В некоторых своих употреблениях, особенно в составе именования, близко к терминологическому значению титула, но в в других имеет явно общегонорификативный характер. Отмечено в пяти надписях:

23_2: ač to... isig ïnal elimkä bägimkä bökmädim ‘[Я –] Ач То... Исиг Ынал, моим государством, моим беком – я не насладился!’. Похоже, что здесь *ынал*, находясь после имени собственного, соханившегося лишь в начальных буквах, представляет собой титул.

42_1: ärdäm üčün ïnalïŋïn öntim ‘во имя доблести я выступил (?) с твоим правителем’;

49_2: är atïm qalïqtïq ïnal ögä bän ‘мое имя (и звание) мужа-воина: я – Калыктык высокородный оге’;

54: jüč ïnal uruŋu saŋun ‘Юч-ынал, урунгу, сангун’ *или*: [я ~ это, здесь –] Юч, благородный *урунгу* и генерал’;

65_2: äsizim jüz ïnal qadašïm ‘жаль мне, о сто моих высокородных сородичей!...’.

18. tirig ~ tärig – никто и никогда не фиксировал в данной форме значения, кроме обычного адъективного ‘живой’ и конверсива от него – ‘жизнь’ [ДТС, 562; CL.EDT, 543]. Дж.Клосон в иллюстрациях на это слово из древнекыркызского привел лишь один пример, ДТС – ни одного, между тем сейчас мы располагаем 9 случаями встречаемости данного слова в 8 памятниках. Из них 5 написаний с i в первом слоге – 𐰚𐰼𐰴𐰃 : tir(i)g, 4 написания – без i, т.е. 𐰚𐰼𐰃, которое следует читать с широким передним гласным как t(ä)r(i)g. Колебание в написании отметил еще С.Е.Малов [Мал.ПМК, 104], опираясь на которое Э.В.Севортян заключил: “корневое -е-, которое отмечает С.Е.Малов ..., встречается также в сюг. и койб. и должно быть, вероятно, древним” [ЭСТЯ III, 240]. Форма относится к слою древнейших общетюркских отглагольных производных на -ig (типа *kičig ‘маленький’, sarïɣ

Türk Dilleri Kütüphanesi

‘желтый’ и т.д.) в данном случае – от *tir-; этот исходный глагол в современных диалектах не сохранился, есть лишь производные, типа tiril- ‘жить’; ‘оживать’.

Первым ученым, кто усомнился в семантизации енисейской формы tir(i)g ~ t(ä)r(i)g как “живой” был С.Е.Малов, поставивший у этого слова в Е-52 знак вопроса. Рассмотрим собранные примеры.

3_3: öčin külig tirig bän täŋri elimtä jämlig bän ‘я – Очин Кюлюг Тириг (= Очин [имя или прозвище] + знаменитый + . В моем (хранимом) богом государстве я – *емлиг* (поставщик провианта – ?)’;

6_1: küni tirig ‘[мое имя] – Кюни Тириг’;

44_6: arslan külig tirig oγlï bän ‘Я – сын Арслан-Кюлюг-Тирига’;

51_1: är atïm kök tirig bän ‘мое имя мужа-воина – Кёк Тириг’;

53_3: bäg tarqan ögä tirig bän ‘я – Бег Тархан Оге Тириг’;

55_1: qočγar töläs tirig ‘[я] – *тириг* Кочгар-телес’;

64: jükiŋ tirig ‘Юкинг-тириг’;

98_{3-4}: ... azïγlïγ toŋuz täg tirig bäg äsizim (4) ...alïč(?) bars tirig bägim ajït-a ‘(при взятии земель[сильного] уйгурского хана) Вы, Тириг-бек, [были] словно клыкастый вепрь, – о, жаль мне! (4) ...мой бег Алыч(?) Барс Тириг, – как грустно!’.

Обращает на себя внимание нахождение этого слова в позициях, когда оно должно выступать как субстантив. С другой стороны, конечная позиция слова tirig в группе слов именования какого-либо лица не допускает его проприального характера (собственное имя может находиться только впереди), но должно пониматься как некое обобщенное именование (титул, звание, должность и т.п.). Сочетаемость же tirig с разнокалиберными титульными словами заставляет присмотреться к нему как возможному почетному наименованию конфессионального порядка.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЕМЫ

Во фрагментах эпитафийного текста, относящихся к повествованиям о жизни мемориантa, наиболее значимыми темами являются две: ратные свершения поминаемого героя и его успехи в охоте. В военном деле показателями доблести служит число либо убитых врагов, либо полоненных.

“убить врага на войне”

1. ölür- ‘убить (врага)’. Судя по ранжированию в некоторых текстах выражений, связанных с военными успехами мемориантов, главным показателем здесь было число убитых врагов. Конкретная цифра служила гарантией того, что это было сделано мемориантом лично, а выражения “на войне, в сражении”, “в суровой войне/в суровых войнах, сражениях” еще

Türk Dilleri Kütüphanesi
больше удостоверяют личную доблесть. Это не было простым убийством (как это вытекает из буквального значения фразы – "я убил столько-то мужей"), но происходило обоюдное сражение, в котором и победитель рисковал жизнью.

25,4: beš qïrq är ölürtim … 'Я убил тридцать пять врагов';

27_6: qadïr jaɣïda otuz är ö[lürtim]... 'В жестоких войнах я убил 30 мужей-воинов (врага)';

42_5: jätmiš jašïma öltim jätmiš är ölürdim 'Я погиб на 70-м году жизни Я убил 70 мужей-воинов (врага)';

44_2: qa[dïr] jaɣïda jaɣïčï bän täzig kejikdä alp bän täŋri elimkä tusum toquz är ölürtim 'я – тот, кто всегда сражался в жестоких войнах, на проворных ланей я – меткий стрелок. Польза, которую я принес моему божественному государству, – я (лично) убил девять мужей-воинов (врага)';

48_{11} toquz älig jašda toquz altmïš är ölürmiš är bašï saŋun ölürti bilgäm jïta 'За свои сорок девять лет он убил пятьдесят девять мужей-воинов';

49_3 är ärdämim eki elig tusum jaɣïda otuz ärig ölürdim äsni 'моя доблесть мужа-воина (в том, что) мой (общий) вклад – сорок два [захваченных в плен – ?], из врагов [на поле битвы] я убил три-дцать мужей';

98_6 [jägirmi äki är] ölürtim kök böri qara as buɣu ölürtim 'я убил 22 воина врага. Я убивал синих (серых) волков, черных соболей (?), оленей'.

Основной смысл последнего примера совершенно прозрачен: в ней два пассажа, посвященных соответственно воинской доблести – убийству определенного числа врагов, и отличиям в охоте. Оба эти качества недвусмысленно подчеркиваются в ряде эпитафий, например в E-48, E-28 и др. Оба пассажа, составляющие данную строку, текстологически, действительно, тяготеют к концу эпитафий, достаточно сравнить с концовкой текста E-11, строки 9–10, где сначала говорится о военной добыче, а затем об убийстве волка (волков).

109_2: är ärdämim äsizim (3) är ärdämi toquz oɣdamdam ilig är ölürdim ärinč '[ради] доблести мужа-воина, [во имя] Девяти огдамдамов я убил пятьдесят мужа-воинов (врага)'.

"взять в плен врага, захватить добычу на войне"

Взятие пленных и захват добычи отчетливо эксплицированы в ряде текстов как дело доблести и отваги, принесшие мемориянту славу и удовлетворение свершенным.

2. qazɣan- 'захватывать добычу' / qazɣaq 'добыча'. В понятие добычи входили как люди – рабы, рабыни, так и материальные ценности – золото, серебро, верблюды, один из правителей с гордостью отметил, что он привозил ловчих птиц для охоты. Если мы правильно интерпретируем несколько ущербный в данном месте текст E-100, то в "добычу" могли входить и вои-

Türk Dilleri Kütüphanesi
ны-дружинники, что может указывать на достаточно раннее возникновения гулямства.

3_5: täŋri elimkä qazγaqïm ‘то, что я добыл для моего (хранимого) богом государства, – мои сыновья’;

11_3: bäš jägirmi jašïmda tabγač qanγa bardïm-a är ärdämim üčün alpun altun kümüšig ägritäbä eldä kiši qazγandïm-a ‘с пятнадцати лет я ходил на табгачского хана. Благодаря моей доблести мужа-воина отвагой добывал я золото и серебро, верблюдов, наложниц’;

26_3: iliŋiz üčün qazγanu ögirär ajït-a äsiz ‘Вы радовались Вашим завоеваниям, совершаемым ради Вашего ... (славного –?) государства’;

26_6: barïra buŋsïz ärti qara lačïn tägürtim ‘... ходили походами. Это было беспечальное время. Я привозил черных кречетов!’;

98_1: är buŋajun qazγandïŋïz ‘доблестные мужи печалятся. Вы (много) добыли, но не насладились’;

100_2: elim oγrïŋa tözüm qazγanmïšïm qaŋïm ögä bägim qazγanmïš qïrq ujar... qadaš atmadïm Все, что я приобретал – [все это] ради моего государства. Я не бросил ... сорок благородных сородичей, тех что приобрел [еще] мой отец, огя-бек.

3. tusu ‘польза’. Встретилось в двух надписях: 44_2 и 49_3 (примеры приведены выше, в рубрике 1). Определение значения этого существительного во втором примере несколько противоречиво: это и убийство врага, и взятие в полон. Если фраза со словом tusum в E-44 предельно ясна: täŋri elimkä tusum toquz är ölürtim ‘божественному государству польза, принесенная мной: я убил девять мужей’, то в E-49 убитые воины врага имеют отдельный счет от того, что названо "пользой". Однако, смысл фразы представляется в следующем виде: мемориант хочет сказать (resp. от его имени хотят сказать), что его доблесть измерена количественно по двум параметрам – сорок два – "польза", тридцать – убитыми. Я совершенно условно предлагаю считать пока, до получения каких-либо новых – подтверждающих или опровергающих – материалов, что речь идет о захвате в плен людей с целью выкупа и продажи; отсутствие в первой синтагме слова är ‘муж, мужчина’ должно привести к мысли, что объектом этого традиционного для средних веков промысла были не только "мужи-воины", но и женщины

4. asïγ ‘польза’. Это слово встречается в древнеуйгурских текстах, в том числе в парном сочетании asïγ tusu ‘прибыль, польза’, что и позволило нам увидеть в asïγ применительно к военному делу некий особый смысл, хотя испорченный контекст в надписи, где единственный раз встретилось это слово, не дает определенности для его значения:

59_5: el äri üčün üč asïγ är t... ради (знатных) мужей страны [я захватил] трех мужей на предмет выкупа.

5. sür- ‘угнать (пленных)’.

10_8: čibiligdä bir tägimdä säkiz är sürdim ‘я взял в плен (угнал) восемь мужей (воинов противника)’.

Türk Dilleri Kütüphanesi

6. qadïr jaγï ‘суровая война’. Сложилось как устойчивое выражение:

19_1: qadïr jaγïda – эта синтагма после имени мемориантa в данной надписи представляет собой эллиптическое предложение: “в суровой войне (я участвовал и погиб)”;

27_6 qadïr jaγïda otuz är ö[lürtim]...‘в жестоких войнах я убил 30 мужей-воинов (врага)’. Перевод Радлова и Малова ‘в суровой войне’ – должен быть признан правильным, несмотря на то, что в [ДТС, 224] зафиксировано только одно значение jaγï ‘враг’; значение ‘война’ хорошо удостоверяется современными языками: хак., тув. *чаа* ‘война’; алт. *ja* ~ *jaa* ‘сражение, война; неприятель’ [Верб., 183].

“охота”

Во многих текстах мемориант высказывается об охоте как о любимом деле, горюет по поводу расставнии с охотой. Подробным и поэтичным оказалось расставание с охотой правителя союза племен тёлесов (Е-48).

11_4: jäti böri ölürdim-ä barsïγ kökmäkig ölürmädim-ä ‘я убил семь волков, а барсов и кекмеков я не убивал’;

41_7: abda gäjik atmaq nä ärgäj ‘На облавной охоте стрелять ланей, – кто будет!’;

$48_{12\text{-}13}$: ič jär äliki artzun atčï alp tutuq joq j^{1}uk qadïŋ äliki azman atïγöküzat joq ajïta toγdaj turñazï artzun qušladačï bilgä tutuq joq artzun alp kögšin oluru qaltï ‘пусть множатся косули внутренних земель: того, кто мог их подстрелить (на охоте) – отважного тутука, – нет! ... Пусть множатся журавли Тогудая: того, кто мог охотиться на них с ловчей птицей – мудрого тутука, – нет, пусть множатся! Отважный кравчий остался (один)’.

98_6: [jägirmi äki är] ölürtim kök böri qara as buγu ölürtim ‘я убивал сивых волков, черных соболей, оленей’.

Этнонимика

Этнические названия очень редки в енисейских надписях, что можно объяснить "внутренней" направленностью их текстов, в отличие от орхонских, в которых отношения тюрков с другими народами занимают значительное место. Этнонимы встречаются в составе именований мемориантов и означают как этническую принадлежность ("национальность") мемориантa, так и, во многих случаях, его место, сферу службы в качестве представителя центральной власти при том или ином этносе.

1. qïrqïz. Очевидно, что это слово было экзоэтнонимом, применявшимся другими народами по отношению к народу и государству, существовавшему с V-VI по X-XI вв. с центром на территории современной Хакасии. Поэтому в собственно енисейских надписях этот термин никогда не встреча-

Türk Dilleri Kütüphanesi

ется. Он отмечен в единственной надписи из Суджи, Монголия, установленной на коренных землях уйгуров, вероятно, вскоре после их завоевания кыркызами в середине IX в., в которой мемориант нарочито, обращаясь к покоренному народу, называет себя понятным для них словом:

C_2: qïrqïz oγlï män bojla qutluγ jaryan (3) män qutluγ baγa tarqan ögä bujruqï män 'Я – сын кыркызов. Я – благородный судья.(3) Я – министр благородного канцлера-тархана'.

2. töläs. Название народа, известное еще из орхонских надписей, согласно которым тёлесы вместе с тардушами были важной составной частью эля древних тюрков, будучи в них несобственно тюркским, но близким этническим компонентом. Судя по имеющимся фиксациям этого термина, в IX-X вв., тёлесы были на территориях нынешних Хакасии и Тувы и входили в состав кыркызского государства, от которого имели назначенных высшего ранга управленцев (см. особенно примеры 48_{7-8} и 147_3):

48_{7-8}: töläs bilgä tutuq bäg ... töläs alp tutuq išiŋä bökmädi 'бек тёлесов, мудрый тутук ... делами отважного тутука тёлесов он не насладился';

55_1: qočγar töläs tirig '[Я] – *тириг* Кочгар-телес.'

147_3: töläs alp tarqan atïmqa bökmädim 'своим титулом доблестного тархана тёлесов я не насладился!'.

3. kümül ~ kömül. Этноним, недавно выскрывшийся в трех надписях из Восточной части древней Тувы с однотипной тамгой ᛉ и представляющий собой, вероятно, название племенного союза, ставшего на какое-то время руководящей силой в государстве древних кыркызов.

44_4: qadašïm kinim-ä ajïta adïrïltïm äsizim-ä jüz kümül bodunum ajïta 'о, мои сородичи и мои сродственницы, – как грустно, я разлучился (с вами), как жаль мне! Мой народ Ста (племен) Кюмюлей, – как печально!';

$45_{1,9-10}$: oγlan atïm čubuč ïnal [är]tä atïm kümül ögä elim äsiz ärinč jüz kümül bodunum äsiz ärinč az kümülüg üküš boltï (10) jabïzïγ kümülimin bädük qïltïm äsiz bökmä[dim] 'Мое юношеское имя – Чубуч-ынал, мое мужское имя – Огя (народа) кюмюлей. (9) Мое государство, – как жаль, какое несчастье! Мой народ Ста (родов) Кюмюлей – как жаль, какое несчастье! Мало(численные) кюмюли стали многочисленными, (10) моих ничтожных кюмюлей я сделал великими, – как жаль мне, я не насладился!';

68_6: jüz kümül bodunïm-a qadašïm-a adïrïltïm äkünčä 'Как жаль мне, – о, мой народ Ста племен (~ родов) кюмюлей, мои сородичи, – я разлучился, о горе!'.

4. toquz oγdamdam. Загадочное этническое наименование, недавно вскрывшееся в четырех енисейских эпитафиях; в трех из них – с тамгами типа ᛊ, представленными в памятниках из северной части Тувы.

51_2: elim qanïm äsizim-ä är ärdämi toquz oγdamdama järim äsiz-ä 'о, моя страна, мой хан, – о, жаль мне! Доблесть мужа-воина, моя (родная) земля [народа] Девяти огдамдамов, – о жаль!';

70_3: oγdamdam toquz jär[im qara]... 'девять земель моих огдамдамских ...'

Türk Dil Kurumu

109_3: är ärdämi toqus oγdamdam ėligä ärinč ‘[Ради] доблести мужа-воина, [во имя] Девяти огдамдамов я убил пятьдесят мужа-воинов (врага), – о несчастье (моя смерть)!’;

110_1: är ärdämi toquz oγdamdam järim äsizim-ä ‘доблесть мужа-воина, моя земля Девяти огдамдамов, – о, жаль мне!’.

5. toquz tabduz. Очевидный этноним, недавно прочитанный в таком виде в надписи E-5 из восточной части Тувы, – памятнике, введенном в науку еще В.В.Радловым. Какие-либо дополнительные сведения по данному слову отсутствуют:

5_1: toquz tabduz ‘(объединение) Девяти (племен ~ родов табдузов)’.

6. kökmüš. Этноним, вскрытый в таком качестве в недавнее время [Корм.ТЕЭ-I, 278-279], а в надписи E-26 – только в этой книге (см. выше, с.20). Каких-либо дополнительных сведений о *кёкмюшах* пока привести невозможно.

26_{16}: äsiz köz süsi on kara kökmüši är ärdiŋiz ïčγïntïm ‘О, жаль, – любимое войско, Десять (племен) народа Кёкмюш, вы были мужами-воинами, – я лишился (вас)!’;

50_2: kökmüš tutuq ärdäm üčün särdim adïrïldïm-a ‘тутук кекмюшей, я ради доблести претерпел (2а) и разлучился (с этим миром)’.

7. türgiš. Термин для названия западных тюрков и их государства, известный из орхонских памятников. Отмечен в единственной енисейской надписи (37_3) в перечне лиц, присутствовавших на поминальной церемонии, вероятно в качестве иностранного гостя.

8. jabaqu. Как и предыдущий термин, присутствует в той же надписи (37_2) в том же контексте – как обозначение иностранного представителя на церемонии. Однако в отличие от тюргешей, ябаку несколько раз упоминаются в Словаре Махмуда Кашгари – XI в., что по времени значительно отстоит от эпохи существования государства тюргешей (по начало VIII в.).

Топонимика

В енисейских надписях мы встречаемся с названиями для местностей на территориях древней Хакасии и Тувы. Часть из этих названий мы опознаем в современных топонимах этих регионов, однако другая их часть, не имея никакого отклика в живых языках хакасов и тувинцев, проходится признать несохранившимися.

ägük qatun 3_4 – р.Уюк (приток Бий-Хема, одного из двух истоков Енисея);

čäblig 10_8 – совр. Шивилиг, в Туве; на это название могут претендовать две одноименных местности в Туве;

kürsi jam 45_6 – несохранившееся название какой-то части Тувы; по местоположению памятника – где-то в правобережье Верхнего Енисея;

soŋa: altun soŋa jïš 28_9 ‘золотая Сонгайская чернь’ – приабаканская долина в Хакасии, *золотая* – здесь эпитет, как вытекает из упоминания топони-

Türk Dilleri Kütüphanesi

ма soŋa jïš в надписи в честь Кюль-тегина; предполагают, что soŋa сохранилось в названии р.Сона, в Хакасии;

toɣdaj 48_{13} – несохранившееся название какой-то части Хакасии.

Редко, но все же приводятся названия зарубежных стран в связи с походами мемориантов:

tüpüt 29_8 – общетюркское название Тибета, тибетских народов;

bäš il 152_2 – Пять государств, предполагаем, что это могло быть обиходным названием Восточного Туркестана.

Ряд важных топонимов территории древней Тувы и Хакасии фиксируется в орхонских памятниках:

Aq-Tärmäl – р.Хемчик.

Kögmän jïš – Западный Саян.

Örpän – тув. Үрбүн [Наделяев 1986, 58], местность вблизи впадения р.Чаа-Холь в Енисей

ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЕМЫ

Ввиду краткости подавляющего большинства енисейских эпитафий, обращения мемориантов-беков к членам семьи и народу с призывами и увещеваниями достаточно редки, подобные фразы вставлены только в наиболее пространные надписи:

10_7: qara bodunïm qatïɣlanïŋ el törüsü ïdmaŋ ajït-a äsiz älim qanïm ‘мой народ, будь тверд, не отступайся от законов государства! О горе, жаль – мое государство, мой хан!’;

11_2: üč oɣlïm-a adïrïldïm-a ajïta bökmädim-ä qatïɣlanɣïl ‘о, три моих сына, – я отделился (от вас), как грустно – я не насладился (вами), крепитесь, (сыновья)!’;

C_9: oɣlanïm ärdä marïmïnča bol qanqa tap qatïɣlan ‘мои сыновья! (Когда станете) мужами-воинами, будьте как мой наставник, служите хану, мужайтесь!’.

а

ab охота
abda 41,*7*
abɣa 41,*4*
abïčɣa *и.собств.* 50,*4*
ač (?) 23,*2*
ačda (?) 2,*4*
ačïɣa о, горько! 25,*1*; 32,*13*; 48,*8,10*; 98,*2*
ačuq *и.собств.* 27,*1*
adaq ноги
adaqlïɣ 10,*11*; 11,*10*; 42,*4*; 48,*1*; 96,*1*
adaš товарищ
adašïm-a 11,*9*
adašïŋïz 26,*11*
adïr- разлучать; отделять
adïrdïm 32,*13*
adïrtï 28,*8*
adïrïl- разлучаться, отделяться; быть разлученным, отделенным (*говорит тот, кто уходит*)
adïrïldïm 5,*2, 3*; 6,*4*; 7,*4*; 22,*1*; 25,*2,3*; 44,*5*
adïrïldïm-a 11,*1,2,4,6,8,9*; 28,*5*; 50,*2a,3*
adïrïldïmïz 25,*7*; 152,*2*
adïrïldïŋïz 98,*2*
adïrïlïm 28,*2*
adïrïlïm-a 28,*3*; 51,*1*
adïrïltïm 3,*1,4*; 8,*2*; 10,*12*; 17,*3*; 25,*1*; 27,*3*; 43,*2,2a*; 44,*2a,4*; 65/*пл,1*; 68,*2,6*
adïrïltïm-a 10,*1,3,4,12*; 42,*6*; 49,*1*; 55,*2*; 120,*2*
adïrïltïmïz 42,*2*
adïrïlu 28,*9*
– см. с.256–257
adïrïn- разлучаться, отделяться (*говорит тот, от кого уходят*)
adïrïndïm-a 32,*10,11*
aɣ промежность
aɣïmɣa 41,*9*
aj луна 8,*1*; 10,*3*; 11,*1*; 12,*3*; 28,*4*; 29,*6*; 42,*7*; 44,*3*; 92,*1*; 147,*4*; 149,*3*
aj čor *и.собств.* Дрв$_{1,4}$
ajïta грустно!
ajït-a 26,*3*
[a]jïta (ajïta-?) 3,*1,2,6*; 10,*1,3,4,7,9, 10,12*; 11,*1,2,5,10*; 17,*2*; 19,*3*; 22,*2*; 27,*9*; 28,*3,5,8,9*; 32,*1,13*; 43,*2*; 44,*1,3,4*; 48,*8,9,10,11,12, 14*; 59,*6*; 68,*2,3,4*; 98,*4*; 100,*3*; 120,*1,2*; 147,*1,2,5*; 149,*3,4,5*
ajïtu 28,*1,2*
al (?) 10,*5*
al- брать
aldïŋïz (-?) 48,*9*
alduqda 98,*3*
alïnmïšïm 11,*1*
almïš 48,*7*
altïm 41,*6,10*
alp отвага; отважный
alp 5,*2*; 28,*2*; 29,*5*; 32,*6*; 44,*1,2*; 48,*8,12,13*; 120,*1*; 147,*3*; 152,*2*
alpïn 31,*2*; 32,*5*

Türk Dilleri Kütüphanesi

alpun 11,*3*
alqan- восхвалять
alqanïp 29,*3*
altï шесть 1,*2;* 3,*5;* 5,*2;* 28,*3;* 32,*13;* 41,*4*; 48,*7;* 49,*1,4;* 51,*4*
altmïš шестьдесят 1,*1*; 26,*11*; 41,*9*; 48,*11*
altun золото
altun 11,*3*; 25,*3*; 28,*9*; 29,*7*; 40
altunïm 41,*5*
altunlig 3,*2*
altunlïγ 10,*5*
ana (?) 41,*6*; 42,*7*
anar *и.собств.* 40
anča таким образом 25,*7*
andaγ так, такой 29,*7*
ant клятва
antlïγ 11,*9*
antsïzda 11,*9*
aŋa им, ими 11,*10*
apa старшая сестра
apa 11,*1*; 20,*2*
apam-a 6,*4*
aquz несчастье! 2,*3,4*
– ср. oquz
ara промежуток, между 41,*1*
arγuj стража (?) 42,*6*
arqïš караван 49,*4*
arslan *и.собств.* 44,*6*
art- увеличиваться
artγïl 28,*9*
artzun 48,*12,13*
art{t}ïm 42,*6*
art спина
a.-ïmγa 41,*10*
artuq больше 48,*15*
as горностай 98,*6*
asïγ польза 59,*5*
ašmïš ? 41,*8*
ašnuqï передовой, лучший; перен. близкий 41,*2,4*
at лошадь
at 28,*3*; 41,*4,9*; 48,*12*
atlarïm 41,*4*
atïγ 42,*5*; 48,*12*
at имя; титул, звание 41,*2*
atï 26,*2*
atïm 1,*2*; 2,*5*; 40; 41,*3*; 42,*2*; 45,*2*; 49,*2*; 50,*4*; 51,*1*; 59,*1*; 65,*1*; 66,*3*; 92,*1*; 109,*2*; 147,*3*
atqa 48,*10*
atïmqa 147,*3*
at- I стрелять
atmaq 41,*4*
atčï 48,*12*
atdačï 28,*9*
atsar 28,*2*
at- II бросать
atmadïm 100,*2*
ata дед, старший брат отца
atačïm-a 152,*2*
atačïmqa 32,*11*
atasïz 32,*11*
– см. с.284
atač *и.собств.* 40
ataγï (?) 40
atan холощеный верблюд
atanïm 41,*5,5*
atlan (?; talïn -?) 42,*8*
az мало 45,*9*
azï- перестать ощущать
azïdïm 45,*5*
azïdï-a 11,*1,7,10*
azïšdïm 2,*1*
azïγ клык
azïγlïγ 98,*3*
azman (?) кастрированный баран 48,*12*
azuqsïz безупречный 26,*13*

ä

äb дом
äbim 2,*3*
äbči жена
äbči 100,*1*
äbčim 42,*2*; 66,*1*
äbčim-ä 51,*1*; 109,*4*

Türk Dilleri Kütüphanesi

äčäli (?) 59,*8*
äči старший брат, младший дядя
äčim 22,*2*; 28,*7*; 43,*5*; 52,*1*
- ср. iči
ädgü добро 11,*9*; 42,*3,8*
adgüsiz 26,*11*
ägid- воспитать
ägidmišim 41,*8*
ägin плечо 2,*4*
ägnin плечо 10,*5*
ägritäbä верблюд
ägritäbä 11,*3*
ägritäbim 46,*3*
ägsük недостаток
ägsüki 108,*1*
ägsükim 44,*5*
ägük *топоним* р. Уюк 3,*4*
ägünä *и. собств.* 46,*2*
äki два 21,*2*; 49,*2*; 65,*3*; 98,*6*
äkünčä о горе! 68,*6*
– ср. ökünč
äl государство, племенной союз, *эль*
äl 41,*8*
äldä 46,*3*
älim 2,*2*; 5,*2*; 10,*7*; 42,*7*; 50,*1*; 53,*3*; 65/пл,*1*
älimä 46,*2*
älimdä 53,*2*
älin 152,*1*
älintä 48,*8*
– ср. el
älgin 41,*3*
älig пятьдесят 10,*2*; 21,*2*; 22,*1*; 28,*2*; 48,*11*; 68,*6*
– ср. elig
älik серна
äliki 48,*12*
ält- водить
äl[t]dim 49,*4*
änlig(?) 152,*2*
änse *и.собств.* (?) 48,*9*
äŋndimä (?) 42,*3*
äŋlä- стенать (?)
äŋlägü 42,*3*
är муж, мужчина, муж-воин
är 2,*3,4,5;* 3,*6*; 10,*2*; 11,*3*; 23,*1*; 25,*4*; 26,*13,13*;*15,15; 16*; 27,*6,8*; 28,*3,7*; 29,*7,8*; 31,*5*; 32,*5*; 40; 41,*1,2,3,3,6,8*; 42,*2,5,8*; 43,*3*; 44,*2,5*; 46,*2*; 48,*2,9,11*; 49,*2,3,5*; 50,*4*; 51,*1,2,4*; 52,*2*; 53,*1*; 59,*1,5*; 65,*1*; 66,*2,3,4*; 92,*1*; 98,*1,6*; 109,*1,2,3*; 120,*2*; 149,*2*
ärdä 6,*3*; 48,*15*
äri 59,*5*
ärig 32,*5,8,9*; 43,*4*; 49,*3*; 98,*2*
ärim 41,*1*
ärim-ä 45,*7*; 96,*3*
ärin 10,*2*; 29,*6*
är at имя мужа-воина 40, 42,*2* 50,*4;* 59,*1*; 65,*1*; 66,*3*; 92,*1*; 109,*2*; 154
[är]tä atïm 45,*1*
är- быть
ärdi 10,*9*
ärdim 10,*11*
ärdiŋiz 26,*12*
ärgäj 41,*7,8*
ärmäz 29,*3*
ärmiš 7,*2*; 10,*3,10*; 25,*7*; 29,*7*; 147,*4*
ärmiš... 27,*8*
ärsäm 29,*3*
ärti 26,*6*; 32,*7,7,13*;
ärtim 1,*2*; 32,*12*
ärtimiz 28,*8*
ärtiŋiz 48,*14*
ärtiŋizin 28,*2*
– ср. er-
ärinč *частица усил.* 45,*9*; 109,*3*
ärinči-m 29,*4*
ärkim 98,*1*
ärkim-ä 5,*3*
ärän мужи
ärän 32,*5*; 42,*3*; 48,*10*
äränim: 96,*1*
ärdäm доблесть

Türk Dilleri Kütüphanesi

ärdäm 10,*6*; 28,*4,7*; 29,*2,3,7,8*; 30,*3*; 32,*5,6,15*; 41,*3* 42,*1*; 44,*1*; 50,*2*; 66,*2*
ärdäm[...] 98,*4*
ärdämi; 5,*1*; 26,*5,5*; 46,*2*; 48,*10,15*; 51,*2*; 108,*1*; 109,*3*
ärdämig 5,*1*
ärdämim 2,*3,4*; 11,*3*; 29,*5*; 41,*1*; 42,*1*; 43,*3*; 49,*3*; 53,*2*; 109,*2*; 149,*2*;152,*1*
ärdäm[im] 23,*1*
ärdämimdä 48,*2*; 52,*2*
ärdämimdäqï 41,*6*
ärdämi[mi]ndä 44,*5*
ärdämin 30,*4*; 31,*2*; 32,*3,5*; 48,*1*
ärdämlig 48,*8*
ärdäm[l]ig 29,3
ärdäm[ig] 32,*13*
ärdämligim-ä 28,*1*
ärklig Эрклиг (владыка подземного мира) 28,*8*
ärlä- возмужать
ärlädim-ä 28,*4*
ärlärmädükim (?) 10,*8*
ärsin~äršin (?) 41,*8*
äsin (?) 29,*7*
äsinim 43,*4*
– ср. äsni
äsisim жаль мне! 152,*2*
– ср. äsiz
äsiz жаль
äsiz 1,*1*; 10,*3,4,7*; 26,*3,4,16*; 27,*5*; 31,*5*; 42,*7*; 44,*3*; 45,*7,9,10*; 48,*8,10*; 50,*3*; 53,*3*; 60,1; 147,*4*
äsiz-ä 42,*1,2,7,7*; 44,*1,3*; 51,*1,2,3*; 65,*3*; 66,*1*; 68,*3*; 98,*4*; 120,*1,2*; 147,*4*
äsizim 3,*6*; 41,*3,3*; 42,*8*; 65,*2,3*; 68,*6*; 98,*3*; 100,*3*; 109,*2*
äsizimä 41,*1,1,7,9*
äsizim-ä 1,*1*; 3,*1,2,6*; 5,*3*; 10,*1,3,4,10*; 11,*1,5*; 14,*2,5*; 19,*3*; 25,*2,3*; 27,*3*; 42,*6,8*; 43,*5*; 44,*4*; 45,*5,6,7,8*; 46,*1*; 49,*1*; 50,*1,2*; 55,*2*; 59,*2*; 61,*1,2*; 68,*2,4*; 92,*1*; 147,*5*; 149,*3,4,5*; 152,*3,4*
äsizlärimä 147,*5*
äsni (?) 49,3; 147,*1*
- ср. äsin
ästigün (?) 42,*7*
äš товарищ:
äšim 41,*1,2*
äšim-ä 11,*9*
äšin- скакать
äšintim 41,*4*
äzinčüm-ä (?) 28,*3*
Äzru[a] бог Зерван 29,*3*

b

bačγa *см.* abïčγa
bačï(?) 32,*13*
bay удел
bay 1,*2*; 49,*4*
bayïm 27,*7*
bayа *и.собств.* 68,*4,5*
bayï *и.собств.* 66,*3*
bayïš веревка юрты
bayïšïm-a 42,*4*
baj богатый 7,*1*; 17,*1*; 100,*4*
bajča- *см.*baj ора
balbar балбал
balbarïm 51,*4*
ban- привязывать
banïm 10,*5*
bantïm 3,*2*
bar есть, имеется 20,*1*; 30,*1*; 40; 48,*9,10,15*; 52,*3*
bar- уходить
bardï 10,*6*; 28,*9*
bardïm 29,*8*; 32,*9*
bardïm-a 11,*3,10*
barïpan 30,*4,5*
barïm имущество
barïm 41,*7*
barïmïγ 11,*10*
barïmïm 10,*11*; 42,*4*; 96,*1*
barïra 26, *6*

Türk Dilleri Kütüphanesi

bars барс
bars 14,*1*; 17,*1*; 28,*2*; 68,*3*; 98,*4*
barsïγ 11,*4*
barsïm 28,*9*
barstigim-ä 28,*1*
baš голова, начало
bašča 41,*7*
bašda 14,*5*
bašï 42,*1*; 48,*10,11*
bašla- возглавлять
bašladïm 45,*4*
bašlaju 32,*9*
bat погрузиться
batur 29,*3*
bädük великий 45,*10*
bäg бек
bäg 10,*6*; 32,*3*; 43,*3*; 48,*7*; 53,*3*; 92,*1*; 98,*1,3*; 100,*1*; 149,*1*
bäg-a 98,*5*
bägdäki 50,*4*
bägi 1,*2*
bägičäm 48,*7*
bägim 21,*3*; 48,*10*; 98,*4*; 100,*2*
bägim-ä 30,*5*; 32,*5*
bägimiz 28,*3*
bägimkä 14,*5*; 17,*3*; 22,*4*; 23,*2*; 120,*2*
bägiŋä 59,*1*
bäglik 26, *13*
bäl поясница
bäldä 10,*5*
bälim 41,*1*
bälimtä 3,*2*
bälgür- обнаруживаться
bälgürür (?) 42,*7*
bän я 1,*2*; 2,*5*; 3,*3*; 6,*3*; 8,*3*; 11,*1*; 19,*1*; 20,*2*; 37,*1,2,3*; 41,*3*; 44,*2,6*; 49,*2*; 50,*5*; 51,*1*; 52,*1*; 53,*3*; 61,*3*; 68,*3,4,6*; 92,*2*; 100,*1*
bäŋkü вечный; памятник
bäŋkü 48,*14,15*; 134
bäŋkümin 20,*1*
bäŋgümin 28,*7*
bäŋkü]n²i 48,*9*
bäŋküsi 27,*8*
bäŋü 42,*3*
bäŋüsi 30,*2*
bär- давать
bärdim 92,*2*
bärmiš 30,*3*
bärti 28,*7*
bärtim 30,*2*; 48,*15*
bärtimiz 48,*9,15*
bäš пять 11,*1,3*; 25,*4*; 45,*2*; 53,1
bäšgäk *и.собств.* 100,*1*
bäš il *геогр.* Пять государств 152,*1*
beŋiz лицо
beŋzi 26,*13*
bič j... (?) 37,*3*
bil- знать
bildim 70,*4*
bilinmädim 32,*13*
bilir 32,*7*
bilgä мудрый
bilgä 26,*1*; 31,*1*; 32,*3*; 48,*7,13*
bilgän 48,*11*
bin тысяча Дрв$_2$
bin- садиться (на коня)
binär 41,*4*
bintim 41,9
biŋ тысяча 3,*5*; 26,*9*; 41,*1*; 42,*4,5,8*; 109,*1*
– ср. bin, bïŋ
bir один 10,*8,9*; 32,*11*; 43,*4*; 45,*5*
birkä вместе 149,*6*
birlä вместе 10,*6*; 31,*5*; 43,*3,4*
biš пять 68,*1*
biti- писать
bitidim 42,*4*; Дрв$_4$
bitidim-ä Дрв$_1$
bitigči 32,*7*
biz мы
biz 28,*3*; 48,*9*
bizni 28,*8*
bïŋ тысяча 27,*1*; 45,*8*

Türk Dilleri Kütüphanesi

bodraq привольно пасущийся 45,*8;* 55,*3*
bodun народ
bodun 29,*4*; 32,*7*; 45,*4*; 59,*1*; 65/пл,*3*
bodunda 5,*2*
bodunïm 10,*7*; 42,*8*; 49,*4*
bodunïm-a 1,*1*; 10,*12*; 11,*6*; 19,*3*; 42,*8*; 43,*1*; 49,*1*; 68,*6*; 120,*1*; 152,*4*
bodunïma 147,*5*
bodunïmqa 27,*7*
bodunïŋa 32,*2*
bodunqa 1,*2*
bodunum 44,*4*; 45,*9*
bojla *титул* C,*2*
boγra *и.собств.* 22,2
bol- быть, становиться
boldïm 6,*1*; 147,*1*
bolsar 29,*3,4,7*
boltï 45,*9*
boltik 53,*1*
boltum 45,*2*
bolup 10,*8*; 45,*2*
bögü мудрый 10,*6;* 52,*2*
bökmä- не насладиться, не насытиться
bökišmädim 59,*2*
bökm 28,*1*
bökmädi 32,*2*; 48,*7,8*
bökmädim 3,*1,2,6*; 7,*3*; 14,*2,5*; 21,*1,3*; 22,*4*; 23,*2*; 26,*14*; 27,*5*; 29,*1*; 32,*1,14*; 42,*3,4,6*; 44,*3*; 45,*10*; 53,*3*; 59,*6,8,9*; 70,*2*; 96,*1,2,3*; 100,*1,3*; 120,*1,2*; 147,*1,2,3,4,5*; 149,*3,5*
bökmädim-ä 8,*1*; 11,*2,6,7,10*; 29,*1*; 96,*3*; 147,*5*
bökmädiŋiz 98,*1*
bökmädük 48,*14*
– см. с.257–258
böri волк 11,*4*; 12,*1*; 98,*6*
bört *и. собств.* 28,*2*
bu этот 7,*2;* 27,*8;* 32,*11;* 98,*7*
buγu олень 98,*6*
buluŋ угол, *перен.* страна света
buluŋqa 31,*3*
buŋ печаль
buŋ 7,*2*; 10,*10*; 98,*2*
buŋa 10,*10*; 11,*1,5*; 25,*1*; 43,*2*; 49,*4*; 59,*9*; 98,*2*; 147,*2*
buŋajun 98,*1*
buŋï 48,*14*
buŋïm 10,*11*
buŋïm-a 59,*2*
buŋsïz 26,*6*
buŋqa 48,*14*
buŋum 46,*4*
buŋusuz 6,*3*; 7,*2*
buqun народ
buqunïma 147,*5*
but ноги
butluγ 46,*3*

č

čab слава 32,*15*
čab: čab šatun *см.* čabïš
čabïš: čabïš ton *и.собств.* 30,*2*
čač согдиец 52,*3*
čad *титул* шад 42,*4*
čaŋšï *должность* чиновник по учету 31,*1*; 37,*3*
– см. с.311
čäküŋ *и.собств.* 25,*2*
čäŋdim (?) 2,*2*
češmä (?) 51,*3*
čibilig *топоним*
čibiligdä 10,*8*
– ср. совр. тув. Шивилиг
čigši *титул* 13_4; 19,*1*; 68,*3*; 70,*1*
– см. с.311
čim (?) 26,*6*
čočï *и.собств.*12,*1*
čor *титул* 7,*1*; 14,*1*; 32,*3*; 43,*3*; 147,*3*; 152,*2*
– см. с.308
čubuč *и.собств.* 45,*1*

Türk Dilleri Kütüphanesi

e

eki два 49,*3*
– ср. iki
el государство, племенной союз, *эль*
el 1,*2;* 10,*7;* 25,*5;* 45,*4;* 59,*5;* 147,*4*
eldä 11,*3*
elim 10,*4,8,9*; 19,*2*; 23,*3*; 25,*3*; 40; 44,*3*; 45,*6,9*; 46,*1*; 51,*2*; 59,*4,5,6*; 61,*1*; 100,*2,3*; 149,*4*; 152,*1*
elim-ä 1,*1*; 10,*4*; 11,*7*
elimdä 147,*3*
elimkä 1,*2*; 3,*2,5*; 7,*3*; 14,*5*; 23,*2*; 44,*2*; 68,*1*; 96,*2*; 147,*1*
elimtä 3,*3*
– ср. äl, il
elig пятьдесят 45,*7*; 49,*3*
– ср. älig, ilig
elči посол
elči 13_2; 14,*1*
elčisi 1,*2*
elt- водить (*войска*)
el[t]dim 45,*4*
– ср. ält-, ilt-
er- быть
erdim 6,*3*
erkim 120,*2*
– ср. är-
eš супруга
ešim 2,*1*
ešim-ä 51,*3*
et- делать, устраивать
etä bärdim 92,*2*
etrük *и.собств.* 50,*5*

g

gäjik лань 41,*7*
– ср. käjik
gimčig *геогр.* р.Хемчик
gimčigtä 41,*6*
güč сила
güčime 41,*6*
– ср. küč

ɣ

ɣašɣa белая отметина на лбу животного 41,*5*
ɣïjdar ? 41,*5*
ɣulan-ïm-a(<oɣlan “сын”) 51,*1*

i

ič внутренний 48,*12*
iči старший брат, младший дядя
ičičim 3,*6*; 32,*13*
ičičim-ä 32,*6,10,11,13*
ičim 17,*2*
ičim-ä 32,*14*
ičiŋizkä 28,*6*
– ср. äči
ičräki/ ičräk *должность*
ičrägi 37,*1*
ičrägiŋä 41,*8*
ičräki 4,*1*; 11,*1*; 54
– см. с. 309
ijürdim (?) 28,*3*
iki два 31,*5*; 43,*5*
– ср. eki
ikiz близнец
ikizimä 29,*4*
il государство
il 26,*1*; 32,*3*
ilim 27,*5*; 28,*5*; 32,*8*
ilimdä 29,*5*
ilimkä 27,*5*; 28,*4*; 32,*14*; 70,*1,5*
ilindä 30,*4*
iliŋä 32,*3*
iliŋiz 26,*3*
– ср. äl, el
ilig пятьдесят 26,*11*; 43,*5*; 109,*3*
– ср. älig, elig
ilt- носить
iltdi 28,*4*
ilt[t]i 29,*6*
– ср. ält-, elt-
inanču *титул* 29,*5*
– ср. ïnančï, ïnanču
ingän верблюдица 28,*6*
ini младший брат

Türk Dilleri Kütüphanesi

inim 28,*7*
iniŋizkä 28,*6*
ir ? 26,*8*
irig советник (?) 26,*1*
isig *и.собств.* 23,*2*
iš дело
išim 6,*2*
išiŋä 48,*8*

ï

ïčγïn- терять
ïčγïntïm 26,*12*
ïd- посылать; не следовать законам
ïdmaŋ 10,*7*
ïduq святой 42,*7*
ïnal *титул*
ïnal 23,*2*; 45,*1*; 49,*2*; 54; 65,*2*
ïnalïŋïn 42,*1*
ïnančï титул 25,*5*
– ср. inanču, ïnanču
ïnanču титул 26,*1*; 29,*5*; 32,*12*; 68,*3*; 152,*2*

j

jabaqu (?) *этноним* 37,*2*
jabïz плохой
jabïzïγ 45,*10*
jaγïčï воинственный 44,*2*
jaγï война; враг
jaγï 19,*1*; 27,*6*; 32,*7*; 44,*2*; 49,*3*
jaγïd[a] на войне 26,*13*
jaγïγ 45,*4*
jaγïm 120,*2*
jaγïqa 28,*5*
jaγïla- враждовать; воевать с врагом
jaγïladïm 45,*4*
jaγïz бурый 147,*4*; 149,*4*
jaγlaqar *и. собств., назв. уйгурской династии* C,*1*
jalabač посол 29,*8*; 30,*5*
jalŋus единственный 120,*2*
jam топоним (?)
jamda 45,*6*
jančï наложница (?) 59,*7*
jaqïlïγ (?) 65,*3*
jaš возраст
jašda 11,*1*; 48,*7,11*; 70,*5*
jašï 43,*5*
jašïm 10,*5*; 11,*7*; 21,*2*; 22,*2*; 41, *9*
jašïma 42,*5*
jašïmda 1,*1*;6,*1*; 11,*3*; 23,*3*; 44,*5*; 49,*2*; 59,*4*; 68,*1,2*; 70,*4*; 96,*2*
jašïmγa 45,*2,5*
jašïmqa 3,*4*
jašïmta 32,*11,13*; 45,*2*; 147,*1*
jašča (?) 41,*7*
jaš возраст
jašinta 26,*5*
jat чужой, посторонний
jatda 11,*8*
jäg лучший 48,*8*
jägän *и.собств.* 59,*1*
jägin *и.собств.* (?) 8,*3*
jägirmi двадцать 5,*2*; 11,*1,3*; 26,*5*; 48,*7*; 68,*1*; 70,*5*; 96,*2*; 98,*6*; 147,*1*; Дрв$_2$
jägüg *и.собств.* 100,*1*
jämlig должность (?) 3,*3*
jär земля; место
jär 12,*3*; 42,*3*; 48,*12*; 41, *6*; 65,*3*
järči (?) 65/*пл,3*
järdä 147,*4*; 149,*4*
järdäki 7,*3*; 28,*1*
järim 42,*7*; 51,*2*; 70,*3*
järim-ä 11,*5*; 120,*2*; 152,*3*
järimkä 3,*4*
järin 98,*3*
järintä C,*1*
järlig 147,*3*
jäti семь 11,*4,7*; 26,*5*; 48,*14,15*; 41,*2*; 51,*3*; 59,*4*
jätmiš семьдесят 11,*7*; 41,*9*; 42,*5*; 49,*2*
jegirmi двадцать 45,*2*
jer земля; место
jerim 23,*1*; 45,*6*

Türk Dilleri Kütüphanesi

– ср. jär
jeti семь 147,*1*
jetmiš семьдесят 3,*4*; 45,*5*
jig лучший 48,*9*
- ср. jäg
jigän *и.собств.* 5,*2*
jita см. ajïta
jïl год 45,*2*
jïlqï скот
jïlqï 7,*3*; 11,*10*; 41,*7*; 42,*5*
jïlqïm 10,*11*; 46,*3*
jïš чернь, лес 28,*9*
jïta *см.* ajïta
jïtu *см.* ajïtu
joŋ тризна, поминки 25,*7*
joŋla- проводить тризну
jola *и.собств.* 41,*3*
jont лошадь 45,*8*
jontïm 3,*5*
jontïmqa 55,*3*
joq нет, не имеется 10,*8,11*; 41,8; 44,*5*; 46,*4*; 48,*12,13*
joqla- ощущать отсутствие
joq[l]ajur 25,*6*
joqal- пропадать, исчезать
joqaldï 32,*3,6*
jorït- повести (в поход)
jorïtïp 152,*1*
jotuz жена 43,*1*; 120,*1*
jörči (?) 32,*7*
jumuš поручение, посольская миссия
jumušïŋa 152,*1*
jurč родственник со стороны жены
jurčïm 17,*2*
jurt (?) место жительства 96,*4*
jüč *и.собств.* 54
jük груз: jüki 28,*6*
jükäj *и.собств.* Дрв$_3$
jüräk сердце
jüräkim 44,*1*
jüri- водить
jürit[t]i 152,*1*
jürü- ходить (пешком)
jürümädi 29,*4*
jütim надевание (?) 10,*5*
jüz сто 10,*2*; 42,*8*; 44,*4*; 45,*7,9*; 49,*1*; 55,*3*; 65,*2*; 65/*пл.3*; 66,*4*; 68,*6*

k

kädim одежда 41,*5*
käjik лань
käjiki 28,*9*
käl- приходить
kälmädim 29,*8*
kälmädiŋiz 30,*5*
kältim 29,*7*
kälin невестка
kälinlärim 3,*6*
kälür- приносить
kälürti 28,*4*
käm р.Енисей 12,*3*
– ср. kim
känč молодой 5,*1*
käŋ- расширяться, превышать
käŋïp Дрв$_2$
käš колчан 10,*5*
kätä (?) 152,*1*
kejik лань
kejikdä 44,*2*
– ср. käjik
keš колчан 25,*3*
kešig 3,*2*
– ср. käš
kez *и.собств.*100,*4*
kičig малый, маленький
kïčigimä 147,*5*
kičigimkä 96,*3*
kim Енисей 42,*3*
-ср. käm
kinim *родств. термин* 3,*1*; 45,*7*; 59,*7,8*
kinim-ä 10,*12*; 11,*6*; 44,*4*
kiši I человек
kišidä 48,*9*
kiši II (<*kisi<*kis+i) а) женщина, жена; б) наложница
kiši (а) 6,*2*;

Türk Dilleri Kütüphanesi

kiši (б) 11,*3*; 27,*4*
kišim (a) 18,*1*;
kišim-ä (a) 61,*2*
kögšin ловчая птица(?), кравчий (?) 48,*13*
kök голубой (о небе) 10,*3*; 45,*5*; 53,*1*; 92,*1*; 147,*4*; 149,*3*; сивый 98,*6*; *в составе и.собств.* 51,*1*
kökmäk *название зверя*
kökmäkig 11,*4*
kökmüš *этноним* (?) 50,*2*
kökmüši 26,*12*
körtlä *и.собств.* 10,*5*; 52,*1*
köz глаз 26,*12*
közünč сокровища (?)
közünčimä 28,*3*
kü слава
kü 25,*2*; 48,*10*
kü... 27,*9*
küč сила 26,*2*
külig знаменитый 3,*3,6*; 10,*6*; 17,*1*; 20,*2*; 44,*6*; 59,*1*; 70,*1*; 149,*1*
külüg знаменитый 6,*2*; 7,*1*; 68,*6*
küč сила
küč 14,*1*; 17,*1*; 28,*2*; 32,*6*
küčligin 49,*4*
küdägü зять
küdägülärim 3,*6*
kümül *этноним*
kümül 44,*4*; 45,*1,9*; 68,*6*
kümülimin 45,*10*
kümülüg 45,*9*
kümüš серебро
kümüšig 11,*3*
kün солнце
kün 8,*1*; 10,*3*; 12,*3*; 40; 44,*3*; 92,*1*; 147,*4*; 149,*3*
kün-ä 11,*1*
küngä 45,*5*
künkä 7,*3*
küni *и.собств.*6,*1*
küŋ солнце (?) 42,*7*
kürsi *топоним*(?): kürsi jamda 45,*6*
küz (?) 98,*5*

l

lačïn сокол, кречет 26,*6*
lüj *и.собств.*

m

mal имущество
mälï (?) 43,*4*
män я 10,*12*; 28,*3,4*; 29,*3,7*; 32,*15*; 48,*14*; 147,*1*; 149,*1*; C,*2*
mjmšm (?) 32,*14*
munïγ *религ.* сбившийся с (истинного) пути 29,*3*

n

nä что? 41,*7,8*; 42,*7*
nä(?) 3,*5*; 51,*4*
ninä жена (?)
ninäsi 30,*1*

ŋ

ŋrm г 41,*8*

o

oγdamdam *этноним* (?)
oγdamdam 70,*3*; 109,*3*; 110,*1*
oγdamdama 51,*2*
oγl- *основа косв. форм* (<oγul) сын
oγlï 7,*1*; 26,*2*; 30,*1*; 32,*3*; 44,*6*; 68,*4,6*; 100,*1*; C,2
oγlïm 3,*1,5*; 10,*1*; 32,*1*, 68,*5*; 70,*2*
oγlïm-a 11,*2*; 43,*1*
oγlïmqa 7,*4*; 14,*2*; 22,*3*; 120,*1*; 147,*2*
oγlïn 31,*5*; 48,*9* (oγlïn^2)
oγlïŋïzqa 48,*14*
oγlan сын; молодой человек
oγlan 3,*6*; 26,*2*; 29,*6*; 45,*1*; 147,*3*
oγlanïm 20,*1*; 42,*2*; 45,*7*
oγlanïm-a 1,*1*
oγlanïmïn 59,*3*
oγr- *основа косв. форм* (<oγur) *в служ. знач.* для, во имя
oγrïnta 10,*8*

Türk Dilleri Kütüphanesi

oγrïŋa 100,*2*
oγuš род, племя 5,*2*
ol тот 53,*1*
olur- сидеть, жить
oluru qaltï 48,*13*
on десять 26,*12*; 28,*4*; 29,*6*; 30,*1*; 68,*2*; Дрв$_2$
opa *и.собств.* 7,*1*; 28,*2,9*
oq стрела 43,*4*
oquz несчастье 41,*3*
– ср. aquz
otačï врач, лекарь 61,*3*
otuz тридцать 27,*6*; 32,*9*; 45,*2*; 49,*3*; 59,*4*

ö

öčin *и.собств.* 3,*3*
ög мать
ögim 29,*6*
ögim-ä 28,*4*
ögirär 26,*3*
ögsüz 45,*2*
[ö]gümkä 59,*9*
ögä *титул* 13$_2$; 26,*1*; 45,*1,2*; 49,*2*; 53,*3*;100,*2*
ögäsi 26,*1*
ögüz река 42,*3*
ökünč горе
ökünč-e 60,*1*
ökünčig 42,*1*; 100,*3*
ökünčüŋä 28,*5*
öküz бык 48,*12*
öküzin 10,*2*
öl- погибать, умирать
öldim 10,*10*; 17,*2*; 23,*1*
ölmäkin Дрв,*2*
ölmüš 120,*2*
ölti 31,*5*
öltim 26,*1*;32,*15*; 41, *9*;42,*5*
öltiŋiz 26,*8*
ölü 26,*7*
ölür- убивать
ölürdim 42,*1,5*; 49,*3*; 109,*3*
ölürdim-ä 11,*4*
ölürmädim-ä 11,*4*
ölürmiš 48,*11*
ölürti 48,*11*
ölürtim 25,*4*; 27,*6* (ö[lürtim]); 44,*2*; 98,*6*
ön- выступать
öntim 42,*1*
öntür- выводить
öntürip 32,*5*
örüŋ белый, светлый
örüŋüm 45,*7*
örüŋümig-ä 11,*10*
ötiŋiz (?) 26,*8*
öz сам; свой, родной 5,*2*; 26,*13*; 32,*1*; 42,*2*; 100,*1*; 152,*1*
özdä 3,*1*; 7,*4*; 10,*1*; 14,*2*; 147,*2*
özin 28,*3*
öziŋiz 26,*11*
özläk скакун (?) 28,*3*

p

päk *и.собств.* 61,*3*

q

qabaj (?) 41,*10*
qadaš сородич
qadaš 96,*1*; 100,*2*
qadašïnqa 21,*1*;22,*4*
qadašïm ... 65,*2*
qadašïm...čim (?) 65/пл, *3*
qadašïm 3,*1,6*; 10,*2*; 25,*1*;42,*3,8*; 44,*4*; 45,*7*; 50,*3*; 59,*7*;
qadašïm-a 10,*12*; 22,*6*; 49,*1*; 51,*1*; 68,*6*; 149,*5*
qadašïmqa 17,*3*; 59,*8*; 120,*1*
qadašla[r]ïŋïz 25,*5*
qadïn тесть
qadïnïm 17,*2*
qadïŋ (?) 48,*12*
qadïr жестокий
qadïr 19,*1*; 27,*6*; 44,*2*
qaγ(?) 32,*15*
qaγadašïm г 41,*3*
qaj *и.собств.* (?) 100,*4*

Türk Dilleri Kütüphanesi

qaj- поворачивать; обращать внимание
qajmatïn 28,*5*
qalïn многочисленный
qalïn 28,*5*; 59,*8*; 120,*1*
qal- оставаться
qalïp 45,*2*
qaltï 26, *9*; 32,*5*; 45,*6*; 48,*13*
qalïqtïq (?) *и.собств.* 49,*2*
qan хан
qan 10,*5*; 37,*1*; 53,*1*; 98,*3*; 147,*4*
qanγa 11,*3*
qanïm 3,*6*; 10,*4,7*; 25,*3*; 42,*7*; 43,*5*; 44,*4*; 50,*1*; 53,*3*; 65/пл,*1*; 100,*3*
qanïm-a 5,*2*; 11,*7*; 51,*2*; 52,*1*; 53,*3*; 59,*6*; 61,*1*; 149,*4*
qanïmqa 32,*14*
qanïnta 48,1*0*
qanïŋïz 25,*6*
qanqa 29,*8*; 30,*4*
qanta 41,*8*; C,*1*
qaŋ (?) 120,*1*
qaŋ отец
qaŋïčam 48,*14*
qaŋïm 10,*6*; 59,*1*; 100,*2*
qaŋsïz 6,*1*; 32,*13*; 98,*2*
qaŋsiz 45,*2*
qaŋsïra- остаться без отца, осиротеть
qaŋsïradïm 32,*13*
qa[ŋut]ï 32,*5*
qapar *топоним* (?) 29,*7*
qara черный; простой(народ)
qara 3,*6*; 10,*7,12*; 19,*3*; 26,*6*; 30,*4*; 32,*1*; 37,*1*; 68,*3*; 70,*3*; 98,*6*; 147,*1*
qaram 45,*7*
qaramïγ-a 11,*10*
qarγan- печалиться
qarγanur 25,*6*
qaršï *и.собств.* 65,*1*
qart *и.собств.* 100,*4*
qašqïr *и.собств.* 100,*4*
qata раз, крат
qata 31,*4*; 48,*4*; 53,*2*
qatïγlan- быть твердым (в убеждениях), стойким, упорным
qatïγlanγïl 11,*2*
qatïγlanïŋ 10,*7*
qatïγlanïp 45,*2*
qatun госпожа-река 3,*4*; 12,*3*
qatuŋ...(?) 66,*2*
qazγan- добывать, захватывать добычу
qazγandïm-a 11,*6*
qazγandïŋïz 98,*1*
qazγanmïš 100,*2*
qazγanmïšïm 100,*2*
qazγantïm 27,*4*
qazγanu 26,*3*
qazγaq добыча, завоеванное
qazγaqïm 3,*5*; 26,*14*
qïl- делать
qïldï 6,*2*
qïldï[ŋïz] 98,*2*
qïlmadïŋ 28,*3*
qïltïm 45,*10*
qïltïŋïz 26,*11*
qïlnu...(?) 10,*9*
qïq *этноним* (?) 42,*8*
qïrq сорок 23,*3*; 25,*4*; 44,*5*; 45,*2*; 98,*2*; 100,*2*
qïrqïz *этноним* C,*2*
qïsaqLIQ *и.собств.* 2,*5*
qïz дочь; девушка
qïz 3,*6*; 59,*7*
qïžïm-a 45,*7*
qočγar *и.собств.* 55,*1*
qol рука
qolï 32,*6*
qolïm 44,*1*
qoŋïm (?) 5,*1*
qop весь, все 32,*7,15*; 43,*4*
quj женская половина дома

Türk Dilleri Kütüphanesi

qujda 3,*1*; 7,*4*; 10,*1*; 14,*2*; 22,*1*; 27,*2*; 45,*6*; 46,*1*; 55,*2* ;59,*2*; 61,*2*; 65/пл,*1*; 68,*5*; 147,*2*
qujdaqï 6,*4*
qujdančujïm (<* qujdaqunčujïm) 70,*2*
qunčuj супруга, первая жена
qunčuj 27,*2*
qunčujïm 3,*1*; 25,*1*; 65/пл,*1*
qunčujïm-a 1,*1*; 10,*1*; 11,*1*; 29,*1*; 55,*2*; 59,*2*; 68,*5*; 147,*2*
qunčujïmɣa 6,*4*
qunčujïmɣaqa 7,*4*
qunčujïmqa 8,*2*; 14,*2*; 22,*3*; 100,*1*
qunčujïŋïz 48,*7*
qunčujum 45,*6*; 46,*1*
qušla- охотиться (*на дичь с хищной птицей*)
qušladačï 48,*13*
qutluɣ *и.собств.* 19,*1*

s

saɣra *и.собств.* 52,*3*
saj галька 41,*5*
sanɣur *и.собств.* 42,*4*
saŋun *военный чин* генерал 7,*1*; 12,*1*; 29,*5*; 32,*2*; 48,*11*; 52,*1,3*; 54; 92,*1,2*
sañmaq считать 41,*8*
sarig желтый 41,*5*
sägirt (?) 41,*5*
säčlän- развязываться; *перен.* расставаться
säčlänimü 28,*3*
säčläntim 43,*2*
säkiz восемь 10,*8,11*; 11,*10*; 41,*9*; 42,*4*; 68,*2*; 96,*1*
säkiz on восемьдесят 10,*5*; 68,*2*
säniŋiz Вы *вежл.* 25,*6*
sär- терпеть
särdim 50,*2*
soŋa топоним: altun soŋa jïš 28,*9*
sub вода; *собир.*реки-озера
sub 12,*3*
subïma 152,*3*
subum 45,*6*
subum-a 11,*5*; 120,*2*
sü войско
sü 10,*8*
süg 43,*3*
süsi 26,*16*
sülä- вести войско
sülädim 22,*2*; 96,*2*
sür- пригонять, захватывать
sürdim 10,*8*

š

šatun: čab šatun *см.* čabïš ton

t

tabduz *этноним* 5,*1*
tabɣač Китай 11,*3*
taɣ горы
taɣïm 41,*1*
tamqa дамга, клеймо 41,*4*
tan (?) 32,*8*
tap- служить
tapdïm 46,*2*
tapa к, на, по направлению к кому-л., чему-л Дрв,*2*
tar... 32,*8*
tarqan *титул* 30,*2*; 32,*2*; 53,*3*; 120,*1*; 147,*3*; 149,*1*; 152,*2*
taš камень
taš 42,*3*
tašin 49,*4*
tašïm 65,*3*
tašïŋ 42,*8*
taš внешний 45,*4*
taš- переливаться через край, распространяться
tašɣïl 28,*9*
tašru 41, 2
tat[ar...] *этноним* 59,*4*
täg наподобие 41,*5*; 98,*3*
täg- вступить в схватку (с врагом)
tägdim 152,*1*
tägipän 28,*5*
tägmiš 48,*10*

Türk Dilleri Kütüphanesi

tägim схватка
tägimdä 10,*8*
tägzin- уходить и возвращаться
tägzindim 29,*5*; 53,*2*
tägzinmišim 147,*3*
tägzinti 31,*4*
tägür- привозить
tägürtim 26,*6*
täŋri небо; Бог, Божество-Небо
täŋri 1,*2*; 3,*2,3,5*; 14,*5*; 44,*2*; 50,*1*; 68,*1*; 147,*1,3*
täŋridä 10,*3*; 45,*5*; 53,*1*; 92,*1*; 147,*4*
täŋridäki 7,*3*; 149,*3*
täŋritägim 59,*6*
tärkän *должность* правитель области
tärkän 48,*8*; 52,*2*
tärkän-ä 10,*6*
tärti все (?) 42,*4*
tärzük (?) 98,*5*
täti (?) 49,*4*
täzgin- уходить и возвращаться
täzgindi 32,*8*
– ср. tägzin-
täzig быстрый 44,*2*
tik- втыкать; водружать (*памятник*)
tikä 28,*7*; 30,*2*; 48,*9,15*
tikär 48,*9,14*
tikdi 10,*2*
tikti 20,*1* ; 41,*2*
tikü 32,*7*
til г 41,*1*
tirig живой; *в составе имен собств.* 3,*3*; 6,*1*; 44,*6*; 51,*1*; 53,*3*; 64; 98,*3,4*
toɣ- рождаться
toɣdïm 29,*6*
toɣ[dïm] 26,*2*
toɣa *и.собств.* 30,*3*
toɣan *и.собств.* 1,*2*; 44,*6*
toɣdaj *топоним* (?) 48,*13*
toɣdï *и.собств.* 42,*2*
tolïɣ Дрв,*2* полный
toŋa *и.собств.*149,*1*
toŋuz кабан, вепрь 98,*3*
toq *и.собств.* 10,*6*
toqï- поразить Дрв,*1*
toquz девять 5,*1*; 10,*5*; 23,*3*; 30,*1*; 32,*5,8*; 44,*2*; 45,*2*; 48,*11*; 51,*2*; 59,*4*; 70,*3*; 109,*3*
töläs 48,*7,8*; 55,*1*; 147,*3*
töp: см. töpä
töpä: töp töpädä на самом верху 149,*6*
tör *и.собств.* 11,*1*
törä- рождаться
törämiš 53,*1*
törän термин родства (?)
töränim 25,*1*
törät- создавать
törätmiš 98,*5*
tört четыре
tört 20,*1*; 29,*5*; 31,*3*; 46,*3*; 50,*3*; 70,*2*; 96,*1*
törtinligü 28,*8*
törtlü 10,*8*
törü закон, обычное право
törüŋin 92,*2*
törüsü 10,*7*
tözü все
tözüm 100,*2*
tul вдова 45,*6*
tuñlarïm (?) 41,*4*
tur- стоять, находиться
tura 48,*14*
turan *и.собств.* 5,*2*
turña журавль
turñazï 48,*13*
tusu польза
tusum 44,*2*; 49,*3*
tut- держать, удерживать
tut[t]um 45,*4*
tutsar 32,*6*
tutuɣ схватка (?), поддержка (?)
tutuɣqa 32,*9*

Türk Dilleri Kütüphanesi

tutuq *титул* военный правитель области, генерал-губернатор
tutuq 1,*2*; 6,*2*; 16$_1$; 25,*2*; 46,*2*; 48,*7,8,10,12,13*; 50,*2*; 92,*2*
tükändimä (?) 149,*6*
tükäti весь, целый 11,*10*
tülbäri *этноним* (?) 3,*6*
tüŋür сваты
tüŋürim-ä 11,*8*
tüpüt Тибет 29,*8*
türgäš *этноним* 37,*3*
tüšür- ронять; взваливать
tüšürmäk 48,*14*
tüšürtiŋiz 28,*6*
tüz *и.собств.* 17,*1*

u

u- мочь, быть в состоянии
umadïm-a 59,*3*
[uj]ɣur *этноним* 98,*3*
udïš(?) 32,*5*
udiš[ï]r-u вслед, один за другим
uja родственник 28,*3*
ujar знатный, могущественный, благородный
ujar 17,*2,3*; 32,*11*; 92,*2*; 100,*2*
ujarïn 10,*2*; 28,*7*
ujɣur *этноним* C,*1*; [uj]ɣur 98,*3*
ujuq ? 41,*2*
ulɣat- стать большим, вырасти
ilɣat[t]ïm 7,*2*; 29,*6*
ulɣa{t}turu 59,*3*
uluɣ большой
uluɣïm 147,*5*
uluɣïmqa 96,*3*
umaj имя женской богини 28,*3*
uŋïnïz 28,*3*
uraɣïn г 41,*10*
urï сын
urï 26,*2*; 48,*14,15*; 53,*1*; 59,*1*
urïn 2,*1*
uruŋu *титул*
uruŋu 10,*5,6*; 54; 70,*1*
uruŋusï 32,12
ut- побеждать
utsar 28,*2*
utsïŋa 10,*9*
uz мастер 32,*7*
uz *и.собств.* 31,*1*
uz (?) 3,*5*; 31,*1a*; 32,*4*
uzɣar (?) 51,*4*

ü

üč три
üč 3,*4*; 6,*1*; 11,*2*; 22,*1*; 28,*3*; 31,*4*; 42,*6*(ič -?); 55,*3*; 59,*3,5,7*
üčtü 11,*10*
üčin (?) 41,*2*
üčün для, ради, во имя; из-за 10,*2,6*; 11,*3*; 17,*2*; 20,*1*; 23,*1,3*; 26,*3,5*; 28,*4,7*; 29,*2,5,8*; 30,*1,3,4*; 31,*2*; 32,*3,5,15*; 42,*1*; 43,*3,4*; 46,*2*; 48,*9,10,15*; 49,*4*; 50,*2*; 53,*2*; 59,*4,5*; 92,*2*; 152,*1*
ükiŋ- собирать, скапливать
ükiŋdim 26,*10*
ügü совсем (не) Дрв$_2$
üküš много
üküš 3,*6*; 45,*9*
üqušča 48,*14*

z

zezel (?) 41,*10*

Türk Dilleri Kütüphanesi

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Названия изданий и учреждений

ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
ВТДРС – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. М., 1992.
ВЯ – Вопросы языкознания. Москва.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
НАА – Народы Азии и Африки. Москва.
ППВ – Письменные памятники Востока. Москва.
СА – Советская археология. Москва.
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. I–VI. М., 1984–2006.
СТ – Советская тюркология. Баку.
ТСб – Тюркологический сборник. Москва.
Уч.зап. ТувНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл.
Уч.зап. ХакНИИЯЛИ – Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. I–VI. М., 1974–2003.

AO – Acta-Orientalia. Copenhague.
CAJ – Central Asiatic Journal. Wiesbaden.
JSFOu – Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors; Helsinki.
MSFOu – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne". Helsingfors;Helsinki.
SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
Turcica – Turcica. Revue d'Études Turques. Paris; Strasbourg.
UAJb – Ural-Altaische Jahrbücher. Wiessbaden.

Названия языков и диалектов

азерб.	– азербайджанский	диал.	– диалект, диалектное
алт.	– алтайский		
башк.	– башкирский	инд.	– индийский
гаг.	– гагаузский	казах.	– казахский
др.-кит.	– древнекитайский	караим.	– караимский
др.-тюрк.	– древнетюркский	кара-калп.	– каракалпакский

Türk Dilleri Kütüphanesi

карач.-балк.	– карачаево-балкарский	тоф.	– тофаларский
кирг.	– киргизский	тув.	– тувинский
крым.-тат.	– крымско-татарский	тур.	– турецкий
кум.	– кумыкский	туркм.	– туркменский
монг.	– монгольский	тюрк.	– тюркский
ног.	– ногайский	узб.	– узбекский
общетюрк.	– общетюркский	уйг	– уйгурский
орх.-ен.	– орхоно-енисейский	халадж.	– халаджский
рус.	– русский	хак.	– хакасский
сарыг-юг.	– сарыгюгурский	чув.	– чувашский
слав.	– славянский	чул.	– чулымский
тиб.	– тибетский	шор.	– шорский
		якут.	– якутский

Türk Dilleri Kütüphanesi

ЛИТЕРАТУРА

Аманжолов 1973 – *Аманжолов А.С.* Интерпретация некоторых рунических знаков // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1973. Вып.16.

Аманжолов 1974 – *Аманжолов А.С.* К истории тюркского рунического алфавита // "Қазақ тілі мен әдебиеті". 5-шығуы. Алматы, 1974.

Аманж(олов) 2003 – *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003.

Арагачи 1961 – *Арагачи З.Б.* Памятник с Элегеста // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. 9.

Арагачи 1963 – *Арагачи З.Б.* Новые эпиграфические находки в Туве // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып. 10.

Аранчын 1996 – *Аранчын Ю.Л.* К истории открытия и изучения памятников орхоно-енисейской древнетюркской письменности // Уч.зап.Тув.НИИЯЛИ. Сер. историческая. Вып.XVIII. Кызыл, 1996.

"Атлас" Васильева – см. Вас.КЕР.

Батманов 1959 – *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

Батманов 1959 – *Батманов И.А.* О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып.10.

Батманов–Арагачи–Бабушкин 1962 – *Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф.* Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962.

Батм.–Кунаа ПДПТ I-III — *Батманов И.А., Кунаа А.Ч.* Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып.I. Кызыл, 1963; Вып.II. Кызыл, 1963; Вып. III. Кызыл, 1965.

Батманов, Кунаа 1964 – *Батманов И.А., Кунаа А.Ч.* Памятник из Ийме // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4-х т. М., 2001–2002.

Баттулга 2005 – *Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргуун дэвтэр [Малые рунические надписи Монголии. Первая книга]. Улаанбаатар, 2005.

Бернштам 1946 – *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков. Восточнотюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946.

Болд 1990 – *Болд Л.* БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс (Турэг бичгийн дурсгал) [Камнеписные памятники на территории МНР (Тюркские надписи)]. I. Улаанбаатар, 1990.

Болд 2006 – *Болд Л.* Орхон бичгийн дурсгал [Орхонские письменные памятники]. II. Улаанбаатар, 2006.

Türk Dil Kurumu Kütüphanesi

Бутанаев 1973 – *Бутанаев В.Д.* Надписи на камнях Хакасии и Сибира (VI памятник енисейской письменности с Уйбата) // Уч.зап. ХакНИИЯЛИ. Сер. филологическая. №2. Вып. XVIII. 1973.

Вайнштейн 1963 – *Вайнштейн С.И.* Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып.10.

Васильев 1976 – *Васильев Д.Д.* Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // СТ. 1976. №1.

Васильев 1976а – *Васильев Д.Д.* Тюркская руничесая надпись из окрестностей Баян-Кола (Тува) // СТ. 1976. №3.

Васильев 1977 – *Васильев Д.Д.* Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея // СТ. 1977. №2.

Васильев 1978 – *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // ТСб. 1975. М., 1978.

Васильев–Насилов 1980 – *Васильев Д.Д., Насилов Д.М.* К прочтению Абаканского памятника // Средневековый Восток: история, культура, источниковедение. М.,1980.

Васильев 1981 – *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II // ТСб. 1977. М., 1981.

Васильев 1986 – *Васильев Д.Д.* Неопубликованная руническая надпись с горы Тепсей // Эпиграфика Востока. XXII. Л., 1984.

Васильев–Кляшторный 1973 – *Васильев. Д.Д., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись Йыр-Сайыр // СТ. 1973. №2.

Васильев–Семенов 1986 – *Васильев Д.Д., Семенов В.А.* // Историко-культурные контакты...Тезисы докладов XXIX сессии PIAC. М., 1986.

Васильев–Чадамба 1981 – *Васильев Д.Д., Чадамба З.Б.* Древнетюркские эпиграфические памятники из долины р. Уюк // ТСб. 1977. М., 1981.

Вас.КЕР – *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.,1983.

Верб. – *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

Воробьева-Десятовская 1992 – *Воробьева-Десятовская М.И.* Индийцы на территории Восточного Туркестана на рубеже новой эры. Государство Крорайна // ВТДРС.

Грач–Савинов–Длужневская – *Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы. М., 1998.

"Диван" Кашгари – см. МК.

Д–К I–III – см. МК.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.,1969.

Дьяконова 1975 – *Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.,1975.

Зуев 1958 – Зуев Ю.А. Кыргызская надпись из Суджи // СВ. №2. 1958.

Иванов С. 1990 – *Юсуф Баласагуни.* Благодатное знание. Л., 1990.

Исхаков–Пальмбах 1961 – *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

Кара-оол 2007 – *Кара-оол Л.С.* Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл, 2006.

Türk Dilleri Kütüphanesi

КБ ("Кутадгу билиг") – "Кутадгу билиг" ('Благодатное знание'), XI в., памятник караханидско-уйгурского литературного языка, по изд.: *Arat R.R.* Kutadgu bilig. I. Metin; III. Indeks. Istanbul, 1979.

КЕР – см. Вас.Кер

Киселев 1939 – *Киселев С.В.* Неизданные надписи енисейских кыргызов // ВДИ. Т.3. №8.

Киселев 1951 – *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.,1951.

Кляшторный 1959 – *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // ПВ. №5. 1959.

Кляшторный 1973_1 – *Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика Южной Сибири // СТ. 1976. №1.

Кляшторный 1973_2 – *Кляшторный С.Г.* Рунические надписи саянского каньона Енисея // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. 1973. Вып. XVI.

Кляшторный 1976 – *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников // Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976.

Кляшторный – Султанов 2000 – *Кляшторный С.Г. , Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Кляшторный 2003 – *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кононов – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.,1980.

Кононов 1965 – *Кононов А.Н.* Опыт реконструкции тюркского деепричастия на *-(°)р...* // ВЯ. 1965. № 5.

Кормушин 1981 – *Кормушин И.В.* Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I // ТСб. 1977. М., 1981.

Кормушин 1984– *Кормушин И.В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.

Кормушин 1986 – *Кормушин И.В.* Текстологические разыскания в области енисейской руники. (К вопросу о женских поминальных надписях) // Turcologica. К 80-летию акад. А.Н.Кононова. М., 1986.

Кормушин 2000_1 – *Кормушин И.В.* О наскальных рунических надписях из Западной Тувы (Е-153, Е-154) // Становление и развитие науки в Туве. I часть. (Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности 12-14 сентября 2000 г.). Кызыл, 2000.

Кормушин 2000_2 – *Кормушин И.В.* Проблемы тюркской енисейской текстологии // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. IV. Абакан, 2000.

Кормушин 2001 – *Кормушин И.В.* Некоторые особенности древнетюркских рунических памятников из Уюкско-Туранской долины в Северной Туве // II Международный коллоквиум по древнетюркским руническим памятникам и письму. Стамбул, 23-30 апреля 2000 г. Ankara, 2001 (на тур. яз.).

Кормушин 2001 – *Кормушин И.В.* Следы и элементы литературы в енисейских надписях // Хакасский гос. университет им. Н.Ф.Катанова. Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. V. Абакан, 2001.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Кормушин 2002 – *Кормушин И.В.* О значении енисейских рунических надписей // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности. Абакан, 2002.

Кормушин 2003_1 – *Кормушин И.В.* Об одной поправке в тексте рунической надписи с Алтын-Кёля, Хакасия (Е-29) // Вопросы тюркской филологии. М., 2003. Вып. V.

Кормушин 2003_2 – *Кормушин И.В.* Проблемы текстологии рунических памятников Южной Сибири // Известия Академии наук. Сер. литературы и языка. 2003. Т. 62. №2.

Кормушин 2004 – *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан, 2004.

Кормушин 2005_1 — *Кормушин И.В.* О некоторых родственных терминах в енисейских памятниках / On some kinship terms in Yenissean inscriptions // Permanent International Altaistics Conference, 48th Meeting, Moscow, July 10-15, 2005. Abstracts. M., 2005.

Кормушин 2005_2 — *Кормушин И.В.* К прочтению надписи из местечка Шар-булаг в сомоне Дарв Ховдоского аймака (Северо-Западная Монголия) // Тюркологический сборник 2003-2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

Кормушин 2006 – *Кормушин И.В.* К дешифровке древней надписи из Дарв-сумона Ховдского аймака Монголии // Доклады Российской делегации на IX Международном конгрессе монголоведов. М., 2006.

Кормушин 2006_1 – *Кормушин И.В.* «Сожаление о смерти» в енисейских эпитафиях // Вопросы тюркской филологии. М., 2006. Вып.VI. Материалы Дмитриевских чтений.

Кормушин 2006_2 – *Кормушин И.В.* Кого и что имел в виду Тоньюкук в притче о тощих и жирных быках? // Востоковедение. 27. Филологические исследования. СПб., 2006.

Корм.ТЕЭ-I // Корм.ТЕЭ 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

Корм.ТЕЭ-II – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М., 2008.

Кызласов 1960 – *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейских письменности // СА. 1960. №3.

Кызласов 1965 – *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейских письменности // СА. 1965. №3.

Кызласов 1965а – *Кызласов Л.Р.* Новый памятник енисейской письменности // СЭ. 1960. №2.

Кызласов И. 1977 – *Кызласов И.Л.* Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува) // СТ. 1977. №2.

Кызласов И. 1979 – *Кызласов И.Л.* Тугутюпская стела с древнехакасской эпитафией // СТ. 1979. №2.

Кызласов И. 1985 – *Кызласов И.Л.* Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун Оба // СТ. 1985. №1.

Кызласов И. 1990 – *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990.

Кызласов И. 1993 – *Кызласов И.Л.* Эпитафия из Саргал-Аксы (Тува) // СА. 1993. №3.

Кызласов И. 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кызласов И. 2003 – *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. М., 2003.

Кызласовы 1976 – *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия) // СТ. 1976. №1.

Türk Dilleri Kütüphanesi

Лившиц 1978 – *Лившиц В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности. СТ. 1978. №4.

Малов 1926 – *Малов С.Е.* Образцы древнетурецкой письменности. Ташкент, 1926.

Малов 1936 – *Малов С.Е.* Новые памятники с турецкими рунами // Язык и мышление. VI–VII. Л., 1936.

Малов 1954 – *Малов С.Е.* Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.; Л.,1954.

Мал.ЕПТ – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.

Мал.ПДП – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Мал.ПМК – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Маннай-оол 1963 – *Маннай-оол М.Х.* Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып.10.

МЕПТ – см. Мал.ЕПТ

МК – Махмуд ал-Кашгари. "Дивану лугат ит-турк" ('Собрание тюркских слов'), XI в., памятник караханидско-уйгурского литературного языка, по факсимиле рукописи (см. DLT), по различным изданиям, в особенности: *Dankoff R., Kelly J.* Compendium of the turkic dialects. I –III. Harward, 1982–1985 (сокращенно: Д–К I–III), а также по: ДТС, EDT.

МПДП – см. Мал.ПДП

МПМК – см. Мал.ПМК

Насилов 1963 – *Насилов Д.М.* О некоторых памятниках Минусинского музея // НАА. 1963. №6.

Насилов 1974 – *Насилов Д.М.* Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // ППВ. 1971. М., 1974.

Насилов 1989 – *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л., 1989.

ОйрРСл – Ойротско-русский словарь. М., 1947.

ПДПТ I–III – см. Батм.–Кунаа ПДПТ I-III.

Пек. – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. I–III. [Б.м.], 1907–1930; 1959.

Рассадин 1971 – *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

РАтлас – *Radloff W.* Atlas der Alterthümer der Mongolei / Herausgegeben von Dr. W.Radloff. (Arbeiten der Orchon-Expedition). СПб., 1892–1899. Вып. I–IV.

РСл I-IV – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893–1911. Т. I–IV.

Самбу 1994 – *Самбу И.С.* Свод археологических памятников Республики Тыва. Кызыл, 1994.

Самойлович 2005 – *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.

Севортян 1966 – *Севортян Э.В.*Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.,1966.

СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.

Субракова, Батманов 1970 – *Субракова О.В., Батманов И.А.* Древние письмена Хакасии. Абакан, 1970. Вып.1.

Тарасенко 1996 – *Тарасенко Р.Ф.* К прочтению надписей на памятнике Алтын-Кель 1 (Е-28) // Н.А.Баскакову – 90 лет. М., 1996.

ТЕЭ-I, ТЕЭ-II – см. Корм.ТЕЭ-I, II

Türk Dilleri Kütüphanesi
ТувРСл – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р.Тенишева. М., 1968.

Тугушева 1991 – *Тугушева Л.Ю.* Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана. М., 1991.

Тугушева 1991 – *Тугушева Л.Ю.* Об интерпретации некоторых данных орхонских рунических текстов // Researches in Asian Languages. Annals of Foreign Studies. Vol. XXX. Kobe, 1994

Тугушева 2001 – *Тугушева Л.Ю.* Раннесредневековый тюркский литературный язык. СПб., 2001.

Угдыжеков 2003 – *Угдыжеков С.А.* Социальная структура раннесредневековых кыргызов. Абакан, 2003.

ФАтлас – Inscriptions de l'Iénisséi. Recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors, 1889.

ХакРСл – *Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И.* Хакасско-русский словарь. М., 1953.

Чиспияков 1992 – *Чиспияков Э.Ф.* Учебник шорского языка. Кемерово, 1992.

Шервашидзе 1986 – *Шервашидзе И.Н.* Формы глагола в языке тюркских рунических памятников. Тбилиси, 1986.

Щербак 1961 – *Щербак А.М.* Новая руническая надпись на камне // Ученые записки Тувинского НИИ ЯЛИ. 1961. Вып. 17.

Щербак 1964 – *Щербак А.М.* Памятники рунического письма енисейских тюрок // Народы Азии и Африки. 1964. №4.

Щербак 1977 – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977.

Щербак, 1981 — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). Л., 1981.

Щербак, 1987 — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л., 1987.

Щербак, 2001 — *Щербак А.М.* Тюркская руника. СПб., 2001.

"Ырк битиг" (ЫБ) – "Irq Bitig" ('Книга гаданий'), памятник древнеуйгурского литературного языка руническим письмом на бумаге из Восточного Туркестана, X в.; по изд.: [Thomsen 1912; Tekin 1993].

ЭСТЯ I–VII – *Севортян Э.В., Левитская Л.С.* и др. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974–2003.

Юд.КиргРСл – *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М.,1965.

Aalto – Granö 1991 – *Aalto P.* Old Turkic epigraphic materials // JSFOu. 1991. T. 83.

Açıkgöz 1998 – *Açıkgöz H.* // Türk Dili Araştırmaları. İstanbul, 1998. №112.

AIM – см. Radl.AIM

Bazin 1957 – *Bazin L.* L'inscription runique d'Uyug-Tarliq (Jénisséi) // AO. 1957. V. 22.

Bazin 1976 – *Bazin L.* Eine Inschrift vom Oberen Jenissei als Quelle zur Geschichte Zentralasiens // Materialia Turcica. Bd 2. Bochum, 1976.

Bazin 1991 – *Bazin L.* Les Systemes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest; Paris, 1991 (Bibliotheca Orientalia Hungarica. T. 34).

Brockelmann 1952 – *Brockelmann C.* Zu den alttürkischen Inschriften aus dem Jenisseigebiet // UAJb. 1952. Bd 24. H.1-2.

Cl.EDT – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteen Century Turkish. Oxford, 1972.

DLT – Divan Lugati't-Turk (факсимиле рукописи – см. MK)

EDT – см. Cl.EDT

ETY – см. Orkun ETY I–IV.

Erdal 2002 – *Erdal M.* Anmerkungen zu den Jenissei-Inschriften // Splitter aus der Gegend von Turfan. Istanbul; Berlin, 2002.

Gabain 1950 – *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. Lepzig, 1950.

Gabain 1953 – *Gabain A. von.* Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Anthropos. 1953. Bd 48.

Hamilton 1975 – *Hamilton J.R.* Les ouïghours a l'époque des cinq dinasties d'après les documents chinois. Paris, 1955.

Hamilton–Bazin 1975 – *Hamilton J.* et *Bazin L.* Un manuscrit chinois et turc runiforme de Touen-Houang // Turcica. 1975. T. VII.

"Irq Bitig" (İB) – см. "Ырк битиг" (ЫБ)

Kormushin 2006 – Some Relationship Terms in the Yenisey Inscriptions // Kinship in Altaic World / Proceedings of the 48th PIAC. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006.

Le Coq A.v. Köktürkisches aus Turfan // SPAW. 1909.

Or(kun).ETY I–IV – *Orkun H.N.* Eski türk yazrtlarr.(Istanbul. I–IV. 1936–1941), Ankara, 1987.

Radl.AIM – *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Liefer. 1–3. St.Petersburg, 1894–1895.

Radl.AIM NF – *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St.Petersburg, 1897.

Ramstedt 1913 – *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // JSFOu. XXX. 3. 1913.

Sertkaya 1995 – *Sertkaya O.F.* Göktürk Tarihinin meseleleri. Ankara, 1995.

Sertkaya 2001 – *Sertkaya O.F.* Suuci < Sugeci / (Bel) Yazıtı ne zaman yazıldı? // Kırgız Tarihi ve Kültürünün Araştırılması Uluslar Arası Bilimsel Konferans. 27-28 Ağustos 2001, Bişkek, Kırgızistan. İstanbul, İstanbul Üniversitesi, 2001.

Ščerbak 1964 – *Ščerbak A.* L'inscription runique d'Oust'-Elégueste (Touva) // UAJb. 1964. Vol. 35. Fasc. B. S.145–149.

Tekin 1964 – *Tekin T.* On a Misinterpreted word in the Old Turkic Inscriptions // UAJb. 1964. Vol. 35. Fasc. B.

Tekin 1988 – *Tekin T.* Orhon yazıtları. Ankara, 1988.

Tekin 1993 – *Tekin T.* Irk Bitig. The Book of Omens // Turcologica-LJ. 1993. Bd 18.

Tekin 1994 – *Tekin T.* Tunyukuk yazıtı. Ankara, 1994.

Tekin 1995 – *Tekin T.* Elegest (Körtle Han) Yazıtı // Türk Dilleri Araştırmaları. 1995. T. 5.

Tekin 2000 – *Tekin T.* Orhon Türkçesi Grameri. Ankara, 2000.

Thomsen 1910 – *Thomsen V.* Ein Blatt in türkischer Runenschrift aus Turfan // SPAW. 1910

Thomsen 1912 – *Thomsen V.* Dr. M.A.Stein's manuscript in turkish "runic" script from Miran and Tun-Huang // JRAS. 1912.

Thomsen 1918 – *Thomsen V.* Turcica. Étude concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie // MSFOu. 1918.

Tuna 1966 – *Tuna O.N.* On the phonetic values of the symbols Ϊ, ⊗, ⊄ used in some of the texts in Kök-Turkish script // CAJ. 1966. Vol.XI. No 4.

Türk Dilleri Kütüphanesi

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. 3
Ч а с т ь I. Коррекции текстов ряда енисейских памятников..... 9
Надписи из Хакасии 9
Е-26 (Очуры)..... 9
Е-33 (Уйбат IV, *или:* Узун-Оба I)..... 21
Е-34 (Уйбат V, *или:* Кара-курган)..... 23
Е-134 (Усть-Сос) 26
Надписи из Тувы 29
Е-4 (Оттук-Даш I)..... 29
Е-64 (Оттук-Даш II) 30
Е-13 (Чаа-Холь I)..... 31
Е-16 (Чаа-Холь IV)..... 34
Е-18 (Чаа-Холь VI)..... 37
Е-41 (ХемчикЧиргак)..... 41
Е-60 (СаргалАксы) 58
Е-69 (ЧерЧарык)..... 60
Е-73 (Ийме)..... 63
Е-108(Уюк-Оорзак I)..... 66
Наскальные рунические надписи из Западной Тувы 69
Е-153 (Алаш I) 69
Е-154 (Алаш II)..... 72
Надписи из Монголии 75
Надпись из Суджи (С)..... 75
Надпись из Дарвь-сумона (Дрв)..... 82

Ч а с т ь II. Тексты енисейских памятников 89
Е-1 (Уюк-Тарлак, Тува) 90
Е-2 (Уюк-Аржан, Тува)..... 91
Е-3 (Уюк-Туран, Тува)..... 92
Е-4* (Оттук-Даш I, Тува)..... 94
Е-5 (Барык I, Тува)..... 95
Е-6 (Барык II, Тува)..... 96
Е-7 (Барык III, Тува) 98
Е-8 (Барык IV, Тува) 99
Е-10 (Элегест I, Тува) 100
Е-11 (Бегре, Тува)..... 102
Е-12 (Алдыы-Бель, Тува)..... 105

E-13* (Чаа-Холь I, Тува)....105
E-14 (Чаа-Холь II, Тува)....106
E-16* (Чаа-Холь IV, Тува)....108
E-17 (Чаа-Холь V, Тува)....108
E-18* (Чаа-Холь VI, Тува)....110
E-19 (Чаа-Холь VII, Тува)....110
E-20 (Чаа-Холь VIII, Тува)....111
E-21 (Чаа-Холь IX, Тува)....112
E-22 (Чаа-Холь X, Тува)....112
E-23 (Чаа-Холь XI, Тува)....113
E-25 (Означенное I, Хакасия)....114
E-26* (Очуры, Хакасия)....115
E-27 (Оя, Хакасия)....116
E-28 (Алтын-Кёль I, Хакасия)....117
E-29 (Алтын-Кёль II, Хакасия)....120
E-30 (Уйбат I, Хакасия)....122
E-31 (Уйбат II, Хакасия)....123
E-32 (Уйбат III, Хакасия)....124
E-33* (Уйбат IV, Хакасия)....127
E-34* (Уйбат V, Хакасия)....127
E-37 (Тесь, или Туба III, Хакасия)....127
E-40 (Ташеба, Хакасия)....128
E-41* (Хемчик-Чиргак, Тува)....129
E-42 (Бай-Булун I, Тува)....130
E-43 (Кызыл-Чираа I, Тува)....132
E-44 (Кызыл-Чираа II, Тува)....133
E-45 (Кёжээлиг-Хову, Тува)....134
E-46 (Телээ, Тува)....136
E-48 (Абакан, Хакасия)....138
E-49 (Бай-Булун II, Тува)....140
E-50 (Тува)....141
E-51 (Тува)....143
E-52 (Элегест II, Тува)....144
E-53 (Элегест III, Тува)....144
E-54 (Оттук-Даш III, Тува)....145
E-55 (Тува)....146
E-59 (Хербис-Баары, Тува)....146
E-60* (Саргал-Аксы, Тува)....148
E-61 (Шаньчи I, Тува)....149
E-64* (Элегест II, Тува)....149
E-65 (Кара-Булун I, Тува)....150
E-65/pl....150
E-66 (Кара-Булун II, Тува)....151
E-68 (Эль-Бажы, Тува)....152
E-69* (Чер-Чарык, Тува)....154
E-70 (Элегест IV или Ир-Холь, Тува)....154
E-73* (Ийме, Тува)....155

Türk Dilleri Kütüphanesi
Е-92 (Демир-Суг, Тува) 156
Е-96 (Хемчик-Бом, Тува) 156
Е-98 (Уйбат VI, Хакасия) 157
Е-100 (Баян-Кол, Тува) 158
Е-104 (Означенное II, Хакасия) 159
Е-108* (Уюк-Оорзак I, Тува) 160
Е-109 (Уюк-Оорзак II, Тува) 161
Е-110 (Уюк-Оорзак III, Тува) 162
Е-120 (Тугутюп, Хакасия) 162
Е-134 (Усть-Сос, Хакасия) 163
Е-147 (Ээрбек I, Тува) 164
Е-149 (Ээрбек II, Тува) 165
Е-152 (Шаньчи II, Тува) 166
Е-153* (Алаш I, Тува) 167
Е-154* (Алаш II, Тува) 167
С* (Суджи, Монголия) 168
Дрв* (Дарвь, Монголия) 168

Ч а с т ь III. Основные черты грамматики языка енисейских памятников (в сравнении с орхонскими) 172
Фонетика 172
Гласные 173
Согласные 175
Сингармонизм 176
Морфология 182
Имя существительное 182
Категория числа 182
Категория принадлежности 183
Категория падежа 184
Формы и значения падежей 185
Глагол 192
Структура морфологических категорий тюркского глагола 192
Полифункциональность и специализация семантико-синтаксических функций глагольных форм 194
Об истоках полифункционализма глагола 197
Семантико-грамматические различия функциональных форм глагола 199
К сложению временной системы глагола 202
Система личного спряжения глагола 207
Категория наклонения 210
Изъявительное наклонение 210
Категория времени изъявительного наклонения 210
Простые (не составные) формы времени 210

Türk Dilleri Kütüphanesi

Аналитические (сложносоставные) формы времени 217
К происхождению косвенных наклонений 218
Повелительно-желательное наклонение 218
Условная форма на *-sar/-sär* 219
Сослагательное наклонение 221
Вторичные глагольные формы 222
Определительные глагольные формы (причастия)226
Глагольные имена действия 228
Деепричастия 231
Аналитические формы глагола 233
Категория способа действия 234
Категория возможности/невозможности 235
Прилагательное 236
Наречие 237

Часть IV. Исследование текстовой структуры енисейских эпитафий 239
Деплоративные текстемы 245
"сообщение о смерти" 246
"сожаление о смерти" 250
Текстемы адресации 258
«супруги, жены» 258
«сыновья» 266
«правитель – государство» 268
«отец – мать – дед» 275
«братья» 277
«супруги, жены» 278
«солнце – луна» 279
«земля – вода» 279
«обозначения групп родственников» 279
«невестки, женская родня» 281
«народ» 284
«мужи-воины» 285
«(другие) фигуранты~персонажи» 286
«имущество, скот, предметы » 287
Репрезентативные текстемы 288
Способы и формулы именования 290
Титулатура 297
Повествовательные текстемы 307
"убить врага на войне" 307
"взять в плен врага, захватить добычу" 308
"охота" 310

Türk Dilleri Kütüphanesi
Этнонимика.....310
Топонимика 312
Завещательные текстемы 313

Словарь.....314
Список сокращений 329
Литература 331
Содержание.....338

Türk Dilleri Kütüphanesi

Научное издание

Кормушин Игорь Валентинович

ТЮРКСКИЕ ЕНИСЕЙСКИЕ ЭПИТАФИИ

Грамматика. Текстология

Утверждено к печати
Ученым советом
Института языкознания
Российской академии наук

Оригинал-макет подготовлен автором

Заведующая редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *А.В. Бездидько*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Türk Dilleri Kütüphanesi

Подписано к печати 18.12.2008
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,5. Усл.кр.-отт. 30,0. Уч.-изд.л. 26,8
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 20

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Türk Dilleri Kütüphanesi

Türk Dilleri Kütüphanesi

КОРМУШИН Игорь Валентинович родился в 1939 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета в 1962 г. по специальности «Тюркская филология», аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН). В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию по алтаистике (сравнение тюркских языков с монгольскими и тунгусо-манчьжурскими). С 1976 г. работает в Институте языкознания РАН, Москва. В 1991 г. защитил докторскую диссертацию. В последние 20 лет основной интерес — древнетюркские рунические памятники Сибири и Монголии. Выпустил 5 книг, а также участвовал в написании 10 коллективных монографий. Автор свыше 150 научных публикаций.

ISBN 978-5-02-036260-4

НАУКА